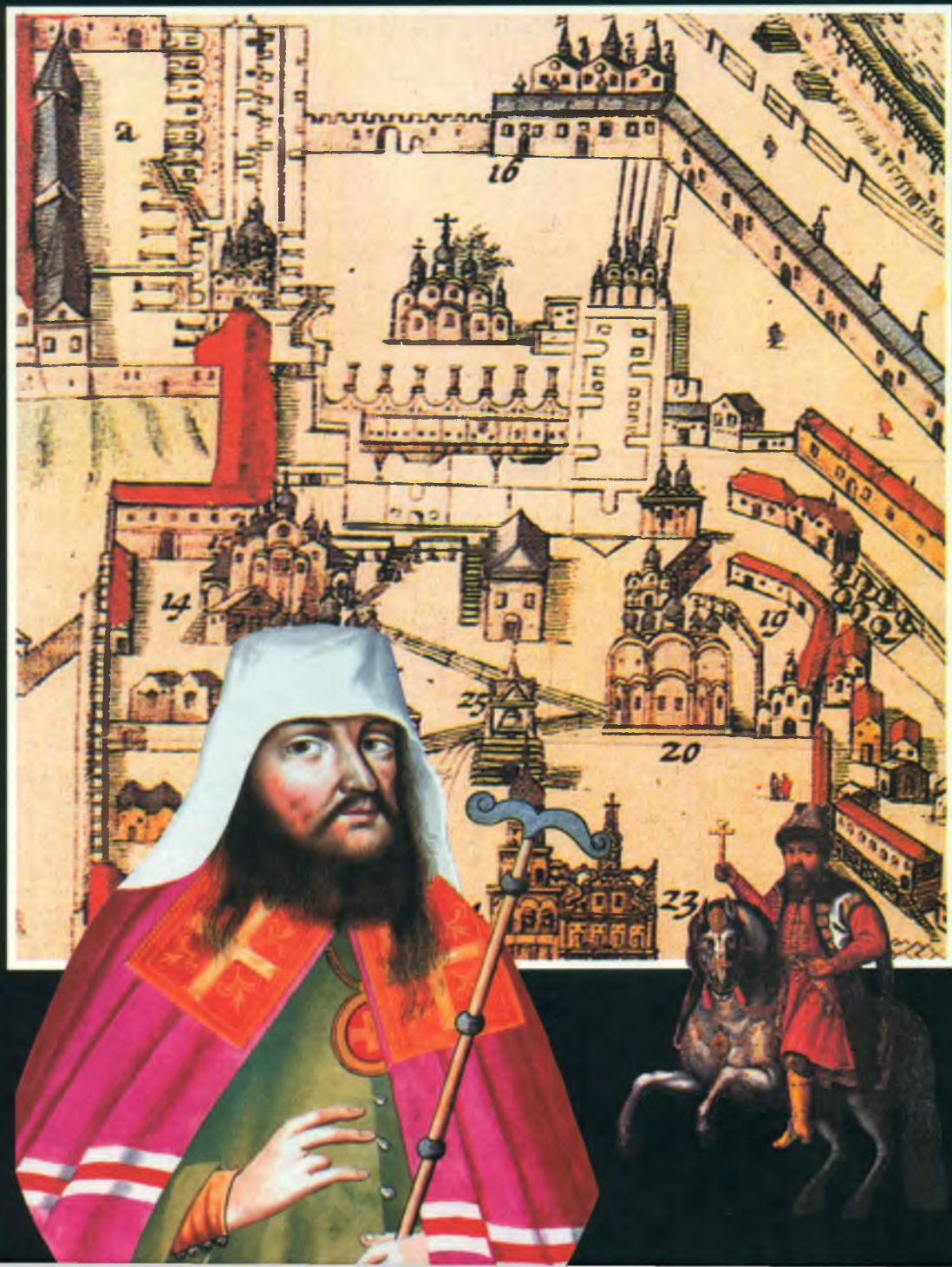

С. В. ЛОБАЧЕВ

ПАТРИАРХ НИКОН

С. В. ЛОБАЧЕВ

ПАТРИАРХ НИКОН

Санкт-Петербург
«Искусство—СПб»
2003

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43
Л68

Исследование выполнено при поддержке Института «Открытое общество», грант RSS 908/1999.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 02-01-16-176 д

Рецензенты — доктор исторических наук *С. А. Козлов*, доктор исторических наук *А. П. Павлов*

Художник *А. И. Бородин*

ISBN 5-210-01561-0

© Издательство «Искусство—СПБ», 2003 г.
© С. В. Лобачев. Текст, 2003 г.
© А. И. Бородин. Оформление, 2003 г.

Предисловие

Эта книга была написана благодаря удачному стечению обстоятельств. Замысел ее появился еще восемь лет назад, когда я приступал к работе над диссертацией о взаимоотношениях государства и церкви в России в середине XVII в. Исследование требовало кропотливых архивных поисков, которые в современных условиях даже у самых рьяных энтузиастов могут напрочь отбить всякую охоту заниматься наукой. Потратив немало времени и сил, я все же выдал конечный продукт, способный удовлетворить экспертов ВАКа, но абсолютно неприемлемый для широкой читательской аудитории. Чтобы превратить куколку в бабочку, нужно было расширить проблематику и хронологические рамки исследования, привлечь массу новой литературы и новых источников, в том числе иностранных, многие из которых никогда не переводились на русский язык. Все это требовало уже не только времени, но и значительных средств, связанных с поездками в различные архивы, копированием старинных документов и сопутствующими расходами. Словом, для достижения конечной цели мне были нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги.

Именно в этот решающий момент я получил важную финансовую поддержку Института «Открытое общество» которая, наконец, позволила поставить точку в затянувшемся «деле патриарха Никона». Я чрезвычайно признателен этой организации, которая, на мой взгляд, делает важную и нужную работу. Кроме того, к осуществлению моего проекта прямо или косвенно были причастны многие мои друзья, коллеги и сослуживцы. Считаю своим долгом высказать им слова признательности. Во-первых, я хочу поблагодарить моего учителя, профессора Р. Г. Скрынникова, который не только разглядел во мне способности к историческим исследованиям, но и направил их в нужное русло, продвижение по которому в конечном счете принесло свои плоды. Я также хочу выразить признательность моим британским коллегам — профессору Абердинского университета Полу Дьюксу и профессору Лондонского университета Линдси Хьюз, благодаря которым мои исследования получили международное признание. Большую помощь оказали мне советы и поддержка профессора С. А. Козлова, профессора В. К. Зиборова, старших научных сотрудников Института истории РАН А. П. Павлова и З. В. Дмитриевой.

Не могу не сказать несколько теплых слов в адрес коллег-филологов, с чьей помощью мне удалось обогатить источниковую базу моего исследования. Н. А. Бондарко и Г. В. Селезнев помогли мне разобрать немецкую скоропись XVII в. и перевели на русский язык несколько важных немецких документов. И. М. Михайлова перевела голландские тексты, в том числе расширенную редакцию Лейденской брошюры. При работе с латинскими источниками неоценимую услугу оказала мне Ю. В. Гидулянова, а Лайла Нордквист помогла прочитать шведские манускрипты. Сотрудники Государственного архива Швеции, отдела редкой книги Российской Национальной

библиотеки и отдела редкой книги Библиотеки Академии наук обеспечили мне доступ к уникальным архивным материалам и старопечатным изданиям. Во время работы над монографией я всегда чувствовал поддержку моих друзей, с которыми долгое время работал в журнале «Санкт-Петербургский университет». Среди них в первую очередь хочу упомянуть Н. Н. Кузнецову, С. В. и В. Л. Стремилых и С. А. Ломакину. Наконец, считаю своим долгом поблагодарить фирму *Сотраq*, которая выпускает лучшие в мире компьютеры. За полтора года напряженной работы мой весьма подержанный лаптоп LTE Lite 4/33С не дал ни одного сбоя.

Однако самую главную поддержку оказала мне моя семья, без которой этот труд потерял бы всякий смысл. Моей очаровательной жене Оле и моей красавице-дочери Юле я посвящаю свое первое большое историческое исследование.

Хронология событий

1598—1605	царствование Бориса Годунова
1605—1606	царствование Лжедмитрия I
1605, 24 мая	крещение Никиты Минова, будущего патриарха Никона
1606—1610	царствование Василия Шуйского
1613	избрание на царство Михаила Романова
1617	Столбовский мир со Швецией
1618	Деулинское перемирие с Речью Посполитой
1619	избрание на патриаршество Филарета Романова
ок. 1626	принятие священнического сана и женитьба Никиты Минова
ок. 1629	приход Никиты Минова в Макарьев Желтоводский монастырь
1632—1634	Смоленская война
1633	смерть патриарха Филарета
1636	переезд Никиты Минова в Москву и его уход в Анзерский скит, пострижение Никиты под именем Никона
1639	бегство Никона из Анзерского скита, поселение в Кожеозерском монастыре
1642	поставление Никона в игумены Кожеозерского монастыря
1645, 12 июля	смерть царя Михаила Федоровича, воцарение Алексея Михайловича
1646	поставление Никона в архимандриты Новоспасского монастыря
1648, июнь	восстание в Москве
1649, январь	принятие Соборного Уложения
1649, 15 марта	поставление Никона Новгородским митрополитом
1650, март — май	восстание в Новгороде
1651, март — июль	поход Никона в Соловецкий монастырь за мощами св. Филиппа
1652, 25 июля	поставление Никона на патриаршество
1653	основание Иверского монастыря
1653, 1 октября	решение Земского собора о присоединении Украины к России
1654, январь	Переяславская Рада, присоединение Левобережной Украины к России

1654, февраль	начало церковной реформы Никона
1654, май	начало русско-польской войны
1654, июль — октябрь	чума в Москве
1654, июль — 1655, февраль	поход патриарха Никона в Троице-Сергиев и Калязин монастыри
1656, май	начало русско-шведской войны
1656, июнь	основание Крестного монастыря
1656, сентябрь — 1657, январь	поход патриарха Никона в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь
1656, октябрь	основание Воскресенского Истринского монастыря, иначе именуемого Новый Иерусалим
1658, 10 июля	оставление Никоном патриаршества
1658	Валиесарское перемирие со Швецией
1659, сентябрь — 1660, декабрь	поездка Никона в Крестный монастырь
1660, февраль	первый церковный собор по делу патриарха Никона
1661	Кардисский мир со Швецией
1662	«Медный бунт» в Москве
1664, февраль	приезд Никона в Москву
1666, декабрь	второй церковный собор по делу патриарха Никона, суд над Никоном
1666—1676	пребывание Никона в ссылке в Ферапонтовом монастыре
1667	принятие церковным собором изменений обрядов в Русской Православной Церкви и начало раскола
1667	Андрусовский мир с Польшей
1667—1671	восстание Степана Разина
1674—1690	патриаршество Иоакима
1676, 29 января	смерть царя Алексея Михайловича
1676—1682	царствование Федора Алексеевича
1676	перевод Никона в Кирилло-Белозерский монастырь
1677—1678	русско-турецкая война
1681	Бахчисарайский мир с Турцией
1681, 17 августа	возвращение Никона из ссылки и его смерть по пути в Москву в Ярославле
1681, 26 августа	погребение Никона в Воскресенском монастыре

Введение

25 июля 1652 г. при торжественном богослужении в Успенском соборе Московского Кремля в присутствии царя Алексея Михайловича, членов Боярской думы и высшего духовенства патриархом московским был поставлен новгородский митрополит Никон. Новому владыке было сорок семь лет.

Никон происходил из семьи мордовских крестьян, проживавших в небольшом селе Вельдеманово в нижегородских пределах. Еще молодым человеком, приняв священнический сан и связав себя узами брака, будущий патриарх покинул отчий дом и переселился сначала в окрестности города Макарьева на Волге, а затем в Москву. Ему была уготована обычная жизнь православного пастыря, каких в XVII в. были тысячи и которые, в большинстве своем, не пользовались уважением прихожан. Однако вскоре Никон порвал со своей супругой и переселился на Соловецкие острова, в Анзерскую пустынь, где постригся в монахи и посвятил себя служению Богу. По иронии судьбы этот уход из мира спустя некоторое время предопределил его неожиданное и быстрое возвышение. Всего десять лет понадобилось простому монаху, чтобы достичь высот церковной иерархии, хотя сам он едва ли стремился к этим высотам.

Шесть лет патриаршества Никона были насыщены событиями. Почти ни одно из них не происходило без личного участия владыки. Опираясь на поддержку молодого царя, Никон сосредоточил в своих руках огромную власть. Никогда прежде и никогда в будущем московский патриарх не имел такого всеобъемлющего влияния, которое распространялось не только на церковные дела, но и на политику государства.

Однако спустя шесть лет, казалось бы, незыблемое могущество Никона рухнуло в одночасье. 10 июля 1658 г. в том же самом Успенском соборе патриарх сбросил с себя святительские ризы и, облачившись в простое монашеское платье, удалился на подворье Воскресенского монастыря, заявив, что слагает с себя сан. Хотя формально Никон сохранял свой статус еще в течение девяти лет, с его влиянием было покончено навсегда.

Никон умер в 1681 г., в возрасте семидесяти шести лет. Его дела и поступки не получили однозначной оценки ни у современников, ни у потомков. Вероятно, это связано с тем, что личность патриарха,

как и его время, полна противоречий. По сути дела, фигура Никона неотделима от его эпохи. Он в равной мере был ее порождением и ее творцом. Патриарх Никон может существовать только в историческом контексте. Он как будто олицетворяет собой весь XVII век с его «бунташным» духом, религиозным шатанием и иноземным соблазном. Эта книга — не просто историческая биография человека. Это исследование о времени, которое стало для Русского государства и Русской церкви настоящей осенью Средневековья¹.

Глава 1

Россия после Смутного времени

О горе, горе, увы, увы, земля вся Руская
пуста от востока и до запада, от севера
и до юга, и не оста места не токмо град,
ни веси...

Псковский летописец

В начале XVII в. Московское государство пережило острейший экономический и политический кризис, поставивший страну на грань национальной катастрофы. Современники называли его Смутным временем. По мнению историков, в России началась гражданская война, которая была вызвана эволюцией форм поместного землевладения в структуре господствующего сословия¹. Экономические и социальные неурядицы были осложнены политической нестабильностью. В 1598 г. пресеклась старая московская династия и на престол был избран боярин Борис Годунов. Это создало прецедент, положивший начало традиции выборности верховной власти в стране, просуществовавшей более полувека. К концу царствования Бориса Годунова кризисные явления стали набирать силу. Положение осложнилось самозванческой интригой беглого монаха Григория Отрепьева, который выдавал себя за сына Ивана Грозного Дмитрия Ивановича. Получив поддержку в южных уездах страны, и особенно у казачества, Лжедмитрий стал продвигаться к столице. Неожиданная смерть Бориса Годунова в 1605 г. помогла осуществлению планов самозванца. Войдя в Москву, Лжедмитрий занял русский престол. Однако его торжество было недолгим. В мае 1606 г., в результате дворцового переворота, он был убит, а трон узурпировал князь Василий Шуйский.

В царствование Шуйского гражданская война достигла своего апогея. Страна фактически раскололась на два противоборствующих лагеря. Раскол в обществе произошел как среди дворянства, так и в боярской среде. Активной движущей силой Смуты стало казачество². Противники Василия Шуйского объединились под знаменем нового самозванца — Лжедмитрия II, ставка которого расположилась в подмо-

сковном селе Тушино. Тушинское правительство, в котором была своя Боярская дума и даже свой патриарх, контролировало огромную территорию страны — от Вологды до Астрахани. Московские власти фактически оказались запертыми в столице. Пользуясь тяжелым положением России, в ее пределы хлынули отряды польских авантюристов, искавших легкой наживы. Страшное разорение чинили казаки. Грабежи и убийства стали обычным явлением. Страна погрузилась в хаос³.

В этой ситуации Василий Шуйский был вынужден обратиться за помощью к шведскому королю, пообещав уступить ему город Корелу с уездом. В 1609 г. шведские отряды под командованием Якоба Делагарди совместно с русскими войсками начали военные действия против тушинцев, в результате которых удалось снять осаду Москвы. Однако этот успех был кратковременным. Военный союз России и Швеции позволил польскому королю Сигизмунду III разорвать перемирие с Московским государством. В Россию двинулось войско гетмана Жолкевского, которому вскоре удалось одержать победу над русско-шведскими отрядами. Делагарди, заключив соглашение с Жолкевским, на время покинул пределы России. В этих условиях популярность московского правительства стала стремительно падать. В 1610 г. царь Василий Шуйский был свергнут с престола. Власть в Москве перешла под контроль боярской комиссии из семи человек, так называемой «семибоярщины», которая заключила договор с Польшей о призвании на русский престол королевича Владислава, сына короля Сигизмунда III. На основании условий договора в столицу вошли польские войска, которые чувствовали себя как хозяева на завоеванной территории. В то же время, в 1611 г., отряды Делагарди захватили Новгород и вынудили новгородские власти подписать со шведами союзный договор. В условиях междоусобицы Делагарди стал добиваться избрания на русский престол шведского принца Карла Филиппа, чья кандидатура впоследствии получила одобрение представителей земского ополчения⁴. Однако всем этим планам не суждено было сбыться.

Недальновидная политика «семибоярщины» и бесчинства польских отрядов вызвали у русских людей патриотический подъем. Московский патриарх Гермоген и архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий Зобнинский рассылали по стране грамоты с призывом объединиться против иноземных завоевателей. Вскоре в Нижнем Новгороде было сформировано дворянское ополчение под предводительством князя Д. М. Пожарского и посадского человека Кузьмы Минина. В 1612 г. ополченцы освободили Москву от польских отрядов, а в январе 1613 г. в столице собрался Земский собор, в котором участвовали бояре, духовенство, дворяне, посадские люди и даже представители крестьян. Главной задачей собора было избрание нового царя. На этот

пост претендовали сразу несколько кандидатов, среди которых были представители боярства, герой Смуты князь Д. М. Пожарский, а также польский королевич Владислав и шведский принц Карл Филипп. Однако исход дела неожиданно решили казаки. Они выдвинули популярную в их среде кандидатуру Михаила Романова и заставили бояр присягнуть новому царю⁵. Ввиду молодости и неопытности избранного государя, бразды правления в первые годы его царствования фактически сосредоточились в руках его ближайшего окружения, среди которого наибольшим влиянием пользовались бояре Салтыковы.

С воцарением Михаила Романова Смутное время не кончилось. Только в 1618—1619 гг. были разгромлены последние «вольные» казачьи отряды. Их грозная сила была надолго подорвана⁶. В 1618 г. закончилась война с Польшей. Россия заключила с Речью Посполитой перемирие сроком на четырнадцать лет, согласно которому полякам отошли Смоленск и северские города. Годом раньше в деревне Столбово при посредничестве английских дипломатов был заключен мир со Швецией, по которому Россия утратила побережье Финского залива и корельские уезды. Однако нужно заметить, что Столбовский мир имел для России и положительные последствия. С 1617 г. Шведское государство переместило направление своей экспансии из России в Западную Европу, и в последующие сто лет оно почти всегда выступало союзником Москвы⁷.

Смута принесла с собой невиданное разорение. Дошедшие до нас количественные источники слишком малочисленны, чтобы можно было достоверно оценить ущерб, нанесенный населению и экономике России. Некоторые историки полагают, что численность населения страны с конца XVI в. до начала 1620-х гг. уменьшилась на 37—40 процентов⁸. Это довольно приблизительные оценки, основанные на косвенных данных. Однако в целом они находят подтверждение у очевидцев Смутного времени, которые в один голос говорят о том, что гражданская война принесла с собой страшное обнищание и запустение земель. Например, Псковский летописец писал: «О горе, горе, увы, увы, земля вся Руская пуста от востока и до запада, от севера и до юга, и не оста места не токмо град, ни веси, но и сущии бежащии в горах и в пустынях, и во островех не укрываша от поганных и злых человек... понеже иде же прежде 1000 или 100 живущих бе, тамо человек в 1000 едва един человек оста, и те в скорбех и налозех и бедах...»⁹ «О, отцы и братие!.. — восклицал другой современник, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын. — От колика нечислимаго множества во всей Росии избиенных православных христиан от язык иноверных и в междоусобии, и колико голодом и мразом, огнем и мечем потреблени быша и прочими нужными смертми помрошя православнии нам

в наказание...»¹⁰. Сходную картину находим и в иностранных источниках. Так, голландский купец Исаак Масса в своем донесении, отправленном в августе 1614 г. из Архангельска, отмечал: «Москва теперь уже не та, что была до разорения. Я не знаю в настоящее время государства, которое было бы в большей опасности. Царь, правда, избран войском и происходит от настоящего потомства прежних царей, т. е. от Ивана Васильевича. Ему около двадцати лет от роду. А что в этом?! Он подобен солнцу, которого часть покрыта мрачными облаками, так что земля московская до сих пор не может от него получить ни теплоты, ни света...»¹¹

А. Я. Дегтярев, изучивший динамику размещения населения в России в XVI—XVII вв., показал, что за время Смуты от 50 до 90 процентов деревень превратилось в пустоши. В первые десятилетия XVII в. из всей массы поселений, существовавших до гражданской войны, было восстановлено только 30—50 процентов. Средний размер оставшихся поселений возрос в два-три раза. Во много раз увеличились расстояния между деревнями. Таким образом, ликвидация последствий разорения происходила не за счет восстановления старых заброшенных сел и деревень, а за счет разрастания существующих. Происходило увеличение дворности поселений без увеличения размеров обрабатываемых угодий. Огромное количество земель оказалось в запустении¹².

Следует отметить, что в различных регионах разорение было неодинаковым. В наибольшей степени пострадали районы к западу и к югу от Москвы. Например, по подсчетам того же А. Я. Дегтярева, в Тульском уезде с середины XVI в. по 1620 г. количество поселений сократилось с 550 до 263. В Замосковном крае с 1592 по 1612—1616 гг. их численность упала с 779 до 343, зато количество пустошей увеличилось с 477 до 754¹³. Примерно такая же картина наблюдалась в северо-западном районе. В Новгородских пятинах за период с 1582 по 1620 г. количество дворов уменьшилось с 18 630 до 7044, а количество населения с 94 967 до 35 379¹⁴. Сильно пострадали заоцкие, украинные, рязанские города, Замосковный край, города «от Литовской украины». Зато район Среднего Поволжья, лишь отчасти охваченный пожаром Смутного времени, практически не пострадал¹⁵. Сюда, скрываясь от насилий и грабежей, стекалось население разоренных территорий. Здесь оказались сосредоточены лучшие силы русского общества. Отсюда началось освоение и возрождение разоренной страны. Вспомним, что именно нижегородское дворянство составило костяк народного ополчения, благодаря которому удалось отстоять национальную независимость России в самый критический период. То, что Нижегородский край избежал разорения, способствовало превращению его в крупный духовный центр. Во время Смуты сюда даже была перевезена московская типо-

графия, которая стала выпускать литературу агитационного характера. В 1620–1630-е гг. именно из нижегородских пределов вышли те люди, которым суждено было сыграть важную роль в духовном возрождении русского общества.

Преодоление последствий Смутного времени растянулось на несколько десятилетий. Новое правительство Романовых долгое время было не в состоянии стабилизировать ситуацию в стране и нередко прибегало к чрезвычайным мерам. Нужно сказать, что система поместного землевладения, кризис которой, собственно, и вызвал Смуту, за годы гражданской войны не претерпела никаких изменений. Эта система предполагала наделение служилого сословия землей на условиях несения воинской службы государству, причем, государство брало на себя обязательство наделять поместьями не только дворянина, но и его потомство. В результате количество служилых землевладельцев постоянно увеличивалось, а их наделы уменьшались из-за дефицита земли, пригодной для обработки и населенной крестьянами. Земля для помещика была практически единственным средством существования. Собирая оброк в своих поместьях, он был обязан по первому требованию государя явиться на службу в полной воинской экипировке. Таким образом, состояние поместного фонда напрямую определяло боеспособность русской армии.

После Смутного времени дворянство оказалось в критической ситуации, несмотря на то, что правительство прилагало немало усилий, чтобы поддержать военно-служилую систему. Поместный фонд находился в бедственном состоянии. Положение усугублялось расхищением поместных земель в вотчины, которым не гнушались крупные земельные собственники. Среди последних было немало монастырей. Грамоты первых лет царствования Михаила Федоровича свидетельствуют, что многие обители добивались от правительства подтверждения старых жалованных грамот, выданных им еще до Смутного времени. Если учесть, что за время гражданской войны многие грамоты были попросту уничтожены, то нетрудно представить, к каким злоупотреблениям приводила подобная практика. В 1615–1617 гг. многие крупные монастыри получили новые податные, торгово-промышленные и судебные льготы¹⁶. Например, в 1615 г. Суздальский Покровский монастырь получил в вотчину село Бережок с деревнями. В том же году Новоспаскому монастырю была пожалована третья доля рыбной ловли на реке Варзуге на Кольском полуострове, а Кирилло-Белозерскому монастырю отдан в вотчину Ненокоцкий посад в Холмогорском уезде с соляными промыслами и рыбными ловлями на реке Неноксе. В 1617 г. Николаевский Корельский монастырь получил право беспошлинной торговли солью в городах Вологде, Устюге, Тотьме и Пянде¹⁷. Перечень можно было бы продолжить.

Следует отметить, что пожалования раздавались, как правило, крупным монастырям, и это несмотря на то, что во времена Смуты их богатство и без того увеличилось за счет многочисленных вкладов. Так, по подсчетам историков, среднегодовые мелкие вклады в Кирилло-Белозерский монастырь с 1600 по 1622 г. возросли со 145 до 382 рублей, средние вклады — со 171 до 227 рублей, а крупные — со 316 до 609 рублей¹⁸. Напротив, небольшие монастыри часто беднели и разорялись. Многие из них просто перестали существовать. По подсчетам Я. Е. Водарского, в XVII в. было ликвидировано 276 обителей, причем 245 из них (это примерно 89%) находилось в Центральном, Озерном, Западном и Северном районах, то есть на территории, которая во время Смуты подверглась наибольшему разорению¹⁹.

Для того, чтобы поддержать служилое сословие, в первые годы царствования Михаила Федоровича правительство нередко прибегало к чрезвычайным мерам. Страна испытывала острую нехватку финансовых средств. В этих условиях в 1614 г. был издан указ «сбирати на ратные люди, кто может от живота своего и промыслу на 100 рублей, с того взять 5-ю долю — 20 рублей, а кто может больше или меньше, с того взять по тому же расчету, а по самой меньшей мере, кто может 10 рублей, а беден, и с тех велено имати, сыскивая по рублю, а кто меньше 10 рублей, а беден, и с тех велено имати, сыскивая по рублю, а кто меньше 10 рублей, и с тех имати не велено»²⁰. Хотя в указе говорилось, что сборы (они получили название «пятинные деньги») должны платить только те, у кого «животов, торгов и промыслов» было больше, чем на 10 рублей, на практике они взимались с тех, кто мог больше дать и меньше сопротивлялся²¹. Всего за период 1614—1618 гг. правительство пять раз собирало пятинные деньги. Кроме того, была сделана попытка занять деньги за границей, однако она не принесла желаемого результата. Иностранная помощь ограничилась присылкой иранским шахом 7 тысяч рублей²². Пятинные сборы тяжким бременем ложились на податное население. Они не только не отменяли обычных налогов, а даже сами одно время имели тенденцию превратиться из временного принудительного займа в налог. Для того чтобы придать авторитет своим непопулярным указам, правительство опиралось на поддержку представительных учреждений — Земских соборов, которые в начале царствования Михаила Федоровича собирались почти каждый год. Тем не менее чрезвычайные меры не могли привести к заметному улучшению внутреннего положения страны. Исаак Масса в донесении своему правительству от 25 июля 1616 г. писал, что если правление Михаила Федоровича останется в прежнем состоянии, то долго оно продлиться не сможет²³. Спустя три столетия к аналогичному выводу пришел историк Е. Д. Сташевский, изучивший внутреннее состояние

России после Смуты. По его мнению, характерными чертами Московского государства к 1619 г. были экономическое разорение, финансовая неурядица, неравномерный налоговый гнет, земельное неустройство служилого сословия, расширение привилегий и злоупотребления центральной администрации и отсутствие социальной безопасности²⁴. В этих условиях дворянство и посадское население возлагало надежды на сильную самодержавную власть, олицетворением которой в 1620-е гг. стал патриарх Филарет, отец царя Михаила Федоровича.

В последнее время личность патриарха Филарета все больше привлекает внимание историков²⁵. С его именем связывают установление в стране элементарного порядка, улучшение экономического состояния землевладельцев, торговли и промыслов. Например, Е. Д. Сташевский характеризовал Филарета как энергичного реорганизатора, умевшего приспособиться к системе. По словам историка, в правление патриарха «государство пришло в достоинство»²⁶. Такая точка зрения нашла поддержку и у других исследователей²⁷, хотя некоторые из них все же считают результаты реформ Филарета весьма умеренными. Например, по мнению Джона Кипа, у патриарха не было ясного видения основной задачи автократии — создать условия, которые позволили бы государству «сбросить с себя кожу средневековья». Филарет, идеализируя прошлое, скорее всего, выступал не как реформатор, а как реставратор. Он пытался воссоздать политическую и социальную обстановку, существовавшую до Смуты, и его политика, проводимая в интересах среднего класса, только на время отсрочила неизбежный процесс установления крепостного права²⁸. Однако, каковы бы ни были последствия политики Филарета, самого правителя, вне всякого сомнения, можно отнести к числу наиболее выдающихся государственных деятелей России XVII в.

Филарет (в миру Федор) Никитич Романов происходил из древнего боярского рода. Его отец, Никита Романович Захарьин-Юрьев, попал в ближайшее окружение царя Ивана Грозного после того, как царь женился на его сестре Анастасии. Захарьин-Юрьев и его родственники в Боярской думе сохраняли влияние и в царствование Федора Ивановича (1584—1598). Однако вскоре после восшествия на трон Бориса Годунова Романовы попали в опалу. В 1600 г., на основании ложного доноса, новый государь поспешил избавиться от своих потенциальных соперников, которые имели гораздо больше прав на престол, чем он сам, ввиду древности своего рода.

Федор Никитич Романов, в то время самый старший среди Романовых, был насильно пострижен в монахи под именем Филарета. Согласно традиции, представители черного духовенства уже не могли возвращаться в мир. Таким образом, Борис Годунов лишил своего глав-

ного соперника возможности когда-либо стать царем. Филарет был возвращен из ссылки только после смерти Бориса. Лжедмитрий I возвел его в сан митрополита Ростовского и Ярославского. В разгар Смуты Филарет оказался в лагере «тушинского вора», где был наречен патриархом. В 1609 г. он вместе с другими боярами выехал в Смоленск для переговоров об избрании на русский престол королевича Владислава. Однако послы были взяты в плен и в течение нескольких лет находились в пределах Речи Посполитой. Вернуться в Москву Филарет Романов смог только после заключения Деулинского перемирия. 14 июня 1619 г. он торжественно въехал в столицу, а 22-го уже был посвящен в патриархи московские²⁹.

С первых же дней патриаршества Филарета в официальных документах появляется его титул — «великий государь», который прежде носил только самодержец. Царь Михаил Федорович никогда не претендовал на роль самостоятельного правителя. Как писал дьяк Григорий Котошихин, он «хотя «самодержцем» писался, однако, без боярского совету не мог делати ничего»³⁰. После возвращения Филарета Михаил попал под влияние своего отца, который, пользуясь родством с государем, постепенно сосредоточил в своих руках реальную власть. Как писали из Москвы шведские резиденты, «никакое важное дело не обсуждается, но его должно представить патриарху, отцу великого князя, не ради религии, но потому, что отец выговорил себе это у сына»³¹. Хотя по своему статусу Филарет был лицом духовным, на деле он всегда оставался светским правителем. Его преобразования в первую очередь были направлены на совершенствование системы государственного управления и укрепление новой династии. Что же касается церковных дел, то он мало интересовался вопросами практики богослужений или каноническим правом, зато взял под свой контроль назначения на епископские кафедры и расширил собственные полномочия в пределах патриаршей области.

Первые мероприятия Филарета были направлены на оздоровление финансов. Чтобы пополнить казну, необходимо было упорядочить систему налогообложения и провести перепись земель. Составление дозорных книг, которые должны были определить масштабы разорения и установить новую ставку налогов, началось еще в 1614–1615 гг. Писцы повсеместно выявляли страшную картину запустения. Однако, как показали последние исследования, на практике многие землевладельцы утаивали реальное количество обрабатываемой земли, чтобы снизить норму государственных платежей. Пустотные земли нередко сдавались в аренду. Подобная практика получила в это время большое распространение³². Чтобы бороться с этими явлениями, правительству пришлось пойти на кардинальное изменение всей системы налогов.

С середины XVI в. основной единицей обложения в России была так называемая большая соха, которая определялась как количеством, так и качеством облагаемой земли, а также социальной принадлежностью землевладельца. Теперь же был осуществлен переход к обложению «живущей чети», то есть количества крестьянских и бобыльских дворов. Подворная система обложения, по мнению большинства исследователей, была установлена на Земском соборе 1619 г.³³ Она просуществовала вплоть до начала эпохи преобразований Петра Великого.

При Филарете описание земель продолжалось. Было велено «во все города, которые не были в разоренье, послать писцов; а которые города от Литовских людей и от Черкас были в разоренье, и в те города послать дозорщиков добрых, приведчи к крестному целованию, дав им полные наказы, чтобы они писали и дозировали все города вправду, без посулов». Украинным городам были предоставлены льготы, «смотря по разоренью». Правительство даже учредило специальный приказ, куда можно было подать челобитные «на сильных людей во всяких обидах». Его возглавили князья И. Б. Черкасский и Д. И. Мезецкий³⁴. Описание земельного кадастра требовало от правительства огромных средств. Едва ли можно было рассчитывать, что еще не окрепшее после Смуты государство будет способно удовлетворительно справиться с этой задачей. Отсутствие центрального органа, координирующего эту акцию, и некомпетентность дозорщиков, наконец, пожар 1626 г. в Москве, уничтоживший материалы переписи, привели к тому, что описание земель было завершено только в начале 1640-х гг.³⁵

Помимо упорядочения системы налогообложения Филарет предпринял попытку ограничить могущество крупнейших земельных собственников, многие из которых обогатились во время Смуты за счет расхищения поместного фонда. В 1620 г. был образован приказ, который занимался преимущественно, если не исключительно, пересмотром жалованных грамот. Возглавили его князь Ю. А. Сицкий и дьяк Семен Головин. По мнению ряда историков, эта мера привела к частичной конфискации боярских земель, самовольно захваченных во время Смуты, и к пересмотру жалованных грамот обитателей, которые лишались части своих владений³⁶. Однако, как показал С. Б. Веселовский, крупные монастыри в результате пересмотра все же не понесли существенного ущерба³⁷.

В 1626 г. Филарет провел денежную реформу. Начиная с этого времени чеканка монет стала производиться в едином центре — на Московском денежном дворе, находившемся в ведомстве приказа Большой Казны. Централизация денежного производства привела к прекращению деятельности Новгородского и Псковского денежных дворов и окончательному отмиранию права частного заказа на чеканку монет³⁸.

Прямым следствием указанных мероприятий стала централизация власти и сосредоточение ее в руках нескольких доверенных лиц, наиболее близких к патриарху. Теперь все важнейшие государственные вопросы решала не столько Боярская дума, сколько ближние бояре, среди которых на первых ролях были родственники Филарета: И. Н. Романов, князь Б. М. Лыков и И. Б. Черкасский, а также князь М. Б. Шеин, возглавлявший во время Смуты оборону Смоленска³⁹. Воеводы с мест посылали свои отписки на имя царя и патриарха. Приближенные Филарета контролировали все основные приказы, через которые в XVII в. государство осуществляло свои исполнительные функции. Например, князь И. Б. Черкасский с начала 1620-х гг. вплоть до своей смерти в 1642 г. возглавлял сразу пять ведомств: Поместный приказ, ведавший учетом поместных и вотчинных земель, приказ Большой Казны, занимавшийся сбором налогов, Стрелецкий приказ, ведавший стрелецкими полками, в том числе столичным гарнизоном, Иноземский приказ, который был создан в середине 1620-х гг. для ведения дел иноземцев, состоявших на русской службе, а также Сыскной приказ, где разбирались жалобы дворян по земельным делам⁴⁰.

При Филарете заметно возросла роль политического сыска. Правительство бдительно следило за умонастроениями в обществе и сурово наказывало любое инакомыслие. Наилучшей иллюстрацией этому служат следственные дела того времени. Вот лишь несколько небольших примеров. В 1624 г. поступил извет на новосильского пушкаря Андрея Дубенца, который якобы, «стоя перед осадным головою Степаном Ржевским, говорил, что б де здоров был государь князь Дмитрий Иванович всеа Руси», имея в виду самозванного царя Дмитрия. В 1636 г. был привлечен к ответственности Валуйского города Пристанского монастыря никольский черный поп Феодосий за то, что он утаивал в течение двух месяцев патриаршую грамоту о рождении царевны Татьяны Михайловны. Такие грамоты, извещающие о рождении царских детей и обязывающие духовенство молиться об их здоровье, рассылались из Москвы по всей стране. Феодосий объяснял свой поступок так: «...ведь де не царевич родился; а се де прислана грамота ко мне, и я де как хочу». К тому же 1636 г. относится дело архимандрита Хутынского монастыря Феодорита, на которого поступил донос черного дьякона Тимофея Брюханова. В 1633 г. Феодорит и Брюханов ездили в город на собор и там архимандрит будто бы говорил о царевиче Алексее Михайловиче: «Бог де то ведает, что прямой ли царевич, на удачу де не подметный ли? И больше де того у него с архимаритом никаких речей не было, а говорили те они речи один на один. А был архимарит пьян и повалился на лавку». В 1643 г. поступил извет на воронежского полкового казака Ваську Конаева, «а говорил де он, Васька, многожды,

что де тебя, государя, не стало»⁴¹. Подобные «преступления», как, например, речи пьяного архимандрита, вряд ли представляли реальную угрозу Романовым. Однако они характеризуют общественные настроения того времени, которые едва ли можно назвать верноподданническими. Первые Романовы отнюдь не пользовались популярностью в народе. Следует помнить, что Михаил Федорович был избран на царство, а не унаследовал трон. Кому должен был перейти престол после его смерти? Этот вопрос оставался открытым вплоть до середины XVII в.

Филарет предпринимал огромные усилия, чтобы упрочить положение своего царственного сына. Во-первых, он позаботился о будущем династии, устроив свадьбу государя. Царь Михаил Федорович женился в сентябре 1624 г., спустя одиннадцать лет после восшествия на престол!⁴² Очевидно, что при отсутствии прямых наследников смерть монарха немедленно повлекла бы за собой династический кризис. Первый раз Михаила Федоровича хотели сосватать еще в 1616 г. Ему прочили в жены Марию Хлопову. Однако бояре Борис Михайлович и Михаил Михайлович Салтыковы, которые до возвращения из плена Филарета имели большое влияние на государя, помешали этому браку, опасаясь появления при дворе новых фаворитов. Согласно традиции, родственники новой царицы должны были автоматически получить думные чины и занять видное положение при дворе. Салтыковы еще со времен Смуты находились в окружении Михаила Федоровича. Они жили вместе с ним в Ипатьевском монастыре, когда туда прибыло земское посольство с известием об избрании Михаила на царство. Шведские резиденты сообщали, что к интриге с Хлоповой была причастна мать Салтыковых, которая состояла в дружбе с матерью государя. Поговаривали также, что Борис Михайлович Салтыков хотел женить царя на своей родной сестре⁴³.

Незадолго до свадьбы Мария Хлопова почувствовала себя плохо. Доктора обнаружили у нее серьезное заболевание. Свадьба была отменена, и несостоявшуюся государыню вместе с родственниками сослали в Нижний Новгород. Впоследствии лекари показали на дознании, что Хлопову вполне можно было вылечить и что «порухи от тое болезни чадородию не бывает». Ложный диагноз был поставлен под прямым давлением боярина М. М. Салтыкова. Расследование по этому делу было проведено уже после возвращения Филарета. Оно закончилось опалой временщиков в октябре 1623 г.⁴⁴ Борис Михайлович Салтыков даже был разжалован в думные дворяне. Он вновь получил боярский чин только после смерти Филарета. Спустя некоторое время за неповиновение «государю патриарху», за самовольство и упрямство из Москвы были также удалены сторонники Салтыковых — князь А. В. Лобанов-Ростовский, думный дьяк И. Грамотин и Г. Г. Пушкин⁴⁵. Мать Салтыковых заточили в монастырь.

Шведские резиденты сообщали, что первоначально патриарх хотел женить своего сына на Бранденбургской принцессе, однако мать государя нашла ему другую невесту — Марию Владимировну Долгорукову⁴⁶. Первый брак Михаила Федоровича оказался недолгим. Молодая жена царя умерла вскоре после свадьбы. В 1626 г. Михаил женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой, которая спустя три года родила ему наследника — будущего царя Алексея Михайловича⁴⁷. В марте 1625 г. государь официально принял новый титул. Приказные мастера изготовили новую царскую печать, на которой «прибавлено... в подписи, в нашем государском имянованье: „Самодержец“»⁴⁸.

Как уже говорилось, Филарет в первую очередь был светским правителем, который только в силу сложившихся обстоятельств стал главой Русской Православной Церкви. Этот факт объясняет, почему патриарх начал переносить методы государственного управления на церковь. По выражению одного историка, деятельность Филарета «была направлена не на усиление самостоятельности церкви, а на создание единой системы управления, когда церковная организация функционирует как часть государственного аппарата»⁴⁹.

История русской церкви уходит своими корнями в эпоху Киевской Руси. Древняя Русь приняла христианство из Византии. Долгое время Русская Православная Церковь признавала верховенство и авторитет византийских иерархов. Положение изменилось в 1453 г., после завоевания Константинополя турками-османами. Перед самым завоеванием, в 1439 г., византийские иерархи подписали Флорентийскую унию с католическим Западом, надеясь получить помощь для борьбы с османским нашествием. С политической точки зрения этот союз не принес Византии никаких выгод. Вскоре Восточная Римская империя пала под натиском турецкой армии и прекратила свое существование. Но в глазах населения православной Руси союз греков с «латинами» выглядел как отступление от истинного православия и утрата чистоты веры. Таким образом, Россия оставалась единственной хранительницей древней православной традиции⁵⁰.

Постепенно русская церковь стала обретать самостоятельность. После Флорентийского собора митрополитов в Москве стали избирать только из числа русского духовенства. Московская митрополия фактически стала автокефальной, хотя этот факт поначалу не хотели признавать в Константинополе. Однако, несмотря на политический разрыв с Византией, Московская Русь продолжала ориентироваться на византийское наследие. В своем недавнем исследовании Б. А. Успенский показал, каким образом византийская культурная модель переосмысливалась в русском обществе. После падения Константинополя на Руси произошла своеобразная реставрация Византийской империи. Мос-

ковское царство стало строиться как теократическое государство, как Новый Константинополь, или Третий Рим. В результате в России появился царь (1547), а затем и патриарх (1589)⁵¹. Учреждение патриаршества произошло при участии греческого духовенства, хотя инициатива этого нововведения принадлежала светским властям. Вдохнителем этой идеи был Борис Годунов, в то время фактический правитель государства при царе Федоре Ивановиче. Первым русским патриархом стал митрополит Иов, который не пользовался авторитетом среди духовенства и получил назначение только благодаря покровительству Годунова⁵².

Зависимость церковных властей от государства еще более проявилась во времена Смуты. Например, после воцарения Лжедмитрия I патриарх Иов был низложен, а на его место назначен ставленник самозванца Игнатий Грек. С приходом к власти Василия Шуйского при поддержке царя на патриаршество был поставлен казанский митрополит Гермоген. Избрание патриархом Филарета также произошло отнюдь не по воле церковных иерархов. Однако опека государства над церковью проявлялась не только в назначении на высшие церковные должности, но и в самой системе церковного управления.

В первой половине XVII в. в России было тринадцать епархий: патриаршая область, четыре митрополии, семь архиепископств и одно епископство. Доходы епископов формировались за счет обложения налогом приходского духовенства и земельных владений архиерейского дома. По своей территории даже небольшие епархии занимали огромную площадь, что нередко поражало приезжавшее в Россию греческое духовенство. Управление огромной территорией предполагало наличие большого штата чиновников, на плечи которых ложились сборы налогов с приходов и церковных земель. Парадоксально, что эти чиновники, находившиеся на службе у духовенства, были в основном людьми светскими. Такая система церковного управления сложилась еще в XIV в.⁵³, но в начале XVII столетия она приобрела ярко выраженный централизованный характер.

Порядок отношений между государством и церковью после образования Московского царства был выработан в 1551 г. на Стоглавом соборе. Собор получил такое название потому, что его решения были изложены в ста главах. Документы собора были заготовлены заранее, и его постановления принимались практически без обсуждения. Собор рассмотрел вопросы, касавшиеся церковного землевладения, образования, благочестия, упорядочил практику богослужений, канонизировал новых общерусских святых. Постановления Стоглавого собора отразили новый статус Православной Церкви в России после преодоления раздробленности и образования единого государства⁵⁴.

В системе церковного устройства особое место занимали монастыри. Несмотря на разорение, число обителей в России по-прежнему было велико. Если в конце XVI в. их насчитывалось около восьмисот, то к исходу XVII столетия их уже было более тысячи, причем больше половины обителей имели крестьян и владели пахотной землей⁵⁵. Самыми крупными монастырями были Троице-Сергиев под Москвой, Кирилло-Белозерский под Вологодой, Соловецкий на северных островах и Владимирский Рождественский. Настоятелями этих обителей были архимандриты, тогда как все остальные возглавляли игумены. Монастыри обладали огромными земельными богатствами и пользовались значительными податными льготами. Такая система была унаследована со времен раздробленности. На протяжении XVI—XVII вв. государство пыталось исправить это положение в свою пользу, но неизменно наталкивалось на стойкое противодействие духовенства. Как показали недавние исследования, несмотря на процесс подчинения церкви государству, происходивший в XVII в., земельные владения церкви постоянно увеличивались⁵⁶. Осуществить секуляризацию церковных земель удалось только во второй половине XVIII в., во времена царствования Екатерины II.

Для управления патриаршей областью Филарет учредил патриаршие приказы по образцу уже существовавших светских учреждений. Так, Казенный приказ ведал вотчинами и домовым имуществом патриарха, выдавал грамоты на строительство приходских церквей и на право богослужения духовенству, Дворцовый приказ управлял хозяйством патриаршего двора, а Разрядный ведал высшим духовенством, патриаршими служилыми людьми, рассматривал наследственные дела и церковные преступления. Полномочия патриарших приказов были расширены по указу Филарета в 1625 г. Они стали весть «судом и управою» монастыри, находившиеся в патриаршей епархии, соборные церкви и приходские храмы, «кроме разбойных и татиных и кровавых дел», то есть кроме уголовных преступлений. Раньше эти судебные функции исполнял приказ Большого Дворца⁵⁷.

Филарет окружил себя огромным штатом придворных — патриарших стольников. Формально этот штат был составной частью государева двора, хотя фактически стольники находились на службе у патриарха. Таким образом, система церковного управления, созданная Филаретом, во многом копировала светскую. После смерти Филарета патриаршие стольники были распущены. К моменту расформирования этого чина их насчитывалось 576 человек⁵⁸. Однако патриаршие приказы не были упразднены, так же как не были отменены льготы патриаршим людям и монастырям, приписанным к патриаршей области. Все это определяло особое положение патриарха среди остального епископата.

В русской церкви все важнейшие церковные вопросы решались на так называемых Освященных соборах, в работе которых принимали участие епископы, настоятели крупнейших монастырей и священники главных московских храмов. Однако при Филарете роль патриарха в церковных делах неизмеримо возросла. Назначения на архиерейские кафедры теперь стали проводиться только с ведома владыки. Яркий пример тому — судьба архимандрита Новгородского Хутынского монастыря Киприана Старорусенкова. В 1620 г. при поддержке Филарета он был назначен архиепископом только что созданной Сибирской епархии. В 1624 г. он уже был поставлен в крутицкие митрополиты. В церковной иерархии это был пятый по значению сан, однако в случае внезапной смерти патриарха крутицкий митрополит назначался местоблюстителем патриаршего престола вплоть до избрания нового владыки. По свидетельству шведских резидентов, это назначение состоялось после того, как Киприан подал Филарету донос на Матвея Годунова, который чуть было не выбил кубок из рук архиепископа, когда пили за здоровье государя⁵⁹. Предшественник Киприана, крутицкий митрополит Иона, был смещен со своего поста и сослан в Спасо-Прилуцкий монастырь, недалеко от Вологды, после того, как он выступил против патриарха в деле архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия Зобниновского, о котором будет подробно рассказано в следующей главе⁶⁰. В 1626 г. Киприан уже был новгородским митрополитом, то есть вторым человеком в церковной иерархии.

Вот еще два примера. В 1621 г. Филарет вернул из ссылки вологодского архиепископа Нектария, которого отлучил от сана митрополит Иона. Как говорилось в решении церковного собора, Нектарий был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, «неповинно», «без сыску, не по делу, по доводу Вологодцакого Протопопа Василья». После оправдания Нектария «митрополит Иона перед нами в том прощался и с Нектарием Архиепископом простился ж»⁶¹. В 1625 г., под нажимом Филарета и вопреки воле высшего духовенства, в архиепископы Суздальские был поставлен выходец из Литвы волынский епископ Иосиф Курцевич. После смерти патриарха он лишился поддержки и немедленно был сослан в Сийский монастырь. Для контроля над приходским духовенством при Филарете было создано специальное учреждение — тиунская изба, которая регистрировала новопоставленных архиереев и дьяконов и выдавала им официальное разрешение на службу⁶².

Сохранилось любопытнейшее описание внешности и личных качеств патриарха, сделанное астраханским архиепископом Пахомием: «Сей же убо Филарет патриарх Московский и всеа Руси возрасту и сану был средняго, божественныя писания отчасти разумел, нравом опалчив и мнителен, а владителен таков был, яко и самому царю боя-

тисся его, бояр же и всякаго чина царскаго синклита зело томляше заточенми необратными, и инеми наказанми, до духовнаго же чину милостив был и не сребролюбив, всякими же царскими делами и ратными владел, а в грамотах и в челобитных писали имя его с вичем»⁶³. Пахомий явно преувеличил благосклонное отношение Филарета к духовенству. Как мы видели, с церковными властями патриарх был не менее властен, чем с боярами.

Итогом правления Филарета стала Смоленская война. Это была первая попытка Русского государства принять активное участие в европейских делах, закончившаяся неудачей. Перед ее началом в России была проведена военная реформа, призванная повысить боеспособность русской армии. Как уже говорилось, основу вооруженных сил Русского государства составляло дворянское ополчение. В начале 1630-х гг. была предпринята попытка создать регулярные армейские части, так называемые полки нового строя. Техническую помощь в этом оказывали иностранные специалисты, в частности полковник Александр Лесли, шотландец по происхождению, находившийся на русской службе. «Полки нового строя» не были чисто наемным войском. Набор в них зачастую проводился по принуждению. Однако в них помимо детей боярских были представители других сословий, в частности казаки и иные вольные люди. Все они верстались денежным и хлебным жалованьем; государство обеспечивало их обмундированием и вооружением, в то время как дворянское ополчение было обязано кормиться за счет своих поместий⁶⁴.

Россия вступила в войну накануне истечения Деулинского перемирия, 1 июля 1634 г. Главной целью правительства было возвращение Смоленска и северских земель. Однако Русское государство выступило против Польши не в одиночку, а в союзе с протестантской Швецией. В это время в Европе бушевала Тридцатилетняя война (1618–1648), которую по масштабам того времени можно назвать мировой⁶⁵. Первоначально Москва оказывала Швеции экономическую помощь, поставляя ей продовольствие, а затем открыто выступила на стороне антигабсбургской коалиции.

В апреле 1632 г. в Польше умер король Сигизмунд III, что создало благоприятную ситуацию для начала военных действий. В июле Земский собор принял решение о начале войны под Смоленском. Командующим русской армией был назначен воевода Михаил Борисович Шеин, возглавлявший оборону Смоленска во времена Смуты. Шеину была поставлена задача идти «под Смоленск: стати им таборы, где пригож, в крепких местах, и остроги поделать, и рвы выкопать, и всякими крепостьми укрепитца, чтоб в тех острогах в приход польских и литовских людей сидеть было бесстрашно и надежно»⁶⁶. Таким образом,

целью военной операции было оттянуть на себя силы противника и держать оборону, несмотря на то, что численность русской армии намного превосходила численность гарнизона укрепленного города. Взятие Смоленска было отдано на усмотрение воеводы.

Шейн четко выполнял все распоряжения правительства. Однако обстоятельства не позволили осуществить план, задуманный русскими и шведскими стратегами. Еще в самом начале похода Шейн посылал отписки в Москву, что «пешие русские люди с голоду бегают, а немецкие люди от голода заболели и умирают»⁶⁷. Причиной дезертирства было плохое снабжение армии и низкий уровень дисциплины. Солдаты, покидавшие поля сражений, вместе с вольными казачьими отрядами занимались грабежом и провоцировали волнения в провинции. В то же время южные границы России подверглись набегам крымских татар. Говорили, что король Владислав пообещал крымцам за их набег в четыре раза больше денег, чем ежегодно выплачивало правительство Михаила Федоровича⁶⁸. Наконец, в самый разгар кампании умерли ее вдохновители: патриарх Филарет и шведский король Густав Адольф. Все это предопределило неудачный исход Смоленской войны. Однако говорить о полном провале внешней политики Филарета было бы неправильно. В 1634 г. Россия заключила с Польшей Поляновский мир, по условиям которого Речь Посполитая признавала законность воцарения Михаила Федоровича, а король Владислав IV отказывался от претензий на московский трон⁶⁹.

Патриарх Филарет умер 1 октября 1633 г. Закончилась целая эпоха в истории Русского государства. Хотя правительству и не удалось окончательно преодолеть последствия Смуты, все же, как писал Е. Д. Сташевский, в стране был наведен элементарный порядок. По стечению обстоятельств, Филарет был вынужден править от лица своего царственного сына. Однако, вероятно, он и сам мечтал о троне. В середине XIX в. в мастерскую Оружейной палаты была передана портретная галерея из загородной резиденции русских царей — Коломенского дворца. Среди них был и портрет Филарета в святительском одеянии. После расчистки холста удалось снять поздний слой краски, под которым реставраторы обнаружили более раннее изображение патриарха: в царском кафтане, с прической и бородой, подстриженной на светский манер, и со скипетром в правой руке! В нижней части портрета была надпись: «Царь Феодор Микитич»⁷⁰.

После смерти Филарета командующий русскими войсками под Смоленском М. Б. Шейн лишился своего влиятельного покровителя. В январе 1634 г. в Москве был созван Земский собор, который принял решение о формировании новой армии в Можайске под командованием князей Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского. Эта армия должна

была отправиться на помощь Шеину. Однако 16 февраля русские части под Смоленском капитулировали. Ближайшее окружение царя Михаила Федоровича постаралось взвалить на воеводу всю вину за провал кампании. По возвращении Шеина в Москву в приказной администрации было начато следственное дело. Очевидно, ход ему дали доносы, поступавшие на бывшего командующего.

В апреле 1634 г. к Ф. И. Шереметеву и князю А. М. Львову, которые следовали к польским рубежам для переговоров о мире, во время их остановки в Можайске, явился стряпчий Иван Андреевич Бутурлин, который объявил «государево дело». Бутурлина препроводили в Москву, где он был допрошен в приказе боярином Ю. Сулешовым и дьяком Г. Ларионовым. Дело Бутурлина не раз привлекало внимание историков в связи с тем, что в своей «сказке» он предложил учредить в Москве некое подобие парламента — постоянно действующий собор из служилых людей, которые бы доносили царю обо всех неправдах в русском государстве. Именно на это обстоятельство в первую очередь обратил внимание А. К. Кабанов, издавший документы этого дела. Однако даже при беглом знакомстве с содержанием «распросных речей» можайского стряпчего можно заметить, что главное в них не «реформаторские планы», а донос на командующих русской армией под Смоленском.

Бутурлин хотел уведомить царя, что «делаетца в государстве дурна и от чево рат нестройна». Он обвинял воевод М. Б. Шеина и А. В. Измайлова в том, что они «норовили» королю, «не радели ни в чем и не промышляли ничем», сообщал, что в Можайске ходят слухи, будто от князей Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского «промыслу над литовскими людьми нет». Дворяне сетовали на бездействие армии, на то, что ратные люди под Смоленском не были поверстаны окладами и потому «разбрелись оттуда». «А приказные люди нашу братю служилых людей верстают и нарочитых малыми оклады... а иным по дружбе и свойству оклады верстают большими»⁷¹. Донос Бутурлина совпал по времени с розыском по делу Шеина. 27 апреля стряпчий написал в приказе свою «сказку», а на следующий день воеводы Михаил Борисович Шеин и Артемий Измайлов с сыном Василием были казнены «за их воровство и за измену»⁷². Так герой Смуты пал жертвой придворных интриг и обстоятельств. Голштинский ученый и путешественник Адам Олеарий, посетивший Россию в 1634 г., писал, что в Москве готово было вспыхнуть восстание и, «чтобы утишить его, народу обещали казнить Шеина»⁷³. Вероятно, неудачный исход Смоленской войны вызвал недовольство среди служилого сословия. Кроме того, боярство не могло простить воеводе его прежних заслуг. В обвинительном приговоре Шеину говорилось, что перед отправкой на войну он произнес речь, в которой, вспоминая о Смутном времени, говорил, что «братья бояре будто

Царь Михаил Федорович.

Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1656

в то время: многие по запечью сидели, и сыскать будто их было не мочно»⁷⁴. Свидетельства сфабрикованного дела об измене — архивы последних дней правления Филарета, по-видимому, были сознательно уничтожены⁷⁵.

После смерти отца царь Михаил Федорович попал под влияние своего ближайшего окружения, среди которого главную роль играли члены Боярской думы. По выражению В. О. Ключевского, Дума была «маховым колесом, приводящим в движение весь правительственный механизм»⁷⁶. На заседаниях Думы принимались все важнейшие государственные решения. В официальных документах нередко фигурировала формула: «государь указал и бояре приговорили». Хотя царь пользовался правом назначать в Думу угодных ему лиц и таким образом выбирать себе советников, его выбор все же был ограничен традицией. Костяк Думы составляли представители титулованной и нетитулованной знати, которые получали высшие думные чины бояр и окольничих по праву рождения. Однако на протяжении XVII в. Дума стала быстро пополняться представителями выслужившейся бюрократии из самых разных социальных слоев, которые получали чины думных дворян и думных дьяков⁷⁷.

Иностранцы, приезжавшие в Россию, нередко отмечали, что царь находился под опекой Боярской думы. Бояре неотступно сопровождали государя даже во время однодневных походов по окрестным монастырям. На время отсутствия царя в Москве текущие дела в столице передавались в руки боярской комиссии из двух-трех человек.

Как орган политической власти Боярская дума не была однородной. Внутри ее то и дело создавались группировки, которые нередко враждовали между собой и боролись за влияние на царя. При формировании Боярской думы большое значение имело родство с правящей династией. Родственники царя автоматически попадали в ближайшее окружение и получали высшие думные чины. По наблюдению С. Ф. Платонова, при первых Романовых правящий круг Московского государства состоял исключительно из близких династии людей, которые были подобраны на основе личной преданности⁷⁸. Близость к государю была характерным показателем влиятельности вельможи. Например, если царь приглашал боярина на обед, то это был явный признак его расположения, и напротив, если он отправлял его на воеводство в далекий город, то такое назначение было равносильно ссылке.

При слабом государе значение Боярской думы неизмеримо возрастало. После смерти Филарета в правящей элите Русского государства произошел настоящий переворот. По образному выражению Б. Ф. Поршнева, правительство в лице Шеина «казнило всю политику покойного патриарха»⁷⁹. Подняли голову бывшие противники Филарета.

Уже 4 и 5 октября 1633 г. из ссылки возвратились бояре Салтыковы и дьяк Иван Грамотин. В начале 1634 г. в Думу было пожаловано сразу несколько человек. Борис Иванович и Иван Васильевич Морозовы, Иван Андреевич Голицын и Иван Петрович Шереметев получили чин боярина, а Василий Иванович и Василий Степанович Стрешневы — чин окольничего. Появление в Думе Морозовых и Стрешневых свидетельствовало об усилении позиций людей, близких к окружению царевича Алексея Михайловича и его родственников по линии матери. К этой группировке примыкал и князь Алексей Михайлович Львов. Он долгое время был царским дворецким, а в июле 1634 г. был пожалован в бояре⁸⁰. Однако ведущие позиции в правительстве удерживали Черкасские и Шереметевы.

По мнению Б. Ф. Поршнева, новые думцы, а также Салтыковы придерживались пропольской ориентации. Например, дьяк Иван Грамотин еще во времена Смуты не скрывал своей преданности Владиславу⁸¹. Сторонником пропольского курса был также Федор Иванович Шереметев, который в апреле 1634 г. отправился в посольство для переговоров о заключении Поляновского мира.

Недавнее исследование Е. И. Филиной позволяет реконструировать расстановку сил в Боярской думе после смерти патриарха Филарета. По мнению историка, в окружении царя Михаила Федоровича образовались две противоборствующие группировки. К одной из них принадлежали дворецкий князь А. М. Львов, Морозовы и Салтыковы, а к другой — Шереметевы и Черкасские. Разногласия между обоими кланами возникли из-за вопроса о престолонаследии. Львовы — Морозовы, опекавшие молодого царевича Алексея, были сторонниками наследственной царской власти, а Шереметевы — Черкасские — выборной. Такая трактовка выглядит вполне убедительной. Как уже говорилось, традиция выборной власти в России была заложена в конце XVI в., после избрания на трон Бориса Годунова. Во времена Смуты на русский престол был избран королевич Владислав (хотя ему так и не пришлось царствовать). Не следует забывать, что и сам Михаил Романов получил скипетр по воле Земского собора, а не по праву наследования⁸².

Противоречия между дворцовыми группировками в полной мере проявились во время так называемого дела королевича Вальдемара. В 1644 г. была предпринята попытка устроить брак царевны Татьяны Михайловны, дочери царя Михаила, и графа Вальдемара, внебрачного сына датского короля Кристиана IV. Сторонники Шереметевых полагали, что в случае смерти Михаила Федоровича Вальдемар мог бы стать реальным кандидатом на русский престол. Основным препятствием для заключения брака было вероисповедание королевича. Должен ли был Вальдемар перейти в православие, чтобы жениться на русской царевне,

или он мог сохранить свое вероисповедание и остаться протестантом? Вопрос этот приобрел политическое значение. «Прения о вере» продолжались больше года. Противники брака во главе с князем А. М. Львовым сумели одержать верх в этой борьбе и перехватили инициативу после кончины царя Михаила. Партию Львова, вероятно, поддерживал патриарх Иосиф (1642—1652). Те, кто выступал за положительное решение дела Вальдемара, например князь Иван Никитич Хованский, были отправлены в ссылку⁸³.

В деле королевича Вальдемара не последнюю роль играли представители духовенства. После смерти Филарета на его место был избран псковский архиепископ Иоасаф. Фактически Филарет сам назначил себе преемника, поскольку тот «был дворовой сын боярской; во нравах же и житии добродетелен был, а ко царю не дерзновенен»⁸⁴. Однако после смерти Иоасафа в 1640 г. патриарший престол больше года оставался вакантным. По всей видимости, этот факт свидетельствовал, с одной стороны, об отсутствии авторитетного лидера среди церковных властей, а с другой — о давлении, которое оказывало на епископат светское правительство. Наконец, в марте 1642 г. новый патриарх был избран по жребию из шести кандидатов. Выбор пал на архимандрита московского Симонова монастыря Иосифа. Адам Олеарий, в очередной раз посетивший Москву в 1643 г., писал в своей книге, что Иосиф был привлечен к участию в выборах «лишь ради особого почета, так как он был человек очень разумный. Когда жребий выпал на него, и другие стали прекословить, то жеребьевка была повторена, и он был вновь указан. Так как, однако, великий князь заметил, что другие этому завидуют, то жребий метали в третий раз, и опять-таки счастье выпало ему»⁸⁵. По мнению Е. И. Филиной, к избранию Иосифа был причастен дворецкий Алексей Михайлович Львов. Именно он носил записки с именами кандидатов от церковного собора к царю и, конечно же, мог подменить жребий в пользу удобного ему претендента⁸⁶. Если учесть, что во время «прений о вере» патриарх Иосиф всячески поддерживал партию Львова, то такое предположение выглядит вполне правдоподобным.

Такова была расстановка политических сил на исходе царствования Михаила Федоровича. Во внешней политике после смерти Филарета правительство больше не предпринимало активных шагов и целиком сосредоточилось на обороне южных рубежей страны. С середины 1630-х гг. участились набеги крымских татар. Московские власти были вынуждены платить ежегодные «поминки», размер которых к середине века достигал 12 тысяч рублей в год. Земские соборы 1636, 1637, 1639 и 1642 гг. специально рассматривали вопросы взаимоотношений с Крымом⁸⁷. Чтобы обезопасить южную границу, в 1635 г. началось

строительство Белгородской черты, представлявшей собой цепь укрепленных пунктов, растянувшуюся примерно на восемьсот километров через города Елец, Курск, Воронеж, Ливны, Белгород, Валуйки, Оскол, Лебедянь⁸⁸.

Военная опасность требовала постоянной мобилизации служилого сословия. В свое время П. Н. Милюков отмечал, что Русское государство в первой половине XVII в. из-за постоянной внешней угрозы было вынуждено регулярно увеличивать расходы на армию, что, в свою очередь, влекло за собой усиление налогового гнета и введение чрезвычайных поборов. Несовершенство же сошного письма, то есть земельного кадастра, которое не обеспечивало ни равномерности, ни всеобщности обложения, приводило к постоянному социальному кризису⁸⁹. В самом деле, 1630—1640-е гг. ознаменовались рядом выступлений служилого сословия. В 1636 г. беспорядки произошли в Москве. В восстании приняли участие широкие слои населения: посадские люди, стрельцы и даже патриаршие дети боярские. Выступления городских дворян прошли и в 1642 г.⁹⁰

К середине XVII в. Русское государство все еще не преодолело последствий Смутного времени. Было бы неверным утверждать, что за годы правления Михаила Федоровича страна «возродилась из руин, обрела силу и мощь, покончив с последствиями Смуты»⁹¹. О преодолении кризиса в это время говорить еще рано. Несмотря на усилия Филарета, положение новой династии на троне оставалось непрочным. Тлеющие углы социальных волнений в конце 1640-х гг. вспыхнули настоящим пожаром, который заставил правительство кардинальным образом изменить свою политику. Однако прежде чем перейти к рассмотрению этого нового периода русской истории, обратимся к его духовным истокам, к тем процессам, которые происходили в общественном сознании и которые в конечном счете предопределили расцвет русской религиозной мысли и кризис старомосковского мировоззрения.

Глава 2

Развитие книгопечатания и его последствия

Изобретение книгопечатания — величайшее историческое событие. В нем зародыш всех революций. Оно является совершенно новым средством выражения человеческой мысли; мышление облекается в новую форму, отбросив старую.

В. Юго. «Собор Парижской Богоматери»

Кризис начала XVII в. перевернул сознание русских людей. Характеризуя последствия Смуты, В. О. Ключевский писал, что они ознаменовались «глубокой переменой в настроении народа. Новой династии приходилось иметь дело с иным обществом, далеко не похожим на то, каким правили прежние цари»¹. По словам одного из крупнейших знатоков русской духовности, протоиерея Георгия Флоровского, «Смута была не только политическим кризисом и не только социальной катастрофой. Это было еще и душевное потрясение, или нравственный перелом. В Смуте перерождается самая народная психея. Из Смуты народ выходит изменившимся, встревоженным и очень взволнованным, по-новому впечатлительным, очень недоверчивым, даже подозрительным»².

Нравственное перерождение народа было вызвано крушением традиционного мировоззрения, которое произошло во времена Смуты одновременно с крушением старых московских порядков. Православное верование, составлявшее основу этого мировоззрения, подверглось серьезному испытанию. Во времена Смуты на территорию России вместе с польскими и шведскими отрядами стали проникать «латинские» и «люторские» веяния. Католическая и протестантская литература, а также западный образ жизни находили поклонников в Московском государстве, особенно среди выслужившейся знати, сделавшей карьеру при дворе Лжедмитрия I. Яркий пример тому — судьба князя Ивана Хворостинина.

Хворостинин происходил из младшей ветви ярославских князей. После прихода к власти самозванца князь перешел к нему на службу

и вскоре добился его расположения. Позднее, с восшествием на престол Василия Шуйского, близость к Лжедмитрию сыграла для князя роковую роль. Хворостинина постигла опала. Он был сослан на покаяние в Иосифо-Волоколамский монастырь, однако после избрания на трон Михаила Федоровича получил прощение и снова был взят на службу³.

Западный образ жизни, который вел Лжедмитрий I, очевидно импонировал Хворостинину. Впоследствии князя обвиняли в том, что он не соблюдал посты, не почитал иконы, отрицал культ святых, а в разговорах говорил, «что будто на Москве людей нет, все люд глупой, жити... не с кем»⁴. По уровню начитанности Хворостинин выделялся даже среди образованных людей своего времени. Он знал латынь, был знаком с украинскими и белорусскими, а возможно и с протестантскими сочинениями⁵. Известно, что князь неоднократно высказывал желание «отъехать» из России. Эти западнические увлечения в конечном счете обернулись новой опалой, которая последовала после возвращения из польского плена Филарета Романова. На сей раз Хворостинин был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Там он написал ряд полемических сочинений против католиков, которые отсылал патриарху, очевидно в надежде таким образом заслужить прощение. Вероятно, эти послания возымели действие. В 1624 г. Хворостинин вернулся в Москву и был восстановлен в чине стольника, но, по роковому стечению обстоятельств, вскоре тяжело заболел и умер.

Иван Хворостинин безусловно был незаурядным человеком. Он не боялся высказывать собственное мнение и весьма высоко ставил свою ученость. Князь обвинял своих недругов в невежестве и считал себя невинно осужденным: «...вся сия безвинно претерпевая, овогда потребное предложить тщахся, и возбранен бых, от неученых невежд осудим бых, яко еретика вменяше мя...»⁶

Приятелем Хворостинина был другой представитель обедневшей аристократии, князь Семен Шаховской. Во времена Смуты он находился в лагере Василия Шуйского, а затем попал в занятый шведскими войсками Новгород. Так же как Хворостинин, Шаховской был человеком начитанным и склонным к литературной деятельности. Он написал несколько сочинений, в том числе и автобиографию, в которых часто цитировал отцов церкви — Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Ефрема Сирина, Григория Нисского⁷. В одном из своих посланий новгородскому митрополиту Киприану князь пустился в полемику по поводу книжных исправлений, которые, на его взгляд, были необходимы, дабы «недамы себе поносу и укоризны ото врагов сущих божиих наших, треклятых латын, егда рекут, изыскав предложение стиха того — сей вы с нами согласно воспеваете»⁸. Однако если Шаховской выступал ярким противником католического вероучения, то его отношение к про-

тестантам было вполне лояльным. Например, во время «прений о вере» в связи с делом королевича Вальдемара он предлагал обвенчать жениха царевны Ирины Михайловны некрещеным⁹.

Шаховского и Хворостинина волновали вопросы церковной догматики. В 1620 г. во время частной беседы у них разгорелся спор о шестом Вселенском соборе. Князь Хворостинин утверждал, что собор не был все-ленским¹⁰. Сам факт подобной полемики в кругу светской знати говорит о многом. Такие люди, как Шаховской и Хворостинин, были в полном смысле слова порождением Смуты, и хотя их творчество не выходило за рамки литературной традиции, все же оно наполнялось новым содержанием. В его основе лежат реальные исторические события. Сюжеты Смутного времени буквально пронизывают их произведения¹¹.

Западное влияние, очевидно, затронуло не только знать, но и торговых людей. По свидетельству Адама Олеария, некий купец из Нарвы по имени Филипп, которого тот повстречал в 1634 г. по дороге в Москву, говорил ему, что он не почитает икон и ест рыбу во время поста. Город Нарва в XVII в. принадлежал Швеции. Однако в нем проживало немало русских людей, исповедовавших православие, так же как и в соседних Ивангородском, Ямском и Копорском уездах, отторгнутых от России по условиям Столбовского мира. На этих территориях влияние лютеранства было, безусловно, велико¹². Что же касается страны в целом, то трудно судить, насколько велика была прослойка людей, испытавших влияние иноземной культуры. Определенно можно утверждать только то, что это были люди образованные и начитанные, каких, по сравнению с общей массой населения, в средневековом обществе было немного.

В первой половине XVII в. уровень образованности в России был невысок. Отсутствие в Московии школ и университетов в европейском смысле слова отмечали многие путешественники. Адам Олеарий писал, что русские «в школах обучаются только письму и чтению на своем и, самое большее, на славянском языке», но «ни один русский, будь он духовного или светского чина, высокого или низкого звания, ни слова не понимает по-гречески и по-латыни». Правда, ученый тут же отмечал, что у русских «нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью»¹³.

Простые люди в подавляющем большинстве избежали влияния Запада. Однако и они испытали «душевное потрясение», порожденное Смутой. Кризис православного мировоззрения приводил к потере нравственных ориентиров, а слабость государственной власти — к вседозволенности и безнаказанности. На бытовом уровне следствием этих явлений стали безудержный разгул преступности, пьянство, пренебрежение

православными канонами, равнодушие к церковной службе и т. д. Все человеческие пороки словно выплеснулись наружу. Многочисленные источники 1620—1640-х гг. рисуют весьма неприглядную картину. Падение нравов наблюдалось повсеместно, причем как среди мирян, так и среди духовенства.

Так, в 1636 г. несколько нижегородских священников подали на имя патриарха Иоасафа челобитную, в которой жаловались «на леность и нерадение поповское от многого пьянства и безчинства», что в церквах «зело поспору пение, не по правилам святых отец», что псалмы говорят с «небрежением», не в один голос, а поведение прихожан во время службы не отличается благочинием¹⁴. В том же году, вероятно в ответ на челобитную протопопов, по московским соборным и приходским церквям была разослана память (то есть послание) патриарха Иоасафа тиуну Мануйлову и поповскому старосте попу Панкратию о прекращении разного рода бесчинств среди духовенства и мирян. В памяти осуждались пьянство и леность священников, которые отправляли службу наспех, а не по правилам святых апостолов, нерадивость прихожан, которые вместо того, чтобы внимать божественному пению, «стоят в церкви Божии с безстрашием и со всяким небрежением и во время святого пения беседы творят неподобныя с смехотворением», а некоторые из них «овогда бранятся, овогда и дерутся». Нищие, мешая службе, беспрепятственно ходили по церквям, выпрашивая милостыню. Широкое распространение получили «сатанинские» игры скоморохов¹⁵.

В 1642 г. к протопопам и священникам Суздальской епархии обратился с посланием архиепископ Серапион. В своей памяти он также осуждал многогласное пение, сокращение церковной службы, скоморошеские игры, сквернословие, предписывал священникам служить службу в ризах и не брить бороды, а женщинам запрещал красить лица белилами, то есть пользоваться косметикой. Что касается прихожан, то Серапион поучал их ходить в церковь «почасту», чтобы не облениться¹⁶.

Не отличалась благочинием и монастырская жизнь, особенно в крупных обителях. Так, в Соловецком монастыре пьянство среди братии и несоблюдение устава стало обычным явлением. В царской грамоте, посланной в монастырь в 1647 г. игумену Илье, говорилось, что «которые братья охочи пьяного питья пить... носят по кельям, и квасят в кельях, и напиваются допьяна, и от того де пьянства бывает многая вражда и мятежи, а иные священники и крылошаны в том обычае закоснели, и от того нестроения игуменом бывают перемены частыя, и без игуменов в монастыре проходило многое время, и повыкли жить по своей воле...»¹⁷. Подобную картину можно было наблюдать и в других епархиях. Например, в 1640 г. суздальскому архиепископу Серапиону было велено сместить с поста архимандрита Спасо-Евфимьева

монастыря за те бесчинства, которые он допускал в своей обители. Новому настоятелю, келарю Тихону, предписывалось старцев «от хмельного питья и самовольства их уймать»¹⁸.

Непорядки, бытовавшие в крупных монастырях, разительно отличались от устава мелких обителей, которые в первой половине XVII в. стали возникать на территории северных уездов и Верхнего Поволжья. Это новое монастырское строительство, до сих пор не получившее в историографии никакого объяснения, приобрело широкий размах. По подсчетам Я. Е. Водарского, в XVII в. в Московском государстве (за исключением Сибири и Левобережной Украины) было основано 550 новых монастырей, что составляло 50% от общего числа обителей, существовавших в конце столетия, причем почти 70% из них были небольшими и не имели крестьян¹⁹. Многие монастыри пользовались судебными и податными льготами. По всей видимости, это явление следует рассматривать как своеобразную форму протеста. Новые обители основывали монахи, известные своим добродетельным житием. Они уходили в пустоши и начинали там новую жизнь, придерживаясь строгого монастырского устава и собирая вокруг себя учеников.

Так, в 1616 г. один из иноков Соловецкого монастыря, некто Елеазар, переселился на соседний с Соловецким Анзерский остров и основал там скит, который впоследствии пользовался покровительством царя и патриарха²⁰. Около 1619 г. на Юрьевом озере около горы поселился другой соловецкий инок — Дамиан, который устроил там обитель при поддержке троицкого келаря Александра Булатникова²¹. Примерно в это же время два монаха, Сергей и Логин, основали Хергозерскую пустынь в Каргопольском уезде, в которой вместе с ними жили три человека братии²². В 1629 г. на берегу Волги инок Авраамий обновил разоренную татарами обитель Макария Желтоводского²³. В 1634 г. на землях дворцового села Даниловского в Колесниковой пустоши основал Троицкую обитель старец Капитон, бывший послушник Преображенского монастыря, находившегося в вологодских пределах, в ста верстах от города Тотьмы.

Деятельность старца Капитона стала известна властям после того, как на него был подан донос от архимандрита Преображенского монастыря²⁴. Впоследствии старообрядцы прославили в своих сочинениях «подвиги» Капитона, что позволило некоторым историкам утверждать, что его деятельность внесла первые семена раскола в русский народ²⁵. Однако с такой точкой зрения трудно согласиться. Как видно из официальных грамот, Капитон обвинялся в несоблюдении монастырского устава, непочитании святых икон и пренебрежении церковной службой. Капитон проповедовал крайний аскетизм: доводил себя до изнеможения постом, носил на теле железные вериги, отказывал себе в сне,

проводя большую часть времени в молитве. Кроме того, он не принимал благословения священников, а затем и вовсе перестал ходить в церковь. Известно, что у Капитона было около тридцати учеников. Таким образом, «капитоновщина» не имела ничего общего с «книжной справой» и обрядовыми реформами патриарха Никона. Скорее всего, был прав П. Н. Милюков, который усматривал в капитоновской ереси начала мистического сектантства²⁶.

Проникновение на русскую почву католических и протестантских веяний вызвало ответную реакцию. 1620—1640-е годы ознаменовались подъемом национального самосознания, которое выражалось в стремлении не допустить крушения устоев православного вероучения, отстоять независимость русской церкви. Отсюда и упомянутые челобитные священников, и архиерейские послания своей пастве, и подвижничество монахов, и оживление религиозной полемики, которая становится в этот период своеобразной приметой времени. Особое место в ней принадлежало Ивану Наседке, который на основе произведений южнорусской литературы составил обширную компиляцию «Изложение на люторы».

Следует отметить, что сходные процессы происходили и в соседней Польше, где в XVII в. под покровительством влиятельных магнатов стали складываться крупные православные центры, а в Киеве и Вильне развернули свою деятельность православные братства²⁷. Однако к украинскому духовенству русские относились недоверчиво из-за того, что в 1596 г. оно заключило с католиками Брестскую унию, признав главенство Римского Папы. Под воздействием событий Смутного времени в сознании русских людей сформировался образ врага, в качестве которого выступали все представители культурного окружения, в том числе малороссийская униатская церковь²⁸. Но парадокс состоит в том, что, начав религиозную полемику с католиками и униатами, русские богословы в основном опирались на украинские и белорусские тексты. Как показали недавние исследования, влияние украинской литературы на русскую общественную мысль в 1620—1640-е гг. было огромным²⁹. Книги украинско-литовской печати попадали в Россию из православных центров Речи Посполитой³⁰. Востребованность богословской литературы, очевидно, объяснялась тем, что изрядная часть ее погибла в огне пожаров во время Смуты. Необходимо было в короткий срок удовлетворить все возрастающий спрос на богослужебные книги. Так возникли предпосылки для быстрого развития древнерусского книгопечатания.

Уже при Филарете печатное дело получило поддержку новой династии. Романовы нуждались в прочном идеологическом фундаменте, который бы ясно и четко разъяснял законность их прав на престол. Нужна была новая доктрина, новая версия русской истории. С этой

целью около 1630 г. при дворе Михаила Федоровича был составлен «Новый летописец», пафос которого был направлен на прославление династии Романовых³¹. Однако в XVII в. летописание уже не имело своего прежнего значения. По словам Д. С. Лихачева, оно постепенно уходило из Москвы на периферию, где уже не носило официального характера или носило его лишь отчасти³². Летопись постепенно уступала свои позиции документу и беллетристике, но в гораздо большей степени — книгопечатанию.

Ученые долгое время были склонны недооценивать значение древнерусского книгопечатания. Так, Н. П. Киселев писал, что издание книг в Москве под контролем государства, хотя и «не было официально запрещено, но было поставлено в условия, равносильные запрещению». Оно преследовало единственную цель — «размножение текстов, необходимых при отправлении церковных обрядов». По мнению ученого, книгопечатание было орудием религиозной практики, даже не религиозной мысли. Оно почти не способствовало просвещению и крайне медленно становилось носителем общекультурных и научных ценностей. Книгопечатание до петровского времени существовало как бы само по себе, независимо от литературы³³. По мнению С. П. Луппова, книги, изданные типографским способом, не могли составить сколько-нибудь заметную конкуренцию рукописям из-за высокой цены и скудного ассортимента³⁴. В работах других историков эта точка зрения была в какой-то степени пересмотрена. Например, И. В. Поздеева, изучив архив московского Печатного двора, пришла к выводу, что книгопечатание во всяком случае способствовало распространению грамотности среди населения, так как в первой половине XVII в. учебная книга составляла примерно третью часть всей типографской продукции в России, а цены на эти издания были вполне приемлемы для большинства населения³⁵.

Очевидно, допетровское книгопечатание нельзя рассматривать упрощенно, исключительно как средство просвещения или распространения естественнонаучных знаний. Тот факт, что в XVII в. в России издавалась в подавляющем большинстве богослужебная литература, еще не означает, что она не оказывала никакого влияния на читателей и не способствовала просвещению. По всей видимости, следует взглянуть на историю книгопечатания под иным углом зрения. Важно не то, какие книги издавались на московском Печатном дворе, а то, кто и как их читал.

О значении печатного слова в истории мировой цивилизации было сказано немало. Появившись в Германии в середине XV в., книгопечатание в короткий срок покорило Европу. Спустя всего сорок лет в 260 городах континента существовало уже не менее 1100 типо-

графий. Общий тираж инкунабул — книг, изданных до 1500 г., — насчитывает 10—12 миллионов экземпляров³⁶. Распространение книгопечатания ознаменовало собой настоящую революцию в средствах социальной коммуникации. Это был своего рода информационный бум, важнейшим следствием которого стало приобщение широких слоев населения к книжной культуре³⁷.

Книгопечатание повлекло за собой появление новых профессий — редактора и корректора. Конечно, редактирование и корректура текста существовали и в рукописной традиции, но тогда они были не более чем личным делом переписчика. В них еще не было системы. С началом книгопечатания «книжная справа» становится частью технологического процесса издания книги, смысл которого состоит в размножении абсолютно идентичного текста. В связи с этим появляется необходимость унификации многочисленных рукописных оригиналов, их сверки и исправления, и как следствие появляются принципы издания рукописи.

В России книгопечатание возникло в середине XVI в. Однако поначалу оно не получило широкого распространения. Причиной тому была прежде всего нестабильность в стране, вызванная опричным террором, а затем Смутой. Во время московского разорения «таковое доброе дело, печатный дом и вся штамба того печатного дела от тех врагов и супостат разорися и огнем пожжена бысть и погибе до конца и не остана ничто же такового орудия, хитрии же на то людие мали останася и воины русския грады отбегоша»³⁸. Печатники вынуждены были перебраться в провинцию, в Нижний Новгород, где они стали издавать литературу агитационного характера³⁹. Тем не менее именно в этот критический для страны период значение печатного слова, нацеленного на «утверждение истинныя и непорочныя христианския веры и на спасение роду человеческому», было осознано в полной мере⁴⁰.

Как уже говорилось, во время Смуты было истреблено большое количество книг, поэтому возникла необходимость быстро устранить дефицит богослужебной литературы. В первую очередь печатные книги рассылались по приходским церквям. В среднем до двадцати книг с тиража раздавались безденежно, остальные продавались по себестоимости, «без прибыли»⁴¹. Так, в 1621 г. в города Владимир, Калугу, Тверь, Торжок, Зарайск и Переяславль Рязанский были посланы «книги печатныя, треоди постныя и цветныя и минеи месяца Генваря», а велено было за те книги «имати денги по той цене, что те книги стали в печати, без прибыли, для просвещения святых Божиих церквей и для своего государьского здоровья, чтоб теми книгами святые Божия церкви просвещались и имя бы Божие славилось, и за них бы государей Бога молили». В 1626 г. в Великий Устюг были посланы печатные книги

Шестодневцы и Часовники, за которые также велено было «имати денги» без прибыли⁴².

Книги, рассылавшиеся по приходским церквям, содержали в себе богослужебные тексты, необходимые для отправления церковной службы, однако каждое издание было снабжено предисловием и послесловием, в которых воздавалась хвала «истинному рачителю благочестия» царю Михаилу Федоровичу, а также подчеркивалось его родство со старой московской династией⁴³. Иван Грозный назывался дедом, а царь Федор Иванович — дядей царя Михаила. Таким образом, читателей убеждали в том, что Романовы воцарились на московском престоле по праву преемников и наследников прежних государей.

По замыслу властей, русская печатная литература должна была вытеснить католические и протестантские издания, наводнившие страну в Смутное время. Шведский король Густав Адольф даже устроил в Стокгольме славянскую типографию, с целью распространения лютеранства среди русского населения Ингерманландии. В этой типографии, в частности, был издан славянский перевод Катехизиса Мартина Лютера⁴⁴. Озабоченный распространением протестантизма в Кореле, новгородский митрополит Макарий писал тамошнему духовенству: «...крепче стойте, мужайтесь, утверждайтесь и ничим же преткновени бывайте, и от прежних преданий никако же ничесо же умаляюще держитесь отцепредаанныя вам святыя Апостольския веры»⁴⁵.

Нужно сказать, что влияние протестантской и католической литературы вызывало обеспокоенность и малороссийского духовенства. В сентябре 1640 г. киевский митрополит Петр Могила собрал церковный собор, на котором рассматривался вопрос о распространении среди православной паствы еретических книг, отпечатанных «польским языком». «И кто те книги имел и их читал, тот и сам по ним веровал, и других тому же научал. Почему многие христиане отпали от веры нашей и вдались в различные ереси, и утесняют Церковь, насилуют и повергают в скорбь»⁴⁶. В ответ на это «насилие» Петр Могила написал православный Катехизис с изложением Символа веры и основных православных обрядов. Впоследствии его труд был издан в Москве⁴⁷.

Итак, после Смуты книгопечатание в России начинает быстро развиваться. Об этом свидетельствуют цифры тиражей. За всю вторую половину XVI столетия в Москве было отпечатано всего 16 изданий. Еще 18 изданий вышло в свет в период с 1601 по 1619 г. Зато при Филарете (1619—1633) московский Печатный двор выпустил уже 65 книг, при патриархе Иоасафе (1634—1640) — 36 книг, а при патриархе Иосифе (1642—1652) — 96 книг⁴⁸. Нетрудно посчитать, что при среднем тираже в 1000—1200⁴⁹ экземпляров в середине XVII в. в России издавалось 9500—11 500 единиц печатной продукции в год (по 10—

11 изданий). Много это или мало? В XVI в. в одном только Париже было отпечатано 25 тысяч изданий, то есть в среднем по 250 изданий в год; в Германии — 45 тысяч изданий (по 450 в год), в Англии — 10 тысяч изданий (по 100 в год), в Нидерландах — 8 тысяч изданий (по 80 в год)⁵⁰. По сравнению с этими цифрами масштабы книгопечатания в России кажутся ничтожными.

Причина такого различия кроется в государственной монополии на издание книжной продукции в России, в отличие от Европы, где книгопечатание было преимущественно делом частных лиц. Единственная типография находилась в Москве, и работа печатников строго контролировалась. Естественно, что в этих условиях подготовка книги к печати растягивалась на длительное время — от четырех до восьми месяцев при переиздании и до года и больше, если книга издавалась впервые. К делу «книжной sprawy» подходили очень ответственно. Иногда исправления вносились в уже отпечатанный тираж, ошибки «затирали» белилами⁵¹.

Т. А. Опарина писала, что источники не позволяют говорить определенно, кому принадлежала инициатива исправления богослужебных книг в разрушенной войной стране⁵². В свете всего вышесказанного можно сделать вывод, что «книжная справа» не была кем-то придумана. Она появилась сама собой по мере развития книгопечатного дела, как составная часть технологического процесса подготовки рукописи к печати. Для того чтобы издать печатный текст, необходимо сверить его по рукописи. Как правило, находился не один, а несколько списков рукописной книги, которые нередко сильно отличались друг от друга. Работа редактора, или «справщика», состояла в том, чтобы свести все эти тексты воедино.

Списки рукописей присылались на московский Печатный двор из монастырей, в которых в средние века были собраны богатейшие библиотеки. После Смуты правительство не раз обращалось к настоятелям крупных обителей с просьбой прислать в Москву «книги харатейныя, прологи и минеи четьи добрых старых преводов». Например, в 1639 г. из Кирилло-Белозерского монастыря было прислано свыше двадцати наименований книг, среди которых имелись сочинения отцов церкви, правила семи вселенских соборов, постановления Стоглавого собора и т. д. В 1640 г. из того же монастыря было велено прислать «прологов и миней четьих» — «добрых старых переводов харатейных книг... к печатному делу»⁵³.

Как было поставлено дело «книжной sprawy», можно проследить на примере издания Требника, которое было задумано в 1616 г. Инициатива этого мероприятия исходила от светских властей, а именно от боярина Б. М. Салтыкова, фаворита царя Михаила Федоровича⁵⁴. Работа по подготовке текста к печати первоначально была поручена

старцу Троице-Сергиева монастыря Арсению Глухому и попу Ивану Наседке. Однако через некоторое время справщики били челом, что «от неразумных писцов» переводы Требника «рознятся во многих местех, чины и уставы, стихи и молитвы не сходятся... а иное от толмачей несогласие, понеже в них не вси учения философского учены»⁵⁵. Арсений Глухой и Иван Наседка просили передать дело исправления более компетентным справщикам. После этого работу над изданием Требника возглавил троицкий архимандрит Дионисий Зобниновский. Дело Дионисия — одна из самых ярких иллюстраций общественного и политического значения книгопечатания.

Архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий был одним из образованнейших людей своего времени. Он взялся за редакторскую работу весьма основательно. Для исправления Требника было привлечено около двадцати рукописей. Нужно было не только исправить книгу, но фактически составить ее заново, так как рукописные экземпляры Требника сильно отличались друг от друга, даже количество глав в них было неодинаковым⁵⁶. В результате кропотливой работы Дионисию пришлось сделать многочисленные исправления. Справщики «безо всякия хитрости сидели полтора года день и ночь». Помимо Требника они исправили Триодь цветную, Октоих, Минею общую, Псалтирь и Канонник⁵⁷.

Закончив свою работу к маю 1618 г., Дионисий подал челобитную местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Крутицкому Ионе о созыве Освященного собора, который должен был либо принять, либо отвергнуть его исправления. Помощник Дионисия Арсений Глухой предупреждал архимандрита, что везти исправленную книгу в Москву «исчерня» не следует, так как «простым людям станет смутно». Дионисий не послушал совета Арсения, и это привело к печальным последствиям. На соборе на архимандрита поступил донос от его недоброжелателей, которые обвинили его в умышленной порче Священного Писания, якобы он «во многих книгах выскребал и вырезывал, и писал в том месте по своему произволу»⁵⁸. Особенное негодование вызвало исправление, внесенное в текст молитвы на освящение Богоявленской воды, где Дионисий после слов «сам человеколюбец Царь прииди, пришествием Святаго Духа Твоего, и освяти воду сию Духом Твоим святым и огнем» убрал прилог «и огнем», сославшись на отсутствие такового в древних переводах⁵⁹. По приговору Освященного собора Дионисий был осужден на заточение в Кирилло-Белозерском монастыре. Его помощники Арсений Глухой и Иван Наседка также подверглись опале. Редактирование канонических текстов вызвало немедленный отпор духовенства, которое своими действиями, по сути дела, сворачивало работу московской типографии.

Дело Дионисия получило продолжение после возвращения из польского плена патриарха Филарета. Иван Наседка подал патриарху про странную челобитную с изложением дела справщиков. Филарет созвал новый собор, на котором предоставил Дионисию возможность выступить с публичной защитой своих действий⁶⁰. На соборе под давлением патриарха Дионисий был оправдан. Однако было очевидно, что Филарет столкнулся с серьезной оппозицией среди высшего духовенства в лице крутицкого митрополита Ионы.

Филарет хорошо понимал те преимущества, которые давало власти использование печатного станка. Позиция Ионы фактически препятствовала развитию книгопечатания, поэтому патриарху пришлось перейти к решительным действиям. Сначала он обратился за поддержкой к греческому духовенству. В 1619 г. в Москву приехал иерусалимский патриарх Феофан, который рукополагал Филарета в высший духовный сан. Этот акт имел важное политическое значение. Избрание на патриаршество Филарета было как бы повторением событий 1589 г., когда избирали первого русского патриарха. Тогда митрополита Иова рукополагал константинопольский патриарх Иеремия⁶¹. Феофан, как и Иеремия, находился в зависимости от московских властей. Он приехал в Россию за милостыней и поэтому был готов угождать кремлевским политикам. Филарет предложил Феофану выступить третейским судьей в споре о прилоге «и огнем». Вернувшись на родину, иерусалимский патриарх должен был справиться об этом в древних греческих книгах. В 1625 г. Феофан прислал Филарету грамоту, в которой подтверждал, что в греческих книгах прилога «и огнем» не было. Вскоре после этого из Москвы была послана грамота игумену Сийского монастыря, в которой говорилось, чтобы он в Службниках и Требниках «во всех то глаголение о прилогу „огня“ замазал бы еси чернилом кистью, а сделать чернила нароком с комедью»⁶². Аналогичные грамоты были посланы и в другие города и монастыри. Так, в пылу политической борьбы был создан прецедент обращения к греческому духовенству за консультацией по вопросам «книжной sprawy».

В 1620 г. был созван новый церковный собор, на котором обсуждался вопрос о перекрещивании католиков при принятии ими православия. Поводом к созыву собора послужило обвинение в адрес крутицкого митрополита Ионы, который еще в то время, когда Филарет находился в польском плену, позволил двум полякам, перебежавшим в Россию, Яну Слобоцкому и Матвею Светицкому, принять православие, но при этом велел священникам не крестить их вторично, а только «святим миром помазати»⁶³. Этот поступок расценивался как ересь, ибо со времен святого Владимира никто «в нас не дерзнул сотворити таков соблазн еретичества, кроме Игнатия изверженаго патриарха и тебя»

(намек на патриарха Игнатия — ставленника Лжедмитрия I). Собор, на котором присутствовали почти все высшие иерархи, постановил впредь перекрещивать выходцев из Польши в три погружения, а митрополиту Ионе было запрещено служить литургию «до болшаго собора»⁶⁴.

А. А. Булычев полагал, что постановления собора 1620 г. «достаточно ясно демонстрировали негативное отношение нового патриарха к западноевропейским веяниям»⁶⁵. По мнению Т. А. Опариной, патриарх выступал против сосуществования различных конфессий в России⁶⁶. Такая точка зрения требует уточнения. Нет никаких сомнений, что Филарет принимал активное участие в работе церковного собора 1620 г., однако, по всей видимости, его волновали, в первую очередь, политические, а не богословские вопросы. Федор Никитич Романов был человеком светским, оказавшимся на церковной стезе только благодаря стечению обстоятельств. Скорее всего, обвинение в ереси крутицкого митрополита имело под собой вполне мирскую подоплеку: Филарету нужен был повод, чтобы сместить Иону и тем самым устранить самого опасного соперника в церковной иерархии. Как оказалось, Иону поддерживали некоторые представители клира. Так, в 1639 г. новгородский митрополит Афоний в одном из своих сочинений возобновил полемику об исправлениях Дионисия Зобниновского, в том числе и о пресловутом прилоге «и огнем»⁶⁷.

С приходом Филарета к власти книгопечатание в Москве набирает силу. Заново издаются Псалтирь, Апостол, Служебник, Минея служебная. Они рассылались по разным городам в приходские церкви. Книги литовской печати временно разрешено было держать, но только в церквях, чтобы в них «без пеня не было»⁶⁸. В послесловиях к изданиям 1620-х гг. подчеркивалась заслуга царя Михаила Федоровича и его отца и богомольца Филарета Никитича, которые позаботились «о исправлении книжном, и в них о словеси истиннем извожении печатными писмены ко спасению душам христианскаго народа многочисленнаго», «ко умножению славы вседержителя Бога и всему православному христианству к полезному жителству»⁶⁹. Авторы предисловий и послесловий подчеркивали, что печатные книги издавались «к согласию разстоящихся переводов»⁷⁰. Царь и патриарх, узнав, что «всякое несогласие и разстояние в церковном соединении случашеся», что «беседы злы растлевают человеком умы и лишают истины, и от них же часто случаются душевные беды», повелели «от градов книги харатейныя добрых переводов древних собирать... и от тех древних харатиинных книг божественных писании стихословие исправляти, яже неисправлением от переписующих и многолетних обычаев погрешена быша... и сия вся исправльше и во единогласие вся потребности и чины церковнаго священноначалия сочетае»⁷¹.

Редакторская правка печатных изданий 1620–1630-х гг., по-видимому, еще не носила систематического характера. За традиционными для древнерусской книжности литературными приемами «самоуничижения»⁷² просматривается отношение к «книжной справе». Авторы предисловий к печатным книгам предлагали читателями самим исправлять погрешности их работы: «Мы грубии, ни делу ни слову ни искусни...», «любезно молим вас, милостиви нам будите, и не зазориви ума нашего грубости и неразумию. Аще за немощь прегрешений наших и недоумением укротися, или преложися, или отменися, сами исправляйте благоволением и действием пресвятаго духа», «егда учнете в сию книгу потребы смотрити, и аще что узрите в ней нашим забвением или нерадением или неведением пройдено и неисправлено, прощения просим... Аще кто в вас искусен, сам да исправит»⁷³.

Печатные книги, завезенные из-за рубежа, подвергались тщательной цензуре. Если в них, по мнению московских властей, обнаруживались расхождения с православным вероучением, их тиражи попросту уничтожались. Так, в 1627 г. в Верхотурье была послана грамота, в которой предписывалось «во всех городех» собрать книги отпечатанного в Литве Евангелия учительного Кирилла Транквилиона, которое содержит «многия ереси и супротивства древним учительным Евангелиям и иным святых отец божественным книгам». И те книги велено было приносить «безпенно» в съезжую избу, а затем «на пожарех сжечь, чтоб та ересь и смута в мире не была»⁷⁴. Цензорами книги Кирилла Транквилиона были игумен Богоявленского монастыря Илья и справщик Иван Наседка.

В 1626 г. в Москву из Литвы приехал знаменитый просветитель и гуманист Лаврентий Зизаний. Лаврентий привез рукопись своего сочинения «Катехизис Великий», которое ему не удалось издать в Киеве. Сочинение это содержало изложение основных догматов православия, а также главы, посвященные истории, естествознанию, астрологии и другим наукам. Лаврентий, заручившись поддержкой киевского митрополита Иова Борецкого, обратился с просьбой к русским властям об издании «Катехизиса» в Москве⁷⁵. Просьба была удовлетворена. Книгу издали небольшим тиражом, однако подвергли скрупулезной цензуре, о характере которой известно благодаря сохранившемуся протоколу заседания, проходившего в Книжной палате с участием протопопа Лаврентия Зизания, игумена Богоявленского монастыря Ильи, справщика Григория Анисимова, боярина И. Б. Черкасского и дьяка Федора Лихачева⁷⁶. Заседание происходило 18 февраля 1627 г. Игумен Илья допрашивал протопопа Лаврентия о православной вере, а именно – о том, как он понимает единство Пресвятой Троицы. По мнению цензоров, в рукописи «Катехизиса» содержались еретические трактовки этого

основного догмата православия. Так, Лаврентий написал в своей книге: «оба существа свое имут сын и дух святыи», тогда как следовало бы написать: «оба существа свое имут», поскольку в Троице не три существа, а одно. Лаврентий, по мнению цензоров, путал понятия лица и образа, не понимая, что в Троице три лица, а образ един. Русские цензоры указывали, что они руководствовались старыми греческими книгами, так как новых они не приемлют, «потому что греки ныне живут в теснотах великих между неверными»⁷⁷.

Лаврентий прекрасно понимал, что ему нет смысла вступать в полемику со своими редакторами, чтобы не навлечь на себя еще большие неприятности. Он клялся, что у него и мысли не было испортить Священное Писание, что это «переводчик погрешил». Тем не менее на следующий день ему пришлось выслушать длинное нравоучение игумена Ильи, который, передав Лаврентию отредактированный тираж «Катехизиса», говорил: «...зело Лаврентий смело дерзаеши много глаголати о божестве Святыя Троица, или мнишеся паче богословцев древних достигнути глубину крайняго богословия?»⁷⁸ Лаврентия упрекали и в том, что он включил в свою книгу главы из книги «Астрология», которая «взята от волхвов ельинских и от идолослужителей ино туто в книге и нашему правоверию несходна». Лаврентий отвечал, что он затем и приехал в Москву, чтобы «здесь лучшая наука прияти; а ведаю и сам, что в моей книге много было и не дело писано». Показная смиренность Лаврентия спасла его от возможной опалы. Протопоп благодарил патриарха Филарета за науку, просил прощения у игумена Ильи, и на том они «разыдошася с миром»⁷⁹.

После прений 1627 г. хождение книг украинской митрополии, в том числе и антиуниатской по своему содержанию, было запрещено⁸⁰. Бдительные церковные цензоры порой усматривали ересь не только в литовской, но и в московской печати. Об этом свидетельствует история церковного Устава. Впервые книга была издана в 1610 г. «благоволением первопастыря тогда сушу... кир Ермогена патриарха Московскаго и всея России...»⁸¹. В 1633 г. было подготовлено к печати новое издание Устава, а старые печатные велено было собрать и прислать в Москву, поскольку «те Уставы печатал вор, бражник, Троицкого Сергиева монастыря крылошанин, чернец Логин», якобы «без благословения святейшаго брата его Ермогена», и многие статьи в тех Уставах «напечатаны не по апостольскому и не по отеческому преданию». «А собрав те книги указал великий господин отец наш и Государь Патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии сжечь»⁸². Сличение некоторых статей печатного Устава 1610 и 1633 гг. издания показало, что различия между ними довольно незначительные. И. Мансветов, посвятивший этому вопросу специальное исследование, пришел

к выводу, что систематическое исправление Устава было предпринято только в 1682 г., тогда как до этого времени ограничивались лишь частичными мерами, не следуя какому-то определенному плану⁸³. Книга Устав стоила очень дорого. Она была отпечатана в полный лист и содержала более тысячи страниц. Кто бы мог позволить себе сжечь такую книгу? Монахи Соловецкого монастыря нашли выход из положения: они просто внесли правку в печатный Устав 1610 г. Например, в чине «како должно есть иерею отпусты творити» в Лазареву субботу они трижды заклеили бумагой слово «человечеством», в соответствии с той редакторской правкой, которая была внесена в издание Устава 1633 г.⁸⁴

По мнению Т. А. Опариной, полемика с католиками и униатами, занявшая важное место в русской богословской мысли 1620—1630-х гг., была если не инициирована, то, во всяком случае, поддержана Филаретом, который одну из своих задач видел в систематизации догматического богословия⁸⁵. Вместе с тем исследовательница отмечает, что позиция патриарха в этих вопросах явно противоречила его западническим устремлениям, которые выразились в формировании про-шведского курса во внешней политике в разгар Тридцатилетней войны. Кроме того, Филарет, очевидно, был хорошо знаком с протестантской литературой и, по некоторым сведениям, даже заказал для себя перевод кальвинистского Служебника⁸⁶. Такая позиция патриарха объясняется политическими мотивами.

В предыдущей главе уже говорилось о том, какое большое значение Филарет придавал укреплению династии. Законность избрания Романовых на русский престол подкреплялась ссылками на родство с московскими князьями. Таким образом, была predetermined политическая ориентация на старину, на культурную и религиозную традицию XVI в.⁸⁷ Между тем прагматическая политика неизменно выходила за рамки традиции и требовала соприкосновения с чужеземной культурой, политического союза с иноверцами. Такова была дилемма, с которой пришлось иметь дело Филарету. Пока дипломаты патриарха вели переговоры со шведским правительством, а сам он в частных беседах интересовался идеями Реформации, церковные власти бдительно следили за состоянием умов православной паствы и немедленно пресекали всякое инакомыслие. И в этом неопределимую помощь оказывало печатное слово.

К 1630-м гг. необходимость развития книгопечатания была осознана в полной мере. «Невозможно рукописными книгами многорачительному и лютотрудному человеческому естеству тех достизати и навывати», — говорилось в послесловии к книге Трефологион 1637 г. издания⁸⁸. Со временем на Печатном дворе начинает издаваться не только богослужебная, но и учебная литература, появление которой было свя-

зано с именем печатника Василия Бурцова. Бурцов расширил содержание московских изданий, адресовав их более широкому кругу читателей. Он ввел ряд усовершенствований в книжное оформление, а также в технику книгопечатания. С его именем связано появление новых шрифтов и малоформатных изданий, удобных для чтения в дороге. Самым знаменитым изданием Бурцова был «Букварь» 1634 г., изданный «малым детем в научение и познание божественного писания», которую авторы предполагали «по всей бы своей велицей Руси разсеяти, яки благое семя в доброплодные земли, яко да множится и растет благочестие в всей русьстей земли». С помощью этой книги «малые отрочата учатся и вразумляют», а взойдя на высшую ступень знаний, они «учнут славить единого Бога в троице отца и сына и святого духа»⁸⁹. Очевидно, по этому «Букварю» учился грамоте царевич Алексей Михайлович, которому в 1634 г. исполнилось пять лет. «Букварь» был переиздан в 1637 г. Помимо букварей Бурцов издал еще несколько учебных книг: Часовники, Псалтири, Евангелие учительное⁹⁰. Любопытно, что в эти издания начинают проникать светские мотивы оформления в виде характерных заставок, миниатюр и орнамента.

Нужно сказать, что борьба за чистоту православия, развернувшаяся в первой половине XVII в., выходила за рамки чисто религиозной полемики. Благодаря усвоению русскими людьми концепции «Москва — третий Рим», ориентированной на культурный изоляционизм и резко негативное отношение к любому внешнему влиянию, чистота веры была возможна только в пределах Московского царства⁹¹. Поэтому любое отступление от православных канонов расценивалось не только как ересь, но и как измена родине. Преступление против церкви было равносильно преступлению против государства. О том, насколько тесно были переплетены понятия чистоты православия и преданности династии, свидетельствуют исповедные формулы первой половины XVII в. Некоторые из них приводятся в рукописном сборнике, составленном в патриаршество Филарета. В этих формулах на первом месте стоят не церковные, а государственные преступления: намерения «испортить» государя, «отъехать» в чужую землю, «навести на православие неверных» и т. д. Как заметил Б. Н. Флоря, вопросы исповедника составлялись на основе «крестоцеловальных записей», то есть текстов присяг на верность государю. Вероятно, составители исповедных формул при создании текстов вопросников тесно сотрудничали с представителями государственной власти⁹². В печатном издании «Чина исповеданию православным царем и великим князем Московским» вопросы веры, напротив, вынесены на первое место. «Веруеши ли во отца и сына и святого духа», «исповедуеши ли в Троицы единого Бога несмешна и неразделна исприсносущна», «исповедуеши ли Христа во дву естест-

вех, сиречь в божестве и человечестве, во едином же лице» — вот что в первую очередь спрашивал духовник исповедуемого. Государю приходилось отвечать: не женат ли он четвертым браком, не отдал ли замуж за иноверца свою сестру или дочь⁹³.

Вопросы веры приобретали исключительное значение в связи с политическими событиями. Так, в состав мирского и иноческого Третьеобрядного Собора 1639 г. было включено деяние церковного Собора 1620 г., на котором был обвинен крутицкий митрополит Иона за то, что он не стал перекрещивать перешедших в православие поляков. Деяние заканчивалось обширной инструкцией о том, как принимать в православие переходящих от люторских, латинских, сарацинских, иудейских и прочих ересей и по какому обряду их следует вторично крестить⁹⁴. Очевидно, обращение к проблеме перекрещивания иноверцев приобрело особую актуальность в преддверии переговоров о браке царевны Ирины Михайловны и датского королевича Кристиана⁹⁵.

Распространение идей православия требовало от издателей привлечения к работе все новых и новых текстов. Среди изданий типографии московского Печатного двора появляются сочинения отцов церкви — Иоанна Златоуста, аввы Дорофея, Кирилла Иерусалимского, Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина и других, издаются и жития русских святых — Сергия Радонежского, Никона Черногорца, преподобного Саввы Сторожевского⁹⁶. В начале 1640-х гг. была издана книга «Пролог», первая печатная книга, предназначенная для чтения. В ней значительное место уделялось описанию житий русских святых, рассказу о борьбе православной Руси с иноверными врагами⁹⁷. Своеобразным итогом религиозной полемики этого периода стало издание в 1644 г. Кирилловой книги, в которой были сформулированы идеи, утверждающие богоизбранность России⁹⁸. В книгу вошли сочинения иерусалимского епископа Кирилла, Максима Грека, александрийского патриарха Мелетия. Вместе с тем в ней в значительном объеме было представлено полемическое наследие киевской митрополии. В пространном стихотворном предисловии к изданию, написанном Иваном Наседкой, говорилось, что книга адресована «хотящим с жидами, и с теми еретики, и с римляны, и с люторы, и с калвины о вере претися, чтобы им окаянным, высокоумным не мнетися»⁹⁹. Наконец, в 1648 г. издается сборник полемических сочинений Захария Копыстенского, известный как «Книга о вере». В предисловии к нему говорилось, что «в настоящая сия времена последняя по грехом нерадения нашего велик пламень злохитренных и многоглавных ересей разгорется». Многие люди отходят от православия, не знают, «в чем православнии от отпадших разньствуем», и что особенно примечательно: «мнози ныне свой хлеб и сокровища духовная во чтении и поучении изобилных книг словенских оставивше,

за чюжие, иже смертоносным устроены хлеб хапаются»¹⁰⁰. Таким образом, пропаганда православного вероучения имела ярко выраженный политический подтекст.

Следует отметить, что подготовка рукописей к печати была трудоемкой работой и требовала высокой квалификации. К делу «книжной sprawy» привлекались опытные редакторы, хорошо знавшие церковную литературу. Одним из них был старец Соловецкого монастыря Сергей Шелонин. Он был вызван в Москву в начале 1640-х гг., после вступления на патриаршество Иосифа. Известно, что Сергей готовил к печати «Лествицу» Иоанна Синайского, работал над поучениями аввы Дорофея и над книгой о священстве Иоанна Златоуста в их украинском варианте. Недавнее исследование О. С. Сапожниковой показало, что Сергей перерабатывал печатные киевские и львовские издания, «ориентируясь на современный ему вариант церковнославянского языка»¹⁰¹. «Книжная справа» постепенно становилась обыденным явлением, однако она все еще внушала редакторам невольный страх. Осознавая свою ответственность за правку текстов Священного Писания, они постоянно оправдывались перед читателями: «Егда убо узрите в писменех яко бы рещи занедовычение странность или в просодии, и возомнитеся вы, яко новосие и необычно; ей ей, не ново и не нами убо сия вписашася, но ово убо от древних ведущих доброписцов наша великия Руси...»¹⁰² Авторы убеждали читателей, что ими «не мали преводы... к тиснению печатнаго дела собрани»¹⁰³. Например, в послесловии к учительному Евангелию говорилось: «Да не усумнишися, православный читателю, егда обрящещи во святей книзе сей исправления речений... понеже за их же святительским благословением со многих преводов свидетелствованне и справлена суть; преводы же собраны быша, един святыя соборныя великия церкви Пресвятыя Богородицы Успения, и другой Чудова монастыря, и чудотворца Алексия, и два Острожския печати»¹⁰⁴. Подобные обращения издателей не оставляют сомнений в том, что печатная книга не просто пользовалась спросом, но и оказывала на читателей большое влияние.

Развитие книгопечатания имело ряд важных последствий. Одним из них стало распространение проповеди, которая во многих отношениях была в русском обществе явлением новым. Хотя толкования Священного Писания были не чужды русской традиции, обычно от священника не требовалось особого красноречия. Ежедневная литургия, как правило, сводилась к механическому повторению богослужебных текстов¹⁰⁵. Однако в середине XVII в. наблюдается переориентация религиозной жизни от литургии к религиозному опыту. Важное место в церковной службе стало уделяться поучениям, в основе которых лежали моральные принципы, призыв к благочестию. В начале царствова-

ния Алексея Михайловича деятельность первых проповедников нашла отклик при дворе молодого государя¹⁰⁶.

Образцы проповедей можно было найти на страницах печатных изданий. Например, в августе 1643 г. была отпечатана книга «Поучений» патриарха Иосифа, в которой помимо выдержек из Библии и сочинений отцов церкви содержалось много оригинальных отрывков¹⁰⁷. Обращаясь к пастве, Иосиф писал: «Прочее же убо паки рцем: научите, запретите, настояте, понудите люди божия к благочестию, яко время убо обуреваемо есть, и дние лукавии суть, и люди на зло уклонишася; того ради дети своя духовныя неослабно наказуйте страху божию и от всяких богомерзких дел возбраняйте, ово молением, ово наказанием от божественных писаний, ово же и страхом наказания нашего смирения»¹⁰⁸. В 1647 г. был издан целый сборник поучений и слов отцов церкви, в котором можно было найти проповеди на весь литургический год¹⁰⁹.

Другим важным следствием развития книгопечатания стало приобщение широких слоев населения к книжной культуре. В середине XVII в. издательское дело достигло своего расцвета. Так, в 1646 г. было напечатано двенадцать книг, в 1647 г. — семнадцать, в 1648 г. — девять, в 1649 г. — двенадцать¹¹⁰. Это самые высокие показатели за все столетие. Печатные книги находили спрос в самых разных слоях населения, что свидетельствовало о широком распространении грамотности. По подсчетам А. И. Соболевского, в России в XVI—XVII вв. грамотными были около 70% духовенства, около 75% купечества, не менее 20% посадского населения и не менее 15% крестьян¹¹¹. К середине XVII в. круг образованных людей заметно увеличился и стал более демократичным. В него вливаются посадские люди и крестьяне, предметом чтения которых была в основном церковно-богослужебная и назидательная литература, то есть та, которую издавал Печатный двор¹¹². С. П. Луппов опубликовал расходную книгу книжной лавки Печатного двора середины столетия и наглядно показал процентное соотношение ее покупателей. Основными потребителями печатных книг были духовные лица, на долю которых приходилось примерно 27% всех покупок, торговые люди (также 27%), знать и дворянство (17%). Треть покупателей были иногородними¹¹³. Эти цифры свидетельствуют о том, что печатная литература, несмотря на свой сугубо религиозный характер, была востребована самыми широкими слоями населения.

Историки неоднократно отмечали, что в Европе распространение книгопечатания повлекло за собой быстрое расширение читательской аудитории, так что даже простолюдины активно обсуждали и толковали прочитанные ими книги¹¹⁴. Под влиянием печатной литературы простой мельник вдруг начинал философствовать об основах

мироздания¹¹⁵. Можно предположить, что сходные процессы происходили и в России, хотя, безусловно, в гораздо меньших масштабах.

История знает немало примеров, когда крупные социальные катастрофы — войны, голод, эпидемии, — оставлявшие после себя хаос и разорение, в то же время пробуждали к жизни общественные силы, которые, в конечном счете, способствовали подъему культуры и развитию прогресса. Смуты в России в начале XVII в. была «не только политическим кризисом и не только социальной катастрофой». Она создала предпосылки для быстрого культурного ренессанса, одним из проявлений которого стало развитие книгопечатания. Обеспокоенные «глубокой переменой в настроении народа», власти использовали печатный станок для утверждения новой московской династии и борьбы с иноземным влиянием. Однако, помимо чьей бы то ни было воли, книгопечатание совершило настоящий переворот в сознании элиты русского общества, оказало огромное влияние на мировоззрение нового поколения книжников, которое в середине столетия выступило с программой культурных и церковных преобразований.

Глава 3

Возвышение Никона

Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь господь меня привел.

А. С. Пушкин. «Борис Годунов»

Одним из представителей нового поколения русских людей, чья юность совпала с периодом национального и культурного возрождения Московского царства, был патриарх Никон. Ему суждено было оставить самый заметный след в истории России XVII в.

Никон родился в 1605 г., в самом начале Смуты, незадолго до того, как в Москву вошли отряды Лжедмитрия I. О первых годах его жизни известно очень немного. По сути дела, единственным достоверным источником, повествующем о ранней биографии патриарха, является его житие, написанное иподьяконом Иваном Шушериным. Шушерин, уроженец Великого Новгорода, еще в молодости попал в услужение к Никону, был «воспитан издетска возраста и возмужа при бедре» владыки.

Свой рассказ о жизни патриарха Шушерин начинает с описания его рождения: «В лето от мироздания 7113* в месяце Маие, в пределех Нижняго Нова-града, в веси нарицаемой Велдемановой родися он, Святейший Патриарх, от простых, но от благочестивых родителей, отца именем Мины и матери Мариамы»¹. Мальчика назвали Никитой, в честь переяславского чудотворца, память которого отмечается 24 мая. Очевидно, в этот день новорожденного крестили и дали ему имя чтимого святого. В средневековой Руси обряд крещения совершался вскоре после рождения ребенка, как только позволяло здоровье младенца. Собственно день крестин, или день ангела, когда человек получал имя и приобщался к церкви, имел гораздо большее значение, чем день рождения, дату которого многие люди, особенно из низших сословий, зачастую вообще не помнили.

* В допетровской Руси летосчисление велось от сотворения мира, которое, согласно библейской традиции, произошло в 5508 г. до нашей эры. Год начинался 1 сентября. Таким образом, 7113 год охватывает период с 1 сентября 1604 по 31 августа 1605 г.

Никита рос в простой крестьянской семье. Имена его родителей, Мина и Мариам, позволяют предположить, что его предки были мордвинами, хотя другие родственники будущего патриарха носили русские имена. Сохранилось несколько списков поминальных записей рода патриарха Никона в синодиках середины XVII в., которые позволяют частично реконструировать его родословную. Записи называют имена трех братьев Никиты — Симеона, Никифора и Григория, его деда по отцу Василия и деда по матери Гавриила². Когда Никита еще был «в мале возрасте», его мать умерла, и воспитывать ребенка взялась «жена некая, именем Ксения», которая сжалилась над ним, «зряще сиротство и малость возраста Никитина». Отец мальчика женился второй раз. Мачеха же «зело к оному Никите бысть зла». Ненависть ее не знала границ, и, если верить Шушерину, она несколько раз пыталась убить Никиту, которому лишь чудом удавалось избежать смерти.

В юношеском возрасте Никита обучился грамоте. Отец сам «вдаде его в научение» одному учителю, у которого юноша провел некоторое время. Однако, вернувшись домой, Никита стал забывать Божественное писание и, чтобы продолжить обучение, взял «нечто из дому отца своего пенязей» и ушел в находившийся неподалеку Макарьев Желтоводский монастырь к «некому старцу Богодухновенну». Приняв вклад, этот старец представил Никиту игумену, который разрешил ему жить в обители. Никита проявлял необыкновенное рвение к церковному пению, а в летнее время, чтобы не проспять начало службы, нередко оставался ночевать в церкви «у благовестнаго колокола». Все дни он проводил с книгой, постигая премудрости Божественного писания³.

Описывая ранние годы жизни патриарха, Шушерин опирался на устные рассказы самого Никона и лиц из его окружения: «...ово... от уст слыша самага святейшаго, ово же слыша от братий живущих со святейшим»⁴. Некоторые эпизоды жития патриарха носят явно легендарный характер. К числу таковых относится, например, предание о некоем татарине (по другим источникам — мордвине), предсказавшем молодому Никите Минову патриаршество. Это же предание пересказал автор другого агиографического источника — «Жития Илариона, митрополита Суздальского», которое было написано в начале XVIII в.⁵ Текстологический анализ обоих источников показывает их независимое происхождение. Вероятно, легенда о предсказании Никону патриаршества широко бытовала в конце XVII в. Автор «Жития Илариона» ссылается на рассказ сторожа московской соборной церкви, который поведал ему и историю о предсказании мордвина, и историю о священнике Анании. Анания был отцом митрополита Илариона. Во времена патриаршества Филарета его хорошо знали в Нижегородском крае. Вскоре после 1632 г. Анания переселился из Нижнего Новгорода в село Кири-

ково, «яже близ веси, имянуемая Лысково», недалеко от Макарьева Желтоводского монастыря⁶. Еще бельцом Никон приходил к нему «поучения слушать», так как тот «зело бо учителен был», и однажды «начал у него рясы просити», на что Анания ему ответил: «...ты по благодати святого Духа имаше бо и лучше рясы носить... будеши ты в чину великаго сана патриархом»⁷.

Для нас важны не столько полулегендарные известия о предсказаниях Никону патриаршества, сколько то, что уже в молодые годы он приобщился к книжной культуре и познакомился с людьми, близкими ему по духу, такими, как священник Анания или другой нижегородский подвижник — Иван Неронов. Неронов — одна из самых заметных фигур своего времени. Он был учеником архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия Зобниновского, при котором служил сначала дяконом, а затем иереем⁸. Будучи ревностным поборником благочестия, Неронов нес свои проповеди в мир, чем нередко навлекал на себя негодование прихожан. В 1620-е гг. он вместе с женой переселился в село Лысково и «обрет тамо священника именем Ананию, во всяких добродетелех ходяща и житие праведно живуща, пребываше в дому его, и во всем послушаше того, и внимаше учению и разуму его: понеже иерей той Анания зело искусен бе в Божественном писании»⁹. Пожив у Анании некоторое время, Неронов с благословения иерея ушел в Нижний Новгород, где обновил основанный еще в XVI в. Воскресенский монастырь¹⁰. Все эти события, как следует из жития, произошли до 1632 г. В этот год Неронова постигла опала. Он был сослан в Никольский Корельский монастырь за «гордость и высокую мысль, во иступлении ума бысть и ныне не в совершенном разуме, и в людех многую смуту чинил, и людей учил без нашего благословения, и священником лаял и еретиками называл, от своего безумства»¹¹. Вероятно, молодой иерей пострадал за свои неистовые проповеди и стал жертвой чьего-то доноса. Такие люди, как Анания и Неронов, безусловно оказали большое влияние на Никиту Минова.

Немаловажное значение для формирования личности будущего патриарха имело и его пребывание в Макарьевом Желтоводском монастыре. Это был один из самых древних монастырей Нижегородского края. Он был основан еще в начале XV в., но в 1439 г. был razорен татарами и долгое время стоял в запустении. Однако в начале XVII в. «во области Казанския страны, в пустыни сущей в пределех града Симбирска в горах северных живый монах некий стожителный именем Авраамий»¹². Узнав о судьбе Макарьевской обители, Авраамий отправился вверх по течению Волги и по дороге расспрашивал «живущих по берегу великия реки» о ее местонахождении. Наконец, с большим трудом он обнаружил «то место блатно», поселился там, и вскоре к нему стали

приходить окрестные жители и «созидати себе келии»¹³. По мнению Н. В. Понырко, обновление Макарьева Желтоводского монастыря произошло в 1620 г.¹⁴ Однако это предположение основано на литературных источниках. Вместе с тем обращение к официальным грамотам и юридическим документам позволяет существенным образом уточнить датировку. В данном случае мы располагаем жалованной несудимой грамотой патриарха Филарета, которая была дана Макарьеву Желтоводскому монастырю 10 июня 1628 г., а также духовным завещанием самого Авраамия. В грамоте Филарета говорится, что патриарх жалует «новые пустыни Строителя Авраамия, с братиею, что они Нам били челом о жалованной несудимой грамоте»¹⁵. В своей духовной Авраамий свидетельствует, что до него «было се место впусе сто девяност лет от Татарскаго разорения», то есть сам он считает датой обновления обители 1629 год. Только после получения монастырем жалованной грамоты туда «стали приходить православнии христиане и подавати на монастырское строение и на молебн, кождо по вере своей»¹⁶.

Получение монастырем жалованной грамоты патриарха не следует рассматривать как знак особого покровительства со стороны Романовых¹⁷. Такие грамоты получали многие монастыри, находившиеся в пределах патриаршей области. Например, в 1621–1624 гг. они были даны Пурдышевскому, Антониеву-Сийскому, Вяжицкому, Иосифо-Волоколамскому, Суздальскому Покровскому девичьему, Симонову, Николаевскому Корельскому, Двинскому Архангельскому, Ладожскому Васильевскому монастырям¹⁸. По царской грамоте от 20 мая 1620 г. Филарету были переданы в подчинение все монастыри и церкви патриаршей области. Раньше «ведали их судом и управою, кроме духовных дел, во всяких делех в приказе Большого Дворца», а теперь бояре, воеводы и приказные люди «монастырей и церковных всяких людей не судят ни в чем, и не ведают, и приставов по ним ни в чем не посылают, опричь разбою и душегубства, и татбы с поличным, и смертных и кровавых дел». Патриарху было дано право самому определять размер налогов с этих монастырей и принадлежащих им земель¹⁹.

Получив освобождение от налогов, Макарьев Желтоводский монастырь, расположенный вблизи торгового центра, стал быстро отстраиваться и богатеть. В 1640 г. здесь уже были часовня, храм Пресвятой Троицы, две поварни, огород, съезжий двор, две избы, три поля пашни, монастырское подворье в селе Лысково²⁰. Возрождение обители после долгого запустения пришлось на конец 1620-х — начало 1630-х гг., как раз на то время, когда в ее стенах подвизался Никита Минов. Обновление монастыря, вероятно, произвело на него сильное впечатление. Монастырская жизнь виделась Никите идеалом, и он хотел посвятить себя служению Богу. Однако жизнь распорядилась иначе.

По настоянию своих родственников Никита женился и вскоре, «желая церковною службою наслаждаться, поиде от дому своего на изыскание жития своего при церкви Божией и... обрете бо в некоем селе церковь Божию без клирика, в нем же Иереи и поселяне с любовию прияша его и несколько тут ему с супругою своею прежившу к той церкви и во священники посвятися»²¹. Можно предположить, что Никита поселился в селе Лысково, жители которого принимали деятельное участие в обновлении Макарьевской обители, или в селе Кириково, что в восьми верстах от Лыскова, куда в 1632 г. перебрался с семьей священник Анания. Здесь он мог встретить и Ивана Неронова, который, возможно, приходил к Анании из Нижнего Новгорода, и будущего протопопа Аввакума, уроженца села Григорово, также находившегося неподалеку от Лыскова.

«В некоем селе» Никита прожил с супругой несколько лет. Там он был поставлен в священники и вскоре переселился в Москву. О его жизни в столице ничего не известно, умалчивает об этом и Иван Шушерин, который упоминает лишь о том, что Никита пожил «тамо некая лета». Впрочем, в одном из поздних списков сочинения Шушерина, датированном серединой XVIII в., «о житии Никитином в Москве» рассказывается довольно подробно. Ему уделена специальная глава, пафос которой — пророческие предсказания Никиты. По свидетельству этого позднего источника, в Москве Никита жил в доме думного дворянина Хлопова. Получив боярский чин, Хлопов собрал по этому поводу у себя гостей. Однако Никиту к столу не пригласили, и тогда «представленная на трапезу рыба абие вси возмердеша, злую воню испущаху»²². Хозяин стал извиняться и уверял гостей, что рыба была свежая. Он велел позвать Никиту и просил его «купно с ними ясть». Однако Никита лишь «яде хлеб и насытится, и рече: не оскудеет в сем доме пьянство, блуд, татьба, убийство и всякая мерзость...». Пророчество сбылось. После смерти Хлопова царским повелением в его доме был устроен кабак, «иже и доныне нарицается Петровское кружало»²³. От Хлопова Никита переселился к Ивану Михайловичу Милославскому, где пророчествовал, что «в доме сем жители безчестныя имут казни»²⁴. Судьба Ивана Милославского, гроб с телом которого был вырыт из могилы по приказу Петра I и обогрен кровью мятежных стрельцов в 1698 г., хорошо известна. Другой жилец дома, Абрам Лопухин, был казнен после розыска по делу царевича Алексея²⁵. Наконец, последнее пророчество касалось Артамона Сергеевича Матвеева, который просил у Никиты разрешения вступить в четвертый брак, а получив отказ, назвал Никоном своего пса. Никита проклял боярина за поругание архиерейского чина, а Артамон Сергеевич принял страшную смерть во время стрелецкого восстания 1682 г.

Нетрудно заметить, что рассказ о «житии Никитином в Москве» полон исторических и хронологических несуразностей. Так, Иван Милославский, начавший свою службу в 1660 г., родился, вероятно, в начале 1640-х гг., и Никита никак не мог жить в его доме. Известно, что своего пса назвал Никоном боярин Семен Лукьянович Стрешнев, а не Артамон Матвеев. Что касается Хлоповых, то из них боярский чин получил только Кирилл Осипович, да и то в 1690 г.²⁶ Можно, конечно, допустить, что Никита знал о судьбе девицы Марии Хлоповой, чья семья из-за происков бояр Салтыковых была сослана сначала в Тобольск, а затем в Верхотурье и Нижний Новгород. В 1623 г. в Нижнем проводился повторный розыск по делу царской невесты, но хотя обвинения с Хлоповых были сняты, им так и не позволили вернуться в Москву. Мария Хлопова жила в Нижнем Новгороде до самой смерти в 1633 г., а ее отцу было велено поселиться в своей коломенской вотчине²⁷. Однако ранние источники не позволяют говорить о какой-либо связи Никиты Минова и Хлоповых. Таким образом, свидетельства позднего списка жития патриарха представляются недостоверными. Хлоповы, Милославские, Лопухины, Матвеевы — все эти фамилии стали широко известны только в царствование Алексея Михайловича, и даже еще позднее, в начале правления Петра I. Вероятно, судьба некоторых представителей этих родов побудила одного из переписчиков сочинения Шушерины снабдить его вымышленным рассказом о пророчествах патриарха.

Но вернемся к Никите Минову. По всей видимости, в Москве он прожил недолго и, «зря суету мира сего и непостоянство», начал склонять супругу к пострижению в Алексеевском девичьем монастыре, а сам решил отправиться на далекий Анзерский остров²⁸. Что заставило его пойти на такой шаг? Поступок Никиты вполне объясним. После неудачной Смоленской войны обстановка в столице была беспокойной. В марте 1636 г. после пожара, уничтожившего Китай-город, Москву охватили волнения, в которых приняли участие самые разные слои населения: холопы, посадские люди, стрельцы, дворяне²⁹. Социальная нестабильность повлекла за собой повсеместное падение нравов. Церковно-приходская жизнь не отличалась благочестием. Уже цитированная нами память патриарха Иоасафа тиуну Мануйлову, разосланная по соборным и приходским церквям столицы, рисует безрадостную картину. В ней говорилось, что прихожане стоят в церкви «с безстрашием и со всяким небрежением и во время святого пения беседы творят неподобные с смехотворением», случается «ходят по церквям шпыни, с безстрашием, человек по десятку и болши, и от них в церквях великая смута и мятеж, и в церквях овогда бранятся, овогда и дерутся»³⁰. Такую ли паству хотел видеть Никита Минов? Вспоминая о благочестивом укладе Макарьева Желтоводского монастыря, молодой священник невольно

помышлял о пострижении. Была и еще одна причина, подтолкнувшая его на этот шаг. Брак Никиты оказался неудачным. Трех детей родила ему жена, и все трое умерли во младенчестве. Адам Олеарий писал, что «в монастыри отправляются частью из бедности, частью по старости и дряхлости, частью вследствие супружеских несчастий»³¹. Неудачи в мирской жизни вынудили Никиту искать успокоения в монастыре.

Никита отправился в Анзерский скит, расположенный на втором по величине острове Соловецкого архипелага. Эту обитель основал в 1620 г. инок Елеазар. По мнению некоторых историков, Анзерская пустынь пользовалась особым покровительством царской семьи, и именно поэтому ее выбрал Никита Минов³². Однако такая точка зрения представляется спорной. Она основана на анализе жития Елеазара Анзерского, написанного в начале XVIII в. соловецким иноком Макарием. Если же обратиться к современным источникам, в первую очередь к автобиографической записке самого Елеазара, так называемому «Свитку», то история Анзерской пустыни предстанет в совершенно ином свете³³.

Елеазар был послушником Соловецкого монастыря. В 1616 г. с ведением игумена Иринарха он переселился на соседний Анзерский остров, принял там пострижение и основал обитель. Елеазар построил на острове деревянную Троицкую церковь, деньги на которую принес из Москвы Иринарх³⁴. Это подтверждают и официальные источники. В патриаршей грамоте от 18 марта 1620 г. сказано, что о подвижнике Елеазаре «ведомо нам учинилось от тебя игумена Иринарха, и от старца вашего Александра». В грамоте от 20 января 1621 г. указано было строить на Анзерском острове церковь во имя Троицы и Михаила Малеина³⁵.

Упомянутый старец Александр по фамилии Булатников сыграл важную роль в жизни Анзерской обители. Он происходил из семьи служилых дворян. Его отец, Лаврентий Григорьевич, в 1636–1640 гг. был стольником, в 1637–1638 гг. — воеводой в Кевроле и Мезени³⁶. Однако Александр не пошел по стопам своего родителя. Он постригся в монахи в Соловецком монастыре, а в 1622 г. был отозван в Москву для «великаго духовного дела». В столице его назначили келарем Троице-Сергиева монастыря при архимандрите Дионисии Зобниновском. Александр Булатников был восприемником царских детей — Ирины Михайловны и Алексея Михайловича³⁷. В бытность свою троицким келарем он сделал значительные вклады в разные монастыри, в том числе в Соловецкий — более трех тысяч рублей, в Троице-Сергиев — около двух тысяч рублей. Известно, что он оказал содействие Диодору Юрьегорскому, когда тот поселился на Юрьевом озере и основал там обитель³⁸. В 1641 г. по словам самого Александра Булатникова, постигла его «скорбь и нищета». Он потерял зрение и по его просьбе был отправлен на Соловки. Несмотря на покровительство царицы-матери Марфы Ивановны, там он терпел

притеснения от соборных старцев и игумена Ильи. Только в 1649 г. Булатников был возвращен в Москву. Он провел остаток своих дней в Троице, где и был похоронен в 1655 г. рядом со своими родителями³⁹.

В патриаршество Филарета Александр Булатников был достаточно влиятельным лицом при царском дворе. Судя по тому, что он покровительствовал своим старым знакомым по Соловецкой обители, каковыми были Елеазар или Диодор, можно предположить, что в 20—40-е гг. XVII столетия стали налаживаться тесные связи между Соловками и Троицей, двумя крупнейшими монастырями России. Став священником в Москве, Никита Минов не мог не посетить Троице-Сергиев монастырь, где он, возможно, познакомился с Александром Булатниковым. То ли от самого Булатникова, то ли от кого-либо из троицкой братии он узнал о существовании Анзерской пустыни. Порвав с миром, Никита отправился к Елеазару, где и постригся в монахи под именем Никона. В это время жена его готовилась принять постриг в московском Алексеевском монастыре⁴⁰. Уже на Анзерском острове Никон узнал, что супруга его неожиданно переменила решение и стала подумывать о втором замужестве, и только увещевания родственников удержали ее от этого поступка⁴¹. Некоторые исследователи усматривали в пострижении Никона честолюбивые планы и карьеристские соображения⁴². Однако для этого нет никаких оснований. Монашество в Анзерской обители не сулило Никону выгод. Путь к вершине церковной иерархии мог пролегать через Соловецкий монастырь, но для того, чтобы стать там соборным старцем, а тем более игуменом, нужно было иметь немалые деньги или хорошие связи. Ни того ни другого у Никона не было. Во вкладной книге Анзерского скита мы не находим никаких упоминаний о его вкладах до поставления на патриаршество⁴³. Уход на Анзерский остров скорее можно расценивать как поступок отчаявшегося человека, пытающегося найти успокоение вдали от мира.

Обитель Елеазара была совсем новой. Ее уклад не был похож на уклад соседнего Соловецкого монастыря. В царской грамоте 1636 г. говорилось: «Ведомо нам учинилось, что в Соловецкой монастырь с берегу привозят вино горячее, и всякое красное Немецкое питье, и мед красной, и держат то всякое питье старцы по кельям, а на погребе не ставят, и келарей и казначеев выбирают без соборных старцов и без чорного собору те старцы, которые пьяное питье пьют, и на черных соборах смуту чинят и выбирают потаковников, которые бы им молчали, а они б их в смиренье не посылали и на погребе бы им беспрестанно квас подделной давали; а которые старцы постриженники старые, и житием искусны, и предание великих Чудотворцев Зосимы и Саватая хранят, и тех де старцев безчестят и на соборе говорити им не дают... и живут де в Соловецком монастыре кельями и заговором... а иные де

многие статьи ныне в Соловецком монастыре делаются не по прежнему, чего прежде сего не бывало и быти не годно; а вы, игумены, и келарь и соборные старцы, о том не радеете...»⁴⁴ Быт Анзерского скита был совершенно иным. Вот что говорится об этом в Житии Елеазара: «Преподобный же устрои скитское житие, по образу древних отец скитских, еже комуждо особь келлиа и пища и молчание, в неделю и праздники купно собирахуся вси в церковь дважды в седмице, и творяху всеношная бдения от вечера и до утра... Ксему же и трудом вящим предаяшеся, овогда книги писаше, овогда же коленопреклонения многа творяше, овогда же дрова секий, и возяше на хрепте своем, и многа ина таковая содаловаше собою»⁴⁵. Сочинение Ивана Шушерина и царские грамоты подтверждают эти сведения. В ските было двенадцать человек братии, которые жили в кельях, удаленных друг от друга на почтительное расстояние. По субботам монахи собирались вместе и «на пении Божественном всю ночь препровождаше», после чего каждый возвращался в свое жилище и вел уединенный образ жизни до следующей субботы⁴⁶. Никон, приняв пострижение, «вдаде себя великому посту и воздержанию». Он проявлял исключительное усердие во время всеношной службы, «по тысяче поклонов творяше, сна же зело мало употребляше». Анзерский скит находился на содержании государства и получал жалованье и корм из таможенных сборов Архангельска и Холмогор. В пустыни не было ни лошадей, ни судов, видимо, вообще никакого имущества, за исключением мелкой утвари. Братии запрещено было владеть рыбными ловлями и общаться с мирянами⁴⁷.

Однажды Елеазар отправился в Москву «ради собрания милостыни на строение каменная в том острове церкви» и взял с собой Никона. По словам Шушерина, в Москве им удалось получить на строительство церкви значительную сумму — 500 рублей. Однако эта цифра явно завышена. В царской грамоте 1638 г. на имя соловецкого игумена Варфоломея с разрешением строить в Анзерском ските каменную церковь говорится о выделении на эти нужды 200 рублей таможенных и оброчных денег. Кирпич и известь велено было брать в Соловецком монастыре, а из Москвы был послан подмастерье Трефил Шарутин⁴⁸. Деньги, полученные на строительство, послужили поводом для разрыва Никона с Елеазаром. Работы по возведению храма по каким-то причинам затягивались. Никон пытался уговорить своего учителя поскорее взяться за дело либо отдать казну на хранение в Соловецкую обитель, чтобы уберечь ее от разбойников, которые были не редкими гостями на архипелаге. Елеазар воспринял упрек Никона как личное оскорбление. В результате возникшей ссоры Никон неожиданно покинул скит, пустившись с каким-то крестьянином в опасное плавание по бурным волнам Белого моря. Г. П. Гунн обратил внимание на свидетельство Жития

Елеазара, где говорится, что после воцарения Алексея Михайловича Елеазар снова приехал в Москву. При дворе он получил подарки и новую царскую грамоту с разрешением строить на острове каменную церковь. По возвращении его на Соловки между ним и соловецкими властями возникла распря. Соловецкие старцы хотели воспрепятствовать строительству храма. «Начальники обители огорчившись, и стрелою зависти устрелены быша, и вознегодоваша на преподобнаго и многое озлобление ему сотвориша. Внегда убо хотяшеся преподобному, по его изволению, здатися церкви, они же небрегоша, но паче на ярость подвигшеся, и взявше его затвориша в темницу». По-видимому, этот рассказ имеет под собой реальную основу. Но в позднем источнике он сдвинут хронологически на несколько лет вперед. Согласно официальным грамотам, Елеазар приходил в Москву просить денег на каменное строительство в 1638 г., а не при Алексее Михайловиче. Возможно, в рассказе автора Жития о распре с соловецкими властями нашли отражение беспорядки, происходившие в обители в 1639 г. Во всяком случае, игумен Паисий, который в это время возглавил монастырь, занимал свой пост очень недолго. В 1640 г. он был смещен, уступив место игумену Маркелу. В царской грамоте, присланной в монастырь в 1647 г., говорилось, что среди братии от пьянства «бывает многая вражда и мятежи, а иные священники и крылошания и простая братья в том обычае закоснели, и от того нестроения игуменом бывают перемены частыя, и без игуменов в монастыре проходило многое время, и повыкли жить по своей воле»⁴⁹. Возможно, бегство Никона с Анзерского острова было как-то связано с беспорядками в Соловецком монастыре.

Никон отправился на лодке к устью реки Онеги. Вот как он сам описывал это путешествие несколько лет спустя: «В мимошедшем 147-ом (1639) году, мы, будуще Иеромонахом, творихом шествие по морю от скита Анзерскаго; и во время то от великаго морскаго волнения едва не потопихомся; но, уповающе на силу Божественнаго животворящаго Креста, спасение получихом пред Онежским устьем, к пристанищу к Кию острову»⁵⁰. Остров находился в 15 километрах от берега и был абсолютно безлюден. В знак своего спасения Никон водрузил на нем крест, а впоследствии основал там монастырь⁵¹.

Переждав бурю, Никон добрался до материка и отправился пешком вверх по течению Онеги, а затем вдоль небольшой речки Кожи. По-видимому, у него не было никакой определенной цели. «Идушу же ему тем путем оскуде у него пища, и десять дней в гладе быв», — писал Шустерин. Никон пришел к какой-то деревне и попросил перевезти его на другую сторону реки, однако «никто же от живущих тамо богатых восхоте онаго в гладе сущаго иеромонаха перевезти», и только некая бедная вдова повелела своему сыну помочь странствующему монаху. Никон

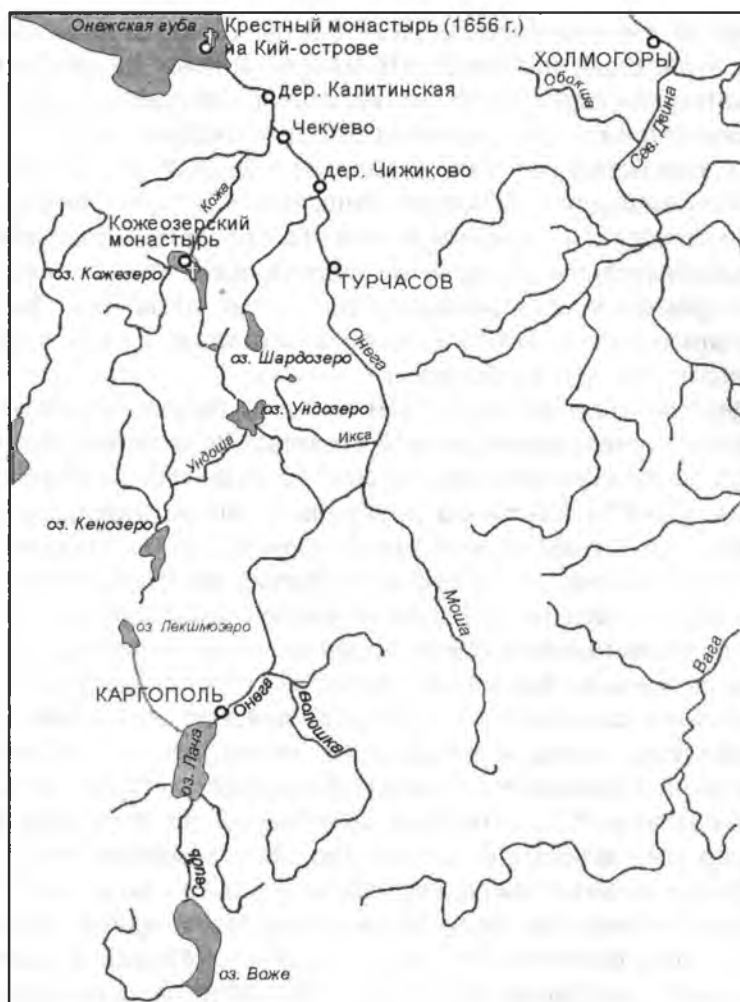
«ничто же не имея за перевоз дати»⁵². Весь его нехитрый скарб погиб во время бури. Шушерин писал, что на другой день, по прибытии в Кожеозерский монастырь, Никон дал игумену в качестве вклада две книги: полуустав и каноник. Это известие выглядит сомнительным. По крайней мере, о таком вкладе нет упоминаний во вкладной книге монастыря.

Кожеозерский монастырь, основанный в 1566 г., был не менее уединенным местом, чем Анзерский скит. Его история не отмечена знаменательными событиями, если не считать того, что в начале XVII в. сюда по приказу Бориса Годунова был сослан князь Иван Васильевич Сицкий, проходивший по делу бояр Романовых, которых обвинили в намерении «испортить» государя⁵³.

О существовании Кожеозерской пустыни Никон, безусловно, знал еще во время своего пребывания у Елеазара. Во вкладной книге Кожеозерского монастыря упоминается вклад анзерского старца Зосимы, сделанный в 1637 г.⁵⁴ Получив пристанище, Никон попросил разрешения братии уединиться на пустынном острове, где он, «келлию своими руками устроив, нача жити чином Анзерския пустыни. Остров же той на том озере, на нем же и Кожеозерская пустынь; живуще же тамо по молитве поделие имяше рыбное ловление, бе бо то озеро зело рыбно, от людей же мирских жительство удалилося поприщ с сорок»⁵⁵. По стечению обстоятельств этот поступок стал началом возвышения Никона.

Аскетический уклад монастырской жизни, противопоставленный нравственной деградации черного духовенства в старых монастырях, в первой половине XVII в. получил широкое распространение. В 1639 г. в Кожеозерском монастыре помимо Никона появляются еще два человека, которые, каждый по-своему, сыграли важную роль в его биографии. Одним из них был Борис Васильевич Львов, принявший при пострижении имя Боголеп. Он был выходцем из провинциального дворянства. Брат его Григорий в 1616 г. был взят на службу из Казани подьячим в Посольский приказ⁵⁶. Там он сделал блестящую карьеру. В 1637–1643 гг. Григорий Львов был дьяком Посольского приказа и Новгородской четверти. С 1638 г. в его ведении был уже и Печатный приказ, а 1 сентября 1643 г. он был назначен думным дьяком и пробыл в этом чине до самой своей смерти в декабре 1646 г. Еще будучи подьячим, Григорий Львов обучал письму молодого царевича Алексея Михайловича⁵⁷. В конце своей жизни он был одним из самых влиятельных людей в государстве. Григорий Львов был тесно связан с видными боярами. Достаточно сказать, что душеприказчиками после его смерти были Борис Иванович Морозов и Богдан Матвеевич Хитрово⁵⁸.

По предположению И. Г. Спасского, Боголеп Львов до своего пострижения в Кожеозерской пустыни принадлежал к ратным людям Троице-Сергиева монастыря⁵⁹. Неизвестно, по каким причинам Боголеп

Каргопольский уезд в середине XVII в.

постригся в монахи в бедной Кожеозерской пустыни, зато известно, что он вел там далеко не праведный образ жизни. Имя Боголепа упоминается в связи с историей раннего старообрядчества. На соборе 1666 г. фигурировала поданная кем-то роспись винам старца Боголепа. В ней было сказано, что «живет он старец многим на соблазн и на повреждение. Отца духовнаго не имеет у себя лет здесеть, а пречистаго тела и крови Христовы не причащается лет здвадцать, а в церковь Божию на пения и в трапезу за стол не ходит а за монастырь и по монастырю ходит, а в кельи робят держит, а как братья пойдут в церковь Божию, а к нему в те поры ходит дячек лет в шестнадцать». Боголеп

чувствовал себя в монастыре вольготно и не считался ни с братией, ни с игуменом. «Да с ним же старцем Боголепом того ж монастыря игумен Павел побраняся, упрякал его старца Боголепа, что погубил де ты, оказанный, у себя в кельи душ здвадцать своим беззаконием... И за игуменом по монастырю гонял и ученик его старца Боголепа, старец Иосаф, хотел было игумна бить по его старцеву научению, и игумен в келью, а посох изронил на монастыре, и убоясь его ис кельи не выходил дни стри, а посох на монастыре лежал. А и прежние игумены от него Боголепа изгнаны с большими скорбьми: игумен Феодосий, игумен Дионисий, игумен Сергей, игумен Самоил». Боголеп чувствовал за собой поддержку влиятельных лиц из придворной среды. «А надеется на милость и заступление окольничева Феодора Михайловича Ртищева, да на думнаго дьяка Алмаза Иванова, и на свое многое и мимотекущее богатство», — говорится в той же росписи⁶⁰. Тем не менее Кожеозерский монастырь получил от Боголепа самые значительные вклады за всю свою историю — «834 рубля с полтиною» книгами, иконами и деньгами, а также еще пять икон, «что жемчугом обложены писаны бесценно»⁶¹.

Другим человеком, появившимся в обители в 1639 г., был отшельник Никодим, постриженник Чудова монастыря и ученик крутицкого митрополита Пафнутия. Никодим тридцать шесть лет прожил в одиночестве на реке Хозьюге, недалеко от Коже-озера. «Пребысть же в пустыни той един, живя в посте и молитвах и во всяком воздержании, паче человека тружаяся». За два месяца до своей смерти он «оставль пустыню от многоаго воздержания и старости», пришел в Кожеозерский монастырь и вскоре умер. Незадолго да смерти Никодиму явился образ московского чудотворца митрополита Алексея и троицкого архимандрита Дионисия Зобниновского, которого старец никогда в своей жизни не видел. Об этом чуде кожеозерская братия отписала келарю Троице-Сергиева монастыря Александру Булатникову, а Боголеп Львов, на которого аскетические подвиги Никодима произвели сильное впечатление, написал краткое Житие подвижника, отрывки из которого мы процитировали⁶². Впоследствии в монастырской среде было составлено пространное Житие хозьюгского отшельника с добавлением многочисленных чудес. «Подвиги» Никодима стали известны далеко за пределами Каргопольского уезда. Имя его почиталось даже при дворе. Так, в 1642 г. дьяк Посольского приказа Григорий Львов сделал вклад в Кожеозерскую пустынь, дал на гроб Никодиму «покров отлас гвоздичный цвет»⁶³.

В глазах братии Никон, уединившийся на одном из островов Коже-озера, стал продолжателем дела Никодима. Источники показывают, что со временем он становится популярной личностью среди братии. Боголеп Львов явно начинает оказывать покровительство Никону. В 1642 г., после смерти настоятеля Ионы, Никон отправился в Новго-

род, где был поставлен в игумены митрополитом Афонием. Самое удивительное, что при вступлении в должность вчерашний нищий иеромонах дал в монастырь вкладу «двадцать рублей денег, да херувими и серафими в церковь он же дал за двадцать рублей, да он же дал ризы кутняные брусничной цвет оплечье бархат черной подложены крашеною червчатою за пять рублей»⁶⁴.

Игуменство Никона стало для Кожеозерского монастыря временем невиданного процветания. За три с небольшим года в пустынь было прислано восемь царских грамот, вышедших из канцелярии приказа Новгородской четверти. Первая из них, 1643 г., — за приписью дьяка Григория Львова. Монастырю были отданы на оброк две четверти пашни пустотной земли, пожалованы рыбные ловли на реке Онеге, решено было заводить соляные варницы на реке Коже и т. д. Боголеп Львов не раз ездил в Москву и привозил оттуда солидные вклады различных вельмож — Бориса Ивановича Морозова, князя Алексея Михайловича Львова, Никиты Ивановича Романова, дьяков Ивана Грамотина и Григория Львова⁶⁵. Никон тоже бывал в столице по монастырским нуждам. На это есть прямое указание во вкладной книге. В 1645 г. монастырь занял сто рублей, «а занял те денги игумен Никон как был на Москве»⁶⁶. Так, при посредничестве Боголепа Львова, Никон соприкоснулся с влиятельными людьми из царского окружения.

15 марта 1646 г. казначей Кожеозерского монастыря старец Гedeон подал в каргопольскую съезжую избу последнюю царскую грамоту, присланную на имя игумена Никона⁶⁷. Вскоре Никон снова отправился в Москву. «Живущу же ему в Москве и нужды монастырския исполняющу, познан бысть от великаго Самодержца и поставлен Святейшим Иосифом Патриархом Московским и всея России во Архимандрита в Спасов монастырь на Новое», — писал Иван Шушерин⁶⁸. С. М. Соловьев полагал, что Никон сумел выдвинуться благодаря своим личным качествам. По его мнению, умственные способности и глубокая религиозность настоятеля небольшой каргопольской обители произвели сильное впечатление на молодого царя. Будучи человеком впечатлительным, Алексей Михайлович быстро подчинился влиянию знаменитого подвижника. Точка зрения С. М. Соловьева была принята многими историками⁶⁹. Г. П. Гунн считал, что возвышение Никона произошло благодаря основателю Анзерского скита Елеазару, который, по мнению ученого, был хорошо известен и почитаем в царской семье⁷⁰. Обе эти точки зрения основаны на поздних агиографических источниках. На наш взгляд, не Елеазар, а Боголеп Львов, имевший обширные связи при дворе, открыл Никону двери в царский дворец. Благодаря посредничеству кожеозерского старца будущий патриарх вошел в ближайшее окружение молодого государя.

Глава 4

Начало царствования Алексея Михайловича

У приказных ворот собирался народ
Густо;
Говорит в простоте, что в его животе
Пусто!
«Дурачье! — сказал дьяк, — из вас должен
быть всяк
В теле;
Еще в Думе вчера мы с трудом осетра
Съели!»

А. К. Толстой

Царь Алексей Михайлович взшел на трон в шестнадцатилетнем возрасте. Ни по складу своего характера, ни по жизненному опыту он не был готов к тому, чтобы взять на себя бремя государственного управления. В первые годы своего царствования Алексей большую часть времени проводил в стенах церкви, в походах на богомолье по окрестным монастырям или же в занятиях соколиной охотой, которой он был страстно увлечен всю свою жизнь. Набожность государя, вероятно, была результатом влияния на него духовника Стефана Вонифатьева, о котором речь пойдет впереди. Что же касается государственных дел, то здесь молодой царь не проявлял самостоятельности и находился в полной зависимости от окружавших его советников. Главную роль при дворе Алексея Михайловича играл его воспитатель, или дядька, боярин Борис Иванович Морозов, благодаря которому юный государь и унаследовал трон своего отца. Воцарение Алексея Михайловича проходило в обстановке острой политической борьбы. Источники передают напряженную атмосферу того времени.

Отец Алексея, Михаил Федорович Романов, умер 12 июля 1645 года. Его смерть не стала неожиданностью для членов Боярской думы. Царь уже давно болел, о чем свидетельствуют бюллетени придворных лекарей — В. Сибелиста, Я. Белово и Х. Грамана¹. Вся медицинская отчетность проходила через управляющего Аптекарским приказом Федора

Ивановича Шереметева, который фактически управлял государством в последние годы жизни царя Михаила. Как уже говорилось, Ф. И. Шереметев был сторонником выборной, а не наследственной власти и питал надежды увидеть на троне в качестве законного монарха датского королевича Вальдемара. Однако благодаря усилиям Морозова его планам не суждено было сбыться. Осведомленный очевидец тех событий, прибывший в Москву в составе свиты Вальдемара, приводит в своих записках достоверную картину вступления на престол нового государя.

Вечером 12 июля Михаил Федорович почувствовал себя плохо и скоропостижно скончался в 11-м часу ночи. Уже на следующее утро состоялись похороны. На всем пути от дворца до Михайловской церкви выстроилось несколько сот монахов со свечами. Тело государя несли большие бояре, а за ними следовали молодой царь и вдова Евдокия Лукьяновна в лубяных носилках. Царица безутешно рыдала на груди у какой-то женщины, видимо своей мамки. Но еще прежде состоялась присяга на верность новому самодержцу. «Таким образом, — заключает автор записок, — в продолжении 10 часов Россия видела своего Великого Князя живым и умершим и посадила нового на его место»².

Это свидетельство подтверждается другими источниками. И присяга новому царю, и погребение Михаила Федоровича действительно произошли в один день. 14 июля в полки и города были посланы гонцы приводить к кресту население. Адам Олеарий, пользовавшийся достоверными сведениями от своих друзей в Москве, писал, что коронование нового царя «по стараниям вельможи Бориса Ивановича Морозова, бывшего гофмейстером и воспитателем молодого государя, по некоторым причинам должно было совершиться так быстро, что не все, кто желал, могли явиться для присутствия на нем»³. Такая необычная спешка была вызвана опасением новой смуты, которая могла вспыхнуть благодаря проискам противников Морозова. После того, как столица присягнула новому царю, князь А. Н. Трубецкой отправился в Тулу приводить к кресту находившееся там дворянское ополчение; 18 июля он уже писал в столицу, что присяга прошла благополучно⁴. В других городах не обошлось без инцидентов. Так, воевода Иван Хилков сообщал из Переяславля Рязанского, что некто боярский сын Дементий Тололобов только с третьего раза повторил крестоцеловальную запись дважды, как полагается, за что был посажен на сорок дней в тюрьму, а затем отправлен в Москву для следствия⁵. В декабре 1646 г. по доносу был арестован шацкий мурза Федот Бердишов. На допросе выяснилось, что он якобы говорил своим товарищам: «Не довелось е тому де было на царству бить государю царю и великова князя Алексея Михайловича всеа Руси, довелось е било кравевича поставите на царство... А тому

де было государю на царстве и не быть, посадил его на царство Морозов. А которой Морозов — того не молвил»⁶.

В начале 1646 г. Б. И. Морозов окончательно упрочил свое положение при дворе. 1 февраля 1646 г. шведский резидент Петр Крузебьерн сообщал, что боярин Ф. И. Шереметев подал в отставку и на его место назначен Морозов, приверженец старины, в связи с чем ожидаются большие перемены в управлении⁷. Вскоре Морозов сосредоточил в своих руках управление важнейшими приказами, которые раньше ведал Шереметев, — Большой Казны, Стрелецким, Иноземским, Аптекарским и Новой Четверти (в последний поступали доходы с кабаков от винной и водочной торговли)⁸. С отставкой Ф. И. Шереметева из Москвы были удалены его ближайшие родственники: князь Никита Иванович Одоевский и Василий Петрович Шереметев. На место первого возглавлять Сибирский и Казанский приказы был поставлен князь Алексей Никитич Трубецкой, а на место второго во главу Разбойного приказа — Борис Иванович Пушкин⁹. Постепенно все большее влияние стали приобретать новые ставленники Морозова — Назарий Чистый, Леонтий Плещеев и Петр Траханиотов.

1 марта 1647 г. шведский поверенный при российском дворе Фербер со ссылкой на придворного лекаря Венделина Сибелиста сообщал, что управление страной сосредоточено в руках Морозова, Чистого и Трубецкого. По словам Фербера, эти люди пользовались советами голландца Андрея Виниуса. Это сообщение подтверждается официальной царской грамотой, из которой видно, что Виниус, в частности, давал рекомендации русскому правительству по устройству заграждений Березовского устья Двины, чтобы воспрепятствовать проходу туда иностранных судов¹⁰.

Близость ко двору иностранцев объясняется западническими увлечениями самого боярина Б. И. Морозова. Воспитатель царя Алексея для своего времени был человеком образованным. Он живо интересовался всемирной историей, философией, богословием и даже медициной. В его библиотеке были книги отцов церкви, греческих и римских авторов: Августина Блаженного, Кирилла Александрийского, Цицерона, Тацита. По заказу Морозова была переведена на русский язык книга Помпея Трога «Краткое пяти монархий древних описание», содержащая очерки истории Ассирии, Мидии, Персии, Греции и Македонии¹¹. Морозов любил общаться с иностранцами. Характерный эпизод приводит Адам Олеарий. В 1636 г. Гольштейнское посольство отправлялось из Москвы в Астрахань. «Едва мы немного отъехали от берега, подошел сюда молодого князя гофмейстер Борис Иванович Морозов, доставивший разных дорогих напитков и имевший при себе трубачей своих. Он попросил послов немного пристать, чтобы он мог на прощанье

угостить их. Послы, однако, отказались, а так как перед этим, как выше сказано, он некоторым из нас на соколиной охоте доставил большое удовольствие, то мы и подарили ему серебряный прибор для питья. После этого в особой маленькой лодке он довольно долго ехал рядом с нами, велел своим трубачам весело играть, а наши им отвечали. Через некоторое время он даже пересел в нашу лодку и пил с нашими дворянами вплоть до утра, после чего он, со слезами на глазах, полный любви и вина, простился с нами»¹².

Будучи человеком просвещенным, Морозов старался проводить «просвещенную» политику. Он попытался оздоровить финансовую систему государства путем установления режима строжайшей экономии и введения косвенных налогов. В 1646 г. был издан царский указ, отменявший два общегосударственных налога — стрелецкие и ямские деньги и вводивший высокую пошлину на соль: двадцать копеек вместо прежних пяти. По замыслу авторов указа, новая пошлина должна была равномерно лечь на все податное население. (Соль в средние века имела большое значение: ее использовали для хранения скоропортящихся продуктов — мяса, рыбы, икры, а также овощей и грибов.) Подобные методы, хорошо зарекомендовавшие себя в Европе, не учитывали национальных особенностей России. В конечном счете они привели к резкому сокращению продажи соли на рынке и способствовали опустошению казны. Через два года соляная пошлина была отменена, а стрелецкие и ямские сборы восстановлены. Однако жесткая налоговая политика властей вызвала недовольство у большинства населения и привела к острому политическому кризису¹³.

Насколько Морозов был плохим реформатором, настолько он был опытным царедворцем. В дворцовых интригах и политической борьбе ему не было равных. Пытаясь укрепить свое положение, он добился удаления из Москвы даже двоюродного дяди царя — Никиты Ивановича Романова. В феврале 1647 г. должна была состояться свадьба Алексея Михайловича и дочери московского дворянина Рафа Всеволожского. Узнав о своем избрании в царские невесты, девушка упала в обморок, из чего заключили, что она подвержена падучей болезни. Было учинено следствие, в результате которого «за чародейство и за косной развод и за наговор» отправлен в ссылку крестьянин Н. И. Романов Мишка Иванов¹⁴. Вскоре после этого инцидента из столицы вынужден был уехать и сам Никита Иванович. В расширенной редакции так называемой «Лейденской брошюры», представляющей собой частное письмо одного голландца из Москвы, говорится, что Романов жил в опале, «примерно в двух милях от города в своем имении, где он по обыкновению проводил все лето, не приезжая ко двору, из-за той ненависти, которую питал к нему Морозов»¹⁵.

Лекарь царя Алексея Михайловича Самюэль Коллинс, хорошо осведомленный о дворцовых делах, так описывал эти события: «Задумав жениться, Его Императорское Величество собрал многих молодых девушек, и наконец одна из них ему понравилась (она, говорят, и теперь еще сохранила необыкновенную красоту); но духовник царский хотел, чтобы царь женился на другой девушке, у которой была еще меньшая сестра; и когда явилась избранная Царем красавица, Его величество страстно влюбился в нее, и боялись, чтобы она не получила короны, что в самом деле случилось. Он велел возложить на нее царский венец; но заговор был исполнен: женщины так крепко завязали волосы на ее голове, что она упала в обморок, а они разгласили, что у нее падучая болезнь. Отца ее обвинили в измене за то, что он предлагал дочь свою на избрание, высекли кнутом и сослали в Сибирь, где он и умер». В другом месте англичанин писал, что именно «Борис приказал так крепко завязать ей венец на ее голове, что она упала в обморок»¹⁶.

Свадьба государя была устроена через год. На этот раз Морозову никто не мешал, и он использовал бракосочетание царя, чтобы еще больше укрепить свое положение. 16 января 1648 г. Алексей Михайлович женился на дочери московского дворянина Ильи Даниловича Милославского¹⁷, а через несколько дней состоялась свадьба Б. И. Морозова и сестры царицы Марии Ильиничны — Анны¹⁸. Таким образом, правитель связал себя с царем родственными узами. Как отмечал Олеарий, свадьба прошла без особой пышности¹⁹. По настоянию царского духовника Стефана Вонифатьева, «не быти в оно брачное время смеху никаковому, ниже кощунам, ни бесовским играниям, ни песнем студним, ни сопелному, ни трубному козлогласованию. И совершися той законный брак благочестиваго царя в тишине и страсе Божии, и в пениях и песнях духовных»²⁰.

Если Морозов был наставником Алексея Михайловича в делах государственных, то протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев был его духовным пастырем. О биографии Стефана известно очень немного. По мнению С. А. Белокурова, он, так же как и Никон, был родом из нижегородских пределов. Во всяком случае, род Вонифатьева был вписан в синодик Макарьева Желтоводского монастыря, с которым в разное время были связаны многие церковные деятели XVII в.²¹ Не исключено, что Стефан стал наставником Алексея Михайловича, когда тот еще был царевичем. Вероятно, на место духовника его устроил сам Морозов. Известно, что боярин также был связан с нижегородским краем. Ему принадлежали село Мурашкино в Курмышском уезде и село Лысково с приселками и деревнями, где проживал «учительный» священник Анания²².

В 1645 г. Стефан был поставлен протопопом «Благовещенского собора, что у государя на сенех». В августе того же года он принимал участие в церемонии венчания на царство Алексея Михайловича²³. Стефан был известен как человек книжный, «муж благоразумен и житием добродетелен, слово учительное во устех имея». В его библиотеке были книги полемического и назидательного характера: «Большой Катехизис» Лаврентия Зизания, сборник поучительных слов «Златоуст», в котором помимо сочинений отцов церкви Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Иоанна Богослова были собраны и произведения русских авторов XVI в.²⁴ Пользуясь расположением государя, Стефан часто обращался к нему, «увещевая с слезами юнаго царя по всякому доброму делу и врачуя его царскую душу от всяких злых начинаний. Благочестивый же царь Алексей Михайлович, со бояры своими, в сладость послушаше его, и почиташе, и любяше всею душею, яко истаго си отца»²⁵. По сути дела, царский духовник стал придворным проповедником, и его поучения нашли отклик среди элиты русского общества.

Постепенно Стефан стал собирать вокруг себя своих единомышленников. Одним из них был сын царского постельничего Федор Михайлович Ртищев, человек кроткий и набожный, но в то же время смелый и принципиальный. Хотя Ртищев не был духовным лицом, он, «познав устав церковный», не хуже духовенства разбирался в Священном Писании. Если верить Житию Ртищева, с его мнением считался даже все- сильный Морозов, которому иногда случалось «царских дел управления» вершить «в скорости без полезнаго разсмотрения». «От оных его многих советников, ниже от сверстников никтоже что смеяше ему рещи противу, ради того, еже он по обычаю славных века сего, оное ему глаголанье вменяше во пререkanie. Сей же любомудрый муж Феодор, имея по Бозе любовь совершенную... аще бе и под его властью и леты юн, обаче отдая ему истинную друголюбия должность, о оном его скоростном деянии глаголаше ему полезная тихообразно и немятежно, безо всякого обинования. Он же, яко муж исполнь разсуждения, видя благоверие мужа велие христианское благоправие, аще и противное его изволению оно глаголанье от него слыша быти, обаче познавая правду и мужа кротость, его словес срамляшеся, беседуя с ним с любовию, благопотребное содеваше, противное же тому отрешаше»²⁶. По-видимому, Ртищев стоял у истоков школьного образования в России. Он был инициатором создания первой русской школы европейского образца. В 1648 г. его стараниями в столице был основан Андреевский монастырь, где стали селиться выходцы с Украины и Белоруссии. Андреевские монахи были людьми «учительными». Они знали греческий и латынь и преподавали языки русским людям²⁷.

Ртищев и Вонифатьев пригласили в столицу уже знакомого нам нижегородского проповедника Ивана Неронова, ученика троицкого архимандрита Дионисия Зобниновского. Автор Жития Неронова писал: «Прилучися из Нижняго Новаграда иерею Иоанну прийти в царствующий град Москву. Имея же к Иоанну Стефан и Феодор любовь велию... Молиша убо протопоп Стефан и Феодор благочестиваго царя, да будет Иоанн в царствующем граде Москве, о нем же и сам благочестивый царь ведаше, каков был Иоанн, и да поставлен будет протопопом к церкви пречистыя Богородицы Казанския». Неронов был поставлен протопопом Казанского собора на Красной площади. Здесь он стал выступать с проповедями, в которых просто и доступно толковал Священное Писание. «И прихождаху мног народ в церковь отвсяду, яко не вмещатися им в паперти церковной, но восхождаху на крыло паперти и зряще в окна, послушаху пения и чтения Божественных словес. Написа же и окрест стены святыя поучительная словеса, да всяк от народа приходяй к церкви, аще и кроме пения не простирает ума своего от пустошня мира сего, но да прочитует написанная на стенах и пользу душе приемлет»²⁸. К Ивану Неронову и к духовнику Стефану «прибрел» и протопоп Аввакум, будущий страдалец за старую веру, который, вспоминая о своем приходе в столицу, писал: «Они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати»²⁹. Расположением Ф. М. Ртищева пользовался и новопасский архимандрит Никон, который «зело к сему кроткому мужу Феодору име любовь велию, и о благоустроении советоваше, и церковная правления строяше безмятежно»³⁰.

Церковный историк Н. Ф. Каптерев, автор самого обстоятельного исследования о патриархе Никоне, писал, что вокруг протопопы Стефана Вонифатьева образовался кружок ревнителей благочестия, или боголюбцев, члены которого выступили с программой церковного обновления. Боголюбцы боролись с пьянством, добивались упорядочения церковной службы, требовали запрещения бытовавших языческих обрядов, в том числе резко обличали «скоморошеские игрища», выступали поборниками публичной проповеди³¹. Деятельность ревнителей в конечном счете привела к серьезным изменениям церковной политики. Что же объединяло столь разных по своему происхождению и роду занятий людей? По мнению отечественных историков, появление движения ревнителей благочестия было связано с обострением классовой борьбы, ростом недовольства высшей церковной иерархией среди белого духовенства и падением авторитета церкви среди прихожан³². Н. Ю. Бубнов охарактеризовал деятельность ревнителей как новое культурно-реформистское течение, которое было создано торгово-промышленным сословием, сыгравшим столь значительную роль в изгнании из страны польско-литовских интервентов и стремившимся развить демократи-

ческое направление в национальной культуре³³. Эти оценки слишком неопределенны и к тому же не во всем согласуются с фактами. По всей видимости, истоки движения ревнителей благочестия следует искать не в социальной, а в культурной плоскости.

Небольшой экскурс в историю русского книгопечатания, представленный в одной из предыдущих глав, был предпринят с целью показать, насколько велико было значение печатного слова в русском обществе в первые десятилетия после Смуты³⁴. Печатная книга способствовала приобщению широких слоев населения к книжной культуре. Все больше русских людей не только читали печатные книги, но и обсуждали их, цитировали в своих сочинениях. Обратим внимание на то, что все без исключения ревнители благочестия были «людьми книжными». Стефан Вонифатьев, «всегда входя в царския палаты, глаголаше от книг словеса полезная»; Иван Неронов читал своим прихожанам «Божественныя книги с разсуждением, и толковаше всяку речь ясно и зело просто слушателем простым»; Федор Ртищев был известен как человек «в словесех речиста и в святых книгах искуснейша»³⁵; будущий патриарх Никон еще в детстве начал «Божественнаго писания навыкати»³⁶. Однако самым важным было не то, что боголюбцы читали книги, а то, что они читали одни и те же книги. В библиотеке образованного человека того времени обязательно было представлено большинство московских изданий конца 1640-х — начала 1650-х гг. Наибольшей популярностью у читателей пользовались «Кириллова книга» и «Книга о вере», которые впоследствии оказали огромное влияние на формирование старообрядческой идеологии³⁷. Широкое распространение получили нравоучительные жития русских святых — Сергия и Никона Радонежских, Саввы Сторожевского, а также сочинения отцов церкви — Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина³⁸. Среди покупателей книжной лавки московского Печатного двора были и царь Алексей Михайлович, и Стефан Вонифатьев, и Никон, и царский постельничий Ф. М. Ртищев, и боярин Б. И. Морозов³⁹. Мировоззрение этих людей формировалось под влиянием одного и того же круга литературы, а значит, всех их волновали одни и те же вопросы.

Движение ревнителей благочестия первоначально возникло в среде белого духовенства, которое по роду своей деятельности быстрее других приобщилось к книжной культуре. Учение отцов церкви и благочестивые подвиги русских святых стали для священников примером для подражания. Темы для своих проповедей они черпали из книг, изданных на московском Печатном дворе, например из Сборника 71 слова, выпущенного в 1647 г. Читая печатные книги, служители церкви не могли не заметить ту пропасть, которая пролегла между писаными церковными канонами и реальной приходской жизнью. Проповедуя

и обличая, они надеялись укрепить в обществе нравственные устои, пытались добиться образцового исполнения церковной службы. Так печатная литература привела к сдвигу в общественном сознании, вызвала к жизни движение ревнителей благочестия, которое хотя и не было массовым, но все же сыграло значительную роль, поскольку нашло поддержку среди элиты русского общества, в частности у царя Алексея Михайловича.

Ревнители благочестия были страстными полемистами. Они неустанно обсуждали волнующие их вопросы церковной жизни, апеллируя к общеизвестной литературе. Так, в первые годы царствования Алексея Михайловича активно обсуждался вопрос о необходимости введения в приходских церквях единогласного пения, о пении Псалтири обратясь лицом на восток, об отправлении литургии в праздник четырехдесятницы⁴⁰. Оживленную полемику вызвал вопрос о единогласии. По сложившейся практике в приходских церквях служба, как правило, исполнялась в несколько голосов, причем каждый служитель исполнял свою часть литургии, что делало невозможным или затруднительным восприятие ее прихожанами. По мнению ревнителей благочестия, такая практика была порочной. Путем введения единогласного пения и проповеди они пытались сделать церковный язык понятным для основной массы прихожан. Этим они демонстрировали совершенно иное отношение к культуре социального общения. Церковная служба становилась ориентированной не только на Бога, но и на человека⁴¹. Только в этих условиях могла возникнуть церковная проповедь.

Аргументируя необходимость нововведений, ревнители благочестия нередко ссылались на авторитетное мнение византийских авторов. Так, некто Агафоник, личность которого исследователи не без оснований отождествляют с царским духовником Стефаном Вонифатьевым⁴², в послании суздальскому архиепископу Серапиону о единогласном пении постоянно подкрепляет свои суждения цитатами из святоотеческого предания: «Аввы Дорофея, святой мой владыко, глас восприим», «якоже и Златоустый глаголет», «како похваляет преподобный Никон чин церковный», «также и Григорий Богослов... рек»⁴³. В другом своем послании (о поклонах), к митрополиту Никону, Агафоник также ссылается на сочинения Иоанна Златоуста, аввы Дорофея, Афанасия Великого, но, кроме того, привлекает в качестве аргументов и свидетельства очевидцев: «...и посему у нас творится противно святей восточней церкви и всея греческия земли церкви Константинопольския, и Александрьския, и святогорских, и Малыя Росии, и Болгарских, и Сербских, якоже от достовернейших свидетелей слышахом и известихомся, иже сами тамо пожиша и своими очима видеша, нежели слышаша ушима: паче же со многими епископы греческими беседовахом

мы и братия наша...»⁴⁴ Сравнение некоторых особенностей русского и греческого богослужения, разумеется, было не случайным.

Дело в том, что воцарение Алексея Михайловича совпало с началом нормализации отношений России с византийской православной церковью, которые были прерваны после низложения в 1635 г. константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Летом 1645 г. в Россию приехал митрополит Палеопатрский Феофан. Он подал в Посольский приказ челобитную с изложением целой программы культурного и политического сотрудничества двух церквей. В этой челобитной между прочим говорилось: «Буди ведомо, державным и великим царю, что веляе есть ныне безсилие во всем роде православных христиан и борения от еретиков, потому что имеют папежи (!) и лютори греческую печать и печатают повсядневно богословные книги святых отец. И в тех книгах вмещают лютое зелье, поганую свою ересь и клепят святых и богоносных отец, что будто пишут по их обычаю». Феофан писал, что турки не позволяют грекам печатать книги в Константинополе, и предлагал «быть греческой печати» в Москве, для чего «приехати греческому учителю учить русских детей философства и богословия греческого языку и по рускому. Тогда будут переводить многие книги греческие на руской язык, которые не переведены»⁴⁵.

Предложение греческого иерарха нашло отклик при дворе Алексея Михайловича. Отправлявшимся в Стамбул русским послам был дан наказ: «Да во Царе ж городе проведати им про греческого переводчика, который бы по-гречески и по-руски грамоте и языку умел достаточно и грамоте русской и греческой был гораздо навычен и чтоб умел всякие греческие книги на руской язык перевести подлинно»⁴⁶. Однако переводчик вскоре объявился сам. На обратном пути в Константинополь Феофан встретил в Киеве своего знакомого — архимандрита Венедикта, которому предоставил необходимые рекомендации, и тот в марте 1646 г. приехал в Москву.

Тот факт, что московские власти прибегли к услугам иностранного переводчика, говорит о том, что в приказной администрации не было человека, знавшего греческий язык настолько хорошо, чтобы справиться с работой по редактированию и переводу книг. Очевидно, на всем протяжении 1620—1640-х гг. книжные справщики пользовались исключительно русскими оригиналами. Архимандрит Венедикт пробыл в Москве недолго. Известно, что он перевел с латинского книгу «Об индийском царстве», однако, по всей видимости, его пребыванием в России были недовольны некоторые представители высшего духовенства, по настоянию которых греку пришлось покинуть пределы Московского царства⁴⁷. Подозрительность к иностранцам, даже православного вероисповедания, была еще достаточно сильна.

Однако вынужденный отъезд Венедикта не прервал связи ревнителей благочестия с православным Востоком. В конце 1640-х гг. интерес к греческому наследию стал проявлять архимандрит Новоспасского монастыря Никон. В 1646 г., вероятно благодаря поддержке Стефана Вонифатьева, ему удалось стать настоятелем одной из первостатейных русских обителей. В середине XVII в. Новоспасский монастырь по своей значимости уступал только Троице-Сергиеву, Владимирскому Рождественскому и Чудову монастырям⁴⁸. С конца XV в. он являлся родовой усыпальницей боярского рода Захарьиных — Романовых⁴⁹. После воцарения Михаила Федоровича монастырь стал пользоваться особым покровительством царской семьи. Об этом свидетельствуют многочисленные земельные пожалования и вклады, сделанные от имени государя, царицы Марфы Ивановны и патриарха Филарета⁵⁰. В 1622 г. тщанием последнего «сделана бысть и совершена» новая колокольня, на строительство которой было израсходовано три тысячи рублей, по тем временам огромная сумма⁵¹. В 1640—1644 гг. при архимандрите Ионе Арзамасском в монастыре были возведены новые крепостные стены и каменные кельи, наконец, в 1645 г. по царскому указу была «до подожвы разобрана» соборная церковь Спасо-Преображения, а на ее месте начато строительство, по существу, нового храма⁵². Освящение собора состоялось уже при Никоне — 19 сентября 1647 г. В этот день монастырь посетил сам царь, который передал в храм принесенную с Вятки икону Нерукотворного Спаса⁵³. К некрополю своих предков Алексей Михайлович относился с не меньшим вниманием, чем его отец и дед. В день освящения Спасо-Преображенской церкви он пожаловал монастырю «окладных два ста образов пядниц» московского и греческого письма⁵⁴. Еще сорок два образа были переданы монастырю 6 июля 1648 г., среди которых — две иконы, поднесенные царю Алексею Михайловичу архимандритом Иверского монастыря на Афоне Пахомием⁵⁵.

С Афоном у Новоспасского монастыря были давние связи. Еще в 1627 г. власти Иверского монастыря подали патриарху Филарету грамоту, в которой просили русского царя и патриарха стать новыми ктиторами обители⁵⁶. В этой грамоте между прочим излагалась легенда о чудотворной Иверской иконе Богоматери, которая чудесным образом была обретена монастырской братией еще в VI в. В 1647 г. в Москву приехал архимандрит Иверского монастыря Пахомий, который, вероятно, немало рассказывал Никону о своей обители. Так или иначе, Никон подал царю челобитную с просьбой пропустить через Путивль список с подлинной Иверской иконы Богоматери, после того, как она будет исполнена греческим иконописцем. Просьба была удовлетворена. Кроме того, иверская братия получила возможность приезжать в Москву за милостыней «в десятой год трем или четырем человеком»⁵⁷. Пере-

несение в Россию Иверской иконы стало началом процесса *translatio religionis*^{*}, который достиг своего апогея уже в патриаршество Никона. Россия, воспринимая византийское культурное наследие, стремилась к возрождению Византийской империи с центром в Москве. Она брала на себя функции вселенской монархии, объединяющей всех православных в единую державу⁵⁸.

К 1648 г. Никон стал одним из самых близких царю людей. Возможно, под влиянием новоспасского архимандрита, Алексей Михайлович, прежде мало уделявший внимания светским делам, теперь стал проявлять к ним некоторый интерес. По свидетельству шведского резидента Карла Поммеренинга, после своей свадьбы царь стал принимать и рассматривать челобитные, на что у него уходил один час перед обедом⁵⁹. Приносить к себе челобитные государь повелел Никону, «бе бо сам благочестивый царь о праведном суде тщашеся». Благодаря этому «от царствующаго града жителей Никон позная: мнози к нему, овии во обитель Спасову притекати и милостиваго его заступления просити начаша; овии в пятке, грядуща его вверх по дороге, ожидающе и челобитныя ему подавающе. Он же готов всем обиженным и скорбным, а наипаче вдовам и сиротам беззаступным помощь подавати, все те челобитныя великому Государю вручаше и о них моление творяше. Великий же Государь всегда по утреннем пении, не исходя ис церкви, все те челобитныя выслушав, милостивый свой царский указ на всех при себе подписывать веляше, и архимандриту сам вручаше»⁶⁰. Так Никон постепенно приобретал популярность в народе. Простые люди могли через него напрямую донести свои чаяния до государя, минуя препону приказного делопроизводства.

Челобитные, которые приносил государю Никон, очевидно, касались малозначительных дел. События, которые вскоре произошли в Москве, свидетельствуют о том, что и царь, и тем более новоспасский архимандрит были еще далеки от принятия по-настоящему важных политических решений. Алексей Михайлович еще не стал самостоятельным государственным деятелем и во всем полагался на своего воспитателя Б. И. Морозова, а Никон едва ли в то время всерьез интересовался политикой. И все же царю импонировала его новая роль заступника «скорбных и обиженных». Она как нельзя лучше соответствовала духу ревнителей благочестия.

Идиллия первых лет правления Алексея Михайловича длилась недолго. В июне 1648 г. столица была охвачена бунтом⁶¹. Причиной народных волнений стала недальновидная налоговая политика правительства

* Перенос святости (лат.).

Б. И. Морозова, а также злоупотребления приказной администрации, во главе которой стояли ставленники царского фаворита. Особо ненавистны жителям столицы были начальник Земского приказа Леонтий Плещеев и дьяк Назарий Чистой. Земский приказ выполнял полицейские функции в пределах Москвы. Под руководством Плещеева, который не стеснялся извлекать материальную выгоду из своего положения, деятельность этого учреждения стала прочно ассоциироваться со взяточничеством и произволом. О Плещееве говорили, что он на Москве «и боярам указывал». В народе даже бытовал термин «плещеевщина»⁶².

В конце мая 1648 г., на Троицу, царь Алексей Михайлович по обычаю отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Его сопровождали многочисленные придворные и члены Боярской думы во главе с Б. И. Морозовым. 1 июня царский кортеж возвращался в столицу. У городских ворот его встретили выборные от дворян и посадских людей, которые пытались вручить государю челобитную. В ней излагалась просьба «всех неправедных судей искоренить, неразумных сместить и на их место выбрать справедливых людей», а также «указать всяким людям самим всех служащих и судей назначать своими собственными средствами и для того людей выбрать, которые бы по их старине и по правде ведать могли и от сильных (людей) насилия оберегать»⁶³. Однако люди Морозова разорвали челобитную в клочки, швырнули их в лицо подателям, которых велели «немилосердно побить», а некоторых из них даже схватили и посадили в тюрьму. Отказ принять челобитную был воспринят как нарушение традиции, согласно которой монарх почитался как милосердный правитель и защитник своего народа. Это обстоятельство вызвало возмущение и стихийный бунт, который вскоре охватил всю столицу. Впоследствии в Соборном Уложении 1649 г. был законодательно определен новый порядок подачи петиций на имя государя, который запрещал челобитчикам обращаться напрямую к царю, но предписывал подавать жалобы и прошения в соответствующие приказы⁶⁴.

На следующий день во время Крестного хода в Сретенский монастырь выборные снова пытались подать челобитную государю. На этот раз народ последовал за царем в Кремль, где произошли первые столкновения со стрельцами, охранявшими царский дворец. Однако стрельцы, которым уже долгое время не выплачивалось жалованье, неожиданно для всех перешли на сторону восставших и вместе с ними учинили погромы боярских домов, в первую очередь Морозова и Назария Чистого. Сам Чистой был схвачен разбушевавшейся толпой и после изощренных издевательств убит⁶⁵.

По свидетельству одного голландца, бывшего очевидцем тех событий, царь находился в растерянности и решил вернуть из ссылки своего

дядю Никиту Ивановича Романова, которого простой народ очень любил. Между тем восставшие окружили стены Кремля и требовали выдачи Плещеева и Морозова. Тогда «Государь Царь высылал на Лобное место с образом чудотворныя иконы Владимирския патриарха Иосифа Московскаго и всея Руси, и с ним митрополит Серапион Сарский и Подонский, и архиепископ Серапион Суджальский, и архимандриты, и игумены, и весь чин священный»⁶⁶. По другим источникам, царь отправил к народу своего духовника вместе с патриархом, которые три раза выходили к толпе, но ничего не добились⁶⁷. Тогда «великий государь, говоря со всеми бояры и з думными людьми, послал со своим государевым духовником з благовещенским протопопом Стефаном Нифантьевичем да з думным дворенином с Прокофьем Кузмичем Елизаровым да тайных дел з дьяком з Дементьем Башмаковым Левонтья Стефанова сына Плещеева и велел ево всему народу выдать головою»⁶⁸. Народ, до крайности ожесточенный против Плещеева, не мог дожидаться, пока смертный приговор приведут в исполнение, и потащил его на рыночную площадь, где «палками и дубинами избили его так, что он стал синим как легкое, и топорами и саблями изрубили как рыбу и оставили лежать нагого в назидание и на позорище»⁶⁹.

Казнь Плещеева не успокоила восставших. Они продолжали требовать выдачи Морозова, а также главы Пушкарского приказа Петра Траханиотова. Тогда Алексей Михайлович сам вышел к народу и стал упрашивать дать ему некоторое время, чтобы подумать и принять справедливое решение. После этого волнения улеглись. Однако в тот же день после обеда в столице неожиданно начался пожар, который свел на нет все попытки примирения. Ходили слухи, что поджигателями были люди Морозова, что вызвало еще большее ожесточение народа. В это время в город приехал Никита Иванович Романов, вмешательство которого помогло прекратить беспорядки. Очевидец тех событий, автор так называемой Лейденской брошюры, писал, что Романов «не обращал внимания на прежнюю обиду, пренебрежение и вражду, но использовал все средства и не побоялся опасности, чтобы усмирить разъяренную чернь, и он въехал на лошади в середину бушующих горожан, где не осмеливался показаться и высунуть голову ни один из других господ; они, увидев его, двинулись к нему навстречу, кланялись ему и кричали в один голос: *„Ты будешь править нами вместе с царем и займешь посты и чины Морозова, мы хотим только тебя и никого другого, сделай так, чтобы нам выдали Морозова, мы быстро с ним расправимся“*. Но он старался, насколько мог, уговорить горожан, и поехал в Замок*

* То есть Кремль.

к Царю, посовещавшись с которым тотчас снова выехал на лошади на площадь перед Замком, где, взобравшись на круглое возвышение*, начал свою речь и образумил горожан, которые, отвечая ему, очень настаивали на том, чтобы им отдали Морозова, но он, разубеждая их, в конце концов добился того, что они согласились, чтобы Морозов остался в живых; однако был отправлен в монастырь, там станет монахом и никогда не вернется в Москву и тем более к власти»⁷⁰. Через несколько дней Морозов был отправлен под надежной охраной в Кирилло-Белозерский монастырь. Его посты в приказной администрации были переданы князю Якову Куденетовичу Черкасскому. Что же касается Петра Траханиотова, то ему не удалось избежать казни. Хотя он успел покинуть столицу, его по повелению царя схватили и отрубили голову на плахе⁷¹.

Московское восстание 1648 г. оказало огромное влияние на развитие политической ситуации в России. Боярское правительство Б. И. Морозова пало. Власть пошла на значительные уступки дворянству и посадским людям. В июле в Москве собрался Земский собор, на котором было принято решение о составлении нового свода законов, «Уложенной книги», чтобы по ней «всякие дела делать и вершить». Работу по составлению Уложения взяла на себя боярская комиссия во главе с одним из противников Морозова, князем Никитой Ивановичем Одоевским. В основу многих статей Уложения легли челобитные дворян и детей боярских. К осени 1648 г. работа над Уложением была завершена. Окончательный текст нового сборника законов был принят на Земском соборе. Его подписали члены Боярской думы, высшее духовенство и выборные из дворян и посадских людей. Из представителей клира под Уложением поставили свои подписи патриарх, епископы и настоятели крупнейших монастырей⁷². Подписал «Уложенную книгу» и архимандрит Новоспасского монастыря Никон, хотя впоследствии, уже будучи патриархом, он называл ее «недоброю». Как писал потом Иван Неронов, «когда ея строили, ея ты в те поры называл ея доброю. А как руку приложил для земнаго страха...»⁷³. Видимо, участие духовенства в работе над Уложением было по большей части формальным. Для детального обсуждения документа просто не было времени. Правительство торопилось принять новый сборник законов, чтобы успокоить народ и прекратить смуту, поэтому работа над огромной «Уложенной книгой», содержащей более восьмисот статей, была проведена в рекордно короткие сроки. Подписи архиереев под Уложением должны были придать авторитет важному законодательному документу. Нужно ска-

* Лобное место.

зять, что Земские соборы в России мало напоминали представительные учреждения Западной Европы. Они не принимали самостоятельных решений, а только подкрепляли авторитетом «всей земли» деяния российских самодержцев. Хотя на Соборе 1649 г. было немало выборных представителей, тем не менее дворянство и посадское население, добившись уступок от правительства, не получило доступа к управлению страной. Как отмечал А. П. Павлов, «русские сословия не проявляли жажды власти и не претендовали на ограничение власти самодержца в свою пользу»⁷⁴.

В контексте взаимоотношений государства и церкви принятие Соборного Уложения обычно связывают с началом наступления светской власти на права и имущества духовенства⁷⁵. Повод для подобного вывода дает, в частности, XIII глава нового свода законов, где говорится об учреждении Монастырского приказа, который должен был вести «судом и управою» дьяконов, священников, монастырских служек и крестьян⁷⁶. Тем не менее очевидно, что в России между писанным законом и его исполнением пролегла огромная пропасть. Реальной силой обладали только царские указы и постановления Боярской думы, да и то в ограниченный промежуток времени. Даже царские грамоты о льготах или привилегиях, данные монастырям, крестьянским общинам или отдельным лицам, всякий раз с воцарением нового монарха требовали подтверждения. По всей видимости, значение Соборного Уложения как законодательного документа XVII в. не стоит переоценивать. На практике его статьи неоднократно нарушались, да и сам царь порой издавал указы, противоречащие его положениям.

К началу 1649 г. политическая ситуация в стране стабилизировалась. Алексей Михайлович вернул из ссылки своего фаворита Б. И. Морозова, который хотя и не занял прежних постов в администрации, но все же восстановил свое влияние при дворе. По его настоянию князь Я. К. Черкасский был смещен со всех должностей, а на его место назначен тесть Алексея Михайловича и родственник Морозова Илья Данилович Милославский⁷⁷. Несмотря ни на что, царь сохранял привязанность к своему воспитателю до самой его смерти и часто советовался с ним по важным государственным вопросам.

Политический кризис 1648 г. повлек за собой важные перемены. Неспособность ближайшего окружения государя справиться со стихией народного бунта привела к тому, что Алексей Михайлович стал искать поддержки у своих духовных наставников. Он все более стал прислушиваться к советам ревнителей благочестия, которые страстно убеждали его в необходимости церковного обновления. В начале 1649 г. их планы уже были близки к осуществлению.

Глава 5

Новгородское дело

Первый пристав: Что за шум?

Кто тут буйнит?

Лабазник: Помогите! Бунт!

Ломают дверь.

Один из народа: Вступитесь, государи!

А. К. Толстой. «Смерть Иоанна Грозного»

Для осуществления планов церковного обновления ревнители благочестия заручились поддержкой греческого духовенства. Этому способствовали оживившиеся контакты с Востоком. В начале 1649 г. к Москве в сопровождении казацкого полковника Силуяна Мужилковского подъезжал иерусалимский патриарх Паисий. Его визит был неожиданным для московских властей. Поначалу греческого иерарха определили «в Чюдове монастыре в каменных полатах» и запретили общаться с иноземцами до той поры, пока его не примет государь¹. Как выяснилось в дальнейшем, причина визита была тривиальной. Паисий докладывал дьяку Михаилу Волошенинову, что он приехал для того, что «во Иеросалиме Гроб Господень в великом долгу, а оплатитца нечем», то есть попросту за милостыней². В это время в Константинополе, по рассказу приезжих греков, была смута и патриарху из-за распрей с властями бывала «почасту перемена»³. После того, как Паисий был основательно расспрошен, его допустили к царю. Прием у государя состоялся 4 февраля. На нем присутствовали как светские, так и церковные власти, в том числе патриарх Иосиф и, по всей видимости, архимандрит Никон. Уже 8 февраля Паисий писал Алексею Михайловичу: «Еще пребываячи аз при вашей милости в прошлые дни, говорил есми со преподобным архимаритом Спаским с Никоном и полюбилася мне беседа его; и он есть муж благоговейн и досуж, и верный царствия вашего; прошу, да будет их милости поволно приходить к нам беседовати по досугу без запрещення великого вашего царствия»⁴.

Беседы с Паисием оказали на Никона большое влияние. Если архимандрит в свое время был настолько захвачен легендой об Иверской иконе Божией матери на Афоне, что даже заказал изготовить с нее список, то можно себе представить, с каким вожделением он слушал рас-

сказы иерусалимского патриарха о Гробе Господнем. Так, неожиданно для себя, бедный греческий архиерей оказался в Москве важной персоной. Ему внимали, его окружали почетом, к нему обращались за советом. Например, Алексей Михайлович послал к нему своего боярина, чтобы тот расспросил патриарха «относительно святой четыредесятницы», то есть о том, как следует соблюдать Великий пост. В послании к царю Паисий писал: «Я же, долгоденствующий царь, сказал твоему боярину, чтобы было так, как решено тобой, ибо в праздник святого я спросил твое царствие о литургии, и ты приказал, как пишет устав. И мы его неуклонно держимся, а новшества отвергаем, и святую четыредесятницу мы должны соблюдать по мере сил»⁵. Как видно, Алексей Михайлович проявлял неподдельный интерес к церковным правилам. Находясь под влиянием ревнителей благочестия, он все больше увлекался идеей церковного обновления. Между тем Паисий, не скупившийся на лестные слова, строил перед государем самые невероятные перспективы. В одной из своих грамот он сравнил Алексея Михайловича с царем Константином и призывал его освободить святую церковь от еретиков: «И ныне во времена великого вашего царствия да освободите святой гроб и церковь Христову, да наречешься и будешь воспоминем новый царь Константин... Да будете имети славу и похвалу от всего мира»⁶.

Приезд Паисия по стечению обстоятельств совпал с активизацией деятельности ревнителей благочестия. Чувствуя поддержку царя, ревнители перешли от слов к делу. В начале 1649 г. на имя патриарха Иосифа была подана челобитная с просьбой принять меры против укоренившихся церковных беспорядков. В челобитной особо подчеркивалась необходимость введения единогласного пения в приходских церквях, поскольку «несть бо, государь, человека, иже возможет внимати от многих купно глаголемым», «ото многогласия в церквях Божиих пени образом неистоваго пьянства: к начальному пению другой поемлет, и третий, и до пяти и до шести гласов купно бывает». В своем послании челобитчики гневно обличали церковный чин: священников — за то что они «опиваются и объедаются, укоризны родителям, друг другу приносят, и своя родителя — отца и мать безчествуют»; иноков, которые «любят серебро и золото и украшение келейное, имеют влагища исполнена лишних одежд, тщатся притяжати бо́лшая стяжания»; монастырские власти — за то что «своих далних и ближних взыскают, питают и обогащают, и всяким образом обильно дома их исполняют монастырскою казною, и сами в домех и гостях обношевают, упивающиеся и объедающиеся бесом вожденным пьянством с женами пирующе, и в монастырех различными пьянствами, и питии имущи, уставом святого иноческаго жития изумленным пьянством ругаются, и одежды

аггельского образа скверняют и братию возмущают таяже деяти»⁷. Хотя авторы челобитной не называли себя, едва ли можно сомневаться, что послание было написано либо самими ревнителями благочестия, либо по их указанию.

11 февраля 1649 г. вопрос о единогласии, так волновавший боголюбцев, обсуждался на церковном Соборе. Ревнители настаивали на обязательном повсеместном введении единогласного пения, в том числе в приходских церквях. Однако патриарх Иосиф, которого поддерживала большая часть епископата, утверждал, что из-за этого православные храмы вообще могут опустеть. Он указывал на то, что там, где единогласие уже было введено «всяких чинов православные людие от церквей учили отлучаться за долгим и безвременным пением»⁸. Под нажимом Иосифа собор принял постановление: «...как было при прежних святителях митрополитех и патриархах по всем приходским церквам божественной службе быти попрежнему, а вновь ничево не всчинати»⁹. Ревнители благочестия из числа духовенства — Никон, Стефан Вонифатьев, Иван Неронов — не поставили своих подписей под соборным решением. Более того, царский духовник открыто выступил против патриарха, так что владыке пришлось обратиться за помощью к царю.

Патриарх Иосиф подал Алексею Михайловичу челобитную на Стефана Вонифатьева, в которой писал, что «благовещенский протопоп Стефан бил челом тебе, благочестивому государю, на меня, богомольца твоего, и на нас, на весь Освященный собор, а говорил: будто в московском государстве нет церкви Божии, а меня, богомольца твоего, называл волком, а не пастырем; також называл и нас, богомольцев твоих, митрополитов, и архиепископов, и епискупа, и весь священный собор бранными словами, и волками и губителями, и тем нас, богомольцов твоих, освященный собор, бранил и безчестил»¹⁰. Ссылаясь на пункты только что принятого Соборного Уложения, Иосиф просил царя «дати на него, Стефана, собор». Однако царь оставил челобитную без ответа.

Несмотря на то что ревнители благочестия одержали верх в споре с Иосифом, решение Освященного собора не было отменено. Все планы сторонников церковного обновления разбивались об одно немаловажное обстоятельство: боголюбцы не обладали властными полномочиями, какими были наделены епископы, и потому не могли осуществить свои замыслы на практике. Однако после открытого конфликта Стефана Вонифатьева с патриархом ситуация стала меняться. Алексею Михайловичу была подсказана мысль, что церковные власти не способны решать те задачи, которые стояли перед русской православной церковью. Чтобы проводить церковные преобразования, нужны были

новые люди, разделявшие взгляды ревнителей. И такие люди вскоре нашлись. С 1649 г. назначения на все церковные кафедры полностью перешли под контроль ревнителей благочестия. Началось быстрое обновление церковной иерархии.

Первым из новопоставленных архиереев был новоспасский архимандрит Никон. 9 марта 1649 г. он был рукоположен в новгородские митрополиты. На церемонии поставления присутствовали и московский патриарх Иосиф, и иерусалимский патриарх Паисий. Некоторые историки склонны полагать, что именно Паисий посоветовал царю избрать Никона новгородским митрополитом. Однако влияние грека на внутренние дела русской церкви не стоит переоценивать. Паисий хотя и был окружен вниманием московских властей, все же был фигурой малозначительной. Он мало чем отличался от своих соотечественников, которые ежегодно приезжали ко двору русского царя, чтобы вымолить из казны хоть немного денег для поддержания православных храмов и монастырей на Востоке¹¹. Кроме того, Паисий даже не знал русского языка и был вынужден общаться через переводчика Посольского приказа.

По всей видимости, благосклонное отношение к Никону греческого патриарха и желание царского окружения возвысить архимандрита совпали. 14 марта Паисий писал царю: «Преже похвалите благодать, что просвети вас дух святой и избрали есте такова честнаго мужа проподобнаго инокосвещенника и архимарита Никона и возведево великое ваше царствие на святой престол святыя митрополии Новгородския; и он есть достоин утвержати церковь Христову и пасти словесныя овца Христова»¹². 15 марта в Успенском соборе Московского Кремля Никону была вручена грамота о поставлении. Из архиереев на этой церемонии присутствовали крутицкий митрополит Серапион, архиепископы ростовский Варлаам, вологодский Маркел, рязанский Моисей, тверской Иона и епископ коломенский Рафаил. К прочим иерархам были посланы грамоты «о согласии». В настольной грамоте митрополиту Никону недвусмысленно говорилось, что он избран «по совету богом венчаннаго государя царя и великого князя Алексея Михайловича»¹³.

Нужно сказать, что поставление Никона в митрополиты было не совсем обычным. Дело в том, что новгородская кафедра не была свободной. Прежний новгородский владыка Афоний был еще жив, хотя и «обаже престарел и беспамятством объят бысть». Однако старость не могла быть причиной отставки архиерея. Согласно традиции, епископы занимали свои кафедры пожизненно, если, конечно, не попадали в опалу. В Забелинской летописи говорится, что Афоний «сведен бысть старости ради в монастырь ко Всемилоствому Спасу и ко преподоб-

ному чюдотворцу Варлааму на Хутын¹⁴. Тем не менее известно, что в 1648 г. митрополит ездил «к Москве к великому государю челом бить о всяких новгородских нуждах»¹⁵. В Хутынском же монастыре он провел «в келии в трудах и в посте 3 лета»¹⁶. Так или иначе, но удаление Афония на покой не слишком-то напоминает добровольную отставку.

По всей видимости, «добровольный» уход с кафедры новгородского митрополита выглядел не вполне убедительным и в глазах служителей церкви, иначе как объяснить тот факт, что московские власти решили выслушать по данному вопросу авторитетное, на их взгляд, мнение все того же иерусалимского патриарха Паисия. В мае 1649 г. грек представил грамоту, которая подтверждала правомерность смещения Афония: «Егда кто, овцам сый пастырь, старостию или болезнию содержим, немогий прочее пасти, есть потреба на место его поставитися... А понеже первый Митрополит Новгородский господин Афанасий, о святем Дусе брат и сослужитель нашему смирению, от многия старости и болезни изнемогши, прочее остави самовольно пастырство... ми возлюбленнаго рукоположиша в Великий Новгород, се преподобнаго во священно-иноцех Архимандрита Царския обители Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Никона глаголемаго»¹⁷. Паисий пишет, что именно он рукополагал Никона в архиерейский сан. Как уже говорилось, грек присутствовал на церемонии поставления митрополита и, очевидно, принимал в ней участие вместе с патриархом Иосифом. В деле избрания нового новгородского владыки московский патриарх, вероятно, играл незначительную роль, хотя именно ему должна была принадлежать инициатива выдвижения кандидата на архиерейскую кафедру. Почему это произошло, будет подробно рассказано в следующей главе.

А пока последуем за Никоном в Великий Новгород, где в канун Пасхи, 24 марта 1649 г., происходила торжественная встреча нового митрополита. Воевода, власти и «весь священный собор», облачившись в праздничные одежды, вышли навстречу Никону к Знаменской церкви. Приветствовав владыку, они проводили его в кремль. У Пречистенских ворот митрополит «молитву говорил, и водою святою кропил, и того дни в соборной церкви воду святил, и литоргию служил, и святыню к Москве послал к великому государю и к патриарху»¹⁸.

Нужно сказать, что в XVII в. Новгородская епархия была самой обширной по своим размерам после патриаршей области. Греческий дьякон Павел Алеппский, приехавший в Россию в 1655 г. в свите антиохийского патриарха Макария, так описывал владение новгородского митрополита: «...оно охватывает пространство более чем в 2000 верст. Под его властью состоят Архангельский и Соловецкий монастыри. Говорят, что в его подчинении 400 благоустроенных монастырей и

2000 священников, из коих с самого бедного он получает в год один динар. Он владеет семьюдесятью рыбными озерами, не считая угодий, деревень и земель от государства. У него есть служители, писцы, ратники, дьяконы большие и малые (анагносты), священники, монахи и портные — всего триста человек, коим содержание и расходы на пищу и одежду идут от него. У него есть управляющие, поверенные и судьи в его диване (приказе), которые важные дела докладывают ему. Он имеет казначеев для своих казнохранилищ. Словом, митрополит больше воеводы»¹⁹.

Это описание, не совсем верное в деталях, в целом соответствует действительности. В самом деле, в середине XVII в. Новгородская митрополия занимала огромную территорию, включающую в себя помимо новгородских пятин Двину, Холмогоры, Каргополь, Турчасов и Вагу. В епархии находилось около 1200 церквей и свыше 300 монастырей. За духовенством в новгородских пятинах числилось 27% всего земельного фонда, из которых 11% принадлежало Софийскому дому, то есть самому митрополиту²⁰.

В лестнице церковных властей новгородский владыка занимал вторую ступень после патриарха²¹. Раз или два в году он принимал участие в заседаниях Освященного собора, которые проводились в Москве, обычно перед Великим постом и летом. Однако большую часть времени митрополит находился в пределах своей епархии. В отличие от воевод, которые назначались на службу на относительно короткий срок, всего на два-три года, архиереи занимали свою кафедру значительно более длительное время, благодаря чему пользовались большим влиянием среди местного населения. Вот почему Павел Алеппский едва ли погрешил против истины, когда написал, что новгородский «митрополит больше воеводы».

В Новгороде у Никона впервые отчетливо проявилась страсть к обновлению и строительству. С его приездом в городскую жизнь влилась новая струя. Митрополит сделал себе «новую крестовую палату каменную и кельи вновь построил на палатах деревянные, а старые Варламовские кельи сломал». В устье реки Пидбы, в бывшей дворцовой вотчине в селе Королеве, Никон построил церковь во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии и устроил митрополичий двор²². Впрочем, в городе уже давно назрела необходимость капитального ремонта городских стен и строений. Как видно из сметной росписи, с 1638 по 1648 год на ремонт городских стен и башен было выделено всего 353 рубля, тогда как по предварительным оценкам расходы на обновление Каменного, Софийского и Земляного города должны были составить свыше 6500 рублей²³, поэтому строительная деятельность Никона пошла городу только на пользу.

Наконец, митрополит задумал произвести некоторые переделки убранства Софийского собора. Однако он не учел настроения новгородцев. Узнав о готовящейся реконструкции храма, мирские люди пришли к Никону на двор и заявили, что не дадут портить старины. Затем они направились в Софию и выгнали оттуда мастеров²⁴. Впоследствии новгородцы жаловались царю, что Никон хотел «соборную церковь Софею Премудрость рушить и столпы ломать»²⁵, однако этот навет был явным преувеличением. Митрополит, оправдываясь перед Алексеем Михайловичем, писал, что не посмел бы разрушить церковь без государева указа, «да и Софийской казны не будет столько, что разобрать, не только что вновь создать». В самом деле, о перестройке храма не могло быть и речи. Расходы митрополичьего дома и так росли из года в год. Если 1 сентября 1647 г. в казне числилось в остатке 3651 рубль, то 1 сентября 1649 г. — 3067 рублей, а 1 сентября 1650 г. — только 2152 рубля. Всего за 1649/50 г. было израсходовано 4027 рублей, а полученные доходы исчислялись суммой в 3342 рубля. Размеры софийской казны были в самом деле слишком малы для крупных строительных работ. Вспомним, что на постройку деревянной колокольни Новоспасского монастыря патриарх Филарет в свое время выделил 3000 рублей²⁶. Скорее всего, «архитектурные проекты» Никона были более умеренными, чем казалось новгородцам.

В Новгороде митрополит взял к себе в услужение молодого клирика Ивана Шушерина. Шушерин оставался верен владыке всю свою жизнь. Как уже говорилось, после смерти Никона он написал Житие патриарха, которое стало одним из самых популярных сочинений средневековой литературы и разошлось во множестве списков. О пребывании Никона в Новгороде Шушерин писал как очевидец. По его словам, митрополит с интересом вникал во все дела. Ему до всего было дело. Он сам выслушивал подаваемые ему челобитные и принимал по ним решения: «сам бо пред собою дела и распри у соперников, праведно разсуждая, с милостию велие примирение им творяше». Это свидетельство подтверждается сохранившимися грамотами Никона²⁷.

Впоследствии в своих челобитных новгородцы жаловались царю на необыкновенную жестокость Никона. Даже в день поминовения царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны митрополит «всяких чинов людей и чернцов на своем митрополиче дворе бил на пражежи и батоги и ослопьем на смерть». Когда 18 февраля 1650 г. гонец привез в Новгород весть о рождении царевны Евдокии Алексеевны, «заключенных людей государя, которые у него были посажены за приставы и в тюрьму, и он, Никон митрополит, из-за приставов и ис тюрьмы никого не свободил»²⁸. Это немилосердие, конечно же, не прибавило Никону популярности.

Вскоре после прибытия в Новгород митрополит посадил в тюрьму своего дворецкого Ивана Жеглова. Причиной опалы было некое «государево дело». Никон послал царю грамоту на Жеглова и Софийского дома детей боярских Макарку и Федьку Негодяевых, о том, что «похвалба у них такая была», будто они знают, что «у царя и короля в полатах делаетца». Всех троих взяли под стражу, у них изъяли некие «воровские книги», которые отослали в Москву. Кроме того, выяснилось, что Жеглов был нечист на руку. Обнаружилось, что он «по кабалам и бескабално» брал для себя деньги из Софийской казны, то есть попросту был уличен в казнокрадстве. За дворецким числилось 300 рублей долгу. Судя по описанию дома, в котором жил Жеглов, можно предположить, что эти обвинения не были огульными²⁹. Между тем из столицы пришло распоряжение, чтобы Никон провел розыск сам, однако митрополиту про это дело «сыскать было некогда». Осенью 1649 г. он по церковным делам уехал в Москву и вернулся в Новгород только в начале весны следующего года. Вскоре после его приезда в городе вспыхнуло восстание и отданные «за приставы» Иван Жеглов и братья Негодяевы были освобождены³⁰.

О Новгородском восстании написано немало исследований³¹, поэтому ограничимся лишь кратким пересказом основных событий. Первые волнения начались в конце февраля 1650 г. в Пскове, куда из Москвы, проездом в Швецию, прибыл нарвский купец Левин Нуменс. Он вез с собой казну 20 тысяч рублей, которые царское правительство выплатило шведской короне в счет выкупа перебежчиков, переселившихся в Россию еще во времена Смуты. Соглашение о выплате компенсации было предусмотрено Столбовским договором. Об этих событиях рассказывает в своем донесении шведский резидент Якоб де Мулин. Он пишет, что когда Левин Нуменс прибыл в Псков, то «община Пскова, как стерleckие казаки, или всадники, так и простой люд, узнав о его приезде и о том, что он до этого проехал через Новгород, имея при себе большую сумму денег, чтобы на границе на эти деньги купить зерно, чего они не хотели допустить, захватили вышеназванного Левина Нуменса перед Псковом, несмотря на то, что при нем по приказу царя было около 20 солдат, и напали на него двумя или тремя тысячами людей, взяли деньги и бывшие при нем письма и хотели разрубить его на куски, говоря, что он был послан предателем Морозовым, и что Его Царское Величество о подобных вещах не знает и не ведает»³². Восстание в Пскове спровоцировало и новгородцев.

15 марта 1650 г. в Новгороде посадские люди, собравшиеся у съезжей избы, возмущенные тем, что, по слухам, деньги и хлеб вывозятся за рубеж, в то время как сами они голодают, двинулись к Каменному

городу. К ним присоединились стрельцы. По словам шведского резидента Петра Лоофельдта, в этот день воевода устроил им смотр, на котором те начали роптать, что жалованье им выдается не полностью, в то время как шведы вывозят из Москвы большую казну. Толпы народа «пришли в соборную церковь шумом», освободили из-под стражи Ивана Жеглова и сделали его своим предводителем. В тот же день был избит датский посланник Иверт Краббе и разграблены дворы новгородских купцов братьев Стояновых. Восстание охватило широкие слои населения. Среди мятежников были «дворяне и дети боярские, и новгородцы пятиконецкие старосты, и таможенные головы, и десятники, и все посацкие люди, и стрелецкие пятидесятники и десятники, и все рядовые стрелцы и атаманы, и ясаулы, и все казаки, и пушкари... протопопы, и попы, и дьяконы, и все церковные причетники, и всяких чинов жилецкие люди»³³. Воевода Ф. А. Хилков, опасаясь расправы, «из дому своего по градской стене убежа в дом к Преосвященному Никону митрополиту, иже прием его любезно, повеле ему во внутренних своих келлиях скрытися»³⁴. 17 марта, в день именин Алексея Михайловича, Никон в Софийском соборе предал публичному проклятию Ивана Жеглова и других зачинщиков мятежа. Впоследствии этот поступок митрополита получил одобрение патриарха Иосифа, который писал, «что Никон митрополит проклинал преступников воров и заводчиков, которые воровство завели, и то он учинил делом»³⁵.

Между тем восставшие написали «меж собою воровскую запись, что им друг за друга стоять и никого в своем воровстве тебе, государю, не выдавать. И велят влаstem и священником и всяких чинов людем со всякою угрозою, бьючи, руки к той воровской записе прикладывать...»³⁶. 19 марта толпа ворвалась на митрополичий двор. Причиной тому послужили слухи, что митрополитом и воеводой был задержан и избит пристав съезжей избы Гаврило Нестеров, якобы за то, что отец его подал явку (то есть донесение властям) на Никона. В это время Никон «к оному возмущенному и яростию велию дышащему народу изыде, нача оныя увещевати от Божественнаго писания». Однако угрозы не подействовали. Впоследствии митрополит писал царю: «И я, богомолец ваш, вышел к ним и почал их разговаривать. И оне меня ухватили со всяким безчинием, и в те поры меня бранили всякою неподобною бранью и ослопом в грудь торчма ударили и грудь розшибли и по бокам камением, держа в руках, и кулаки били»³⁷. Никона поволокли в Земскую избу, где заседал Жеглов, но по дороге у Знаменской церкви владыка «от их бою изнемогши, отпросился посидеть у Златых дверей перед церковью на лавке». Митрополит стал просить, чтобы его отпустили «святую литургию служить, и оне едва на то пре-

клонились». Тогда Никон «одва добрел с великою нуждею до Знамения пречистыя богородицы. И тамо час стоя и седа, слушал и святую литургию с великою нуждею и спехом служил и назад болен, в санях взвальясь, приволокся». «И ныне лежу в конце живота и кашлею кровью и живот весь запух и чая себе скорой смерти святым маслом соборовался. А того не ведаю, надолго ли моего живота продолжитца и буду ли жив», — писал Никон государю³⁸. Благодаря своей стойкости митрополит заслужил еще большую благосклонность Алексея Михайловича. В одной из своих грамот царь писал: «И мы, великий государь, тебя, богомолца нашего, за твое раденье и крепкое стоянье милостиво похваляем»³⁹.

С этого момента законная власть в Новгороде была парализована. Но восставшие сумели создать свои органы управления, которые, судя по всему, успешно работали. Очевидно, московским властям более чем за полтора века целенаправленной политики подчинения Новгорода так и не удалось искоренить дух независимости древнего северного города. Несмотря на все политические потрясения, традиции местного самоуправления оказались в нем удивительно живучими⁴⁰. Так, в Земской избе появилось новое правительство во главе с Иваном Жегловым. Распоряжения, исходившие от него, выполнялись беспрекословно. Это наглядно иллюстрирует небольшой пример. Некто Семен Корсаков, заручившись подорожной грамотой от воеводы Хилкова, просил у ямщиков подводы. Однако те сказали ему, «что без памяти из Земской избы подвод ему дати не смеют». В Земской избе просьбу Корсакова удовлетворили, но при условии, что он не будет брать с собой никаких писем у митрополита и воеводы⁴¹.

Восставшие взяли под свой контроль городские ворота, опасаясь прибытия карательного отряда, однако никому не возбранялось свободно въезжать и выезжать из города. 26 марта из Москвы приехал дворянин Яков Соловцов с царской грамотой к воеводе и митрополиту. На следующий день Никон, следуя предписанию из столицы, созвал в соборную церковь земских старост и «всяких чинов людей» и обратился к ним с речью, «чтоб они от дурна престали», «вину свою принесли» государю, сыскали промеж себя воров и зачинщиков и отдали их воеводе Хилкову. 29 марта митрополит «в другой ряд призывал и говорил... то ж». Однако восставшие не вняли увещаниям. Более того, они усомнились в подлинности грамоты, привезенной Соловцовым, «назвали ее непрямою грамотою», а самого посланца «не послушали и назвали ево, Якова, человеком твоего государева боярина Бориса Ивановича Морозова и взяли к себе в Земскую избу, и в Земской избе ево спрашивали о всем и к тем роспросным речем велели ему Якову и руку приложить. И после роспросу отдали ево Якова

за пристава Ивашку Жеглову». Только благодаря ходатайству Никона Соловцов вскоре был освобожден и отпущен из города⁴².

В начале апреля к городу подошел небольшой отряд во главе с князем Иваном Никитичем Хованским. Сил этого отряда было явно недостаточно, чтобы штурмовать город. Тогда князь прибег к хитрости. Как сообщает очевидец тех событий шведский резидент Эберс, Хованский вступил в переговоры с представителями восставших и уверял их, что пришел не карать, а по-хорошему расследовать все обстоятельства дела⁴³. В рядах восставших назревал раскол. Члены городской верхушки в отсутствие одного из предводителей бунтовщиков, Елисея Лисицы, уговорили восставших открыть ворота. Отряд князя вошел в город, и вскоре началось следствие. Митрополит Никон принимал в нем активное участие. Князю И. Н. Хованскому велено было «советовать» во всем с «государевом богомолцом»⁴⁴. Никон одну за другой посылал в Москву отписки, настаивая на том, чтобы «тем твоим государевым делом промышлять не вскоре и з болшим рассмотрением... а вскоре было такова великаго дела сыскати нелзе»⁴⁵.

Розыск продолжался с 24 апреля по 7 мая. В результате был казнен посадский человек Трофим Волк, который в первый день восстания избил датского посланника Иверта Краббе. «Ивашка Жеглова с товарищи» били кнутом и сослали в Сибирь. А «на которых людей дали всяких чинов люди во всяких же воровствах роспись, и тех людей сто девяносто пять человек и даны были на поруки, потому что сажать было их в тюрьму негде, а иные многие люди объявились в малых винах»⁴⁶. Таким образом, бунтовщики отделались сравнительно мягким наказанием. Никон, с которым во всем советовался князь Хованский, настоял на том, чтобы виновные в «малых винах» были отпущены на свободу. «А которые, государь, и здесь в Великом Новгороде в таком же воровском гилевстве сидят в тюрьме, а иные и пущие воры, и тем вором твоя государская милость есть, ис тюрьмы свободены»⁴⁷. Такое «милосердие» к мятежникам объяснялось тем, что пламенем восстания все еще был охвачен Псков. Псковичи, прослышав о новгородском следствии и узнав, что десятки новгородцев сидят в тюрьмах и ожидают самого худшего, решили стоять до конца. Поэтому новгородский митрополит решил прекратить розыск, «покамест псковское дело зделаетца»⁴⁸. 19 мая отряд И. Н. Хованского отправился в Псков⁴⁹. В Новгород на смену воеводе Ф. А. Хилкову был прислан князь Ю. П. Буйносов-Ростовский⁵⁰. Однако положение оставалось тревожным. Осада Пскова затягивалась, а силы Хованского таяли, потому что «дворяне и дети боярские с твоей государевой службы многие разъехались, потому что в людцком и в конском корму скудость болшая, и шиши по дорогам и по лесом около острожков и обозу облегли, для людцкого и конского

корму выехать никоими делы не уметь; дворян и детей боярских побивают, а запасы и лошади отнимают»⁵¹.

Бессилие отряда Хованского вынудило московское правительство в конце июня созвать Земский собор, на котором было принято решение отвести отряд обратно в Новгород, а в Псков направить посольство выборных людей во главе с духовными лицами — коломенским епископом Рафаилом, андроньевским архимандритом Сильвестром и черниговским протопопом Михаилом. 1 августа выборные прибыли в Новгород. В это время Никон послал на имя царя отписку, в которой убеждал его объявить амнистию всем заводчикам псковского бунта, если они принесут присягу на верность государю. Митрополит понимал, что и Хованский, и новый новгородский воевода явно не располагали достаточно большим и боеспособным войском для осады укрепленного города.

Между тем миссия епископа Рафаила оказалась успешной. К 24 августа ему удалось привести к крестному целованию более трех тысяч псковичей⁵². Увещевания духовенства оказались более действенными, чем силовые методы московского правительства. Это обстоятельство придало церковным властям еще больший авторитет. Особого почета удостоился митрополит Никон. 28 ноября 1650 г. он отправился в Москву. «И бысть ему от Великого государя на Москве честь велия, якова инем владыкам новгородцким, прежде бывшим, таковые великие чести не бысть, якоже ему». «И оттоле Благочестивейший Царь к Преосвященному митрополиту нача свою наипаче велию милость являти...»⁵³ Никон получил из государственной казны «сукна на однорядки лутчие и бархаты на шапки в Великий Новград болшому собору Софеи премудрости божии протопопу и протодьякону» и прочему клиру. Для Софийского собора был отлит колокол весом в 150 пудов⁵⁴.

9 февраля 1651 г. состоялось заседание Освященного собора, на котором присутствовали патриарх Иосиф, новгородский митрополит Никон, ростовский митрополит Варлаам, крутицкий митрополит Серапион, вологодский архиепископ Маркел и тверской архиепископ Иона. На соборе было принято решение «во святых же церквах в московском государстве и по всем городе единогласно на вечернях, и на повечериях, и на полуношницах, и на заутренях псалмы и псалтырь говорить в один голос тихо и неспешно среди церкви на восток лицом со всяким вниманием»⁵⁵. Прошло всего два года с тех пор, как церковный собор почти в том же составе высказался против введения единогласного пения в приходских церквах, за что ратовали ревнители благочестия. Но теперь позиции ревнителей были настолько сильны, что они могли оказывать давление даже на церковные власти. Перед собором

ревнители благочестия заручились грамотой константинопольского патриарха Парфения, перевод которой был сделан в Посольском приказе в декабре 1650 г.⁵⁶ Греческий владыка подтверждал правильность их позиции. Таким образом, как когда-то при Филарете, авторитет византийских иерархов снова был использован в самый разгар внутри-церковной борьбы.

В начале 1651 г. Никону были даны царем более широкие властные полномочия. Митрополит, единственный из архиереев, получил право «в пригородах и уезде всея твоей десятины монастыри и архимаритов и игуменов и братью, и всех ружных и приходских церквей попов и дьяконов и причетников, и монастырских служек и крестьян ведать судом и управою, во всяких управных делах, тебе, богомолцу нашему, опричь разбойных и татинных и убивственных дел». Этот указ прямо противоречил 1-й статье XIII главы Соборного Уложения, по которой подсудность духовных лиц по гражданским делам принадлежала компетенции Монастырского приказа⁵⁷. Никогда прежде высшее духовенство, за исключением патриарха, не обладало полномочиями судебной власти по отношению к монастырям, расположенным в пределах их епархий. Другим важным нововведением в Новгородской митрополии стала борьба с пьянством.

До XVI в. изготовление спиртных напитков на Руси, так называемое корчемство, было сосредоточено в основном в частных руках. Однако со времен Ивана III государство установило в этой сфере свою монополию. Корчемство было запрещено и жестоко преследовалось. Соборное Уложение 1649 г. законодательно закрепило государственную монополию на производство и торговлю спиртными напитками. Теперь вино, пиво и водка продавались только в кабаках, причем продавать их на вынос было запрещено. Нетрудно догадаться, что такая система способствовала спаиванию населения. В городах стало процветать пьянство⁵⁸. Никон подал царю челобитную, в которой просил, чтобы «государь указал в Великом Новгороде устроит кружешной двор против Московского кружешного двора и сколько на том кружешном дворе ни соберетца, недобору никакова не спрашивать, чтоб отчине твоеи государеве Великому Новугороду от многих кабаков и достал не запустет»⁵⁹. На кружечном дворе водка и вино продавались в разлив на вынос в строго ограниченном количестве. Более того, с 24 марта по 7 апреля 1651 г., то есть в Великий пост и Светлую неделю, все кабаки в Новгороде были закрыты. Откупщики Степашка Тимофеев с товарищами жаловались, что из-за этого случился большой недобор. Такая борьба с пьянством чисто административными мерами слишком напоминает другие подобные опыты Русского государства, в том числе и в недавнем прошлом. Когда Никон

стал патриархом, борьба за трезвость народа развернулась в масштабах всей России.

В декабре 1651 г. «от царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси» Никону была послана грамота, в которой ему предписывалось «ехать к Москве не мешкав», чтобы поспеть «к воскресенью декабря к 25 числу»⁶⁰. Покидая Новгород, митрополит не подозревал, какая судьба его ждет впереди. Кто мог тогда подумать, что всего через семь месяцев он снимет с себя символ архиерейской власти — золоченую панагию «Никана митрополита»⁶¹, инкрустированную драгоценными камнями, и примет регалии патриарха Московского?

Глава 6

Поставление на патриаршество

Идут, идут! Народ
Волнуется! Вот уж несут хоругви!
А вот попы с иконами, с крестами!
Вот патриарх!

А. К. Толстой. «Царь Борис»

Как уже говорилось, избрание Никона в новгородские митрополиты в 1649 г. было лишь первым шагом ревнителей благочестия в деле обновления церковной иерархии. За ним последовали другие назначения на церковные кафедры, которые в короткий срок изменили состав высшего духовенства.

В середине XVII в. церковная иерархия в основном состояла из епископов, выдвинувшихся еще во времена патриарха Филарета либо вскоре после его смерти. Почти все они занимали свои кафедры уже долгие годы и были людьми преклонного возраста. Например, ростовский митрополит Варлаам получил сан в 1619 г. Казанский митрополит Матвей, бывший игумен Кирилло-Белозерского монастыря, занимал кафедру с 1615 по 1646 г. Ему на смену пришел сербский митрополит Симеон, который, по-видимому, также был человеком немолодым. Во всяком случае, он умер всего через три года после своего поставления — в январе 1649 г. Уже знакомый нам новгородский владыка Афоний был рукоположен в митрополиты в 1635 г. В 1638 г. в рязанские архиепископы поставлен иеромонах Троице-Сергиева монастыря Моисей, который в прошлом был протопопом Благовещенского собора и духовником царя Михаила Федоровича. После смерти Филарета выдвинулся Герасим Кремлев, который в 1634 г. стал игуменом Тихвинского монастыря, а в 1640 г. поставлен архиепископом в Тобольск¹. Немолодым человеком был и патриарх Иосиф. В 1642 г. его избрали на патриаршество по жребию из шести кандидатов. До этого Иосиф три года был архимандритом московского Симонова монастыря, а еще раньше в течение десяти лет — настоятелем Переяславской Никитской обители².

Как правило, в епископы рукополагались настоятели крупнейших монастырей: Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Тихвинского, Псково-Печерского, Новгородского Антоньева, Новгородского Хутынского, Спа-

со-Андроникова, Казанского Преображенского, Владимирского Рождественского, Московского Богоявленского, Ярославского Толгского. Исключения были крайне редки и обусловлены, как правило, политическими причинами. Например, рязанский архиепископ Моисей был поставлен на свою кафедру прямо из иеромонахов. Очевидно, это стало возможным потому, что прежде он был царским духовником. Вспомним также, что в 1606 г. в ростовские митрополиты был поставлен иеромонах Антоньева Сийского монастыря Филарет, в будущем московский патриарх³. Нужно ли говорить, что своим возвышением он был обязан родству с государем?

Практика избрания епископов на Руси восходила к византийской традиции, согласно которой архиерей выбирался императором из трех кандидатов⁴. В середине XVII в. в московских приказах был составлен «чин поставления епископа», где процедура избрания описывалась следующим образом. По смерти архиерея патриарх созывает собор из всех епископов и объявляет им «о вдовствующей епископии, яко потребно есть избрати такова». После этого владыка благословляет всех и отпускает по домам. Затем патриарх «повелевает книгохранителю, или некоему от болших клирик, или писателю своему, написать имена три, или четыре избранных от священноинок или иноков». На следующий день епископы снова собираются и идут к царю. Царь и патриарх зачитывают имена кандидатов, «и последи сего советует Царь и Патриарх, ему же быти на вдовствующем святителском престоле»⁵. Таким образом, согласно чину поставления, епископ выбирался по обоюдному согласию царя и патриарха из трех или четырех кандидатур, предложенных Освященным собором. Однако с 1649 г. назначения на епископские кафедры стали проводиться не при участии патриарха, а по совету царского духовника Стефана Вонифатьева. По этому поводу протопоп Иван Неронов впоследствии писал Никону: «А которые боголюбцы посланы государем блаженные памяти ко Иосифу, патриарху, чтоб ему поставить по его государеву совету, овых в митрополиты, и во архиепископы, и епископы, иных во архимариты, и игумены, и протопопы, а ты з государевым духовником Стефаном тогда был в советех...»⁶ Таким образом, по свидетельству Неронова, никакого совещания царя и патриарха не было. Иосиф просто утверждал предложенную царем кандидатуру. Рассмотрим изменения, которые произошли в составе высшего духовенства после церковного собора 1649 г. и поставления в митрополиты Никона.

В конце 1649 г. был лишен сана псковский архиепископ Левкий. О причинах его опалы судить довольно трудно из-за недостатка источников. Однако известно, что до своего поставления в епископы в 1634 г. Левкий более десяти лет был игуменом Симонова монастыря в Москве⁷. Впоследствии, в 1639–1642 гг., игуменом этого же монасты-

ря стал будущий патриарх Иосиф. Возможно, Иосиф, выходец из Переяславля, был назначен настоятелем московской обители благодаря протекции Левкия. Такое предположение позволило бы причислить Левкия к сторонникам Иосифа. 4 ноября 1649 г. на место Левкия был поставлен игумен Псково-Печерского монастыря Макарий. О личности Макария также известно не много. В прошлом он был настоятелем Псковского Снегогорского монастыря, а в 1642 г. принимал участие в выборах патриарха в качестве одного из шести кандидатов. Тогда выбор определялся по жребию, и удача сопутствовала симоновскому архимандриту Иосифу. Как уже говорилось, есть основания полагать, что жребий был подменен, поскольку Иосифа поддерживала боярская группировка Морозовых — Львовых⁸. Таким образом, если у нас нет достаточных оснований, чтобы причислить Макария к сторонникам ревнителей благочестия, то во всяком случае можно предположить, что он был противником патриарха Иосифа. Макарий был избран архиепископом из четырех кандидатов. Другими претендентами на псковскую кафедру были чудовский архимандрит Ферапонт, андрониковский архимандрит Сильвестр и архимандрит Иосифова монастыря Зосима⁹.

26 сентября 1649 г. умер казанский митрополит Симеон, и через несколько месяцев, 10 января 1650 г., на его место назначается игумен московского Богоявленского монастыря Корнилий. Как и многие ревнители благочестия, Корнилий был выходцем из Нижегородского края, где в 1647—1649 гг. занимал пост игумена уже известного нам Макарьева Желтоводского монастыря¹⁰. В 1649 г. Корнилия перевели в Москву и поставили архимандритом Богоявленского монастыря, а еще через год он уже стал митрополитом¹¹. Для своего времени это было необыкновенно быстрое возвышение. Корнилия избрали на митрополию из трех кандидатов. Другими претендентами на кафедру были всё те же чудовский архимандрит Ферапонт и архимандрит Андроникова монастыря Сильвестр¹². И Ферапонт, и Сильвестр уже давно жили в столице и являлись настоятелями первостатейных обителей, однако при выборе митрополита и на этот раз предпочтение было отдано кандидату от ревнителей благочестия. Как будет показано в дальнейшем, Корнилий сыграл немаловажную роль в избрании на патриаршество Никона. Именно он рукополагал новгородского митрополита в святительский сан.

9 марта 1651 г. в тобольские архиепископы на место умершего Герасима Кремлева поставили игумена Пафнутьева Боровского монастыря Симеона¹³. Возвышение Симеона было не менее стремительным, чем возвышение Корнилия. Он принял постриг все в той же Макарьевой Желтоводской обители, а в 1649 г. стал настоятелем Пафнутьева Боровского монастыря¹⁴. После избрания в архиепископы Симеон стал усердно вводить в своей епархии единогласное пение в приходских

церквах, чем вызвал недовольство местных властей¹⁵. Если вспомнить, что ревнители благочестия последовательно отстаивали практику единогласия, то Симеона вполне можно причислить к их сторонникам.

13 апреля 1649 г. в рязанские архиепископы был избран иеромонах Новгородского Деревяницкого монастыря Мисаил¹⁶. Как уже говорилось, поставление в епископы монаха было исключительным случаем. Ранее Мисаил был ризничим новгородского митрополита Никона¹⁷. Разумеется, его выдвижение произошло благодаря покровительству будущего патриарха. В рязанской епархии Мисаил стал ревностно бороться с пьянством в монастырях, а также усердно проповедовал православное вероучение среди инородцев. Эти проповеди в конечном счете стоили Мисаилу жизни. В 1654 г. он был убит в Шацком уезде неким мордвином¹⁸.

Таким образом, в 1649–1651 гг. произошло быстрое обновление церковной иерархии, в результате которого в некоторых епархиях к власти пришли люди, разделявшие взгляды ревнителей благочестия. В это время роль царского духовника Стефана Вонифатьева была исключительно велика. По словам Павла Алеппского, Вонифатьев «занимал такое положение, что мог наказывать, заключать в тюрьму, налагать оковы на священников без дозволения прежних патриархов»¹⁹. Наиболее важную роль среди епископата стали играть новгородский митрополит Никон и казанский митрополит Корнилий. Мнение патриарха Иосифа не принималось в расчет. Чувствуя свою беспомощность, владыка говорил: «...переменить меня, скинуть меня хотят, а будет де и не отставят, и я де и сам... об отставке стану бить челом»²⁰. Однако, по признанию царя Алексея Михайловича, «у меня и отца моего духовнаго, Содетель наш Творец видит, ей ни на уме того не бывало помыслить страшно на такое дело... хотя бы и еретичества держался, и тут мне как одному отставить его без вашего собору»²¹. Тем не менее судьба Иосифа решилась скоро. В середине апреля патриарх скоропостижно скончался, не назвав своего преемника. Через несколько месяцев на патриаршество был поставлен Никон.

Обстоятельства этого поставления в историографии изложены по-разному. Например, С. М. Соловьев считал, что избрание Никона в патриархи было predetermined царем Алексеем Михайловичем. По его мнению, решающим фактором в этом деле стала привязанность государя к своему «собинному другу»²². Профессор Духовной академии Н. Ф. Каптерев, автор самого обстоятельного исследования о патриархе Никоне, писал, что новгородский митрополит был выдвинут на патриаршую кафедру кружком ревнителей благочестия, который возглавлял царский духовник Стефан Вонифатьев. Ревнители хотели видеть во главе церкви одного из своих членов и рассчитывали играть при нем видную роль. Первоначально они указали на Стефана Вонифатьева как на наиболее

приемлемого кандидата, но тот отказался от патриаршества и сам указал на Никона²³. Точку зрения Н. Ф. Каптерева приняли многие историки, и на сегодняшний день она является наиболее распространенной²⁴.

Между тем в ряде работ история избрания Никона изложена совершенно иначе. Пример тому — биографический очерк о патриархе, написанный в середине XIX в. церковным историком архимандритом Аполлосом. Аполлос считал, что Никон был избран жребием из трех кандидатов. Сначала жребий выпал на иеромонаха Козмодемьянского Юнгенского монастыря Антония, однако тот, будучи дряхлым старцем, отказался от сана²⁵. В литературе уже было отмечено, что эта история заимствована из позднего агиографического источника начала XVIII в. — Жития суздальского митрополита Илариона²⁶. В начале Жития автор рассказывает об отце преосвященного Илариона, священнике Анании, который в 1640 г. постригся в монахи под именем Антония. В 1652 г. Антоний якобы был вызван в Москву для участия в выборе патриарха, так как «возвещено бо бысть о нем, яко зело учителен и добродетельное житие проходит»²⁷. Избрали трех кандидатов: «перваго Новгородскаго Никона митрополита, втораго — сего иеромонаха Антония, и третьяго — иеромонаха еще некоего и метнуша о них жребий». Когда жребий пал на Антония, «он же уступи сие Никону, митрополиту новгородскому, понеже убо стар сый и болезнию объят баше»²⁸. В пользу этой версии, изложенной архимандритом Аполлосом, говорит тот факт, что священник Анания, о котором мы уже рассказывали в предыдущих главах, в 1620-е гг. действительно жил в нижегородских пределах и был знаком с будущими ревнителями благочестия, по крайней мере с Иваном Нероновым, который учился у него богословию²⁹. Таким образом, о священнике Анании, безусловно, знали в Москве. Тем не менее трудно представить, что простой монах, не пользующийся никаким влиянием в московских церковных кругах, неожиданно был привлечен к участию в выборах патриарха только потому, что вел добродетельное житие. К тому же в ранних источниках об иеромонахе Анании нет никаких упоминаний. Скорее всего, в сознании автора Жития митрополита Илариона причудливым образом преломились события полувековой давности. Зная о традиции избрания патриарха жребием и о том, что Антоний когда-то был связан с ревнителями благочестия, биограф Илариона сделал его отца участником событий 1652 г. Любопытно что Антоний, отказавшись от патриаршества, сам уступил его Никону, точь-в-точь как это сделал Стефан Вонифатьев. Видимо, нужно признать, что версия об участии Антония в выборах патриарха является недостоверной, хотя ее можно встретить в работах некоторых авторитетных исследователей³⁰.

Иначе представляет избрание Никона московский историк О. Е. Косшелева. По ее мнению, еще до поставления патриарха сформировалась

враждебная ему боярская оппозиция. «Никону была хорошо известна неприязнь к нему бояр, — писала исследовательница, — и когда пришло известие о кончине патриарха Иосифа, он знал, что боярство не захочет его кандидатуры в патриархи. Поставление Никона на патриаршество происходило не так гладко, как это обычно представляется. Церковный собор выдвинул 12 кандидатов, выбор же колебался между Никоном и царским духовником Стефаном Вонифатьевым, но Стефан отказался от патриаршества и сам порекомендовал Никона»³¹.

Таким образом, в литературе обстоятельства избрания Никона в патриархи излагаются по-разному. Для того чтобы восстановить подлинную картину событий 1652 г., мы попытаемся заново пересмотреть все известные факты, отдавая предпочтение современным источникам, а не поздним свидетельствам, дошедшим до нас в составе литературных произведений.

Начало 1652 г. было отмечено рядом знаменательных событий. В январе состоялось открытие мощей преподобного Саввы Сторожевского, ученика Сергия Радонежского, память которого особо чтит царь Алексей Михайлович. В середине месяца из Москвы в Саввин Сторожевский монастырь отправилась торжественная процессия во главе с государем, боярами и высшим духовенством. В марте состоялось заседание церковного собора, который принял решение о перенесении в Москву мощей других первосвятителей — московского патриарха Иова и митрополита Филиппа, возглавлявшего русскую церковь при Иване Грозном и погибшего от рук опричников. Вскоре из Москвы выехали два посольства. За мощами патриарха Иова в Старицу отправился ростовский митрополит Варлаам, а за мощами митрополита Филиппа поехал Никон³². Путь последнего лежал на Соловецкие острова. Именно туда в конце XVI в. останки Филиппа были перенесены из Тверского Отроча монастыря, где владыка был задушен Малютой Скуратовым. Инициатива перенесения мощей митрополита Филиппа и его последующая канонизация обычно приписывается Никону или царю Алексею Михайловичу. В этом акте историки усматривают символическое покаяние светской власти перед духовной или своеобразный компромисс, на который пошло государство во взаимоотношениях с церковью³³. Однако, по-видимому, канонизацию Филиппа следует рассматривать в более широком контексте, а не сводить ее исключительно к идейной борьбе государства и церкви. По всей видимости, открытие и перенесение мощей видных церковных деятелей было одним из этапов процесса *translatio religionis**, который заметно оживился в начале царствования Алексея

* Перенос святости (лат.).

Михайловича. Собрание православных святынь, таких, как Иверская икона Богоматери, перенесение в столицу мощей церковных святителей свидетельствовало о стремлении властей превратить Москву в центр православного христианского мира. Апофеозом этого процесса стало основание Никоном под Москвой Воскресенского монастыря, иначе именуемого Новый Иерусалим, о котором мы расскажем в последующих главах. Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Перенесение в Москву мощей митрополита Филиппа поразительным образом напоминало перенесение в Константинополь останков Иоанна Златоуста при императоре Феодосии. Об этом писал и очевидец тех событий, царь Алексей Михайлович, в послании казанскому воеводе князю Н. И. Одоевскому: «И подаровал нам Бог великому государю великаго солнца Иоанна Златоустаго возвратити мощи, тако и нам даровал Бог целителя, новаго Петра и втораго Павла проповедника, и втораго Златоуста, великаго пресветлаго солнца Филиппа, митрополита московскаго и всея Росии чудотворца, возвратити мощи»³⁴. Иоанн Златоуст был одним из наиболее почитаемых на Руси отцов церкви³⁵. В 1641 г. на московском Печатном дворе был издан сборник его поучений и слов, книга «Маргарит», к которым было присовокуплено и Житие византийского подвижника. Иоанн Златоуст, так же как и Филипп, пострадал от произвола светских властей. Он был сослан из Константинополя в Закавказье и умер вдали от родины. Почти через тридцать лет после смерти подвижника константинопольский патриарх Прокл обратился к императору Феодосию Малому с просьбой вернуть мощи Златоуста в столицу, чтобы «не токмо церкви соединити, но и веру утвердити». История этого события была изложена в Минеях Четых за январь, которая также была издана в Москве в 1644 г.³⁶ Самое любопытное то, что император Феодосий направил молебное послание «вселенскому учителю и духовному ми отцу Иоанну Златоусту», точно так же, как Алексей Михайлович направил послание митрополиту Филиппу. Таким образом, русский царь уподоблялся византийскому императору, а московский патриарх — патриарху Константинопольскому.

Никон проявлял особое внимание к культу митрополита Филиппа. Во время своего пребывания на Соловецких островах он, конечно же, не раз слышал о жизни владыки, который осмелился обличать самого Ивана Грозного. Однако гробница Филиппа была открыта только в мае 1646 г., когда Никон уже был настоятелем Новоспасского монастыря в Москве. Соловецкий игумен Илья приказал откопать ее священнику Мартирию. Через год «мощи согрелись, да и распустились... А Мартирей же взял от правые руки четвертой перст и отдал архимариту. Да Мартирей же взял з гортани костку и отдал в Новеграде митрополиту Никону, и он принял, да поцеловал»³⁷. Таким образом, частица

мощей святителя была передана Никону еще в бытность его новгородским митрополитом.

Перенесение мощей в Успенский собор должно было символизировать единство церкви и торжество благочестия. Об этом, кстати, говорится и в молебном послании царя Алексея Михайловича митрополиту Филиппу, которое повез с собой Никон: «...быти тебе богохранимаго царствующаго нашего града Москвы во святей велицей и преименитой соборной апостольской церкви пресвятые чистыя и преблагословенныя Богородицы и приснодевы Марии святаго Ея Успения, наполняюща место, с преждебывшими тебе и по тебе святители, яко дабы купно ваших ради молитв святая соборная и апостольская церковь и яже о Христе вера, ею же спасаемся, пребывала выну неподвижна, и стадо ваша святительския паствы ненаветно...» В конце своего послания государь писал: «Исправися бо тобою и евангельский глагол, за него же ты пострада, заеже всяко царство раздельшися на ся не станет и несть... уже днешь в твоей пастве никотораго разделения, аще бы убо было, не бы стояло доселе разделения ради...»³⁸ Возвращение митрополита Филиппа и патриарха Иова в Москву означало восстановление преемственности духовной власти. Не случайно патриарх Иосиф в своем послании к Филиппу писал: «...ты же преж мене пастырь, твоя суть моя овца, от тебе бо самого сих начало бысть, и иже по тебе пастырие твоим богатством словесным обогащают овца...»³⁹ Идея преемственности прослеживается и в послании Алексея Михайловича. Царь брал на себя ответственность за деяния своего прадеда, Ивана Грозного (хотя не был его потомком по прямой линии), тем самым подчеркивая, что Романовы восприняли власть по праву наследников старой московской династии. Уже говорилось, что далеко не все современники воспринимали это как непреложный факт. Алексей Михайлович писал: «...молю тя... разрешити согрешение прадеда нашего царя и великаго князя Иоанна нанесенное на тя неразсудно завистию... да пришед простиши, иже ты оскорби понапрасну, раскаяся бо о содеяном и он тогда, и за то его покаяние к тебе и нашего ради прощения прииде к нам, святыи владыко»⁴⁰.

Никон выехал из Москвы 11 марта 1652 г. Митрополита сопровождал князь Иван Никитич Хованский, знакомый нам по новгородскому делу, пятнадцать стряпчих и дворян да сто человек стрельцов со стрелецким головой⁴¹. Столь внушительная процессия двигалась крайне медленно. Только 27 марта Никон приехал в Вологду. Там митрополит провел некоторое время в ожидании, пока вскрыется лед на реке. Дальнейший путь пролегал по воде: по рекам Вологде, Сухоне и Двине до Архангельска, куда Никон прибыл 14 мая⁴². Во время плавания к Соловецким островам лодьи разметала буря. Митрополит и большая часть его людей чудом избежали гибели. Пришлось снаряжать новую

флотилию, которая достигла Соловков лишь 3 июня⁴³. Возвращаться было решено водным путем, чтобы не повредить «мощи святого митрополита». Этот путь был уже знаком Никону. Он пролегал через Онежскую губу мимо острова Кий, вверх по Онеге до Каргополя и далее через Лач-озеро и реку Свидь до Короткова, откуда волоком флотилия должна была переправиться в Белое озеро, а затем добраться по воде до Дмитрова. Никон постоянно посылал царю отписки, сообщая о своем передвижении и о происходивших в пути событиях. Однако его послания, судя по всему, направлялись в приказную канцелярию, откуда в ответ поступали все необходимые распоряжения. Сам Алексей Михайлович отправил личное послание митрополиту только в середине мая. Таким образом, Никон ничего не знал о происходящем в Москве и тем более не мог повлиять на развитие политической ситуации.

Между тем в столице произошли важные перемены. 5 апреля из Старицы вернулся с мощами патриарха Иова ростовский митрополит Варлаам. На торжествах присутствовали царь, патриарх Иосиф, бояре А. Н. Трубецкой, Ф. С. Куракин, окольные В. Г. Ромодановский и П. Ф. Соковнин. Из числа духовенства на первых ролях были ревнители благочестия: казанский митрополит Корнилий и рязанский архиепископ Мисаил⁴⁴. К вечеру того же дня патриарх Иосиф почувствовал себя плохо и после продолжительной агонии скончался. Смерть наступила 15 апреля. Последние дни жизни патриарха красочно описал сам царь Алексей Михайлович в так называемом статейном списке, который он послал в мае митрополиту Никону. Любопытно, что в этом послании неоднократно упоминаются всё те же архиереи, которые в это время находились в окружении государя: митрополит Корнилий и архиепископ Мисаил⁴⁵. Нет никаких сомнений, что всю церковную политику определяли ревнители благочестия во главе со Стефаном Вонифатьевым. Об этом свидетельствовали даже иностранцы. Так, шведский резидент Иоганн де Родес писал в своем донесении от 28 апреля 1652 г., что, вероятно, в кознях духовника не будет недостатка⁴⁶.

Митрополит получил статейный список царя только в середине июня, «отъехав от моря рекою Онегою семьдесят верст в Турчасове». О кончине владыки Иосифа Никон отозвался с сожалением: «Да ты ж, государь наш свет, писал, что всемирнаго отца нашего святейшаго Иосифа патриарха не стало, и изволил его Бог от здешних на велелепнейшая благая и нетленная преселити, иде ж жизнь бес конца есть; аз же вельми содрогнухся, еда како не пришед поразить и мене Господь внезапу...»⁴⁷ Между тем митрополит ни словом не обмолвился о предстоящем выборе нового патриарха, хотя царь в своем письме специально подчеркивал важность этого события и необходимость присутствия в столице Никона: «...а мати наша, соборная и апостоль-

ская церква, вдовствует, зело слезно и вельми сетует по женихе своем... А ожидаем тебя святителя к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да Казанской митрополит, да отец мой духовной, тай не в пример, а сказывают свят муж»⁴⁸. Хотя царь не называет имени нового патриарха⁴⁹, все же он определенно дает понять, что выбор сделан. Решение о том, кто будет возглавлять русскую церковь, принял не Освященный собор, а узкий круг ревнителей благочестия: царь, Стефан Вонифатьев и митрополит Корнилий.

Через двадцать лет после описываемых событий протопоп Аввакум написал свое житие, в котором иначе изложил обстоятельства избрания Никона в патриархи. По словам Аввакума, он, незадолго до возвращения Никона в Москву, вместе с казанским митрополитом Корнилием подал челобитную царю «о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона, Новгородскаго митрополита, понеже он обольстил святую душу ево, являясь ему яко ангел, а внутрь сый дьявол. Протопоп же Стефан увеща царя и царицу да поставят Никона на Иосифово место. Царь же и послушал»⁵⁰. Из достоверных источников известно, что Аввакум был поставлен протопопом в Юрьевец Повольский 23 марта 1652 г. В тот же день получил священнический сан и костромской протопоп Даниил⁵¹. Очевидно, уже в конце марта Аввакум покинул столицу и потому не был свидетелем смерти патриарха Иосифа и последовавших за этим событий. В Юрьевце Повольском Аввакум своими обличениями возбудил против себя прихожан и духовенство. Недовольные жители изгнали ненавистного протопопа из города. Тогда Аввакум «на Кострому прибежал, ано и тут протопопа же Даниила изгнали»⁵². Известно, что волнения в Костроме начались 28 мая⁵³, следовательно, Аввакум мог появиться там только в начале июня. Какое-то время ему понадобилось, чтобы добраться до Москвы. Таким образом, челобитная братии о протопопе Стефане могла быть подана не раньше чем в середине июня 1652 г.⁵⁴ Однако, на наш взгляд, вызывает сомнение сам факт подачи челобитной. Ведь современные источники, какими являются письма царя Алексея Михайловича, рисуют совершенно иную картину.

В самом деле, мог ли Аввакум, изгнанный своей паствой из Юрьевца Повольского, повлиять на решение, уже принятое царем и Стефаном Вонифатьевым? И почему вдруг казанский митрополит изменил свое мнение и стал бить челом о Стефане? Следует помнить, что Житие протопопа Аввакума — поздний источник и к тому же далеко не беспристрастный. Некоторые события отразились в нем не вполне достоверно. Иногда обнаруживается, что Аввакум противоречит сам себе. В другом своем произведении, «Повести о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания», он писал об избрании Никона так: «Протопоп (Стефан Вонифатьев. — С. Л.) же увеща царя и царицу, да поста-

вят Никона на Иосифово место. И я, окаянной, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку»⁵⁵. Эта версия вполне согласуется с ранними источниками — письмами царя Алексея Михайловича. Скорее всего, принятое в мае решение об избрании Никона было подкреплено формальной челобитной на имя царя, под которой поставили свои подписи и некоторые ревнители благочестия, в том числе митрополит Корнилий и Аввакум.

Почему же выбор был сделан в пользу Никона, а не Стефана Вонифатьева, который, постоянно находясь при государе, обладал гораздо большим политическим влиянием, нежели новгородский митрополит? Дело в том, что Стефан принадлежал к белому духовенству, в то время как на епископские кафедры могли претендовать только монахи. Такая традиция сложилась еще в конце XV в., и она неуклонно соблюдалась на всем протяжении последующих двух веков⁵⁶. Если на епископскую кафедру претендовал священник, ему первоначально предстояло принять постриг. Так было в 1564 г., когда в митрополиты московские был поставлен старец Чудова монастыря Афанасий, бывший духовник царя Ивана Грозного. В 1638 г. та же история повторилась с духовником царя Михаила Федоровича Моисеем, о котором мы уже упоминали⁵⁷. Практика поставления архиереев из монахов не нарушалась даже в период патриаршества Никона, который, как мы увидим, назначал архиереев по своей прихоти.

Несмотря на влияние Стефана Вонифатьева и поддержку его царем Алексеем Михайловичем, такое важное событие, как избрание патриарха, не могло пройти в кулуарах дворца. Необходимо было соблюсти все формальные процедуры, одной из которых была состязательность процесса избрания. Патриарх, как и епископы, должен был, хотя бы формально, избираться из нескольких кандидатов. Соблюдению традиции придавалось крайне важное значение. Кроме того, в церемонии поставления должен был участвовать и новгородский митрополит, который обычно рукополагал на патриаршество нового пастыря. «А без тебя отнюдь ни за что не примемся», — писал Никону Алексей Михайлович⁵⁸.

До прибытия Никона в Москву о решении узкого придворного кружка, очевидно, знали очень немногие. Об этом не были осведомлены даже в приказной администрации, в которой готовился чин поставления нового патриарха. Чин поставления подробно расписывал все происходящее при этом церемонии. При подготовке его текста приказные дьяки брали за основу текст чина поставления предыдущего архиерея. Например, чин поставления первого русского патриарха Иова (1589) основывался на чине его предшественника — московского митрополита Дионисия (1581—1586)⁵⁹. Чин поставления Никона в свое время был издан П. Николаевским по беловому списку, хранящемуся в Российском

государственном архиве древних актов в числе «духовных российских дел»⁶⁰. Однако наибольший интерес представляет черновой список чина с имеющимися на нем правками⁶¹.

Текстологическое сопоставление его с чином поставления Иосифа обнаруживает во многих местах практически полное сходство⁶². Заменены только имена иерархов, царя и бояр, участвовавших в церемонии. Так, в черновом списке в начале текста вместо вычеркнутой даты «марта в 27 день» (в этот день в 1642 г. был поставлен в патриархи Иосиф) вписана дата «июлия в 25 день»; вместо слов «по жребию поставлен бысть» вписано «по избранию всего освященного собора»⁶³. Во всем тексте имя патриарха Иосифа вычеркнуто и вместо него вписано имя Никона. Но в ряде случаев имя Никона вписано вместо имени новгородского митрополита Афония, после чего оно было также зачеркнуто и над строкой вписано имя казанского митрополита Корнилия⁶⁴. В других случаях имя Корнилия вписано взамен зачеркнутого имени Никона⁶⁵. По-видимому, есть только одно объяснение такому характеру правки. Текст правился два раза. Сначала из чина поставления Иосифа было вычеркнуто имя покойного патриарха и имя новгородского митрополита Афония, который рукополагал его в высший церковный сан. Вместо имени Афония было вписано имя Никона. Именно он должен был рукополагать нового патриарха, чье имя пока еще не было известно приказным дьякам. Затем текст правился во второй раз. Теперь в него было вписано имя Никона как нового патриарха, обозначена дата его поставления — 25 июля, определен архиерей, которому надлежало совершить рукоположение, — казанский митрополит Корнилий. Можно довольно точно определить, когда была сделана вторая правка, то есть когда кандидатура Никона была окончательно утверждена. Из чернового чина вычеркнуто имя Варлаама, митрополита Ростовского и Ярославского⁶⁶, который умер 9 июля, «идучи за образы», в тот день, когда в Москву были торжественно принесены мощи митрополита Филиппа⁶⁷. То есть вторая правка была сделана после 9 июля, за несколько дней до поставления Никона.

Как уже говорилось, в литературе высказывалось мнение, что избранию Никона в патриархи хотели воспрепятствовать некоторые представители боярства. Наиболее часто называются фамилии князей И. Н. Хованского и Н. И. Одоевского⁶⁸. Однако такое предположение основано на поздних источниках. Чтобы проверить его, нужно проследить биографии обоих представителей боярской аристократии.

Князь И. Н. Хованский впервые упоминается на государственной службе еще в 1625 г.⁶⁹ В начале царствования Алексея Михайловича он впал в немилость и был сослан в Сибирь. Причиной опалы послужила позиция Хованского в деле королевича Вальдемара. Князь принадлежал к сторонникам партии Ф. И. Шереметева, предполагавшей избрать

Вальдемара новым царем. После смерти Михаила Федоровича позиции Шереметевых были подорваны, а некоторые их активные сторонники, в том числе и князь Хованский, отправились в ссылку⁷⁰.

В 1648 г. после московского восстания положение Б. И. Морозова пошатнулось. Князь Хованский вернулся в Москву, где сразу же был пожалован в бояре. В 1650 г. Хованскому было поручено усмирить мятеж в Новгороде и Пскове. Однако, как было показано выше, он действовал крайне неудачно, чем вызвал недовольство Алексея Михайловича. Даже розыск по новгородскому делу царь поручил Никону. Наконец, в 1652 г. Хованский отправился вместе с Никоном за мощами митрополита Филиппа. В своих отписках государю князь жаловался, «будто он пропал», потому что митрополит заставлял его «с собою правила ежедень», «николи де такого безчестья не было, что ныне государь нас выдал митрополитом»⁷¹. Недоволен Никоном был и другой участник похода, дворянин Василий Отяев, который писал своим друзьям: «Лутчи бы де нам на новой земле за Сибирью с князь Иваном Ивановичем Лобановым пропасть»⁷², нежели де с новгородским митрополитом, как де так, что силою заставляет говеть, никого де силою не заставить Богу верить»⁷³.

Неприязнь Хованского к Никону еще до поставления последнего на патриаршество не вызывает сомнений. Однако не вызывает сомнений и то, что Хованский не пользовался влиянием при дворе и что его жалобы не вызвали сочувствия у царя. Хотя Алексей Михайлович и просил Никона быть снисходительным к Хованскому и не заставлять его «у правила стоять», все же он всецело был на стороне своего «собиного друга». В ответ на жалобы князя царь писал: «Ведомо нам учинилось, что многие дворяне и всякие служилые люди, которые посланы с вами, с тобою богомольцом нашим и с тобою боярином нашим, по мощи великого святителя митрополита, в великий пост не постились и не с благочинием едут: и тебе б богомольцу нашему одноконечно заставить в Петров или госпотин посты говеть; а которые учинут послушаться, и тебе богомольцу нашему их, по правилом святых отец, запрещать и разрешать, зане ж от Бога на тебя власть та положена, и на всякое благочиние приводить, а тебе боярину нашему от всякаго дурна их унимать и велеть ехать с благочестием, а не смехом...»⁷⁴ Эти слова, исходявшие от самого государя, являются наилучшим свидетельством того, сколь велико было влияние ревнителей благочестия.

Другим противником Никона некоторые историки считают князя Никиту Ивановича Одоевского. По мнению Г. В. Вернадского, князь «ни в коем случае не хотел наделять его более широкими полномочиями, нежели имел его предшественник»⁷⁵. В отличие от Хованского, князь Одоевский пользовался расположением Алексея Михайловича.

Царь даже посылал ему трогательные письма, в одном из которых подробно описывал чудеса митрополита Филиппа. Однако Одоевский, как и Хованский, принадлежал к партии Ф. И. Шереметева. Князь Никита Иванович был женат на дочери Федора Шереметева — Евдокии⁷⁶. С воцарением Алексея Михайловича Одоевский пожалован в ближние бояре, однако вскоре удален из Москвы на воеводство в Ливны. Видимо, не случайно его назначение совпало с отставкой Ф. И. Шереметева, которая произошла 1 февраля 1646 г.⁷⁷

После московского восстания 1648 г. Одоевский вернулся в столицу и возглавил комиссию по составлению Соборного Уложения, в котором появились статьи об ограничении церковного землевладения и суда. Но в декабре 1651 г., когда влияние Морозова восстановилось, князь снова был отправлен на воеводство, на этот раз в Казань. В то время кандидатура преемника Иосифа даже не обсуждалась, поскольку патриарх был жив и исполнял свои обязанности. Как уже говорилось, смерть Иосифа стала для всех неожиданной.

Впоследствии Никон неодобрительно отзывался об Одоевском и о составленной под его руководством Уложенной книге: «...а он, князь Никита, человек прегордый, страху Божия в сердце не имеет и Божественнаго писания и правил святых апостолов и святых отец ниже чтет, ниже понимает, и жити в них не хочет, и живущих в них ненавидит, яко врагов сущих...»⁷⁸ Однако следует учитывать, что эти слова были написаны уже после оставления Никоном патриаршества в 1658 г. Тогда Одоевский принимал активное участие в розыске по делу Никона⁷⁹, что, конечно же, вызвало негодование патриарха. Но в 1652 г. о каком-либо противостоянии Никона и Одоевского говорить не приходится. Что же касается Уложенной книги, то значение ей Никон придавал только в пылу идеологической полемики. Как уже отмечалось, на практике постановления Соборного Уложения 1649 г. часто не выполнялись.

По мнению В. Хеллера, к избранию Никона был причастен боярин Б. И. Морозов, который не хотел видеть в качестве патриарха такого влиятельного человека, как Стефан Вонифатьев⁸⁰. Такое предположение не находит подтверждения в источниках. Нет никаких оснований полагать, что между царским воспитателем и царским духовником была какая-то вражда. Боярин Морозов был светским политиком, а ревнители благочестия в своей деятельности не выходили за рамки церковной традиции и не касались государственных дел.

О. Е. Кошелева полагает, что Никон постоянно вмешивался в частную жизнь боярства⁸¹. К примеру, он враждовал с дядей царя Никитой Ивановичем Романовым. Об этом конфликте знали даже иностранцы. Например, шведский резидент Иоганн де Родес в донесении от 15 марта 1653 г. писал, что патриарх, выпросив обманом у Н. И. Романова

немецкое платье, парики и шпаги, сжег их у себя на дворе⁸². Однако следует отметить, что этот инцидент произошел уже после избрания Никона в патриархи. Между тем источники не позволяют утверждать, что Романов противился этому избранию. По всей видимости, решение узкого круга ревнителей благочестия не вызвало оппозиции ни в церковной, ни в светской среде.

Перед поставлением Никона была составлена «настольная грамота», в которой описывалась процедура избрания патриарха. В ней говорилось, что царь вместе с митрополитами и архиепископами избрал двенадцать кандидатов (их число, очевидно, соответствовало числу апостолов). Среди них были новгородский митрополит Никон, казанский митрополит Корнилий, вологодский архиепископ Маркелл, рязанский архиепископ Моисей, псковский архиепископ Макарий и еще семь архимандритов и игуменов. Стефана Вонифатьева в этом списке не было. Подобную процедуру избрания, которая восходила еще к древней новгородской традиции, описывал в своей книге Павел Алеппский⁸³. Однако на практике в середине XVII в. этот обычай не сохранился. «Избрание» патриарха из двенадцати кандидатов было чистой формальностью и существовало только на бумаге⁸⁴.

По возвращении Никона в Москву в столице начались грандиозные торжества. Мощи митрополита Филиппа творили чудеса, исцеляя от недугов больных и увечных. Эйфорию тех дней лучше всего описал очевидец событий — царь Алексей Михайлович: «И таково много множества народу было, от самого Напрудного по соборную и апостолскую церковь, не мочно было ни яблоку пасть; а болных тех лежащих и вопиющих к нему свету безмерно много, и от великаго плача и вопля безмерной стон был. И стоял десять дней среди церкви для молящих, и во всю десять дней безпрестани с утра до вечера звонят; как есть на святой недели, так и в те дни радостны были...»⁸⁵ В это время к Никону несколько раз приходили посланцы от царя, царицы, бояр И. Д. Милославского, Б. И. Морозова. Лично являлись к нему «с именинничким пирогом» князь Ф. Т. Оболенский, князь Михаил Никитич Одоевский, старший сын Никиты Ивановича; 8 июля Никона посетил казанский протопоп Иван Неронов⁸⁶. Все эти визиты преследовали одну цель — «умолить» Никона принять сан.

«Умоление» было непременной частью процедуры поставления патриарха. Оно соответствовало 14-му соборному правилу, согласно которому архиерей должен быть «избран, умолен и понужен» принять сан⁸⁷. Поставление Никона происходило в точном соответствии с соборными правилами. 22 июля новгородский митрополит был наречен патриархом. После этого к нему дважды приходили посланники звать на патриаршество, но Никон отказывался. Наконец, его «наильно» привели в Успен-

ский собор, где церковные власти, бояре, да и сам царь пали перед ним на колени и стали со слезами молить его возглавить вдовствующую церковь. Тогда Никон взял со всех присутствующих клятву, что его будут почитать как архипастыря и отца верховнейшего и станут во всем ему повиноваться, после чего уступил мольбам⁸⁸. Это и вестие подтверждается иностранными источниками. Шведский резидент Иоганн де Родес писал в своем донесении от 20 октября 1652 г., что перед поставлением в патриархи Никон потребовал, чтобы царь дал ему обещание «повиноваться в духовных делах и чтобы он имел такую же власть и такой же авторитет, как и дед его царского величества — Филарет Никитич. Все это ему было обещано»⁸⁹. Нужно сказать, что Алексей Михайлович какое-то время оставался верным своему обещанию. Павел Алеппский был свидетелем того, как в январе 1656 г. во время похода в Саввин Сторожевский монастырь государь отказался заступиться за дьякона митрополита Миры, потому что Никон не одобрял его вмешательства в дела паствы⁹⁰.

Б. А. Успенский писал, что «в своем поведении Никон исходил из наличия особой харизмы, полученной через патриаршую хиротонию». Поставление на патриаршество являло собой сакраментальный акт, который возвышал патриарха над всеми остальными епископами⁹¹. Сам Никон в своем «Возражении» против вопросов боярина Семена Стрешнева газскому митрополиту Паисию Лигариду так описывал свое избрание: «Мы же не своею волею на престол патриаршеский въздохом, но общим советом царского величества и всем освященным собором избран „ни в слове ласкания, ни мздою даяния“, яко же тогда исповедахомся во святей велицей церкви пред Богом и святыми Его... Такжеже кляхомся правою верою изложеную святыми в Никейстем Соборе, такжеже соблюдать ми и Святых Апостол, и Святых Отец правила непреложно. Кляжеса и царское величество, что было ему соблюдатьи заповеди Божия, и Святых Апостол, и Святых Отец... О поставлении же патриаршеском ни было моего хотения и проиыскания...»⁹² Таким образом, в представлении Никона поставление на патриаршество, происходившее в соответствии с апостольскими правилами, наделяло его полномочиями не только действовать согласно этим правилам, но и требовать их соблюдения от других. Никон уже не был безвластным владыкой, подобно своему предшественнику Иосифу. Теперь именно патриарх становился главным вершителем духовных дел.

25 июля 1652 г. состоялась церемония поставления нового владыки. Выбор даты был не случаен. Очевидно, ее указал сам Никон. Именно в этот день в 1567 г. был избран в московские митрополиты Филипп Колычев⁹³. С этого момента ревнители благочестия во главе с царским духовником Стефаном Вонифатьевым постепенно начали терять свое влияние.

Патриарх Никон.
Портрет из книги «Титулярник». 1672

Царь Алексей Михайлович.
Неизвестный художник. 1670-е гг.

Королева Швеции Кристина.
Художник Д. Бек. 1650

Король Швеции Карл X Густав.
Художник А. Вухтерс. Середина XVII в.

Икона «Спас Вседержитель
с припадающими к его ногам царем
Алексеем Михайловичем и патриархом
Никоном». 1650-е гг.

Портрет патриарха Никона с клиром.
Неизвестный художник. 1680-е гг.

Новый Иерусалим. Воскресенский собор и колокольня. *Открытка 1900-х гг.*

Новый Иерусалим. Фрагмент убранства Воскресенского собора.
Фриз «павлинье око». *Современный вид*

Новый Иерусалим. Изразцовая печь
в интерьере Воскресенского собора.
Современный вид

Новый Иерусалим. Всехсвятский колокол
у входа в Воскресенский собор.
Современный вид

Новый Иерусалим. Скит патриарха
Никона. *Современный вид*

Успенский собор Иверского
Святоозерского монастыря.
Фото автора. 1992

Иверская икона Божьей Матери над воротами Иверского Святоозерского монастыря. Фото автора. 1992

Изразцовые наличники построек Иверского Святоозерского монастыря. Фото автора. 1992

Митра патриарха Никона.
Патриаршие палаты Московского Кремля

Епитрахиль патриарха Никона.
Патриаршие палаты Московского Кремля

Посохи патриарха Никона.
Патриаршие палаты Московского Кремля

Глава 7

Церковная реформа

Время приспе страдания, подобает вам не-
ослабно страдати!

Житие протопопа Аввакума

Казалось, что с поставлением Никона на патриаршество устремления ревнителей благочестия достигли своей цели. Теперь, когда они получили доступ к власти, никто не мешал им осуществить задуманные преобразования. Однако со временем между прежними единомышленниками стали назревать разногласия, которые вылились в открытое противостояние. В конце концов многие боголюбцы по приказу Никона были отправлены в ссылку. По единодушному мнению историков, причиной разлада ревнителей благочестия было их отношение к церковной реформе патриарха. Однако сопоставление contemporaneous источников позволяет прийти к совершенно иному выводу, да и сама история раннего раскола, по всей видимости, не укладывается в рамки привычной схемы. Чтобы установить, как развивались события, нужно выстроить их в строгой хронологической последовательности.

В начале своего патриаршества Никон действовал в духе ревнителей благочестия. Его первые мероприятия были направлены на исправление нравов и защиту православных христиан от западного влияния. Под давлением Никона Боярская дума выпустила указ, направленный на борьбу с пьянством. Меры по поддержанию трезвости были аналогичны тем, которые еще раньше были приняты в Новгороде. 11 августа 1652 г. царь, «советовав с отцем своим святейшим Никоном патриархом», со всем Освященным собором и с боярами, указал «во всех городех, где были наперед сего кабаки в болших и менших городех, быти по одному кружечному двору, а продавать вино в ведра и в полведра и в четверти, а чарками продавать: сделать чарку в три чарки и продавать по одной чарке человеку и болши той указной чарки человеку не продавать и на кружечном дворе и близко двора питухом сидеть и пить не давать...». Что же касается «священническаго и иноческаго чину», то их вообще велено было «на кружечные дворы не пускать и питья им не продавать»¹. Однако, как и в Новгороде, эти меры по поддержанию трезвости оказались неэффективными. Адам Олеарий писал,

что они почти не прекратили ежедневного пьянства, «так как несколько соседей складываются, посылают за кувшином или более и расходятся не раньше, как выпьют все до дна... Некоторые также закупают в больших количествах, а от себя тайно продают в чарках»².

Борьба за трезвость сопровождалась борьбой за чистоту веры. В октябре 1652 г. патриарх обрушился на проживавших в Москве протестантов. Сначала он запретил им носить русское платье и держать у себя русских слуг, а затем приказал скрыть две евангелические церкви. Пасторам этих церквей было отведено место для постройки домов за городом и для этой цели выделены земельные участки³. Строить храмы было запрещено: все богослужение предписывалось отправлять в жилых домах⁴. Место, куда выселялись иностранцы, получило название Немецкой слободы. Впоследствии там впервые соприкоснулся с западной культурой будущий император Петр Великий.

Гонения Никона привели к тому, что многие иностранцы были вынуждены вторично креститься по православному обряду. Одним из таких иностранцев был создатель «полков нового строя» Александр Лесли. 30 октября 1652 г. шведский резидент А. Эберс писал, что «московская реформация» делает большие успехи, имея в виду преследования протестантов⁵. Однако в перспективе эти «реформы», как и борьба с пьянством, не дали результатов. Спустя полтора года после того, как начались преследования протестантов, указы патриарха так и не были исполнены до конца. Комиссар Иоганн де Родес, долгое время живший в Москве, в своем письме королеве Швеции Кристине от 4 февраля 1654 г. сообщал, что по побуждению патриарха всем купцам-иностранцам приказали выехать из своих домов «на поле», куда они должны были отправиться и строиться там еще два года назад. Купцы подали прошение царю с просьбой остаться, но им было разрешено лишь оставить свои товары, а самим велено немедленно уехать из города, поскольку патриарх не желал успокоиться до тех пор, пока не будет выселен последний иностранец⁶. Очевидно, Никон был непоследователен в своих действиях. Как человек импульсивный, он хотел добиться результата немедленно или, по крайней мере, в короткие сроки. Однако на практике это ему удавалось не часто.

Гонения Никона коснулись не только иностранцев. Они обернулись и против русских людей, успевших соприкоснуться с западной культурой. Так, в марте 1653 г. произошел конфликт патриарха с двоюродным дядей царя Никитой Ивановичем Романовым. Никон неожиданно нанес боярину визит и очень упрашивал его жениться, заверяя, что ему и его будущей супруге будут оказаны подобающие почести⁷. Иоганн де Родес писал, что «на самом деле это было не что иное, как хитрый, подобный иезуитскому трюк, чтобы прозондировать доброго господина и выве-

дать его мысли; 10-го [марта] вечером патриарх послал к нему и приказал сказать, что он будто бы слышал, что у него должно быть очень много немецких платьев, так что не мог бы он послать их ему на осмотр; каковые прислал ему царь вместе с ящиками с редкими длинными париками и шпагами, которые также были наполнены всевозможными платьями (ибо господин был покровителем иностранцев, и сам очень любил это платье и часто, когда хотел развлечься, среди прочих заказывал его для своих приближенных и для себя; он также выторговал у английских купцов платье, которое носил сам король Англии). 11-го числа в полдень патриарх приказал на своем дворе совершенно открыто развести костер, положить туда упомянутые ящики вместе с одеждой и сжечь все дотла»⁸.

Все эти меры должны были вызвать полное одобрение ревнителей благочестия. Впрочем, об их деятельности после поставления Никона на патриаршество почти ничего не известно. Их имена выходят на первый план только в связи с церковной реформой патриарха, которая сводилась к изменению некоторых обрядов в соответствии с греческой традицией, а также к исправлению богослужебных книг по греческим оригиналам. Противодействие реформе было настолько сильным, что оно в конечном счете вызвало раскол в Русской Православной Церкви.

Церковная реформа Никона не раз становилась предметом изучения, однако, несмотря на обилие исследований, прямо или косвенно связанных с этой темой, количество белых пятен в истории раннего раскола по-прежнему велико⁹. По всей видимости, это объясняется причинами методологического характера. Например, изучение реформы в социально-политическом аспекте, доминировавшее в советской историографии, увязывало преобразования Никона с теорией становления русского абсолютизма во второй половине XVII в. Историки видели в реформе продукт централизации, проводившейся господствующим классом и охватившей все сферы общественной жизни, что, в свою очередь, требовало унификации церковных обрядов¹⁰. Некоторые исследователи связывали реформу с внешнеполитическим курсом Русского государства, поскольку стремление Москвы присоединить Украину и Белоруссию требовало преодоления религиозно-обрядовых расхождений между русской и малороссийской и греческой церковью¹¹.

Однако нужно заметить, что процесс централизации в России начался еще в XVI в. Так, в постановлениях Стоглавого собора уже была зафиксирована попытка унификации церковных обрядов, которая, впрочем, не привела к религиозным спорам и не вызвала раскола. Очевидно, в XVII в. ситуация была принципиально иной. Чтобы уяснить ее специфику, необходимо руководствоваться не социальными, а культурными категориями.

Как заметил Б. А. Успенский, споры между Никоном и его противниками были вызваны семиотическими и филологическими разногласиями, которые воспринимались, в сущности, как разногласия богословские¹². И та и другая сторона, отстаивая свою точку зрения, апеллировала к определенному оригиналу. Таким образом, можно констатировать, что в XVII в. отношение к оригиналу приобретает совершенно иное звучание. Это заключение будет отправным пунктом наших дальнейших рассуждений. Проблема оригинала тесно связана с главной составляющей церковной реформы — правкой богослужебных книг. Если мы выясним причины никоновской «книжной sprawy», то, очевидно, можно будет уяснить, что именно лежало в основе культурного конфликта XVII в.

Споры вокруг «книжной sprawy» многие историки, начиная с С. М. Соловьева, рассматривали как результат невежества и консерватизма русского народа. По их мнению, древние переписчики из-за недостатка своей учености в течение долгого времени вносили искажения в древнерусские богослужебные книги, которые с началом книгопечатания получили широкое распространение, и в дальнейшем любая попытка сделать даже самые незначительные исправления в этих изданиях вызывала резкий отпор ревнителей старины¹³. Хотя церковные книги правились и до Никона¹⁴, эта ранняя «справа» была плохо организована: книги для нее собирались случайно, без какого-либо определенного плана. Никон, как ему казалось, внес порядок в дело исправления, положив в основу новопечатный греческий текст. Однако этот метод был изначально порочен, поскольку предполагал некритическое отношение к источнику и задевал национальное самосознание русских людей, считавших, что после падения Константинополя византийское православие утратило свою чистоту. Так «научная слепота произвела несчастный раскол»¹⁵.

В этой концепции русских историков XIX в. проблема оригинала поставлена во главу угла. Однако она увязана с некоей продуманной системой книжных исправлений, которая была введена патриархом. Вместе с тем, как мы попытались показать в одной из первых глав, принципы «книжной sprawy» на самом деле не были кем-то придуманы. Они появились сами собой как следствие развития книгопечатания. По мере совершенствования издательского дела появилась необходимость привлечения к работе все большего количества оригиналов, и уж если речь шла об издании сочинений отцов церкви, то таковыми являлись греческие рукописи. Справщики уже не могли удовлетвориться переводной украинской и белорусской литературой, как это было в 20—30-е гг. XVII в.¹⁶ Они начинают обращаться к первоисточнику, к греческому тексту. Так, в мае 1649 г. в Киев к митрополиту Сильвестру

Косову была послана царская грамота с просьбой прислать в Москву «для справки Библии на Словенскую речь» двух учителей: священноинока Арсения и Дамаскина Птицкого, которые «Божественного писания ведущи, и с Еллинского языка на Словенскую речь перевести умеют, и Латинскую речь достойно знают»¹⁷. Осенью того же года начинается работа по переводу Кормчей книги, первое издание которой вышло в 1650 г., а три года спустя к нему были добавлены дополнительные статьи¹⁸. Поиск новых оригиналов был основной задачей русской миссии на Восток келаря Троице-Сергиева монастыря Арсения Суханова в 1649 г.

Нужно сказать, издатели специально подчеркивали, что «для типографского дела» они использовали греческие оригиналы. Например, в послесловии к книге Часослов, изданной в июле 1653 г., говорилось: «Ведомо же буди и сие, яко в прежних часословех, яже изданы в лето 7160-е [1652] мая в 15 день по благословению великаго господина Иосифа, патриарха московскаго и всея Руси, начало положено вечернею. В сих же по указу и благословению великаго господина святейшаго Никона: начало положено против прежних множицею, изданных во псалтырех со возследованием и древних греческих печатных переводов. Тем же о сем да не усумнитеся, православнии читатели...»¹⁹. Авторы послесловия к Кормчей книге писали: «Буди же вам, христоименитому достоянию всем известно, яко да союз мира церковнаго твердо в душе кротости хранится, и да не будет несогласия ради распри в церковном телеси. Сего ради многия преводы сея святыя книги Кормчии по свидетельству типографскаго дела собрани быша, в них же единая паче прочих в сущих правилах крепчайши, наипаче же свидетельствова тую книгу греческая Кормчая книга Паисия патриарха святаго града Иеросалима, яже древними писцы написана за многая лета...»²⁰

Начало никоновской «справы» П. Николаевский связал с выходом в свет следованной Псалтири в феврале 1653 г., где по прямому указанию патриарха были опущены статьи о перстосложении при крестном знамении и о поклонах при чтении молитв Ефрема Сирина²¹. Однако эта точка зрения не находит подтверждения в источниках. Дело в том, что статьи о крестном знамении и о поклонах впервые появились еще в предисловии к Псалтири 1642 г. Этому изданию было ниспослано обширное предисловие с указом о поклонах, «когда бывают в церкви, и в келиях, и в домах, приходные и исходные и когда не бывают», и указом о том, «яко подобает всякому христианину ведати известно, како лице свое крестити крестообразно и истово, и какова есть сила крестнаго знамения, и коль велико божественное таинство в сложении перст». Впоследствии статьи о поклонах и о крестном знамении не раз перепечатывались в последующих изданиях книги, причем в различных

редакциях. В издании 1649 г. они и вовсе были опущены, что, однако, не вызвало протеста у ревнителей старины²². П. Николаевский исходил из того, что выход в свет следованной Псалтири 1653 г. по времени совпал с обнародованием памяти (наказа) патриарха Никона, которая была разослана по приходским церквям в феврале того же года и касалась изменений церковных обрядов. По единодушному мнению исследователей, с этой памяти и начался раскол русской церкви. Об этом прямо пишет в своем Житии протопоп Аввакум: «В пост великой прислал память х Казанской к Неронову Иванну... В памяти Никон пишет: Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, аще же и трема персты бы есте крестились»²³.

Вместе с тем историки упускают из виду тот факт, что Житие Аввакума является поздним источником. Как показала Н. С. Демкова, протопоп написал его в пустозерской тюрьме в начале 1670-х гг.²⁴ Можно предположить, что события двадцатилетней давности отразились в Житии не вполне достоверно. Во всяком случае, сведения Аввакума нуждаются в проверке и сопоставлении с другими источниками. Среди последних наиболее важными являются письма протопопов Аввакума и Ивана Неронова 1653–1654 гг., написанные по следам событий. Если положить эти письма в основу исследования, а остальные источники использовать как вспомогательные, то вся история раннего раскола предстает в совершенно ином свете.

Как уже говорилось, в последние годы патриаршества Иосифа многие важные решения, касающиеся церковных вопросов, принимались под влиянием ревнителей благочестия. По сути дела, патриарх был безвластным владыкой. Когда Никон возглавил церковь, он, конечно же, не мог мириться с таким положением и взял церковное управление в свои руки. Теперь патриарх сам назначал новых архиереев и рукополагал священников. Ревнители благочестия больше не принимали участия в выработке церковной политики. Царский духовник Стефан Вонифатьев, ранее обладавший огромным влиянием, после хиротонии Никона неожиданно сходит с политической сцены. Шведский резидент Иоанн де Родес писал, что между Стефаном и патриархом произошел конфликт²⁵.

В середине 1650-х гг. «идейным центром» ревнителей благочестия становится московский Казанский собор, протопопом которого был Иван Неронов. К 1652 г. Неронов уже был известен в самых широких кругах русского общества благодаря своим проповедям, в которых он просто и ясно толковал Священное Писание. «И прихождаху мног народ в церковь отовсюду, яко не вмещатися им в паперти церковной, но восхождаху на крыло паперти и зряще в окна, послушаху пения

и чтения Божественных словес. Написа же и окрест стены святая поучительная словеса, да всяк от народа приходяй к церкви, аще и кроме пения не простирает ума своего от пустошня мира сего, но да прочитует написанная на стенах и пользу душе приемлет», — писал автор Жития Неронова²⁶.

Протопоп резко выступал против пороков, которыми, по его мнению, была заражена церковно-приходская жизнь. Под огонь его критики нередко попадали и церковные власти, проявлявшие «нерадение» в деле «церковного благочестия». Стрелы критики задевали даже епископов и патриарха. Никон, ранее разделявший взгляды ревнителей, теперь, став патриархом, уже не мог смириться со вседозволенностью в стенах Казанского собора. В июле 1653 г. между ним и Нероновым произошло открытое столкновение, поводом к которому послужило дело муромского протопопа Логина.

Однажды Логин присутствовал на обеде у муромского воеводы Игнатия Бестужева²⁷. В это время к нему подошла жена воеводы и попросила благословения. Однако протопоп, заметив на ее лице краску, спросил: «Не белена ли ты?» (Ревнители старины осуждали использование косметики.) Этот упрек вызвал раздражение присутствующих. Некто Афанасий Отяев заметил: «...что де, протопоп, хулишь белила, а без белила-де не пишется и образ Спасов, и пречистыя Богородицы, и всех святых». На это Логин ответил, что краски для икон составляют писцы, «а как-де на ваши рожи такие составы положить, так-де и не похотите»²⁸. Воевода приказал взять Логина под стражу и написал патриарху, что протопоп «похулил образ Господа нашего Исуса Христа, и Пресвятыя Богородицы, и всех святых»²⁹.

В июле 1653 г. в Москве собрался церковный собор, на котором и рассматривалось дело Логина. На соборе Неронов открыто выступил в защиту муромского протопопа. Однако Никон чувствовал себя хозяином положения. По свидетельству ростовского митрополита Ионы и ярославского протопопа Ермилы, на одном из заседаний собора Никон говорил: «...мне-де царская помощь негодна и ненадобна, да таки-де на нее плюю и сморкаю»³⁰. Услышав такие слова от патриарха, митрополит Иона хотел «с места бежать». Неронов передал слова Никона Стефану Вонифатьеву.

На следующем заседании собора Неронов обвинил Никона в превышении власти. Но главные свидетели — митрополит Иона и протопоп Ермила неожиданно отреклись от своих слов, испугавшись патриаршего гнева. Зато его не испугался Неронов. Он говорил Никону: «...а тебе хто и добра хочет, и ты де тех ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, и ты тех любишь, и жалуешь, и слушаешь... Доселе ты друг наш был», а теперь, когда «государь тебе волю дал»,

отвернулся от своих друзей. Никон попытался спорить с Нероновым. Он заявил, что на протопопа поступил донос от священников и дьяконов Казанского собора, но когда Неронов попросил прочитать его перед всем собором, не нашелся что ответить. «Воистину, патриарх, лжешь», — бросил в лицо Никону протопоп³¹.

Чаша терпения Никона была переполнена. В середине июля Неронов был арестован и заключен сначала в Новоспасский, а затем в Симонов монастырь; 13 августа³² протопопа сослали на Кубенское озеро, где его должны были содержать под строгим надзором в Спасо-Каменном монастыре³³. Братия Казанского собора подала царю челобитную в защиту Неронова, которую написали костромской протопоп Даниил и юрьевский протопоп Аввакум, но Алексей Михайлович отдал ее патриарху, предоставив ему возможность самому разобраться в этом деле. И Никон начал действовать решительно.

В отсутствие Неронова среди священников Казанского собора произошёл конфликт. 13 августа протопоп Аввакум, считавший себя преемником Неронова, войдя в церковь, увидел, что богослужение началось без его участия. Аввакум упрекнул братию, что она заняла его место «на крылосе». Однако священник Иван Данилов указал протопопу, что его очередь петь по понедельникам, средам и пятницам. Аввакум возразил, что в прежние отлучки Неронова «у меня вы сего первенства не отнимали... яз-де протопоп!»³⁴ — но Иван Данилов заметил, что он в Юрьевце протопоп, а не здесь. После этого Аввакум покинул собор и распространил слух, будто у него «попы книгу отняли и из церкви выслали». Аввакум завел «свое всенощное» на дворе Ивана Неронова в сушиле и стал отзывать к себе прихожан Казанского собора, из-за чего Иван Данилов подал патриарху донос про его «сушильное всенощное бдение». По этому доносу протопоп и вместе с ним около сорока человек братии и прихожан были немедленно арестованы во время службы патриаршим боярином Борисом Нелединским³⁵.

Вскоре после этих событий братия Казанского собора «разбрелась вся». Иван Данилов писал Неронову, что кроме него и сына его Петра «церковников никого инех нет», что церковь опустела, прекратились пожертвования богатых покровителей. Данилов бил челом царевне Анне Михайловне «о кормах», но та ответила: «И впредь-де не будет вам ничего, молилися-де, да вымолили Ивана Неронова вон»³⁶.

Некоторое время спустя был арестован костромской протопоп Даниил «за Тверскими воротами». Его содержали в Чудовом монастыре, а затем отправили в ссылку в Астрахань, где уморили в земляной тюрьме³⁷. 1 сентября, в Семенов день, «на соборе при государе царе патриарх Никон и власти муромского протопопа Логина проклинали и велели остричь...»³⁸. Протопопа сослали в Муром, в деревню к своему отцу,

где ему велено было жить «под началом остриженному» и чтобы «никто его попом и протопопом не звал»³⁹. Так Никон расправился с непослушными проповедниками.

Известия о расправе с боголюбцами проникли за рубеж. Адам Олеарий писал в своей книге: «Два года тому назад муромский протопоп, по имени Логин, осмелился проповедовать и начал, вместе с некоторыми подчиненными ему попами в Муроме и других городах, произносить открытые проповеди, поучать народ из Слова Бытия, увещевать и грозить ему... Народу к ним стекалось очень много. Когда, однако, патриарху это стало известно, он постарался принять меры против этого, отрешил проповедников от должностей, проклял их с особыми церемониями и сослал на жительство в Сибирь»⁴⁰. Любопытно, что Олеарий ничего не говорит о церковной реформе Никона, которая, по мнению исследователей, стала главной причиной столкновения патриарха с боголюбцами. На самом деле это столкновение было вызвано не реформой, а обличениями высшего духовенства. Дозволенные в прежние времена, при патриархе Иосифе, теперь они были запрещены и сурово наказывались.

Нужно сказать, что в дошедших до нас официальных источниках — царских указах, грамотах, разрядных записях — об опале боголюбцев нет никаких упоминаний. Этот факт нельзя игнорировать. По-видимому, он свидетельствует о том, что расправа с ревнителями не вызвала широкого отклика в народе, и уж тем более неправомерно связывать ее с началом раскола православной церкви.

Но как в таком случае оценивать Житие Аввакума, единственный источник, в котором говорится, что протопоп и его друзья пострадали именно за то, что выступили против исправления обрядов? Вспомним те условия, при которых было написано Житие. Н. С. Демкова, изучившая литературную историю создания памятника, обратила внимание на то, что хронологические указания протопопа очень часто бывают неточными⁴¹. Она установила следующую последовательность работы Аввакума: в 1664—1669 гг. были написаны автобиографические письма и послания протопопа, в 1669—1672 гг. составлена первоначальная редакция Жития, послужившая протографом Прянишниковского списка, наконец, в 1672 г. в пустозерской ссылке был создан новый тип Жития, с преобладанием эпизодов-новелл, который впоследствии разошелся во множестве списков⁴².

Теперь соотнесем эти даты с биографией Аввакума. Протопоп был сослан в Сибирь через месяц после своего ареста, то есть вскоре после 15 сентября 1653 г.⁴³ В Сибири он пробыл десять лет и вернулся в Москву весной 1664 г. Однако в столице Аввакум находился всего несколько месяцев. Уже 29 августа был отправлен в новую ссылку —

в Мезень⁴⁴. За время своего кратковременного пребывания в Москве Аввакум сблизился со своими единомышленниками, с которыми впоследствии состоял в переписке. Одним из них был игумен Златоустовского монастыря Феоктист⁴⁵, долгое время бывший ближайшим сподвижником Неронова. Феоктист выполнял при Неронове обязанности личного секретаря⁴⁶. Постепенно в руках игумена скопился целый архив документов: письма протопопов Логина и Аввакума, переданные ему царским духовником Стефаном Вонифатьевым, письма коломенского епископа Павла и т. д. В начале 1666 г. этот архив был конфискован властями, а сам Феоктист арестован⁴⁷. Когда Аввакум находился в Москве, он вполне мог ознакомиться с архивом игумена Феоктиста и на его основании сделать свои автобиографические заметки.

Нужно сказать, что в письмах из архива Феоктиста и в Житии Аввакума события, связанные с опалой ревнителей благочестия, изложены по-разному. Вот строки из письма Ивана Неронова Стефану Вонифатьеву от 13 июля 1654 г., отправленного из Спасо-Каменного монастыря: «Во 161 году на первой недели великаго поста гласу пришедшу от образа Спасова сице: „Иоанне, дерзай и не убойся до смерти о имени моем, да не постраждет днесь Русия, якоже юниты“»⁴⁸. Упоминание божественного гласа носит назидательный характер. Неронов писал свое письмо в июле 1654 г. и вспоминал, что еще год назад в Великий пост «глас от образа Спасова» предупреждал его о грядущих бедах. Нужно сказать, что первая неделя Великого поста была временем особым. Павел Алеппский заметил, что в это время жители «не производят ни купли, ни продажи, но неопустительно присутствуют за богослужением в своих... церквах»⁴⁹. В том же письме Неронов упоминал и о другом предзнаменовании — видении пустыннику Анофрию о епископе Павле Коломенском, которого Никон впоследствии лишил сана. «И ина бо многая показания, бывшая от Бога, вся презрена быша», — заключает Неронов⁵⁰.

Современники Аввакума и Неронова воспринимали рассказы о божественных видениях и голосах как о вещах абсолютно реальных. Вера в них была следствием господствовавшей в средневековом обществе устной культуры. Спустя десять лет протопоп Аввакум связал явление пророческого гласа Ивану Неронову с началом никоновской реформы. Он передал настроение братии Казанского собора после обнародования памяти патриарха Никона: «Мы же задумались, сошедшесе между собою; видим, яко зима хошет быти; сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов, — седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!»⁵¹ Как видно, в данном контексте упоминание о гласе Божиим приобретает совершенно иное звучание.

Вот еще один пример — выдержка из письма Аввакума к Ивану Неронову от 14 сентября 1653 г.: «И я был в приказе день един перед судьями на роспросе про челобитную, что братья о тебе подавали государю. А писал ее Данило Костромский да я. А в ней написано слово так: о, благочестивый царю, откуда се привнидоша во твою державу? учение в Росии не стало и глава от церкви отста... И царь отдал ее патриарху...»⁵² Как следует из отрывка, в челобитной, поданной Аввакумом и Даниилом в защиту Неронова, ни словом не упоминается об изменении церковных обрядов. Зато в своем Житии Аввакум писал: «Мы же з Данилом, написав ис книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем, где скрыл их; мнитися Никону отдал»⁵³.

Таким образом, ранние источники излагают события 1653—1654 гг. несколько иначе, чем это делал Аввакум много лет спустя. В них ничего не говорится ни о пресловутой памяти патриарха Никона, разосланной по приходским церквам, ни об обрядовых новшествах. Если эта память не плод воображения Аввакума, то почему она сразу же не вызвала резкой критики со стороны ревнителей благочестия? Нет никаких оснований подозревать Аввакума в умышленном искажении событий, однако можно предположить, что в его Житии перепутана их последовательность. По-видимому, память Никона была разослана не в 1653, а в 1654 г.

Можно предположить, что события развивались следующим образом. В июле 1653 г. на церковном соборе произошел конфликт между Никоном и Иваном Нероновым. В августе — сентябре того же года Неронов и его единомышленники — протопопы Аввакум, Логин, Даниил Костромской — были сосланы в отдаленные города и монастыри. 6 ноября Неронов написал царю письмо из Спасо-Каменного монастыря, в котором излагал причины своей опалы, а именно: недовольство патриарха обличительными проповедями священника. 27 февраля 1654 г., в другом своем послании, Неронов, впервые упоминает об изменении церковных обрядов: «...отцы коленное поклоняние попираемо, и крестнаго знамения сложение перст пререкуемо»⁵⁴. Протопоп пускается в пространную полемику по поводу этих нововведений, апеллирует к отцам церкви, гневно осуждает деятельность справщика Арсения Грека, который был возвращен из ссылки и теперь «живет у патриарха Никона в келье»⁵⁵.

Посланию Неронова вторят отписки его «детей духовных» — Саввина, Григория, Андрея и Герасима Плещеевых, «их же писаша от жалости к отцу Иоанну в Каменской монастырь». Братья Плещеевы сетуют на «непоклонническую ересь и прочия нововведенныя дохматы, иже отрывают Христово словесное стадо от теснаго и прискорбнаго пути,

ведущаго в живот»⁵⁶. Неронов находился в Спасо-Каменном монастыре с августа 1653 по июль 1654 г. Возможно, отписки Плещеевых были отправлены адресату в марте 1654 г. В одной из них упоминается «греченин Арсений», который как раз в это время был приставлен Никоном к книжной справе на московском Печатном дворе⁵⁷. Братья Плещеевы находились под сильным влиянием своего духовника. Они были близки и к другим ревнителям благочестия. Сохранились послания Андрея Плещеева протопопу Аввакуму, в которых он выступает с критикой книжных исправлений и при этом ссылается на сочинения Кирилла Александрийского, на книги Скрижаль и Пролог⁵⁸. Плещеевы были людьми образованными и начитанными, и их выступление против никоновских нововведений нельзя расценивать как признак широкой оппозиции церковной реформе.

В литературе высказывалось мнение, что письмо Неронова от 27 февраля 1654 г., где впервые упоминаются изменения церковных обрядов, было написано еще до созыва собора того же года, на котором эти изменения были официально утверждены⁵⁹. Однако эта точка зрения требует проверки. В своем письме Неронов обращается к царю с призывом созвать для решения церковных вопросов истинный собор, «а не соньмище иудейско»⁶⁰. Что подразумевал протопоп под этим «соньмищем»? Не тот ли собор, который принял постановление, чтобы впредь быть «исправлению в печатном тиснении против древних харатеинных и греческих книг: Уставов, Потребников, Служебников и Часословов»?⁶¹

На основе анализа состава участников собора 1654 г. можно установить, когда проходили его заседания. Под соборным деянием поставил свою подпись суздальский архиепископ Софроний, который принял этот сан 29 января 1654 г. В то же время среди церковных иерархов, присутствовавших на соборе, нет имени тверского архиепископа Лаврентия, бывшего патриаршего ризничего. Лаврентий был поставлен на епископство 16 апреля. Следовательно, собор проходил в промежутке между 29 января и 16 апреля⁶². Согласно церковным правилам, собор должен был собираться два раза в год: «прежде четьредесятий дний святаго и великаго поста, второе же по времени овощнем», то есть между Пасхой и месяцем октябрем⁶³. В середине XVII в. эти правила соблюдались довольно строго. Первое в году заседание Освященного собора проводилось накануне или в самом начале Великого поста. Так, в 1649 г. собор заседал 11 февраля, в последнее воскресенье перед Великим постом⁶⁴, в 1651 г. он был собран 9 февраля, в воскресенье первой недели Великого поста⁶⁵. Едва ли традиция была нарушена три года спустя. В 1654 г. первая неделя Великого поста приходилась на 6—12 февраля. В записях о выходах царя Алексея Михайловича есть

упоминание, что 12 февраля «на Зборное Воскресенье был Государь у действия в соборной церкви Успения пречистой Богородицы»⁶⁶. Если заседание собора действительно проходило 12 февраля, то две недели (до 27 февраля, времени написания второго послания Неронова) — вполне достаточный срок, чтобы известия о нем дошли до Спасо-Каменного монастыря и вызвали резкую отповедь со стороны Неронова.

Вероятно, в это же время была разослана знаменитая память Никона. Текст ее до сих пор был неизвестен исследователям. В древлехранилище Государственного Исторического музея, в собрании графа А. С. Уварова, нам удалось обнаружить любопытный документ, который в описи значится как «Поучение патриарха Никона священному чину и причетникам». Документ написан в столбец. По своему содержанию он носит характер послания от патриарха «архимаритом и игуменом, протопопом и всем священником и дияконом и причетником». Ссылаясь на церковные правила, Никон поучает духовенство, как следует себя вести во время божественной литургии, в том числе и тому, как следует класть поклоны: «Ведомо ж нам и се, что во святые посты поклоны творят не по церковному преданию, еж есть метание с великими не различают, овии поклонився единою на землю и тако не вклоняся множицею крестится, да точию головою кивает, а инии на скамеики, и о том бы вам самим испытноведати, что метание и что суть великие поклоны метание суть: в пояс поклониться как мощи до земли рукою достать, а великий поклон в землю челом ударить. И от ныне класть бы есте сами поклоны и прочим повелевали по уставу святые восточные церкви и по благословению нашего смирения вси вкупе равно тихо»⁶⁷. В послании Никона не проставлена дата, но присутствие в документе поучения о поклонах наводит на мысль, что источник мог появиться в канцелярии патриарших приказов примерно в то же время, что и изложение соборного деяния 1654 г. На наш взгляд, его можно с достаточно большой долей вероятности отождествить с пресловутой памятью Никона, о которой пишет Аввакум.

Любопытно и другое. Вероятно, память патриарха Никона впоследствии была напечатана. В архиве приказа Книгопечатного дела сохранилась выписка из доклада патриарху Никону о напечатании «листов о поклонах», а «в деле стали 2400 листов по 4 деньги лист». У выписки нет начала, поэтому установить дату документа невозможно, но известно, что в 1657 г. был отпечатан повторный тираж «листов о поклонах»⁶⁸. В последующих главах мы подробнее расскажем о том, какое внимание уделял Никон развитию книгопечатания. Пока лишь заметим, что деятельность Печатного двора находилась в ведении патриарха и что в середине XVII в. издавались не только книги, но и царские указы и «поповские и дьяконские» ставленные грамоты⁶⁹.

Нужно сказать, что первые меры по изменению церковных обрядов по греческому образцу вызвали не широкий протест, а скорее пассивное неприятие нововведений или равнодушие к ним. Постановления собора 1654 г. и распоряжения Никона не соблюдались даже в Москве. Павел Алеппский, который приехал в столицу в начале 1655 г. и присутствовал на богослужении в Успенском соборе, писал: «За вечерней и при каждом Аллилуия, взамен малых поклонов, они делали большие до земли... Мы кладем после трех больших двенадцать малых поклонов, а они делают все большие до земли...»⁷⁰ В другом месте он упоминает о том, что в церкви патриарх сам «стал говорить о крестном знамении, ибо русские не крестятся подобно нам сложенными тремя пальцами, но складывают их подобно как архиерей, когда он благословляет. При этом Никон также сослался на свидетельство нашего владыки патриарха»⁷¹.

В 1655 г. изменения обрядов были внесены в богослужебные книги. 31 августа вышел из печати Служебник, в предисловии к которому излагалась история книжных исправлений. В нем говорилось, что Никон обнаружил в патриаршем книгохранилище грамоту об учреждении патриаршества в России, в которой излагалась концепция пентархии архиереев, управлявших Вселенской Церковью. Вхождение в пентархию московского патриарха стало возможным из-за отступничества от православия папы Римского. Таким образом, статус главы Русской Православной Церкви стал сопоставим со статусом константинопольского, александрийского, антиохийского и иерусалимского патриархов⁷². Никон заметил, что русские новопечатные богослужебные книги содержат расхождения с греческими и с древними «харатеинными» русскими книгами. В богослужебные тексты вкрались ошибки из-за «переведших и переписующих». Тогда был созван собор 1654 г., который постановил собрать в Москву древние славянские книги из разных городов и монастырей. За греческими рукописями на Афон был послан старец Троице-Сергиева монастыря Арсений Суханов. Вместе с ним к константинопольскому патриарху Паисию была отправлена грамота с вопросами, касающимися практики богослужения и обрядов. Получив необходимые разъяснения, «благочестивая и богомудрая двоица», царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, созвала новый собор, где уже было принято решение о внесении исправлений в богослужебные книги⁷³.

Такова была официальная точка зрения на церковную реформу. Так ее восприняли противники, будущие староверы. Но как мы уже говорили, идея исправлять книги по древним русским и греческим рукописям принадлежала не Никону. Она не была придумана, а появилась как следствие развития книгопечатания, как составная часть технологического процесса подготовки рукописи к печати. Обращение к грече-

ским патриархам за разъяснениями по каноническим вопросам также было не ново. Достаточно вспомнить иерусалимского патриарха Феофана, который выступал третейским судьей в деле архимандрита Дионисия Зобниновского. Но почему же тогда церковная реформа со временем вызвала в обществе такой сильный резонанс? Все дело в том, что основные положения реформы были не просто обнародованы, а напечатаны и размножены в тысячах экземпляров. Например, новоисправленный Служебник за три с небольшим года переиздавался шесть раз. Было отпечатано свыше семи тысяч копий книги. Для того времени это был огромный тираж. Помимо богослужебных текстов в Служебник были включены соборное деяние 1654 г., грамота константинопольского патриарха Паисия к Никону, которая была также издана отдельными оттисками. С началом реформы в предисловиях и послесловиях изданий московского Печатного двора неизменно указывалось, что книги исправлены «с греческих и харатеиных древних книг в чинех и речениях и в орфографии»⁷⁴. Характерно, например, предисловие к Ирмологии 1657 г.: «Аще вникнув в ню обрящеши яково в чесом сумнительное тебе, да не предвариши осудити или укорити нас, но прежде, аще сам еси искусен греческа диалекта, аще ли ни, то сведущим вникнув в его преводы, ищи в них опасно лежащаго разума и оттуду познаеши истину, аще ли же где и узриши яково погрешение, ниже о сем да усумнишися, понеже внове и первое от греческа мудра и славна диалекта на многородословный славенский диалект издахом ю»⁷⁵.

Подобные обращения уже сами по себе наводили читателей на размышления, заставляли их анализировать печатный текст. Для многих поиск истины заканчивался на последней странице издания, где были указаны выходные данные, по которым можно было легко отделить дореформенные книги, отпечатанные до Никона, от пореформенных изданий. Образованные читатели шли дальше. Они добивались до оригинала и анализировали малейшие разночтения в тексте⁷⁶. Между прочим, они обнаружили, что «книжная справа» проводилась наспех, без какой-либо системы. Дело в том, что Арсений Суханов привез с Востока в основном книги религиозно-нравственного характера, которые не могли использоваться при подготовке богослужебных изданий московского Печатного двора⁷⁷. Для сличения же, а тем более для перевода богослужебных текстов потребовалось бы очень много времени. Вспомним, что у Дионисия Зобниновского на подготовку к изданию всего одной книги ушел целый год. Никоновские справщики поступили проще. Например, при издании Служебника 1655 г. они взяли за основу всего один оригинал печатной книги «евхологий, сиречь требник греческий письменный», который был отпечатан в Венеции около 1602 г. Разумеется, подобное отношение к «книжной справе» вызвало резкую

критику противников реформы. О том, что «в вере православнии сотворися разнствие... от новых греческих печатных книг, которыя во градех латинския веры и люторския и калвинския ереси печатаются», писал еще дьякон Федор, один из духовных лидеров старообрядцев, а во второй половине XVII в. вопросу о «новоправлении книжном» посвятил целый трактат ученик Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев⁷⁸.

Но все это случилось уже после того, как Никон оставил патриаршество. Первоначально же голос протеста против изменения церковных обрядов исходил только от узкого круга людей, опальных ревнителей благочестия, которые отвергали любые нововведения Никона. Никакого массового противодействия реформе, и уж тем более раскола, еще не было. Об этом косвенно свидетельствуют и иностранные источники. Например, Николаас Витсен, посетивший Россию в 1664–1665 гг. в составе голландского посольства и лично встречавшийся с Никоном, который в то время находился в Воскресенском монастыре, в своем дневнике ни словом не обмолвился о церковной реформе патриарха⁷⁹. Однако впоследствии, по мере распространения исправленных печатных изданий, бывшие ревнители благочестия находили себе все новых и новых сторонников. Наконец, в 1667 г. церковный собор при участии греческих иерархов предал проклятию противников реформы⁸⁰. Это решение стало тем рубежом, с которого бегство в раскол приобрело массовый характер.

А что же сам Никон? Считал ли он проведенную им церковную реформу делом своей жизни? Отнюдь. Всю энергию патриарх направил на борьбу со своими обличителями вроде Аввакума и Неронова. Последний доставил ему особенно много неприятностей. Из Спасо-Каменного монастыря Неронов был отправлен в более удаленную обитель, в Кандалакшу. Однако вскоре он бежал из-под надзора и некоторое время скрывался у своих единомышленников. По свидетельству записки о жизни Неронова, он нашел приют у Стефана Вонифатьева. Патриарх, обозленный бегством протопопа, в мае 1656 г. созвал церковный собор, на который был специально доставлен антиохийский патриарх Макарий. Макарий в это время уже покинул Москву и возвращался к себе на родину. Однако в дороге он неожиданно получил царскую грамоту с предписанием вернуться по причине отлучения еретика. Вот как описывал эти события личный секретарь греческого владыки дьякон Павел Алеппский: «В воскресенье, после Вознесения, наш владыка патриарх служил в соборе вместе с патриархом Никоном, и они отлучили протопопа, который прежде состоял при царе. Это тот самый протопоп, которого Никон заточил, как только сделался патриархом, за то, что он уподобился Арию и стал еретиком, произнося хулу на четырех патриархов и говоря о них, что они, по причине порабощения

их турками, лишились своей власти, и произносил также хулу на Духа святого. Этот несчастный, убежав из заточения, возвратился в столицу, где и скрывался. Патриарх тщетно разыскивал его, чтобы схватить, но не нашел, потому что он постоянно менял свою одежду и перебегал с места на место. Наш владыка патриарх через драгомана говорил перед всем народом так: назвал его вторым Арием, ибо как тот был протопопом в Александрии, так этот был протопопом в Москве; анафемствовал его, проклял и отлучил, а также всякого, кто послушает его слов»⁸¹.

После смерти в ноябре 1656 г. Стефана Вонифатьева Неронов объявился в Москве. Он пришел на патриарший двор и, встретив Никона, стал открыто обличать его: «...что ты един ни затеваешь, то дело некрепко; по тебе иной патриарх будет, все твое дело переделывать будет: иная тебе тогда честь будет, святой владыко». Но на этот раз репрессий не последовало. Напротив, Никон приказал выделить Неронову келью и позволил ему приходить к себе в крестовую. Вскоре патриарх разрешил ему отправлять литургию по старым служебникам: «...обои-де добры, — все равно по коим хочешь, по тем и служишь»⁸². Это примирение двух бывших врагов говорит о том, что к 1657 г. сам Никон охладел к затеянной им церковной реформе. Его уже заботили другие дела.

После оставления патриаршества в 1658 г. Никон несколько лет жил в основанном им Воскресенском монастыре под Москвой. Там он написал свое знаменитое «Возражение, или Разорение смиренного Никона»⁸³. Это сочинение стало своеобразным духовным завещанием владыки, в котором он высказался по всем волнующим его вопросам. В нем патриарх ни разу не обмолвился о церковной реформе. Очевидно, главным делом Никона была не реформа, а возвышение роли священства и вселенского православия, что нашло отражение в новом внешнеполитическом курсе Русского государства.

Глава 8

Религиозная война

Сильна ли Русь? Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж, все стоит она!
А вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

А. С. Пушкин. «Бородинская годовщина»

После окончания Смоленской войны во внешней политике Московского государства произошли существенные изменения. Потерпев очередное поражение от Речи Посполитой, Россия уже не претендовала на возвращение территорий, утраченных во время Смуты, а сконцентрировала свои усилия на обороне южных рубежей, которые в 1630—1640-е гг. подвергались ежегодным набегам со стороны крымского хана. Угроза с юга вынудила правительство возвести Белгородскую черту, протянувшуюся на восемьсот километров через цепь укрепленных пунктов. Со своими традиционными соперниками на Западе — Польшей и Швецией — Россия старалась поддерживать добрососедские отношения. Московские власти следовали такой политики в течение двадцати лет, однако в середине 1650-х гг. ситуация резко изменилась¹.

В 1654 г. Московское государство объявило войну Речи Посполитой, тем самым нарушив условия Поляновского мира 1634 г. Одновременно русский царь объявил о принятии под «государскую высокую руку» запорожских казаков во главе с гетманом Богданом Хмельницким. Нет никаких сомнений, что столь важное решение далось московскому правительству непросто. Страна еще не вполне оправилась после Смуты, а горький опыт Смоленской кампании подсказывал всякому разумному политику, что новый поход против Польши может обернуться сокрушительным поражением. В экономическом отношении Россия была слаборазвитой страной, тогда как ведение военных действий требовало больших расходов. Поэтому, чтобы избежать чрезвычайных сборов, как это было в прежние годы, правительство пошло на проведение денежной реформы и начало чеканить медную монету, которая стоила намного меньше номинала². Что касается боеспособности русской

армии, то она явно уступала армиям европейских держав. Иностранные наблюдатели были о ней невысокого мнения. Так, шведский резидент Иоганн де Родес отмечал, что «если по особенной Божьей милости не случится иначе, то и на этот раз дело будет так, как было под Смоленском с русским полководцем Шеиным, ввиду того, что у них мало хороших офицеров, к тому же генералы неопытны, а нижние чины очень плохо обучены»³. Но несмотря на все эти обстоятельства, 1 октября 1653 г. на Земском соборе бояре приговорили «за честь блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и за честь сына его, государева, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси стояти и против польского короля войну весть», «принять под свою государскую высокую руку... гетмана Богдана Хмельницкого и все Запорожское войско для православные христианские веры и святых божиих церквей»⁴.

В постановлении Земского собора явный акцент был сделан на религиозный фактор. Таким образом, Москва шла навстречу стремлению запорожского казачества обрести в лице русского царя надежного союзника, который мог бы оградить православное население Украины от притеснений со стороны католической шляхты. Богдан Хмельницкий в течение нескольких лет добивался поддержки русского царя. Для достижения своей цели он прибегал к посредничеству греческого духовенства. Как уже говорилось, в 1649 г. в Россию приехал иерусалимский патриарх Паисий, которого сопровождал казацкий полковник Силуян Мужилковский. Паисий строил перед царем Алексеем Михайловичем самые невероятные планы. В одной из своих грамот он сравнивал его с императором Константином и призывал освободить «святый гроб и церковь Христову»⁵. «Да наречешься и будешь воспомянем новый царь Константин... Да будете имети славу и похвалу от всего мира». Паисию вторил и Мужилковский: «Мы все хрестиян[е усердно желаем, чтоб] геретики и неприятели веры православной хре[стианской были] покорены под нози вашего царского величества и гроб б[ожий за самодержав]ства вашего царского величества з руки турецкой з патри[ярхами освобо]женный был...»⁶

Упование на русского государя, которому суждена была великая миссия освобождения православных христиан от «руки турецкой», само по себе было не новым. Такие мысли высказывались еще в первой половине XVI в. в сочинениях афонского монаха Максима Грека⁷. Однако теперь призывы освободить гроб Господень звучали в совершенно ином политическом контексте. Они были адресованы представителю новой московской династии — молодому царю Алексею Михайловичу, который в первые годы своего правления находился под сильным влиянием советников из числа духовенства, и в первую очередь

Никона. В этих условиях религиозный фактор приобретал колоссальное значение.

Вопрос о влиянии Никона на политику Московского государства в историографии изучен недостаточно. Например, С. М. Соловьев, подробно изучивший архивы Посольского приказа, ничего не говорит об участии патриарха в международной политике⁸. В. Голобуцкий, посвятивший специальную работу дипломатической подготовке присоединения Украины к России, упоминает только о посредничестве греческого духовенства в переговорах Хмельницкого с Москвой⁹. Ничего не говорится о Никоне и в работах историков, изучавших ход военных действий 1654–1655 гг. и взаимоотношения русской армии с населением белорусских земель¹⁰. Только в последнее время, благодаря работам Л. В. Заборовского, был поднят вопрос о «религиозной политике» Хмельницкого и царского двора и о «дискриминации православной церкви на Украине»¹¹. Впрочем, исследования Л. В. Заборовского скорее исключение из правил. В последних обобщающих работах по истории внешней политики России представлена традиционная точка зрения на причины русско-польской войны — стремление к объединению трех «братских» славянских народов¹². Пожалуй, единственной монографией, где деятельность Никона рассмотрена в непосредственной связи с внешнеполитическим курсом русского правительства, стало исследование С. Зеньковского, который считал, что патриарх оказывал влияние на расширение русской экспансии, вынашивая планы создания панправославной империи¹³. Хотя тезис историка о «панправославном экспансионизме» Никона нуждается в уточнении, его основные выводы о влиянии патриарха на внешнюю политику страны представляются верными. Подтверждение тому можно найти как в русских, так и в иностранных источниках.

В 1680-е гг. биограф Никона клирик Иван Шушерин писал, что царь Алексей Михайлович без патриаршего «совета ничто же хотеть творити, но все за его благословением желаше делати, темже и на брань с Польским и Литовским Королем, яже тогда за православную веру христианскую и за иныя некия трудности случися, не без его Архирейскаго совета и благословения поиде...»¹⁴. Между тем ранние источники позволяют утверждать, что речь должна идти не о советах или благословении Никона, а о прямом давлении патриарха на царя и его окружение.

Богдан Хмельницкий в конце концов добился своего. Его призывы к московскому царю принять Запорожское войско под «государскую высокую руку» были услышаны в Москве. В своем донесении от 20 января 1653 г. Иоганн де Родес писал: «Мне утверждали за верное, что его Царское Величество принял под свое покровительство Хмельниц-

кого со всей его армией, каковое решение получили и повезли с собой бывшие здесь послы...» Родес сообщал также, что «знатнейшие господа, но особенно господин Никита Иванович Романов, которого, однако, вообще никогда не требуют в Кремль, когда что-нибудь важное происходит, заседали вместе 1—3 дня и очень прилежно занимались некоторыми в высшей степени важными для Государства делами»¹⁵. В архиве приказа Тайных дел сохранилась запись: «И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 [1653] году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския...»¹⁶ Тогда же было отдано распоряжение о подготовке к смотру войск, который должен был состояться в мае — июне, «а смотру изволил быть на Девичьем поле»¹⁷. Иоганн де Родес сообщал, что «по всему Русскому государству объявлено о генеральном смотре войска в середине будущего мая на сборном месте, которое, по-видимому, назначено в нескольких верстах от Москвы, куда должны все прибыть под угрозой жестокого телесного наказания, и все господа и дворяне со всеми своими ратными людьми даже до самых молодых слуг должны точно явиться и так снарядиться, чтобы быть в состоянии по приказанию выступить в поход куда будет назначено...»¹⁸.

Тот факт, что к обсуждению государственных дел был привлечен Н. И. Романов, давний противник царского воспитателя Б. И. Морозова, говорит о том, что правительство пребывало в нерешительности. После волнений 1648 г., когда Морозов потерял свои посты в приказной администрации, его место занял царский тесть Илья Данилович Милославский, который мало что понимал в государственных делах¹⁹. Между тем подготовка к войне требовала участия опытных администраторов и военачальников. Очевидно, не случайно примерно в это же время из Казани в Москву был возвращен другой соперник Морозова — князь Никита Иванович Одоевский. Ему на смену на воеводство был послан боярин М. М. Салтыков²⁰.

Впрочем, объявление о смотре войск еще не означало объявления войны. Москва не теряла надежды уладить конфликт между запорожскими казаками и польским королем дипломатическим путем. 30 апреля 1653 г. в Варшаву отправилось посольство боярина Б. А. Репнина-Оболенского и окольничего Б. М. Хитрово, которое получило наказ склонить польские власти к соглашению с Хмельницким²¹. Однако ситуация на Украине продолжала накаляться. В марте 1653 г. поляки нарушили условия Зборовского договора 1649 г., по которому киевские, черниговские и брацлавские земли пользовались ограниченной автономией

и самоуправлением. Шляхта вторглась на территорию Украины и разграбила больше десятка городов. В Москву тотчас отправилось посольство Хмельницкого в лице Кондрата Бурляя и Силуяна Мужиловского. Послы в очередной раз просили царя, чтобы он «совету и помощи дати изволил и не попускал веры нашия православныя и церквей восточных в поругание»²². Кроме того, послы должны были попытаться получить разрешение на проезд в Швецию, поскольку незадолго до этого поляками были задержаны шведские эмиссары, направлявшиеся к Хмельницкому «неведомо о каких делех»²³. Гетман искал себе союзников не только в православной Москве, но и среди других потенциальных противников Польши. Бурляй и Мужилковский заручились рекомендательными письмами к самым влиятельным лицам Русского государства — боярину Б. И. Морозову, главе Оружейного приказа Г. Г. Пушкину, царскому тестю И. Д. Милославскому, а также патриарху Никону²⁴. В этих письмах содержалась просьба ходатайствовать перед царем о скорейшем решении вопроса о предоставлении военной помощи.

22 апреля 1653 г. послы получили аудиенцию у Алексея Михайловича. В первый же день переговоров стало ясно, что миссия Бурляя и Мужиловского не достигла цели. Оказанию прямой военной помощи запорожским казакам мешало «вечное dokonчание» России с польским королем. Московские власти решили не торопить события и дожидаться возвращения из Варшавы посольства Б. А. Репнина. Послам также было отказано в разрешении на проезд в Швецию²⁵. На следующий день после царского приема «были те запорожские посланцы у великого господина святейшего Никона, патриарха московского и всеа Руси, у благословения». Послов встречал почетный караул из пятидесяти стрельцов и тридцати патриарших подьячих, «и патриарх благословлял их образами»²⁶.

Прием дипломатической миссии духовным лицом был делом необычным. Предшественники Никона (исключая патриарха Филарета) не вмешивались в государственные дела, и в лучшем случае Освященный собор высказывал полное согласие с действиями государственной власти. Например, в 1642 г. Боярская дума обратилась к церковному собору с просьбой высказать свое мнение о том, следует ли наказывать приехавших в Москву крымских послов в отместку за то, что в Крыму были опозорены русские посланники. Патриарх и церковные власти отвечали, что на то «бывает твое государево царское благоразсмотрительство и твоих государевых бояр и ближних людей и всего твоего государева царьского сигклита, а не нашего чину твоих государевых богомолцов»²⁷. Теперь же патриарх едва ли не сам вел переговоры. Хотя об их содержании источники умалчивают, едва ли стоит сомневаться, что

встреча с послами не ограничилась одним лишь благословением. Ведь Бурляю и Мужилловскому был дан наказ во время переговоров всячески подчеркивать, что запорожские казаки и подданные московского царя — единоверцы. Послы уведомили московские власти, что и турецкий султан, и крымский хан не раз предлагали Хмельницкому перейти к ним в подданство, но казаки «к басурманам в подданство итти не хотят»²⁸. Нет никаких сомнений, что на приеме у Никона Бурляй и Мужилловский просили патриарха выступить защитником православия на Украине.

Очевидно, послы сумели польстить патриарху. Любопытно, что именно во время их пребывания в Москве в источниках возле имени Никона впервые появляется титул «великий государь»²⁹. 12 мая посланцы употребили этот титул в официальном обращении к главе Оружейного приказа Г. Г. Пушкину, испрашивая у него разрешение передать Чигиринской церкви «сосуды церковные и ризы»³⁰. 14 мая сам патриарх отправил Хмельницкому письмо «от великаго государя святейшаго Никона», в котором заверял гетмана, что «наше... папство о вашем благом хотении ко пресветлому великому государю нашему, его царскому величеству ходатайствовати не престанет»³¹. 13 мая Бурляй и Мужилловский были отпущены из Москвы, однако в обратный путь они отправились не одни. Вместе с ними к Хмельницкому выехали стрелецкий голова А. С. Матвеев и его товарищ И. Фомин³². Для Артамона Сергеевича Матвеева, будущего фаворита царя Алексея Михайловича, это была первая дипломатическая миссия. Примечательно, что царский посланник вез с собой письмо патриарха Никона к запорожскому гетману. «Егда же той его царского величества верный посланник к вам приедет, и вам бы его словесем, кроме всякого сомнения, веру яти: еже бо он возглаголет к вам, сия истина суть», — писал патриарх Хмельницкому³³.

Благополучно добравшись до Чигирина, 30 июня царское посольство было принято правой рукой Хмельницкого — писарем Иваном Выговским, а 4 июля оно уже присутствовало на обеде у гетмана. Первым делом послы вручили Хмельницкому «святительскую грамоту» от патриарха Никона. Затем, удалившись с гетманом «в другую светлицу», они объявили государев «тайный словесной приказ», что в настоящее время помочь казакам нельзя, поскольку Россия связана договором с Польшей, и что к королю было направлено посольство, которое должно попытаться уладить разногласия между казаками и шляхтой мирным путем. Таким образом, вопрос о военной помощи в очередной раз откладывался³⁴. А между тем в Москве произошли важные события.

В конце мая 1653 г. в столице собрались дворяне из разных городов «для государева и земского дела»³⁵. Они приняли участие в засе-

дании Земского собора, которое проходило в двадцатых числах мая. Царь и бояре в вопросе «о литовских и черкасских делех» считали необходимым заручиться поддержкой широких слоев дворянства, из которого в основном формировалась армия. Л. В. Черепнин считал, что в мае — июне было проведено несколько заседаний собора, итогом которых стал соборный акт от 1 октября, носивший сводный характер³⁶. Источники свидетельствуют по крайней мере о заседании 25 мая, когда было «говорено на соборех о литовских и черкасских делех». На нем присутствовали царь, бояре и окольные, а также патриарх Никон, крутицкий митрополит Сильвестр, сербский митрополит Гавриил, архимандриты и игумены³⁷. Собор высказался за оказание помощи Хмельницкому, однако решения его носили рекомендательный характер.

С 13 по 28 июня 1653 г. царь Алексей Михайлович проводил смотр войск на Девичьем поле под Москвой³⁸. В это время путивльский воевода Ф. А. Хилков прислал в Москву грамоту с известием, что в лагере у Хмельницкого находятся несколько турецких посольств, предлагающих ему перейти в подданство к султану. Эта грамота проделала далекий путь от Путивля до Москвы всего за пять дней. В столице она была получена 20 июня. В этот день государь принимал в Золотой палате крымских послов³⁹. Два дня спустя стольник Ф. Лодыженский увез из Москвы ответное послание Хмельницкому, в котором говорилось, что государь московский, «чтобы христианская вера в вас не пресеклась, но паче преисполнялась... изволили вас принять под нашу царского величества высокую руку... А ратные наши люди по нашему царского величества указу збираютца и ко ополчению строятца»⁴⁰. 10 июля Хмельницкий получил долгожданное известие. Это было первое официальное уведомление московского правительства о намерении оказать военную помощь запорожским казакам, которое стало прологом присоединения Левобережной Украины к России.

Однако Москва явно торопила события. Дипломатическая почва для военного союза с Хмельником еще не была подготовлена. До возвращения из Варшавы посольства Б. А. Репнина предпринимать какие-либо акции, прямо или косвенно направленные против Польши, было бы крайне рискованно. Чем же объяснить подобную спешку? Обращает на себя внимание тон грамоты. В ней явный акцент сделан на религиозный фактор. Казаков принимали «под нашу царского величества высокую руку», чтобы в них «христианская вера... не пресеклась». Более чем вероятно, что за принятием скоропалительного решения стояла властная фигура патриарха Никона, который, получив известие о происках турецкого султана, настоял на немедленном принятии запорожских казаков под покровительство русского царя. 28 июня на Девичьем

поле Алексей Михайлович произнес речь перед своим войском. Обращаясь к стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам, царь говорил, что благодаря им «православная христианская вера сохраняется в мире, и в тишине, и во благоденствии, и наше Царское Величество от супротивных врагов наших ограждается, и ваша в службе храбрость и мужество объявляется, и христианское множество от всенаходящих бед спасается». Ссылаясь на святое Евангелие, царь говорил: «...болше сея любви несть, да кто душу свою положит за други своя, и аще кто, воинствуя за святую, соборную и апостолскую церковь и за православную веру противу своего достояния, от нашего Царского Величества великие милости сподобится...»⁴¹

Девятого августа Хмельницкий отправил в Москву новое посольство. Послы Г. Яцкевич и П. Абрамович везли с собой две грамоты. Одна из них была адресована царю, а другая — Никону. «Просим твое Великое Святительство, да изволит быти о нас ходатай к Его Царскому Величеству, да подаст нам от великого Государства своего руку помощи... да не возвратится посланец наш, Герасим Яцкевич, от его Царского Величества и от твоего Великаго Святительства к нам тощ...» — писал гетман патриарху⁴². Помимо этой официальной депеши послы увезли с собой личное послание Хмельницкого патриарху, в котором говорилось: «Благонадежны бывше от великиа милости пресветлаго царского величества, к нам указанныя, яко веру православную церкви святыя, род благочестия восточнаго и нас, прямых слуг твоих, его царское величество ущедрити и пожаловати изволил и под крепкую руку не отрочно прияти намерил, богу милостивому и неисчетней милости его царского величества о сем благодарим»⁴³. Хмельницкий постоянно обращался к Никону, пытаясь разыграть религиозную карту, что свидетельствует о его осведомленности о состоянии дел при московском дворе и о том, какие силы могли реально повлиять на царя Алексея Михайловича.

Между тем давление, которое патриарх Никон оказывал на государя, вызывало раздражение у светских политиков, хорошо понимавших, чем может обернуться нарушение «вечного dokonчания» с Польшей. В одном из своих донесений Иоганн де Родес писал: «Как мне по секрету сообщили, некоторые знатные господа очень противятся этому предприятию и отсоветывают Его Царскому Величеству, и представляют ему, что легко зажечь пожар, но нельзя так же скоро его потушить; их Патриарх считает за трусов и изменников русской вере; в конце концов Его Царское Величество, кажется, держит Патриарху древко, а он сам навязывает на него знамя»⁴⁴.

В конце августа посольство Яцкевича и Абрамовича было на приеме у царя, на котором выяснилось, что московские правители не спешат

выполнить свое обещание, данное в июне. Трезвый политический расчет снова был поставлен во главу угла. Царские дипломаты явно тянули время, дожидаясь возвращения Репнина. Предоставление военной помощи казакам снова затягивалось. В начале сентября к Хмельницкому выехало посольство Р. Стрешнева, в инструкции которому был дан наказ уведомить гетмана, что до тех пор, пока в Москве не станет известно о результатах переговоров с польским королем, ни о какой помощи не может быть и речи⁴⁵. Не прошло и месяца со дня отъезда Стрешнева, как долгожданные вести из Варшавы достигли столицы. Попытки Репнина добиться от короля соблюдения условий Зборовского договора окончились неудачей. Через несколько лет великий коронный канцлер С. Корицынский с сожалением вспоминал об этом: «...когда Москва хотела нас примирить с казаками, не хотели мы того принять»⁴⁶.

Провал переговоров был на руку патриарху. Осведомленный Иоганн де Родес заметил, что, если польский король отвергнет посредничество Москвы, «будет достаточно оснований, чтобы оказать покровительство и помощь против преследователей русской веры Хмельницкому, который по заявлению русских уже давно просил о защите Его Царского Величества, единственно чтобы получить свободу совести в исповедовании русской религии, которую он иначе оставит, если Его Царское Величество его не примет, и будет искать защиты турецкого императора; в этом, по мнению патриарха, имеется достаточно причин, чтобы начать религиозную войну»⁴⁷.

По дороге в Чигирин Стрешнев получил известие о провале переговоров. Однако встретиться с Хмельницким он смог только через несколько недель. Прием у гетмана состоялся 26 декабря. Русские послы сообщили казакам, что «король и паны рада правды ни в чем не показали и о миру вашем по Збаровскому договору отказали»⁴⁸. Причиной задержки переговоров было то, что Хмельницкий в это время находился на войне. Осенью польские отряды вторглись на Украину, но в результате военных действий ничего не добились, а только опустошили несколько местечек и вызвали ожесточение местных жителей. Поход шляхты был плохо организован. В результате несогласованных действий и неблагоприятных климатических условий польская армия оказалась в безнадежном положении под Жванцем. 5 декабря 1653 г. был заключен выгодный для казаков мир, фактически подтверждавший условия Зборовского договора. Но это уже не могло предотвратить вступления в войну России⁴⁹.

1 октября 1653 г. в Грановитой палате Московского Кремля состоялось соборное заседание, на котором было принято окончательное решение о принятии запорожских казаков под «государскую высокую

руку»⁵⁰. 23 октября в Успенском соборе после молебна думный дьяк Алмаз Иванов перед боярами и церковными властями зачитал текст царского указа об объявлении войны Польше⁵¹. Для приведения казачьего войска к крестному целованию на Украину отправилось посольство В. В. Бутурлина. 8 января 1654 г. Переяславская рада подтвердила решение Земского собора. Население украинских городов начало присягать на верность русскому царю.

Таким образом, в определении внешнеполитического курса Русского государства в середине XVII в. религиозный фактор сыграл решающую роль. Под влиянием этого фактора в элите русского общества происходило переосмысление места России в Европе. Была усвоена идея вселенской миссии русского царя, который выступал освободителем всех православных христиан от притеснений иноверцев. Разумеется, подобные представления появились не на пустом месте. Причины их распространения следует искать не столько в политическом, сколько в общекультурном контексте переходного периода.

После Смутного времени ослабленное Русское государство было вынуждено заново строить всю международную политику. Добиваясь признания со стороны европейских держав, новая царская династия больше не могла рассчитывать на своих ближайших соседей — Польшу и Швецию, которые стремились использовать в своих интересах сложное внутреннее положение России, и поэтому московские политики пытались заручиться поддержкой других государств. В первые годы царствования Романовых из Москвы были отправлены посольства в Австрию, Данию, в Крым и на православный Восток⁵². Успех этих миссий был относительным. Романовы нашли поддержку лишь у греческих иерархов, которые находились под властью турецкого султана. Вскоре в Москву приехал иерусалимский патриарх Феофан, который в 1619 г. рукоположил в патриархи московские ростовского митрополита Филарета.

Этот акт имел важное значение. Как уже говорилось, избрание на патриаршество Филарета было своего рода повторением событий 1589 г., когда избирали первого русского патриарха⁵³. Таким образом, наряду со светской, в России произошло обновление и духовной власти. Романовы считали себя преемниками старой московской династии и всячески подчеркивали родство с Рюриковичами. Эта преемственность была нужна для того, чтобы укрепить положение династии на троне. Филарету нужен был авторитет иерусалимского патриарха Феофана, чтобы противостоять оппозиции среди церковной иерархии.

Вторичное принятие патриаршества от греков предопределило культурную ориентацию на Византию, точно так же, как идея преемст-

венности светской власти предопределила ориентацию на старину. В Москву потянулось греческое духовенство, русские иерархи стали обращаться к грекам за разъяснениями канонических вопросов, в перечне изданий московского Печатного двора важное место заняли сочинения отцов церкви, с православного Востока на Русь стали привозить христианские святыни, а русский царь в своих делах старался копировать византийских императоров.

Представления о преемственности верховной власти в России стали той благодатной почвой, на которой в середине XVII в. взошли ростки нового политического курса Московского государства. Элита русского общества оказалась восприимчивой к идее православного царя-освободителя, которую внушали ей и греческие иерархи, и запорожские казаки. Основные положения ее были опубликованы в дополнительных статьях к Кормчей книге, вышедшей в свет в июле 1653 г. В эти статьи вошли Уложенная грамота об учреждении патриаршества, а также грамота патриарха Феофана на поставление Филарета Никитича.

В грамоте патриарха Феофана⁵⁴, поданной московским властям, говорилось, что русский царь должен хранить «святую нашу православную веру святого греческого закона»⁵⁵. Кроме того, в ней определялся статус русского царя: «еще же и врагов святая наша вера покорит под нозе благочестивому нашему христианскому царю Михайлу Феодоровичу, яко да той един будет царствуя на вселенной истинный христианский царь и владыка, и самодержец, и расточенное и многонасилуемое того царьствие соберет воедино и умножит, и разпространит от моря и до моря, и от рек до конец вселенныя, и врази его перст его полижут...». Таким образом, русский царь, на которого греческие власти взирали «яко на древних православных греческих царей»⁵⁶, выступал не только хранителем греческой религии, но и собирателем православных земель.

В орбиту новых представлений была включена и фигура московского патриарха. 16 апреля 1653 г. в Россию приехал бывший константинопольский патриарх Афанасий Пателар. Находясь в Москве, Афанасий написал «Слово понуждаемое», обращенное к русскому царю, в котором проводилась мысль о необходимости воспользоваться ослаблением Порты в ее борьбе с Венецией за Крит и отвоевать у турок Константинополь, причем русский царь должен был занять престол Константина Великого, а патриарх Московский стать вселенским патриархом⁵⁷. Насколько эта мысль была близка государю, видно из записок дьякона Павла Алеппского, сопровождавшего в путешествии по России антиохийского патриарха Макария. Павел был очевидцем того, как царь Алексей Михайлович в беседе с греческими купцами сокрушался о «порабощении этих бедных людей, которые находятся во власти

Военные действия России против Польши в 1654 г.

врагов веры». «Я боюсь, что Всевышний взыщет с меня за них, — говорил царь, — и я принял на себя обязательство, что если Богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления»⁵⁸.

Такова была идея, двинувшая русскую армию против Польши. Незадолго до похода царь Алексей Михайлович принял новый титул «всея Великия и Малыя Росии Самодержец», тогда как раньше употреблялось лишь «всея Росии Самодержец». Когда Иоганн де Родес осведомился об этих изменениях, ему ответили, что подразумеваются киевские и черниговские области⁵⁹.

Несмотря на плохую подготовку к грядущей кампании, боевой дух в войсках был достаточно высок. Тот же Иоганн де Родес заметил, что русские «сознают свое могущество, которое никогда раньше не пользовалось у них таким уважением, и никто не должен думать, что в своих планах они будут так же плохи и неопытны, как и в прежние годы, потому что со времени Смоленской войны они жили в мире и молодежь подросла, как деревья в диком лесу, хотя и не доживает до старости из-за чумы и разных горячек, и за десять лет они так обучены иностранными офицерами, что у другого народа хорошие офицеры не сочли бы их за худших»⁶⁰.

В конце апреля 1654 г. в поход выступил передовой полк во главе с князьями А. Н. Трубецким и Ю. А. Долгоруким. «Патриарх велел выстроить в Кремле галерею от своего дома через узкую улицу, на которой стоит один девичий монастырь, и на этой галерее на улице стояли Его Царское Величество вместе с патриархом и осматривали войска, которые все проходили под этим переходом, причем Его Царское Величество прилежно напоминал боярам и офицерам о всяческой верной службе, и после того они получали благословение от патриарха и окроплялись святой водой»⁶¹. 18 мая из Москвы выехал сам царь. Несмотря на скептические прогнозы иностранных наблюдателей, поход оказался успешным. В течение лета войска покорили несколько малых городов на территории Белоруссии, а 27 сентября овладели Смоленском. Патриарх Никон, который был подлинным вдохновителем похода, пребывал в эйфории. В своем донесении от 9 декабря 1654 г. Иоганн де Родес писал: «Мне было доверительно сообщено, что патриарх московский днем и ночью всем внушает и о том же говорит публично, как Москва благодаря его молитве и совету получила от Польши все, что хотела, и как она к тому же спасла верных ее религии из их бедственного положения. Теперь в Москве говорят, что Бог благословил их в их праведном предприятии, а также что поход его счастливо удался и что отныне они должны снова привлечь к себе приверженцев своей несчастной религии на Украине и в Белоруссии...»⁶²

Покоренные земли попали под власть не только московского царя, но и патриарха. Никон, как и Алексей Михайлович, присвоил себе титул «всея Великия и Малыя Росии», хотя в отношении Украины он был чисто номинальным. С самого начала кампании основной целью патриарха было обращение в православие иноверцев на покоренных землях. Для этого в поход было взято «14 книг приводных к вере»⁶³. Патриарх рассылал по городам и монастырям грамоты и «каноны печатные» с предписанием молить Бога, чтобы он «святую Восточную Апостольскую церковь от иноязычных и поганных еретик свободил и со-

вокупил воедино, тако ж и повсюду христианский народ собрал воедино... и возвысил бы державу церкви»⁶⁴. В Смоленске Никон учредил новую епархию. В решениях церковного собора, проходившего в октябре 1657 г., было сказано: «Град Смоленск, иже премногими времени был под державою великих государей московских, и будучи во православии имел своего ему архиереа, рукоположенна царствующаго великаго града Москвы от великих архиереев. Ныне же милостию Божиею и великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца храбростию и силною десницею паки, яко некий уд отторженный сочется под державою его царскаго величества Московскаго государства и святыи апостольстей восточной церкви от проклятыя ереси римския и от польскаго короля мучительства свободися; и есть оный град многочиселовечен со окрестными его грады и веси, сего ради... избрали есмы соборным деянием во оную епархию во преславный град Смоленск суждальскаго и торускаго архиепископа Филарета»⁶⁵. В жалованной грамоте Алексея Михайловича жителям Могилева говорилось: «...быти могилевским епископом и всему освященному собору могилевския епископии под благословением святейших патриархов московских»⁶⁶.

Однако на Украине ситуация была иной. Там население городов, пользовавшихся значительной автономией, вовсе не горело желанием оказаться под властью русского царя из-за опасения потерять свои привилегии. Посольство В. В. Бутурлина после торжественной присяги казачьей рады в Переяславле отправилось в Киев для приведения жителей города к крестному целованию на верность русскому царю. Однако здесь оно неожиданно столкнулось с противодействием местного православного духовенства в лице киевского митрополита Сильвестра Косова.

Сильвестр был рукоположен в сан еще в 1647 г., после смерти Петра Могилы. В вопросе взаимоотношений различных конфессий на территории Польши он занимал взвешенную позицию. Хотя митрополит происходил из семьи шляхтича, он исповедовал православие и был ревностным защитником своей веры⁶⁷. В целом Сильвестр поддерживал хорошие отношения с Москвой. Например, он испрашивал у Алексея Михайловича книги Миней для Софийского собора в Киеве. В 1649 г. по его рекомендации в Москву отправились Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий для перевода Библии на русский язык. Кроме того, митрополит оказывал помощь русским людям, возвращавшимся из турецкого плена, и не раз выступал посредником между Хмельницким и польским правительством⁶⁸.

Политика польских властей по отношению к православному населению Украины со временем претерпела значительные изменения.

В 30—40-е гг. XVII в. киевская митрополия пользовалась относительной автономией. На заседаниях сейма не раз подтверждалась свобода православного вероисповедания и запрещалось насильно обращать в унию духовных и мирян под угрозой большого штрафа⁶⁹. Официально киевский митрополит был подчинен константинопольскому патриарху, который фактически не имел над ним никакой власти. В грамотах к царю Алексею Михайловичу Сильвестр именовал себя «митрополит киевский, галицкий и всея Малыя Росии, ексарха константинопольский»⁷⁰. Разумеется, в этих условиях попытка Никона, «всея Великия и Малыя и Белья Росии патриарха», подчинить себе киевскую митрополию выглядела как посягательство на независимость украинского духовенства.

16 января 1654 г. посольство В. В. Бутурлина прибыло в Киев. В окрестностях города ему была устроена торжественная встреча. После богослужения в Софийском соборе послы обратились к митрополиту и спросили его, почему он государю «не писывал» о принятии казаков в подданство русскому царю. Митрополит отвечал, что он «не ведал» о переговорах Хмельницкого⁷¹. Послы сообщили, что у них есть указание приводить к присяге всех жителей Киева, и потребовали, чтобы митрополит приводил к вере «шляхту, и слуг, и всех овых дворовых людей, и мещан, которые у них живут». На это Сильвестр заметил, что «которые де шляхта, и слуги, и дворовые люди у него есть, и за теми в софейском дому маетностей никаких нет, а служат де они все ему, митрополиту, с того, что он им даст от себя, и царскому де величеству присягати им не годитца». Возмущенные послы сказали, что за такое своеволие быть митрополиту в опале «и от гетмана ему за то не пробудет же». Но Сильвестр был непреклонен. Он говорил, что часть его паствы находится в польских землях, и если король узнает, что митрополит привел к православной вере своих дворовых людей, он «духовенство всех велит порубить»⁷². Таким образом, переговоры с митрополитом, проходившие 18 января, закончились безрезультатно. Но уже на следующий день Сильвестр пошел на уступки, видимо под давлением Хмельницкого, который, только что приняв присягу на верность царю, не хотел портить отношения с Москвой.

В феврале 1654 г. в Киев приехали царские воеводы князя Ф. С. Куракин и Ф. Ф. Волконский. Осмотрев город, они заметили место для строительства укреплений «от приходу воинских людей». Однако митрополит Сильвестр заявил, что не даст строить крепость в этом месте, поскольку эти земли принадлежат киевским монастырям⁷³. Поведение митрополита вызвало раздражение в Москве. К Богдану Хмельницкому была отправлена царская грамота с требованием указать Сильвестру приехать к царю и отчитаться за свои поступки. Московские власти

особенно были возмущены тем, что митрополит живет «с духовными людьми о себе, не под чьею властью»⁷⁴. В грамоте говорилось, что «митрополиту киевскому, также и иным духовным Малая России быть под благословением святейшаго патриарха московскаго. А в права духовныя святейший патриарх вступаться не будет»⁷⁵. Если вспомнить, что Никон уже присвоил себе титул патриарха «Малая Росии», то заверения в том, что он не будет вступаться в права киевского духовенства, выглядели пустым обещанием. Богдан Хмельницкий как мог пытался защитить Сильвестра. Он писал Никону: «А что твое великое святительство опалился, бил на преосвященного пастиря нашего, яко би он православия б святого российского соединения благодарованное портил и великому государю нашему его царскому величеству спротивлялся: сему не верьте всячески и прочим по сих клеветам»⁷⁶.

Сильвестр Косов был достаточно благоразумен, чтобы воздержаться от поездки в Москву. Вместо него в Россию отправился игумен Никольского монастыря Иннокентий Пизель, который повез к царю грамоту киевского митрополита с просьбой подтвердить привилегии киевской епархии. Сильвестр настаивал на том, чтобы малороссийская церковь по-прежнему подчинялась константинопольскому патриарху, а московские власти не вмешивались в ее дела, чтобы в ведении митрополита осталось право рукополагать священников, а украинское духовенство было неподсудно московскому патриарху⁷⁷. Сильвестра Косова поддержал и Хмельницкий. Пизель также вез с собой грамоту гетмана к патриарху Никону, в которой тот просил владыку, чтобы он «рачил преосвященного пастиря нашего правами, привелеями, свободами и всеми теми добрами, которое з виков митрополия киевская и всякое епископство православное российское... мают»⁷⁸. 26 июня 1654 г. посольство прибыло в царский стан под Смоленском. В результате переговоров киевский митрополит получил подтверждение на все его «маетности», но вопрос о статусе малороссийской церкви был отложен до возвращения государя в Москву⁷⁹.

Так непросто складывались взаимоотношения московского патриархата с украинской церковью в самом начале русско-польской войны. Однако после первых впечатляющих успехов русской армии ситуация стала меняться из-за вмешательства в войну Швеции. В 1655 г. войска короля Карла X взяли Варшаву и Краков и, таким образом, поставили под свой контроль большую часть Великой Польши и Прибалтику. В то же время запорожское казачество после смерти Хмельницкого в 1657 г. изменило русскому царю и начало сближение с польскими властями, заключив с ними Гадячский договор. В январе 1658 г. умер Сильвестр Косов. Новый киевский митрополит Дионисий Балабан открыто противостоял московскому патриарху⁸⁰.

Война с Польшей растянулась на тринадцать лет и закончилась только в 1667 г. подписанием Андрусовского мира, по которому территория Левобережной Украины с городом Киевом на два года переходила под власть московского царя. Окончательное же присоединение Малороссии к Русскому государству было оформлено только в 1686 г., после того, как Москва заключила с Речью Посполитой Вечный мир и вступила в Священную лигу европейских государств, объединившихся против турецкого султана. Но все эти события произошли уже после оставления Никоном патриаршего престола.

Глава 9

Моровое поветрие

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...
Что делать нам? И чем помочь?

А. С. Пушкин. «Пир во время чумы»

Пока армия русского царя воевала против польского короля, в Москве произошли важные события, в самой гуще которых оказался патриарх Никон. Как уже говорилось, на время отсутствия государя управление делами в столице переходило в руки боярской комиссии, состоявшей из нескольких членов Боярской думы. В мае 1654 г. Алексей Михайлович поручил ведать Москву боярину М. П. Пронскому. Вместе с ним в комиссию входили князья И. В. и Ф. А. Хилковы, князь В. Г. Ромодановский и думный дьяк Алмаз Иванов. Кроме того, при царице и царевнах были оставлены окольничие И. А. Милославский, Н. С. Собакин и П. Ф. Соковнин¹. Компетенция боярской комиссии была довольно широкой. Она ведала охраной дворца, руководила выпуском медных денег, следила за соблюдением порядка в столице. Глава комиссии М. П. Пронский регулярно посылал отписки царю и получал от него необходимые распоряжения. Но патриарх также не остался в стороне от дел. Формально комиссия была подчинена малолетнему царевичу Алексею Алексеевичу, который находился под опекой владыки. Члены комиссии должны были «приходить» к Никону². Павел Алеппский писал, что царь поставил патриарха наблюдателем за всеми делами, ни одно из которых, «важное или незначительное, не делается иначе, как с его совета и по докладу ему министрами каждое утро»³. В отсутствие царя именно Никон был подлинным государем. Несколько выдержек из источников продемонстрируют это наглядно.

25 мая 1654 г. в Москву прибыло посольство киевских мещан. Боярин Пронский писал царю, что послы привезли с собой грамоту Богдана Хмельницкого. Киевляне собирались «бити челом о твоих государевых жалованных грамотах на прежние их привилія, и о землях,

которыми землями завладели у них у войта, и у бурмистров, и у мещан ксендзы, и кляшторы, и шляхта насилством»⁴. Послы представили целый ряд статей о своих привилегиях, на которых сохранились резолюции патриарха и бояр. Так, против статьи о сохранении за городом Киевом магдебургского права было написано: «По государеву [указу] на Москве бояре приговорили быть по тому ж... И великий государь, святейший патриарх, указал быть по боярскому приговору». Против других статей были приписки: «святейший патриарх и бояре приговорили», «патриарх указал и бояре приговорили»⁵. В грамоте, посланной от царя Алексея Михайловича из Дорогобужа дьяку Алмазу Иванову, было сказано: «Да послали мы киевских мещан, что нам били челом и отцу нашему, великому государю святейшему Никону, патриарху московскому и всеа Руси... и тебе б так учинить, как укажет великий государь, святейший Никон...»⁶

28 мая 1654 г. в Москву приехал сербский архиепископ Гавриил. В отписке царю Пронский писал: «И мы, холопи твои, доложу великого государя, святейшего Никона патриарха Московского и всеа Руси, велели тому архиепископу быти в Посолском Приказе и его роспросить». Гавриил привез с собой сербские книги, которые он просил напечатать в Москве. Кроме того, вместе с архиепископом приехал грек И. Микулаев с посланием из Константинополя. Это послание перевели на русский язык в канцелярии патриарха, и только потом «перевод с греческого письма» был передан Пронскому. В подарок Алексею Михайловичу Микулаев прислал «книгу лексикон», которую «взял у греченина великий государь, святейший Никон»⁷.

Патриарх постоянно переписывался с царем и был хорошо осведомлен о ходе военных действий⁸. Кроме того, он оказывал содействие в снабжении армии. Например, 9 июля в Вологду воеводе И. Т. Ухтомскому была послана патриаршья грамота, в которой предписывалось взять с монастырей по шесть подвод, а игуменам передать указ, «чтоб они Государю челом ударили, хотя и болши того нашего указу подводами будет им возможно, а им за то государево жалованье будет; а будет им болши того дать невозможно, и ты бы с тех монастырей, которые в сей нашей грамоте писаны выше сего, по нашему указу велел взять подводы с телегами и с проводники и прислать к нам, к Москве тотчас, без всякого мотчанья»⁹. Отписку воеводы приказано было подать в Разрядном приказе патриаршему боярину Борису Нелединскому. Таким образом, Никон осуществлял непосредственный контроль над боярской комиссией. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в то время, когда столичная жизнь была нарушена непредвиденными событиями, из-за которых пребывание в Москве стало не менее опасным, чем на полях сражений.

В донесении от 10 июля Иоганн де Родес сообщал: «14 дней тому назад двор боярина Василия Петровича Шереметева... был окружен сильной стражей, потому что в нем в короткое время умерло друг за другом свыше 30 человек; сначала на это не обращали внимания и говорили, что боярина постигло такое Божеское наказание за то, что он несправедливо прирезал себе кусок земли от соседнего кладбища, но через некоторое время то же самое обнаружилось в других местах города, в разных домах и дворах...»¹⁰ Это были первые признаки надвигающейся эпидемии чумы, которая спустя некоторое время опустошила столицу. Вероятно, чума пришла в Москву вверх по Волге из Астрахани. В июле 1654 г. она достигла Казани и Москвы, распространилась по всей территории Центральной России от Нижнего Новгорода до Терека на юге и до Вологды на севере¹¹. Современники вспоминали о постигшем их несчастье как о Божьей каре. Смертность в Москве была необычайно высокой. Патриарший клирик Иоанн Шушерин писал, что во время мора «в царствующем граде безчисленное множество измороса, и кратко реши вси измороса»¹². Протопоп Аввакум передал то впечатление, которое чума оставила в народной памяти: «Зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним»¹³. В средние века о причинах таких явлений, как болезни и эпидемии, запрещалось не только рассуждать, но даже думать. В 1656 г. патриарх Никон написал поучение о моровом поветрии, которое было издано отдельной книжкой. Говоря о причинах трагедии, владыка подчеркивал: «И никому о сем знати не надлежит»¹⁴. Единственным средством спасения от смерти считалась молитва: «Должны есмы само о себе и о людех молитися и плакаться пред господем богом, дабы господь со всеми нами сотворил святую свою милость»¹⁵.

Когда в ставке царя стало известно, что масштабы эпидемии принимают угрожающий характер, Алексей Михайлович послал патриарху грамоту, в которой просил уберечь от мора его семью: «Волею Божиею учинилось в царствующем граде Москве моровое поветрие и мы, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя Росии самодержец, писали к нему, отцу нашему и богомолцу, государю святейшему Никону, Патриарху Московскому и всея Великия и Малыя Росии, чтобы за милостию Божиею, как его всемогущий Господь Бог наставит, о нашей царице и великой княгине Марии Илиичне, и о сыне нашем, благоверном царевиче и великом князе Алексие Алексиевиче, и о сестрах наших о благоверных царевнах, о благоверной царевне и великой княжне Ирине Михайловне, и о благородной царевне и великой княжне Татияне Михайловне, и о дочерех наших о благоверной царевне и великой княжне Евдокии Алексиевне, и о благоверной царевне и великой княжне Марфе Алексиевне промышлял... от морового поветрия берег»¹⁶. Царица в это время ждала ребенка (23 января

1655 г. она родила дочь Анну.) Опасаясь за жизнь царской семьи, Никон решил вывезти ее из Москвы. 24 июля он вместе с царицей, царевнами и малолетним царевичем отправился в Троице-Сергиев монастырь¹⁷. Очевидец тех событий Иоганн де Родес писал: «Великая Княгиня с молодым Принцем и Принцессами вместе с женами и дочерьми знатнейших бояр, в сопровождении Патриарха и некоторых знатных господ, уехали к Троице, вследствие давно уже сильно свирепствующей здесь чумы и горячек; за ними начали следовать также знатнейшие из жителей; некоторые говорят, что это произошло не только из-за страха чумы, но и вследствие предстоящего полного солнечного затмения, так как различные астрономы предсказывают мало хорошего этому городу в это время, каковыя предсказания, хотя они считаются в здешней стране колдовством, патриарх приказал перевести на русский язык и, говорят, очень их боится; здешний же народ не очень доволен его отъездом, тем что пастырь так бросает своих овец»¹⁸. Это свидетельство шведского резидента заслуживает доверия. Никон действительно верил в астрологические предсказания. Впоследствии среди его бумаг была обнаружена польская рукопись гадания по планетам с предсказаниями на каждый день. Голландский путешественник Николаас Витсен, который встречался с патриархом в 1665 г., писал, что Никон расспрашивал его «об альманахах, что они теперь предсказывают, особенно альманах Фурмана»¹⁹.

В Троице патриарх пробыл чуть больше месяца. Все это время он был не только хорошо осведомлен о том, что происходило в столице, но и фактически продолжал управлять делами. Боярин Пронский выполнял все распоряжения Никона. Уже в конце июля патриарх принял меры по изоляции зараженной территории. Вокруг Москвы были выставлены заставы, «чтоб с Москвы под Смоленск никаких людей ни с чем не пропускали, да на Троицкой и на Владимирской и на иных дорогах поставлены заставы ж»²⁰. Караулы на этих заставах подчинялись только патриарху. Когда Пронскому нужно было послать в царскую ставку денежное жалованье войскам — «двадцать тысяч денег серебряных золоченых, да денежные и ефимочные казны нового дела», а также боеприпасы и военное снаряжение — «ядер пушечных, рогатки, рогуляк железных, карабины с крюки, бумаги писчей, трубки жестяные и протазаны», ему приходилось спрашивать разрешение Никона. «И без вашего государева указу мы, холопи ваши, того всего послати не смеем», — писал Пронский патриарху²¹. В то же время к Никону прибыли с вестями гонцы «от государя ис под Смоленска»²². Опасаясь распространения эпидемии за пределы территории карантина, Никон приказал перевезти денежную казну в Новоспасский монастырь, где ее велено было хранить до особого указа²³.

Как показывают источники, князь Пронский был совершенно изолирован от внешнего мира. Даже о победах царской армии боярин узнавал от Никона. Так, 4 августа он получил от патриарха грамоту с извещением о взятии русскими войсками городов Друи и Десны. По этому случаю в столице были устроены торжества: крутицкий митрополит Сильвестр служил молебны, «и по приходским церквам молебствовали со звоном и твою, государь, святительскую грамоту и с боярских отписок списки в соборной и Апостолской церкви всем людям чли»²⁴. Но победные реляции, приходившие в Троице-Сергиев монастырь из царского стана, не могли скрасить страшных вестей, поступавших из Москвы.

Пик эпидемии чумы пришелся на конец августа — начало сентября. В это время Никон принял решение о переезде в Калязин монастырь на Волге. 20 августа патриарх послал грамоту тамошнему келарю с повелением «кельи очистить, чтоб было к их государьскому пришествию все стройно и очищено начисто». К приезду царицы и царевича велено было приготовить необходимые съестные запасы, «а готовить те запасы велеть в монастырских вотчинах в добрых местех, где морового поветрея в людех не именовалось»²⁵. Жизнь в столице была фактически парализована. Перед отъездом из Троицы патриарх послал Пронскому «образ иконы Казанския», которая должна была защитить жителей города от ужасного мора²⁶. Однако чуда не произошло.

Современники-иностранцы писали, что во время эпидемии в Москве умерло около 400 тысяч человек. Эта цифра, безусловно, далека от реальности, так как все население столицы едва ли составляло 200 тысяч человек. В исторических исследованиях приводятся более взвешенные оценки, но и они свидетельствуют о том, что Москва подверглась страшному разорению. Так, по мнению А. Брикнера, смертность в столице достигала 70—90 процентов от общего количества жителей²⁷. Боярин Пронский писал Никону: «...мы, холопи твои, живем в огородах», «моровое поветрие умножилось», «а стрельцов, Государь, от шести приказов не один приказ не остался... а иныя разбежались и на караулах, Государь, от них быть некому... а церкви, Государь, соборныя и приходския мало не все стоят», «православные христиане помирают без отцов духовных и погребают без священников и мертвых тела во граде и за градом лежат псы влачими... а приказы, Государь, все заперты, дьяки и подьячие все померли»²⁸. Страшную картину приводит Иоганн де Родес. В своем донесении от 29 августа он сообщает: «Чума до такой степени усилилась, что теперь считают, что от нее умерло свыше 20 000 человек; она ежедневно усиливается, и люди до такой степени мрут на улицах, что ни в какое время дня нельзя по ним пройти или проехать верхом, чтобы не встретить новых похорон, а также

валяющихся умирающих и уже мертвых; по утрам простонародьем вывозятся многие телеги с 3 или 4 покойниками в их одежде... знатнейшие люди бегут в свои поместья и уезжают, простой народ начинает делать то же...»²⁹

В конце августа моровое поветрие вызвало беспорядки среди простонародья. К Успенскому собору «приходили земские и разных слобод люди». Поводом к возмущению послужила обнаруженная на патриаршем дворе икона, «а лицо у той иконы и подпись верх... скребено», а «скребен тот образ по патриархову указу»³⁰. Павел Алеппский писал в своей книге, что Никон велел собирать иконы, написанные «по образцам картин франкских и польских», и доставлять их на патриарший двор, «в каком бы доме ни находили их, даже из домов государственных советников. Никон выколол глаза у этих образов, после чего стрельцы, выполнявшие обязанности царских глашатаев, носили их по городу, крича: кто отныне будет писать иконы по этому образцу, того постигнет примерное наказание... Видя, как патриарх поступает с иконами, подумали, что он сильно грешит, пришли в смущение и волнение и сочли его противником икон. В это время случилась моровая язва, и солнце померкло перед закатом 2 августа»³¹.

Эти меры патриарха были направлены против новых веяний в иконописании, пришедших с Запада, когда образы святых угодников изображались в реалистичной манере. Никон действовал в духе ревнителей благочестия. С обличениями «франкских и польских» икон выступали и его прежние друзья, например протопоп Аввакум, который был крайне возмущен нарушением канонов древнерусской живописи: «Пишут Спасов образ... лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не написано»³².

Павел Алеппский ошибался, полагая, что волнения в столице имели место во время солнечного затмения 2 августа³³. Отписки боярина Пронского из Москвы ясно показывают, что выступление «земских и всяких чинов людей» произошло уже на исходе лета, когда Никон находился в Троицком монастыре. Вот как описывал эти события Иоганн де Родес, находившийся в то время в столице: «В короткое время в Кремль собралось несколько тысяч народа и некоторые принесли с собой своих нарисованных богов, которых они носили туда и сюда, и у некоторых из которых были выцарапаны глаза или они были иначе мерзко осквернены, и люди заявляли, что тот и другой священный образ долгие не может этого переносить, и при этом рассказывали, как одна монахиня, повесив икону на грудь, пришла к члену правительства князю Пронскому и заявила клятвенно, что ей сама

икона открыла, что некоторый святой образ обесчещен, осквернен и брошен под лавку в доме Патриарха, и так как это случилось, то икона сказала, плача, что из-за этого люди так и умирают и не перестанут умирать раньше, чем это будет наказано и та икона снова будет восстановлена в своем прежнем достоинстве; когда они сделали расследование, то там была найдена подобная икона под лавкой, и как только это достигло своей цели, появились новые примеры того же, и вместе собралось большое число выцарапанных икон; наконец жители начали, как сказано выше, сбегаться вместе и ожидали, когда названный князь Пронский выйдет из большой церкви... когда он вышел, они все начали в один голос жаловаться, что Патриарх так обработал эти иконы, и что это великий грех, и теперь за это их постигло наказание, он (патриарх) еретик и держит у себя колдуна, и хочет переменить их истинную христианскую веру; этого нельзя терпеть, и они просили князя приказать взять его из Троицкого монастыря, где он давно уже живет из-за чумы; все это делалось с благочестивым одушевлением и большая часть народа при этом начала громко плакать; но князь извинился перед народом и сказал, что этого он сделать не может, это должно быть сделано Его Царским Величеством, ласково говорил с ними и достиг того, что они снова разошлись»³⁴.

По свидетельству русских источников, «земские и разных слобод люди» говорили, что патриарху «прискорбно» быть на Москве и молиться о православных христианах в столь тяжелое для них время. На это Пронский отвечал, что Никон покинул Москву «по государеву указу», и показал народу царскую грамоту. Сотские люди били челом, что в Москве «многие церкви стоят без пения, и православные христьяне помирают без покаяния и причастия, и мертвых погребать некому». Челобитчики просили, чтобы патриарх тех священников, которые «с Москвы сбежали и живут по деревням — велеть их выслать к Москве»³⁵. Сам Никон, вспоминая о тех событиях, впоследствии писал: «А еже в та же мимошедшая лета в моровое поветрие мнози купно и особь собирающесе о нас глаголаху неподобная и грехи наши поминающе, их же мы не точию не содеяхом, но ниже во сне помыслихом, и отхождение наше от царствующаго града Москвы, еже бысть по указу великого государя царя и великаго князя Алексея Михайловича... Много бо тогда невнимающе правому велению, и от оных крамолников, лживых баснословии напившесе клеветаху ов на сего, ов же на иного, яко повинных творяше моровому поветрию, и многи невегласи бесом прелщени пророчествоваху ложная...»³⁶

Волнения в Москве в августе 1654 г., известные в литературе как «чумной бунт», погружают нас в мир средневековых представлений. Охваченные паникой жители столицы видели причину выпавших на их

долю несчастий в поругании икон, вызвавшем гнев Божий. Ответственность за случившееся они возлагали на патриарха, который бросил свою паству на произвол судьбы. Некоторые историки, например Н. Гиббенет, Н. Ф. Каптерев, Н. В. Устюгов, Н. С. Чаев, полагали, что волнения в Москве были спровоцированы ревнителями благочестия, которые хотели посеять враждебность к никоновским реформам³⁷. В. С. Румянцева оценивала произошедшие в столице события как проявление классовой борьбы, направленной против епископата. Даже в побеге «тюремных сидельцев» из городской тюрьмы исследовательница усматривает социальную направленность³⁸. С такой оценкой московских выступлений трудно согласиться. Волнения, безусловно, не были связаны с ревнителями благочестия, которые в это время находились в ссылке. Выступление «земских и разных чинов людей» было вызвано эпидемией чумы, а не социальными причинами, и его антиклерикальная направленность объяснялась отсутствием в столице патриарха, а не непочитанием епископата в целом.

Опасаясь дальнейшего распространения морового поветрия, Никон отправился в Калязин монастырь. 7 сентября по дороге в обитель со стана на реке Нерли он отдал распоряжение, чтобы отписки воевод украинских городов впредь отправлялись не в Москву, а прямо к государю под Смоленск³⁹. Боярину Пронскому патриарх писал, чтобы он и его люди «жили вверху с великим бережением, а в наших и во всяких делах всем людям отказали и наших никаких дел не делали и к нам ни о каких делах не писали, а которые впредь будут наши дела, вы б о том писали Государю Царю Алексею Михайловичу в Смоленск»⁴⁰. Никон рассылал грамоты воеводам разных городов, спрашивая их, нет ли «на люди какова упадку» в уездах и монастырях⁴¹. 22 сентября Никон просил Пронского известить его о том, «что ныне на Москве делается», однако боярина в это время уже не было в живых⁴². В начале сентября жертвами эпидемии стали члены боярской комиссии. Окольничий И. А. Хилков писал Никону, что князь М. П. Пронский умер 11 сентября, 12 сентября смерть настигла боярина И. В. Хилкова, 13 сентября скончался остававшийся в Москве суздальский архиепископ Софроний⁴³.

Иоганн де Родес писал: «Насколько сильно в последнее время распространилась чума, сколько сотен тысяч людей погибло от нее и какая нищета царит из-за нее здесь во всей стране, почти невозможно описать. Достоверно оценивают, что в Москве и вокруг нее погибло свыше 200 000 человек... Множество мелких городов и деревень вымерло полностью, скот бродит там и тут по лесам и кустарникам: часть его достается диким зверям, часть умирает от голода. Город Москва опустел, так что ворота не охраняются и ночью стоят открытыми. На улицах

собаки едят непогребенных мертвецов. Те из мошенников, кто поосторожнее, собираются в группы и грабят дворы, в которых все вымерли. Неизвестно по чьему злому умыслу сгорела колокольня над большими воротами дворца, и позолоченный орел свалился вниз. Но теперь пришло несколько сот стрельцов для охраны ворот, но они тоже мрут. Люди, отпущенные из-под Смоленска, снова возвращаются и тоже гибнут один за другим, так что стоит опасаться, что если зима не будет очень холодной, то чума прекратится еще не скоро, хотя в Москве она сейчас уже немного поутихла...»⁴⁴

Никон, насколько это было возможно, пытался спасти положение. В грамоте окольничему И. А. Хилкову патриарх спрашивал: «...а окольничий наш князь Василей Григорьевич Ромодановский и думный дьяк Алмаз Иванов на Москве ль, или с Москвы куда съехали, или померли, о том ты к нам не отписал, неведомо для чего?»⁴⁵ Никон велел «городовые ворота Кремля города все запереть и решетки запустить, а оставить для проходу одну калитку, которая на Боровицкой мост, и тое калитку к ночи замыкати»⁴⁶. В ответной отписке Хилков сообщал, что князь Ромодановский и дьяк Алмаз Иванов из Москвы никуда не уезжали, а не писал о них он потому, что от Ромодановского патриарху была послана особая отписка. Кроме того, Хилков писал, что «моровое поветрие на Москве, октября с 10 числа милостию Божиею, учало тишеть и больные люди от язв учали обмогаться»⁴⁷. Наступившие холода сделали свое дело.

С середины ноября жизнь в столице стала возрождаться. Заработали приказы. С этого времени в стан Алексея Михайловича начали регулярно приходить грамоты из Москвы от И. А. Хилкова за приписью дьяка Алмаза Иванова, в которых сообщалось о состоянии дел в столице⁴⁸. 3 декабря в Москву был послан боярин Б. М. Хитрово. Оттуда он отправил государю подробную роспись, в которой указал, сколько в Москве осталось живых людей на государевом и патриаршем дворах, в приказах, во дворах бояр и окольничих, в монастырях, есть ли служба в приходских церквях и т. д. Такая же роспись была послана патриарху Никону в Калязин монастырь⁴⁹.

Двадцать первого октября царь Алексей Михайлович пришел в Вязьму. Вскоре к нему приехали царица с царевичем⁵⁰. После этого в Москву на место умершего боярина И. В. Хилкова был послан боярин И. В. Морозов. Царь в течение двух месяцев находился в Вязьме, ожидая, когда утихнет эпидемия. За спасение царской семьи Алексей Михайлович «к Святейшему Патриарху зело паче прежняго за его таковую показанную любовь любовью своею Царскою воздавати нача, и яко Ангела Божия и дому его хранителя, и от всех человек со удивлением нача почитати...»⁵¹. Что касается Никона, то он на какое-то

время устранился от дел. Павел Алеппский писал, что патриарх, расставшись с царицей, проводил время «в горах и лесах, скрываясь от лютой моровой язвы, удаляясь от людей, проживая в палатке под дождем и снегом, не имея себе иного утешения, кроме огня»⁵². По словам де Родеса, «Их Царское Величество со всеми своими господами и боярами все еще находится в Вязьме. Туда же недавно прибыла супруга Их Царского Величества вместе с Патриархом, и Патриарх оттуда направился к Смоленску в один монастырь. На всякий случай на всех дорогах у Вязьмы находятся заставы или охрана, так что ни один человек, как говорят, не может туда пройти. Вследствие чумы, которая и там распространяется с неимоверной быстротой, все отписки туда должны переписываться над огнем четыре раза в четырех различных местах, и только последняя передается в Вязьму... Никому не разрешается ездить отсюда в Вязьму. Я приложил немало усилий и много сделал для того, чтобы мне было позволено туда съездить, однако все напрасно... Вследствие наступившей зимы эпидемия в Москве утихла настолько, что от вестового больше не слышно о смертях...»⁵³.

Патриарх вернулся в столицу только 3 февраля 1655 г. Взору его предстала ужасная картина: «Ох, увы, зрения бесполезного и плача достойного! Непрестанно плакал смотря пустоты Московския, пути и домов, идеже преже соборы многие и утешение, тамо никаково, великия пути в малу стезю и потлачены, дороги покрыты снеги и никем суть не следими, разве от пес. Ох, ох!»⁵⁴ Сходную картину описал в своей книге и другой очевидец, Павел Алеппский: «Когда мы въехали в город, наши сердца разрывались, и мы много плакали при виде большинства домов, лишенных обитателей, и улиц, наводящих страх своим безлюдием»⁵⁵.

Моровое поветрие 1654 г. принесло в Московское царство новое разорение. Обширные территории страны оказались в запустении. Тем не менее долговременные последствия этого страшного бедствия оказали существенное влияние на развитие культуры⁵⁶. Эпидемия не прямо, но косвенно способствовала разрушению старомосковских традиций. Опустошенные города стали заселяться выходцами с завоеванных территорий Белоруссии и Литвы. Павел Алеппский был свидетелем того, как в 1655 г. в Москву «начали привозить в телегах пленных ратников из ляхов в железных оковах. Их представляли патриарху и главному канцлеру и сажали в тюрьмы, а также отправляли по приказу царя в разные города... чтобы заселить ими большую часть домов в столице и деревни, обезлюдившие во время моровой язвы»⁵⁷. Самым знаменитым из пленников, пожалуй, был Павел Потоцкий, сын брацлавского воеводы Стефана, который попал в плен к русским в 1655 г. и провел в России почти тринадцать лет. Потоцкий принял православие и даже

был посватан к дочери боярина Петра Михайловича Салтыкова. После заключения Андрусовского мира он вернулся в Польшу и написал на латыни сочинение «Московия, или Краткое повествование о нравах великорусской монархии», в котором привел любопытные сведения о жизни и нравах московского двора. Возможно, Потоцкий был пере-
крещен в православие Никоном. Во всяком случае, он написал письмо патриарху, в котором в самых вычурных выражениях прославлял его добродетели⁵⁸. Приезжая в Россию, пленные поляки и белорусы несли с собой элементы западной культуры, которые со временем стали проникать в русское искусство и литературу. Немало иноземцев было и в окружении Никона. Например, Иверский монастырь патриарх населил монахами Кутеинского Оршинского монастыря, которые привезли с собой не только искусство изготовления изразцов, но даже печатный стан, открыв на Валдае новую типографию. В середине XVII в. окно в Европу, по сути дела, уже было приоткрыто, хотя понадобилось еще полстолетия, чтобы распахнуть его настежь.

Глава 10

Балтийский вопрос

Григорий

Куда ведет эта дорога?

Хозяйка

В Литву, мой кормилец...

А. С. Пушкин. «Борис Годунов»

Последствия морового поветрия скрасило триумфальное возвращение в столицу царя Алексея Михайловича. Однако государь задержался в Москве не надолго. Уже через месяц, 11 марта 1655 г., он снова отправился «против недруга своего Полского и Литовского короля». На Москве царь приказал быть «у сына нашего царевича и великого князя Алексея Алексеевича и царицы нашей великой княгини Марии Ильичны и сестр наших благоверных царевен и у детей наших благоверных царевен боярину нашему князь Григорью Семеновичю Куракину с товарищи»¹. Внешнеполитические успехи Русского государства были внушительными. Продвижение русской армии на запад, взятие Смоленска и других городов вызвало серьезную обеспокоенность европейских правителей, даже тех, чьи владения находились далеко от рубежей России. Так, кардинал Мазарини через французского резидента в Стокгольме д'Авагура пытался убедить шведский двор в целесообразности объединения усилий против «москвитов», ибо соседство столь могучей державы не может не вызывать опасений².

Нужно заметить, что хотя Россия начала религиозную войну против Польши в одиночку, не заключив предварительно союзных договоров ни с одной из европейских стран, однако она пользовалась негласной поддержкой своего северного соседа — протестантской Швеции³. Еще в октябре 1653 г. в Стокгольме королеве Кристине была отправлена царская грамота с просьбой продать «к ратному строю дватцать тысяч мушкетов добрых, и вашему б королевину величеству для нашии царского величества дружбы и любви велеть из своей королевина величества казны дватцать тысяч мушкетов дати по цене почему мушкеты в вашу королевина величества казну ставятца»⁴. Ослабление католической Польши отвечало интересам протестантской Швеции. Тем не менее

неожиданные успехи русской армии заставили королевский риксдаг изменить внешнеполитическую стратегию и вмешаться к русско-польский конфликт. Этому способствовала и ситуация внутри страны. В 1654 г. королева Кристина, правившая Швецией двадцать два года, неожиданно отреклась от престола и, приняв католичество, уехала в Рим. Этот поступок едва ли не самой просвещенной монархини своего времени вызвал у шведского народа настоящее потрясение. С вступлением на престол нового правителя время мира и экономического процветания ушло в прошлое. На смену покровительнице наук и искусств пришел король-воин — двоюродный брат Кристины Карл X Густав⁵.

Действия русских войск на территории Польши в непосредственной близости у границ Курляндии и Восточной Пруссии не могли оставить равнодушными шведских политиков. С начала 1655 г. Стокгольм начал предпринимать энергичные усилия, чтобы не допустить русские войска на территорию герцогства Курляндского, вассального государства Речи Посполитой, во главе которого стояли потомки магистра Ливонского ордена. 7 января 1655 г. аудиенцию у царя Алексея Михайловича получил шведский посол Уддэ-Эдла. Он уведомил царя о вступлении на шведский престол нового короля и вручил ему послание Карла X, в котором содержалась просьба «курлянского Якубуса князя нашим царского величества ратным людем воевати не велеть»⁶. Миссия Уддэ-Эдла не произвела должного впечатления при царском дворе. Сам Алексей Михайлович с насмешкой описывал визит шведского посланника: «Посланник приходил от Свейсково Карла короля думной человек, а имя ему Удде Удла, а таков смышлен, и купить ево то дорого дать, что полтина, хотя думной человек. Мы, великий государь, в десять лет впервые видим таково глупца посланника, а прислан нароком такой глупец, для проводыванья, что мы, великий государь, будем ли в любви с королем, и про то нам подлинно ведомо; а братом не смел король писатца к нам, великому государю, и мы тому и добре ради и зело от нас страшны они, Свияне... а король в листу своем первом пишет, чтобы вечное dokonчание подкрепить послами, а он посылает посла своего к нам, великому государю, да будто любя меня, прислал обвесить посланника да думново человека, и мы мним, сколко от любви, а здвое тово от страху»⁷. Таким образом, Алексей Михайлович не без основания полагал, что миссия Уддэ-Эдла была вызвана страхом перед русской угрозой. Что касалось просьбы не вступаться в пределы Курляндии, то в ответной царской грамоте говорилось, что курляндский герцог является подданным короля Яна Казимира, что он посылал ему на помощь своих людей, которые русским «многие шкоды чинят», и что если дело так пойдет и дальше, то государь этого не потерпит⁸. Напряженность в Прибалтике нарастала. Началась сложная дипломатическая

игра. Швеция упорно добивались, чтобы Курляндия заключила с ней договор, который позволил бы шведским войскам защитить герцогство в случае вторжения русской армии, а Россия, в свою очередь, настаивала на нейтралитете князя Якубуса⁹. В результате Курляндия оставалась в стороне от конфликта по крайней мере на протяжении 1655 г.

Между тем в шведском риксдаге обсуждался вопрос: против кого следует начать военные действия — против России или против Польши? По настоянию Карла X решено было воевать с поляками¹⁰. В июне 1655 г. шведские войска вторглись на территорию Восточной Пруссии и Великой Польши. Так началась Первая северная война. К осени шведы захватили большую часть Великой Польши и Литвы и овладели Варшавой. Ян Казимир был вынужден бежать в Силезию, а Карл X объявил себя претендентом на польский трон. В то же время с востока в глубь Польши продвигалась и русская армия. Летом 1655 г. войска Алексея Михайловича заняли крупные города Витебск, Полоцк и Минск¹¹.

Все эти события в большей степени относятся к дипломатической истории, и они были бы неуместны на страницах исследования о государстве и церкви, если бы не одно обстоятельство, а именно: роль в них патриарха Никона. Мы уже видели, что именно по настоянию патриарха началась русско-польская война. Мог ли Никон два года спустя повернуть русские штыки против шведов? И если это так, то чем было обосновано подобное решение? Почему в 1656 г. так внезапно произошла переориентация внешнеполитического курса Русского государства, с поляками неожиданно был заключен мирный договор, а арена военных действий переместилась в Курляндию и Эстляндию?

Все эти вопросы поднимались в историографии уже не раз. Еще в 1830-е гг. автор первой монографии о царствовании Алексея Михайловича В. Берх, ссылаясь на работы историков Х. Кельха и Ф. Гадебуша, приписал инициативу начала русско-шведской войны патриарху Никону, который брал деньги с австрийского посла Аллегретти, возбудившего вражду между бывшими дружественными странами¹². В исследованиях советских историков, изучавших историю Первой северной войны, акцент был сделан на экономические факторы. Например, О. Л. Вайнштейн писал, что русское правительство в лице царя, бояр и патриарха проводило политику меркантилизма и было заинтересовано в экспорте товаров и пополнении казны¹³. Необходимость развития торговли влекла Россию к Балтийскому морю, побережье которого находилось под контролем Швеции. Именно стремление к Балтике, по мнению Г. А. Санина, привело к переориентации внешней политики России¹⁴. Такого же мнения придерживается Е. И. Кобзарева, автор недавно опубликованной специальной работы о дипломатической борьбе в период русско-шведской войны 1655—1661 гг. Исследовательница

пишет, что, «начав войну с Украиной, Россия ощущала нехватку денежных средств, поступавших в казну главным образом от внешнего экспорта». С другой стороны, «шведы хотели полностью подчинить себе балтийскую торговлю, что противоречило интересам России и дополнительно толкало ее начать войну со Швецией»¹⁵. Е. И. Кобзарева, вслед за Ю. В. Курсковым, считает, что непосредственными инициаторами войны были известный дипломат и государственный деятель А. Л. Ордин-Нащокин и патриарх Никон. Оба они оказывали сильное влияние на царя, а причиной их сближения, по мнению исследовательницы, послужило то обстоятельство, что они были в равной степени заинтересованы в ограничении могущества боярской аристократии. Е. И. Кобзарева полагает, что религиозные мотивы не играли существенной роли при решении вопроса о начале войны, — «в основном, московское руководство хотело получить выход к морю»¹⁶.

Как заметил Г. М. Коваленко, если российские историки рассматривали войну со Швецией как очередной этап борьбы за выход к Балтийскому морю, отмечая прогрессивный ее характер со стороны России, то шведские исследователи считали, что действия русских войск в Польше угрожали интересам Швеции¹⁷. Конфликт России со Швецией в середине XVII в. Г. М. Коваленко называет «неизвестной войной», поскольку она не привлекла особого внимания ни русских, ни шведских историков. Говоря о причинах войны, Г. М. Коваленко, в отличие от Е. И. Кобзаревой, придерживается более взвешенной оценки. По его мнению, война преследовала цель «воспрепятствовать шведскому продвижению в прибалтийские владения Польши». Вслед за шведским историком М. Карлоном, Г. М. Коваленко считает, что война 1656—1658 гг. «не была запланирована, а произошла случайно, под влиянием изменившихся отношений Швеции с Россией, вызванных войной в Польше»¹⁸.

Таковы основные точки зрения на проблему. Что же касается нашей задачи, то мы попытаемся уяснить, какова была роль патриарха Никона в сложной дипломатической интриге, развивавшейся на протяжении 1655-го и первых месяцев 1656 г., когда при дворе Алексея Михайловича вопрос о начале военных действий в принципе уже был решен. Кто стоял за этим решением?

Военная кампания 1655 г. для русской армии была не менее успешной, чем предыдущая. Войска Алексея Михайловича уверенно продвигались на запад при поддержке запорожского казачества. Летом были взяты города Минск, Гродно и Вильно. Однако в июле в войну против Польши вступили шведы. Это вызвало сильную обеспокоенность в Москве. Иоганн де Родес в донесении от 20 июля писал: «Здесь вокруг военных намерений Вашего Королевского Величества относительно

Польши (так как это считают достаточно вероятным) подняли большой шум, так как по решению Вашего Королевского Величества эти намерения были поставлены под сомнение. Раньше здесь все жили в страхе и надежде, и страх был настолько силен, что я почти уверен в том, что по этой причине отход от Смоленска так долго откладывался»¹⁹. Кроме того, успешное развитие наступления в глубь Польши было осложнено позицией курляндского герцога, который, формально оставаясь нейтральным, на деле «оказывал содействие войсками королю и трону Польши». Царь по-прежнему обо всем информировал патриарха, который по случаю каждой новой победы приказывал звонить во все колокола²⁰.

Вторжение Карла X в пределы Речи Посполитой привело к тому, что русская и шведская армии оказались на сопредельных территориях. Уже через месяц после начала военных действий наметились первые конфликты между шведскими и русскими отрядами. Характерный случай приводит ближний боярин и воевода князь Я. К. Черкасский в письме командующему шведскими войсками в Лифляндии Магнусу Делагарди. Черкасский писал из Вильно, что 27 августа 1655 г. в город Друю, который задолго до этого был взят войсками В. П. Шереметева, приезжали шесть человек шведов и призывали местных крестьян не платить оброк русскому царю, так как город находится под шведской обороной. 29 августа боярин получил известие из Ковно от тамошнего воеводы Силы Степанова, что туда приезжал шведский корнет, а с ним двадцать человек рейтар «неведомо для чего»²¹.

В отсутствие Алексея Михайловича управление в столице было сосредоточено в руках боярской комиссии во главе с Г. С. Куракиным, хотя, как и прежде, подлинным правителем был патриарх Никон. По свидетельству Иоганна де Родеса, к Никону стекалась вся информация с театра военных действий. «Здесь по-прежнему пребывают в полной неизвестности о том, что происходит с обеими армиями — все до единого, кроме патриарха, который имеет возможность получать малейшее известие о том, что, собственно, происходит. Патриарх, низкий [человек], умеет чрезвычайно изощренно подавать то, что способствует чести [русских], а прочим управляет так, что ни у кого нет причин для беспокойства...» — писал шведский резидент в донесении от 9 августа 1655 г.²²

Никон вел переписку с царем, оказывал содействие в снабжении армии, давал советы и благословения. Патриарх посылал царю «хлебные запасы», подводы «со властей и с монастырей», а также лошадей, бердыши, топорки. По указу Никона из Иверского монастыря «было волных казаков болши пяти сот отпущено в Полския городы, и жалование им давано из нашего, богомолца вашего, келейной казны, и ружье...»²³. Дьякон Павел Алеппский писал в своей книге, что в июле

1655 г. Никон показывал патриарху Макарию «множество телег, нагруженных ружьями, которые он посылает царю. Он сказал, что их пятьдесят тысяч и что они получены теперь в ящиках из шведского королевства». Кроме того, Никон говорил, что у царя в Кремле мастера изготовляют ежегодно до семидесяти тысяч ружей²⁴. В конце июля Никон благословил Алексея Михайловича, «чтоб за государем быть Вилне и Оршаве и Кракову и всей Полше»²⁵. По сообщению генерал-губернатора Ингерманландии Христофора Горна, патриарх Никон снарядил отряд в тысячу человек для похода к этим городам²⁶.

По мере продвижения на запад московское правительство попыталось привлечь на свою сторону литовскую аристократию, в частности гетманов Я. Радзивилла и В. Гонсевского, которые согласились перейти в подданство к русскому царю при условии сохранения за ними их прав и привилегий. Однако такая постановка вопроса вызвала резкую отповедь со стороны Никона. В письме Алексею Михайловичу от 9 июля патриарх писал «о Радзивиле, чтоб его не призывать, а ево и так Бог предаст»²⁷. В конечном счете и Радзивилл, и Гонсевский перешли под покровительство Карла X. 31 июля был заключен Кейданский договор о переходе Литвы под протекторат Швеции²⁸.

В то же время планы русского правительства относительно похода на Варшаву и Краков провалились. 30 июля Алексей Михайлович писал своим сестрам: «...постояв под Вилнею неделю для запасов, прося у Бога милости и надеясь на отца нашего великого государя святейшего Никона патриарха московского, всея великия и малыя Росии святых и крепкие молитвы, пойдем к Оршаве»²⁹. Однако царь простоял под Вильно до начала сентября, 11-го числа он отправился обратно в Москву через Шклов, Могилев, Смоленск, Дорогобуж и Вязьму³⁰. По свидетельству Павла Алеппского, государь вернулся, потому что «случился неописуемый мор на лошадей, отчего войско ослабело»³¹. Другой причиной были необычайные «грязи и слякоти», затруднявшие продвижение войск. Поляков, взятых в плен, нередко бросали на дороге умирать от голода и холода³².

Отъезд Алексея Михайловича с передовых позиций совпал с возрастанием дипломатической активности. В Москву из разных стран отправились два посольства. Одно из них выехало из Стокгольма, а другое из Вены. Миссия посланников шведского двора, в которую входили Густав Бьелке, Александр фон Эссен и Филипп Крузеншерна, заключалась в том, чтобы подтвердить условия Столбовского мира, убедить русского царя не заключать перемирия с Польшей и очень осторожно проводить, не обнаружит ли Алексей Михайлович желания заключить союз со Швецией³³. Что касается венского имперского посольства, то здесь дело было сложнее. Как уже говорилось, начиная

Посольский приказ. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1656

войну с Польшей, русское правительство попыталось если не заручиться поддержкой европейских монархов, то хотя бы получить от них гарантии невмешательства в военный конфликт. В мае 1654 г. в Вену направилось посольство И. И. Баклановского. Сам факт возобновления отношений с империей Габсбургов был необычен, поскольку Россия традиционно была ориентирована на страны антигабсбургской коалиции, однако в Москве понимали, что война с Польшей может вызвать серьезную обеспокоенность венского двора. Баклановскому было поручено уведомить императора Фердинанда о восшествии на престол нового царя Алексея Михайловича (с опозданием на девять лет!) и просить его не помогать польскому королю³⁴. Любопытно, что в наказе Баклановскому ни словом не упоминалось о казаках Хмельницкого, просьбы которых о принятии их в русское подданство стали одной из главных причин войны.

В 1655 г. в Москву с ответным визитом были направлены австрийские послы: Дитрих Теодор Лорбах, Франц Гундулич и придворный священник Фердинанда III Аллегрети Аллегрети. Гундулич и Аллегрети умели изъясняться на славянских языках, что и предопределило их участие

в миссии³⁵. После того, как посольство пересекло границу России, ему было указано ехать в Москву и дожидаться там прибытия государя. Послы получали инструкции как из ставки Алексея Михайловича, так и из столицы, от царевича Алексея Алексеевича, находившегося под опекой патриарха Никона. Так, 3 сентября от царевича была послана грамота в Новгород, в которой велено было узнать, сколько едет послов и какого чину, а также «что послы и приставы поговорили в разговорах». 4 сентября глава боярской комиссии в Москве Г. С. Куракин уведомил царя, что австрийских послов «великий государь святейший Никон... указал из Великого Новагорода отпустить к Москве». В то же время от Алексея Михайловича пришла грамота, в которой говорилось, что если послы начнут проситься к нему в поход, то им следует говорить, что царь скоро будет в столице, а в поход идти «за болотами и за грязми не мочно, да и кормов своих и конских теми дорогами им не готовлено»³⁶.

Таким образом, Никон был не только хорошо осведомлен о продвижении посольства, но и получал информацию о беседах послов с приставами. Так, один из приставов, Богдан Одадунов, послал отписку князю Г. С. Куракину, о чем с ним в дороге послы говорили, а тот, «тое отписку показав великому государю святейшему Никону патриарху московскому и всеа Великия и Малыя и Белья Росии», отослал ее в стан к Алексею Михайловичу³⁷.

7 октября 1655 г. оба посольства въехали в Москву³⁸. В столице им пришлось провести два месяца в ожидании прибытия царского поезда. Послов поселили на разных дворах и ограничили им возможность передвижения. Фактически послы могли общаться только со своими приставами. Источники передают содержание бесед послов, из которых виден тот настрой, с которым миссии приехали для переговоров. Шведы больше интересовались церковной архитектурой, спрашивали, «готов ли орел, который должен быть помещен на Фроловской башне», и какого он веса³⁹. Возможно, они были уверены в успехе своей миссии. Напротив, имперские посланники интересовались исключительно политическими вопросами. Между прочим, Аллегрети, который некогда был послом испанского короля в Константинополе, говорил, что в Турции ему случалось видеть, «как обоих Государств Русского и Полского люди, которые в плен и расхищения емлют Крымские Татаровя и продают в Цареграде и в работы, и на каторги, и на базаре не в одном месте. И яз де, видя то, прослезился, что такое мучение чинитца христианом. И мы де тому выдвигитца не можем как такое зло-досадительное дело таких Великих Государств Великие Государи им бусурманам терпят!»⁴⁰. Если разговоры послов становились известны Никону, то можно предположить, что Аллегрети, как человек духовного звания,

Тайная аудиенция иностранного посольства. Гравюра из книги А. Олеария
«Описание путешествия в Московию...». 1656

нашел себе союзника при московском дворе в лице могущественного патриарха. Правда, в нашем распоряжении нет источников, которые позволили бы заключить, что патриарх встречался с кем-либо из послов императора. Напротив, один из членов посольства, Франц Гундулич, писал в своем дневнике, что «до первого представления нашего царю мы жили как арестанты, не смея ни с кем видаться, ни с кем беседовать: и все потому что царь не возвратился еще с войны...»⁴¹. Однако в России это была обычная практика. Как писал Павел Алеппский, «послы, приезжающие к царю московитов, подвергаются большим стеснениям. Прежде всего ставят в месте его остановки стражу, которая караулит ночью и днем, сменяясь ежедневно, и никого из его людей не выпускает ходить одному по городу»⁴².

11 ноября прибыл шведский переводчик Иоганн Розелиндт с грамотами от Карла X, уведомляющими о начале войны против Яна Казимира. Король предлагал царю на «общаго неприятеля соединитца и стоять на него собча»⁴³. Однако эта грамота прибыла с явным запозданием.

10 декабря в Москву вернулся Алексей Михайлович. Государя встречали с необычайной торжественностью. В церемонии принимал участие патриарх, который благословлял царя и бояр и благодарил их за победу. Однако Алексей Михайлович неожиданно прервал его: «Довольно тебе, отец наш и владыка, утруждать себя. По истине Бог даровал нам победу над врагами не нашей булавой и мечем, не нашим оружием и решимостью, а вашими великими, святыми молитвами за нас, совершившими то, что произошло, свыше наших ожиданий»⁴⁴. Имперские послы дивились набожности и благочестию государя, который в лютую стужу с непокрытой головой принимал участие в продолжительной церемонии. «Нас более всего удивляло смирение и религиозность такого могучего царя», — писал в своем дневнике Гундулич⁴⁵. Во время церемонии произошел инцидент со шведскими послами, которые не обнажили головы в то время, когда мимо них проносили чудотворные иконы. Патриарх заметил это и послал к ним одного дворянина, который спросил, почему послы проявили неуважение к иконам⁴⁶. Очевидно, уже тогда Никон относился к шведской миссии с предубеждением.

Совсем другое отношение русские власти демонстрировали к имперским послам, которые уже 15 декабря были на приеме у царя. Переговоры вела боярская комиссия, в состав которой вошли А. Н. Трубецкой, Г. С. Куракин, Ю. А. Долгорукий, Б. М. Хитрово и Алмаз Иванов. Приставы сообщили послам, что царь очень обрадовался, узнав, что Аллегрети знает славянский язык и с ним можно общаться без переводчика. После приема Аллегрети удостоился особой чести. Ему было послано от царя блюдо с рыбой (у православных был рождественский пост). Имперские посланники получили еще несколько аудиенций: 17, 19, 20, 24 и 29 декабря⁴⁷.

Во время переговоров было достигнуто согласие о заключении перемирия с Польшей и объявлении войны Швеции. Павел Алеппский писал, что шведы до сих пор вели войну в союзе с царем, помогая ему, но теперь его обуяла жадность, в особенности когда к ним приехал Радзивилл вместе со своим братом и изъявил ему свою покорность. После взятия Варшавы и Кракова прежняя дружба была разорвана. Опасаясь экспансии шведов, император, помнивший разорение времен Тридцатилетней войны, отправил послов к русскому царю. Впоследствии Фердинанд писал в грамоте Алексею Михайловичу: «...как я цесарь народа франкского, так нынче ты показал себя достойным, чтобы я назвал тебя новым цесарем народа православных». Царь был очень обрадован этим новым титулом. Алексей Михайлович на прощальном приеме имперских послов говорил о дружеском расположении к Фердинанду и даже высказал намерение «свидется с императором, чтобы подавить общего врага нашей веры»⁴⁸.

Боярскую комиссию на переговорах возглавлял князь А. Н. Трубецкой. Имперские послы предложили начать с поляками переговоры о мире. На это бояре отвечали, что царские войска готовы к бою, «а без дела держать их убыточно». Бояре спрашивали, окажет ли Фердинанд помощь русским в войне против шведов. Послы отвечали, что у императора наготове двадцать тысяч солдат и он ожидает только результатов переговоров в Москве⁴⁹.

Совершенно другое отношение московское правительство демонстрировало к посольству Бьелке. Первая аудиенция состоялась только 19 декабря, то есть через несколько дней после того, как были приняты имперские посланники. Для переговоров была назначена боярская комиссия во главе с князем Н. И. Одоевским⁵⁰. На одном из приемов приставы говорили шведам, что, по утверждению императорских посланников, шведская политика всегда отличалась своекорыстием: чуть столкнутся два государства, как Швеция непременно ради наживы вмешивается в борьбу⁵¹. Шведские послы протестовали. Этот инцидент ясно показывает, что уже в конце 1655 г. московские власти определили будущие приоритеты внешней политики. Переговоры о подтверждении условий Столбовского мира были обречены на провал.

То, что отношение к шведам изменилось, было вызвано, в частности, и тем, что в Москве стало известно о намерении Карла Густава склонить на свою сторону Богдана Хмельницкого. В ноябре 1655 г. были перехвачены грамоты шведского короля к гетману Хмельницкому и полковнику Золотаренко. В одной из грамот Карл X изъявлял свое благоволение Хмельницкому за его желание «с нами быть в соединенье и промыслять все то, что к нашему лутчему годности подлежит»⁵². Впоследствии шведский король в письмах к запорожскому гетману называл поляков «общими неприятелями» и просил его «дружбу держать» с татарами и другими соседями⁵³. Хмельницкий посылал свои письма королю через греческого игумена. Хотя запорожские казаки и признали власть московского царя, но в войне с Польшей у них были собственные интересы. Реальная международная политика оказалась намного сложнее простой схемы патриарха Никона, разделявшего друзей и врагов по конфессиональному признаку.

В самом начале 1656 г. в канцелярии московских приказов была составлена книга, содержащая росписи «обидным делам», нанесенным шведами начиная с 1622 г. Если учесть, что дьякам понадобился, вероятно, не один день, чтобы составить подробную роспись на 173 листах, то само наличие подобного документа является еще одним красноречивым свидетельством планов московского правительства начать войну со Швецией⁵⁴. «Обидные дела» были оглашены на переговорах с Бьелке. Кроме того, русская сторона во главе с Н. И. Одоевским настаивала

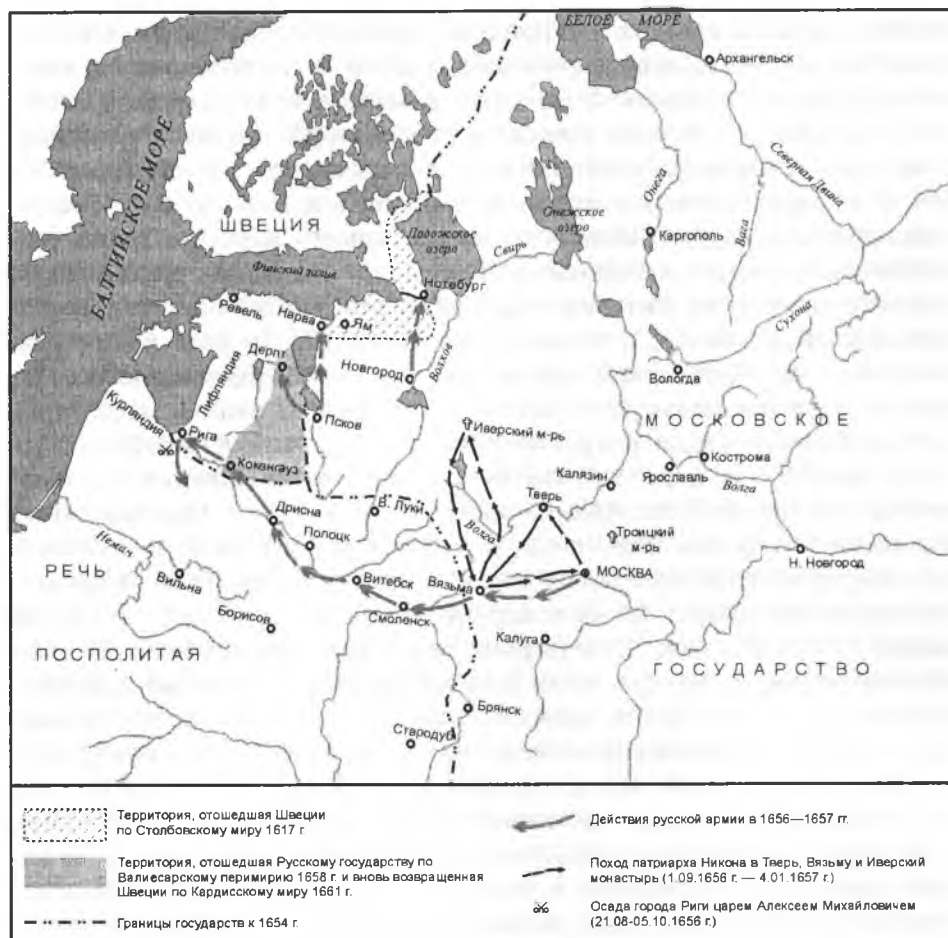
на том, чтобы в договор о подтверждении Столбовского мира были включены новые титулы Алексея Михайловича, которые бы закрепили его завоевания в Польше. Послы возразили, что в Столбовском договоре ничего не говорится о прибавлении титулов, и по-прежнему настаивали на его ратификации. Тогда бояре предложили отложить дело о мире и разобраться сначала с государевой честью, для чего нужно было послать гонца в Швецию. Послы просили отпустить их самих, поскольку ждать возвращения гонца долго, но бояре сказали, что отпустить их «не доверша государственного дела невозможно»⁵⁵. По всему было видно, что переговоры затягиваются намеренно.

После праздника Крещения Господня 6 января, во время которого царь и патриарх принимали участие в обряде водосвятия, Никон отправился в поход в Иверский монастырь и в Новгород. В Москву патриарх вернулся только 2 февраля⁵⁶. «В это время царь готовился к походу против шведов и начал отправлять вещи, снаряды, съестные припасы и тяжести в города Новгород и Псков», — писал Павел Алеппский⁵⁷. В кампании 1656 г. помимо царского войска приняли участие донские казаки. В XVII в., как и в прежние времена, казачье войско сохраняло особый хозяйственный уклад, пользовалось самостоятельностью и независимостью по отношению к Русскому государству. В то же время ограниченность экономической базы и враждебные отношения с мусульманским Крымом заставляли казаков идти на сближение с Москвой⁵⁸. Донцы совершали опустошительные набеги во владения крымского хана, а затем отправлялись в Москву и требовали выплаты жалованья за свои подвиги. Так, в июле 1655 г. казаки вышли в море на своих легких судах, захватили Тамань и устроили там резню⁵⁹. Однако этот набег вызвал раздражение у Хмельницкого, который недавно заключил с ханом мир. Гетман послал царю грамоту, в которой писал, что у запорожцев «с крымским ханом и с татары нынешние осени были бои большие, а после бою с ними помирились на том, что им быть меж себя в дружбе». В свою очередь из Москвы была послана грамота на Дон, чтобы «вашему донскому войску на море не ходить» и с крымцами ссоры не чинить. Донцам было послано 50 пудов «зелья ружного», 50 пудов «зелья пушечного», 50 пудов свинца, 2 тысячи рублей и хлебные запасы⁶⁰.

В 1656 г. русское правительство обернуло военную силу донских казаков против Швеции, используя их навыки мореходов. 25 мая Никон писал царю Алексею Михайловичу «о посылке Донских казаков в полк к Петру Потемкину и о благословении им в Стекольной и в иные места морем»⁶¹. Отряд Потемкина был отправлен в Прибалтику для занятия берегов Финского залива. Во время похода казаки на своих легких судах захватили у острова Котлин шведский «полукорабль»⁶².

Продвижение русских войск в Прибалтику позволило некоторым исследователям сделать вывод о стремлении русского правительства завоевать побережье Балтийского моря с целью развития посреднической торговли с другими странами⁶³. Такая точка зрения представляется необоснованной. В экономическом отношении Россия была слабо развитой страной. Торговые связи с другими странами осуществлялись, как правило, при посредничестве иностранного купечества, которое вполне могло удовлетворить существовавшую потребность в импортных товарах. К тому же отсутствие флота делало бессмысленными попытки Москвы утвердиться на Балтике. По всей видимости, завоевание побережья Финского залива вовсе не было продиктовано меркантильными расчетами.

Переписка шведских послов и генерал-губернатора Ингерманландии с риксдагом и королем Швеции свидетельствует о том, что стремление завоевать Балтийское побережье было вызвано другими причинами. Так, в донесении Густава Эверссона Горна риксдагу от 26 февраля 1656 г. говорилось, что православных крестьян, живших в Ингерманландии, патриарх призывает бежать за границу в Россию и защищать родную землю⁶⁴. Густав Бьелке также связывал агитацию Никона среди населения Ингерманландии с его поездкой в Новгород в январе того же года⁶⁵. 7 марта Бьелке писал королю о религиозном рвении патриарха, который выступает за то, чтобы вторгнуться в Ингерманландию и Кексгольмский лен, чтобы защитить правоверных. В Новгороде он также агитировал среди русских купцов, которые приезжали туда по торговым делам из Нарвы⁶⁶. Густав Эверссон Горн в письме риксдагу от 7 мая утверждал, что патриарх толкает Россию на войну против Швеции⁶⁷. Призывы к русской и греческой общине в Нарве сражаться с иноверцами указывались и в перечне причин начала войны со Швецией⁶⁸. Таким образом, у нас есть все основания признать, что роль Никона в развязывании русско-шведской войны была весьма значительной. Об этом свидетельствуют и более поздние источники. Например, шведский посланник Эберс, посетивший Россию в 1660 г., беседовал с русским купцом Ф. Силиным, который говорил, что в войне России со Швецией «виновен один только патриарх; он выставлял на вид перед царем тяжелое и прискорбное положение православных подданных шведского короля, у которых нет ни духовенства, ни церквей, они терпят сильные преследования; он указал и на то, сколько славных крепостей под властью шведов»⁶⁹. Федор Силин вел торговлю в Новгороде и Колывани. Как видно из писем к нему купца Васьки Кисельникова, Силин поддерживал связь с боярином Б. И. Морозовым. Очевидно, он вел торговые дела царского фаворита и был хорошо осведомлен обо всем, что происходило в Прибалтике⁷⁰. Позднее имперский посол

Русско-шведская война 1656—1658 гг.

Августин Майерберг передал слухи о грядущем оставлении Никоном патриаршества. Он писал, что патриарх «очень уж много давал воли своему жадному до новизны уму, почему и впутал своим опрометчивым советом в шведскую войну Московию, уже замешанную по его настоянию в польскую»⁷¹.

Е. И. Кобзарева полагала, что убежденным сторонником вооруженной борьбы за выход к Балтийскому морю был русский дипломат А. Л. Ордин-Нащокин, которого царь назначил воеводой в Друге⁷². Об этом свидетельствуют косвенные источники. Так, во время приезда в Россию шведского посла Адольфа Эберса в 1660 г. сопровождавший его пристав говорил, что «во всей войне виновен один Нащокин»⁷³. Однако, по всей видимости, роль Ордина-Нащокина, безусловно талант-

ливого государственного деятеля, не стоит переоценивать. Он был представителем выслужившейся бюрократии и не пользовался влиянием в боярских кругах. Например, в августе 1655 г. боярин князь Я. К. Черкасский упрекал рижского губернатора Магнуса Делагарди, с которым Ордин-Нащокин состоял в переписке, что «на листу на твоём, который именован выше сего, подпись к воеводе к Офонасью Нащокину, а не к нам, великого государя нашего царского величества бояром и воеводам, а Офонасей Нащокин великого государя нашего царского величества дворянин рядовой, и генералом и полным воеводою николи не бывал, и то нам к бесчестью»⁷⁴. По всей видимости, в то время Ордин-Нащокин еще не мог оказывать существенного влияния на внешнюю политику страны. Этой прерогативой пользовались могущественные члены Боярской думы и всесильный патриарх.

18 мая 1656 г. царь отправился в поход против Швеции. В конце августа войска Алексея Михайловича осадили Ригу⁷⁵. Одновременно под Вильно начались переговоры о мире между русскими и поляками при посредничестве имперских послов Лорбаха и Аллегрети. Польскую делегацию возглавлял Ян Казимир Красинский, а русскую — боярин князь Н. И. Одоевский. На четвертом заседании, проходившем 24 августа, Одоевский предложил: «Если хотите утвердить мир самый прочный, то этого нельзя достигнуть иначе, как предав забвению все прошедшие дела и дружелюбно принять следующее предложение: так как король Ваш уже в преклонных летах, а потомства не имеет, то почему бы Вам не упросить Его, чтобы он позволил Вам избрать преемником ему Е. В. Царя с сыном его (трехлетним), чтобы он после смерти Е. В. Короля царствовал и соединил в одно оба эти государства»⁷⁶. Это предложение должно было быть вынесено на заседание сейма, на которое царь направлял полномочных послов. В результате переговоров было заключено перемирие. Вопрос о коронации Алексея Михайловича откладывался до решения сейма. Было условлено, что царь останется православным и будет жить где пожелает. Кроме того, хотя в Польше сохранялась римско-католическая вера, униатам разрешалось свободно переходить в православие, а православные уравнивались в правах с католиками. Что касается территориальных споров, то царь не уступил ни Украину, ни казацкие земли, которые добровольно вошли в состав России. «Когда царь будет коронован как польский король, то Швецию, Ливонию и Царьград, пункты, которые царь думает присвоить, уступит короне польской»⁷⁷.

Однако этим далеко идущим планам не суждено было сбыться. Хотя действия русских войск и казаков в Прибалтике были успешными, осада Риги Алексеем Михайловичем окончилась неудачей. Она была снята 31 октября⁷⁸. Уже осенью 1656 г. начались мирные переговоры

со шведами. В 1657 г. Никон писал молдавскому господарю Стефану, что «царское величество в мирный конец со шведы войну привести изволяет». Между тем патриарх все еще вынашивал планы расширения русской экспансии. «Егда же Бог благоволит и время приидет, — писал Никон Стефану, — и его царского величества ратные люди в польских краях будут, тогда и тебе его царское величество не оставит в погибающих, и у его царского величества, яко же во иноязычных государех неправда никогда не бывает»⁷⁹. Итогом переговоров стало Валиесарское перемирие 1658 г., по которому к России отошли завоеванные ею прибалтийские земли, включая Ингерманландию с городами Ям, Копорье, Орешек, Корела, Ивангород, Нарва, Дерпт. Однако закрепить этот успех не удалось. Смерть Карла X в 1660 г. положила конец шведско-польскому противостоянию, которое завершилось подписанием Оливского мира. Речь Посполитая сумела мобилизовать свои силы, которые теперь были направлены против единственного врага — Московского царства. В новой международной обстановке Россия не могла рассчитывать на поддержку Швеции, одновременно предъявляя ей территориальные претензии. По условиям Кардисского мира 1661 г., был восстановлен *status quo ante bellum*⁸⁰. Прибалтийские территории снова отошли Швеции. Внешняя политика России середины XVII в. не основывалась на политическом расчете и не учитывала реальных возможностей государства. Ее основной движущей силой была идея ортодоксальной теократии. Но попытки патриарха Никона создать православную империю от Ливонии до Царьграда были обречены на провал.

Глава 11

Никон и духовенство

Он великий тиран по отношению к архиереям, архимандритам и всему священническому чину.

Павел Алеппский. «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию»

До сих пор мы больше говорили о государственной деятельности Никона, хотя его вряд ли можно назвать государственным деятелем в полном смысле этого слова. Патриарх оказывал влияние на политику, принимал послов, отдавал распоряжения от имени малолетнего царевича Алексея Алексеевича, но все его действия были продиктованы не политическим расчетом, а религиозными представлениями, в которых центральное место занимала идея распространения православия. Осуществляя свои замыслы, Никон опирался на духовенство. Патриарх отправлял в поход с царем церковных иерархов, которые должны были не только молиться о победе над врагами, но и вдохновлять своими проповедями войско, возводить храмы на завоеванных территориях, обращать в православие население присоединенных земель. Однако отношения Никона с духовенством, а особенно с архиереями, складывались непросто.

Как уже говорилось, традиция назначений на архиерейские кафедры была нарушена еще ревнителями благочестия, которые при помощи царского духовника Стефана Вонифатьева добивались назначения на высшие церковные должности близких по духу к ним людей. При Никоне судьба епископов стала зависеть от воли одного патриарха, который сам рукополагал и смещал архиереев, не спрашивая мнения ни царя, ни церковного собора. Рассмотрим, каким образом происходило формирование церковной иерархии начиная с 1652 г.

Вскоре после своего поставления на патриаршество Никон рукоположил в сан двух митрополитов. 8 августа 1652 г. в новгородские митрополиты был поставлен Макарий, бывший иеромонах Казанского Спасского монастыря¹. Ранее Макарий был казначеем казанского митрополита Корнилия, одного из самых влиятельных людей в окружении патриарха. Очевидно, Макарий занял важнейшую архиерейскую кафед-

ру по рекомендации Корнилия. О жизни новгородского митрополита и о его отношении к Никону известно не много. По всей видимости, Макарий сохранял лояльность к патриарху вплоть до своей кончины в 1663 г. Известно, что в Новгороде Макарий выложил церковный помет в Софийском соборе новыми плитами и «выломал грани за иконами у столпов», поставив там местные иконы, но эти новшества не понравились патриарху, и он велел все переделать по-старому. В 1660 г. Макарий вместе с другими иерархами написал письмо царю о действительности проклятия, наложенного Никоном на крутицкого митрополита Питирима. На фоне других отписок письмо Макария наиболее сдержанно. Митрополит ограничился лишь ссылками на церковные правила и в конце сделал робкий вывод, что «запрещение его несправедное и сего ради некрепкое»².

Вторым ставленником Никона был ростовский митрополит Иона, рукоположенный в сан 15 августа 1652 г. Иона был сыном священника. Он принял пострижение в Угличской Воскресенской обители, а в 1646 г. стал настоятелем Ростовского Богоявленского монастыря³. Возможно, именно в Ростове Иону встретил новгородский митрополит Никон, когда проезжал через город во время своего путешествия в Соловецкий монастырь за мощами святого Филиппа⁴. После рукоположения в митрополиты Иона разослал по приходским церквям Окружное послание, в котором наставлял прихожан и священников строго соблюдать церковные правила⁵. Послание выдержано в духе церковного обновления, за которое ратовали ревнители благочестия. По всей видимости, возвышение Ионы объясняется тем, что он разделял взгляды боголюбцев.

В 1653 г. Иона присутствовал на соборе, где разбиралось дело муромского протопопа Логина, в защиту которого выступил Иван Неронов. Митрополит был свидетелем того, как Никон в своих речах оскорбил государя, говоря, что ему царская помощь не надобна, «да таки-де на нее плюю и сморкаю». Иона передал эти речи Неронову, но потом, испугавшись патриаршего гнева, не стал свидетельствовать против Никона на соборе⁶. Этот инцидент характеризует Иону как человека малодушного, готового во всем подчиняться властям. Очевидно, именно такого послушного пастыря и хотел видеть Никон на митрополии в Ростове. Однако впоследствии эта готовность угождать власть предержащим сыграла Никону плохую службу. Когда Иона вместе с другими архиереями послал царю отписку о действительности «клятвы» (то есть проклятия) Никона, наложенной на крутицкого митрополита Питирима, он пустился в пространные рассуждения о неправомерности действий бывшего патриарха. Иона оправдывал Питирима, потому что тот действовал «великого государя повелением и по святым правилом»,

а о Никоне писал: «...сей человек смущаяй землю и потрясаяй царя, и сего ради повержен бысть в горах, яко мертвец»⁷. Однако спустя некоторое время Ионе пришлось пожалеть о своих словах. В 1664 г. Никон неожиданно вернулся из Воскресенского монастыря в Москву и отслужил молебен в Успенском соборе, где в это время находился Иона. Растерявшийся и напуганный митрополит принял у патриарха благословение, за что церковный собор «судихом ево Иону митрополита блюстителем соборных апостольских церквей впредь не быти»⁸.

Пожалуй, единственным архиереем, открыто выступившим против Никона еще до оставления им патриаршего престола, был коломенский епископ Павел. Павел, как и многие боголюбцы, был выходцем из нижегородского края. Он приходился шурином строителю Флорищевой пустыни Илариону, будущему суздальскому митрополиту⁹. Еще до своего поставления в епископы Павел сблизился с Иваном Нероновым. Очевидно, своим возвышением он был обязан протекции казанского протопопа¹⁰. Павел сразу же был назначен игуменом Пафнутьева Боровского монастыря, одной из главнейших обителей России, а еще через год Никон рукоположил его в епископы Коломенские. Это произошло 17 октября 1652 г.¹¹ Павел сменил престарелого епископа Рафаила, который был смещен со своей кафедры. В 1650 г. Рафаил возглавлял делегацию духовенства на переговорах с восставшими псковичами. Очевидно, Никон был недоволен действиями Рафаила и поставил на его место человека, разделявшего взгляды ревнителей благочестия¹².

Возможно, Павел находился под сильным влиянием Неронова. Во всяком случае, после опалы протопопа на церковном соборе 1654 г., принявшем изменения церковных обрядов, он высказал особое мнение о том, как следует класть поклоны в церкви. В подписи к соборному деянию сказано: «Смиренный епископ Павел коломенский и коширский, а что говорил на святем соборе о поклонех и тот устав харатеиной во оправдание положил zde, а другой писмянной»¹³. Мы не знаем, в чем была причина несогласия Павла с одним из соборных решений, но можем предположить, что епископ заступился за Неронова. Во всяком случае, достоверно известно, что он переписывался с протопопом, когда тот находился в ссылке в Спасо-Каменном монастыре¹⁴. Несогласие Павла с решением собора вызвало ярость Никона, который епископа Коломенского «из мантии обнажи жестоце, и на лютая биения и наказания предаде»¹⁵. Старообрядческая традиция сделала из Павла страдальца за старую веру. О коломенском епископе было написано несколько сказаний. Согласно одному из них, Павел был сослан в пределы Великого Новгорода «и тамо повелением всезлобнаго Никона... в срубе бо, зделанном на то, яко агнец испорочен, огненной смерти

немиловито предаша в лето 7164 [1656]»¹⁶. По словам выговского писателя Семена Денисова, Павел был отправлен в заточение в Палеостровский монастырь на Онежском озере, где «священнаго епископа, несвященни в срубе соделанном огненной смерти немиловито предаша»¹⁷. Старообрядческие сочинения, написанные полвека спустя после смерти Павла, очевидно, зафиксировали легендарное предание о смерти епископа. Согласно представлениям старообрядцев, Павел был сожжен в срубе, то есть погиб точно так же, как и многие другие страдальцы за старую веру. Однако массовые преследования раскольников начались только в 80-е гг. XVII в. Патриарх Никон хотя и был настоящим тираном по отношению к архиереям и священническому чину, все же не предал смерти даже самых непримиримых своих врагов. По всей видимости, Павел Коломенский был отправлен в ссылку, где и умер при невыясненных обстоятельствах. О причинах его смерти не знали даже участники церковного собора 1666 г. «Прилучися тому Архиереови изумитися и погибнути бедному кроме вести, от зверей ли снесен или в воду впад утопе, или иным коим обычаем погibe»¹⁸.

Следующим ставленником Никона был Сильвестр, архимандрит московского Богоявленского монастыря. 10 июля 1653 г. он был возведен в сан митрополита Крутицкого на место умершего Серапиона¹⁹. Возможно, поставление произошло накануне или во время заседаний церковного собора, где разбиралось дело протопопа Логина. Сильвестр, как известно, принял сторону Никона и укорял Ивана Неронова за то, что он ссорит их с патриархом. Однако Сильвестру суждено было недолго занимать свою кафедру. Он умер во время чумы 1654 года²⁰. Еще одной жертвой эпидемии стал суздальский архиепископ Софроний, рукоположенный в сан 29 января 1654 г. из архимандритов новгородского Хутынского монастыря. Софрония «не стало» 13 сентября²¹.

16 апреля 1654 г. в тверские архиепископы был поставлен патриарший ризничий Лаврентий²². Прежде Лаврентий был монахом новгородского Вяжицкого монастыря. Там он и повстречался с Никоном. Впоследствии он принимал участие в переносе в Иверский монастырь мощей местночтимого святого Якова Боровицкого²³. В 1655 г. Лаврентий сопровождал Алексея Михайловича во время похода против польского короля Яна Казимира²⁴. 26 июля 1657 г. архиепископ был рукоположен в сан митрополита Казанского на место умершего во время чумы Корнилия, одного из самых активных сторонников Никона, а его кафедру занял Иоасаф, архимандрит столичного Симонова монастыря²⁵. Таким образом, всего за несколько лет простой монах выдвинулся на третью по значению церковную кафедру в России. Хотя впоследствии Лаврентий вместе с другими иерархами принимал участие в деле Никона и суде над ним, все же, в отличие от того же ростовского мит-

рополита Ионы, он сохранил лояльность к бывшему патриарху, которому был обязан своим невероятно быстрым возвышением. Любопытно, что раскольники считали Лаврентия врагом истинной веры. В одном из старообрядческих сочинений говорилось, что митрополит «по смерти восмерде зело, глаголют, яко и всему граду носится зловонию его смрадному, и носы затыкаху людие»²⁶.

Через год после смерти крутицкого митрополита Сильвестра его место занял Питирим, уроженец Суздаля, который в 1650—1654 гг. был настоятелем суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. В 1654 г. Питирим был переведен в Москву, где получил сан архимандрита Новоспасского²⁷. Очевидно, во время эпидемии чумы он оставался в Москве и оберегал царскую казну, которая была доставлена в монастырь по распоряжению патриарха. В 1655 г. Питирим был поставлен в крутицкие митрополиты. В ставленной грамоте сказано, что поставление состоялось 12 августа. Питириму предписывалось «показать послушание и отшед в прилучившуюся ему святейшую митрополию удержати ю со всею областею ея, и вами прилучившимися ей изначала пределы ж и весьми стяжати ж, и вещьми и прочими же праведными достоинства, и наказати и научити сущих в ней христоименитых господних людей всем душеполезным и спасительным...»²⁸. Крутицкий митрополит по своему положению в церковной иерархии занимал четвертое место. Именно он считался местоблюстителем патриаршего престола во время отсутствия патриарха в Москве или в случае его внезапной кончины. В 1656 г. Питирим сопровождал царя Алексея Михайловича в походе под Ригу. Когда царское войско проезжало через Полоцк, царя и его свиту приветствовал панегирическими стихами молодой поэт Симеон, который впоследствии стал одним из крупнейших литераторов своего времени. В орации Симеона Полоцкого были строки, посвященные митрополиту Питириму:

И твое святительство хвалим буди, Питириме,
Освященный митрополите всегда и ныне,
Яже на сей войне всячески потрудился еси,
Всегда утверждая воинство сладкими словесы,
Дабы несумненно шли воевати за веру,
Ты же о сем приносил всегда святую оферу²⁹.

По словам поэта, деятельность Питирима во время похода заключалась в проповеди православного вероучения. Через год после возвращения из похода Питирим был переведен во вновь учрежденную Белгородскую епархию³⁰. Правда, он так и не отправился на новое место. Во всяком случае, 7 февраля 1658 г. Питирим служил литургию в Успенском соборе еще в сане митрополита Крутицкого³¹.

По мнению американского историка Г. Михельса, Питирим оказывал покровительство Ивану Неронову, когда тот появился в Москве в 1657 г.³² Это предположение основано на косвенных источниках и едва ли заслуживает доверия. Оказывать покровительство Неронову мог только решительный и волевой человек, к каковым ни в коей мере нельзя причислить Питирима. Случай, произошедший с митрополитом уже после оставления Никоном патриаршего престола, проливает свет на некоторые черты его характера.

После ухода из Москвы Никон никого не оставил на своем месте, поэтому «правление патриаршеския власти» царь вверил Питириму в соответствии с его саном³³. В 1659 г. митрополит совершил обряд «шествова на осляти» в неделю ваий (то есть в Вербное воскресенье), который по обычаю мог совершать только патриарх. В этом поступке Никон усмотрел нарушение церковных канонов и наложил проклятие на Питирима. Нападки на крутицкого митрополита были использованы противниками патриарха, с тем чтобы привлечь его к суду. В 1662 г. от имени царя нескольким архиереям были направлены грамоты с вопросом о действенности Никоновых проклятий. В ответ государю было послано несколько отписок³⁴. Питирим послал челобитную Алексею Михайловичу с жалобой на наложенные на него клятвы. Хотя текст челобитной проникнут уничижительными формулами, характерными для средневековой русской литературной традиции, в нем просматривается и личное отношение Питирима к происходящему. Митрополит тяготился неопределенностью своего положения. Он писал, что в свое время со слезами молил Никона, «да не оставляет патриаршеския власти», а теперь просил царя «правилнаго и праведнаго соборнаго суда». «Сам же судия не хочу быти, ниже инако како себе прельщая, яко не касается мне оная клятва, но усердно к собору да приступаю и с душевным смирением и сокрушением сердца разрешения ищу...»³⁵ По всей видимости, смиренность Питирима не была показной. Он был готов отдать себя на суд церковных властей, при этом проявляя нерешительность и безынициативность. Вероятно, эти качества послушного исполнителя импонировали не только Никону, но и царю Алексею Михайловичу. В 1664 г. Питирим был переведен в Новгородскую митрополию, а в 1672 г., уже после осуждения и ссылки Никона, он был рукоположен в патриархи Московские. Правда, владыка недолго держал в руках патриарший посох: он умер в апреле 1673 г.

Пожалуй, самым известным ставленником Никона был коломенский епископ Александр, уроженец Сольвычегодска. Приняв постриг в Николо-Коряжемском монастыре, Александр стал его игуменом в 1643 г. В 1651 г. он получил сан архимандрита Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере около Вологды³⁶, куда в августе 1653 г. был сослан

Иван Неронов. Сначала архимандрит принял опального протопопа очень хорошо, «глаголя, яко страдалца видети господи сподоби мя Бог древняго, — даруя тому честь, и выше келаря поставляя его в церкви, новый войлок подложив тому под ноги; и в келии жити повелевая со отцем его духовным... и слугу ему дал для чести, и ис поварни прибавочныя ествы приносить к нему повелевая...»³⁷. Постепенно под влиянием Неронова Александр стал заводить в обители новые порядки. Протопоп упросил архимандрита ввести в монастыре и в округе единогогласное пение. Он укорял Александра, что монастырские старцы пьют по деревням, а он их не унимает, что в церкви певчие поют «неисправно», а он только смеется. Поначалу архимандрит слушался Неронова и следовал его советам, но вскоре наставления протопопа стали вызывать у него, да и у всей братии, крайнее раздражение. Из окрестных сел приходили в монастырь боголюбцы и говорили, что как приехал протопоп Иван, «так-де и пение стало большое, и свечам-де большой расход». В конце концов терпению архимандрита пришел конец. Однажды Александр в гнев набросился на Неронова, «ем его за власы, по трапезе влачаше и рукама по щекам бияше время до-вольно». В результате по извету архимандрита 1 июля 1654 г. протопоп Иван был «сослан за оток окияна моря, в Кандоложской монастырь»³⁸.

Донос на Неронова, безусловно, сыграл важную роль в судьбе Александра. 3 июля 1655 г. архимандрит был рукоположен в епископы Коломенские, на место лишнего сана Павла³⁹. Большинство исследователей считают, что Александр был близок к старообрядческой среде. Например, Н. Ю. Бубнов писал, что, «разобравшись в сущности церковной реформы, детально исследовав «исправления» богослужебных текстов, Александр постепенно пришел к неприятию реформы и сблизился со сторонниками старообрядческой культурной ориентации»⁴⁰. В самом деле, Александр оказывал покровительство игумену Златоустовского монастыря Феокисту, который собрал большой архив писем и сочинений первых расколуучителей. Однако, по наблюдениям Г. Михельса, неприязнь к Никону со стороны епископа была вызвана не разногласиями по церковным вопросам, а обстоятельствами, связанными с учреждением новой Вятской епархии⁴¹.

Как отмечает историк, до рукоположения в сан епископа Вятского 5 декабря 1657 г. Александр был абсолютно лоялен к патриарху и его церковной реформе. Вместе с Никоном он отправлял богослужения в Успенском соборе, в 1656 г. он присутствовал на соборе, предавшем анафеме Ивана Неронова, но после того как патриарх упразднил Коломенскую епархию, присоединив ее к своим владениям, и создал вместо нее Вятскую, назначив туда Александра, от прежней лояльности не осталось и следа. Александр превратился в ярого противника патриарха.

Причины такой метаморфозы понять нетрудно. Из богатой коломенской епископии он был отправлен в богом забытый край, фактически в ссылку, где ему пришлось жить в Успенском Трифоновом монастыре, так как в городе еще не было архиерейского дома. Игумен Феокист писал в послании к боярыне Морозовой, что «епископу Александру келейной покой нужен зело нестроения ради епископии; а домовые его приказные и всяких чинов люди живут у посадских людей по подворьям; а месяц поживши, или два, на другой двор переходят по нужди, что градские люди в Хлынове грубы и самочинны, з бесчестьем ссылают епископлих людей з дворов: потому что епископия тут ново, а епископлим людем под дворы места не отведено, и чем им дворишка построить государьской милости нету; а на Коломне дворы их взяты на патриарха»⁴².

Неудивительно, что в своей отписке по поводу правомерности клятвы Никона, наложенной на митрополита Питирима, Александр не сдерживал эмоций. Он не просто высказывался по вопросу о проклятии патриарха, но и обвинял Никона. Он писал, что оставление патриархом архиерейского престола «не бысть правилно, но дерзостно и самоволно», что Никон «люте нападая на братию свою, и страдати многим устроил, и умиленне плакати, яко ж и блаженного Павла, епископа коломенского, по многих томлениях и несказанных ругательств до смерти муча». По мнению Александра, Никон действовал не по церковным правилам: «Отверже бо от себя страх и отгна пресвятаго и животворящаго духа благодать. Сего ради предаде его бог...»⁴³ Следует помнить, что эти слова были написаны всего через два года после ухода Никона с патриаршества.

Впоследствии Никона обвиняли в том, что он разорил Коломенскую епархию и присоединил ее владения к Воскресенскому монастырю, но патриарх считал свои действия оправданными и возражал, что вместо Коломенской он создал Вятскую епископию, а в этом случае «несть разорение, но строение». Так, в соборном постановлении говорилось, что Вятка «отстоящи от царствующаго града Москвы многим разстоянием, и есть оныя страна грады и места имущи многочеловечны и сего ради требует своего ей пастыря...»⁴⁴. Сам Никон так оценивал свои действия: «Епископия Коломенская прилежит патриарши области по близу сущи: земля же Вятская и Великопермская отстоит болши полуторых тысяч верст, и есть место немалое, и людей множество. К ним и прилежат страны язык немало, и есть тамо немало останок языческих обычаев, неции, иже глаголют, и идолопоклоннических останков останцы есть. И сего ради по совету с великим государем царем и великим князем Алексием Михайловичем всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержцем, таковое дело соделано, а не для Воскресенскаго монасты-

ря... А то дело сделано к божественной славе и Божиим людем ко спасению, что епископия преведена в далнее и многочеловечное место»⁴⁵.

История вятского епископа Александра являет собой наиболее яркий пример отношения Никона к архиереям, которых он назначал и сменял по своему усмотрению. Как писал Павел Алеппский, «Никон возвысился над положением иерарха и стал ведать государственные дела, и все начали его бояться. Тогда как [прежде] всякий архимандрит поставлялся и сменялся только по приказанию царя, патриарх Никон уничтожил этот закон: стал ставить и сменять их без спроса»⁴⁶. Своеволие Никона проявилось при назначении епископов Суздальской епархии.

После смерти престарелого архиепископа Серапиона на его место 29 января 1654 г. был поставлен хутынский архимандрит Софроний, который, как уже говорилось, умер несколько месяцев спустя во время морового поветрия. В 1655 г. суздальскую кафедру занял ризничий Саввина Сторожевского монастыря Иосиф. Всего через год он неожиданно был уволен и отправлен в ссылку в Казань⁴⁷. 10 августа 1656 г. его сменил инок Саввина Сторожевского монастыря Филарет, который в 1657 г. был переведен на новую кафедру в Смоленск⁴⁸. Назначение в Смоленск было равносильно назначению в Вятку. Вряд ли Филарет с большим желанием покидал доходную суздальскую епископию и уезжал в разоренный войной город, где ему пришлось жить в окружении враждебно настроенных католиков и униатов. Вместо Филарета в суздальские архиепископы был поставлен Стефан, архимандрит основанного Никон-ом Воскресенского монастыря. Поставление состоялось 18 октября 1657 г., после освящения Воскресенского храма. Очевидно, Стефан принадлежал к ближайшему окружению патриарха, раз был назначен первым настоятелем любимого детища Никона, обители, получившей название Новый Иерусалим. Уже после ухода Никона с патриаршества Стефан был обвинен духовенством своей епархии в нарушении церковных правил, за что был лишен сана. Характерно, что розыск по делу Стефана вел вятский епископ Александр, ставший к тому времени непримиримым врагом Никона⁴⁹.

Еще одним ставленником Никона в Белоруссии был полоцкий епископ Каллист. В 1655—1657 гг. он был настоятелем Маркова Витебского монастыря⁵⁰. 8 марта 1657 г. «было поставление во град Полоцк во епископы из Витепска наместнику Каллисту»⁵¹. Каллист должен был заботиться о православном населении Белоруссии, которое терпело притеснения от католиков и униатов. Как писал царю воевода В. П. Шереметев, «в городе, государь, Витепске, которые благочестивые церкви были, и те осквернены и учинены унеями, а иные костелы; а благочестивые христианские церкви и священников нет и православным христианом

приходить к божественному пению негде»⁵². В июне 1657 г. Каллист приехал в Полоцк. Первым делом он издал указ священникам, в том числе и униатским, нести к нему ставленные грамоты для подтверждения и исправления⁵³. В Полоцке Каллисту пришлось столкнуться с противодействием католического духовенства. В своем послании на имя Никона в июле 1658 г. епископ жаловался, что в Полоцке польские ксендзы «учали было свою римскую веру утверждать... ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкой уезд и в ыные государевы города и в уезды и втай меня, богомолца твоего, с шляхтою приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают и тех наговаривают и под утверждают, чтоб мало потерпели покамест в Полше справятца...»⁵⁴. Вероятно, Каллист также был недоволен своим назначением. В 1662 г. он написал царю отписку о действе митрополита Питирима в неделю ваий, в которой пускался в пристрастные и вызывающие рассуждения о Никоне: «Такоже вопрошу святейшаго Никона, какое есть правило, соизволяющее действо Ваия совершати преосвященному Макарию, митрополиту Новгородскому, запрещающее же преосвященному Питириму Сарскому и Подонскому, разве нелюбовь некая... Убо не подобающе святейшему Никону, самому за свою досаду месть воздати хотящу, противу правил святых отец судию себе и местника творити; никому же бо самого себе отмстити подобает, паче же на соборе суда подобаше взыскати о своей досаде»⁵⁵.

Жизнь архиереев в отдаленных епархиях была сопряжена с немалыми трудностями. Мало того что она не приносила ощутимого дохода, она еще могла обернуться столкновениями со светскими властями. Яркий пример тому — история архиепископа Сибирского Симеона, рукоположенного в сан еще в 1651 г. Когда Симеон прибыл в Тобольск, он обнаружил, что архиерейский дом находится в крайнем запустении. Архиепископ даже «не нашел никакой посуды ни в кельях, ни в поварне и нечем было воды зачерпнуть, а денег в казне не осталось ни одной деньги»⁵⁶. Плачевное положение архиерейского дома было следствием казнокрадства софийского дьяка Ивана Мильзина, по прозвищу Струна. Струна был племянником прежнего архиепископа Герасима Кремлева и фактически управлял делами епархии. О бесчинствах Струны писал в своем Житии протопоп Аввакум: «Владыка съехал к Москве, а он [Струна] без нево научением бесовским и кознями напал на меня. Церкви моя дьяка Антония захотел мучить напрасно. Он же, Антон, утече от него и прибежал ко мне во церковь. Иван же Струна собрався с людьми во ин день, прииде ко мне во церковь, а я пою вечерню, и, вскоча во церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду... Сродники же ево, попы и чернцы, весь град возмутили, како бы меня погубить. И в полнощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя

меня взяв в воду свести. И Божиим страхом отгнани быша и вспять побегоша. Мучился я, от них бегаючи, с месяц»⁵⁷. О Симеоне Аввакум писал, что он «тогда добр был, а ныне учинился отступник».

В Тобольске архиепископ столкнулся с произволом воевод И. А. Хилкова и А. И. Буйносова-Ростовского, которые не только вмешивались в духовные дела, но и проявляли крайнее непочтение к епископскому сану. Так, Буйносов якобы говорил: «Я-де бивал не только архиепископских людей — и патриарших, и митрополичьих, и никто-де мне ничего не сделал! А вашему-де архиепископу и самому из головы мозг вышибу»⁵⁸. Воевода требовал, чтобы Симеон ведал только церкви, а не город, и уведомлял его памятью о каждом духовном деле.

Симеона не могло устроить такое положение. Он стал писать челобитные в Москву на воеводу. Воевода ответил тем же. В конце концов, в 1657 г. Симеон по доносу «был от государя патриарха в запрещенье год 4 месяца — божественныя литургии не служил». Уже после ухода Никона с патриаршества Симеон самовольно поехал в столицу и стал бить челом о своих делах. Архиепископ покинул Тобольск без государственного указа, что считалось серьезным преступлением. В Москве Симеон выслушал от царя «гневное слово» и подал в свою защиту оправдательные статьи, в которых, в частности, писал: «И мне де от боярского гонения неведомо где стало жить, и для многих церковных вин и ныне доложить стало неково: патриарха на Москве нет! ... Да яж-де, богомолец твой, исперва был кроток и смирен, и того дня жил в монастыре, и себе единому внимал и ни до ково дела мне не было. А ныне, великий государь, молчаливым и кротким быть не в меру, и того же нрава и устройства держатися нельзя, потому что положено на нас бремя великое...»⁵⁹

Как уже говорилось, Симеон был поставлен в сибирскую архиепископию еще при Стефане Вонифатьеве, как один из сторонников ревнителей благочестия. К боголюбцам примыкал и рязанский архиепископ Мисаил, проявивший необычайное рвение в искоренении язычества среди инородцев. В конце концов, Мисаил был убит мордвой в Шацком уезде в 1654 г. В 1657 г. на его место был поставлен Иларион. По свидетельству старообрядческого писателя дьякона Федора, Иларион был попом в селе Лысково, но, овдовев, постригся в монахи в Макарьевом Желтоводском монастыре, то есть там же, где в свое время постигал премудрости Божественного Писания Никита Минов. В 1656 г. Иларион был поставлен игуменом Печерского монастыря в Нижнем Новгороде, а 26 апреля 1657 г. стал архиепископом Рязанским⁶⁰. Иларион известен как один из поборников церковной реформы патриарха. Он играл одну из ведущих ролей на соборе 1667 г., наложившем клятвы на старообрядцев. Однако на том же соборе вместе с митрополитом

Павлом Крутицким Иларион отказался подписать постановление, из-за несогласия с формулировской о превосходстве царской власти над патриаршей. Впоследствии обоим иерархам пришлось просить прощения у царя за свою дерзость⁶¹. В 1662 г. Иларион вместе с другими архиереями подал царю отписку о недействительности клятвы Никона, наложенной на крутицкого митрополита Питирима. Иларион писал, что клятва «противна божественных писаний», но в то же время избегал резких выражений в адрес патриарха, лишь слегка укоряя его в том, что он «отступи своего престола и власти, и тою же силою паки хочет на других епископов, имущих своя престолы, власть имети»⁶².

На соборе 1666 г., осудившем Никона, ни один епископ, рукоположенный патриархом, не встал на его защиту. Некоторые архиереи сохраняли видимую лояльность к бывшему владыке, но другие, как, например, Александр Вятский, превратились в его заклятых врагов. Получив сан благодаря Никону, они не могли простить ему унижений, безмерных стяжаний и ссылки в отдаленные епархии.

О стяжаниях Никона нужно сказать особо. При нем и без того богатая патриаршая область стала еще богаче. Основанные Никоном монастыри — Иверский, Крестный и Воскресенский — приобрели колоссальные владения за счет приписок к ним более мелких обителей. Так, патриарх «взял к себе тверския епархии монастыри и vele приписать ко Иверскому монастырю. На Твери на посаде Федоровской монастырь с вотчинами, да тверския же епархии взял к Воскресенскому монастырю в Клине Успенской монастырь с вотчинами, Николы чудотворца Страганской монастырь с вотчинами, Дудин монастырь с вотчинами, Зосимин монастырь с вотчинами», в Бежецкой пятине — Боровицкий монастырь, в Торжке — Рождественский, в Новоторжском уезде — 30 церквей приходских, в Старой Руссе — Спасский монастырь, в Полоцкой епархии — Богоявленский монастырь и т. д. Всего 12 монастырей и 45 приходских церквей⁶³. В 1653 г. во владения патриарха отошел учюг Комызяк в казанском крае, со всеми угодьями, «безпошлинно, ввек не подвижно». В 1657 г. только что основанному Крестному монастырю были пожалованы волости в Каргопольском и Турчасовском уездах, рыбные ловли на реках Поное и Лахте⁶⁴.

Самым внушительным приобретением Никона была приписанная к патриаршей области Коломенская епархия. Ее владения отошли к Воскресенскому монастырю. Впоследствии патриарх писал, что «еще в то время и початку Воскресенскаго монастыря не было»⁶⁵. Однако он погрешил против истины. Земли под строительство монастыря были пожалованы Никону в 1656 г., а 18 октября 1657 г. в обители состоялось освящение Воскресенской церкви в присутствии царя Алексея Михайловича⁶⁶. Любопытно, что в это же время и состоялся церковный собор,

упразднивший Коломенскую епархию. Первоначально доходы Коломенской епископии были взяты на государя. «И после того государь пожаловал во свое государево богомолие, в Воскресенской монастырь».

Как писал дьякон Павел Алеппский, патриарх был истинный «тиран по отношению к архиереям, архимандритам и всему священническому чину»⁶⁷. Особенно страдало от своеволия владыки белое духовенство. При поставлении священнику приходилось нести большие расходы. Когда просители являлись к патриарху, Никон обходил их с какой-нибудь книгой и заставлял читать. Тем, кто читал хорошо он делал помету на прошении «достоин», а тех, кто читал плохо, прогонял. Провинившиеся в чем-нибудь священники или монахи подвергались суровому наказанию. Павел Алеппский отметил: «Если кто из настоятелей монастыре или важных священников совершит проступок, тот, будучи заключен в оковы, должен просевать муку ночью и днем при пекарне, пока не отбудет срок наказания; нам случалось видеть их в таком положении... В прежние времена сибирские монастыри были пусты, но Никон в свое управление переполнил их злополучными настоятелями монастырей, священниками и монахами». Не прибавили популярности Никону и меры по борьбе с пьянством: «Прослышав о чьем-нибудь проступке, даже об опьянении, он немедленно того заточает, ибо его стрельцы постоянно рыщут по городу, и как только увидят священника или монаха пьяным, сажают его в тюрьму, подвергая всяческому унижению»⁶⁸.

В конце концов, в 1657 г. духовенство написало царю челобитную с жалобами на притеснения Никона⁶⁹. Однако никто не отважился вручить ее государю, поэтому ее спрятали в Благовещенском соборе Московского Кремля, где она и была обнаружена. Текст челобитной писали подьячие Большого прихода Афанасий Мартынов и Трофим Кириллов, однако за ними, вероятно, стояли представители духовенства, которые были людьми образованными, хорошо знавшими порядки на патриаршем дворе⁷⁰. Челобитчики жаловались на притеснения, которые Никон чинил духовенству, а также полемизировали по поводу исправления богослужебных книг.

Патриарх завел новые порядки, по которым священникам велено было «привозить отписки от десятильников и от поповских старост, где хто в коеи десятне живет, и за тою отпискою проедет недели по две, и по три, и по четыре, да харчю станет рубль денег, а иному станет рубля и два, да с тою отпискою к Москве приехав, ково изволит поставить в попы и ставленики, те живут недель по пятнатцать и по дватцать, и по тритцати, а становятца поповство рублев по пяти и по шти, опроче своего харчю, а дают посулы архидьяку и дьяком. А иные жувут от Москвы верст за пятьсот и за шестьсот, и за семсот, а иное воло-

чатся на Москве недель десять и болши, да отошлет ставитца в Казань... А по вся дни ожидают, а ждут часу до пятого и до шестого ночи зимнею порою, да не к мочи терпеть побредет на подворье где хто стоит, и тои да ночью и пропадет безвестно, и нынешнюю зимою много пропало безвестно ставлеников, а нигде на патриархове дворе пущать не велено, а при прежних патриарсах государех светителях кроме Иосифа патриарха ставленики все ночевали в хлебне, а при Иасафе патриархе зимнею порою ставленики все дожидались в крестовой, а начевали все в хлебне безденежно, а ныне праведным царю не то что в хлебню ставленика пустить и в сенех не велят стоять живот свои мучат зимнею порою, ожидаючи слушая до часу до пятого и до шестого ночи на крыльце...». При прежних святителях в Казенный приказ можно было приходить в любое время, а ныне «строено подобно адову подписанию страшно приблизиться, и ко вратом понеже бо едины врата, и те безпрестанно заперты». Особенно возмущал челобитчиков произвол патриарших дьяков, среди которых больше всего злоупотреблял своим положением Иван Кокошилов: «...было у патриарха приказано в казне Ивану Кокошилову и перехожие имывали и людем, государь, ево роздачи кому годитца, что кому полтина станет, а многих, государь, по рублю стонавливалось, а им, государь, рублей по пяти и по шести денгами опроче гостинцов меду и рыбы, да еще б, государь, рыба была живая, да жен ево переносят гостинцов мылом и ягодами на рубль и болши...» Никон велел переписать патриаршую область, обложил духовенство непомерными налогами, «да в окладе же, государь, велел положить и поповы двory и всяких церковных причетников и нищих, которые живут на церковной земле питаютца милостынею, а оклад с попова двора по осми денег, з дьяконова — полтину, з дьячкова и пономарева и с просвирнина — по грошу, с нищеского — по две денги. Без твоего государева жалования земли и сенных покосов обложены с четверти земли по шти денег, с сена с копны по две денги, а в ыных, государь, местех сена и кошено, да копны по две денги не купят, увы, увы... А которые, государь, в твоем государстве иноземцы и они многие видя и слыша таковая удивляютца, а иные и плачут, что тако обещестен чин церковнаго причета...». Челобитчики призывали царя больше внимания уделять внутренним делам, а не только внешней политике: «Указал ты, государь свет, и повелел снитися влаstem в свои царствующии град: прослутием слышитца, что быти собору, а сам хочещи изыти на брань, и прежде бы тебе, свету, подобало призрети на святые церкви и управитися з домашними враги»⁷¹.

Духовенство было возмущено тем, что патриарха больше волновали дела государства, а не церкви. Как уже говорилось, Никон лично наблюдал за снабжением армии, брал на государеву службу людей из мона-

стырских и митрополичьих вотчин, посылал на войну провиант, подводы, лошадей и даже оружие⁷². Например, в марте 1656 г. в Вологду архиепископу Маркелу была послана патриаршая грамота, в которой предписывалось изготовить в монастырях «топорки и бердыши... а велено топорки и бердыши делать с образцов, ни болши, ни менши, весом бы были таковы ж, а делать в железе и в укладе добром... а велеть топорки и бердыши делать тотчас, безо всякого мотчанья»⁷³. Челобитчики писали: «Видеш ли, свете премилостивый, что он возлюбил стояти высоко, ездити широко... Сеи же святитель прият власть строить вместо Евангелия бердыши, вместо креста топорки тебе на помощь на бранные потребы, аще бы у тебе, света, такое дело не было кому строить...»⁷⁴

Как следует из предисловия к челобитной, она была обнаружена «у Благовещения Пресвятые Богородицы в паперти» в 1668 г. Однако, по всей видимости, челобитная была составлена в нескольких списках. Дело в том, что более ранние иностранные источники довольно точно передают обстоятельства ее обнаружения. Всего через месяц после оставления Никоном патриаршества в шведском почтовом листке, прообразе будущей газеты, было опубликовано донесение, посланное из Нарвы 9 августа 1658 г., в котором излагались причины падения патриарха: «Дело с патриархом дошло до того, что простые люди, долго бывшие недовольными его действиями, написали царю прошение, в котором называли патриарха еретиком, содомитом и возмутителем спокойствия, исказившим религию, древние церковные одежды и обряды, и скорбно просили нового патриарха, благочестивого и истинного христианина. Но поскольку никто не решался передать прошение, то его положили в такое место, где оно попало в руки патриарха, который впал в сильный гнев и пришел к царю, требуя тотчас сыскать авторов, используя пытки и прочие подобные средства. Царь, напротив, сказал, что в этом деле надо разобраться, но подойти к нему со всей осторожностью, чтобы не вызвать бунта. Патриарх, будучи этим недоволен, тотчас собрался и отправился из Москвы. Царь попытался через князя Трубецкого и еще одного знатного господина отговорить его, но поскольку это не помогло, то он послал несколько сот стрельцов привезти его обратно и содержать под стражей, в то время как московское духовенство обязали расследовать это дело. Никто не верил, что он легко отделается, ибо вся страна ненавидела его»⁷⁵.

Эти слова как будто подводят итог патриаршеству Никона, столь блестяще начавшемуся и столь бесславно закончившемуся. Однако могущество Никона никогда бы не было поколеблено, если бы он не лишился поддержки светской власти, и в первую очередь царя Алексея Михайловича. Об этом мы расскажем в следующей главе.

Глава 12

Никон и власти

А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, оттрясите прах от ног ваших...

Евангелие от Матфея. 10:14

Как уже говорилось, при поставлении на патриаршество Никон пользовался широкой поддержкой как среди духовенства, так и светских властей. В боярской среде не было оппозиции, которая пыталась бы помешать рукоположению Никона или противопоставить ему другую кандидатуру. Единственным представителем боярства, который имел все основания не любить Никона, был князь Иван Никитич Хованский, сопровождавший будущего патриарха в его поездке на Соловки за мощами митрополита Филиппа. Однако, несмотря на то, что Хованский принадлежал к знатному роду, он не пользовался влиянием в боярской среде. Жалобы князя на притеснения Никона не имели для владыки никаких последствий и не вызвали сочувствия в окружении молодого царя¹. Тем не менее в дальнейшем отношения Никона с боярской аристократией приобрели драматический характер.

По мнению некоторых историков, именно противостояние с боярством стало причиной удаления Никона с патриаршества. Например, Н. Гиббенет писал, что «первою причиною к охлаждению дружбы царя с патриархом были козни бояр против Никона, что бояре вооружили царя против друга — патриарха»². Один из ярких представителей церковной историографии, профессор М. В. Зызыкин, принадлежавший к числу апологетов Никона, в своем исследовании прямо противопоставлял прогрессивного патриарха консервативному боярству³. О. Е. Кошелева посвятила специальную статью взаимоотношениям Никона с боярской аристократией, где высказала мысль, что патриарх пытался поставить боярство в зависимость от церковной власти. В результате такой политики против Никона выступила «влиятельная группа бояр, сумевшая склонить на свою сторону и царя»⁴. Исследовательница рассмотрела широкий круг вопросов, в том числе отношения Никона с могущественными представителями боярских кланов. Среди противников патриарха она называет А. Н. Трубецкого, Н. И. Одоевского, П. М. Сал-

тыкова, Ю. А. Долгорукого, Б. М. Хитрово, окольного Р. Стрешнева, дьяков А. Иванова и Л. Голосова. Все эти люди так или иначе были связаны с делом Никона, возникшим в результате его ухода с патриаршества в 1658 г. Таким образом, за шесть лет пребывания Никона у власти его отношения с боярами коренным образом изменились, и произошло это не столько из-за властного характера патриарха, сколько из-за того, что в этот период значительно изменились лицо и характер Боярской думы. Разумеется, в данном случае речь идет не о каких-то структурных изменениях, а о перегруппировке сил в боярской среде.

Боярская дума играла исключительно важную роль в системе государственного управления. На заседаниях Думы принимались все ответственные решения. Известно, что царь Алексей Михайлович тщательно готовился к этим заседаниям и заранее обдумывал те вопросы, которые он предполагал обсудить с боярами⁵. Дума обладала законодательными, исполнительными и судебными функциями. Решения Думы, появлявшиеся в форме указов с формулой «бояре приговорили», касались важнейших вопросов государственной политики⁶. В первые годы царствования Алексея Михайловича деятельность Думы была особенно активна. За период с 1645 по 1649 год был издан 41 указ, 17 из которых были «боярскими приговорами»⁷. В последующие годы число боярских приговоров в общей массе указов заметно уменьшилось. Так, из 140 указов, изданных за время патриаршества Никона, только 13 содержали формулу «бояре приговорили», 4 исходили лично от патриарха, а 123 были именными⁸. К именным указам относились жалованные грамоты монастырям и отдельным лицам, грамоты и памяти воеводам, земельные и денежные пожалования за службу, указы по судебным делам, в основном о разрешении местнических споров, приказы по армии. Вместе с тем «боярские приговоры» касались всех без исключения международных дел, торговли и таможенных правил, а также вопросов об оказании военной помощи казакам Б. Хмельницкого, рассматривавшихся на Земском соборе 1653 г.

Члены Боярской думы осуществляли управление страной и исполняли судебные функции через систему приказов. Некоторые из них возглавляли сразу два или несколько приказов. Например, царский тесть И. Д. Милославский в 1652–1658 гг. одновременно был главой Иноземского, Казенного, Стрелецкого, Ямского приказов, а также приказа Большой Казны⁹. Князь А. Н. Трубецкой возглавлял Сибирский приказ¹⁰. Сыскной приказ в 1652–1656 гг. возглавлял князь Ю. А. Долгорукий, которого на этом посту сменил думный дворянин Ю. А. Прончищев¹¹. Большое влияние в приказной администрации имел окольный Б. М. Хитрово, который в 1652–1655 гг. возглавлял Земский двор, ведавший сбором налогов и пошлин в пределах Москвы и выполнявший функции

полицейского управления столицы. Кроме того, Хитрово ведал и приказ Новой Четверти, куда поступали питейные сборы, а с 1654 г. он также возглавил Оружейный приказ, сменив на этом посту Г. Г. Пушкина¹². В 1657—1658 гг. среди приказных судей появляются Стрешневы, влияние которых в это время начинает возрастать. 8 марта 1657 г. Родион Матвеевич Стрешнев возглавил Большой приход, а 17 апреля того же года Иван Федорович Стрешнев стал судьей Монастырского приказа, где разбирались судебные дела духовных лиц. Нужно сказать, что в первые годы патриаршества Никона среди управляющих Монастырским приказом были и представители духовенства: чудовский архимандрит Ферапонт, новоспасский старец Пафнутий Еропкин и сретенский протопоп Петр, но при И. Ф. Стрешневе все они были отстранены от управления¹³.

В конце 1654 или в начале 1655 г. был учрежден приказ Тайных дел, который являлся личной канцелярией царя. Первоначально он возник как отделение приказа Большого Дворца, где было сосредоточено управление дворцовым хозяйством. Большой Дворец возглавлял боярин В. В. Бутурлин. Среди дьяков этого приказа был Дементий Башмаков, которому и было поручено возглавить приказ Тайных дел¹⁴. Учреждение приказа не означало реформы приказного управления, оно лишь отвечало особенностям личности царя, который хотел поставить некоторые государственные дела под свой личный контроль. Компетенция приказа была довольно широкой. Он ведал дворцовыми землями, делами Саввина Сторожевского монастыря, находившегося под покровительством государя, а также перепиской Алексея Михайловича. «Тайные» дьяки присутствовали на дипломатических приемах, объявляли государю иностранных послов¹⁵. В 1657 г. Дементий Башмаков даже участвовал в церемониях поставления на архиерейскую кафедру тверского архиепископа Иосифа и казанского митрополита Лаврентия и водил под ними «осля»¹⁶.

В источниках нет никаких упоминаний о том, что Никон присутствовал на заседаниях Думы или каким-то образом оказывал влияние на ее работу. Очевидно, патриарх и не стремился к этому. В его ведении находились патриаршие приказы — Дворцовый, Казенный и Разрядный, созданные еще Филаретом и ведавшие делами духовенства в огромной патриаршей области. Кроме того, патриарха окружал целый штат придворных, «множество бояр, из коих большую часть он делает теперь правителями (областей), каков, например, воевода Путивля и другие, из них же бывают уполномоченные, казначеи и келари для всяких дел, одни надзирают за казнохранилищем, другие над патриаршим домом, иные над доходами, иные над расходами»¹⁷. Так писал в своей книге греческий дьякон Павел Алеппский.

В 1652—1658 гг. во главе патриарших приказов стоял Борис Иванович Неледенский, любимец Никона и начальник его охраны. Вместе

с ним в приказах сидели дьяки Иван Кокошилов и Лукьян Голосов. Последний, вероятно, сделал свою карьеру не без помощи Федора Михайловича Ртищева. Еще в 1650 г. Голосов по настоянию царского постельничего выучил латынь и стал одним из немногих чиновников, которые могли общаться на этом языке. Его даже называли «латинским дьяком». Участник голландского посольства в России Николаас Витсен отзывался о нем как о человеке образованном, но богобоязненном¹⁸.

Упомянутый Павлом Алеппским воевода Путивля — это Никита Алексеевич Зюзин, один из ближайших друзей Никона. Зюзин был человеком светским, находившимся на службе у патриарха. Он не служил в патриарших приказах, а сделал карьеру при дворе Алексея Михайловича. Зюзин был незнатного происхождения и не имел влиятельных родственников. Тем не менее 8 ноября 1652 г., вскоре после поставления Никона на патриаршество, ему был пожалован чин окольничего, а некоторое время спустя, 3 апреля 1653 г., он стал боярином. Столь стремительное возвышение провинциального дворянина было нарушением традиции и стало возможным только благодаря покровительству Никона. Зюзин получил высшие думные чины, еще не проявив себя на государственной службе¹⁹. Знатные бояре были явно недовольны появлением Зюзина в ближайшем окружении государя. Местнические споры, которые затевал ставленник Никона, заканчивались не в его пользу²⁰. Между тем Зюзин регулярно присутствовал на обедах у государя вместе с патриархом и такими родовитыми людьми, как М. М. Салтыков, Ф. Ф. Волконский, И. А. Хилков, Ю. А. Долгорукий, И. И. Лобанов-Ростовский, В. П. Шереметев²¹. В конце концов Зюзина отправили на воеводство в Путивль. Это было далеко не почетное назначение, как, очевидно, полагал Павел Алеппский: Путивль стоял на южных рубежах России и пребывание там на воеводстве было равносильно ссылке. По всей видимости, Зюзина недолюбливал и Алексей Михайлович, который советовал своему любимцу А. Л. Ордину-Нащокину не знаться с ним, так как «Микита многоязычен и приплетает ево к ненадобным делам»²². Что касается Никона, то он испытывал к Зюзину теплые, дружеские чувства. В письмах к боярину он называл его своим «чадом», просил писать «почасту», посылал ему подарки — «рыбки, две семошки»²³. Зюзин также оставался верным своему покровителю, даже когда для патриарха настали трудные времена. Эта преданность Никону обернулась для боярина роковыми последствиями, о чем мы подробнее расскажем в следующей главе.

Каковы были отношения Никона с другими представителями боярской аристократии? Павел Алеппский писал, что «бояре прежде входили к патриарху без доклада привратников, он выходил им навстречу и при уходе шел их провожать. Теперь же, как мы видели собственными глазами, министры царя и его приближенные сидят долгое время у наруж-

ных дверей, пока Никон не позволит им войти; они входят с чрезвычайною робостью и страхом, причем до самого окончания своего дела стоят на ногах, а когда затем уходят, Никон продолжает сидеть»²⁴. Казалось бы, столь красноречивое свидетельство не требует комментариев. Однако следует помнить, что греческий дьякон находился в Москве в 1655 г., во время отсутствия государя, который вместе с Думой отправился в польский поход. В столице оставалась лишь боярская комиссия во главе с князем Г. С. Куракиным²⁵. Павел Алеппский писал: «Перед своим отъездом царь поставил на место себя полномочного наместника и несколько министров. Из них на каждого возложено одно дело, высшее же решение принадлежит наместнику. Наблюдателем над всеми он поставил патриарха; ни одно дело, важное или незначительное, не делается иначе, как с его совета и по докладу ему министрами каждое утро»²⁶. Шведский резидент Иоганн де Родес также заметил, что «наместник» царя князь Г. С. Куракин не может без согласия патриарха выполнить самого незначительного дела²⁷. Впрочем, о Куракине ходили нелестные отзывы. Польский гетман Павел Потоцкий писал, что он «более способен наносить увечья, чем высказывать суждения»²⁸. Таким образом, в отсутствие царя патриарх выступал в роли наместника, которому была подчинена боярская комиссия. Однако членов боярской комиссии было немного, как правило три или четыре человека, и их нельзя отождествлять со всей Думой. К тому же, когда Павел Алеппский видел людей, ожидавших приема у патриарха, он едва ли мог определить, кто из них принадлежал к родовитому боярству, а кто был простым приказным дьяком.

Когда царь и весь двор возвращались в столицу, Никон уже не пользовался такими большими полномочиями. В системе государственного управления Московского государства церкви отводилось подчиненное место. Патриарх был хозяином, да и то не полновластным, лишь в пределах своей епархии. Правда, Никон постоянно добивался у царя новых привилегий. Например, он выкупал вотчины светских землевладельцев и приписывал их к своим владениям²⁹. Эта практика получила широкое распространение. Об этом писали даже иностранцы. Шведский резидент Адольф Эберс сообщал в одном из своих донесений, что «постановления царя отменяются патриархом, и царь это сносит. Бывали также случаи, что царь награждает своих подданных землями и домами, а патриарх их отбирает и назначает другим. Если обиженные обращаются к царю с жалобой, он отвечает, что не может идти наперекор воле святого патриарха; все, что он совершает, хорошо»³⁰. По подсчетам Т. Б. Соловьевой, с 1654 по 1658 г. Никон купил около сорока вотчин у светских землевладельцев³¹. Патриарху переходили также выморочные вотчины. Известно, что ему достались владения двоюродного дяди царя, Никиты Ивановича Романова. К последнему патриарх испытывал личную неприязнь,

из-за того, что тот любил носить иноземное платье и вообще увлекался западными веяниями. Кроме того, Н. И. Романов враждовал с царским воспитателем Б. И. Морозовым. Он сумел упрочить свои позиции после московского восстания 1648 г. Перед началом русско-польской войны его даже стали приглашать на заседания в Кремль, чего раньше никогда не делали³². Однако уже весной 1653 г. произошел конфликт Романова с патриархом, когда Никон приказал сжечь немецкие платья, парики и шпаги боярина. Кроме того, патриарх «заполучил себе юношу, который служил господину, но из-за какой-то проделки был посажен в тюрьму, и чтобы освободиться, он должен был обвинить господина Романова в нескольких содомских грехах»³³. Возможно, этот конфликт имел бы продолжение, если бы не начавшаяся русско-польская война. Н. И. Романов отправился в поход вместе с государем и умер на обратном пути 11 декабря 1654 г. Большая часть владений боярина перешла к Иверскому монастырю. Патриарх Никон неоднократно приезжал на двор Романова и выбирал то, что ему нравилось. 21 февраля 1655 г. из казны боярина патриарху было дано 1000 рублей на святительскую шапку³⁴.

Никон постоянно выпрашивал у царя новые привилегии. В феврале 1657 г. патриарх добился подтверждения указов Бориса Годунова о неподсудности духовенства патриарших вотчин государевым наместникам и освобождении патриарших крестьян от земской повинности, а также указа Михаила Федоровича о подсудности духовенства патриарших вотчин исключительно патриарху, за исключением дел уголовного характера, и о власти патриарха определять в своих вотчинах размеры дани и оброка³⁵. Все эти пожалования были следствием благоволения царя. Вероятно, они вызывали недовольство в боярской среде, однако никто не смел выступать против патриарха открыто. Постепенно Никон своими действиями настроил против себя некоторых членов Боярской думы, правда в самой Думе за короткий период его патриаршества произошла перегруппировка сил. Прежние боярские кланы, определявшие политику страны в первые годы царствования Алексея Михайловича, уступили место новым фаворитам.

С 1652 по 1658 г. число членов Боярской думы увеличилось с 60 до 68 человек³⁶. Большинство новых назначений производилось за боевые заслуги на полях сражений польской и шведской войн и за дипломатическую службу. В 1655—1658 гг. думные чины получили Д. С. Велико-Гагин, С. А. Урусов, Ф. Ф. Долгорукий, П. К. Елизаров, И. И. Баклановский, Ф. М. Ртищев, Г. Г. Ромодановский, Н. М. Боборыкин, А. Л. Ордин-Нащокин и другие³⁷. Выслужившаяся аристократия начинала играть все более заметную роль в политической жизни государства. Алексей Михайлович ценил своих новых советников, хотя это и вызывало недовольство родовитой знати.

Как уже говорилось, непосредственным влиянием на царя обладала так называемая ближняя Дума, в которую входили самые знатные бояре и фавориты государя. За право попасть в ближайшее окружение государя в Думе шла бескомпромиссная борьба между влиятельными боярскими группировками. По наблюдению Р. О. Крами, эти группировки были недолговечны и состав их менялся в зависимости от политической конъюнктуры. Применительно к рассматриваемому периоду можно с большей или меньшей степенью достоверности выделить самые влиятельные из боярских кланов.

В начале патриаршества Никона ведущую роль при дворе продолжала играть группировка царского воспитателя Бориса Ивановича Морозова. Несмотря на то что во время московского восстания 1648 г. ее позиции были подорваны, опытный политик сумел восстановить свое влияние. Во главе важнейших приказов Морозов поставил царского тестя Илью Даниловича Милославского. Его двоюродный брат, Иван Андреевич Милославский, возглавлял Ямской приказ³⁸. Очевидно, к группировке Б. И. Морозова примыкал и князь Ю. А. Долгорукий, который был женат на Елене Васильевне Морозовой, тетке Бориса Ивановича, тогда как брат его Дмитрий Алексеевич взял в жены сестру Ильи Даниловича Милославского³⁹. Однако в последние годы патриаршества Никона влияние этой группировки стало слабеть. Борис Морозов был стар и часто болел, хотя он никогда не утрачивал расположения царя. По свидетельству австрийского посла Августина Майерберга, Алексей Михайлович посещал Морозова тайком, когда тот был болен, и «советовался с ним о важнейших делах»⁴⁰. Шведский резидент А. Эберс также считал, что Морозов единственный бескорыстный советник государя⁴¹. Нужно сказать, что Никон всегда поддерживал хорошие отношения с царским воспитателем. Незадолго до своей смерти в 1661 г. боярин через И. М. Милославского просил патриарха простить его, «любо кая досада к нам была». В ответном послании на имя царя Никон писал, что «мы ево досады к себе не видали, кроме любви и милости». Патриарх благословлял боярина и просил царя после кончины Морозова пожаловать Воскресенскому монастырю хотя бы «вотчинку на вечное пропитание служащим святей церкви»⁴².

В противоположность Морозову Илья Данилович Милославский, по общему мнению, был глуп и безроден, да к тому же еще и выскочка. Худородство Милославских вызывало раздражение титулованной знати. Так, князья С. П. и В. П. Львовы во время обеда у царя в апреле 1657 г. били челом на Милославских за то, что те заняли более почетное место за столом. Царь по этому поводу «кручинился» и сказал, что «того де записано не будет»⁴³.

Искренней любовью царя пользовался князь Юрий Алексеевич Долгорукий, который, по словам А. Майерберга, «был уже в летах». Он при-

нимал участие во всех военных походах Алексея Михайловича, участвовал во взятии Ниеншанца, Дерпта, Нарвы и осаде Риги в 1656 г.⁴⁴ Как писал А. Майерберг, Долгорукий пользовался в Москве большим уважением за то, что, «благодаря военному счастью, взял в плен при Вильне полководца Великого Княжества Литовского и Казначая» Викентия Гонсевского⁴⁵. Долгорукий выполнял и дипломатические поручения, причем в товарищах у него был А. Л. Ордин-Нащокин. В мае 1658 г., незадолго до оставления Никоном патриаршего престола, князь отправился в Вильно для охраны послов — Н. И. Одоевского и П. В. Шереметева⁴⁶. В. Н. Татищев писал, что Никон недолюбливал Долгорукого. Возможно, это утверждение имеет под собой основание. В 1664 г. Долгорукий принимал участие в розыске по делу друга Никона — Никиты Зюзина⁴⁷.

Князья Одоевские, Черкасские и Пронские вместе со своими родственниками Шереметевыми составляли другую группировку. Однако в период патриаршества Никона ее влияние было невелико. Правда, Н. И. Одоевский в 1653 г. был возвращен в Москву из Казани. Он принимал участие в военных кампаниях против Польши. Павел Потоцкий писал, что князь «обладает благоразумием, не во всем проницательным, и врожденным благородством, чьи искры еще не совсем угасли. К этому добавляется и то, что он обладает точнейшим знанием писаний славян и не чужд некоторого знания польских историков»⁴⁸. Потоцкий считал, что Одоевский заложил основы перемирия с Польшей. Как уже говорилось, князь возглавлял русское посольство на виленских переговорах.

О князе Одоевском Никон отзывался очень резко. Как известно, князь возглавлял комиссию по составлению Соборного Уложения 1649 г., в которое, как следовало из предисловия к книге, должны были войти выдержки «ис правил Святых Апостол и Святых Отец и из Градских Законов греческих царей, и из старых судебныхников прежних великих государей». Однако, по словам Никона, Одоевский «враг Божий и всякой истинне, все солгал» и из церковных правил ничего не выписывал. Патриарх считал, что «князь Никита, человек прегордой, страху Божия в сердцы не имеет, и божественнаго писания, и правил Святых Апостол и Святых Отец ниже чтет, ниже разумеет и жити в них не хочет, и живущих в них ненавидит, яко врагов сущих, сам быв враг всякой истинне»⁴⁹. Казалось бы, этот отзыв вполне однозначно характеризует отношение патриарха к князю. Однако следует отметить, что эти строки были написаны уже после оставления Никоном патриаршества, когда он жил в добровольном изгнании в Воскресенском монастыре и полемизировал со своими противниками по поводу возложенных на него обвинений. Кроме того, нужно учесть, что Одоевский в то время принимал активное участие в деле Никона, и это, конечно же, не могло снискать ему симпатий со стороны патриарха. Если же обра-

титься к периоду патриаршества Никона, то можно заметить, что после своего возвращения из Казани князь нередко обедал у царя вместе с патриархом, Никон кропил его святой водой, благословляя на ратные подвиги перед польским походом 1654 г.⁵⁰ По всей видимости, Одоевский превратился в непримиримого врага Никона далеко не сразу. Это произошло уже после оставления Никоном патриаршего престола.

Что касается князей Черкасских, то после их кратковременного взлета во время московских волнений 1648 г. они снова потеряли свое влияние. Князь Яков Куденетович, на время занявший посты в приказной администрации вместо Б. И. Морозова, через несколько месяцев был смнен И. Д. Милославским. Очевидно, он, как и его родственник Григорий Сенчулеевич, пожалованный в бояре в феврале 1657 г.⁵¹, был плохим политиком. К тому же царь явно не любил Черкасских. Павел Потоцкий писал о князе Григории Сенчулеевиче, что он «абсолютно невежествен не только в науках, но и в нравственном смысле, высокомерен, благодаря мощи своего тела. Царь же скорее дорожит его боевыми качествами, нежели любит его... но его случайные физические дарования не только не равны, но просто подавляются его душевными недостатками»⁵².

Князья Пронские также были маловлиятельными фигурами при царском дворе. После смерти князя Михаила Петровича во время морового поветрия 1654 г. старшим в роде остался его брат Иван Петрович, которому в мае 1658 г. было поручено воспитание царевича Алексея Алексеевича. Но, как писал Потоцкий, «поздно и несвоевременно раскрылся царь в том, что поручил ему такую обязанность»⁵³. Возможно, И. П. Пронский был плохим воспитателем, но важно отметить то обстоятельство, что князь был у царевича в «дятках» всего за два месяца перед тем, как Никон оставил патриаршество. До этого воспитанием Алексея Алексеевича во многом занимался сам патриарх, которому поручалось заботиться о царской семье во время отсутствия государя в Москве.

В ближайшее окружение царя входили двоюродные братья Петр Васильевич и Василий Борисович Шереметевы. Оба они по знатности рода были пожалованы в бояре. Родственные узы связывали их с князем Ф. Ф. Волконским и думным дьяком Иваном Гавреневым⁵⁴. Между тем оба боярина были еще молоды и едва ли могли соперничать в искусстве политической интриги с таким опытным царедворцем, как Б. И. Морозов. К тому же они, вероятно, были обласканы Борисом Ивановичем. В разрядных записях имени Шереметевых, Морозова и Никона часто упоминаются вместе. Они нередко обедали у государя⁵⁵. Незадолго до оставления Никоном патриаршества боярин Василий Борисович был отправлен воеводой в Киев, а Петр Васильевич вместе с князем Н. И. Одоевским поехал на переговоры с поляками в Вильно⁵⁶.

Сохранил свои позиции при дворе Ф. М. Ртищев, «главный дворецкий и последний любимец государя», как писал о нем Августин Майерберг. Ртищев принадлежал к кружку ревнителей благочестия. Он унаследовал от своего отца Михаила Алексеевича должность постельничего. Во время польской войны Ф. М. Ртищев проявил себя на военной и дипломатической службе, за что царь пожаловал его «быть в окольничих» и велел учинить «400 четвертей оклад не во образец, сверх окольнического оклада, потому что и служба твоя к нам, великому государю, отменна»⁵⁷. Ртищев, «напитанный религиозными чувствами, образованный как в умственном, так и в нравственном отношении»⁵⁸, в первые годы царствования Алексея Михайловича был единомышленником Никона и одним из советников государя. Иностранные авторы полагали, что Федор Михайлович нажил себе врагов, в частности из-за того, что его считали виновником чеканки медных денег⁵⁹. Вероятно, представители знати были недовольны тем, что неродовитый дворянин имеет большое влияние на царя. Однако у Ртищева был свой покровитель при дворе в лице могущественного Бориса Ивановича Морозова. В свою очередь, царский постельничий сам способствовал продвижению некоторых придворных. Благодаря ему блестящую карьеру сделал его двоюродный брат Богдан Матвеевич Хитрово, который после Ртищева стал заведовать приказом Новой Четверти⁶⁰.

Б. М. Хитрово принадлежал к одной из самых влиятельных боярских группировок. В нее входили князья А. Н. Трубецкой, Б. А. Репнин и И. А. Хилков. В молодые годы Хитрово «заявил свой разум» на службе у А. Н. Трубецкого, который, по словам А. Майерберга, был «уже преклонных лет, не с большим даром слова, да и недальнего ума». Хитрово же, напротив, «высказывал свое мнение с величайшим присутствием духа в самых затруднительных делах Государства и при помощи своего дарованного трудолюбия так пошел вперед, что из простого дворянского звания попал в самое высшее и стал Начальником Оружейной»⁶¹. Этот лестный отзыв принадлежит Августину Майербергу, который нечасто дает положительные характеристики московским чиновникам. Потоцкий писал, что Хитрово «никогда не держал уши закрытыми для просьб, особенно чужеземных... он с помощью сокровищ добывал превосходных друзей, не злоупотребляя доверием правящего»⁶². Известно, что Хитрово оказывал покровительство голландцам⁶³. Благоклонное отношение к иностранцам со стороны Хитрово, конечно же, раздражало патриарха.

К концу патриаршества Никона группировка А. Н. Трубецкого набирала силу. Хотя Майерберг нелестно отзывался о личных качествах князя, нужно признать, что у него было немало достоинств, которые снискали ему уважение государя. Собственно возвышение Трубецкого последовало после воцарения Алексея Михайловича. Он получил бояр-

ский чин в 1646 г. Более пятнадцати лет князь возглавлял Сибирский и Казанский приказы. Во время русско-польской войны он успешно командовал южной армией, а в 1656 г. был воеводой в Прибалтике, где захватил Дерпт, Нарву и ряд других городов. Бесспорные воинские заслуги снискали Трубецкому большой авторитет, который все более возрастал по мере того, как слабели силы Б. И. Морозова. Впрочем, нет никаких оснований полагать, что Трубецкой питал к патриарху враждебные чувства. Напротив, его отношения с Никоном, по-видимому, были неплохими. Например, в декабре 1656 г., когда князь возвращался из шведского похода, он проезжал через Иверский монастырь, где в это время находился патриарх. Трубецкой «с товарищи» был «в трапезе и в те поры школьным ребятам, которые перед государем патриархом речи говорили», было дано по гривне⁶⁴. Это упоминание о поздравительных речах, или орациях, очевидно бывших в обиходе у патриарха Никона, весьма примечательно, поскольку обычно их появление связывается с именем Симеона Полоцкого. Павел Алеппский писал, что наибольшее удовольствие патриарх находил в пении детей казаков⁶⁵.

В начале лета 1658 г., незадолго до оставления Никоном патриаршества, многие влиятельные члены Думы, такие, как Н. И. Одоевский, Ю. А. Долгорукий, В. Б. Шереметев, по долгу службы находились за пределами столицы. Зато в Москве оставались князья А. Н. Трубецкой, Б. А. Репнин, И. А. Хилков. Все они участвовали в церемонии встречи кахетинского царя Теймураза, которая состоялась 6 июля. Теймураз рассчитывал получить помощь русского царя, чтобы вернуть себе трон, который он потерял из-за притеснений иранского шаха. Еще в 1652 г. стараниями Теймураза в Москве была основана грузинская колония, где поселился его внук царевич Ираклий⁶⁶. Теймураз приехал в столицу в сопровождении Богдана Хитрово, который возглавлял процессии и разгонял палкой толпу. Возможно, случайно, а может быть, и намеренно Хитрово ударил сына боярского князя Д. Мещерского. Оскорбленный Мещерский сказал, что он патриарший человек, но Хитрово, «гордяся, приложи ему раны с бесчинными глаголы: недорожидеся и с патриархом». Узнав об этом инциденте, Никон бил челом Алексею Михайловичу, «чтоб пожаловал государь, велел дать оборонь на Богдана Хитрово, что Богдан убил моево Мещерского князя, и государь не пожаловал, оборони не дал, и я де стану с ним управливатца церковью»⁶⁷. Вызывающее поведение Хитрово можно объяснить только тем, что он чувствовал свою безнаказанность. Окольничий знал, что отношения царя с Никоном стали натянутыми, и поэтому ничем не рисковал, обижая патриаршего человека. Между Алексеем Михайловичем и его «собинным другом» произошла размолвка, которая в конечном счете и привела к падению патриарха.

Отношения Никона и Алексея Михайловича претерпели известную эволюцию. Как уже говорилось, патриарх отличался исключительной требовательностью в деле церковного благочестия. Используя свое влияние, он лишал набожного государя многих земных радостей, а между тем Алексей Михайлович не был чужд светских развлечений. В свое время под давлением Стефана Вонифатьева довольно скромно, без песен и плясок прошла свадьба Алексея Михайловича и Марии Милославской. В начале 1653 г. патриарх «приказал Его Царскому Величеству уничтожить всех диких зверей, также собак и все, что относится к охоте, так как Его Царское Величество впредь должен совершенно отказаться от удовольствия охотиться, потому что патриарх считает это великим грехом; всем знатым господам приказано уничтожить их охотничьих собак»⁶⁸. Это запрещение было чрезмерным. Царь очень любил охоту, особенно соколиную, и для него было большим испытанием расстаться со своим любимым занятием, пусть даже в угоду благочестивым помыслам патриарха.

Вскоре начались военные действия против Польши, которые развивались весьма успешно и только укрепили позиции Никона, поскольку он по праву считал себя вдохновителем этого похода. Кроме того, патриарх уберег от морового поветрия царскую семью, включая наследника престола царевича Алексея. Эти заслуги были оценены по достоинству. Восторженные отзывы о патриархе дьякона Павла Алеппского, написанные в 1655 г., не оставляют сомнения в том, что Никон в это время был на вершине своего могущества. Страна управляется «лишь двумя: царем и патриархом», «любовь царя и царицы к нему неописуема», утверждал Павел Алеппский⁶⁹. Находившийся в то время в Москве Павел Потоцкий впоследствии напишет в своей книге о Московии, что царь без ведома патриарха не осмеливается ни созывать сенат, ни объявлять войну, ни налагать пошлыны⁷⁰. Однако через два с небольшим года почти неограниченная власть Никона рухнула в одночасье.

В 1656 г., незадолго до начала русско-шведской войны произошла первая ссора царя с патриархом. Об этом сообщает все тот же Павел Алеппский. 5 марта антиохийский патриарх Макарий, в свите которого находился греческий дьякон, был отпущен на родину. Однако 3 апреля «послал Государь стольника Ивана Иванова сына Головина к патриарху Антиохийскому Макарию в Путивль, или где съедет его; а велено ему патриарха поворотить к Москве»⁷¹. Макарий подчинился приказу. На подъезде к столице выяснились причины столь спешного возвращения. Антиохийскому патриарху повстречались греческие купцы, которые сказали, что «в Великую пятницу царь поссорился с патриархом в церкви — по какой причине, никто в точности не знал; было только известно вообще, что ссора была вызвана высокомерием патриарха и его грубым

обращением, ибо он сделался чрезвычайно надменен»⁷². Кроме того, до сведения царя дошло, что Никон исполнил обряд водосвятия на праздник Богоявления Господня не так, как советовал ему патриарх Макарий. Алексей Михайлович был очень разгневан и выбрал патриарха, назвав его «мужик, бл... сын»⁷³. Любопытно, что на Вербное воскресенье во время обрядового шествия «на осляти» лошадь под патриархом водил не царь, как это бывало прежде, а боярин Борис Иванович Морозов⁷⁴.

В мае 1656 г. Алексей Михайлович отправился в новый поход, на этот раз против шведов. Вместе со своим войском государь прошел через прибалтийские города Полоцк, Динабург, Кокенгаузен, видел стены Риги. Это было первое путешествие русского царя на Запад, которое по своему значению, пожалуй, можно сравнить с Великим посольством Петра I. Правда, после возвращения Алексея Михайловича в Москву во внутренней политике не последовало радикальных преобразований, но нет никакого сомнения, что на молодого государя сильное впечатление произвела культура западных городов. Английский доктор Самюэль Коллинс, находившийся на службе у Алексея Михайловича, оставил любопытные записки о нравах московского двора того времени. По его словам, «с тех пор, как Его Величество был в Польше, видел тамошний образ жизни и стал подражать Польскому Королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома»⁷⁵. В 1657 г. Алексей Михайлович поручил своим агентам за границей привезти в Россию вещи, которые было трудно увязать с идеалом благочестивого быта православного христианина. В списке этих вещей значились оптические приборы, gobelены, мебель, музыкальные шкатулки, кружева, столовые приборы, певчие птицы и кареты⁷⁶. Нетрудно представить, как патриарх мог отнестись к подобным пристрастиям государя.

Постепенно Алексей Михайлович стал все больше отдаляться от Никона. Наконец он перестал присутствовать на богослужениях, которые совершал патриарх. После Пасхи 1658 г., которая приходилась на 1 апреля, имя Никона исчезает из разрядных записей⁷⁷. Биограф патриарха Иван Шушерин писал: «Егда случаются праздничныя дни и бываху Великаго Государя выходы в Соборную Церковь и на исхождение с литиями, тогда Благочестивый Царь подущаеи злыми ближними своими боляры, в те обыкльыя исхождения не исхождаше. Святейший же Патриарх множицею его ожидаше благовет продолжая; Благочестивый же Царь присылаше к нему и повелеваше не ждати себя и тако бысть между ими распря и безсоветие»⁷⁸. Возможно, в это же время была обнаружена челобитная духовенства с жалобами на патриарха Никона.

Несколько лет спустя в грамоте константинопольскому патриарху Дионисию Никон так описывал причины своей опалы: «Тогда нача

помалу гордиться и выситися и елико мы [ему] глаголахом: престани. Он же [царь] и во архиерейские дела учал вступатца властью и суд наш владети, или сам собою сие восхоте, или от злах человек предложися, якоже и Ровоам, Царь Израилтеский, отложи совет древних мужей и слушааше совету оных, кии с ним воспитахась»⁷⁹. Патриарх винил во всем окружение государя, которое побуждало Алексея Михайловича вмешиваться в церковные дела. Возможно, в этих словах и была доля истины, хотя, как мы видели, патриарх без труда выпрашивал у государя всё новые привилегии и вотчины для своих монастырей. Но, скорее всего, подоплека конфликта была в другом. Никон был одержим идеей создания православного теократического государства, вся жизнь которого была бы подчинена строгому распорядку церковных служб. В конце концов, как заметил Августин Майерберг, он навлек на себя всеобщую ненависть. Против Никона были настроены и бояре, и духовенство, и даже государь. Для открытого столкновения нужен был только повод, и таким поводом стал инцидент с князем Д. Мещерским во время церемонии встречи грузинского царя Теймураза.

Через два дня после инцидента, на праздник Казанской иконы Божьей матери, Никон пригласил царя на богослужение, но государь «не приде ни на бдение, ни на литею, ни на литоргию, гневаясь на мя»⁸⁰. Еще через два дня, 10 июля, в Успенском соборе было празднование положения ризы Господней, принесенной из Персии в Москву в царствование Михаила Федоровича. Алексей Михайлович снова не был на службе. Тогда «во время святых литургий, по заамвонной молитве, великий господин святейший Никон, патриарх Московский и всеа Великия и Малыя и Белья России, оставил свой святителской престол пред всем освященным собором и пред всем народом, и отрекся своего патриаршескаго звания, и на амвоне разоблачился от всей архиерейской одежды, и посох архиерейской чюдотворца Петра митрополита поставил на патриарше месте, и вздел на себя простую мантию и клобук и пошел из соборные церкви на подворье Воскресенскаго монастыря, а назавтрее поехал в Воскресенской монастырь»⁸¹. При этом, как писал Павел Потоцкий, сбежалась необыкновенно большая толпа, но патриарха сопровождал только один человек, знакомый с монашеской жизнью и его тайнами⁸². Москва наполнилась слухами. Одни говорили, что Никон оказался в изгнании в результате заговора дворцовой знати, недовольной тем, что он был инициатором войны против поляков, другие обвиняли его в чеканке медных монет, которая ввергла народ в нищету, третьи полагали, что патриарх стремился подчинить царский двор своим решениям и поплатился за это⁸³. Так или иначе, но с этой минуты Никону суждено было навсегда расстаться с его прежним влиянием и почти неограниченной властью.

Глава 13

Дело Никона

Суд бо Божий есть от исперва, а не царев,
ни от человек, ни человеком предан бысть,
но самом Богом.

«Возражения» патриарха Никона

Уход Никона в Воскресенский монастырь положил начало церковной смуте, которая продолжалась целых восемь лет. Формально Никон не отрекся от патриаршего сана, но фактически перестал быть главой церкви. Эта неопределенность породила целый ряд недоразумений и конфликтов между иерархами и светской властью. Переписка разных лиц с бывшим патриархом, деяния созванных в это время церковных соборов, розыск по поводу оставления Никоном своей кафедры составили целый комплекс документов, получивший в историографии название «дело Никона», который по прошествии многих лет позволяет детально восстановить историческую обстановку того времени¹.

Сначала отъезд Никона из Москвы вызвал растерянность и озабоченность в окружении Алексея Михайловича. Князь А. Н. Трубецкой, который в то время выступал посредником между патриархом и государем, свидетельствовал, что Никон говорил: «Оставил де я патриаршество собою, а ни от чьево и ни от какова гонения, и государева де гнева никакова на меня не бывало; а о том де я и преж сего великому государю бил челом и извещал, что мне больши трех лет на патриаршестве не быть». По свидетельству Трубецкого, решение патриарха было окончательным. «Уже де я слова своего не переменю», — говорил Никон². Не первый раз в своей жизни Никон принимал импульсивное решение. Когда-то он, оставив священство и бросив жену, уехал из Москвы на далекий Анзерский остров. Спустя три года он так же неожиданно покинул обитель Елеазара Анзерского и пустился в опасное путешествие по морю, без средств к существованию. Однако всякий раз судьба вновь возносила Никона. Теперь же она распорядилась иначе.

Возможно, события развивались бы по-другому, если бы Никон умирил свой гнев и примирился с Алексеем Михайловичем, но владыка не хотел идти ни на какие компромиссы. 12 июля, через два дня после его ухода с патриаршества, в Воскресенский монастырь приехали князь

А. Н. Трубецкой и думный дьяк Ларион Лопухин, которые стали спрашивать Никона, почему он уехал из Москвы «скорым обычаем», не доложив государю и не подав ему благословение. В ответ патриарх передал послание царю, думным людям и всем православным христианам и сказал: «А ково Бог изволит и пресвятая Богородица и великий государь укажет быти на ево место патриархом, и он патриарх благословляет, и великому государю бьет челом, чтоб церковь Божия не вдовствовала и безпастырна не была, а церковь и дом пречистые Богородицы благословляет, покаместа патриарх будет, Крутицкому митрополиту... а толко де я похочу быть патриархом, проклят буду и анафема»³.

Казалось бы, Никон поставил в этом деле точку. Он объявлял о своем уходе с патриаршества и благословлял царя на избрание нового пастыря. Но по прошествии времени обстоятельства его отъезда из Москвы стали видеться ему по-другому. Например, в грамоте константинопольскому патриарху Дионисию 1666 г. Никон писал, что он собирался уехать в Воскресенский монастырь только на время, «аще царское величество на милость положит и гнев свой утолит, паки приидем», но после этого «от царскаго величества ничево не было»⁴. «И пусть ему, государю, просторнее без меня, — язвил Никон, — а то на мя гневася, к церкви не ходит. И про тот гнев всему государству ведомо, что он, гневася на мя, не приходил, а всесвятей велицей церкви обид много стало... А он, великий государь чрез божественныя правила суд церковной отнял, нас самих, и епископов, и архимандритов, и игуменов, и весь священнический чин vele своим приказным людям судить...»⁵ В своем возражении против вопросов боярина Семена Стрешнева Паисию Лигариду Никон вспомнил и об обещании царя, данном ему при вступлении на патриаршество, хранить церковные заповеди. Пока царь «пребывал во своем обещании, повинуюся святей церкви, и мы терпели. Егда же он, великий Государь Царь, изменился от своего обещания и на нас гнев положил неправедно», патриарх «изшед из града»⁶.

Между тем надежды Никона на то, что гнев государя со временем остынет, постепенно таяли. Из Москвы в Воскресенский монастырь больше никто не приезжал. Патриарх всецело отдался хозяйственным делам обители. По словам Ивана Шушерина, он «прият на себя вериги железныя, и вдадеся молитвам и посту и воздержанию, и нача у церковнаго онаго великаго строения сам собою безпрестанно надзирати, и плинфы носить на руках своих и на раменах... начат окрест монастыря пруды копати и рыбы сажати и мельницы устраивати и всякия овощныя сады насаждая, такожде с братиею и лес секуще, поля к сеянню расширяюще, из болота же рвы копающе, сено кошение устраивающе и сено гребуще, везде же всякия труды труждаяся, сам собою во всем образ показуя...»⁷.

Обряд шествия на ослати. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1656

Неопределенность продолжалась несколько месяцев. Из духовных лиц у патриарха «только был один архимарит чудовской», хотя, по заверениям царской администрации, никто никому не чинил препятствий при проезде в Воскресенский монастырь⁸. Тем не менее Никон был в курсе всего, что происходило в столице и даже на полях сражений. Весной 1659 г. патриарх узнал, что в Вербное воскресенье в Москве был по обычаю совершен обряд «хождения на ослати», который в отсутствие Никона исполнял крутицкий митрополит Питирим. Патриарх был возмущен. Он послал царю жалобу на Питирима, поскольку считал, что отправлять это действие может только глава церкви. По его словам, Питирим дерзнул «седалища великаго архиерея олюбодействовати незаконно и неприподобно».

Чтобы понять пафос Никона, нужно вникнуть в смысл самого обряда. Обряд «хождения на ослати» символизировал вход Господень в Иерусалим. Согласно библейской легенде, Христос, приближаясь к Иерусалиму, пришел в Виффагию к горе Елеонской. Он послал вперед двух учеников сказав им, чтобы они привели ослицу и привязанного к ней молодого осла, которых найдут в ближайшем селении. Ученики

исполнили его просьбу, привели ослов, положили на них одежды, на которые и воссел Христос. Встречавший его народ постилал на дороге свои одежды, некоторые устилали его путь ветвями деревьев⁹. В обряде шествия «на осляти», который появился в Москве в середине XVI в., Христа изображал глава церкви — сначала митрополит, а потом патриарх. «Осля» (обычно это был конь, ряженный под осла) вел под уздцы государь. Таким образом он показывал свое смирение перед духовной властью. Это был один из самых красочных и торжественных религиозных праздников на Руси. Его описывают практически все иностранцы, которым довелось побывать в Москве в неделю ваий, то есть в Вербное воскресенье¹⁰.

В патриаршество Никона этот обряд претерпел некоторые изменения. Если раньше шествие совершалось из Кремля в храм Покрова на Рву на Красной площади, который нередко назывался Иерусалимом, то при Никоне оно стало начинаться у Лобного места и заканчивалось в Успенском соборе¹¹. Изменение обряда произошло в 1656 г. Очевидно, это было связано с переосмыслением Никонем русской обрядовой практики. Вероятно, Никон мыслил Лобное место¹² как Елеонскую гору, а Кремль — как Иерусалим. В предыдущей главе мы уже говорили, что изменения обрядов послужили поводом для первой ссоры царя с патриархом. После этой ссоры «осля» под патриархом стал водить не царь, а ближний боярин Борис Иванович Морозов¹³.

27 марта 1659 г. обряд шествия «на осляти» совершил местоблюститель патриаршего престола Питирим. Это расценивалось Никонем как духовное прелюбодеяние, посягательство на патриаршую харизму. Впоследствии Никон писал, что царь «Крутицкому митрополиту отдал мать свою, соборную великую церковь в прелюбодейство, которая ево помазала елем радости на царство»¹⁴. Обвинение в прелюбодействе было связано с представлением, что патриарх, рукополагаясь в сан, вступал с церковью в брак¹⁵. Никон считал, что «без первого архиерея действовать о Ваии митрополитом не достоин; а Крутицкой де митрополит в митрополитах меньший»¹⁶. В своей отписке патриарх укорял царя: «И дивлюсь твоему благородию, како тако попусти священное седалище без совета священнаго собора обезчестити? <...> Аще ли с волею твоею, великаго государя, бысть сие, Бог тя простит...»¹⁷

Однако московские власти имели по этому поводу свое мнение. Они ссылались на традицию. Посланный к Никону думный дворянин Прокофий Елизаров говорил патриарху, что действо было учинено по указу царя и что в прежние годы, еще до учреждения патриаршества, «о Ваии действовали митрополиты», а в межпатриаршество крутицкие митрополиты. Кроме того, Елизаров говорил, что Никон сам, будучи новгородским митрополитом, исполнял этот обряд, так же как и казан-

ский митрополит. На это патриарх отвечал, что «как де он был в Великом Новгороде в митрополитех, действовал де он о Ваий тож неведением, и во время архиерейства своего во многих суетах того исправить не улучил»¹⁸. Это свидетельство источников совершенно ясно показывает, что представления Никона опирались не на традицию.

17 мая 1659 г. к Никону приехал дьяк Тайного приказа Дементий Башмаков. Он долго беседовал с патриархом, говорил о разных делах. Никон жаловался на монастырскую скудость, на то, что огороды лежат «впусте, потому что места к овощу неугожие», и братии, которой в то время насчитывалось семьдесят пять человек, да еще двумстам работникам «овощем питаться нечем». Патриарх расспрашивал о военных действиях: о князе А. Н. Трубецком, который в то время стоял под Конотопом, об окольном И. И. Лобанове-Ростовском, покорившем Мстиславль и Кричев. Затем Никон показывал Дементию Башмакову монастырь, рассказывал о новой каменной церкви, строительство которой только что началось, где «все заведено против того, какова церковь в Иеросалиме». Наконец, патриарх сказал, что к осени хочет бить челом государю о поездке в Крестный монастырь. В общем, беседа прошла вполне мирно, хотя Никон и высказывал недовольство по поводу действий митрополита Питирима и говорил «про властей, что его поставленники многие и им де его, патриарха почитать доведется»¹⁹.

Возможно, эта встреча произвела на Никона ложное впечатление: он решил, что прежние разногласия его с царем уже забыты или, во всяком случае, воспринимаются не так остро, как год назад. Так или иначе, но летом 1659 г. Никон решился появиться в Москве. Поводом для приезда послужили вести, «яко татары суть близ Москвы»²⁰. В это время русская армия под командованием А. Н. Трубецкого, против которого выступала польская шляхта и казаки И. Выговского, потерпела сокрушительное поражение под Конотопом. Помощь Выговскому обещал оказать и крымский хан. Вести об угрозе вторжения с юга достигли Москвы. В начале июля на помощь князю «на крымского хана и на изменника Ивашка Выговского» был послан боярин Ю. А. Долгорукий²¹. Нет никаких сомнений, что Никон тяжело переживал эти события. На его глазах Московское государство теряло былую мощь и терпело поражения от Речи Посполитой, которая во время его патриаршества была готова возвести русского царя на польский престол. Бог отвернулся от русских воинов, и это неудивительно. В прежние времена, «как де мы были на престоле в царствующем граде Москве и тогда де мы митрополитом и архиепископом приказывали и грамоты посылали, чтобы молили Бога о победе на враги, и в паствах своих во всех церквях о том же молебное пение совершать, и тогда Богом хранимо было, и враги наши на нас не ополчались, а ныне де то в презрение поло-

жено». Никон просил царя повелеть в столице и в других местах возобновить молебные пения, и тогда «Бог подаст победу и одоление на супостаты»²². Патриарх полагал, что в такой трудный час его присутствие в Москве просто необходимо. Воспользовавшись вестями о приближении татар, он приехал в столицу и остановился на подворье Воскресенского монастыря²³.

Никон известил о своем приезде царя, и «государь царь свои очи дал видети». Алексей Михайлович принял патриарха в своих палатах в присутствии бояр. Они долго беседовали, а затем «поидоша ко Благочестивой царице и к чадом их», после чего государь отпустил Никона восвояси²⁴. Это была последняя дружеская встреча царя и патриарха. Последующие события показали, что пребывание Никона в Москве было крайне нежелательным для светских властей. Патриарха даже не пригласили на празднование именин царевны Анны Михайловны, которое проходило 25 июля. «Вси возвеселившеся о добром том рождестве насладившись; един аз, яко пес, лишен богатыя ваша трапезы», — писал Никон царю²⁵. На патриарха стали сыпаться обвинения в том, что он писался великим государем, что церковная казна истрачена на монастырское строение, святительские одежды, на снаряжение войска и милостыню вдовам и нищим. Никон оправдывался, что титул великого государя он принял «не по своему изволению, не вем, откуда начася, а мню тобою великим государем такие начатки явились». Патриарх писал царю, что тот стал к нему «зело немилостив», а «хотящим миловати» его запретил к нему приходить²⁶. По прошествии трех дней царь велел Никону ехать в Калязин монастырь, чтобы в Москве не было большого смятения, но Никон сказал: «...аще не угодно царскому величеству пришествие наше, мир и благословение наше, и мы пойдем в строение наше в Воскресенской монастырь, а в Колязинской монастырь не пойдем»²⁷.

Никон понял, что его возвращения в Москву никто не ждал. В сентябре 1659 г. патриарх решил отправиться в Иверский монастырь, а затем в Крестный, который был основан на Кий-острове, недалеко от устья Онеги. Никон попросил Алексея Михайловича выслать ему из Москвы с патриаршего двора лошадь, что «прислал грузинский царь Александр», да «коретишка худенькие» и отправился в путь²⁸. Поход растянулся на несколько месяцев. О событиях в Москве Никон узнавал из переписки со своим другом боярином Н. А. Зюзиным. В январе 1660 г. Зюзин уведомил патриарха о церковном соборе, который должен был собраться в столице и рассмотреть вопрос об оставлении Никоном патриаршего престола. В ответ патриарх писал, что он нисколько не печалится о своем положении, но, напротив, радуется своему покою. По словам Никона, «обаче надобно печаловаться о всенародном послед-

нем збытии от первых времен поразумев, яко ж что реку, егда вера евангельска нача сеятися и архиерейство честию по царствам благочестивыми любо почитатися, тогда и тии паче неблагочестивых почтошася; егда ж злоба гордости распространис и архиерейская честь изменися, увы, тогда и начала царств низпадеся и без вести быша». Таким образом, по мнению патриарха, процветание государства на протяжении всей истории было связано с почитанием архиерейского чина и благочестием²⁹.

В феврале 1660 г. началась подготовка к соборным заседаниям, которая больше напоминала розыск об оставлении Никоном патриаршего престола. Были найдены свидетели, присутствовавшие в Успенском соборе 10 июля 1658 г. Среди них были крутицкий митрополит Питирим, тверской архиепископ Иоасаф, сербский митрополит Гавриил, архимандриты и игумены столичных монастырей, протопопы и дьяконы³⁰. Все духовные лица, а также князь А. Н. Трубецкой подали «сказки» боярину П. М. Салтыкову, в которых излагали свою версию событий годичной давности. Главное, что хотели выяснить следователи, — это произносил ли Никон при отречении клятву. По словам князя Трубецкого, Никон говорил: «...а толко де я похочу быть патриархом, проклят буду и анафема». Крутицкий митрополит Питирим также подтвердил, что патриарх анафемствовал при своем отречении. Между тем в других «сказках» об анафеме ничего не говорится. Это заметил и сам Никон, разбирая бумаги церковного собора³¹. Нужно сказать, что Питирим не был непосредственным свидетелем отречения Никона. За ним послали уже после того, как патриарх сложил с себя святительский сан, так же как и за князем Трубецким. Вопрос об анафеме, то есть о церковном проклятии, имел для собора чрезвычайно важное значение. Если Никон действительно отрекся «с клятвою», то по церковным канонам он уже не мог возвратиться на патриаршество. Однако никто из присутствовавших в Успенском соборе 10 июля 1658 г. не подтвердил свидетельства Трубецкого и митрополита Питирима. Тверской архиепископ Иоасаф говорил, что он «анафемы де не помнит», то же сказал и сербский митрополит Гавриил. Новоспасский архимандрит Иосиф свидетельствовал, что про клятву Никона не слыхал, «потому что был де он архимандрит в те поры в олtare»³².

17 февраля 1660 г. собор вынес решение, что патриарх Никон «оставил свой патриаршеский престол своею волею, никем не гоним», о чем было доложено боярину П. М. Салтыкову³³. Между тем следствие продолжалась. Были разысканы и допрошены новые свидетели событий июля 1658 г.³⁴ 27 февраля 1660 г. состоялось новое заседание собора, на котором был подведен итог следствию и произведены выписки из Кормчей книги об архиереях, самовольно оставляющих свои пре-

столя³⁵. Во время работы собора к патриарху Никону в Крестный монастырь был послан стольник Матвей Пушкин. Он прибыл в обитель 24 февраля. Пушкин должен был привезти благословение патриарха на поставление нового владыки. Однако Никон отказал ему, сказав, что «на такое де дело, что патриарха поставить без нево, он не благословляет; кому де без него патриарха ставить и митру на нево положить? Потому что митру дали ему патриархи вселенские; а митрополиту де митру на нового патриарха положить невозможно; да и посох де с патриархова места кому снять и новому патриарху дать? потому что де он патриарх сам жив и благодать Святаго Духа с ним; оставил де он престол, а архиерейства не оставливал...». Никон сказал, что если государь укажет ему приехать в Москву для поставления патриарха, то он немедленно приедет³⁶. Однако участие Никона в выборе нового владыки явно не устраивало московские власти.

Отказ Никона дать свое благословение на избрание нового патриарха заставил царскую администрацию обратиться к авторитету греческого духовенства. В это время в Москве находились митрополит Фивский Парфений, архиепископ Кирилл Андроский и архиепископ Нектарий Паганиатский. Обратившись к церковным правилам и церковной традиции, греки заявили: «...аще кто архиерей оставит престола своего, да емлется и достоинства священства». То есть архиерей, оставивший свою кафедру, должен быть лишен сана. Сан может быть оставлен только по решению церковного собора. Такое снисхождение может быть сделано и Никону, поскольку он «в прочих внешних вещех и во отречении своем погреси яко человек, но в догматах благочестивые и православные веры бе благочестивейший и прав, и во апостолских и отеческих преданиих восточные церкви бе зело ревнитель»³⁷. Однако особое мнение по этому вопросу высказал киевский ученый монах Епифаний Славинецкий, который показал: в церковных правилах вовсе не сказано, что архиерей, оставивший свой престол, должен быть лишен сана. Правила вселенских соборов, на которые ссылались греческие иерархи, допускали неоднозначное толкование. По мнению Епифания, новоизбранный патриарх может разрешить Никону архиерействовать в том монастыре, в каком тот пожелает, или, напротив, может запретить ему архиерействовать. Епифаний выразил готовность составить по этому поводу соборное определение³⁸. Однако в мае 1660 г. было вынесено решение, которое предписывало избрать нового патриарха, а Никону «не обладати ничем ни монастыри, ни вотчинами, а жити ему и питатися в монастыре, где великий государь... укажет и святейший новопоставленный патриарх благословит»³⁹.

Безусловно, участники собора, большинство из которых были безвольными архиереями, шли на поводу у светских властей. Достаточно

вспомнить, что работой комиссии, расследовавшей обстоятельства оставления Никоном патриаршества, руководил боярин П. М. Салтыков. Греческое духовенство, благополучие которого полностью зависело от московских властей, также было не свободно в своих суждениях. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что решение об избрании нового патриарха было навязано высшему духовенству.

Пока в Москве решалась судьба патриарха, в Крестном монастыре произошли важные события. В письме Н. А. Зюзину от 28 июня патриарх писал, что он серьезно болен, «одва жив в болезнях своих». Причиной недомогания, по словам Никона, стало «чаровство» дьякона Феодосия, который якобы был подослан к нему от крутицкого митрополита и пытался отравить патриарха. Но патриарх «безуем камнем и индроговым песком опился» и остался жив⁴⁰. Эта версия получила развитие в биографии Никона, написанной Иваном Шушериным. По словам патриаршего клирика, Феодосий был замечен в бане с неким человеком, когда он «строил некий портежный состав». Служилые люди доложили об этом патриарху, и тот приказал допросить дьякона, который под пыткой признался, что в бане он готовил «трутизное зелье», которым хотел извести Никона, что за это дело крутицкий митрополит Питирим и чудовский архимандрит Павел пообещали ему Новгородскую митрополию⁴¹. Феодосий был взят под стражу и послан для розыска в Москву. Вместе с ним по этому делу проходил и портной мастер Тимофей Гаврилов.

В столице следствие было передано в руки князя А. Н. Трубецкого и думного дьяка П. К. Елизарова. Тимошка Гаврилов на допросе сказал, что он делал состав по наученью дьякона Феодосия, «и велел ему дьякон по себе тереть волосьем, а приговаривать велел чтобы патриарху было тошно и горько». Однако когда дело дошло до пытки, то выяснилось, что Тимошка оговорил дьякона напрасно по велению сотника Николая Ольшевского. Ольшевский пригрозил Тимошке, что ему отсекут голову, если он не донесет на старца Феодосия. Последний также признался, что свою повинную в Крестном монастыре его заставил написать Ольшевский, а митрополит Питирим его не посылал и про корень ничего не знает⁴². Неизвестно, чем закончилось дело и был ли наказан Ольшевский, но этот инцидент свидетельствует об атмосфере подозрительности, которая окружала патриарха даже вдали от Москвы. Трудно сказать, чем были навеяны опасения Никона. Возможно, свою роль сыграла излишняя мнительность патриарха, который верил в приметы и особенно в предзнаменования небесных светил.

Дело дьякона Феодосия стало своего рода сигналом, что прежнее могущество патриарха сильно пошатнулось. После возвращения Никона в Воскресенский монастырь в декабре 1660 г. на патриарших крестьян

подал челобитную Иван Сытин, земли которого примыкали к владениям обители. Сытин называл Никона «немилосердным разорителем» и жаловался государю, что патриаршие крестьяне покосили его травы больше трехсот копен под селом Пречистенским, а патриарх его крестьян «пыткою пытал, а иных де и перевешал». Однако, когда стали проводить обыск, оказалось, что никто из крестьян окрестных сел ничего не знает об этом деле, а сам Иван Сытин отказался показать тот луг, где у него было скошены травы⁴³. Спустя два года между крестьянами Сытина и патриаршими людьми возник новый конфликт. По наущению сытинского приказчика крестьяне хотели украсть рыбу у патриарших людей, за что по приказу патриаршего сына боярского иноземца Александра Лускина, которого, кстати, привел к Никону Николай Ольшевский, были биты батогами и отпущены к себе домой⁴⁴. В конце 1661 г. началась тяжба Никона с Романом Бобарыкиным, у которого патриарх когда-то купил село Воскресенское для своей новой обители. Бобарыкин бил челом государю в том, что патриаршие крестьяне приезжали в его отчину, селе Бобырево, «для зодору ж смертнаго убойства» и хотели свезти с его лугов сено, которое свозить до государева указу было не велено. Патриарх написал царю письмо, в котором пояснял, что сено свезено по его, Никонову, указу и может быть предъявлено в любой момент, «аще потреба будет», а патриаршие крестьяне в селе Бобарыкина «для смертного убойства не бывали». В письме Никон довольно резко обличал царя за его прегрешения перед церковью, за монастырский приказ, где следовало «сидеть было архимандритом, и игуменом, и протопопом, и священником, и честным старцом, и ты все то упразднил, судят и насилуют мирские судьи архиереев, и архимандритов, и игуменов, и весь причт церковный» за то, что «от начал царства грамоты все упражнены, и еже церкви Божией и святым монастырем данное в наследие вечное недвижимыя вещи, слободы, села, озера, варницы соленыя, леса многия поотнял». «Послушай, како на ты святая церковь вопиет о возхищенных вещех», — восклицал патриарх. Пытаясь повлиять на набожного Алексея Михайловича, Никон писал о явлении ему митрополита Петра в Воскресенской церкви, который говорил: «Брате Никоне, говори царю, почто он святую и великую церковь преобидел, иже нами собраны святыя недвижимыя вещи восхитил безстрашием, и несть ему на ползу се»⁴⁵. Дело Бобарыкина тянулось еще не один год. Царский стольник посылал в Москву всё новые челобитные на патриарших крестьян, а Никон, теряя самообладание, требовал призвать его к ответу⁴⁶.

Но патриарх уже не был тем могущественным владыкой, перед взором которого трепетали и священники, и архиереи, и бояре. Он уже не мог никого отправить в ссылку, не мог даже повлиять на события

в столице. Единственным оружием Никона осталась сила церковного проклятия, которое он налагал на своих недругов. Был проклят крутицкий митрополит Питирим за то, что он по-прежнему принимал участие в обряде «хождения на ослати» и фактически управлял сразу тремя епархиями — Крутицкой, патриаршей и Суздальской. (Суздальскую епархию Питирим возглавил после лишения кафедры митрополита Стефана, ставленника патриарха Никона.) Был проклят боярин С. Л. Стрешнев за то, что «пса некоего, подобна себе, изучи ногами обоими благословляти, яже при вознесении Христос благослови ученики своя». Были прокляты некие монахи за то, что «хулят святое исповедание православной веры»⁴⁷.

В 1662 г. дело Никона приняло новый оборот. В Москву приехал газский митрополит Паисий Лигарид, которому суждено было сыграть роковую роль в судьбе патриарха. Паисий был уроженцем острова Хиос. Он воспитывался в греческой иезуитской колонии в Риме, по окончании которой получил степень доктора богословия. В начале 1640-х гг. Паисий переехал в Константинополь, а затем в Молдавию, где занимался книгоиздательской деятельностью. В 1650 г. он принимал участие в прениях о вере с Арсением Сухановым. Впоследствии Арсений порекомендовал Паисия патриарху Никону как опытного справщика. В конце 1651 г. Паисий постригся в монахи и был поставлен иерусалимском патриархом в митрополиты города Газы. В 1657 г. он был приглашен в Россию патриархом Никоном. Однако этот приезд не состоялся. Паисий прибыл в Москву только в начале 1662 г.⁴⁸ Как показал Н. Ф. Каптерев, Паисий был ловким царедворцем, умел входить в доверие к людям и извлекать из этого выгоды. В Москве Паисий пользовался расположением Алексея Михайловича, что позволяло ему обогащаться за счет царской казны и заниматься торговыми делами. Вместе с тем он вел тонкую политическую игру, поддерживал контакты с польскими властями, вынашивая планы объединения католической и православной церкви⁴⁹.

Очевидно, Паисий тонко чувствовал политическую конъюнктуру и умел извлечь из этого выгоду. Узнав подоплеку дела Никона, он обратился к царю с предложением судить патриарха за то, что тот оставил свою кафедру⁵⁰. В Кремле эту идею оценили по достоинству. В самом деле, если бы церковный собор избрал нового патриарха, то осталось бы неясным положение Никона, который формально все еще сохранял свой сан. Вероятно, именно это обстоятельство не позволяло претворить в жизнь решения собора 1660 г., а не особая позиция Епифания Славинецкого или греческого духовенства, как полагали некоторые историки⁵¹. Осуждение же Никона позволило бы раз и навсегда избавиться от непокорного владыки.

Первоначально Паисий предпринял попытку примирить царя и патриарха. Он написал Никону письмо, в котором призывал его смириться и возвратиться на патриаршество⁵². Но в то же время, в августе 1662 г., он составил отписку к боярину С. Л. Стрешневу «на тридесять вопросов ответы новых обычаев Никоновых бывшего патриарха московского». Нет никаких сомнений, что Паисий выполнял политический заказ. Он не знал русского языка и вынужден был общаться через греческого или латинского переводчика. Его сочинения оперативно переводились в канцелярии Посольского приказа, этот факт свидетельствует о том, что он находился под опекой светских властей. Вопросы Стрешнева были посвящены сюжетам, связанным с делом патриарха Никона. Боярин спрашивал, может ли архиерей рукополагаться дважды; достаточно ли того, что Никон устно отрекся от патриаршества, или тому требуется письменное свидетельство; может ли царь созывать собор и может ли собор судить своего начальника; прав ли был Никон, что не почитал архиереев как своих братьев, потому что они от него приняли рукоположение; по праву ли патриарх называл себя великим государем; не погрешил ли Никон, назвав свой монастырь Новым Иерусалимом; прав ли был патриарх, упразднив Коломенскую епархию; почему Никон осуждает деятельность Монастырского приказа, где сидят мирские люди; стоит ли бояться проклятий Никона, которые он рассылает из Воскресенского монастыря, и так далее⁵³. Многие вопросы носили чисто канонический характер и, скорее всего, были сформулированы не Стрешневым, а кем-то из представителей духовенства. Отвечая на вопросы боярина, Паисий осуждал патриарха и полностью оправдывал действия царя и его окружения.

Когда текст сочинения Лигарида попал в руки патриарха, тот написал гневное «Возражение, или Разорение смиренного Никона», в котором, ссылаясь на Священное Писание и Кормчую книгу, опровергал все доводы Паисия. Это пространное сочинение, насчитывающее почти тысячу листов, является одним из важнейших источников для истории взаимоотношений царя и патриарха, светской и духовной власти. Это не только памятник канонического права, не только ответ на предъявленные обвинения, но и своеобразное *credo* Никона, его философия и мировоззрение. В полемическом стиле «Возражения», изобилующем цитатами из Библии и сочинений отцов церкви, немало личных моментов. Обличая своих противников, Никон не стесняется в выражениях. Так, Паисия Лигарида он называет «совопросниче и толковниче человекоугодный», «беззаконный толковниче», «неправедный толковниче ложных словес», «враже истинны и всякия правды», «самомнине» и т. д. Как заметила В. Б. Тумина, «чем глубже Никон вникает в оспариваемый вопрос, тем оживленнее и ярче становится его речь. Это нор-

мальный процесс речи пылкого человека». Эта черта делает письменное возражение звучным и приближает его к устной речи⁵⁴.

Основной лейтмотив «Возражения» — превосходство духовной власти над светской. Никон писал, что «священство и самага царства честнейши и болши есть началство», что «царие помазуются от священническую руку, а не священными от царские руки», что «священство начашася не от человек, ни человеком, но от самого Бога». В своих доводах он употребляет яркие сравнения: «два меча владычествовати, иже есть духовный и мирский», «Господь Бог всеилный, егда небо и землю сотворил, тогда два светила, солнце и месяц, на нем ходяще, на земли светити повеле. Има же нам показа власть архиерейскую. Месяц же показа ибо солнце вяще светит во дне, яко архиерей душам; меньшее же светило в нощи, еже есть телу. Яко же месяц емлет свет от солнца, и егда далее от него отступает, тем совершеннейши свет имать, тако же и царь поемлет посвящения помазание и венчание от архиерея, его же абие восприемлет, уже имать свое совершенное светило, еже есть и святейшую силу и власть. Таковое есть то разнство между тыма двома лицама, во всем христианстве, яковая есть между солнце и месяцем, ибо архиерейска власть во дни, еже есть над душами, царская же власть в вещех мира сего»⁵⁵. По мнению Г. Вальденберга, сравнение духовной и светской власти с солнцем и луной обнаруживает почти буквальное сходство взглядов Никона и папы Римского Иннокентия III⁵⁶. Однако трудно предположить, что патриарх был знаком с сочинениями понтифика. Он не знал ни латыни, ни греческого. Возможно, Никон пользовался какими-то переводными сочинениями. Во всяком случае, можно согласиться с Г. В. Вернадским, что «даже если Никон взял образ солнца и луны для характеристики отношений между священством и царством у Иннокентия, это не значит, что он воспринял заостренные католические идеи знаменитого папы. Никон только воспользовался этим образом, поскольку образ этот подходил к кругу его идей»⁵⁷. Как уже говорилось, патриарх опирался на святоотеческую литературу и на Священное Писание. Чаще всего он цитирует Кормчую книгу, переизданную с дополнительными статьями в 1653 г.

И сочинение Паисия Лигарида, и «Возражение» Никона, по всей видимости, должны были фигурировать на церковном суде над патриархом. В декабре 1662 г. московские власти решили созвать новый собор, на котором предстояло поставить точку в деле Никона. Вместе с духовными властями «у соборного дела» государь указал быть боярам Н. И. Одоевскому, П. М. Салтыкову, думному дворянину П. К. Елизарову, дьякам Алмазу Иванову и Лукьяну Голосову. Салтыков получил указание собирать сведения, «что патриарх Никон, будучи на патриаршестве, из соборных церкви взял образов и всякие церковные утвари», «что он же

патриарх взял из домовые казны денег, и золотых, и ефимков», сколько он выменял патриарших вотчин и у кого именно, сколько книг было издано на Печатном дворе и кому они отданы⁵⁸. Нетрудно догадаться, зачем понадобились все эти сведения. Выражаясь современным языком, следствие попросту собирало компромат на патриарха, в надежде уличить его в казнокрадстве или каких-либо других злоупотреблениях.

Вновь начались тяжбы Никона с Иваном Сытиным и Романом Бобарыкиным. В канцелярии московских приказов на «немилосердного разорителя» патриарха одна за другой поступали челобитные⁵⁹. С обвинениями в адрес Никона выступил и вятский епископ Александр, который написал письмо на имя царя, составленное в виде катехизиса, в подражание ответам Паисия Лигарида на вопросы боярина Стрешнева. В письме Александр глумился над Никоном, называл его еретиком и молил царя избрать нового патриарха, который был бы не менее пятнадцати лет в монашестве, засвидетельствован в добром житии, мог толковать Священное Писание, ревнив о благочестии и заботился бы не о строении городов, а о благолепии церкви и спасении душ человеческих⁶⁰. В это же время были поданы отписки архиереев по поводу «клятвы», наложенной Никоном на крутицкого митрополита Питирима, в которых проклятие патриарха признавалось недействительным⁶¹. Паисий Лигарид изучал материалы церковного собора 1660 г. Ученый грек посоветовал царю известить о деле Никона константинопольского патриарха и пригласить его в Москву для поставления нового владыки⁶². Немедленно были составлены письма к цареградскому патриарху Дионисию, александрийскому патриарху Паисию, антиохийскому патриарху Макарию и иерусалимскому патриарху Нектарию. Важные послания было поручено доставить греческому иеродьякону Мелетию. Чтобы патриархи были сговорчивее, каждому из них было послано жалованье от 300 до 400 червонцев и тридцать пар соболей для раздачи греческому духовенству⁶³.

Между тем церковная смута усиливалась. После ухода Никона с патриаршества оживились противники церковной реформы. В это время начинается деятельность таких легендарных старообрядцев, как Спиридон Потемкин, дьякон Федор, Никита Добрынин, архимандрит Никанор. В столице центром критики «книжной sprawy» стал дом боярыни Феодосии Морозовой, вдовы Глеба Ивановича Морозова⁶⁴. Сочинения первых расколоучителей впоследствии разошлись во множестве списков и прославили их авторов в старообрядческой среде. Негласную поддержку раскольникам оказывал вятский епископ Александр, ставший, как мы уже говорили, непримиримым врагом патриарха Никона⁶⁵. Наконец, из сибирской ссылки был возвращен протопоп Аввакум. Государь принял протопопа хорошо и велел его «поставить в Кремле, на

монастырском подворье». В своем Житии Аввакум писал, что Алексей Михайлович, «в походы ходя мимо двора моего, благословляя и кланяясь со мною, сам о здоровье меня спрашивал часто. В ыную пору, миленькой, и шапку уронил, поклоняся со мною. И давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними в вере соединился»⁶⁶. Аввакум получил от царя и его приближенных около ста рублей, по тем временам огромную сумму. Протопопа даже хотели сделать справщиком на Печатном дворе, но он отказался.

Причина таких перемен очевидна. Московские власти хотели использовать противников обрядовых реформ для низложения Никона. Однако сделать этого не удалось. Староверы оказались слишком неговорчивы, слишком увлечены своей идеей церковного обновления и слишком независимы в своих суждениях, чтобы оказаться полезными для политиков московского двора⁶⁷. В конце концов, власть отвернулась от старообрядцев. Аввакум снова был отправлен в ссылку, дьякон Федор арестован. Спустя несколько лет собор 1667 г. предал проклятию противников никоновских реформ, тем самым положив начало церковному расколу.

Между тем положение Никона становилось все более невыносимым. Он понимал, что вернуться в Москву ему уже не удастся, что дело его в скором времени должно завершиться, однако он ничем не мог защитить себя. В июне 1663 г. в Воскресенский монастырь неожиданно приехала боярская комиссия во главе с князем Н. И. Одоевским, окольничим Р. М. Стрешневым и астраханским архиепископом Иосифом. В комиссию входил и Паисий Лигарид. Посланцев из Москвы сопровождал отряд из пятидесяти стрельцов и много дворян и детей боярских. Прибытие вооруженного отряда навело страх на монастырских людей. Причиной неожиданного визита стал донос Романа Бобарыкина на патриарха. По словам доносчика, Никон во время молебна произнес проклятие на царя и его семью. Патриарху был устроен допрос. Никон утверждал, что «он про великаго государя непристойных слов не говорил и клятвы не износил и в мысли де его на то не бывало». Патриарх был крайне раздражен бесцеремонным вторжением в его владения. Он позволял себе резкие выражения, особенно в адрес газского митрополита, которого называл «вором и собакою и врагом Божиим»⁶⁸. О князе Н. И. Одоевском Никон впоследствии писал, что это «человек прегордой, страху Божия в сердцах не имеет»⁶⁹. В конце концов, патриарху было указано «обид и насильств никому не чинить и жить в монастыре смирно и никуды не ходить». «Для береженья» в обители был оставлен отряд московских стрельцов во главе с Василием Философовым⁷⁰. Так Воскресенский монастырь стал для Никона первым местом заточения.

В то время, пока тянулось дело Никона, положение в стране осложнялось. В июле 1662 г. в столице вспыхнуло восстание, вызванное обесцениванием медной монеты, которая получила широкое хождение после начала русско-польской войны. В Москве были обнаружены воровские письма с именами изменников. Начались погромы дворов бояр и богатых купцов. Восставшая толпа отправилась в Коломенское, где в это время находился государь, и стала требовать, чтобы был учинен розыск и изменники, виновные в разорении страны, были казнены. Дело дошло до того, что кто-то даже взял царя «за платье, за пуговицы». Алексею Михайловичу пришлось уговаривать повстанцев «тихим обычаем». После того как волнения улеглись, подоспевшие в Коломенское стрелецкие полки жестоко расправились с возмутителями спокойствия. «Медный бунт» 1662 г. привел к отмене хождения медной монеты⁷¹. Оставалось сложным и внешнее положение страны. Если война со Швецией закончилась в 1661 г. Кардисским миром, то война с Польшей приобрела для России драматический характер. В 1660 г. после смерти Карла X Речь Посполитая заключила со Швецией Оливский мир, что дало ей возможность перебросить высвободившиеся военные силы на Украину и в Белоруссию. Русские войска стали терпеть неудачи. К 1662 г. поляки отвоевали Могилев и Борисов⁷². Ходили слухи, что польские и литовские отряды продвигаются к Вязьме⁷³. В этих условиях патриарх предпринял попытку примириться с царем.

В ночь на 18 февраля 1664 г. через Никитские ворота Земляного города в Москву въехали «неведомо какова чину люди верхами и в санях». На вопрос караульных, кто такие, они ответили, что «едет Звенигородская власть»⁷⁴. Сани проследовали в Кремль к Успенскому собору. В это время в главном храме России служил всенощную ростовский митрополит Иона, который после перевода крутицкого митрополита Питирима в Новгородскую митрополию стал местоблюстителем патриаршего престола. Неожиданно «шум учал быть и двери загремели, и вошли в соборную церковь люди многие, и за людьми крест внесли, а за крестом патриарх Никон вошел и стал на патриарше месте». Патриарх велел соборным властям продолжать службу, а сам подошел поцеловать икону и ризу Господню, затем вернулся на патриаршее место и говорил молитву. Никон велел позвать к благословению митрополита Иону, «и он де у благословения был». После этого благословение получили протопоп и другая братия. Никон послал митрополита к царю известить о своем приезде⁷⁵.

Во дворце поднялся переполох. Срочно были вызваны бояре и высшие духовные лица. В Успенский собор отправились крутицкий митрополит Павел, князь Н. И. Одоевский, князь Ю. А. Долгорукий, окольничий Р. М. Стрешнев и дьяк Алмаз Иванов. Придя в церковь, они

спрашивали Никона, зачем он приехал в Москву без ведома государя. Патриарх отвечал, что он оставил патриаршество никем не гоним и теперь вернулся «никем зовом». «А пришел де он на свой престол по явлению и давал им к великому государю письмо»⁷⁶. В письме Никон сообщал о бывшем ему в Рождественский пост видении святителя Петра, который показал ему хартию, подписанную церковными властями, о возвращении патриарха на свой престол. Владыка извещал царя, что он пришел с миром⁷⁷. После того, как «власти и бояря того письма слушали», Никону было велено, чтобы он «из соборной церкви ехал в Воскресенский монастырь попрежнему»⁷⁸. Патриарх вышел из собора, взяв с собой посох митрополита Петра, символ патриаршей власти. Бояре говорили, чтобы он оставил посох в соборе, но Никон сказал: «Отнимите де у меня ево сильно»⁷⁹. Выйдя из собора, патриарх сел в сани и проследовал за Земляной город в сопровождении Д. А. Долгорукова и А. С. Матвеева.

Вслед Никону были посланы крутицкий митрополит Павел и окольный Р. М. Стрешнев, которым было поручено догнать патриарха и взять у него посох митрополита Петра. Посланцы настигли Никона недалеко от Москвы, в селе Чернево. Вскоре к ним присоединились и другие бояре. Никона долго расспрашивали, зачем он приезжал в Москву. Патриарх отвечал, что он «в соборную церковь вошел не самовольно, по вести с Москвы, а посоха де он не отдаст для того, что отдать ему того посоха некому»⁸⁰. Власти объявили, что пока патриарх не отдаст посоха, он должен оставаться в Черневе. Кроме того, они допытывались, по какой вести Никон приезжал в Москву. Патриарх говорил: «Как-де великий государь был в Савинском монастыре, и он-де патриарх к великому государю посылал архимарита своего, и великого государя к нему милость была такова, какова по отшествии его к нему никогда не бывало. И после де того, прислано к нему первое письмо, а другое де прислано Декабря в 17 день...»⁸¹ Переговоры продолжались. В конце концов Никон сам послал посох к Алексею Михайловичу вместе с письмом, в котором излагал условия, на которых он готов согласиться на избрание нового патриарха. Никон обещал не вмешиваться в патриаршие дела, как только церковный собор поставит нового владыку, однако требовал, чтобы в его владении остались Воскресенский и Иверский монастыри с приписанными к ним обителями, «да пожаловал бы великий государь, не оставил к нему своей государевой милости в своих потребных вещех, чем бы ему пропитатца до смерти ево, а век де ево не долгой». Посох и письмо, «кто к нему о том, чтоб ему ехать Декабря в 18 день к Москве и в соборную церковь притти писал и прежние и нынешние писма, от кого и с кем присланы», Никон передал царю с воскресенским архимандритом Герасимом⁸². Так в руки

властей попали документы, которые позволили возбудить новое следственное дело.

Автором писем к патриарху Никону был его давний друг Никита Алексеевич Зюзин. Он известил патриарха, что Алексей Михайлович стал милостив, «на все тебе спеет на благое», и просил Никона приехать в Москву, чтобы «кровопролитие прекратити с сопостаты вкупе по совету с царем и со всеми»⁸³. О расположенности царя к примирению Зюзин узнал А. Л. Ордина-Нащокина и от А. С. Матвеева. Афанасий Нащокин говорил, что во время посещения царем Саввина Сторожевского монастыря к Алексею Михайловичу приезжал от патриарха воскресенский архимандрит бить челом, чтобы царь смуте не верил никакой: «И великий де государь сказал, что смуте не верит и гневу моево на него нет». Кроме того, к царю в село Хорошево приезжал старец Григорий Неронов и говорил про патриарха «здорные речи», но Алексей Михайлович не стал его слушать. Вероятно, Зюзин расценил эти неопределенные слухи как знак потепления в натянутых отношениях между царем и патриархом и решился пригласить Никона в столицу. Следствие выслушало показания свидетелей, в том числе Ордина-Нащокина, который заявил, что он с Никитой Зюзиным «про патриарха не говаривал и патриарховых никаких писем о приходе ево к Москве ему Афонасью он Микита не показывал». Зюзин был допрошен с пристрастием, «и роздеван, и руки в петлю кладены, и к огню приношен и держан». Боярин повинился, что он напрасно оговорил Афанасия Нащокина и Артемона Матвеева, и сказал, что писал патриарху «сам собою и ни с кем не думал»⁸⁴. Для Нащокина и Матвеева это дело не имело ощутимых последствий, зато Никита Зюзин был лишен боярского чина и сослан в Казань. Все его вотчины и поместья были отписаны на государя⁸⁵. Так бесславно закончилась карьера ставленника патриарха Никона.

В это же время состоялся церковный собор, осудивший митрополита Иону, «бес хитрости» принявшего у Никона благословение в Успенском соборе. Иона «не возбранил бывшему Никону патриарху, отрекшемуся патриаршества, самовольно с клятвою и узою анафемы себе связя крепко, но и не дождався от святых вселенских патриарх разсуждения, с ним, бывшим Никоном патриархом, сообщался». За это митрополит был отставлен от местоблюстительства патриаршего престола и снова переведен в ростовскую митрополию «до разсмотрения и указу всего освященного собора». Блюстителем патриаршего престола был назначен крутицкий митрополит Павел⁸⁶.

Между тем патриарх Никон безвыездно жил в Воскресенском монастыре и занимался благоустройством своей обители. В мае 1665 г. его посетил голландский путешественник Николаас Витсен, находившийся

в это время в Москве в составе посольства Якоба Борейля. Витсен принял тайную поездку к Никону с тем, чтобы повидать патриарха, о котором ходило столько разговоров. Чтобы избежать подозрений, он приказал отправить ружья, багаж и прочие вещи за ворота. Подводы и корм ему предоставили патриаршие монахи. Вот как описывает Витсен встречу с патриархом: «Когда он приблизился, мы все трое очень почтительно били перед ним челом, а встав, предложили ему свои подарки, которые он охотно принял и, рассматривая, очень нас благодарил. На его крыльце стоял большой белый камень. На него он сел, чтобы беседовать с нами, а мы стояли перед ним под открытым небом с обнаженными головами. Он расспрашивал нас о многом, о ходе нашей войны с Англией и о том, как отпускают нашего посла; когда мы ответили: „Плохо“, он сказал: „Вот теперь так и идут дела, когда меня там нет и они лишены моих благословений, всех они делают своими врагами, включая татар. Когда я еще находился в Москве, всегда меня обвиняли в подобных неудачах; но кто же теперь виноват?“ После этого он стал расспрашивать нас о положении большинства государств в мире»⁸⁷. Патриарх рассказывал Витсену о своем бедственном положении, о том, что ему угрожали и обвиняли, что он будто бы не хочет молиться за царя, и даже пытались отравить⁸⁸.

Рассказ Витсена показывает, что Никон был хорошо информирован о происходящем в столице и за ее пределами. Несмотря на те ограничения, которым подвергся патриарх после доноса на него Романа Бобарыкина, он мог общаться с внешним миром. Воскресенские монахи и патриаршие люди могли беспрепятственно покидать обитель. Никон, безусловно, знал, что на Восток отправилось посольство, которое должно было пригласить в Москву вселенских патриархов. Пытаясь перехватить инициативу, он решил сам отписать о своем деле в Константинополь.

В конце 1665 г. в Москву приехало посольство гетмана Ивана Брюховецкого. Через доверенных лиц Никон сумел пристроить к послам своего двоюродного племянника Федота Марисова, который направлялся в Царьград. Марисов вез с собой грамоты Никона к константинопольскому патриарху Дионисию и иерусалимскому патриарху Нектарию, а также к архимандриту Киево-Печерского монастыря. Однако обо всем этом вскоре узнали в Москве и в догонку Марисову были посланы стрелецкий сотник Василий Чадуев и подъячий Иван Дорофеев. Федот Марисов был схвачен и в феврале 1666 г. доставлен в Москву⁸⁹.

В грамоте к константинопольскому патриарху Дионисию Никон подробно описывал историю своей жизни с момента поставления на патриаршество. Патриарх писал, что Алексей Михайлович его благословением победил Литву, но затем «нача помалу гордиться и выситися...

и во архиерейские дела учал вступатца властью и суд наш владети...»⁹⁰. Никон поведал об истории с князем Мещерским во время приезда грузинского царя Теймураза, о своем отшествии с патриаршего престола, о Монастырском приказе и «проклятой» Уложенной книге, о церковном «прелюбодеянии» крутицкого митрополита, о деятельности Паисия Лигарида и о бывшем в Москве церковном соборе. Никон полагал, что его могут судить только вселенские патриархи. «За все судите нас с царским величеством праведно», — писал он Дионисию. Никон уверял греческого владыку, что в царских грамотах о нем пишут неправду: «И ныне, по царскому велению, что писаша к вам о нас, не верите. А как приедите к Москве, увидите злобство их и вражду и лжу...»⁹¹

Неизвестно, какие бы последствия имели грамоты Никона, если бы они дошли до адресата. Скорее всего, они бы еще больше насторожили греческих иерархов, которые и без того не были расположены ехать в Москву. Посланному на Восток иеродьякону Мелетию с большим трудом удалось уговорить антиохийского патриарха Макария и александрийского патриарха Паисия отправиться в Россию. Владыки были обласканы московскими властями, однако ни один из них не знал об истинной цели своего визита. В июне 1666 г. лодьи с патриархами вошли в устье Волги и к концу октября достигли Владимира⁹². Навстречу грекам выехал стольник и голова московских стрельцов Артемон Сергеевич Матвеев, который уже начинал приобретать большое влияние при дворе. 19 октября он встретил патриархов в селе Судогде, недалеко от Владимира. На встрече с ними Артемон Матвеев говорил, что его послал государь Алексей Михайлович и что в Москве церковный собор ожидает их прибытия. Между тем Макарий и Паисий расспрашивали о международных делах, с кем из своих соседей царь живет в мире, а с кем ведет войну⁹³. Наконец, Матвеев перешел к самому главному. Он сказал, что царь Алексей Михайлович радуется их приезду, поскольку русская церковь вот уже несколько лет вдовствует «от произволения бывшего Никона патриарха», который поначалу «был тих и кроток, а после того учинился горд и немилосерд, как недостойт архиереом». Никону вменялось в вину то, что «учел себя писати великим государем», стяжал огромные богатства, принимал к себе беглых людей, от чего «учинилось многое разорение» и все чины били государю челом на патриарха. Царь учинил розыск, но до Никона «никакова безчестия не допустил». Патриарх же «милость великаго государя ни во что поставил, паче возгордел: ис приказов великаго государя всякие росправныя, и поместныя, и вотчинныя дела приказным своим велел брать и вершить для всяких своих пожитков, не докладывая великаго государя». «А иные многие дела вам святейшим папам и патриархом известны будут на святем соборе», — заключал Матвеев⁹⁴. Далее стольник

рассказал об оставлении Никоном патриаршества, о приезде к нему князя А. Н. Трубецкого, о Новом Иерусалиме, о приезде патриарха в Москву по грамоте Никиты Зюзина, наконец, о созыве церковного собора и о приглашении вселенских владык⁹⁵. Так греческие иерархи узнали о грандиозной драме, которая разворачивалась в Московском государстве.

Вскоре, 24 октября, Макарий и Паисий выехали из Владимира, и 2 ноября состоялся их торжественный въезд в столицу⁹⁶. 5 ноября «в 6-м часу ночи святейшие патриархи были у великого государя в столовой избе и сидели до 10 часа и говорили с великим государем наедине». На следующий день консультации с московскими властями были продолжены уже в присутствии русских архиереев и Боярской думы⁹⁷. Конфиденциальность этих бесед позволяет предположить, что почти за месяц до начала соборных заседаний греческие владыки получили инструкции о том, какое решение они должны вынести в конечном итоге. Разумеется, ни Паисий ни Макарий даже не попытались выступить в защиту Никона.

Бывший патриарх Московский был призван на собор 28 ноября. Однако Никон все еще пытался сохранить свое достоинство. Он заявил: «Я де поставления святительства и престол патриаршеский имею не от александрийского, ни от антиохийскаго патриархов, но от константинопольского, а патриархи де александрийский и антиохийский и сами живут не в Александрии и во Антиохии, александрийский де живет во Египте, а антиохийский в Дамасце». Никон согласился приехать в Москву, если у патриархов есть благословение константинопольского владыки, но «времени не объявил»⁹⁸. Патриархи по церковным правилам посылали за ним во второй, а затем и в третий раз.

Наконец 30 ноября Никон выехал из Воскресенского монастыря, взяв с собой «правила святых Апостол и святых Отец, Псалтирь с возследованием и книгу на 30 вопросов Болярина Симеона Лукьяновича Стрешнева и на ответы Газскаго Митрополита Паисия о разорении Патриаршеских дел, иного же ничтоже не повеле взять, токмо один крест, его же бы пред ним нести»⁹⁹. Очевидно, патриарх надеялся использовать эти книги на соборе, выступая в свою защиту. Никона сопровождал клирик Иван Шушерин, который вез святой крест. Однако при въезде в столицу он был взят под стражу двумя стрельцами и доставлен к царю. Алексей Михайлович расспрашивал Шушерина «о неведомых вещех», но тот «отрицающуся и ничто же ведати ему глаголющу». Государь сказал ему: «Глаголи ты ныне мне, аще же ныне мне не учнеши глаголати, а не мне скажеша же, то будет ти сидети дондеже Бог изволит; аще ли же речеши ми, то и свобода тебе того ж часа будет»¹⁰⁰. Трудно сказать, что хотел услышать Алексей Михайлович от Шушерина.

Так или иначе, но клирик заявил, что ни о чем не знает. После этого он был заключен в тюрьму, где провел три года, а затем отправился в ссылку в Великий Новгород.

В Москву Никон прибыл поздно вечером 30 ноября. Он остановился на Архангельском подворье в Кремле. На следующий день в столовой палате состоялось заседание Освященного собора, на котором присутствовали греческие и русские иерархи, а также практически весь состав Боярской думы и сам государь¹⁰¹. Когда все собрались, послали за Никоном. В четвертом часу дня патриарх пришел на собор. Помолившись при входе за государя и его семью, он поклонился царю и вселенским патриархам. Греческие владыки сказали ему через переводчика, чтобы он сел «на правой стороне близ государева места», но Никон ответил: «...я де места себе где сесть с собою не принес, разве де тут, где стою, а пришел де он ведать для чего они вселенские патриархи его звали»¹⁰². После этого с государева места сошел Алексей Михайлович и, обратившись к вселенским патриархам, говорил, что от начала Московского государства соборной церкви не было такого бесчестия, какое учинил Никон, самовольно оставив патриаршество, никем не гоним, отчего «многие смуты и мятежи учинились». Царь просил греческих владык допросить Никона, однако тот спросил, есть ли у антиохийского и александрийского патриархов согласие с константинопольским и иерусалимским, «что его патриарха Никона судить; а без их де совету он, бывший патриарх Никон, им отвечать не будет», потому что он рукоположен от константинопольского патриарха. Греки отвечали, что согласие есть, и указали на свитки с подписью константинопольского и иерусалимского патриархов. Начался допрос Никона¹⁰³.

Греки в мельчайших подробностях стали восстанавливать обстоятельства оставления Никоном патриаршества. Они спрашивали его, «какие обиды от великого государя ему были», почему он «отрекся патриаршества с клятвою». Этот вопрос, очевидно, имел весьма важное значение в глазах вселенских владык. Перед собором была даже подготовлена специальная выписка из церковной истории о патриархах, самовольно оставивших свой престол¹⁰⁴. Между тем на допросе была зачитана перехваченная грамота Никона к константинопольскому патриарху Дионисию, которая стала одним из главных документов обвинения. В ней патриарх писал, что московский митрополит Филипп был несправедливо замучен Иваном Грозным, а также «про великого государя многое безчестье и укоризны и будто учал вступатца во архиерейские дела». Никон отвечал, «что де он писал, того не помнит», а многое «делал неведением»¹⁰⁵. Допрос продолжался долго. Вспомнили и о том, что Никон укорял Уложенную книгу, хотя сам к ней руку приложил, и о деле Зюзина, и о проклятии митрополита Питирима и боярина

С. Л. Стрешнева, и о других делах. Наконец Никону велели идти на подворье¹⁰⁶.

Следующее соборное заседание состоялось 3 декабря, однако Никона на него не пригласили. Список вин патриарха увеличивался. Греческим владыкам было предложено учинить «разсуждение» о действиях Никона, в частности о том, что он, бранясь с газским митрополитом Паисием, в грамоте к константинопольскому патриарху Дионисию писал, что царь и весь Освященный собор «отложились и приступили к западному костелу». Патриархи говорили, что они о том «учнут судить по правилам святых апостол и святых отец». Антиохийский патриарх Макарий заметил, что Никон неправильно отправлял обряд водосвятия на праздник Богоявления Господня, освящая воду не днем, а «в навечерни». После этого патриархи пошли к себе на подворье¹⁰⁷. Следующее заседание проходило 5 декабря. Епископы Александр Вятский и Мефодий Мстиславский были посланы за Никоном, чтобы пригласить его на собор. После долгих прений бывшему московскому патриарху были, говоря современным юридическим языком, предъявлены обвинения: во-первых, в том, что он отрекся от патриаршего престола «с клятвою» и рассердил великого государя; во-вторых, в грамоте к константинопольскому патриарху написал, что православная апостольская церковь приложилась «к западному костелу»; в-третьих, что он называл вселенских патриархов «непатриархами и соборные святыя правила называл ложными и враками»; наконец, что он «изверг, обругал и сослал в ссылку» коломенского епископа Павла, что «вменитца в убийство»¹⁰⁸. После этого Никону было велено идти на подворье.

Через два дня греческие патриархи снова совещались наедине с Алексеем Михайловичем. Наконец, 12 декабря было вынесено соборное определение по делу Никона. Греческие и русские архиереи съехались на собор в крестовую палату. За Никоном на этот раз был послан князь Петр Прозоровский. Когда Никон зашел в сени перед крестовой, соборные власти пошли в церковь, «что на Чюдовских воротех», и расположились по чину. Затем привели Никона. Рязанский архиепископ Иларион зачитал выписку о его винах. «И как тое выписку и вины архиепископ прочел, и святейшие патриархи с своих патриаршеских мест сошли и стали у царских дверей и бывшего Никона патриарха призвали к себе, и сказав ему вины сами клобук и понагию с него снял alexandрийской патриарх и говорил ему Никону, что он впредь патриархом не именовался и не писался, а именовался и писался простой монах Никон и в монастыре жил тихо и безмятежно». Никон ответил: «...знаю де я и без вашего поучения как жить, а что де клобук и понагею с него сняли, и они б с клобука жемчуг и понагию разделили по себе»¹⁰⁹. Это оскорбление в адрес греческих владык было

последнее, чем Никон мог ответить на те унижения, которым он подвергся на суде.

В тот же день восточные патриархи направили от имени Освященного собора грамоты константинопольскому и иерусалимскому патриархам о низложении Никона¹¹⁰. Дело Никона завершилось. На следующее утро на подворье к бывшему патриарху пришел окольный Родон Стрешнев с подарками от царя и просил дать государю и царице благословение. Однако Никон подарков не принял и благословения не дал. Вслед за Стрешневым явился полковник Аггей Шепелев и объявил Никону, что «царь повелевает тебе идти на уготованное тебе место, ежесть в Ферапонтов монастырь, без всякаго закоснения»¹¹¹. Никона посадили в сани, в которых он приехал из Воскресенского монастыря, и повезли за Земляной город «с великою борзостию» в сопровождении двух сотен стрельцов. Когда сани выехали за пределы столицы, большая часть сопровождающих вернулась в Москву, а «Аггей Шепелев, имея при себе воинов пятьдесят», повез Никона по Дмитровской дороге к месту ссылки¹¹².

Глава 14

Наследие Никона

И там (как знать) найдет прошелец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет...

М. Ю. Лермонтов

Пока быстрые сани уносят опального патриарха в заснеженные дали русского Севера, у нас есть возможность сделать небольшое отступление и попытаться заглянуть во внутренний мир человека, с именем которого связаны важные события в общественной и культурной жизни своего времени. Как бы ни относиться к личности самого Никона и его деятельности на патриаршем престоле, нельзя не согласиться с тем, что он был человеком незаурядным. Его грандиозные замыслы впечатляют своим размахом, однако их реализация неизменно наталкивалась на непоследовательность, вызванную складом характера патриарха и изменчивой политической конъюнктурой «бунташного века». По меткой характеристике С. М. Соловьева, Никон был похож «на богатыря в патриаршей митре и саккосе», который не умел сдерживать и направлять свою богатырскую силу¹. Действительно, в патриархе было немало богатырского. Это был человек несгибаемой воли, верный своим принципам и убеждениям да к тому же обладавший недюжинной физической силой.

Сохранилось довольно много источников, на основании которых можно судить о характере, внешности и личных качествах Никона. Некоторые из них, например сочинения старообрядцев, крайне тенденциозны, а наиболее ценные и достоверные сведения оставили иностранные авторы. Так, Адам Олеарий, книгу которого мы уже неоднократно цитировали по ходу нашего повествования, приводит весьма колоритное описание Никона: «Это человек лет 40, свежий и энергичный;

он живет в Кремле в великолепном дворце, который он сам для себя велел построить; доставляет себе все удобства, соответствующие их обычаям, живет широко и охотно шутит. Как рассказывают, когда недавно дала себя вторично окрестить, вместе с друзьями своими, некая прекрасная девица, пришедшая потом принять у него благословение, то он сказал ей: „Прекрасная девица, я не знаю, должен ли я сначала поцеловать тебя или сначала благословить“. У них существует обычай вновь принятых в их религию по даровании им благословения приветствовать христианским поцелуем»². Однако это свидетельство имеет один существенный недостаток. Дело в том, что сам Олеарий никогда не видел Никона. В последний раз ученый побывал в России в 1643 г., когда русскую церковь возглавлял патриарх Иосиф. В 1656 г. Олеарий выпустил второе издание своей книги о Московии, в которую были включены главы о первых годах правления Алексея Михайловича с описанием русского двора, системы приказного управления, церковного устройства, а также характеров первых лиц государства. Описывая Никона, Олеарий пользовался сведениями, которые ему присылали его корреспонденты в Москве. Хотя у нас нет оснований подозревать голштинского ученого в умышленном или неумышленном искажении фактов, все же нужно отметить, что его зарисовка сделана не с натуры.

Человеком, лично знавшим Никона, был архидьякон Павел Алеппский, секретарь посольства антиохийского патриарха Макария, посетившего Россию в 1655—1656 гг. Павел много раз видел Никона на торжественных церемониях и в узком кругу. Однако нужно учесть, что его характеристики патриарха довольно пристрастны. Это было связано с особенностью миссии антиохийского владыки, который, как и другие греки, приехал в Россию в поисках финансовой и политической поддержки московского двора. О Никоне Павел Алеппский пишет с благоговением и трепетом: «Он великий тиран по отношению к архиереям, архимандритам и всему священническому чину, даже к государственным сановникам. Он ни за кого не принимает ходатайства... Прослышав о чем-нибудь проступке, даже об опьянении, он немедленно того заточает, ибо его стрельцы постоянно рыщут по городу и, как только увидят священника или монаха пьяным, сажают его в тюрьму, подвергая всяческому унижению»³. В то же время Павел избегает описания внешности патриарха, его характера и привычек. В его объемной книге очень редко встречаются детали, по которым можно было бы воссоздать неформальный портрет Никона, лишенный парадности и внешнего блеска. Впрочем, иногда Павел проговаривается. В одном месте он дает понять, что патриарх был плохим проповедником. Перед отъездом царя в польский поход в марте 1655 г. Никон призывал благословение на государя, приводя примеры из древних авторов. «Когда он запинаясь

или ошибался, — пишет Павел, — то долго обдумывал и молчал: некому было порицать его и досадовать, но все молча и внимательно слушали его слова, особливо царь, который стоял, сложив руки крестом и опустив голову»⁴.

Пожалуй, наиболее ценные сведения о Никоне оставил голландский путешественник Николаас Витсен, посетивший Россию в 1664—1665 гг. Впоследствии он стал бургомистром Амстердама, ревностным покровителем наук и искусств, состоял в переписке с Петром Великим, с которым познакомился во время посещения царем Голландии. В 1665 г. Витсену было всего двадцать четыре года. Дневник, который он вел в период своего путешествия, является уникальным историческим источником. После того, как Витсен прибыл в Москву, он втайне от русских властей посетил Воскресенский монастырь, где встречался с опальным патриархом. Эта поездка была предпринята из чистого любопытства. У Витсена не было причин благоговеть перед Никонем, как Павел Алеппский, или ненавидеть его, как старообрядцы. Он просто записал впечатления стороннего наблюдателя. Витсен приводит яркое описание внешности и характера Никона: «Он очень прост в обращении и любознателен... У этого человека нехорошие манеры, он опрометчив и тороплив, привык часто делать некрасивые жесты, опираясь на свой крест [крест на посохе]. Он крепкого телосложения, довольно высокого роста, у него красное и прыщавое лицо, ему 64 года. Любит испанское вино. Кстати или нет, часто повторяет слова: „Наши добрые дела“. Он редко болеет, но перед грозой или ливнем чувствует себя вялым, а во время бури или дождя ему лучше. С тех пор как он уехал из Москвы, теперь уже 7—8 лет назад, его головы не касались ни гребенка, ни ножницы. Голова у него как у медузы, вся в густых, тяжелых космах, так же и борода»⁵.

Помимо словесных описаний, воссоздать внешний облик Никона помогают его портреты. Некоторые из них были написаны еще при жизни владыки. Так, Николаас Витсен упоминает, что «патриарх позволил нарисовать свой портрет, но теперь он не смеет повесить его, боясь клеветы, будто он возводит себя в сан святых»⁶. О каком портрете идет речь, сказать трудно. Архимандрит Леонид писал, что в Воскресенском монастыре хранилось несколько портретов Никона. На одном из них патриарх был изображен сидящим в кресле в простой монашеской рясе и камилавке. Правая рука Никона покоится на раскрытой книге «Апостол», а левая держит трость с набалдашником и черные янтарные четки⁷. Возможно, об этом портрете упоминал Паисий Лигарид, который писал, что, увидев его, он онемел, подумав, что перед ним исполин или циклоп, «и почел счастливыми слепорожденных за то, что не могут видеть такого зверообразного человека. Если бы кто вдруг увидел

Никона, ему почудилось бы, что видит бешеного волка»⁸. Поскольку портрет этот не сохранился, то оспаривать столь категоричную оценку современника можно лишь на том основании, что Паисий, как мы знаем, был ярым противником и политическим оппонентом Никона.

Сам факт того, что Никон позволял писать свои портреты, говорит о его расположении к новым веяниям в изобразительном искусстве, пришедшим в Россию с Запада, а не с Востока. В этом один из парадоксов личности Никона. Мы уже говорили, что патриарх был ярим противником икон, написанных в реалистичной манере «по образцам картин франкских и польских». Но в то же время он выступал заказчиком икон, в которых явно прослеживаются новые мотивы, связанные с возросшим интересом к реальному миру. В XVII в. иконописцы стали обращаться к сюжетам, имеющим под собой не только библейскую, но и историческую основу. Художники изображали конкретные исторические ситуации. Яркий пример тому — икона «Спас Вседержитель с припадающими митрополитом Филиппом и патриархом Никоном», выполненная в конце 1650-х гг. по заказу Никона для Голгофского придела Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря. По сравнению с фигурой Вседержителя, занимающей центральное место в композиции, припадающие к его стопам митрополит Филипп и Никон изображены в резко уменьшенном масштабе. Позы святителей свидетельствуют о смирении и покорности. Над фигурой Никона помещен текст покаянной молитвы. Патриарх не раз сравнивал свою судьбу с судьбой невинно убиенного Филиппа Колычева. Оказавшись в изгнании, Никон снова обратился к этому персонажу. Очевидно, преклонение безвинных страдальцев перед Вседержителем воплощает представление о высшей небесной справедливости⁹.

Проникновение светских черт в русскую культуру в XVII в. ознаменовалось не только появлением новых приемов в иконописании, но и зарождением подлинного портретного искусства, так называемой парсуны*. Если на иконе «Спас Вседержитель» изображение Никона слишком стилизовано и почти не дает материала для воспроизведения реального облика патриарха, то на парсунах уже прослеживаются индивидуальные черты. Авторами первых парсун были иностранные мастера, которые приезжали в Россию в середине XVII в. и работали в мастерских Оружейной палаты, выполняя специальные заказы для царского двора и Посольского приказа. Среди них были голландские живописцы Ганс Детерсон и Даниэль Вухтерс. Здесь же работали армянин

* Искаженное «персона» — название русской, белорусской и украинской портретной живописи XVII в., сохранявшей приемы иконописания. Первые парсуны писались на досках.

Иван Салтанов и русские мастера Симон Ушаков и Федор Zubов, а позднее Иван Безмин¹⁰. Детерсон трудился в Оружейной палате с 1643 г. Ему приписывается портрет патриарха Никона, на котором владыка изображен в архиерейском облачении, в полный рост. Портрет долгое время хранился в Воскресенском монастыре, где после революции разместились Московский областной краеведческий музей. В 1941 г., во время оккупации фашистами города Истры, часть экспозиции музея была уничтожена. Погиб и портрет Никона работы Детерсона¹¹. Ценность его заключалась в том, что он, вероятно, был выполнен с натуры. На основе этого портрета впоследствии создавались другие изображения патриарха.

Так, в 1683 г. Иван Артемьевич Безмин создал тафтяной портрет Никона, на котором детали одежды выполнены из кусков цветного шелка (тафты) и золотой ткани, а лицо и руки владыки писаны маслом по тонкому слою левкаса на доске. Характерно, что лицо и фигура патриарха выполнены в реалистичной манере: живые глаза, опухшие верхние веки, сурово сдвинутые брови. Портрет принадлежал князю В. В. Голицыну, фавориту царевны Софьи. После опалы Голицына портрет был передан в Высоко-Петровский монастырь, а откуда, уже после революции, попал в Государственный Исторический музей¹². Возможно, на основе прижизненных портретов Никона были выполнены два рисунка с изображением патриарха, на одном он представлен в полном архиерейском облачении, на другом — в домашнем одеянии, с посохом в руке. Эти рисунки поместил в своем альбоме имперский посол Августин Майерберг. Он побывал в России в 1661–1662 гг., но сам никогда не встречался с Никоном. Эти рисунки дают представление об одежде высшего духовенства, но вряд ли стоит искать в них подлинные черты лица патриарха¹³.

Гораздо больше реализма в портрете Никона, помещенном в книге «Титулярник», изготовленной в 1672 г. в Посольском приказе специально для царя Алексея Михайловича и его сына Федора Алексеевича. Впоследствии было выполнено несколько копий этой роскошной рукописи. Книга содержит краткие сведения по русской истории, в ней представлены портреты русских князей, царей и высших духовных лиц, украшенные растительным орнаментом¹⁴. Никон изображен здесь в архиерейской мантии, с камилавкой на голове. Около портрета надпись: «Преждебывший патриарх Никон», а внизу пояснение, что в 1667 г. Никон был «низвержен» по решению собора с участием вселенских патриархов. Взгляд Никона слегка скошенный, лицо спокойное. В этом изображении трудно выделить индивидуальные черты, однако ценность его заключается в том, что оно было сделано еще при жизни владыки и мастера, которым было поручено исполнение важного заказа, безусловно, не раз видели патриарха¹⁵.

Однако подлинным шедевром портретного искусства переходного периода является композиция «Патриарх Никон с клиром». По мнению Е. С. Овчинниковой, ее создавали несколько художников из мастерской Ивана Безмина. Возможно, портрет был написан к освящению храма Воскресения Христова в 1685 г., а его заказчиком могла выступать царица Татьяна Михайловна; ею, кстати, был исполнен еще один портрет патриарха — аппликацией из атласа и бархата (погиб в 1941 г.). В композиции «Патриарх Никон с клиром» еще много архаичного: отсутствует перспектива, основное внимание уделено деталям одежды. Однако каждому лицу дана индивидуальная портретная характеристика. Образ Никона написан без прикрас: лицо широкое и мясистое, нос крупный, взгляд пристальный и сосредоточенный. Патриарх изображен в полном архиерейском облачении: в саккосе, омофоре, митре, с посохом в руке и панагией на груди — символом патриаршей власти¹⁶. Такой портрет мог появиться либо в период могущества Никона, либо после его смерти, когда по инициативе царя Федора Алексеевича ему было возвращено патриаршее достоинство.

Все портреты Никона, несмотря на их разноплановость, выполнены в торжественной манере. Их можно назвать парадными, если это название вообще применимо к эпохе, когда жанр портретного искусства еще только зарождался. За этим парадным фасадом довольно трудно рассмотреть внутренний мир патриарха. Кисть живописца не могла передать особенностей его характера и привычек. Восполнить этот пробел помогут бытовые зарисовки из жизни Никона, которые легко воссоздать на основе материалов расходных книг патриарших приказов¹⁷.

Одной из характерных черт никоновской эпохи была страсть ко всему монументальному и пышному. Эта страсть прослеживается и в грандиозных архитектурных замыслах, и в красочных религиозных церемониях, и в быту, например в манере одеваться или окружать себя предметами роскоши. Очевидно, это было связано с представлениями об особом статусе московского патриарха. Никон приобретал вещи, которые, по его мнению, были сообразны патриаршему достоинству. В первую очередь, это дорогое церковное облачение и предметы личного обихода. Например, в сентябре 1652 г. «греченину Мануилу Костянтинову за зарукавье золотое светчатое делано с финифтом сщету шеснатцать звен, а в коех звенах дватцать четыре искорки яхонтовые, да дватцать четыре искорки алмазовые...» было уплачено 40 рублей. В том же месяце «греченину» Дмитрию Иванову «за две наволоки подушечные отлас турецкой» было дано 28 рублей. Никите Зюзину Никон заплатил 8 рублей за «ковёр цветной по нем шиты люди, и звери, и птицы»¹⁸. В домовую казну покупались золото, ефимки, серебряные кубки, яхонтовые камни, турецкий бархат.

По торжественным дням патриарх выходил к богослужению в соборную церковь в богатом одеянии. Например, на церемонии встречи царя Алексея Михайловича из польского похода 10 декабря 1656 г. на Никоне «облачение было большое: стихарь красной камчатой, пояс и патрахель и поручи большое, и полица большая жемчужная, сак Фотеевской большой, амфор в тот ход принесли новой большой, низан по золоту, митра большая, понагея келейная с олмазы...»¹⁹. Саккос, митру, епитрахиль и посохи патриарха Никона в настоящее время можно увидеть в музейной экспозиции Патриарших палат Московского Кремля²⁰. Никон ввел новый фасон в церковном облачении. Подражая грекам, он стал носить поверх ряски греческую рясу с широкими рукавами и пуговицами на груди, причем ношение греческой рясы было вменено в обязанность всему монашествующему духовенству²¹. Павел Алеппский писал, что патриарх имел большую любовь к греческим камилавкам и клобучкам и повелел сделать себе белый клобук по покрою греческих, вышитый золотом и жемчугом²².

Никон был буквально поглощен всем греческим, хотя даже не знал греческого языка. Он окружал себя греками, мнение которых высоко ценил. Например, в 1652 г. Никон приблизил к себе монаха Арсения Грека, который был сослан в Соловецкий монастырь «под крепкое начало», для «исправления православных христианских веры»²³. Два года спустя Арсений уже сидел на Печатном дворе и ведал «книжной справой». Особым почетом пользовался и антиохийский патриарх Макарий, которого Никон почитал за своего учителя. Павел Алеппский писал, что «Никон постоянно просил нашего учителя, говоря ему: „если что найдешь достойное порицания в чине наших обрядов, скажи нам об этом, дабы мы поступали, как должно“, и обыкновенно принимал его совет с величайшим вниманием»²⁴. Макарий, в отличие от других иностранных послов, пользовался необычайным почетом и относительной свободой передвижения.

Никон покупал греческие книги, одевался в греческую одежду, как мог подражал греческим обычаям. Эта страстная привязанность к иноземному позволила Г. Флоровскому сравнить патриарха с Петром Великим. По образному выражению богослова, у Никона «была почти болезненная склонность все переделывать и переоблачать по-гречески, как у Петра впоследствии страсть всех и все переодевать по-немецки или по-голландски. Их роднит также эта странная легкость разрыва с прошлым, эта неожиданная безытность, умышленность и надуманность в действии. И Никон слушал греческих владык и монахов с такой же доверчивой торопливостью, с какой Петр слушал своих „европейских“ советчиков»²⁵.

Учитывая характер церковной реформы Никона, подражание греческому кажется вполне естественным. Однако в обиходе патриарха

можно было также встретить вещи, привезенные из Западной Европы. Например, в описи домового казны Никона значатся «часы в серебре боевые маленькие, золочены, с одной стороны рука благословенная, а з другую сторону на решотке орел двоеглавый», «став с ножами облачен бархатом, по нем в длину кладен галун серебряной, а в нем восемь ножей Немецкого дела», «зеркало стенное Немецкое з затворы»²⁶. Еще будучи новгородским митрополитом, Никон приобрел ковши, рукоюи, сосуды голландского и немецкого производства²⁷. Поражает обстановка выездов Никона. Патриарх выезжал в карете «немецкое дело обита черною кожею, кругом гвоздзя золоченое», за которую было заплачено «по заморской цене пятьдесят рублей». Его зимний возок был «обит верх бархатом таусиным по верху, около возка голун серебряной широкой, гвоздзя медныя золочены большия». Другая карета «Литовская, на верху обито кожею красною, гвоздзя золоченыя в ней и в верху обито бархатом зеленым, бахрама золото»²⁸. Таким образом, патриарх в своей повседневной жизни довольно часто соприкасался с западной культурой, хотя одновременно выступал противником европейских веяний.

Выходы и выезды патриарха за пределы столицы были делом обычным. Никон много путешествовал по стране. Ежегодно он совершал поездки в Троице-Сергиев, Саввин Сторожевский, Новодевичий, Иверский, Воскресенский монастыри²⁹. За свою жизнь патриарх побывал во многих русских городах — в Нижнем Новгороде, Вологде, Архангельске, Каргополе, Твери, Владимире, Новгороде Великом, Юрьеве Польском, Вязьме, Коломне и других. Некоторые путешествия были довольно продолжительными, по несколько месяцев. Например, покинув Москву во время морового поветрия в июле 1654 г., патриарх вернулся в столицу только в начале февраля 1655 г.³⁰ 1 сентября 1656 г. Никон отправился в поход в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь, который закончился только 4 января 1657 г.³¹ Однако география поездок Никона была ограничена. В отличие от царя Алексея Михайловича, патриарх никогда не пересекал границу национального культурного пространства.

Выходы патриарха неизменно сопровождались раздачей милостыни, что являлось неременной обязанностью первосвященника. По церковным правилам, «аще который епископ или презвитер, некоему причетнику убогу сщю не подаст потребных, да отлучится». Согласно средневековым представлениям, церковное богатство «нищих есть богатство, еже сим издовляти весь освященный чин и вся причетники церковныя, и возраста ради, и сирот, и в старость пришедшим, и в немощи, в недуги впадшим, нищим в прекормление, и многоубогия чади, и странным в прилежание, и убогим сиротам в промышление, вдовцам же пособие, девицам потребы, обидимым заступление, пленным

искупление, во гладе прекормление»³². Суммы, отпускавшиеся на эти цели, по тем временам были довольно значительными. Так, 27 января 1653 г., во время похода во Владимир, Никон дал своему окольному Н. А. Зюзину на раздачу милостыни нищим три рубля³³. 9 мая 1653 г. «великий государь святейший Никон патриарх московский и всеа Руси ходил в свое государево село Владыкино, и в село Зарецкое, и в Дмитров, а в том походе нищим на раздачу вышло восемь рублей»³⁴. Накануне больших праздников патриарх часто посещал тюрьмы и благотворил узникам³⁵. Например, в ноябре 1652 г. он дал своему подьячему Владимиру Гурьеву два рубля денег, чтобы он отвез «в большую тюрьму тюремным сидельцем милостыни за сто хлебов ситных двуденежных, да за двести калачей денежных». В феврале 1653 г. патриарх сам ходил по приказам и раздавал милостыню колодникам³⁶. Нередко Никон устраивал трапезы для нищих в столовой палате, на которых порой собиралось больше ста человек³⁷.

Описания обедов на патриаршем дворе дают представление о кулинарных пристрастиях Никона. Так, Павел Алеппский рассказывает о приеме, устроенном по случаю поминовения московских митрополитов и патриархов. Гости собрались за столом. Подавали хлеба, различные напитки, красную и черную икру, рыбные кушанья всех сортов и видов³⁸. Рыбу Никон очень любил. На патриаршем дворе всегда было запасено изрядное количество осетров, белуги, сига. Зачастую рыбу доставляли живой³⁹. Патриарх и сам был заядлым рыболовом. Бывало, во время поездок за пределы Москвы «ходил государь патриарх ловить рыбы на пруд»⁴⁰. Среди других кушаний, подававшихся к столу Никона, чаще всего упоминаются яблоки. Владыка не гнушался простой еды, которой иногда приходилось довольствоваться в походах. Например, во время поездки в Калязин монастырь в 1654 г. в селе Братошине «от государыни царицы дьяк Иван Взимков принес к государю патриарху ягод костеницы да груздей на дву блюдах»⁴¹. Из напитков Никон предпочитал квас, мед и пиво. По всей видимости, он не употреблял крепких алкогольных напитков. Возможно, трезвый образ жизни Никона объясняет его бескомпромиссную борьбу с пьянством.

Культурное влияние Запада, с которым через предметы личного обихода Никон соприкасался в период своего патриаршества, по всей видимости, не оказало существенного влияния на его мировоззрение, формировавшееся, как мы уже говорили, под воздействием старопечатной литературы. По своему духу и убеждениям патриарх был человеком старомосковской Руси. Его образованность была традиционной для XVII в. Однако круг чтения патриарха не ограничивался одними лишь церковными и богослужебными книгами. Никон хорошо знал Священное Писание, сочинения отцов церкви, жития святых, но в то же время

Автограф патриарха Никона

интересовался астрологией и географией. Сохранилась владельческая запись патриарха на славянском переводе книги «Космография, сиречь всего света описание» фламандского картографа Герарда Меркатора⁴². В библиотеке Никона встречались не только славянские издания, но и «книги письменные и печатные на греческом языке», которые привез с Востока Арсений Суханов⁴³. Правда, сам патриарх, как заметил Франц Гундулич, «никакой грамоты не знает, разве что очень умеренно греческую и в совершенстве кириллическую, однако при себе держит людей из Греции в обоих языках сведущих»⁴⁴.

Между тем Никон оставил обширное письменное наследие. Некоторые его сочинения были изданы на московском Печатном дворе, а также в типографии Иверского монастыря, о которой речь пойдет ниже. Самые известные произведения Никона — «Поучение о моровой язве» (1656), «Грамота о Крестном монастыре» (1656) и «Слово полезное о создании монастыря пресвятыя Богородицы Иверския» в книге «Рай Мысленный» (1658), в которой рассказывается об основании Иверской обители. Кроме того, сохранилось большое количество писем, посланий, грамот, челобитных Никона, адресованных разным лицам. Наконец, самое значительное произведение патриарха — это его знаменитое «Возражение» на вопросы боярина С. Л. Стрешнева Паисию Лигариду и ответы на них последнего⁴⁵. Литературное творчество патриарха, в отличие от сочинений его противников старообрядцев, практически не изучено. Хотя его нельзя поставить в один ряд с творчеством таких ярких писателей, как протопоп Аввакум или Спиридон Потемкин, все же оно не лишено оригинальности. Сочини-

нения Никона наполнены экспрессией, эмоциональностью. Патриарх часто прибегает к иронии как излюбленному литературному приему⁴⁶.

По мнению Е. К. Ромодановской, в вопросах художественного творчества Никон был противником западного влияния. Действительно, сочинения патриарха не выходят за рамки русской литературной традиции. Однако что касается художественного оформления никоновских изданий, то здесь явно прослеживаются европейские заимствования. Это связано с техническими новшествами в книгопечатании. В 1654 г., после начала войны с Польшей, из Белоруссии по инициативе Никона была переведена братия Кутеинского и Буйницкого монастырей. Ее поселили на Валдае, в Иверской обители, куда кутеинские монахи привезли печатный стан. Среди белорусов были и мастера типографского дела. В середине XVII в. иверская типография была единственной за пределами столицы. Ее деятельность имела большое значение для развития русского книгопечатания. Всего в Иверском монастыре было напечатано одиннадцать книг⁴⁷. Здесь же была собрана большая библиотека, которая, как писал шведский путешественник Иоганн Спарвенфельд, содержала только церковнославянские книги, несколько из которых были отпечатаны в Киеве⁴⁸.

О том, какое значение патриарх придавал распространению печатного слова, говорит и тот факт, что Никон пытался наладить в России производство бумаги. До петровских времен практически вся бумага на Руси была привозная. В 1655 г. Никон основал бумажную мельницу в устье реки Пахры при впадении ее в Москву-реку в 20 верстах от столицы. Однако через два года ее смыло половодьем. Предприятие не смогло производить качественную продукцию. На мельнице выпускали только черную бумагу, годную для изготовления переплетов⁴⁹.

Нужно отметить, что в сочинениях патриарха Никона, как рукописных, так и печатных, большое значение приобретает элемент авторского самосознания. В отличие от анонимных изданий московского Печатного двора, никоновские книги довольно легко атрибутировать, исходя как из самого текста, так и из внешнего оформления. Например, в книге «Рай Мысленный» даже помещен герб патриарха Никона, что для своего времени было делом неслыханным. Вероятно, это было следствием пробуждения общего интереса к геральдике, наблюдавшегося в царствование Алексея Михайловича. Именно в это время окончательно сложился российский государственный герб.

Появление герба у Никона можно расценить как слепое подражание: внешние атрибуты его заимствованы из герба киевского митрополита Петра Могилы. Однако Могила, происходивший из семьи валашского господара, обладал правом иметь собственный герб, чего нельзя сказать о Никоне. Герб патриарха представляет собой щит, разделен-

Герб патриарха Никона. Гравюра из книги «Рай Мысленный». 1658

ный на четыре части: в верхних изображены Евангелие и благословляющая рука, а в нижних — ключ и пятисвечник. Над щитом — корона, украшенная драгоценными камнями, которую венчает крест, а с нее на цепи спускается к щиту образ Спасителя. Корону на шнурах, обвивающихся вокруг креста и архипастырского жезла, поддерживают два ангела. Девиз объясняет составные части герба: «Егда печать сию вернии сматряем Велика Пастырь всем уподобляем: Десницу, светильник, Ключ, Евангелие, Образ Спасов, Крест, Жезл, венец, Началие». Буквы по сторонам герба означают: «Никон, милостию Божией святейший архиепископ Московский и всеа Великия и Малыя и Белья России патриарх»⁵⁰.

Помимо литературы личность Никона наиболее ярко отразилась в его архитектурных замыслах. Никон основал три монастыря, которые стали выдающимся явлением в русском зодчестве XVII в. По мнению Г. В. Алферовой, патриарх был не только заказчиком, но и архитекто-

ром монастырских построек⁵¹. Однако начало никоновского строительства относится еще ко времени пребывания его в Новгороде в сане митрополита, когда были перестроены старые митрополичьи кельи. В 1652 г., став патриархом, Никон начинает возведение новых патриарших палат в Московском Кремле, которые стали его главной резиденцией. Замысел патриарха воплотили московский зодчий Алексей Корольков и подмастерье Иван Семенов. Строительные работы поражают своим размахом. Они были начаты уже в августе 1652 г. Для возведения новых палат было привезено 100 тысяч кирпичей и 3 тысячи коробок песка⁵². На строительстве было занято более 150 стрельцов. В течение двух лет были заново построены хлебная, скатертная, казначейская палаты, конюшенный двор. В декабре 1655 г. антиохийский патриарх Макарий присутствовал на новоселье в Крестовой палате, которая предназначалась для торжественных приемов, заседаний церковных соборов и совершения обряда хиротонии⁵³. Размеры палаты 13 на 19 метров. Она перекрыта сомкнутым сводом без каких-либо опор. Павел Алеппский писал, что ее необычный изразцовый пол напоминает бассейн, которому не хватает только воды. По торжественным случаям палата освещалась паникадилами с подсвечниками, а в обычные вечера слюдяными или стеклянными фонарями. В настоящее время в палате расположена музейная экспозиция⁵⁴.

Крестовая палата примыкала к столовой, от которой был сделан «проход со стороны царицыных палат, по которым иногда втайне проходил» патриарх, и к большой домовой церкви, которая была освящена уже после оставления Никоном патриаршества и получила название церкви Двенадцати апостолов⁵⁵. Никон также воздвиг церковь апостола Филиппа, которая была закончена в феврале 1656 г. Церковь находилась в личных покоях владыки и была расписана лучшими изографами и живописцами своего времени, такими, как Симон Ушаков, Осип Владимиров, Федор Козлов. В церкви было сделано две изразцовые печи, на которые ушло более пятисот изразцов⁵⁶. В настоящее время в Патриарших палатах также расположена музейная экспозиция, где представлено убранство жилых комнат XVII в., подлинные предметы царского, патриаршего и боярского обихода, выполненные русскими и иностранными мастерами.

Другим архитектурным творением Никона стал Иверский Святоозерский монастырь на Валдае. Местечко Валдай находится недалеко от дороги, ведущей из Новгорода в Москву. Еще в бытность свою новгородским митрополитом Никон, проезжая мимо этого места, увидел около него «озеро именуемое Валдайское, величеством в длину и ширину поприщ на десять, имеющее на себе несколько островов, глубиною довольно и рыбами изобильно, к нему же суть и иная озера, и зело

то место и озеро ему возлюбися, и возжела на оном озере на вящем острове устроити монастырь»⁵⁷. Монастырь получил свое название от Иверской иконы Божьей матери, список которой привезли с Афона по просьбе Никона. Икона была водружена над входом в обитель. Как и на Афоне, она охраняла ворота монастыря, отсюда и ее второе название — Вратарница. Строительные работы на месте будущего монастыря начались летом 1653 г. Были возведены две деревянные церкви и братские кельи. Однако к постройке каменного храма приступили только в мае 1655 г., после того как обитель населили кутеинские монахи. К 1658 г. были закончены пятиглавый Успенский собор, трапезная и кельи-палаты. Ко времени патриаршества Никона относится и начало строительства каменной колокольни⁵⁸. Крестово-купольная конструкция храма в точности соответствовала религиозной символике. В литературе уже отмечалось, что Никон был противником шатровой архитектуры, которая в XVII в. активно проникает в светское зодчество. На это есть прямые указания в источниках. Например, в храмозданной грамоте Я. Н. Одоевскому патриарх указывал, что главы на приделах церкви Воскресения Христова должны быть «круглые, а не островерхие»⁵⁹. Но в то же время, как заметила Н. П. Яковлева, Никон разрешал строительство шатров на колокольнях и звонницах. Очевидно, патриарх не был против шатрового стиля, как такового. Он только не допускал изменений крестово-купольного построения храма, поскольку это нарушало религиозную символику⁶⁰.

Помимо типографского дела Иверский монастырь был известен своими изразцами, производство которых наладил белорусский мастер Игнат Максимов. В первый период своей деятельности, до 1658 г., мастерская производила только печные изразцы. В качестве сырья использовалась местная валдайская глина. Иверская керамика была известна в Москве, Твери, Ярославле, Новгороде. После оставления Никоном патриаршества мастерская была переведена в Воскресенский монастырь. Только в 1660-е гг. иверские мастера возобновили свою работу и уже стали производить керамику для наружной облицовки зданий. Ее фрагменты сохранились на фасадах монастырских строений⁶¹.

После падения Никона Иверский монастырь постепенно стал терять свое значение. В первые годы советской власти он, как и многие другие обители, был упразднен. В 1930-е гг. в монастыре разместилась колония для малолетних преступников, что нанесло непоправимый ущерб культурным памятникам обители. В период «оттепели» колония была ликвидирована, а в монастыре разместился дом отдыха. Тогда же начались восстановительные работы, которые крайне медленно ведутся и по сей день. В настоящее время монастырь находится в совместном владении церкви и государства.

Крестный монастырь на Кий-острове. Открытка 1908 г.

В 1656 г. Никон приступил к строительству Крестного монастыря на острове Кий. Как уже говорилось, впервые патриарх побывал на этом острове в 1639 г., когда, покинув Анзерский скит, он плыл по морю в направлении онежского устья. В пути его настигла буря, и Никону чудом удалось спастись на небольшом островке. Воздав благодарение Богу «за избавление от морского потопления», Никон «постави крест деревянный и обещаю тамо на оном месте, идеже крест водрузи, аще Бог восхощет и подаст ему святую помощь, устроити монастырь Крестный»⁶². В июне 1656 г. каргопольский воевода Ф. И. Малыгин получил царскую грамоту с позволением патриарху строить на острове монастырь. В 1657 г. на Кие разворачиваются каменные работы, которые через два года, после приезда туда Никона, приобретают широкий размах. Патриарх заканчивает сооружение трехкупольного Воздвиженского собора, строит надкладезную церковь, и «бе бо той кладезь вельми угоден и на всякия монастырския потребы воды довольно; построен же бе той кладезь молитвами и трудами самого Святейшаго Патриарха Никона»⁶³.

В 1657 г. в монастырь был принесен «честный животворящий крест господен весь кипарисной, широтою и высотой такову, якову же самый животворящий крест, на нем же изволи Христос Бог наш волею нашего ради спасения распятися...». Длина креста 4 аршина 6 вершков, то есть 3 метра 11 сантиметров⁶⁴. Святыня была изготовлена в Палестине по заказу патриарха, как точная копия креста Господня. В ней было

сделано триста глухих отверстий, закрывавшихся медными заслонками, в которых хранились частицы христианских святынь: крови Христовой, ризы Господней, древа подлинного креста Господня, крови апостолов, мощей православных святых и т. д. Крест пострадал во время Крымской войны, когда эскадра английских кораблей вошла в Онежскую губу и обстреляла Кий-остров⁶⁵. После революции он хранился в Государственном Историческом музее, а несколько лет назад святыня была передана Русской Православной Церкви и теперь находится в церкви преподобного Сергия в Крапивках на патриаршем подворье.

После того, как Никон был отправлен в ссылку, Крестный монастырь лишился высокого покровительства и стал приходить в упадок. Содержание его требовало больших расходов, но обитель потеряла значительную часть своих владений. Каменное строительство на острове прекратилось. В середине XVIII в. здесь была основана лесная купеческая биржа, а также таможня, приносящая обители небольшой доход. В отделе эстампов Российской национальной библиотеки мне удалось найти почтовую открытку с фотографией Крестного монастыря 1908 г. На обороте открытки — текст небольшого послания, который, в виду уникальности источника, стоит привести полностью: «Этот монастырь находится в 15 в. от Онеги на небольшом гранитном островке. Основан он, как говорят, Никоном. Во всяком случае, Никон жил в нем до своего патриаршества. Теперь там всего 8 человек монахов. В прошлом году на монастырь было нападение с целью ограбления. Все участники этого нападения (здешние мещане и 1 или 2 ссыльных) ждут в Архангельской тюрьме суда. Монастырь торгует зимой кислой капустой, редькой, луком. Для этого монах приезжает по вторникам в город на базар»⁶⁶. После революции монастырь перестал существовать, а остров Кий стал местом паломничества туристов.

Однако главным детищем Никона стал Воскресенский монастырь, основанный на реке Истре в 45 верстах от Москвы. В 1656 г. патриарх купил у Романа Бобарыкина «в строение во Иверской монастырь» село Воскресенское, однако «нача многажды шествовати тамо, соглядати села того, и абие прииде ему мысль, еже бы построи́ти во оном месте монастырь»⁶⁷. В 1657 г. состоялось освящение Воскресенской церкви, на котором присутствовал царь Алексей Михайлович. Побывав в монастыре, государь «возлюбил место оно, и отъехав мало, написа писание Святейшему Патриарху Никону своею рукою сице: „яко благоволи Господь Бог исперва место сие предъуготовати на создание монастыря; понеже прекрасно, подобно Иерусалиму“»⁶⁸. Так, по преданию, монастырь стал называться Новым Иерусалимом.

Очевидно, с самого начала монастырь был задуман как подобие христианских святынь Палестины. Топография обители повторяет биб-

лейские названия: в центре обширной территории возвышается холм Сион, к востоку от монастыря расположен Елеонский холм, река Истра была переименована в Иордан. Создатели обители использовали в качестве источников рукопись «Проскинитарий» («Поклонение») Арсения Суханова, который дважды побывал в Палестине в 1653—1655 гг., а также чертежи и модель храма Гроба Господня, привезенные в Россию иерусалимским патриархом Паисием в 1649 г. Эта модель, сделанная из кипариса, с перламутровыми украшениями, довольно точно передает архитектуру палестинского храма⁶⁹. Первоначально стены и храмы Воскресенского монастыря были деревянными. Каменное строительство, начавшееся в 1658 г., продолжалось с перерывами до конца XVII в. Основной постройкой обители стал грандиозный Воскресенский собор, который по высоте почти вдвое превосходил сакральный образец⁷⁰.

Современный архитектурный ансамбль Воскресенского монастыря окончательно сложился к концу XVII в. Однако целостный облик собора и других монастырских построек не сохранился до нашего времени из-за последующих переделок⁷¹. Воссоздать первоначальный вид обители и ее уклад можно на основе монастырских описей и воспоминаний современников. Наиболее ценные свидетельства оставил Николаас Витсен. Голландский путешественник писал в своем дневнике: «Монастырь стоит в 10 милях от Москвы. Ночью в пути мы слышали, как жутко были волки; они были очень близко от нас; на утренней заре мы видели лисиц и слышали пение многих птиц. Монастырь, который они называют Иерусалимом, издали похож на русскую крепость. Имеет 10—12 башен, или брустверов; расположен довольно близко от быстро текущей реки [Истры], которая теперь [с помощью искусственного канала] полностью его окружает. Вокруг вся земля разрыта и временно покрыта бревнами, рвы сухие. У ворот стоит довольно высокая деревянная башня, по их обычаю искусно украшенная резьбой; в ней висят часы с боем; на возвышении стоят 5—6 пушек и висит оружие караульных стрельцов, их десять; царь прислал тридцать, но двадцать отослал обратно. Перед воротами монастыря большой двор, где находится гостевой дом, куда Его Преосвященство помещает тех, кто его посещает или приезжает сюда — не монахов. Там же рядом находятся кузницы, литейная для отливки колоколов, кирпичный завод, конюшни, малярни, лавки, каменотески, а также жилища для рабочих. В этот передний двор проходят через большие ворота»⁷².

По свидетельству Витсена, Никон «со своими монахами приходит по два-три раза в день помогать строить». Однако голландец был невысокого мнения об организации строительных работ. «На строительство понадобится еще 3—4 года. Но что я могу сказать? Русские строят

и отделяют, мастера — поляки, а распоряжаются немцы. Но работа ведется очень небрежно. Известь не готовят как требуется, кирпич обожжен слишком мягко и рассыплется еще до окончания строительства; ничего не покрывают и не берегут [от непогоды]; все рамы и даже столбы, да и целые стены обваливаются, поломаны и портятся. Я советовал им все покрывать досками, лучше готовить известь, иначе не будет прочной работы. То, что в Иерусалиме из мрамора, здесь из камня и кирпича. Каждую зиму недостроенное здание теряет 1—2 фута, что можно было бы предотвратить, если бы работу прикрывали. Коротко говоря, — русские гораздо лучше умеют использовать дерево, чем строить каменные здания»⁷³. Нелестный отзыв о качестве строительных работ не был преувеличением голландского дипломата. Освящение Воскресенского собора состоялось в 1685 г., уже после смерти Никона, но спустя тридцать лет кирпичная кровля храма рухнула, по всей видимости из-за конструктивных просчетов. Восстановление собора растянулось на несколько лет и было завершено к 1759 г., когда под руководством архитектора Ф. Б. Растрелли был построен деревянный шатер собора. В последующие годы облик храма уже мало менялся⁷⁴.

На строительство Воскресенского храма ушло огромное количество камня, который в средневековой России использовался не часто. «Каменные запасы» привозили из Москвы и подмосковных сел водным путем на стругах⁷⁵. Большое значение придавалось работам по украшению Воскресенского собора, которыми до 1665 г. руководил Петр Иванович Заборский, «золотых, серебряных и медных, ценных и всяких рукодельных хитростей премудрый ремесленный изыскатель»⁷⁶. Основным элементом убранства храма стала полихромная керамика. Изразцами были украшены оконные наличники и проемы, по периметру здания располагались керамические пояса. Самый красивый из них — фриз «павлинье око», расположенный на третьем ярусе собора. Свое название он получил из-за сходства его орнамента с глазком на перепавлине. Повторяющийся мотив орнамента состоит из восемнадцати крупных изразцов, а ширина фриза составляет 1,5 метра. Полихромная керамика украшает не только фасады, но и интерьеры храма. Воскресенский собор — это единственный памятник архитектуры XVII в., имеющий изразцовые иконостасы. Из десяти иконостасов до настоящего времени сохранилось семь⁷⁷.

Большое значение патриарх Никон придавал развитию колокольного дела. В монастырской литейной были отлиты Большой Воскресенский колокол в 500 пудов (1658 г.), Всесвятский колокол в 200 пудов (1664 г.), Тресвятский колокол в 100 пудов (1666 г.), а также два средних и двенадцать малых колоколов. Кроме того, на колокольне собора

были установлены «часы железные боевые с перечасьем, три колокольчика, да пять чашек медных, да часовой колокол»⁷⁸. При Никоне развитие литейного дела достигло апогея. По заказу патриарха были созданы огромные по размерам и редкие по декоративному оформлению и звучанию колокола. Например, в 1654 г. был отлит Большой Успенский колокол весом в 8000 пудов. Однако через несколько месяцев он разбился от неловкого удара. В 1655 г. колокол был перелит мастером Александром Григорьевым. Описания этого колокола приводят в своих записках Павел Алеппский и Августин Майерберг. Большой Успенский колокол А. Григорьева впервые зазвучал в 1668 г. Но в 1701 г. он погиб во время кремлевского пожара, а его металл был использован для отливки Царь-колокола, который сегодня можно видеть в Московском Кремле⁷⁹.

Быт патриарха Никона во время пребывания его в Воскресенском монастыре мало чем отличался от быта остальной братии. По словам Ивана Шушерина, владыка «всегда с братиею в трапезе ядыше, и как-воя убо яде сам потребоваше, таковыя повелеваше и всем братиям уго-товляти... Пища же его бяше вседневная: капуста вареная с хлебом сушеным мелко раздробленным, от огородных зелий огурцы и уха малых рыб, токмо в разрешонныя дни...». Съестные припасы частью привозили из монастырских деревень, частью выращивали в самой обители. Рыбу ловили в реке Истре. Нередко и сам патриарх «днем и нощию рыбы ловяше, и от трудов своих братию питаше»⁸⁰. Помимо рыбалки Никон увлекался огородничеством. Он любил работать на земле и выращивал овощи на монастырских грядках. Об этом писал в своем дневнике Николаас Витсен, который, правда, был невысокого мнения о патриаршем огороде: «Никон просил нас посадить привезенные семена и рас-саду; это и началось. Я тоже принялся за работу при нем, да он и сам участвовал в посадке и высказывал одобрение. Их неумелость и незна-ние были нам смешны; мы столько наговорили им о пользе этих семян и растений, что редька и петрушка получили лучшие места. Его сад был плохо ухожен, и земля неумело подготовлена с таким незнанием дела, вряд ли лучше, чем у местных жителей; его садовники знали не больше, поэтому мы казались мудрыми земледельцами, распоряжались и повелевали в присутствии патриарха...»⁸¹

По свидетельству Шушерина, во время постов Никон удалялся в отходную пустынь, где «жесточайшее житие живяше, вящшия молитвы и поклоны и пост прилагаше, сна же всегда вельми мало требоваше»⁸². Отходная пустынь, иначе известная как скит патриарха Никона, расположена за монастырской оградой в трехстах метрах от обители на берегу Истры. Эта небольшая четырехэтажная постройка объединяла в себе и культовые и хозяйственные помещения. Кельи патриарха раз-

мещались на третьем этаже. Здесь же была церковь Богоявления с трапезной и приемной. Четвертый этаж занимала восьмигранная церковь Петра и Павла, маленькая колокольня и миниатюрная келья с каменным сиденьем. Все эти помещения располагались на плоской каменной кровле здания, которая одновременно служила и гульбищем, то есть местом для прогулок⁸³. Николаас Витсен приводит описание отходной пустыни патриарха: «Это каменный домик, в нем 16 комнаток, среди них две молельни. Мы все осмотрели. У него там и комната для научных занятий; но кроме русских и славянских книг, других я не видел. Лестницы очень узкие похоже на лабиринт. Наверху площадка с часовой, похожей на беседку. Снаружи она белая, на вид как садовый домик у нас. «Пустынь» [скит] Никона лежит на островке, окружена водой»⁸⁴. Впоследствии ров, окружавший пустынь, был засыпан землей. Скит интересен тем, что сохранился в первоначальном виде, таким, каким его построил патриарх Никон. Строительство скита было окончено в 1662 г.

В настоящее время здание реставрируется. В отличие от других монастырских построек, оно закрыто для посетителей. Однако мне удалось побывать там, благодаря содействию сотрудников Московского областного краеведческого музея, который сегодня размещается в Новом Иерусалиме⁸⁵. Несмотря на то что интерьеры скита не сохранились, планировка помещений здания дает представление об атмосфере далекой эпохи. Подняться на третий этаж, в покои патриарха, можно только по узкой каменной лестнице с высокими ступенями, что с непривычки требует некоторых физических усилий. Кельи Никона небольшие по размерам, даже тесные, особенно если учесть, что патриарх был высокого роста и крепкого телосложения. К ним примыкает небольшой закуток, где можно увидеть уникальный в своем роде экспонат — так называемую «ретираду», или отхожее место Никона. Это единственный в своем роде экземпляр, сохранившийся с XVII в. По внешнему виду он практически ничем не отличается от примитивных уборных на современных дачных участках, если не считать того, что расположен он на уровне третьего этажа, что подразумевает наличие конструктивных особенностей каменного (!) здания, которые сами по себе в средневековой России строились очень редко.

Из келий патриарха Никона можно выйти на верхнюю площадку (гульбище), которая с недавнего времени стала открывать реставраторам свои тайны. Оказывается, ее поверхность была выложена из могильных плит, которые использовались как строительный материал! Некоторые из них удалось расчистить и прочитать на них надписи. По всей видимости, все плиты были вывезены с одного деревенского кладбища XV—XVI вв. Так, весьма причудливым образом, достоянием

науки стал уникальный средневековый некрополь. Вероятно, «любовь к отеческим гробам» не является отличительной чертой русского народа, если сам патриарх проявлял подобное неуважение в памяти предков. Между прочим, Николаас Витсен в 1664 г. наблюдал в окрестностях Риги «кости сотен убитых, непохороненных русских, ямы, полные трупами, многие едва покрытые землей»⁸⁶. Это были останки русских солдат, погибших во время осады города в 1656 г. Восемь лет спустя после окончания боевых действий так никто и не позаботился о том, чтобы предать их земле.

В отличие от Иверского и Крестного монастырей, Новый Иерусалим после революции был превращен в историко-художественный музей, и это спасло уникальный архитектурный комплекс и его коллекции от разграбления. Во время второй мировой войны, когда фашисты оккупировали город Истру (так с 1930 г. стал называться Воскресенск), монастырские здания сильно пострадали, особенно башни и Воскресенский собор, которые были взорваны саперами дивизии СС при отступлении. Сегодня внешний облик монастыря почти полностью восстановлен (за исключением колокольни). Теперь основная задача реставраторов — реконструкция уникальных интерьеров Воскресенского собора.

Грандиозный архитектурный ансамбль Нового Иерусалима производит неизгладимое впечатление. Это один из немногих островков русской культуры, сохранивший дух далекой никоновской эпохи. Здесь патриарх нашел свой последний приют, здесь хранится значительная часть его наследия. На протяжении столетий это место неизменно притягивает к себе деятелей культуры. Новым Иерусалимом восхищались Г. Р. Державин, Н. М. Языков, В. А. Жуковский, Ю. Ф. Самарин, А. П. Чехов, И. И. Левитан. Одно из своих стихотворений сочинил в Воскресенском монастыре молодой М. Ю. Лермонтов, посетивший обитель в 1830 г. У стен пустыни патриарха Никона поэт написал следующие строки:

Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь — все, все без слов
Нам говорит о таинствах гробов.
<...>

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,
Где образ божеской могилы
Между золотых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали⁸⁷.

Глава 15

Ссылка

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня...

Евангелие от Матфея. 5:10-11

Однако пришло время вернуться к патриарху Никону, которого мы оставили на пути в Ферапонтов монастырь. Известие о его ссылке в короткое время облетело столицу. Власти спешили вывезти бывшего патриарха за пределы города, чтобы не допустить смуты, поскольку в глазах народа опальный владыка мог прослыть мучеником. По свидетельству Ивана Шушерина, монахи и мирские люди провожали патриарха «с великим воплем и рыданием»¹, поэтому приставы гнали дошадей «с великою борзостию». Из духовных лиц для надзора за патриархом был снаряжен архимандрит нижегородского Печерского монастыря Иосиф. Ему было указано «беречь, чтобы он, монах Никон, писем никаких не писал и никуды не посылал... Да и того беречь накрепко, чтоб ему, Никону, накакова оскорбления никто не чинил»². Эти строгие предписания, однако, не всегда выполнялись. Так, в конце декабря конвой остановился в деревне Березове, недалеко от города Мологи. Туда же, по стечению обстоятельств, приехал патриарший дьякон Иван Васильев с товарищами, направлявшийся с рыбным обозом из Крестного монастыря в Новый Иерусалим. От местного крестьянина Васильев узнал, что в деревне «стоит бывшей Никон патриарх». Вскоре к Васильеву от полковника Аггея Шепелева был послан стрелецкий сотник, который стал его расспрашивать, «какова они чину люди и откуда едут». Пока шли расспросы, «неведомо какой человек» сумел передать одному из товарищей Васильева, Николаю Ольшевскому, письмо. Оно оказалось от самого Никона, а «в том письме написано росписью, чтоб прислать в Ферапонтов монастырь десять бочек рыбы семги и сегов, а с достальною рыбою ехать в Ярославль и продать, а денги прислать в Ферапонтов же монастырь»³. Даже под надзором Никон находил способ общаться с внешним миром. В этом ему помогали семь человек старцев и бельцов, которые добровольно отправились в ссылку вместе с патриархом⁴.

21 декабря 1666 г. Никона привезли в Ферапонтов монастырь. В конце XVII в. это была небольшая обитель, находившаяся неподалеку от крупнейшего Кирилло-Белозерского монастыря. Ферапонтовские монахи вели весьма скромную жизнь. К тому же незадолго до приезда Никона в обители случилось «огненное запаление и монастырь оный весь позжен бысть»⁵. Игумен Афанасий с братией писал в Москву о своей скудости, что у них из-за пожара «келейным покоем истеснение великое», да хлеба недород — «вызяб весь»⁶. Бывшему патриарху было суждено провести остаток своих дней в нужде и «утеснении»⁷.

По прибытии в монастырь архимандрит Иосиф снял с Никона архиерейскую мантию и взял его посох, которые отправил в Москву вселенским патриархам. Никон не противился⁸. Очевидно, он уже смирился со своей участью. Вскоре на смену Иосифу и полковнику Аггею Шепелеву приехали новые приставы — бывший новоспасский архимандрит Иосиф и дворянин Степан Наумов. От них опальный владыка терпел еще большие «утеснения». Наумов приказал в кельях Никона «окна заклепати железными решетками накрепко; спереди же оставиша токмо двери едины, и тут приставиша стражу твердо: и тако стражеху у дверей и окрест келлии с великою твердостью, и никому же даяху, да кто мимо идет и не токмо мимо келлии, но и близ монастыря никого не пропускаху». Лишенный прислуги, Никон «сам дрова ношаше, и по воду на озеро хождаше, и потребная пищи на всех с ним сущих сам всегда строяше»⁹. Возможно, Иван Шустерин несколько сгустил краски, описывая страдания патриарха, но в целом его слова, находят подтверждение в источниках того времени. Никону было запрещено вести переписку с кем бы то ни было, его надлежало «беречь накрепко, чтоб ему, Никону, никакова оскорбления никто не чинил», а пищу было велено давать «по ево потребе»¹⁰. Сам Никон в 1668 г. жаловался на условия своего содержания и писал о себе как о «сидящем во тме и сени смертной и окованным нищетою и железом»¹¹.

Между тем в Москве происходили важные события. Освященный собор, заседания которого продолжались и в 1667 г., принял решение о предании проклятию противников нововведенных церковных обрядов и новопечатных богослужебных книг. Это решение положило начало массовым преследованиям старообрядцев. Противники никоновской реформы стали врагами государства¹². 10 февраля 1667 г. в Русской Православной Церкви появился новый патриарх. Им стал престарелый архимандрит Троице-Сергиева монастыря Иоасаф. Избрание было освящено авторитетом вселенских патриархов, все еще находившихся в Москве, однако нетрудно догадаться, кто повлиял на

выбор главы русской церкви. Иоасаф, по свидетельству современников, был праведен, «безлобив», много лет пребывал в священстве и имел «достохвальное и непорочное» житие¹³. Его поставление было отмечено «Приветствием к новоизбранному патриарху», которое написал Симеон Полоцкий, ставший к этому времени придворным поэтом¹⁴. Таким образом, дело Никона наконец разрешилось, хотя казалось, что бывший патриарх даже в ссылке представляет опасность для своих противников. В апреле 1668 г. была предпринята попытка перевести Никона в более отдаленный монастырь и ужесточить условия его содержания. Это решение исходило от церковного собора, на котором также присутствовали греческие иерархи, однако оно осталось без последствий¹⁵. Судьба Никона решалась не в Крестовой палате, а в Кремле. По-видимому, Алексей Михайлович не одобрил позицию церковных властей.

Во всех этих политических играх роль «вселенских судей» — александрийского патриарха Паисия и антиохийского патриарха Макария — была крайне неприглядной. Их авторитетом прикрывались угодные светской власти постановления, касавшиеся церковных дел. Положение греков было едва ли не комичным. С формальной стороны их авторитет ничего не стоил, поскольку и в Александрии, и в Антиохии на их место давно были поставлены новые патриархи. Русский царь был вынужден обратиться к константинопольскому патриарху и к турецкому султану с просьбой возвратить Паисию и Макарию их архиерейские места¹⁶. Греческие владыки покинули пределы Московского царства только к осени 1668 г.¹⁷

За год до этого завершилась тринадцатилетняя война с Польшей, инициатором которой в свое время был патриарх Никон. В январе 1667 г. был подписан Андрусовский договор, по условиям которого к России отошли Смоленск, Новгород-Северский и Левобережная Украина. Город Киев на правом берегу Днепра был передан России на два с половиной года, но фактически он так и остался в составе Московского царства. Договор зафиксировал новую расстановку сил в Восточной Европе и ознаменовал собой новый этап в истории международных отношений региона, отличительной чертой которого стало начало русско-польского сближения¹⁸. Но если во внешних делах Россия вступила в период мира, то внутри страны зрела новая смута. Она охватила огромную территорию, что позволило некоторым историкам расценивать ее как новую гражданскую войну¹⁹. Это было восстание Степана Разина, начавшееся на Дону в 1667 г.

Действия «воровских казаков» приняли широкий размах. Разинцы захватили города Астрахань и Царицын. Фактически вся Волга стала «казачьей рекой». Привлекая на свою сторону «чернь», казаки пытались

использовать авторитет опального патриарха Никона²⁰. Разинцы называли его «отцом» или «батюшкой», говорили, что если «он, Никон, будет на Москве патриархом по-прежнему, так де все будет мирно»²¹. Любопытно, что духовным отцом Разина одно время был черный поп Феодосий, тот самый, который якобы намеревался отравить Никона в Крестном монастыре. После розыска по делу об отравлении патриарха Феодосий некоторое время сидел в тюрьме, затем был сослан в отдаленный монастырь, но после освобожден. Он долго скитался по Украине и Дону, где пристал к казакам и «вору Стеньке Разину учинился отец духовной поневоле»²².

В ноябре 1668 г. новоспасский архимандрит Иосиф, который надзирал за Никоном в Ферапонтове, подал в Москву челобитную, в которой писал, что к Никону в монастырь приходили казаки и уговаривали бывшего патриарха идти с ними на Волгу²³. Подробности этого дела стали известны из расспросных речей пристава Никона Самуила Шайсупова, который был послан на смену Степану Наумову. Через некоторое время Шайсупов доносил в Москву, что Никон велел ему взять под стражу некоего Игнатия Башковского вместе с его женой, поскольку патриарх якобы «ведает на него, Игнатья, великого государя великое и страшное дело». Игнатий Башковский был вызван в Москву и подвергнут допросу, на котором признался, что его жена действительно говорила какие-то хульные слова на государя. Для того чтобы выгородить себя, Игнатий начал обвинять Никона в разных «противностях». По его словам, опальный патриарх позволял себе немалые вольности в монастыре: стрелял из пищали из окон своей кельи и «застрелил птицу баклана», принимал у себя сродников из Курмыша, лечил одного крестьянина Кириллова монастыря «и тот крестьянин от его лекарства умер»²⁴.

Узнав все эти подробности, власти вызвали в Москву Шайсупова. Пристав подтвердил показания Игнатия Башковского и дополнил их новыми сведениями. В частности, он показал, что Никон говорил ему: «...как де приезжал к нему околничей Родион Матвеевич Стрешнев... от великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича... с милостиною, и он де, Никон, тому околничему Родиону Матвеевичу о смятении и о разорении от воров и изменников и крестопреступников казаков, чему впредь быти назначил; а ему де будто назначено от Господа Бога. И то ево гадание противно Господу Богу и христианскому жителству, для того, что впредбудущее, кроме его Божия смотра, ведать некому, и в христианском законе святыми отцы отречено». Кроме этих предсказаний Никон говорил, что еще при Степане Наумове в Ферапонтов монастырь приходили «три человека казаков, Федка да Евтюшка, а третьему имя пропаятовал;

а звали де ево, Никона, с собою, чтоб с ними шол к Кирилову монастырю. А их де пришло по него двесте человек; а есть де готово и пятьсот человек. И чтоб Степана Наумова убить до смерти и Кирилов монастырь разорить; и с тою казною и с пушки и с запасы идти на Волгу»²⁵. В этих словах, безусловно, было немало преувеличений. Трудно предположить, что Никона дожидался отряд в двести человек, однако сам факт прихода к нему донских казаков едва ли подлежит сомнению. Как видно из подлинных грамот того времени, бродячие казаки действительно появлялись в окрестностях Кириллова монастыря, однако нет оснований полагать, что это были многочисленные отряды²⁶.

Никон не принял предложения разинцев, но и не написал в Москву об их приходе. Только после разгрома повстанцев и казни Степана Разина он объявил государю «про приход к себе воровских людей». Между тем сам заводчик мятежа Стенька Разин «в роспросе у пытки» говорил, что к нему в Симбирск приезжал старец от Никона и «говорил ему, чтоб ему идти вверх Волгою, а он, Никон, с свою сторону пойдет для того, что ему тошно от бояр... А сказывал де ему тот старец, что у Никона есть готовых людей с пять тысяч человек; а те де люди у него готовы в Белеозере». Сходные показания дал и Фрол Разин²⁷. Вполне вероятно, что некий старец действительно приходил в отряд Разина и выдавал себя за посланца Никона. Однако патриарх, по-видимому, не имел к нему никакого отношения. Рассказ о том, что в Белоозере стоит наготове отряд в пять тысяч человек, не более чем плод воображения. Разинцы действительно питали надежды на поддержку их движения со стороны Никона, однако их упования на нового союзника были необоснованны. Бывший патриарх ни за что не примкнул бы к бунтовщикам, какими бы благими побуждениями они ни оправдывали свои действия.

В последние годы царствования Алексея Михайловича условия содержания Никона под надзором были облегчены. Это было связано с появлением в окружении государя новых фаворитов. В марте 1669 г. умерла царица Мария Милославская. Царь послал к Никону окольничего Родиона Стрешнева, с которым передал бывшему патриарху 500 рублей милостыни и просил «поминовение творити» по усопшей царице. Никон не принял деньги и сказал, что он должен молиться за упокой души и «без сея мзды»²⁸. Никон все еще не мог простить Алексея Михайловича, но признаки потепления в отношениях бывших друзей были налицо. Среди приближенных государя на первое место выдвинулся Артамон Сергеевич Матвеев, один из первых западников в России. Его дом был полон «немецких» вещей, сам он одевался в польское платье и даже был женат на шотландке²⁹. В доме Матвеева жила дво-

рянская дочь Наталья Нарышкина, которая 22 января 1671 г. стала новой русской царицей. Разумеется, свадьба была устроена при деятельном участии нового фаворита. С этого времени Алексей Михайлович стал питать пристрастие к европейскому образу жизни. При русском дворе был даже устроен театр³⁰.

Все эти перемены в конечном счете сказались и на судьбе Никона, который некогда благосклонно отзывался о Матвееве и ценил его дипломатические способности. Матвеев не остался в долгу. Очевидно, он внушил Алексею Михайловичу, что Никон больше не представляет опасности и что после подавления разинского мятежа условия содержания бывшего патриарха можно сделать менее строгими. Так или иначе, после свадьбы с Натальей Нарышкиной к Никону приехали посланцы от государя, которые привезли ему 700 рублей, меха, сукно и полотенце. Тогда же на смену Степану Наумову был прислан новый пристав Самуил Шайсупов³¹. С 1672 г. Никон получил возможность свободно выходить из своей кельи, гулять в окрестностях монастыря. Патриарх выписал себе прислугу из Воскресенской обители. Через два года у него уже было в услужении двадцать два человека³².

Иван Шушерин писал, что Никон проводил время в непрестанных трудах. Он сек лес и расчищал землю, на которой «саждаше всякий овощ огородный и хлеб сеяй». Против того места он устроил каменный остров, «камение же со берега сам с сущими своими монахи на плотях возяше от берега далее дву поприщ; длина же тому каменному острову двенадцать сажень, ширину же имать пять сажень мерных». На острове Никон водрузил крест, на котором вырезал надпись: «Никон, Божию милостию Патриарх постави сей Крест Господень, будучи в заточении за слово Божие и за святую Церковь, на Беле-озере в Ферапонтове монастыре в тюрьме»³³. Впоследствии этот и другие кресты, возведенные Никоном, были «от тех мест все взяты и надписания их оныя сотропоша».

Расспросы очевидцев, живших в обители вместе с Никоном, и подлинные росписи имущества патриарха свидетельствуют о том, что в последние годы ссылки он пользовался значительной свободой и жил в достатке. В саду у Никона росли «20 гряд капусты, 10 гряд луку, 12 гряд чесноку», редька, салат, горох, морковь, мак, хрен, тыква, смородина, малина и даже «3 гряды дынь и огурцов». Там же была поставлена изба с сенями и погребом, в которой хранилась разная утварь и рыболовная снасть: котел медный, 4 кузова, 2 плетня, 7 заступов, 14 граблей, 2 ведра, 6 лодок, 4 якоря, несколько неводов ветхих и новых, а также коза, бочка для возки живой рыбы и т. д. В житницах монаха Никона хранилось «всякого хлеба двенатцать чети, конопель

ядр всяких на толокно десять чети, ржи двести чети, овса сто тринадцать чети, ячмени восемьдесят чети, пшеницы дватцать чети, круп овсяных пять чети», да в монастырской житнице десять четей пшеницы, да в монастыре «в каменном анбаре круп грешневых в бочке восемь чети, да конопелю в бочке да в стойке десять чети; гороху в бочке четыре чети», да в огородах «всякого овощу и в садах живые рыбы», пятьдесят сажен березовых дров, да бревен сосновых «анбарных по берегу озера без счету»³⁴. «Да у Никона же монаха Ферапонтовских служек и работных людей жило по службам и в келье плотников, и швалев, и ловцов и конюхов и на коровье дворе безпрестанно, летом и зимою, всего 25 человек; а пили и ели и платье носили все монастырское казенное»³⁵.

Роспись имущества Никона поражает своим размером и разнообразием. В ней значится одиннадцать образов, свыше пятидесяти книг, котлы, противни, сковороды, кувшины и чашки, в том числе немецкие и «виницейские», серебряный рукомойник, ножи, чернильницы, пишаль, пара «пистолей», кресла, полотенца, одеяла и прочие пожитки. Из одежды обращают на себя внимание «шляпа немецкая, подложена крашениною», «шуба соболя, под камкою чешуйчатой», «кафтан заячий под китайкою», «кафтан песцовой черевей, под бумазеею», несколько кафтанов беличьих. Среди съестных запасов в житницах хранилось несколько бочек меду и пива, «десять арбузов в патоке», несколько бочек яблок, вино церковное, полбочки огурцов, полведра икры паюсной, полведра «сельдей немецких», три бочки квасу да «лагун с брусницею». На скотном дворе было десять коров дойных, три быка, шесть телиц, пять телушек, козел, три козы, шесть мерин, жеребец и кобыла. Полная роспись даже в опубликованном виде занимает восемнадцать страниц текста³⁶. Все это мало напоминает обиход опального монаха. Пользуясь милостыней государя и доходами Воскресенского, Крестного, а также Кирилло-Белозерского монастыря, Никон, как и в прежние времена, зажил на широкую ногу. Старцы Кириллова монастыря даже высказывали недовольство по поводу того, что их хлебные и столовые запасы в огромном количестве идут на содержание бывшего патриарха³⁷.

Однако вольготная жизнь Никона закончилась с поставлением на патриаршество Иоакима. Новый глава русской церкви, в миру Иван Петрович Савелов, вел свою родословную из Великого Новгорода. Он был дворянином и имел поместья в Можайском и Белозерском уездах. В 1654 г. Савелов участвовал в походе русской армии против польского короля. Находясь на военной службе в «киевских странах», он узнал о смерти жены и детей и постригся в монахи в киевском Межигорском монастыре под именем Иоакима. В 1657 г. Иоаким по при-

глашению патриарха Никона поселился в Иверском монастыре на Валдае, где был приставлен к печатному делу, работал над изданием книг. После оставления Никоном патриаршего престола Иоаким был приглашен в Москву и при поддержке Ф. М. Ртищева занял место келаря Новоспасского монастыря. Наконец, в 1664 г., после перевода крутицкого митрополита Питирима в Новгородскую епархию и поставления на его место чудовского архимандрита Павла, Иоаким занял место последнего и стал настоятелем главнейшего кремлевского монастыря, находившегося в непосредственной близости от царского дворца и кафедрального Успенского собора³⁸. Иоаким принимал участие в деле Никона. После приезда патриарха в Москву из Воскресенского монастыря в 1664 г. он вместе с другими лицами ездил к нему за посохом митрополита Петра, затем участвовал в розыске по этому делу и допрашивал старца Печатного двора Александра о письмах Никиты Зюзина³⁹. В 1672 г. Иоаким занял Новгородскую митрополию, а в 1674 г., после смерти патриарха Питирима, был рукоположен в патриархи Московские.

По своему характеру Иоаким был человеком волевым и целеустремленным, а по убеждениям — ярким традиционалистом и борцом с разного рода «латинскими» и «люторскими» веяниями. В этом он близок к ревнителям благочестия. Однако среди его черт была и другая, которая сближала его с патриархом Никоном. Иоаким не терпел никакого проявления свободомыслия. Он с подозрением относился к любому независимому суждению, особенно если дело касалось вероисповедания. Именно по его распоряжению были сожжены в пустозерском остроге протопоп Аввакум и его товарищи. Однажды Иоаким выразил свое кредо словами: «Аз де... не знаю ни старья веры, ни новья, но что велят начальницы, то и готов творити и слушать во всем»⁴⁰. Неудивительно, что среди московских властей он слыл человеком кротким и смиренным, что и обусловило избрание его в высший сан в церковной иерархии⁴¹.

Став патриархом, Иоаким взялся за наведение порядка в церковной среде. В 1675 г. он созвал Освященный собор, который рассматривал вопросы об архиерейском управлении, о неподсудности церковных лиц светскому суду, о непризвании на суд в Москву духовных лиц епархий и т. д.⁴² Поставление нового патриарха обернулось для Никона ужесточением режима его содержания. Начались расследования по поводу разного рода слухов, ходивших вокруг арестанта⁴³. Очевидно, Иоаким опасался, что влияние бывшего патриарха на государя даже из далекого Ферапонтова монастыря может, в конечном счете, сказаться и на авторитете нового владыки. Однако эти опасения были напрасны. Для Иоакима события развивались благоприятно

В ночь с 29 на 30 января 1676 г. умер царь Алексей Михайлович. С воцарением его сына Федора Алексеевича возшла звезда новых фаворитов, а приближенный к царю Алексею Артамон Матвеев был отправлен в ссылку. К этому времени Иоаким уже считал Никона едва ли не личным врагом, поэтому сразу же начал следствие, которое закончилось переводом опального владыки в Кирилло-Белозерский монастырь под строгий надзор.

Основным свидетелем против Никона выступил его бывший пристав Самуил Шайсупов. Он был допрошен в Москве про «противности» патриарха и показал следующее: Никон «велел называть себя и в писмах писать святейшим патриархом», «из своей кельи стрелял по птице баклану... за то, что она поедала у него рыбу», приказал бить палками стрельцов и монастырских служек за ослушание, принимал у себя казаков от Стеньки Разина, по преставлении царя Алексея Михайловича «во всю четырехдесятницу пил до пьяна, и, напився, монастырских всяких чинов людей мучил безвинно; и по ево приказу стрелцы служек и крестьян били плетми, а иные сидят на чепях». По словам Шайсупова, Никон принимал у себя в праздники игумена с братьею и давал целовать им руку. Он «учинил у себя приказ и губу; а судьбою у него был черной дьякон Мардарей». Однажды к Никону приезжала «Кириллова монастыря крестьянская дочь девка, двадцети лет, с братом, с малым ребенком, для лечбы, и он ту девку запоил допьяна, и она от того умре». Шайсупов показал, что Никон лечил «мужеск пол и женск в крестовой келье». К нему приходили «жонки и девки бутто для лекарств, а он с ними сидит один на один и обнажает их до нага бутто для осмотру больных язв; а от ево де лекарства многие помирали». Другой пристав, Иван Одадунов, писал государю, что Никон построил себе «кельи многие», из которых «поделаны сходы и всходы и окна болшие в монастырь и за монастырь», да сделаны переходы по монастырской стене⁴⁴.

В показаниях свидетелей истина причудливым образом перемешалась со слухами и домыслами. Многие из сказанного ими было правдой, о чем впоследствии писал и сам Никон. Действительно, бывший патриарх жил в просторных кельях, принимал у себя посетителей, которые по собственной воле, а не по его принуждению целовали ему руку. В грамотах Никон писался патриархом, однако обо всем этом было хорошо известно в Москве, так как именно по распоряжению царя патриарху были сделаны значительные послабления⁴⁵. Зато Никон начисто отвергал обвинения в пьянстве и прелюбодействе. Что касается общения с «воровскими» казаками с Дона, то, как уже говорилось, если такие контакты и были, то они не вызвали у патриарха сочувствия к бунтовщикам.

Наконец, заслуживает внимания свидетельство о врачевании Никона. Действительно, во время пребывания в Ферапонтове монастыре опальный владыка принимал у себя крестьян и простой люд с окрестных сел и деревень и молитвами излечивал их от разных болезней. Никон применял для лечения больных и различные травы и снадобья – «ладон росной, скипидар, траву чечую, целибоху, траву зверабойную, ношатырь, квасцы, купорос, канфару, да камень безуй»⁴⁶. Известно, что врачеванием патриарх занимался еще в Воскресенском монастыре⁴⁷. По набору лекарственных трав и препаратов нетрудно заключить, что Никон обладал некоторыми познаниями в народной медицине. Однако главным его «лекарством» была молитва. Келейный старец Мардарий и старец Козма не раз видели, как патриарх над «болящими говаривал молитвы и помазывал маслом»⁴⁸. От такого лечения многим становилось легче. Сам Никон прислал к царю Алексею Михайловичу роспись, «ково он лечил». По-видимому, копия этого документа сохранилась в некоторых списках Жития патриарха. Как видно из росписи, за период с 1673 по 1676 г. Никон «молитвами и кроплением» излечил сто тридцать два человека. Практически все больные страдали падучей болезнью, то есть эпилепсией, или же душевными расстройствами. Например, некто Иван Кривоzubов слышал бесовский шум, Анисья Дементьева болела галичской болезнью, другие страшились бесов, были мнительны. Одна женщина ничего не делала руками, поскольку «до чего доткнется и то все мнела быти погано»⁴⁹. Если принять во внимание глубокую религиозность простого народа, характерную для позднего средневековья, то нетрудно понять, что больные, уверовав в чудесную силу молитвы патриарха, и в самом деле выходили от него исцеленными. Однако когда к Никону попадали больные с заболеваниями внутренних органов или язвами, его врачебные опыты зачастую оканчивались неудачей⁵⁰.

Итак, по настоянию патриарха Иоакима Никона перевели в Кирилло-Белозерский монастырь, где ему было велено жить «по иноческому чину, как подобает иноку». Для исполнения этого указа в Ферапонтово отправились архимандрит Чудова монастыря Павел, думный дворянин Иван Желябужский и дьяк Семен Румянцев⁵¹. В начале июня 1676 г. Никон поступил в распоряжение братии Кириллова монастыря. Ему дали трех служек, повара и приспешника, чтобы «всякую потребу ему исполнять, пищу и питье пред него поставлять... А иных иноков и мирских людей в келью к нему припускать и писем никаких писать, и чернил и бумаги давать не велели». Никон не мог выходить за пределы монастыря, да и по обители передвигался только в сопровождении. В патриаршей грамоте говорилось, что даже в церкви Никону надлежит стоять «с молчанием, чтоб мятежу церков-

ного от него не было»⁵². Часть имущества Никона была передана Ферапонтову монастырю, другую часть отвезли в Кириллов, а самому опальному старцу помимо одежды и трех книг (двух Псалтирей и Библии литовской печати) были выданы предметы личного обихода: тарелки, ложки, ножик, венцы, ящик с восковыми свечами, мыло, полотенца, чарка серебряная, «девять скляниц», стул, а также часы столовые с ключем и «коробочка очков». Келейные старцы патриарха, Варлаам и Мардарий, были отправлены в ссылку в Крестный монастырь⁵³.

О пребывании Никона в Кириллове известно не много. Определенно можно утверждать лишь то, что условия его содержания были довольно строгими. В кельях, где поселили Никона, «печи кирпичные и бывает от них угар». По указу Иоакима было велено сделать печи «образчатые ценинные», а позади печей соорудить особую поварню, причем с высокой трубой, «чтоб от огня было не опасно». Братии было строго предписано не называть Никона патриархом ни устно, ни письменно⁵⁴. Никон лишился возможности общаться с окружающими и, по некоторым сведениям, пытался скрасить свой досуг разведением птиц, в том числе голубей, лебедей и попугаев⁵⁵.

Так, «терпящу всякия нужды и озлобления», бывший патриарх прожил в монастыре два с половиной года. Однако в начале 1679 г. царь Федор Алексеевич неожиданно стал благоволить опальному владыке. Причиной перемены явилось, с одной стороны, ходатайство за Никона царевны Татьяны Михайловны, которая, по словам И. Шушерина, «зело любяше Святейшаго»⁵⁶, а с другой — целый ряд обстоятельств, связанных с внутренней и внешней политикой государства.

Как уже говорилось, в 1667 г. Россия заключила Андрусовское перемирие с Польшей, по условиям которого под контроль Москвы перешли Левобережная Украина и город Киев. Правобережная Украина оставалась в составе Речи Посполитой. Русско-польское соглашение ущемляло интересы Османской империи, которая рассматривала Украину как сферу своего политического влияния. Чтобы предупредить возможный конфликт с Портой, в Стамбул отправились русское и польское посольства в надежде добиться от султана признания Андрусовского мира. Однако миссия посольств закончилась неудачей. В то же время раздел Украины породил противоречия в казацкой среде. На Правобережной Украине гетманом был избран Петр Дорошенко, который предпринял попытку объединить разделенную территорию под эгидой России. Однако Москва предпочла не нарушать условий только что заключенного мира. В результате Доро-

шенко заключил союз с Турцией, при помощи которой в 1672 г. Правобережье перешло под его контроль. Тем не менее торжество Дорошенко было недолгим. На левом берегу Днепра гетман Иван Самойлович также стремился подчинить себе всю Украину. В 1676 г. он выступил с полками за Днепр и привлек на свою сторону большую часть казаков. Дорошенко, покинутый сторонниками, был вынужден бежать⁵⁷. Вторжение казацких полков Самойловича на правый берег Днепра было равносильно объявлению войны султану. В 1677 г. началась война с Османской империей. Турецкие войска при поддержке своего союзника — крымского хана — дважды осаждали крепость Чигирин на Правобережной Украине, рассчитывая в дальнейшем овладеть Киевом.

Первая осада Чигирина была отбита русскими солдатами и украинскими казаками. Весной 1678 г. русская армия выступила во второй чигиринский поход. Как раз в это время Федор Алексеевич и его окружение вспомнили об опальном Никоне. Через стольника И. А. Мартюхина в Кириллов монастырь были отправлены вклады от царя и царевны Татьяны Михайловны. Заботой государя стали пользоваться основанные Никоном Воскресенский и Иверский монастыри, куда государь теперь регулярно стал ездить на богомолье⁵⁸. В декабре 1678 г. Федор Алексеевич написал Никону письмо «своя десницы». Летом 1679 г. из новгородской ссылки был возвращен Иван Шушерин, а через год государь разрешил келейным старцам Никона, Варлааму и Мардарию, покинуть Крестный монастырь и поселиться в Новом Иерусалиме⁵⁹.

По мнению П. В. Седова, перемены в судьбе Никона помимо внешнеполитических обстоятельств связаны с попыткой осуществить реформу епархиального управления. Во время войны с Турцией усилия Москвы были направлены на удержание Киева, потеря которого означала бы и потерю всей Украины. В этих условиях Россия усиленно добивалась переподчинения киевской митрополии от константинопольского патриарха главе Русской Православной Церкви⁶⁰. Таким образом, религиозный мотив во внешней политике снова, как и в середине XVII в., стал играть важную роль. Если вспомнить, что именно Никон был инициатором религиозной войны с Польшей, то становится объяснимым желание московских властей реабилитировать опального владыку.

Другой причиной, побуждавшей Кремль вспомнить о Никоне, стал проект церковной реформы, предусматривавший значительное увеличение числа епархий. Предполагалось учредить 12 митрополий и 70 епископий, причем резиденции многих иерархов планировалось перенести из городов в монастыри. Инициатором проекта реформы, по мнению

историков, был Симеон Полоцкий, который в последние годы жизни (умер 25 августа 1680 г.) имел огромное влияние на Федора Алексеевича⁶¹. Если бы проект удалось осуществить в полном объеме, то власть церковных иерархов в значительной степени была бы урезана. Неудивительно, что одним из последовательных противников реформы стал патриарх Иоаким⁶². Однако смерть Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. помешала осуществлению этих грандиозных планов. В проекте церковной реформы был еще один момент, напрямую связанный с фигурой Никона. Сохранилось несколько источников, в которых говорится о намерении царя Федора провозгласить на Руси главой всех русских церквей папу. В начале XVIII в. об этом писал В. Н. Татищев в своей «Истории царя Федора Алексеевича», а также датский посланник в Москве Георг Грунд. Из современников об этом упоминает в своем письме от 5 сентября 1681 г. голландский резидент Иоганн ван Келлер. Письмо было написано через несколько дней после смерти Никона. По словам голландца, «патриарх, попавший несколько лет тому назад в опалу, был отправлен в ссылку, но благодаря своей ловкости и набожности он так сумел втереться в доверие к Е. В. царю, что был бы признан и провозглашен папой или главой всех русских церквей и это уже было близко к осуществлению, если бы не смерть, помешавшая такому успеху»⁶³.

Согласно предположению П. В. Седова, несколько независимых свидетельств о планах учреждения сана папы в русской церкви позволяют считать этот проект весьма вероятным⁶⁴. По мнению историка, сан папы не был необычным для православных иерархов. Например, александрийский патриарх именовал себя «милостию божиею Папа и Патриарх Великого града Александрии и Судия Вселенной»⁶⁵. Б. А. Успенский отмечал, что уподобление греческих патриархов римскому епископу, то есть папе, имело давнюю традицию. В XVII в. подобные представления распространялись и на московского патриарха. Например, Арсений Суханов писал, что «града Москвы святейший патриарх и великий господин сподобися не туне и просто, но Божиею волею; украшает же церковь Христову, якоже древний благочестивый папа в Риме»⁶⁶. Однако нужно отметить, что свидетельство Келлера, не говоря уже о путаном сообщении Грунда и неопределенном указании В. Н. Татищева, который писал свою «Историю» со слов бывшего учителя царя Федора Алексеевича — М. Т. Лихачева, не позволяет сделать однозначные выводы о планах русских властей. Келлер пишет, что Никон сумел втереться в доверие к царю. Но это не соответствует действительности, поскольку Никон находился в то время в ссылке. Голландец писал явно по слухам, а не на основании достоверной информации. Очевидно лишь то, что слово «папа» действительно произ-

носились в окружении близких к царю людей. Однако, по всей видимости, употреблялось оно не в римско-католическом, а в греческо-православном смысле. При переносе центра вселенского православия в Москву функции греческих властей взяло бы на себя русское духовенство. Если вспомнить, что Россия, в конечном итоге, заключила Вечный мир с Польшей и выступила против Турции на стороне Священной Лиги, то возрождение планов переноса в Россию центра вселенского православия становится вполне объяснимым. При Федоре Алексеевиче и царице Софье, как и в середине XVII в., покорение Константинополя казалось еще вполне реальным.

Глава 16

Последний путь

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя...

А. С. Пушкин. «Борис Годунов»

Благоволение царя Федора Алексеевича к опальному Никону и к Воскресенской обители было связано не только с политическими соображениями, но и с личными привязанностями государя. В молодости Федор воспитывался в тереме, в окружении мамок и дядек. Он получил традиционное московское воспитание. К тому же слабое здоровье государя способствовало развитию его религиозности¹. Очевидно, Федор испытывал влияние своей тетки, царевны Татьяны Михайловны, которая была очень привязана к Никону. Как уже говорилось, именно Татьяна обратилась к царю с просьбой вернуть из ссылки бывшего патриарха. 18 июля 1680 г. царь женился на Агафье Семеновне Грушецкой². Через месяц Федор Алексеевич в очередной раз посетил Воскресенский монастырь со своей супругой и царевнами³. Царь и царица слушали литургию и осматривали монастырские строения. В очередной раз Федор побывал в Новом Иерусалиме вместе с Агафьей Семеновной 2 декабря 1680 г. Наконец, 16 марта 1681 г. в монастырь приехал стряпчий с ключом М. Т. Лихачев и сказал архимандриту Герману, «чтобы соборне молебствовать о ево, Государеве, многолетном здравии». Лихачев дал в монастырь вклад от государя — пятьдесят рублей⁴. В это время царь Федор был болен. Кроме того, он переживал за судьбу своего потомства. В декабре 1680 г. царица носила его ребенка. Наследник престола царевич Илья появился на свет 11 июля 1681 г. Тотчас в Воскресенский монастырь отправился стольник М. Ф. Ртищев сказать братии, «чтобы молебствовали о здравии и многолетии Государя Царевича и Великаго Князя Илии Феодоровича»⁵. Однако радость в царской семье была недолгой. Через три дня после родов умерла царица Агафья, а еще через неделю — и новорожденный младенец⁶. Личные переживания Федора во многом побудили его решить вопрос о возвращении Никона, даже несмотря на противодействие патриарха Иоакима.

В последний год своей жизни Никон тяжело болел, «зело скорбию одержим бе, изнемогая вельми». Когда «скорби» узника «люте умножа-

шеся», архимандрит Кириллова монастыря Никита отписал об этом патриарху Иоакиму, спросив у него, как поступать, если «Бог пресели его от жизни земная». В ответном послании Иоаким повелел «посхимити» Никона перед смертью и совершить над ним чин погребения «монашеский просто», то есть без архиерейских почестей⁷. Однако незадолго до своей кончины Никон покинул место ссылки. Чувствуя приближение смерти, бывший патриарх написал письмо братии Воскресенского монастыря, в котором описывал свое плачевное состояние и просил известить об этом царя: «...ведомо вам буди, яко болен есмь болезнию великою, вставать не могу; на двор выйти не могу ж, лежу в гноищи»⁸. Воскресенский архимандрит Герман передал государю послание Никона. Федор Алексеевич послал на Белоозеро дьяка Ивана Чепелева, которому приказал привезти Никона, «аще жив есть или мертв»⁹. В это же время Федор Алексеевич послал бывшему патриарху собственноручное письмо: «Грешный царь Феодор Алексеевич и с супругою своею поклон сотворяет и чести твоей возвещаю: аще Бог повелит сему писанию вручится тебе, и ваша честность да весть, что, надеясь на Бога, преведение твое не умедлит быти, и имаши обитати сам в Новом Иерусалиме, и имать совершенство свое восприяти. По сем я, грешный царь Феодор и с женою своею, благословения вашего, при свидании вашем с нами и чрез послание, желаем. Аминь»¹⁰.

По словам Ивана Шушерина, незадолго до прибытия царского посланца Никон стал готовиться к отъезду, словно предчувствуя близкое освобождение. Приехав в монастырь, Иван Чепелев приказал готовить струги, в которых предстояло отправиться в путь вниз по реке Шексне и далее водным путем до Ярославля и Углича. Сопровождал Никона его духовник — архимандрит Кириллова монастыря Никита. Никона довели на санях до реки «и с великим трудом всадиша в оный струг, бе бо труден вельми от немощи». Навстречу Никону были посланы из Воскресенского монастыря его келейный старец Варлаам, который жил с ним в Ферапонтове монастыре, иеродьякон Серафим и строитель Афанасьевского монастыря Тихон. Посланцы встретили струги опального патриарха еще на пути к Волге.

Никон повелел плыть вниз по Шексне и Волге до Ярославля. 16 августа 1681 г. путешественники достигли ярославского Толгского монастыря, который находился неподалеку от города. В этом месте Никон велел пристать к берегу, «понеже бо от скорби вельми изнемогая», и пожелал причаститься. Монастырская братия, узнав о приезде владыки, стала стекаться к берегу. Монахи проводили струги по направлению к городу. Жители Ярославля, услышав и пришествии Никона, «текоша вси радуящиеся ко Блаженному благословения ради, видяще своего Пастыря восояси и ко своим возвращающаяся, и абие зряще его на

одре смертном лежаща и близ смерти с плачем велиим и рыданием приходяще, припадающе к нему, просяще благословения и прощения, целующе руце его и нозе»¹¹. Струги вошли в реку Которосль и подошли к ярославскому Спасскому монастырю. Навстречу им вышел спасский архимандрит со всем монастырским собором. Никон лежал в струге. Он уже не мог говорить и только «десницу свою дая целовати». Архимандрит Никита, опасаясь, что толпы народа опрокинут лодку, велел перевезти Никона на другой берег реки. Вечером патриарх стал «изнемогать», и архимандрит Никита с братией стали его отпевать. Никон «возлег на уготованном одре, дав благословение своим ученикам, руце к персем пригнув, со всяким благоговением и в добром исповедании, благодаря Бога о всем, яко во страдании течение свое соверши, с миром успе, душу свою в руце Богу предаде, Его же возлюби. От жития сего отъиде в вечное блаженство в настоящее лето от создания мира 7189 (1681 г.) месяца августа в 17 день»¹². 26 августа тело Никона было перевезено в Воскресенский монастырь.

Царь просил патриарха Иоакима присутствовать на погребении, но тот отказался и послал вместо себя новгородского митрополита Корнилия, повелев ему поминать Никона, как велит ему царь. Сам Федор Алексеевич приехал в Новый Иерусалим «со всем Царским домом и сигклитом» и Освященным собором. Из числа духовенства в Воскресенском монастыре были также троицкий архимандрит Викентий, архимандрит Саввина Сторожевского монастыря Сильвестр, ученик Никона воскресенский архимандрит Герман, архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Никита¹³. Федор Алексеевич приказал митрополиту Корнилию на отпевании поминать Никона патриархом, «яко же и прочих Московских Патриархов поминают». После службы государь и «весь государский сигклит» целовали патриаршую десницу «любезно со слезами». После этого гроб с телом Никона перенесли в придел Иоанна Предтечи, «под самую Голгофу». Как уже говорилось, Воскресенский собор воспроизводил храм Гроба Господня в Иерусалиме, где также существует придел Иоанна Предтечи. Под Голгофой, по преданию, были похоронены первый человек Адам и первый ветхозаветный священник Мельхиседек. В приделе Иоанна Предтечи завещал похоронить себя и Никон, что ставило русского патриарха в один ряд с первым иерусалимским архиереем¹⁴. Федор Алексеевич «соблаговоли сам своим царскими руками» переложить дубовый гроб с телом Никона в новосеченый каменный гроб, который был изготовлен по повелению царя из камня, привезенного Никоном «со Океяна моря церковныя ради потребы» еще во время пребывания его в Воскресенском монастыре. После погребения над гробом был устроен кирпичный свод вровень с помостом церкви¹⁵. Так завершил свой земной путь патриарх Никон.

Иван Шушерин замечает, что тело Никона осталось невредимо «от вони злосмрадная», хотя пробыло в пути до Воскресенского монастыря десять дней. Несмотря на теплое время года, оно «нимало повредися, но яко того часа преставися; лице же и плоть его ничем неизменися, но все тело его цело и тлению не причастно бе»¹⁶. Как заметил В. Колосов, это обстоятельство имело в глазах верующих большое значение. Почитатели Никона хотели видеть в нем чудотворца. Не случайно в некоторых списках Жития патриарха, которое было написано уже после его смерти, появляется рассказ о чудесных исцелениях больных в Ферапонтовом монастыре, которых Никон излечивал святой молитвой. Чудеса происходили и у гроба святейшего. Например, сохранился рассказ о том, как в 1691 г. слепой сторож Воскресенской церкви в Новом Иерусалиме прозрел и увидел «Никона патриарха во отверстых царских дверях, стояща во одеянии святительском и осеняющего». Это знаменательное событие свершилось 24 мая, на праздник святого покровителя Никона переяславского чудотворца Никиты. Другой случай исцеления произошел в 1705 г. с сестрой Родиона Стрешнева Марией Васильевой, у которой была «велия скорбь в руках и ногах: не имела нимало им движения, но от скорби великой скрючена была». После посещения могилы патриарха Мария «возвратися здрава в дом свой, а о болезни своей объявила, что не владела ногами и руками своими седмь лет и молитвами его, святейшаго Никона патриарха здрава стала»¹⁷.

Очевидно, рассказы о чудесах распространялись сторонниками Никона, которые хотели причислить патриарха к лику святых. Однако канонизация его так и не состоялась, первоначально — из-за противодействия патриарха Иоакима, а впоследствии — из-за жесткой церковной политики Петра I, которая привела к отмене патриаршества. Русская Православная Церковь до сих пор не причислила Никона к лику святых. Вопрос о возможной канонизации патриарха поднимался в преддверии Поместного собора, заседания которого проходили в августе 2000 г. На соборе к лику святых было причислено более тысячи новомучеников, большинство из которых пострадало от репрессий советской власти. Имени Никона среди канонизированных нет. Вероятно, у православной церкви, находящейся под сильным влиянием государства, сохранилось двойственное отношение к патриарху, который в свое время утверждал, что священство выше царства¹⁸.

Уже после смерти Никона царь Федор Алексеевич позаботился о том, чтобы греческое духовенство сняло с него все обвинения. По приказу царя в сентябре 1682 г. в Константинополь были посланы грамоты «о прощении и разрешении Блаженнаго Никона» и о поминовении его святейшим патриархом. Ответ на них был получен в Москве уже в период регентства Софьи¹⁹. Вселенские патриархи, вняв просьбе

русского царя, простили Никона и разрешили почитать его наравне с прочими патриархами.

После смерти Федора Алексеевича фактической правительницей государства в течение семи лет была его сестра — царевна Софья Алексеевна, которая почитала Никона и не раз делала богатые вклады в Воскресенский монастырь. В 1683 г. она посетила обитель вместе с царем Иваном Алексеевичем, царевнами Татьяной Михайловной и Марфой Алексеевной и пожаловала сто рублей в монастырскую казну и пятьдесят рублей братии на милостыню²⁰. В январе 1685 г. она присутствовала на освящении Воскресенского храма, строительство которого было к этому времени завершено. Вместе с ней на торжествах были царь Иван и царевны. Иван Алексеевич изволил «ити в новую великую соборную каменную церковь и, святые иконы целовав, пошел в церковь Предтечеву, и быв у гроба Святейшаго Никона Патриарха, и потом пошел в свои Государские хоромы». На следующий день царь «слушал утрению у себя, в хоромех, где жил Святейший Патриарх Никон»²¹. К освящению собора царевна Татьяна Михайловна приготовила «из своего государския комнаты: сосуды златые и серебряные, украси Евангелие святое драгоценное и воздухи драгия, своими руками труждаяся, устрои и иконостас великий Сницерския драгия и мудрыя работы, флемованный весь позлащенный, местные же святые иконы и аналойные письма драгоценного, златом и жемчугом и каменным драгоценным украси. Ризы и стихари, епитрахели, поручи и поясы из материй драгоценных, книгами и всякими утварями, яже суть церкви и олтаревы прилично, всем удоволи неоскудно, и денежные казны к совершению Божия церкви довольно дая»²².

Патриарх Никон, проведший последние годы своей жизни в ссылке, так и не увидел завершения строительства Воскресенского храма, пожалуй самого грандиозного сооружения XVII в. Не увидел собора и архимандрит Новоиерусалимского монастыря Герман, который не надолго пережил своего учителя. Он умер 11 декабря 1681 г., успев увековечить свое имя в стихотворных эпитафиях, одна из которых впоследствии была вырезана над входными дверями Предтеченской церкви, а другая — на белокаменном надгробии Никона²³. Последняя эпитафия воскрешает в памяти весь жизненный путь святейшего патриарха:

Аще кто любит милостиваго Бога и земных знати,
Кий дар благий дается от Бога, се изволи читати,
Зде пришед о лежащем во гробе сем внимай,
Суща в мире вся како той остави, познай:
Горних ища, рода земна весьма отречесе,
Братства Анзер при море монахом почтесе,
Един в Кожезерской немало пустыни,

От печалей удален, живяще во святыни,
Рвы, враги и вся сети удобь прехождаше,
Хранити братство ради тех принужден баше,
Манием дивных даде ему Бог стражу стада,
Постави его пастыря си града,
Архиереа России всей преименита,
Отца святейша, всем концам знаменита,
Никона Патриарха, неверным всем страшна,
Слогов правая веры и дел снискателя ясна,
Вся добре в шесть лет с Царем в совете исправльша,
Узре враг того многих от бед лютых избавльша,
Подвиги же в начальных и меньших зависть дерзку,
Ту зря он победитель сходит в Воскресенску,
Абие зиждет во образ Иерусалимский
Воскресшаго велий храм, яко палестинский,
Место всех страстей Спаса Гроба Святаго,
При тех же найдение Креста Честнаго,
Яко Давыд тая присно поминает,
Сыновство имже прияхом да не забывает.
Тая зря диавол, от злобы не престаёт,
Огонь себе погнещает, того изгоняет
От места сего, в нем же пожив девять годов,
Любезно совершая многих трудов,
Тщательно во изгнании той живот проводи,
В лето пятонадесять того Бог возврати.
Царя егда воздвиже к тому благосердна,
Феодора и ко всей церкви милосерда,
Алексеевича, Царю в похвалу и славу,
Чадо благо отчю целя язву,
Самодержца великих царств того преславна,
Всеа России Владыку ясна и преизрядна,
В его же милости от уз и скорби бысть свободен,
По воли Бога преставися леты доволен,
Положися во гробе Царскими руками,
Архиереом бо спритчен того же устнама,
И елика в памяти творися всем явно,
Седьмь тысящ сто осьмдесять девятого славно,
Стократно воздающаго Царь Бога подражая,
В двадесять девять крат любовь свою к нему являя,
Августа в двадесять шестом за сим прииде,
Господственне положися, яко и отъиде,
Христу в надежде оставль земна, к нему же и мы,
Моляся зовем: «Покой дух его со Святыми!»²⁴

Заключение

Сразу после смерти Никона иподьякон Иван Корнильевич Шушерин начал писать биографию патриарха — «Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона», которое было закончено не позднее 1686 г.¹ Как уже говорилось, Шушерин был одним из самых близких к Никону людей. Он жил с ним в Воскресенском монастыре, а после его низложения был отправлен в ссылку в Великий Новгород. В 1681 г. Шушерина освободили «по прошению Великия Государыни Царевны и Великия Княжны Татианы Михайловны» и взяли во дворец, где он до самой своей смерти служил в должности крестового дьяка². «Известие» о жизни Никона, написанное Шушериным, стало одним из самых популярных сочинений средневековой русской литературы. В нем без лишней патетики рассказывается о деяниях патриарха, о его жизни в Новом Иерусалиме, о трудных годах ссылки, наконец, «о представлении и о погребении» святейшего. Красочность повествования, насыщенность его яркими деталями способствовала тому, что это сочинение стало пользоваться большим спросом. Оно было растиражировано во множестве списков, которых даже сейчас в различных древлехранилищах насчитывается несколько сотен. В 1784 г. «Известие» было впервые опубликовано О. П. Козодавлевым, а в 1788 г. издано в переводе на немецкий язык³. Хотя сочинение Шушерина в немалой степени «пристрастно» из-за симпатий автора к своему герою, тем не менее оно не искажает фактов, лишено домыслов и является ценным историческим источником.

Почти одновременно с Иваном Шушериным, в 1670-е гг., в пустозерской ссылке писал свои сочинения протопоп Аввакум. В них не последнее место уделено обличениям Никона. Характеризуя патриарха, Аввакум не жалеет эпитетов. Для него Никон «волк и отступник», «враг», «еретик», «кобель борзой», являющийся «яко ангел, а внутрь сый дьявол»⁴. Произведения Аввакума и его пустозерских «союзников» заложили основу старообрядческой рукописной традиции, которая достигла своего расцвета в начале XVIII в. в Выго-Лексинской старообрядческой пустыни⁵. Впоследствии факты из биографии Никона, которые приводили в своих сочинениях Аввакум и Иван Шушерин, знавшие его лично, обросли разного рода слухами, проникнутыми духом фанатической ненависти к патриарху. Старообрядцы считали Никона предтечей Антихриста и обвиняли его во всевозможных пороках, даже в содомском

грехе⁶. Хотя подобные суждения о патриархе не получили распространения в историографии, все же некоторые свидетельства первых расколуучителей были приняты историками и положены в основу некоторых научных гипотез. Основное значение старообрядческой традиции состояло в том, что она сформировала представление о церковной реформе как о главном деле патриарха Никона. Не случайно в работах историков имя Никона прочно связано с появлением раскола.

В отличие от старообрядческой литературы, в официальной историографии о патриархе Никоне надолго забыли. В. Н. Татищев лишь вскользь упомянул о нем, когда писал о реформе епархиального управления царя Федора Алексеевича⁷. Во времена Петра I, уничтожившего само патриаршество на Руси, фигура Никона приобрела одиозный характер. По свидетельству Андрея Нартова, одного из сподвижников великого реформатора, Петр I стремился обуздать церковную власть. «Богу изволившу исправлять мне гражданство и духовенство, — говорил Петр I о Никоне, — я им обое — государь и патриарх... Многому злу корень — старцы и попы! Отец мой имел дело с одним бородачем, а я с тысячами»⁸.

Новый всплеск интереса к личности патриарха обнаруживается в середине XIX в. — в эпоху бурного развития русской культуры и исторической науки. Имя Никона появляется на страницах исторических трудов и очерков церковных историков и богословов⁹. Под их влиянием в историографии сложилось целое направление, представляющее патриарха выдающимся реформатором, пытавшимся обуздать невежество и суеверие русского народа. Такая точка зрения получила широкое распространение и немало пережила своих создателей.

Постепенно исследователи вводили в научный оборот всё новые и новые источники. В 1861 г. вышел в свет 11-й том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, на страницах которого немало внимания было уделено рассмотрению конфликта царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Историк использовал в своей работе так называемое дело Никона — комплекс документов, касающихся оставления Никоном патриаршего престола, его жизни в Воскресенском монастыре и его осуждения на церковном Соборе 1666 года¹⁰. Будучи представителем государственной школы в русской историографии, С. М. Соловьев оценивал действия Никона в период патриаршества, в частности проведенную им церковную реформу, как исторически необходимые и прогрессивные, поскольку они способствовали укреплению государственного начала. Что касается конфликта с государством, то его, по мнению историка, спровоцировали личные амбиции Никона. Этот конфликт С. М. Соловьев, по сути дела, сводил к столкновению характеров двух лиц — царя и патриарха. Причину падения Никона исто-

рик видел в его «неумеренном характере, отсутствии у него образования, недостатке христианского начала, духа кротости и смирения». В конечном счете, Никон «превратил великое общественное дело в личное. Обилие материальных благ стало причиной его падения. Как человек из плоти и крови, он не выдержал искушения, бросился во власть мирскую, оставив патриаршество на втором плане»¹¹.

Публикация 11-й тома «Истории» С. М. Соловьева вызвала большой резонанс, особенно среди церковных историков. Профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин написал на него критический отзыв. В противоположность Соловьеву, Субботин характеризовал Никона как человека, всей душой преданного заботам о пользе церкви и государства, с прямым и ясным взглядом на вещи, умевшего стать выше суеверий и предрассудков своего века. Внезапное падение патриарха Н. И. Субботин объяснял интригами его врагов, под влияние которых попал и Алексей Михайлович после завершения польского и шведского походов 1654–1656 гг.¹² Сходную точку зрения впоследствии высказывал митрополит Макарий (Булгаков) на страницах своей многотомной «Истории русской церкви»¹³, а также видный ученый-архивист Н. Гиббенет, который первым после С. М. Соловьева обратился к архивным свиткам подлинного «дела Никона». Н. Гиббенет привел в порядок его столбцы, описал и опубликовал около двухсот источников, в основном относящихся к периоду 1658–1666 гг. На этот труд и по сей день ссылаются все без исключения исследователи никоновской эпохи. По мнению Н. Гиббенета, Никон был простым и нехитрым человеком, не имевшим понятия об интригах. Он вмешивался в светские дела, поскольку хотел быть заступником угнетенных, хотел помогать бедным и беспомощным людям, пытался очистить церковь от некоторых ошибочных мнений и суждений, и «если бы не случилось того обстоятельства, что Никон оставил патриарший престол, то отделение раскола от православной церкви могло бы и не состояться»¹⁴.

В русле церковной традиции написан и трехтомный труд М. В. Зызыкина, который создавался автором в 1930-е гг. в эмиграции, под впечатлением революционных событий в России. М. В. Зызыкин считал Никона поборником идеи «симфонии» государственной и церковной власти, которую патриарх заимствовал из древнего византийского права. Разбору этой теории посвящен целый том исследования. М. В. Зызыкин писал, что Никон создавал просвещенную православную культуру и учился ей у греков, а его уход с патриаршества расценивал как подвиг архипастырства, центральный факт жизни и деятельности патриарха¹⁵. Рассуждения М. В. Зызыкина о «симфонии» нашли поддержку в американской историографии межвоенного периода¹⁶, а в новейшее

время получили отражение на страницах очерка протоиерея Льва Лебедева, приуроченного к 300-летию со дня кончины патриарха¹⁷.

В XIX в. исследования по истории русской церкви стали появляться и в европейской историографии. Так, в 1871–1876 гг. профессор Оксфордского университета Уильям Палмер опубликовал в английском переводе корпус документов, касающихся «дела Никона», в том числе и основной труд патриарха, так называемое «Возражение, или Разорение смиренного Никона»¹⁸. Это была первая публикация «Возражения». На русском языке оно было издано только в 1982 г.¹⁹ Работа Палмера для западных историков до сих пор является основным источником по истории русской церкви XVII века.

Пожалуй, наиболее обстоятельными и полными исследованиями о патриархе Никоне стали работы профессора Московской духовной академии Н. Ф. Каптерева. Написанные на рубеже XIX–XX вв., они не утратили своего значения до настоящего времени. Н. Ф. Каптерев ввел в научный оборот несколько новых источников. В центре его внимания — церковная реформа Никона и проблемы взаимоотношений церковной и светской власти. По мнению Н. Ф. Каптерева, некогда независимая православная церковь после возвышения Москвы попала в подчинение великому князю, который постепенно стал вмешиваться во все сферы церковной жизни. Управление епархиями теперь осуществлялось через институт светских архиерейских чиновников, и даже патриаршество было учреждено светскими властями. Такие отношения государства и церкви Никон считал ненормальными. Еще будучи новгородским митрополитом, он задумал изменить исторически сложившийся паритет, сделать церковь автономной и даже поставить ее выше государственной власти. Царь благоволил ему, и Никон достиг невиданного могущества, но это было лишь могущество патриарха, а не церкви, оно не имело под собой реальной почвы, кроме каприза молодого царя. Даже к архиереям, своей естественной опоре, Никон относился крайне пренебрежительно. Постепенно царь начал понимать, что деятельность Никона не приносит пользы обществу и государству и объективно ведет к смуте. В конечном счете это привело к разрыву государя с «собиным другом»²⁰.

После Октябрьской революции в отечественной историографии возобладала марксистская методология исследований. Признавая априори реакционную сущность религии и церкви, историки-марксисты пытались уложить всю совокупность исторических фактов в заранее определенную схему общественно-экономических формаций и классовой борьбы. В этом контексте роль личности в истории уходила на второй план, а исследование деятельности предстоятелей русской церкви было невозможно по идеологическим причинам. За последние десятилетия

не было написано ни одной специальной работы о патриархе Никоне. О нем вспоминали только в связи с церковной реформой, которую зачастую рассматривали как продукт централизации, проводившейся господствующим классом и тесно связанной с внешнеполитическим курсом правительства, нацеленным на усиление влияния на Украине²¹.

Церковная история снова стала актуальной темой исследования только во время «перестройки». Так, к 1000-летию крещения Руси была выпущена книга «Русское православие: веки истории», авторы которой задались целью рассмотреть историю православной церкви «в аспекте ее роли и функций в русском историческом процессе на разных этапах его развития»²². Книга стала своеобразным итогом марксистской историографии. Написанная в рамках традиционного для советской науки методологического подхода, она лишена принципиально новых выводов и обобщений. Одна из глав ее, посвященная XVII веку, была написана М. Я. Волковым. В ней автор характеризует церковь как идейный штаб русской государственности, а внешнеполитический курс России, нацеленный на присоединение Украины и Белоруссии, связывает с проведением церковной реформы и преодолением религиозно-обрядовых расхождений между русской, малороссийской и греческой церквами²³.

Новейшие исследования по церковной истории XVII в. довольно разноплановы. Историки рассматривали широкий круг проблем: эволюцию церковного землевладения²⁴, противоречия внутри церковной иерархии²⁵, «отражение в русской исторической литературе религиозно-общественных движений раскола»²⁶. Были сделаны попытки по-новому взглянуть на русское духовенство, как на особое сословие, которое в разные исторические периоды стремилось освободиться из-под опеки светской власти²⁷. Во всех этих работах так или иначе упоминается и патриарх Никон, хотя его личность по-прежнему остается за рамками исследований.

Что касается западной историографии, то после М. В. Зызыкина о Никоне также не было написано ни одной специальной монографии. О патриархе упоминается только в общих трудах по церковной или русской истории, среди которых, однако, есть немало глубоких и ярких работ²⁸. Большой вклад в развитие научной мысли внесли историки и богословы первой волны русской эмиграции. Такие книги, как «Пути русского богословия»²⁹ Г. Флоровского или «История русской церкви»³⁰ А. В. Карташова, давно стали классикой исторической мысли. Монография С. Зеньковского, написанная более тридцати лет назад, до сих пор является одним из лучших исследований по истории раннего старообрядчества³¹. К изучению литературного и полемического наследия Никона обратился в последние годы жизни Г. В. Вернадский,

опубликовавший на русском языке «Возражения» Никона на ответы Паисия Лигарида боярину Стрешневу³². В 1984 г. вышла книга Н. Лупинина о церковном расколе XVII века, ставшем, по мнению автора, главной причиной подрыва могущества церкви и проникновения на русскую почву западного влияния³³. Эта обобщающая работа написана на основе монографий русских историков XIX в. и по глубине анализа во многом уступает книге П. Мейендорфа, который впервые провел сравнительное текстологическое исследование никоновских изданий и греческих оригиналов и пришел к выводу, что церковная реформа, инициатива проведения которой принадлежала царю, была призвана изменить укоренившееся в русском обществе негативное отношение к греческому православию³⁴. Книга П. Мейендорфа хотя и не содержит принципиально новых выводов, все же выделяется среди прочих исследований тем, что в ней центральное место занимает источниковедческий анализ.

Сильной стороной исследований западных историков является методологический подход, позволяющий на основе анализа известных источников формулировать смелые гипотезы и выстраивать новые исторические концепции. В этом направлении особенно успешно работают немецкие ученые, которые традиционно проявляют повышенный интерес к истории России. В качестве примера можно привести исследования П. Хоффмана о церковном расколе как исторической альтернативе положения церкви в государстве, диссертации К. Хемера о взаимоотношениях государства и церкви в XVII в. и В. Хеллера о ревнителях благочестия, наконец, книгу Э. Крафта о греческом влиянии на русскую церковную жизнь в XVII в.³⁵

Качественно новым явлением западной историографии стала монография американского историка Г. Михельса. Она посвящена церковному расколу XVII в. и написана на основе привлечения широкого архивного материала. Автор в течение ряда лет работал в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Петрозаводска. Его основной вывод заключается в том, что влияние раскола на религиозную и общественную жизнь России середины и второй половины XVII в. сильно преувеличено в историографии благодаря старообрядческой литературной традиции. Изучение современного актового материала дает основание утверждать, что сопротивление церковной реформе Никона долгое время исходило только от узкого круга лиц и не вызывало сочувствия у широких слоев населения³⁶. Выводы Г. Михельса во многом подтверждают наши собственные наблюдения, о чем мы уже говорили, касаясь церковной политики патриарха.

О патриархе Никоне написано несколько биографических очерков. Самый удачный из них принадлежит перу Н. И. Костомарова³⁷. В но-

вейшей историографии, помимо упомянутой работы протоиерея Льва Лебедева, следует отметить краткий очерк жизни патриарха Никона, написанный Н. С. Борисовым³⁸. Наконец, совсем недавно увидел свет двухтомник «Русские патриархи» московского историка А. П. Богданова. В нем автор, склонный идеализировать порядки допетровской Руси, представляет скорее художественный, нежели научный очерк о Никоне, пытаясь проникнуть во внутренний мир патриарха, взглянуть его глазами на важнейшие проблемы русской церкви³⁹.

Итак, несмотря на достаточно большое количество исследований по истории русской церкви и истории раскола, о патриархе Никоне с начала XX в. не было написано ни одной обобщающей монографии. Очевидно, это объясняется причинами идеологического характера. Церковно-богословская, старообрядческая, марксистская традиции неизменно ограничивали исследователей определенными методологическими рамками, сковывали их инициативу и творческий поиск, что приводило к неверным или тенденциозным выводам. В данной работе мы попытались выйти из круга привычных представлений о переходном периоде русской истории. На наш взгляд, именно сейчас появилась возможность впервые дать взвешенный и непредвзятый анализ развития отношений государства и церкви в России в эпоху позднего средневековья. Данное исследование посвящено лишь одному аспекту этой многоплановой темы — изучению роли личности в истории. В переходные периоды такая роль приобретает колоссальное значение. Как уже говорилось, Никон — это целая эпоха в жизни русского общества. Не случайно в поле зрения данной работы оказались самые разнообразные вопросы: и внешняя политика, и народные восстания, и развитие книгопечатания. Чтобы осуществить поставленную задачу, мы попытались привлечь как можно больше исторических источников, в том числе еще не введенных в научный оборот. Основные выводы данной работы сводятся к следующему.

В начале XVII в. Россия пережила острый социальный и политический кризис, известный как Смутное время. Преодоление Смуты растянулось на несколько десятилетий. Оно было связано не только с политическими событиями — такими, как утверждение на русском троне династии Романовых, но и с культурным обновлением, происходившим под сильным влиянием византийской традиции. Важную роль в распространении этого влияния сыграли печатные издания первой половины XVII в. Именно они сформировали мировоззрение нового поколения русских книжников. Важными составляющими этого мировоззрения стало представление о преемственности власти Романовых и старомосковской династии, что предопределяло ориентацию на старину, а также убежденность во вселенской миссии русского царя. Эти идеи в первую

очередь были восприняты в среде духовенства, которое по роду своей деятельности быстрее других слоев населения приобщилось к книжной культуре.

Культурная жизнь в России в первые десятилетия после Смуты была тесно связана с политической. Монаршая власть в Московском государстве долгое время оставалась непрочной. Многие вопросы внутренней и внешней политики царь решал, опираясь на своих приближенных и советников. В этом отношении не был исключением и Алексей Михайлович. В первые годы царствования он находился под сильным влиянием своего фаворита и воспитателя боярина Б. И. Морозова, который являлся фактическим правителем государства. Однако политический кризис 1648 г. показал эфемерность боярского правления. Неспособность боярской аристократии противостоять стихии народного бунта привела к падению светских фаворитов и возвышению фаворитов духовных, ревнителей благочестия, которые постепенно стали оказывать все более заметное влияние на церковную политику. Наиболее яркой фигурой среди них был Никон, который в 1652 г. был рукоположен в сан патриарха Московского.

Вопреки распространенному мнению, церковная реформа была далеко не главным делом патриарха. Изменения церковных обрядов и правка богослужебных книг поначалу не вызвали широкого протеста в русском обществе. Было бы также неправильным связывать эти преобразования с началом раскола русской православной церкви. Гораздо большее значение Никон придавал осуществлению своих внешнеполитических планов. По его инициативе была начата война с Польшей, которая изначально носила чисто религиозный характер. Идея православного царства и защиты православного населения Украины от преследований католической шляхты стала движущей силой русской армии. Эта идея, воспринятая в русском обществе в результате переосмысления византийского наследия, была необычайно популярной. Наиболее ретивые головы даже высказывали мысль о необходимости отвоевать у турок Константинополь, причем русский царь должен был занять престол Константина Великого, а патриарх Московский стать вселенским патриархом. Таким образом, доминантой внешнеполитического курса Русского государства стала религиозная идея, которая оставалась живучей до тех пор, пока она совпадала с государственными интересами. Однако вскоре ситуация изменилась.

Успешные действия русской армии на территории Белоруссии вызвали беспокойство в соседней Швеции и побудили короля Карла X начать вторжение в Польшу. В течение короткого времени некогда могучее государство Речь Посполитая было поставлено на грань национальной катастрофы. Шведская экспансия вызвала коренные перемены

в системе международных отношений, сложившихся после окончания Тридцатилетней войны. Чтобы не допустить чрезмерного ослабления Польши, русское правительство пошло на заключение союза со своим бывшим врагом и направило штыки русских солдат против шведов, которые также были объявлены притеснителями православных. Но попытка реванша за унижительные поражения времен Смутного времени закончилась провалом. Кардисский мир со Швецией 1661 г. установил *status quo ante bellum*. Россия снова начала военные действия против Польши. Все эти стремительные перемены во внешней политике, продиктованные необходимостью сохранить баланс сил в Восточной Европе, никак не вязались с религиозной идеей патриарха Никона о православной империи. Как и в других европейских странах, религиозный фактор уходил на второй план, уступая место политике альянсов и кабинетным войнам.

Утверждение России на завоеванных территориях повлекло за собой соприкосновение с европейской культурой, которая была воспринята значительной частью светской элиты русского общества во главе с царем. Немалое значение имело и целенаправленное заселение русских земель выходцами с Украины и Белоруссии. Все эти процессы подрывали позиции церкви, которая уже не могла претендовать на ведущую роль в политике страны. Патриарх Никон не мог смириться с таким положением. Он не понял, да и не хотел понять, сути происходящих перемен, оставаясь во всех своих действиях зависимым от буквы Священного Писания. Главным источником знаний для него была Кормчая книга, содержащая свод церковных правил и постановлений Вселенских соборов. Эти правила Никон использовал и как руководство к действию. Утверждая, что «священство» выше «царства», патриарх не выходил за рамки церковного предания. Даже его уход с патриаршества был подражанием евангельскому сюжету. Своим поступком он бросил вызов новому времени, в котором религия уже не играла столь важной роли и уступала первенство абсолютистским тенденциям. Вот почему противостояние царя и патриарха закончилось поражением Никона.

Однако с могуществом церкви было покончено не сразу. Осень средневековья в России выдалась продолжительной. «Дело Никона» тянулось целых девять лет. Патриарх был отправлен в ссылку, но его опала не затронула коренных интересов церкви. Богатства никоновских монастырей были перераспределены, но не конфискованы в пользу государства. Мощное здание церковной организации, созданное еще Филаретом, не было разрушено или перестроено. Церковь все еще отстаивала свои привилегии, издавая постановления о неподсудности духовенства светскому суду, о невмешательстве светских чиновников

в церковные дела и т. д. Последние попытки отстоять независимость церкви были предприняты при патриархе Иоакиме. Но к тому времени из-за церковного раскола духовенство лишилось уже не только авторитетного лидера, но и внутреннего единства, что позволило Петру I быстро низвести его положение до роли безропотного прислужника государства. Образно говоря, последнюю точку в «деле Никона» поставила рука Петра I, отменившего патриаршество на Руси.

Эволюцию русской политической системы XVII в. от гражданской смуты до абсолютной монархии можно сравнить с аналогичными процессами, происходившими в Европе, а именно — во Франции. Так же как и Московское царство, Франция преодолела феодальную раздробленность в конце XV в. С середины XVI столетия страна была охвачена религиозными войнами, которые завершились только в царствование Генриха IV (1598—1610), издавшего Нантский эдикт о веротерпимости. Хотя природа французских гражданских войн была отличной от русских, тем не менее последствия смуты на западе Европы во многом походили на московское разорение. Годы правления Генриха IV ознаменовались кризисом финансовой системы, коррупцией, крестьянскими волнениями. Все это очень напоминало обстановку первых лет царствования Михаила Федоровича. Правда, в отличие от русского царя, Генрих IV правил довольно успешно и оставил о себе добрую память. Он сумел упрочить иерархическую структуру общества, основал новые университеты, упорядочил финансы страны, но так и не успел урегулировать положение церкви в государстве. 14 мая 1610 г. кинжал религиозного фанатика Равальяка оборвал его жизнь⁴⁰.

Унаследовавшему трон Людовику XIII в 1610 г. было всего девять лет. В первые годы его правления при дворе заправляла его мать Мария Медичи. Во Франции снова начались волнения, на этот раз между теряющей свои позиции старой феодальной аристократией и новым дворянством. В 1614 г. под давлением принцев, которые хотели добиться смены правительства, были созваны Генеральные Штаты. Однако аристократам не удалось добиться своих целей, и они снова взялись за оружие⁴¹. Вообще XVII век в истории Франции был временем нестабильности и социальных волнений, что позволило некоторым историкам охарактеризовать этот период как эпоху перманентного кризиса⁴². Согласитесь, что такая оценка очень напоминает «бунташный век» Московского царства. Франции нужна была сильная королевская власть, которая бы покончила с внутренней смутой и укрепила положение страны на международной арене. Именно такие задачи поставил перед собой кардинал Ришелье (1624—1642).

Арман де Ришелье выбился в первые лица государства исключительно благодаря своим способностям. Он не имел ни громких титулов,

ни высоких должностей, ни богатства⁴³. Его отец, Франсуа дю Плесси, служил дворецким Генриха III, который пожаловал ему епископство Люсон. В отличие от России, во Франции существовало более ста церковных диоцезов. Как правило, это были крошечные территории, где доходы от церковных сборов были весьма незначительны⁴⁴. В 1607 г. епископом Люсона стал молодой Арман, которому в то время было двадцать три года⁴⁵. В период регентства Марии Медичи Ришелье появился в Париже и привлек к себе внимание Кончино Кончини — фаворита королевы-матери. С помощью нового покровителя он получил место в Королевском совете, где стал отвечать за военные и иностранные дела. Однако пост премьер-министра Ришелье занял только в 1624 г., уже после того, как стал кардиналом⁴⁶.

Ришелье был современником патриарха Филарета. Хотя оба они являлись людьми духовного звания, в первую очередь это были светские правители. Всю свою энергию Ришелье употребил во благо интересов государства (*raison d'état*). «Моей первой целью было величие короля, моей второй целью было могущество королевства», — написал он в своем завещании⁴⁷. При Ришелье были заложены основы будущего французского абсолютизма. Королевская власть окрепла и смогла противостоять и аристократической Фронде, и религиозной смуте, и стихии народного бунта. Мазарини, который был ставленником Ришелье, лишь продолжил его дело. Внушительные успехи кардинала во внутренней и внешней политике стали возможными не только благодаря законам и институтам, появившимся в его правление. Французский абсолютизм XVII в. начинался в умах и сердцах людей, чье положение в обществе упрочилось во время религиозных войн. Это была католическая элита, объединение которой сделало возможным воцарение Бурбонов. Переход в католичество Генриха IV в глазах французов был актом покаяния, который освящал королевскую корону и очищал государя от ереси⁴⁸. Идея богоизбранности монарха, получившая широкое распространение в первой половине XVII в., стала той опорой, которую использовал Ришелье для проведения своей политики, созвучной с принципами христианской морали⁴⁹. В этом отношении государство нуждалось в церкви, как в опоре королевской власти⁵⁰. Становление французского абсолютизма невозможно представить без религиозной экзальтации, бесконечных церковных праздников и обретений чудотворных мощей⁵¹.

Процесс укрепления государственной власти в лице новой династии во Франции, так же как и в России, растянулся на долгие годы. Как в Москве, так и в Париже середина XVII столетия ознаменовалась новой смутой. Несовершеннолетний король Людовик XIV, как и Алексей Михайлович, в первые годы своего правления столкнулся и с народным

бунтом, вызванным непомерным налоговым гнетом, и с интригами придворных партий, вылившихся в новую Фронду принцев⁵². Преодоление кризиса было тесно связано с представлениями о божественном праве короля, которое не просто укрепило абсолютизм, но и стремилось слиться с ним воедино⁵³. В этом и было значение церкви, с помощью которой государство укрепляло и освящало свою власть. Однако в какой-то момент оно ощутило себя достаточно сильным, уже не нуждающимся в помощи клира. Оно само брало на себя священные функции и во имя единства нации начинало совершать поступки, которые едва ли совместимы с христианской моралью. В России это было преследование старообрядцев и упразднение патриаршества, а во Франции — отмена в 1685 г. Нантского эдикта и новый виток религиозных преследований.

Итак, усиление роли церкви в первой половине XVII в. было связано с преодолением гражданской и религиозной смуты и становлением новых династий, которые использовали церковные институты для обоснования идеи божественного права. Эта идея сделала власть монарха самодостаточной. Укрепив свои позиции в обществе и на международной арене, и король, и царь больше не нуждались в этой опоре. Эта тенденция впоследствии привела к резкому ослаблению позиций церкви в государстве. В новое время религия уже не имела того значения, которое придавали ей средневековые мыслители. Эпоха абсолютизма дала жизнь новым идеям рационализма и просвещения.

Примечания

Список сокращений

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.
АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.
Архив СПб ФИРИ РАН	Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук.
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1861—1892. Т. 1—15.
БАН	Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург.
ГИМ	Государственный Исторический музей, Москва.
ДАИ	Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846—1872. Т. 1—12.
ДДР	Дополнения к III тому Дворцовых разрядов. СПб., 1854.
ДР	Дворцовые разряды. СПб., 1850—1852. Т. 1—4.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОРСА	Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.
ИРЛИ	Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург.
МОИДР	Московское общество истории и древностей российских.
ОР	Отдел рукописей.
ПДС	Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851—1871. Т. 1—10.
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи.
РГБ	Российская государственная библиотека, Москва.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов, Москва.
РИБ	Русская историческая библиотека. СПб., 1872—1927. Т. 1—39.
РНБ	Российская национальная библиотека, С.-Петербург.
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1828. Ч. 1—4.
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы Института Русской литературы Академии наук СССР.

ЧОИДР

Чтения в Обществе истории и древностей российских.

РА

Riksarkivet.

Введение

¹ Осенью Средневековья Й. Хёйзинга назвал переходный период к новому времени (см.: *Хёйзинга Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления Средневековья в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах.* М., 1988).

Глава 1.

Россия после Смутного времени

¹ *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 3–8.

² См. подробнее: *Станиславский С. К.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

³ Подробнее о Смуте см.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995.

⁴ *Коваленко Г. М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX веков. СПб., 1999. С. 47–68.

⁵ *Станиславский С. К.* Гражданская война в России XVII в. С. 85–92.

⁶ Там же. С. 195–199.

⁷ *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М., 1964. С. 209–210.

⁸ *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича: В 2 т. Киев, 1913. Т. 1. С. 27.

⁹ Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 122.

¹⁰ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 247.

¹¹ Записки о России XVII и XVIII века по донесениям голландских резидентов // *Вестник Европы.* 1868. Ч. 1. С. 234.

¹² *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV–XVII вв.: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 168–171.

¹³ Там же. С. 122, 130.

¹⁴ Аграрная история северо-запада России XVII века. (Население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 15–18.

¹⁵ *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Т. 1. С. 30, 131–132.

¹⁶ Там же. С. 128–132, 163–175.

¹⁷ АИ. Т. 3. С. 47–48, 53, 69.

¹⁸ *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Т. 1. С. 35.

¹⁹ Водарский Я. Е. Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI — начало XX в.) // Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 515, 517—518, 527—528.

²⁰ Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 59—60.

²¹ Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. СПб., 1999. С. 68.

²² Веселовский С. Б. Семь соборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 10.

²³ Записки о России XVII и XVIII века по донесениям голландских резидентов // Вестник Европы. 1868. Ч. 8. С. 798.

²⁴ Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Т. 1. С. 189—190.

²⁵ См.: Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1874. Кн. V; *Keep J. The Regime of Filaret // Slavonic and East European Review*. 1960. Vol. 38. Nr. 91. June; *Вовина В. Г. Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов) // Вопросы истории*. 1991. № 7—8; *Bernbard G. B. Fedor Nikitic Romanov. Seine politik in der Zeit der Smuta (1598—1613)*. Heidelberg, 1977; *Маландин В. В. Церковь и государство в патриаршество Филарета / Автореф. дисс. канд. ист. наук*. М., 1996.

²⁶ Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Т. 1. С. 374, 387.

²⁷ Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси. С. 804—805, 842—845; *Вовина В. Г. Патриарх Филарет...* С. 65.

²⁸ *Keep J. The Regime of Filaret*. P. 357—360.

²⁹ *Вовина В. Г. Патриарх Филарет...* С. 53—62.

³⁰ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 126.

³¹ Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1913. Т. 14. С. 19.

³² Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. СПб., 1999. С. 71—75.

³³ Там же. С. 29, 76—78.

³⁴ ААЭ. Т. 3. С. 144; *Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л.*, 1946. С. 190, 273, 308.

³⁵ *Keep J. The Regime of Filaret*. P. 347; *Платонов С. Ф. Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории*. СПб., 1912. С. 392.

³⁶ Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Т. 1. С. 214; *Keep J. The Regime of Filaret*. P. 340—341.

³⁷ Веселовский С. Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в сыскных приказах. М., 1907. С. 4, 9.

³⁸ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 175—176.

³⁹ *Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Т. 1. С. 366.

⁴⁰ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. С. 308.

⁴¹ *Новомбергский А.* Слово и дело государевы. М., 1911. С. 10, 105–106, 480–483, 521–523.

⁴² ААЭ. Т. 3. С. 222.

⁴³ *Платонов С. Ф.* Московское правительство при первых Романовых. С. 383; Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. 14. С. 22–24.

⁴⁴ СГД. М., 1822. Т. 3. С. 257–267.

⁴⁵ *Вовина В. Г.* Патриарх Филарет... С. 67–68; *Платонов С. Ф.* Московское правительство при первых Романовых. С. 391; *Crummey R. O.* The Reconstitution of the Boiar Aristocracy. 1613–1645 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1973. Bd 18. S. 213.

⁴⁶ Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. 14. С. 20.

⁴⁷ ААЭ. Т. 3. С. 247.

⁴⁸ Там же. С. 229–230.

⁴⁹ *Маландин В. В.* Церковь и государство в патриаршество Филарета. С. 173–174.

⁵⁰ См. подробнее в главе 2.

⁵¹ *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998. С. 13.

⁵² См. подробнее: *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991. С. 345–363.

⁵³ *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). М., 1992. С. 120–122.

⁵⁴ *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. С. 227–240.

⁵⁵ *Водарский Я. Е.* Землевладение русской православной церкви... С. 526–529.

⁵⁶ *Соловьева Т. Б.* Отношения государства и церкви по вопросам землевладения в России XVII в. (по материалам Патриаршего Дома) / Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1979. С. 22.

⁵⁷ В 1625 г. патриаршая область включала в себя следующие уезды и города: Московский уезд, Владимир, Переславль Залесский, Юрьев Польский, Кострома, Плес, Юрьевец Повольский, Нижний Новгород с пригородами и уездом, Балахна, Кинешма, Лух, Гороховец, Ядрин и уезды тех городов, Галич с пригородами, Арзамас, Алатырь, Курмыш, Темников, Вятка с пригородами, Кайгород, Пинега, Кевроль, Мезень, Ржев Владимиров, Торопец, Боровск, Звенигород, Руза, Волок Ламский, Можайск, Мосальск, Дмитров, Серпухов, Брянск, Карачев, Севск, Камарицкая волость, Путивль, Курск, Рыльск, Оскол, Белгород, Валуйки, Медужская, Пехрянская и Белозерская десятины (ААЭ. Т. 3. С. 231–232; СГД. Т. 3. С. 275–277).

⁵⁸ *Лютин Е. Ю.* Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова (1619–1633) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVII вв.: Сб. научных трудов. М., 1988. С. 100, 110, 112.

- ⁵⁹ Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. 14. С. 22.
- ⁶⁰ *Keer J.* The Regime of Filaret. P. 338—339. См. также: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей русской православной церкви. СПб., 1877. Стб. 36, 50, 317, 656, 1035.
- ⁶¹ ЧОИДР. 1866. Кн. 3. Отд. V. С. 8—10.
- ⁶² *Смирнов А.* Святейший патриарх Филарет... С. 652—653.
- ⁶³ *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 316.
- ⁶⁴ *Чернов А. В.* Вооруженные силы Московского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С. 134—155.
- ⁶⁵ См. подробнее: *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; *Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947.
- ⁶⁶ Цит. по: *Поршнев Б. Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С. 113.
- ⁶⁷ М. Б. Шеин под Смоленском // ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Отд. IV. С. 13.
- ⁶⁸ Там же. С. 17.
- ⁶⁹ *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. С. 210—229; *он же.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. С. 112—113.
- ⁷⁰ Замечательный портрет патриарха Филарета // Русский архив. 1863. Вып. 4. С. 348—349.
- ⁷¹ «Государево дело» стряпчего Бутурлина о злоупотреблениях в Московском государстве // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1909. Т. 8. С. 62—68.
- ⁷² ААЭ. Т. 3. С. 382.
- ⁷³ Цит. по: *Иловайский Д.* Шеин при ином историческом освещении // Русская старина. 1898. Нояб. С. 444.
- ⁷⁴ ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Отд. IV. С. 18.
- ⁷⁵ *Поршнев Б. Ф.* Социально-политическая обстановка во время Смоленской войны. С. 118, 137.
- ⁷⁶ *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 1—3.
- ⁷⁷ О Боярской думе см. подробнее: *Crummey R. O.* The Reconstitution of Boiar Aristocracy. S. 189, 192.
- ⁷⁸ *Платонов С. Ф.* Московское правительство при первых Романовых. С. 393.
- ⁷⁹ *Поршнев Б. Ф.* На путях к Поляновскому миру // Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964. С. 537.
- ⁸⁰ *Crummey R. O.* The Reconstitution of Boiar Aristocracy. S. 215—216.
- ⁸¹ *Поршнев Б. Ф.* На путях к Поляновскому миру. С. 513.
- ⁸² *Филина Е. И.* «Придворные партии» в политической борьбе в России в 30—50-е гг. XVII в. / Дисс. канд ист. наук. М., 1995. С. 43, 51, 84.
- ⁸³ Там же. С. 51—57.
- ⁸⁴ *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей... С. 318.

⁸⁵ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 327.

⁸⁶ *Филина Е. И.* «Придворные партии» в политической борьбе в России... С. 46–47.

⁸⁷ *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства XVI–XVII вв. М., 1978. С. 252–260, 262–272.

⁸⁸ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 237, 372, 437–438; *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 3, 71.

⁸⁹ *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. С. 42–45, 69–71, 84.

⁹⁰ *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С. 47, 59–61.

⁹¹ *Морозова Л. Е.* Царь Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 46. См. также популярное издание: *Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996.

Глава 2.

Развитие книгопечатания и его последствия

¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Соч.: В 9 т. Т. 3. С. 83.

² *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Paris, 1983. С. 57.

³ *Семенова Е. П.* Русская общественная мысль первой половины XVII века (творчество С. И. Шаховского и И. А. Хворостинина) / Дисс. канд. ист. наук. Л., 1982. С. 113–124.

⁴ *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 144–145.

⁵ Там же. С. 146, 154.

⁶ *Семенова Е. П.* Русская общественная мысль... С. 125.

⁷ Там же. С. 31–46, 52.

⁸ Там же. С. 59–61, 70.

⁹ *Голубцов А. И.* Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. II. С. 157–158.

¹⁰ *Семенова Е. П.* Русская общественная мысль... С. 126–127.

¹¹ Там же. С. 178.

¹² *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII вв. Л., 1925. С. 70–73, 78–79; *Robert M. Gustavus Adolfus: A History of Sweden 1611–1632.* London; New York; Toronto, 1953. Vol. 1. P. 375–376.

¹³ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию... С. 296–297.

¹⁴ *Рожественский Н. В.* К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быте XVII в. // ЧОИДР. 1902. Кн. 2. Отд. IV. С. 18–22.

¹⁵ ААЭ. Т. 3. С. 401–405.

- ¹⁶ РНБ. ОР. Q. I. 331. Л. 121—122, 123 об.—124 об.
- ¹⁷ ААЭ. Т. 4. С. 482.
- ¹⁸ Там же. Т. 3. С. 398—399, 436—437, 439—442.
- ¹⁹ *Водарский Я. Е.* Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI — начало XX в.) // Русское православие: вехи истории. С. 526—528.
- ²⁰ Житие преподобного Елеазара // Православный собеседник. 1860. Ч. 1. С. 112.
- ²¹ *Докучаев-Басков К.* Подвижники и монастыри русского Севера // Христианское чтение. 1885. Ч. 1. С. 783—793.
- ²² *Докучаев-Басков К.* Сказание о чудесах в Каргопольской Хергозерской пустыни от иконы преп. Макария Унженского и Желтоводского // ЧОИДР. 1902. Кн. 3. Отд. IV. С. 2—4.
- ²³ ЧОИДР. 1866. Кн. 1. Отд. V. С. 10.
- ²⁴ Ярославские губернские ведомости. 1852. № 46. Часть неофициальная. С. 388—389; № 26. Часть неофициальная. С. 233; 1890. № 12. Часть неофициальная. С. 4.
- ²⁵ *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 66—81; *Зеньковский С.* Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. München, 1970. С. 144—156.
- ²⁶ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 112—113.
- ²⁷ *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. С. 8, 14—15, 101.
- ²⁸ Там же. С. 286—287.
- ²⁹ Там же. С. 44, 101.
- ³⁰ Там же. С. 35—36, 101.
- ³¹ *Черетин Л. В.* «Смута» и историография XVII в. // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 83.
- ³² *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 423—424.
- ³³ *Кисилев Н. П.* О московском книгопечатании XVII в. // Книга: Исследования и материалы. Сб. 2. М., 1960. С. 126—128, 185.
- ³⁴ *Луттов С. П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 37—38.
- ³⁵ *Поздеева И. В.* Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора. Первая половина XVII в. М., 1986. С. 16.
- ³⁶ *Немировский Е. Л.* Иоганн Гутенберг. М., 1989. С. 259.
- ³⁷ *Гуревич А. Я.* Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 331—332.
- ³⁸ У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 201—202.
- ³⁹ *Зернова А. С.* Памятник Нижегородской печати 1613 года // Сб. Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Т. 1. С. 87—99.
- ⁴⁰ Там же. С. 97.
- ⁴¹ *Володихин Д. М.* Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993. С. 83.

- ⁴² РИБ. Т. 2. Стб. 390—391; ЧОИДР. 1883. Кн. 2. Отд. V. С. 1.
- ⁴³ Апостол. М., 1621. Л. 301—303 об.; Минея служебная. М., 1622. Л. 104. И. В. Поздеева обратила внимание на то, что в книжной публицистике первой половины XVII в. развивалась мысль о Божьем промысле при избрании Романовых (см.: *Поздеева И. В.* Первые Романовы и царистская идея // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 46—47).
- ⁴⁴ *Смирнов А.* Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1874. Кн. 2. С. 243, 267.
- ⁴⁵ ААЭ. Т. 3. С. 148.
- ⁴⁶ РИБ. 1880. Т. 4. Стб. 22, 30, 32.
- ⁴⁷ Собрание краткия об артикулах веры. М., 1649.
- ⁴⁸ Подсчеты произведены по материалам А. С. Зерновой и И. В. Поздеевой (см.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. М., 1958. С. 11—27; *Поздеева И. В.* Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора. С. 21—66).
- ⁴⁹ *Поздеева И. В.* Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора. С. 8.
- ⁵⁰ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 426.
- ⁵¹ *Покровский А. А.* Московский Печатный двор в первой половине XVII века. М., 1915. С. 18, 27; *Зернова А. С.* Памятник Нижегородской печати 1613 года. С. 68.
- ⁵² *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. С. 37.
- ⁵³ ААЭ. Т. 3. С. 438, 432—433.
- ⁵⁴ *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры). Тверь, 1890. С. 188—189, 421.
- ⁵⁵ ААЭ. Т. 3. С. 482—483.
- ⁵⁶ *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский... С. 207—208, 215.
- ⁵⁷ Там же. С. 422, 215—251.
- ⁵⁸ Там же. С. 440; Северная пчела. 1842. № 198. С. 791—792.
- ⁵⁹ ААЭ. Т. 3. С. 241.
- ⁶⁰ *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский... С. 294—299.
- ⁶¹ *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. С. 41, примеч. 43.
- ⁶² ААЭ. Т. 3. С. 242.
- ⁶³ Требник мирской. М., 1639. Л. 398 об.—399.
- ⁶⁴ Там же. Л. 402 об.—403 об.
- ⁶⁵ *Булычев А. А.* О публикации постановления церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом Требниках (М., 1639 г.) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. М., 1989. С. 36.
- ⁶⁶ *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. С. 60—61.

- ⁶⁷ *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский... С. 321.
- ⁶⁸ *Смирнов А.* Святейший патриарх Филарет... С. 243.
- ⁶⁹ См., например: Псалтирь. М., 1622. Л. 353–353 об.
- ⁷⁰ Служебник. М., 1623. Л. 469 об.; Часовник. М., 1631. Л. 244 об.; Служебник. М., 1635. Л. 517 об.
- ⁷¹ Псалтирь. М., 1615. Л. 292 об.; Требник. М., 1623. Л. 47 об.—49; Минея служебная. М., 1627. Л. 355; Апостол. М., 1635. Л. 310.
- ⁷² *Буланин Д. М.* Translatio studii: путь к русским Афинам // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 136.
- ⁷³ Служба и житие Николая Чудотворца. М., 1643. Л. 244; Канонник. М., 1636. Л. 82–82 об. (второго счета); Требник. М., 1642. Л. 312 об.
- ⁷⁴ СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 298–299.
- ⁷⁵ *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. С. 157.
- ⁷⁶ *Ботвинник М. Б.* Лаврентий Зизаний. Минск, 1973. С. 91–96.
- ⁷⁷ Заседание в Книжной палате 18 февраля 1627 года по поводу исправлений Катехизиса Лаврентия Зизания // Общество любителей древней письменности. СПб., 1878. Вып. XVII. С. 15–16, 18.
- ⁷⁸ Там же. С. 33.
- ⁷⁹ Там же. С. 45–46.
- ⁸⁰ *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. С. 172.
- ⁸¹ Устав. М., 1610. Л. 3 об.
- ⁸² ААЭ. Т. 3. С. 337–338.
- ⁸³ *Мансветов И.* Как у нас правилась церковные книги (Материалы для истории книжной sprawy в XVII столетии по бумагам архива типографской библиотеки в Москве) // Прибавления к творению святых отцов. 1883. Кн. V. С. 545.
- ⁸⁴ Устав. М., 1610. Л. 68 об.—69 (третьего счета). Экземпляр хранится в РНБ. Отдел редкой книги. Шифр I. 4. 6.
- ⁸⁵ *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. С. 142.
- ⁸⁶ Там же. С. 72, 173–174.
- ⁸⁷ На это обстоятельство обратил внимание Кристиан Хемер. См.: *Hemer C.* Herrschaft und Legitimation im Rußland des 17 Jahrhunderts: Staat und Kirche zur Zeit des Patriarchen Nikon. Frankfurt a. M., 1979. S. 161.
- ⁸⁸ Трефологион. М., 1637. Л. 708.
- ⁸⁹ Букварь. М., 1634. Л. 88–88 об.
- ⁹⁰ *Иванова Ж. Н.* Василий Бурцов и его роль в развитии печатного дела в России // Памятники народной русской культуры. XVII–XIX вв. Труды ГИМ. М., 1990. Вып. 75. С. 13–28.
- ⁹¹ *Успенский Б. А.* Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 221–222.
- ⁹² *Флоря Б. Н.* Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей. Историк и время. 1992. М., 1994. С. 209–210.

⁹³ Чин исповеданию православным царем и великим князем Московским и всея Руси. М., [ок. 1630.] Л. 10 об.—11.

⁹⁴ Требник мирской. М., 1639. Л. 432—514.

⁹⁵ Булычев А. А. О публикации постановления церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом Требниках... С. 53—54.

⁹⁶ Большинство слов и поучений отцов церкви вошло в Потребник иноческий 1639 г., Потребник мирской 1639 г., Маргарит 1641 г., Кириллову книгу 1644 г., Сборники 1647 и 1642 гг. (см.: Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков. М., 1985. С. 341—343, 347—348.) Сочинения Максима Грека издавались в Грамматике 1648 г. и в Кирилловой книге. Поучения Ефрема Сирина дважды издавались в 1647 г., а в 1651 г. были переизданы вместе с поучениями аввы Дорофея. «Службы и жития Сергия и Никона» были напечатаны в 1646 г., «Служба и житие Саввы Сторожевского» — в 1649 г.

⁹⁷ Елеонская А. С. Политические цели второго издания Пролога 1642—1643 гг. // Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.): Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1978. С. 76—78; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков. С. 123—124.

⁹⁸ Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии... С. 241.

⁹⁹ Кириллова книга. М., 1644. Л. 6—6 об.

¹⁰⁰ Книга о вере. М., 1648. Л. 3 об.—4 об.

¹⁰¹ Сапожникова О. С. Сергей Шелонин — писатель и книжник XVII века / Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 6, 14—15.

¹⁰² Апостол. М., 1644. Л. 312.

¹⁰³ Иоанн Лествичник. Лествица. М., 1647. Л. 311.

¹⁰⁴ Евангелие учительное. М., 1652. Л. 537 об.

¹⁰⁵ Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв. С. 230.

¹⁰⁶ Bushkovitch P. Religion and Society in Russia. The sixteenth and the seventeenth centuries. New York, Oxford, 1992. P. 150—151, 178—179.

¹⁰⁷ Булычев А. А. Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа // Литература Древней Руси: Источниковедение. М., 1988. С. 192—193.

¹⁰⁸ Сборник поучений 1643 г. Л. 12 об.

¹⁰⁹ Сборник 71 слова. М., 1647. Описание рукописи см.: Демин А. С. Писатель и общество в России... С. 321—326; Bushkovitch P. Religion and Society in Russia... P. 150—151.

¹¹⁰ Поздеева И. В. Новые данные для описания изданий московского Печатного двора. С. 50—60.

¹¹¹ Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV—XVII вв. СПб., 1892. С. 6—11.

¹¹² Бакланова И. А. Русский читатель XVII в. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 162—163, 165—166, 192—193.

¹¹³ Луттов С. П. Покупатели изданий Московской типографии в середине XVII века. Л., 1983. С. 48—49.

¹¹⁴ Davies N. Z. Printing and the People // Society and Culture in Early Modern France. Stanford, 1975. P. 225.

¹¹⁵ См. классическое исследование Карло Гинцбурга: *Ginzburg C. The Cheese and the Worms. The cosmos of a sixteenth-century miller*. Penguin books, 1982. P. 56–60.

¹¹⁶ По выражению Д. С. Лихачева, XVII век в России «взял на себя функции Ренессанса». См. подробнее: *Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени*. М., 1999. С. 10.

Глава 3. Возвышение Никона

¹ Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанное клириком Иоанном Шушериным. М., 1908. С. 9. (Далее — *Шушерин И. Известие...*)

² Сазонов С. В. Поминания рода патриарха Никона в синодиках середины XVII в. // Историческая генеалогия. 1993. № 2. С. 81–82.

³ *Шушерин И. Известие...* С. 10–11.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Там же. С. 11; Житие преосвященного Илариона, митрополита Суздальского, бывшего Флорищевой пустыни первого строителя. Казань, 1868. С. 19–20.

⁶ Житие преосвященного Илариона, митрополита Суздальского... С. 1.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ О Неронове см., например: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2. С. 72–76.

⁹ *Субботин Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования*. М., 1875. Т. 1. С. 256.

¹⁰ Там же. С. 258–259.

¹¹ ААЭ. Т. 3. С. 284.

¹² ИРЛИ. Древлехранилище. Колл. Лукьянова. № 51. Л. 284–284 об. «Сказание како прежняя Желтоводская преподобнаго отца нашего Макария обитель обновися явлением его». См. описание рукописи в статье: *Понырко Н. В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия* // ТОДРЛ. М.; Л., 1990. Т. 43. С. 61–62.

¹³ ИРЛИ. Колл. Лукьянова. № 51. Л. 287 об.—288.

¹⁴ *Понырко Н. В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря...* С. 59.

¹⁵ ААЭ. Т. 3. С. 257–259; ЧОИДР. 1866. Кн. 1. Отд. V. С. 10 (цит. по тексту, опубл. в ЧОИДР).

¹⁶ Временник МОИДР. 1850. Кн. 8. Отд. V. С. 43.

¹⁷ *Понырко Н. В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря...* С. 65.

¹⁸ АИ. Т. 3. № 94, 95, 104, 108, 119, 120, 123, 126, 129.

- ¹⁹ ААЭ. Т. 3. С. 231–233.
- ²⁰ Временник МОИДР. 1850. Кн. 8. Отд. V. С. 48.
- ²¹ Шушерин И. Известие... С. 12.
- ²² Об одном из списков жития патриарха Никона // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. Отд. IV. С. 21. Автор заметки В. И. Савва датирует рукопись 1742–1744 гг.
- ²³ Там же.
- ²⁴ В оригинале, видимо, ошибочно написано: «не имут казни» (там же).
- ²⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1991. Кн. 7. С. 540; Петров П. Н. История родов русского дворянства. М., 1991. С. 32.
- ²⁶ Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный и политический деятель XVII века. СПб., 1906. С. 24–27; Crummey R. O. Aristocrat and Servitors. The Boyar Elite in Russia 1613–1689. Princeton; New Jersey, 1983. P. 200.
- ²⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII вв. М., 1901. С. 222–241.
- ²⁸ Шушерин И. Известие... С. 12.
- ²⁹ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е годы). Воронеж, 1975. С. 59–61.
- ³⁰ ААЭ. Т. 3. С. 401–405.
- ³¹ Шушерин И. Известие... С. 13; Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 331.
- ³² Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 232.
- ³³ С. М. Севастьянова, исследовавшая литературные памятники о Елеазаре, считает, что «Свиток преподобного отца нашего Елеазара» является более достоверным источником, чем Житие, написанное иноком Макарием (см.: Севастьянова С. К. Житие Елеазара Анзерского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 1. С. 346).
- ³⁴ Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 300–301.
- ³⁵ Архимандрит Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 2. С. 335–338.
- ³⁶ Иванов П. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М., 1853. С. 47; Разрядные книги. 1598–1638 гг. М., 1974. С. 341.
- ³⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 921–922; Т. 2. СПб., 1852. Стб. 51.
- ³⁸ Вкладная книга Соловецкого монастыря 1636 года // Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 2. Л. 87 об.—89 об.; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 184–185; Докучаев-Басков К. Подвижники и монастыри русского Севера // Христианское чтение. 1885. Ч. 1. С. 783.
- ³⁹ ААЭ. Т. 3. С. 456; Иеромонах Николай (Ярушевич). Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). Пг., 1917. Прил. IV. С. 641; Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 50–51.

⁴⁰ *Токмаков И.* Историческое и археологическое описание московского Алексеевского девичьего монастыря. М., 1889. С. 15–16.

⁴¹ *Шушерин И.* Известие... С. 14.

⁴² *Гунн Г. П.* Патриарх Никон и Елеазар Анзерский. С. 234–235.

⁴³ Вкладная книга Анзерского скита // РНБ. Соловецкое собр. Анзерск. 2/1370. Л. 48–48 об., 57–66 об.

⁴⁴ ААЭ. Т. 3. С. 398–399.

⁴⁵ Житие преподобного Елеазара // Православный собеседник. 1860. Ч. 1. С. 113.

⁴⁶ *Шушерин И.* Известие... С. 13; *Архимандрит Досифей.* Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. Ч. 2. С. 348.

⁴⁷ Там же. С. 335–350.

⁴⁸ Там же. С. 351–353.

⁴⁹ *Гунн Г. П.* Патриарх Никон и Елеазар Анзерский. С. 237; Житие преподобного Елеазара. С. 242–243; *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей русской православной церкви. СПб., 1877. Стб. 816–817; ААЭ. Т. 4. № 322. С. 482.

⁵⁰ *Архимандрит Лаврентий.* Краткое известие о Крестном Онежском Архангельской епархии монастыре. М., 1805. С. 2.

⁵¹ Популярный очерк об острове Кий см. в кн.: *Гунн Г. П.* Каргополье — Онега. М., 1989. С. 147–161.

⁵² *Шушерин И.* Известие... С. 15–16.

⁵³ *Лобачев С. В.* Владения Кожеозерского монастыря при игумене Николе // Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XIX вв.: Проблемы изучения монастырей и монастырской культуры. Тезисы докладов XI Всероссийской конференции. Тихвин, 1999. С. 44–45. О Кожеозерском монастыре см. популярный очерк: *Гунн Г. П.* Каргопольский озерный край. М., 1989. С. 150–179.

⁵⁴ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Л. 138. Рукопись хранится в отделе истории русской культуры Государственного Эрмитажа. Источник был введен в научный оборот И. Г. Спасским (см.: Московская математическая рукописная книга середины XVII в. и ее первый владелец // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 69–74). Мне удалось ознакомиться с книгой благодаря Александре Семеновне Косцовой, сотруднице этого отдела. Водяные знаки «голова шута с пятью бубенцами» (близок к № 1311 в альбоме А. А. Гераклитова — см.: Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963) и «герб Берна» (близок к № 1333 в альбоме К. Я. Тромонина — см.: Tromonin's Watermarks Album. A facsimile of the Moscow 1844 edition with additional materials by S. A. Klepikov. Hilversum, Holland, 1965. Р. 33) позволяют датировать бумагу серединой XVII в. Основной текст написан четкой скорописью. По-видимому, книга была составлена и отредактирована в 1650-х гг. на основании подлинных грамот. Со временем в книгу заносились новые вклады. Последние записи о них относятся ко второй половине XVIII в. В 1764 г. монастырь был закрыт.

- ⁵⁵ Шушерин И. Известие... С. 16–17.
- ⁵⁶ Белокуров С. А. О Посольском приказе // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. Отд. IV. С. 117.
- ⁵⁷ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 307; Барте-нев П. Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. С. 11, 13.
- ⁵⁸ Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог. М., 1981. С. 98, 101, 132.
- ⁵⁹ Спасский И. Г. Московская математическая рукописная книга... С. 73.
- ⁶⁰ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 464–466.
- ⁶¹ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Л. 29.
- ⁶² РНБ. Собр. Погодина. № 1549. Л. 61–61 об., 63 об.–64; авторство Боголепа Львова установил В. О. Ключевский (см.: Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 334–335).
- ⁶³ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Л. 21.
- ⁶⁴ Шушерин И. Известие... С. 17; Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Л. 141 об.
- ⁶⁵ Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 2. № 132, 141, 144; Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Л. 8–9 об., 20, 21.
- ⁶⁶ Вкладная книга Кожеозерского монастыря. Л. 21 об.
- ⁶⁷ Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 172. № 144. Приписка на обороте.
- ⁶⁸ Шушерин И. Известие... С. 17.
- ⁶⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен... М., 1990. Кн. 5. С. 465–466; Костомаров Н. М. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. Кн. 2. С. 159; Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 280; Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1872. Ч. 1. С. 2; Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. München, 1970. С. 108.
- ⁷⁰ Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский... С. 232–234, 240–242; Борисов Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 170–179.

Глава 4.

Начало царствования Алексея Михайловича

- ¹ АИ. Т. 3. № 246.
- ² Известие о поездке в Россию Вальдемара графа Шлезвиг-Голштинского // ЧОИДР. 1867. Кн. 4. С. 62.
- ³ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1–2; Новый летописец по списку князя Оболенского. С. 192; Олгарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 245.
- ⁴ Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. № 246.
- ⁵ Там же. № 250.

⁶ Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов // ЧОИДР. 1915. Кн. 3. Отд. I. С. 68, 70.

⁷ Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // ЖМНП. 1891. Июнь. С. 368.

⁸ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 62.

⁹ ДР. Т. 3. Стб. 27; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. С. 62, 140, 159.

¹⁰ Письма одного шведа из Москвы в 1647 году писанные // Северный архив. С. 151; Дополнения к АИ. Т. 3. № 13.

¹¹ Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I: XVIII в. М.; Л., 1956. С. 151, 429—431; БАН. 16. 17. 30. В предисловии переводчик обращается к Б. И. Морозову. В то же время в одном месте он пишет: «Не воспоминаю яко перший нынешнему Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу клялся еси, и первый царя целовал еси его». Титул «всея великия и малыя и белыя Росии самодержец» появился в 1654 г., после присоединения Украины и завоевания Белоруссии; Б. И. Морозов умер в 1662 г., следовательно, книга была переведена в период между этими датами (1654—1662).

¹² Оlearий А. Описание путешествия в Московию... С. 351—352.

¹³ Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX века. СПб., 1999. С. 97—99.

¹⁴ ААЭ. Т. 4. № 18. С. 31.

¹⁵ Bos L. van den. Het Tooneel der Doorluchtige Manner onser Eeuwe. Het eerste deel. Amsterdam, 1650. S. 700. В Разрядных записях имя Н. И. Романова упоминается в мае 1646 г., а затем уже в 1650 г. (см.: ДР. Т. 3. Стб. 34, 136).

¹⁶ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письмах к другу // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. С. 4, 31; АИ. Т. 4. С. 165—166; ААЭ. Т. 4. С. 31.

¹⁷ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 78.

¹⁸ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 399—400.

¹⁹ Оlearий А. Описание путешествия в Московию... С. 263.

²⁰ Субботин Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 272.

²¹ Белокуров С. А. Арсений Суханов // ЧОИДР. 1891. Кн. 1. Отд. III. С. 170. В. С. Румянцева полагала, что Стефан был родом из Старицкого у., поскольку известно о его вкладе в Опекалову пустынь, находившуюся в том уезде. Однако это предположение не подтверждается другими источниками (см.: Румянцева В. С. Кружок Стефана Внифантьева // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 180).

²² Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М.; Л., 1940. Ч. 1. С. 11.

²³ Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1881. Вып. 7. С. 6—7.

- ²⁴ Румянцева В. С. Кружок Стефана Внифантьева. С. 182—185.
- ²⁵ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 272.
- ²⁶ Козловский И. Ф. М. Ртищев: Историко-биографический очерк. Киев, 1906. С. 159—160.
- ²⁷ Румянцева В. С. Ртищевская школа // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 179—181.
- ²⁸ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 275, 279
- ²⁹ РИБ. Л., 1927. Т. 39. Стб. 11.
- ³⁰ Козловский И. Ф. М. Ртищев. С. 160.
- ³¹ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913. С. 105—168; *он же*. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 1—105. О деятельности кружка ревнителей благочестия написано немало работ. Из новейших исследований см.: Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века. С. 102—112; Румянцева В. С. Кружок Стефана Внифантьева. С. 178—188.
- ³² Румянцева В. С. Кружок Стефана Внифантьева. С. 178. В. С. Румянцева причисляет к ревнителям также муромского протопопа Логина, костромского протопопа Даниила, родственника Ф. М. Ртищева Спиридона Потемкина игумена Златоустовского монастыря Феокиста и других лиц, которые впоследствии стали видными деятелями старообрядчества (см.: Там же. С. 179) Однако такая точка зрения представляется ошибочной. Как будет показано в дальнейшем, будущие старообрядцы не оказывали практически никакого влияния на церковную политику в первые годы царствования Алексея Михайловича.
- ³³ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 35.
- ³⁴ Изучению московского книгопечатания первой половины XVII в. посвятила свою статью И. В. Поздеева. Она пересмотрела традиционную точку зрения Н. П. Кисилева и показала, насколько важное место занимала печатная книга в формировании мировоззрения русского человека (см.: Поздеева И. Е. Московское книгопечатание первой половины XVII в. // Вопросы истории 1990. № 10. С. 147—149.) В. С. Румянцева, изучив круг чтения Стефана Внифантьева, сделала правильный вывод, что к середине XVII в. «печатная книга впервые стала объектом размышления и полемики в довольно широких кругах населения, служила расширению умственного и политического кругозора читателя» (Румянцева В. С. Кружок Стефана Внифантьева. С. 188.) На наш взгляд, принципиально важным является связь развития книгопечатания с кризисом, вызванным Смутным временем, и сложным процессом становления и укрепления династии Романовых.
- ³⁵ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 272, 257.
- ³⁶ Шушерин И. Известие... С. 11.
- ³⁷ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России... С. 36, 78—86; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России... С. 40—42.

³⁸ Поздеева И. В. Московское книгопечатание первой половины XVII в. С. 152—153.

³⁹ Луттов С. П. Покупатели изданий Московской типографии в середине XVII века. Л., 1984. С. 6, 47, 37, 43, 30.

⁴⁰ Белокуров С. А. Деяния Московского церковного собора 1649 года (вопрос о единогласии в 1649—1651 гг.) // Из духовной жизни московского общества XVII века. М., 1902. С. 48—49.

⁴¹ Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 503—504.

⁴² Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб., 1992. Ч. 1. С. 48—49.

⁴³ Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII века // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1904. Т. 155. С. 53—55, 57, 62.

⁴⁴ РГБ. Ф. 218. № 180. Л. 179—179 об. Сборник XVII в. в четверку, 365 л., содержит выдержки из сочинений отцов церкви и ряд полемических сочинений, среди которых наиболее примечательны выписки из поучений И. Златоуста о том, как вести себя в церкви, и о единогласном пении «ответы преексловцем» (л. 8 об.—55 об.), перевод грамоты константинопольского патриарха Парфения, составленной 16 августа 1650 г. (л. 162—167), послание Агафоника митрополиту Никону о поклонах (л. 168—196 об.). Присутствие в сборнике перевода грамоты Парфения, который, как следует из его текста, был сделан в Посольском приказе 7 декабря 1650 г., и послания Агафоника, в котором Никон назван новгородским митрополитом, позволяет датировать рукопись концом 1650—1652 г.

⁴⁵ Флоря Б. Н. Материалы миссии Феофана Палеопатрского в Россию в 1645 г. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 210—212, 220—222.

⁴⁶ Там же. С. 212.

⁴⁷ Николаевский П. Из истории сношений России с Востоком в половине XVII столетия // Христианское чтение. 1882. Ч. 1. С. 250—251; Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 483—486.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 47. Л. 1.

⁴⁹ Морозов К. К. Памятник архитектуры — Новоспасский монастырь в Москве. М., 1982. С. 9.

⁵⁰ Архимандрит Леонид (Кавелин). Вкладная книга московского Новоспасского монастыря // Памятники древней письменности и искусства. Т. 39. С. 7—24.

⁵¹ Там же. С. 18—19.

⁵² Там же. С. 13—15.

⁵³ Выходы государей царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. М., 1844. С. 169, 170.

⁵⁴ Архимандрит Леонид (Кавелин). Вкладная книга московского Новоспасского монастыря. С. 24.

⁵⁵ *Снегирев И.* Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. СПб., 1863. Доп. статьи. С. V, VII.

⁵⁶ *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII в.: Греческие документы московских хранилищ: Каталог выставки. М., 1991. С. 17—18.

⁵⁷ Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Божьей матери, принесенной в Россию в 1648 г. М., 1879. С. 15, 17, 19—20, 25.

⁵⁸ *Успенский Б. А.* Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 222—223.

⁵⁹ *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 412—413.

⁶⁰ *Шушерин И.* Известие... С. 18.

⁶¹ О московском восстании 1648 г. см., например: *Бахрушин С. В.* Московское восстание 1648 года // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 90; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 156—248; *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное Уложение 1649 года. М., 1961. С. 16—21; *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России... С. 105; *Преображенский А. А.* Восстания конца 40-х гг. XVII в. в России // История Европы. Т. 4. С. 70—83.

⁶² *Филина Е. И.* «Придворные партии» в политической борьбе в России в 30—50-е гг. XVII в. / Дисс. канд ист. наук. М., 1995. С. 75; *Платонов С. Ф.* Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории. СПб., 1912. С. 405.

⁶³ *Базилевич К.* Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1936. С. 51.

⁶⁴ *Kivelson V. A.* The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // American Historical Review. 1993. Vol. 98. No. 3. P. 755—766.

⁶⁵ *Базилевич К.* Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 36, 37, 53; Выходы государей царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. С. 181; *Зерцалов А.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. // ЧОИДР. 1890. Кн. 3. С. 15—16.

⁶⁶ *Платонов С. Ф.* Новый источник для истории московских волнений 1648 года // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. Отд. III. С. 15—16, 18—19.

⁶⁷ *Базилевич К.* Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 35—36, 74.

⁶⁸ *Буганов В. И.* Описание Московского восстания 1648 г. в Архивном сборнике // Исторический архив. 1957. № 4. С. 229.

⁶⁹ *Базилевич К.* Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 61.

⁷⁰ Эти сведения заимствованы из расширенной редакции Лейденской брошюры (см.: *Bos Lambertus van den.* Het Tooneel der Doorluchtige Manner onser Eeuwe. Het eerste deel. S. 700). Они подтверждаются сообщением шведского резидента Карла Поммеренинга (см.: *Базилевич К.* Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 35—36).

⁷¹ *Базилевич К.* Городские восстания в Московском государстве XVII в. С. 62—63.

- ⁷² Соборное Уложение 1649 года. Текст и комментарии. Л., 1987. С. 408.
- ⁷³ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 48.
- ⁷⁴ Павлов А. П. Самодержавие и земские соборы русского государства XVI—XVII веков // Место России в Европе. Материалы международной конференции. Будапешт, 1999. С. 118—121.
- ⁷⁵ Эта точка зрения в историографии является общепринятой (см.: Соборное Уложение 1649 года. С. 243—244).
- ⁷⁶ Там же. С. 69, 243—244.
- ⁷⁷ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 14, 25, 55, 165, 194.

Глава 5. Новгородское дело

- ¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 11, 71, 97.
- ² Там же. Л. 118—119. Иерусалимский патриарх занимал последнее, пятое место во вселенской церковной иерархии. О пентархии и месте в ней московского патриарха см.: Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 495—517.
- ³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 128—129.
- ⁴ Там же. Л. 206, 277.
- ⁵ Белокуров С. А. Арсений Суханов // ЧОИДР. 1891. Кн. 2. Отд. IV. С. XXXVI—XXXVII.
- ⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 307—308.
- ⁷ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913. С. 174—179.
- ⁸ Белокуров С. А. Деяния Московского церковного собора 1649 года (вопрос о единогласии в 1649—1651 гг.) // Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 36.
- ⁹ Там же. С. 37.
- ¹⁰ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники... С. 172.
- ¹¹ Паисий оказался, пожалуй, наиболее удачливым из греков. На гроб Господень ему было пожаловано 4 тыс. руб., по тем временам огромная сумма (см.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 366).
- ¹² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 317—318; Николаевский П. Из истории сношений России с Востоком... С. 257.
- ¹³ РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. № 16.
- ¹⁴ БАН. Собрание текущих поступлений. Оп. 2. № 1342. Л. 69. См. также: Шушерин И. Известие... С. 18
- ¹⁵ Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII века // Русское летописание. М., 1979. С. 284. (Далее — Новгородский хронограф XVII века.)
- ¹⁶ ААЭ. Т. 4. С. 75—76; Новгородский хронограф XVII века. С. 284. Митрополит Афоний умер 6 апреля 1652 г.

- ¹⁷ СГД. М., 1822. Ч. III. С. 447–448.
- ¹⁸ Новгородский хронограф XVII века. С. 284.
- ¹⁹ ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. II. С. 73.
- ²⁰ ААЭ. Т. 3. С. 172; *Водарский Я. Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. // Историческая география России. XII — начало XX в.: Сб. ст. к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 78; *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до конца Петровских реформ. Л., 1986. С. 68, 102, 105, 130–131; Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 516, 527.
- ²¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 47. Л. 1.
- ²² БАН. Собрание текущих поступлений. Оп. 2. № 1342. Л. 558 об.; ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. II. С. 78.
- ²³ ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 161–170.
- ²⁴ *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. 5. С. 483–484.
- ²⁵ *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в. М., 1969. С. 348.
- ²⁶ Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 171. Пер. II. Л. 55; Колл. 183. № 150; Вкладная книга московского Новоспасского монастыря... С. 18–19.
- ²⁷ *Шушерин И.* Известие... С. 18; Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 2. № 74. Л. 284 об.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Стб. 3. Л. 82; *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в. С. 347–348.
- ²⁹ Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 172. № 177; Колл. 2. № 74. Л. 283 об.—284, Л. 54–55; Колл. 183. № 150.
- ³⁰ *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в. С. 156; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Стб. 3. Л. 126–126 об.
- ³¹ *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 5. С. 475–485; *Митрополит Макарий (Булгаков).* История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11. С. 164–173; *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 135–136; *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в. С. 139–169, 334–351; *Борисов Н. С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 179–180; *Соловьева Т. Б.* Следственное дело о новгородском восстании 1650 г. (Источниковедческий обзор) // Новгородский исторический сборник. СПб.; Новгород, 1993. № 4(14). С. 132–140.
- ³² RA. Muscovitica. Vol. 40. fols. 15–15 rev.
- ³³ *Лобачев С. В.* Донесения Петра Лоофельдта о Новгородском восстании 1650 года // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 11–13 ноября 1998 года. Новгород, 1998. С. 91–93; *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в. С. 345.
- ³⁴ *Шушерин И.* Известие... С. 22–23.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Стб. 3. Л. 414.
- ³⁶ *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в. С. 341.
- ³⁷ Там же. С. 342.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Стб. 3. Л. 521.

- ⁴⁰ *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника бунташного века. Л., 1991. С. 96.
- ⁴¹ *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в. С. 343.
- ⁴² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Стб. 3. Л. 287—290.
- ⁴³ *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника бунташного века. С. 110.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Стб. 3. Л. 549.
- ⁴⁵ Там же. Л. 532.
- ⁴⁶ Relatio, inhaltend den zu Pleschow und Naugardten den 26 Febr. 1650 erweckten ufstandt // Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 140 (С. В. Соловьева), неопи-
санная часть. Л. 17; *Шушерин И.* Известие... С. 26—27.
- ⁴⁷ *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в. С. 276.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Стб. 3. Л. 548.
- ⁴⁹ Там же. Л. 677.
- ⁵⁰ ДР. Т. 3. Стб. 183—184.
- ⁵¹ *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России в XVII в. С. 259.
- ⁵² Там же. С. 266—276, 278, 291—296.
- ⁵³ БАН. Собрание текущих поступлений. Оп. 2. № 1342. Л. 562; *Шуше-
рин И.* Известие... С. 27.
- ⁵⁴ БАН. Собрание текущих поступлений. Оп. 2. № 1342. Л. 562, 563.
- ⁵⁵ Служебник. М., 1651. Л. 5—5 об.; Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 249. Оп. 1.
№ 16.
- ⁵⁶ РГБ. Ф. 218. № 180. Л. 162—167. См. примеч. 44 к гл. 4.
- ⁵⁷ Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 171. Пер. II. Л. 83—85; ААЭ. Т. 4. С. 70; Со-
борное Уложение 1649 года: Текст и комментарии. С. 69, 243—244.
- ⁵⁸ *Прыжов И. Г.* История кабаков в России. М., 1992. С. 60—98, 114—142.
- ⁵⁹ *Веселовский С. Б.* О кабаках и кружечном дворе в 1651 г. в Новгороде // ЧОИДР. 1907. Кн. 1. Отд. IV. С. 39.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 20. Ч. 2. II. Л. 1.
- ⁶¹ В настоящее время панagia «Никана митрополита» хранится в Гранови-
той палате Новгородского кремля.

Глава 6.

Поставление на патриаршество

- ¹ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей русской право-
славной церкви. СПб., 1877. Стб. 288, 333, 356, 379, 713.
- ² *Голубцов А.* Вступление в патриаршество и поучение к пастве Иосифа,
патриарха Московского // Прибавления к творениям святых отцов. 1888.
Т. 42. С. 339—340.
- ³ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей... Стб. 3.
- ⁴ *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998.
С. 55, 80, 303—306.
- ⁵ АИ. Т. 4. С. 1—2.
- ⁶ *Субботин Н.* Материалы для истории раскола за первое время его суще-
ствования. М., 1875. Т. 1. С. 47.

⁷ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей... Стб. 151; Псковские летописи. М., 1955. Т. 2. С. 286.

⁸ См. примеч. 86 к гл. 1.

⁹ Два доклада царю Алексею Михайловичу об избранных Освященным собором кандидатах на архиерейские кафедры // ЧОИДР. 1905. Кн. 3. С. 25.

¹⁰ См. об этом подробнее в главе 3.

¹¹ Титов А. А. Троицкий Макарьев Желтоводский монастырь. М., 1910. С. 55; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей... Стб. 176, 613. ЧОИДР. 1905. Кн. 3. С. 25.

¹³ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей... Стб. 317.

¹⁴ Там же. Стб. 151; Поньрко Н. В. Обновление Макарьева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // ТОДРЛ. М.; Л., 1990. Т. 43. С. 66.

¹⁵ Оглоблин Н. Н. Бытовые очерки XVII в. // Русская старина. 1892. Т. 73. С. 678—679.

¹⁶ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей... Стб. 415.

¹⁷ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 292.

¹⁸ Воздвиженский Т. Историческое обозрение рязанской иерархии и всех церковных дел сея епархии. М., 1820. С. 87—96, 116; Дубасов И. И. Рязанский архиепископ Мисаил // Исторический вестник. 1889. Т. 38. С. 109—110, 117—118.

¹⁹ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII века, описанное его сыном, архидьяконом Павлом Алеппским // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 47.

²⁰ Бартенев П. Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. С. 175.

²¹ Там же.

²² Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. 5. С. 501—502.

²³ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 107—111.

²⁴ Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. СПб., 1900. С. 47—48; Pascal P. Avvakum et les debuts du rascol. Paris, 1938. P. 191; Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М., 1963. С. 219; Русское православие: Вехи истории. С. 195 и др.

²⁵ Аполлос, архимандрит. Начертания жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1859. С. 32—34.

²⁶ Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви. СПб., 1910. Т. 12. С. 8.

²⁷ Житие преосвященного Илариона, бывшего Флорищевой пустыни строителя. Казань, 1868. С. 5.

²⁸ Там же.

²⁹ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 256.

³⁰ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. Т. 2. С. 165; Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духов-

ные движения XVII в. С. 189; *Fubrmann J.* Tsar Alexis, His Reign and His Russia. Gulf Breeze, 1981. P. 46; *Michels G.* The Old Believers in Tradition and Historical Reality // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1993. Bd 41. S. 488.

³¹ *Кошелева О. Е.* Боярство и дело патриарха Никона // *Вопросы истории СССР.* М., 1982. Т. 12. С. 18.

³² *Николаевский П.* Путешествие Новгородского митрополита Филиппа в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа // *Христианское чтение.* 1885. Март — апр. С. 291—298; *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 149.

³³ *Полознев Д. Ф.* Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // *Церковь, общество и государство в феодальной России.* Сб. статей. М., 1990. С. 283—293.

³⁴ *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 225.

³⁵ Об Иоанне Златоусте см., например: *Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994. С. 170—181.

³⁶ Миней служебная, январь. М., 1644. Л. 425 об., 430, 436; Маргарит. М., 1641. Л. 210 об.—211.

³⁷ Цит. по: *Сапожникова О. А.* Сергей Шелонин — писатель и книжник XVII в. / Дисс. канд. филол. наук. СПб., 1999. Прилож. С. 52.

³⁸ РНБ. Ф. I. 337. Л. 1—1 об.

³⁹ Там же. Л. 2 об.—3.

⁴⁰ Там же. Л. 1 об.

⁴¹ Там же. Л. 3 об.; РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Ч. 2. Л. 1—2.

⁴² РНБ. Ф. I. 337. Л. 10, 15.

⁴³ Там же. Л. 17 об.—19.

⁴⁴ *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 156—157.

⁴⁵ Там же. С. 152—153, 162—165; *Дворцовые разряды.* СПб., 1852. Т. 3. Стб. 306.

⁴⁶ *Куриц Б. Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915. С. 106—107.

⁴⁷ РНБ. Ф. I. 337. Л. 25 об.—26 об; М. Г. Кротов усматривает в статейном списке Алексея Михайловича иронический подтекст. Царь намеренно описывал физические страдания патриарха, тем самым подчеркивая, что кончина Иосифа разительно отличалась от кончины святых угодников, которые принимали смерть спокойно и без мучений. Таким образом, Алексей Михайлович свидетельствовал о «несвятости» патриарха (см.: *Кротов М. Г.* Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа. (Этюд из исторической психологии) // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 1989. Сб. 2. С. 158—177).

⁴⁸ Цит. по кн.: *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 153, 167.

⁴⁹ В одном из своих писем Алексей Михайлович призывал Никона возвращаться скорее «обирать на патриаршество именем Феогнаста» (*Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 153). Вероятно, можно согласиться с предположением К. Н. Бестужева-Рюмина, что Феогност не реальное

историческое лицо, а лишь удачно подобранное греческое имя, за которым скрывался настоящий кандидат в патриархи («Феогност» значит «известный Богу»).

⁵⁰ РИБ. Л., 1927. Т. 39. Стб. 14.

⁵¹ *Сироткин С. В.* К биографии протопопа Аввакума // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 243—245.

⁵² РИБ. Т. 39. Стб. 14.

⁵³ *Введенский С.* Костромской протопоп Даниил // Богословский вестник. 1913. Т. 1. Апр. С. 845—846.

⁵⁴ *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум. С. 47. Примеч. 65; *Pascal P.* Avvakum et les debuts du rascol. P. 191; *Робинсон А. Н.* Жизнеописание Аввакума и Епифания. С. 219; *Heller W.* Die Moskauer «Eiferer für die Frömmigkeit» zwischen Staat und Kirche: (1642—1652). Wiesbaden, 1988. S. 176.

⁵⁵ РИБ. Т. 39. Стб. 245.

⁵⁶ *Зеньковский С.* Русское старообрядчество: Духовные движения XVII в. С. 124; *Spinka M.* Patriarch Nikon and the Subjection of the Russian Church to the State // Church History. 1941. Vol. 10. P. 350.

⁵⁷ *Успенский Б. А.* Царь и патриарх... С. 76. Примеч. 79.

⁵⁸ *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 153.

⁵⁹ *Успенский Б. А.* Царь и патриарх... С. 86—87.

⁶⁰ Чин избрания, наречения, благовестия, посвящения и шествия около города патриарха Никона // Христианское чтение. 1882. Т. 2. С. 287—318.

⁶¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 75.

⁶² Ср.: Чин избрания... патриарха Никона. С. 287—290, 312—318; Чин избрания на патриаршеский престол // Древняя российская вивлиофика. СПб., 1773. Т. 1. С. 164—170, 281—297.

⁶³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Л. 13, 28, 39.

⁶⁵ Там же. Л. 3, 8, 26, 57.

⁶⁶ Там же. Л. 36, 41, 63.

⁶⁷ ДР. Т. 3. С. 321.

⁶⁸ *Кошелева О. Е.* Боярство и дело патриарха Никона. С. 18, 21.

⁶⁹ Биографию князя И. Н. Хованского см.: Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. Фабер — Цявловский. С. 379.

⁷⁰ *Кошелева О. Е.* Приговор князю Ивану Никитичу Хованскому // Архив русской истории. 1994. Вып. 5. С. 139—144.

⁷¹ Цит. по кн.: *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 183; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. Кн. 5. С. 500.

⁷² Князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский в 1652 г. был послан в Даурскую землю с тремя тысячами служилых людей (см.: *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 209).

⁷³ *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 183—184.

⁷⁴ Там же. С. 184—185.

⁷⁵ Vernadsky G. History of Russia. Vol. 5. Tsardom of Moscow. 1547—1682. New York, 1969. Pt. 2. P. 564; Арсеньев Ю. В. Ближний боярин Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной. М., 1902.

⁷⁶ Там же. С. 8—12.

⁷⁷ 1 февраля 1646 г. шведский резидент в Москве сообщал, что Федор Иванович Шереметев подал в отставку и на его место назначен Морозов, в связи с чем ожидаются большие перемены в управлении (см.: Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // ЖМНП. 1891. Июнь. С. 368).

⁷⁸ Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Т. 2. С. 239; ЗОРСА. С. 426.

⁷⁹ Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. Т. 2. С. 620; Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. Кн. 6. С. 223—228, 236—239.

⁸⁰ Heller W. Die Moskauer «Eiferer für die Frömmigkeit» zwischen Staat und Kirche... S. 76—77.

⁸¹ Кошелева О. Е. Приговор князю Ивану Никитичу Хованскому. С. 19.

⁸² Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1919. Вып. 8. С. 12—13.

⁸³ См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 305—306.

⁸⁴ Список с настольной грамоты патриарху московскому Никону // Христианское чтение. 1882. Ч. 2. С. 319. Из настоятелей монастырей были указаны чудовский архимандрит Ферапонт, андрониковский архимандрит Сильвестр, саввино-сторожевский архимандрит Гермоген, архимандрит нижегородской Печерской обители Стефан, архимандрит ростовского Богоявленского монастыря Иона, пафнутьево-боровский игумен Павел и архимандрит суздальского Спасского монастыря Иосиф.

⁸⁵ Цит. по кн.: Бартнев П. Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 223.

⁸⁶ Расходная книга митрополита Никона // Временник МОИДР. 1852. Кн. 13. С. 56—60. Князь Михаил Никитич Одоевский умер осенью 1653 г. Царь Алексей Михайлович написал письмо его отцу, Никите Ивановичу, в котором выражал свое сочувствие (см.: Бартнев П. Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 227).

⁸⁷ Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 64—66.

⁸⁸ Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 511—513.

⁸⁹ Кордт В. Донесение И. де Родеса, посланное из Москвы шведскому генерал-губернатору в Риге графу Густаву Карлссону Горну 20 октября 1652 г. // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира. Киев, 1914. С. 318—319.

⁹⁰ ЧОИДР. 1898. Кн. IV. С. 129.

⁹¹ Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 103—104.

⁹² Tumins V. A., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. Berlin; New York; Amsterdam, 1982. P. 94—95.

⁹³ Полознев Д. Ф. Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 286—287.

Глава 7. Церковная реформа

¹ ЧОИДР. 1882. Кн. II. Отд. V. С. 9—10.

² Олгарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 192.

³ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 273.

⁴ Кордт В. Донесение И. де Родеса, посланное из Москвы... С. 320—321.

⁵ ЖМНП. 1898. Февр. С. 221.

⁶ Курц Б. Г. О состоянии России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. С. 237—238.

⁷ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. Новгород, 1919. С. 8.

⁸ RA. Muscovitica. Vol. 600. Fols. 100—100 rev.

⁹ Историография раннего раскола настолько обширна, что даже краткое ее изложение заняло бы не один десяток страниц. На эту тему недавно написана диссертация (см.: Молзинский В. В. Старообрядческое движение второй половины XVII в. и общественная мысль России / Автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб., 1997).

¹⁰ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1985. С. 129—133.

¹¹ Русское православие: веки истории. С. 198—199; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 95.

¹² Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII в. // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1996. Т. 1. С. 477.

¹³ Соловьев С. М. Соч. Кн. 5. С. 299; Кн. 6. С. 194—204; Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 268—269; Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 50—51; Костомаров Н. И. История раскола у раскольников // Вестник Европы. 1871. Кн. 4. С. 499; Meyendorff P. Russia, Ritual and Reform. The Liturgical Reforms of Patriarch Nikon in the 17th Century. Crestwood, 1991. P. 219—227.

¹⁴ Николаевский П. Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. Ч. 2. С. 435, 460; 1891. Ч. 1. С. 155, 178.

¹⁵ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 160—161, 170.

¹⁶ Например, «Кириллова книга» и «Книга о вере» были составлены из полемических сочинений украинских и белорусских авторов — Стефана Зизания, Захария Копыстенского, Ивана Вишенского (см.: Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы, эволюция. СПб., 1995. С. 78).

¹⁷ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Ч. 3. С. 449—450.

¹⁸ Поздеева И. В. Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора. Первая половина XVII в. М., 1986. С. 11.

¹⁹ Часослов. М., 1653. Л. 354 об.

²⁰ Кормчая. М., 1653. Л. 645—647 об.

²¹ Николаевский П. Московский Печатный двор при патриархе Никоне. Ч. 1. С. 160; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. С. 151; Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII в. С. 206—207; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. С. 113; Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века. С. 477.

²² Псалтирь. М., 1642. Л. 3 об. См. также издания Псалтири и Псалтири с воследованием 1642, 1645, 1648, 1649, 1650, 1651, 1652 и 1653 гг.

²³ РИБ. Т. 39. Стб. 14—15.

²⁴ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума. (Творческая история произведения). Л., 1974. С. 140.

²⁵ См.: Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700) // ЖМНП. 1898. Февр. С. 222—223.

²⁶ Цит. по: Субботин Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 279.

²⁷ Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления в Московском государстве XVII в. М., 1902. С. 143.

²⁸ Цит. по: Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 42—43.

²⁹ Там же. С. 41.

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ Там же. С. 45—49.

³² Н. Субботин полагал, что Неронов был сослан 4 августа, доверившись свидетельству так называемой «Записки» о жизни Неронова. Однако два независимых источника — письмо протопопа Аввакума от 13 сентября и письмо священника Данилова от 29 сентября — свидетельствуют, что ссора Аввакума с братией Казанского собора произошла сразу же после ссылки Неронова — 13 августа (см.: Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 20—21, 28—29).

³³ Субботин Н. Материалы для истории раскола... С. 50—51.

³⁴ Там же. С. 28—29.

³⁵ Там же. С. 30—31; РИБ. Т. 39. Стб. 14—15.

³⁶ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 26, 32—33.

³⁷ Там же. С. 25; РИБ. Т. 39. Стб. 15—16.

³⁸ Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом. Рязань, 1882. С. 71.

³⁹ Цит. по кн.: Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 25.

⁴⁰ Олеарий А. Описание путешествия в Московию... С. 312.

⁴¹ Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума... С. 68—69.

⁴² Там же. С. 140.

⁴³ См. коммент. В. И. Малышева в кн.: Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 360–361.

⁴⁴ Там же. С. 368, 370.

⁴⁵ См. письмо Аввакума игумену Феокисту: РИБ. Т. 39. Стб. 907–910.

⁴⁶ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. С. 51.

⁴⁷ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 320–321; Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России... С. 50–60.

⁴⁸ Цит. по: Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 99–100.

⁴⁹ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 121.

⁵⁰ Цит. по: Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 101–102.

⁵¹ РИБ. Т. 39. Стб. 14–15.

⁵² Цит. по: Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 23–24.

⁵³ РИБ. Т. 39. Стб. 15.

⁵⁴ Цит. по: Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 54.

⁵⁵ Там же. С. 64.

⁵⁶ ГИМ. Собр. Уварова. № 494/131. Л. 79–80 об.

⁵⁷ Белокуров С. А. Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве XVII в. М., 1888. С. 41; Николаевский П. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. Ч. 1. С. 165.

⁵⁸ ГИМ. Собр. Уварова. № 502 (160). Л. 182–183 об.

⁵⁹ См., например: Митрополит Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 7. С. 80–81.

⁶⁰ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 66.

⁶¹ ГИМ. Синодальное собрание. № 607. В постановлении собора говорится лишь о поклонах, но не о сложении перстов при крестном знамении: «В уставах Греческих и в наших старых написано о поклоне в великую четыредесятницу, а в новых не против Греческих и старых положено, и о сем должно есть истинно испытати. И рече святей собор положити против древних уставов» (Там же. Л. 33 об.).

⁶² Несколько слов по поводу нового издания грамоты Константинопольского патриарха Паисия I к московскому патриарху Никону // Христианское чтение. 1881. Ч. 2. С. 428.

⁶³ Tumins V. A., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. P. 114–115.

⁶⁴ Из духовной жизни московского общества XVII века. М., 1902. С. 33. В 1649 г. Пасха была 25 марта (см.: ДР. Т. 3. Стб. 116).

⁶⁵ Архив СПб ФИРИ РАН. Колл. 249. Оп. 1. № 16. В 1651 г. Пасха была 30 марта (см.: ДР. Т. 3. Стб. 325).

⁶⁶ ДР. Т. 3. Стб. 405; Строев П. Выходы государей царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. М., 1844. С. 307.

⁶⁷ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. № 54. Описание фонда см.: Архимандрит Леонид. Систематическое описание рукописей графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3.

Отд. IV. № 1543 (312) (750). Полный текст памяти патриарха Никона см.: Прилож. 5.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 3. № 31, № 332.

⁶⁹ Например, Таможенная грамота 1654 г. Подлинник хранится в Отделе редкой книги БАН. В 1653 г. «февраля в 6 день» по указу Никона на Печатном дворе было «велено сделать поповских и дьяконских ставленных грамот четыре тысячи» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. № 52. Л. 712).

⁷⁰ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 123.

⁷¹ Там же. С. 137.

⁷² Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 88—95, 495—517.

⁷³ Служебник. М., 1655. С. 1—44.

⁷⁴ Триодь постная. М., 1656. Л. 1—1 об.

⁷⁵ Ирмологий. М., 1657. Л. 1—1 об.

⁷⁶ Подробнее см.: Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII в. // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1996. Т. 1. С. 477—519.

⁷⁷ Белокуров С. А. Собрание патриархом Никоном книг с Востока // Христианское чтение. 1882. Сент. — окт. С. 493.

⁷⁸ Сильвестра Медведева «Известие истинное» православным и показание светлое о новоправлении книжном и прочем // ЧОИДР. 1885. Кн. IV. Отд. II. С. XXXIII.

⁷⁹ Витсен Н. Путешествие в Московию 1664—1665 / Пер. со ст.-голл. В. Трисман. СПб., 1996. С. 178, 246.

⁸⁰ Деяния московского собора 1666 и 1667 годов. М., 1893. Л. 4 об.—5.

⁸¹ ЧОИДР. 1898. Кн. IV. С. 178.

⁸² Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 146—157.

⁸³ «Разорение» Никона опубликовано Г. В. Вернадским (см.: Tumins V. A., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. 1982).

Глава 8.

Религиозная война

¹ История внешней политики России. Конец XV—XVII в. М., 1999. С. 214—246.

² Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. СПб., 1999. С. 112—115; Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 200.

³ RA. Muscovitica. Vol. 600. Fols. 122—123 rev. Это донесение Иоганна де Родеса королеве Кристине опубликовано в переводе на русский язык (см.: Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1919. Вып. 8. С. 51).

⁴ Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. 1. С. 157.

⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 307—308.

- ⁶ Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. С. 30, 289.
- ⁷ Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVII вв.). М., 1998. С. 309.
- ⁸ Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. 5. С. 503—595.
- ⁹ Голобуцкий В. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962. С. 320, 323—324 и след.
- ¹⁰ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 19—65; Абецдарский Л. С. Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII в. Минск, 1978. С. 144—200.
- ¹¹ Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. С. 13—15.
- ¹² История внешней политики России. Конец XV—XVII в. С. 277—278.
- ¹³ Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970. С. 197—202.
- ¹⁴ Шушерин И. Известие... М., 1908. С. 30.
- ¹⁵ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 3, 7.
- ¹⁶ Цит по: Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 22.
- ¹⁷ Там же. С. 22.
- ¹⁸ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 14.
- ¹⁹ И. Д. Милославский возглавлял Аптекарский, Иноземский, Казенный, Рейтарский, Стрелецкий, Ямской приказы и приказ Большой казны (см.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 19—20, 25—26, 55—56, 70—71, 150, 165—166, 224—225).
- ²⁰ ДР. Т. 3. Стб. 339.
- ²¹ Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. С. 119.
- ²² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы.: В 3 т. М., 1953. Т. 3. С. 257.
- ²³ Там же. С. 263.
- ²⁴ Там же. С. 259—250, 287.
- ²⁵ Там же. С. 262—263.
- ²⁶ Там же. С. 267.
- ²⁷ ЗОРСА. Т. 2. С. 374.
- ²⁸ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 263.
- ²⁹ Впервые встречается в Расходной книге 7161 г.: «Маия в 9 день великий государь святейший Никон, патриарх московский и всеа Руси ходил в свое государево село Владыкино, и в село Зарецкое, и в Дмитров...» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 34. Л. 129 об.). В той же книге есть запись, относящаяся к 20 сентября 1652 г.: «...того ж дни дьяку Ивану Кокошилову десять рублей, а теми денгами великий государь святейший Никон, патриарх московский и всеа Руси, в Крестовой полате пожаловал киевленина старца Онфилофия Святогорца на милостыню. Дано» (Там же. Л. 224). Однако эта запись скорее всего была сделана задним числом, поскольку написана другим почерком.
- ³⁰ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 284.
- ³¹ Там же. С. 287.
- ³² Там же. С. 279, 285—286.
- ³³ История внешней политики России. Конец XV—XVII в. С. 402.

- ³⁴ Там же. С. 302, 308—312.
- ³⁵ *Казаченко А. И.* К истории Земского собора 1653 г. // Исторический архив. 1957. № 4. С. 224.
- ³⁶ *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 330—331.
- ³⁷ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 406.
- ³⁸ ДР. Т. 3. Стб. 355—356; *Строев П.* Выходы государей царей... Указатель. С. 62.
- ³⁹ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 319—321; *Строев П.* Выходы государей царей... С. 288.
- ⁴⁰ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 322—323.
- ⁴¹ ДР. Т. 3. Стб. 356—357.
- ⁴² Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 364, 371.
- ⁴³ Там же. С. 367.
- ⁴⁴ RA. Muscovitica. Vol. 600. Fols. 108—109; Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 22.
- ⁴⁵ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 377.
- ⁴⁶ *Заборовский Л. В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.): Документы, исследования. М., 1994. С. 136.
- ⁴⁷ RA. Muscovitica. Vol. 600. Fols. 108—109; Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 22.
- ⁴⁸ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 397, 405—406.
- ⁴⁹ *Заборовский Л. В.* Великое княжество Литовское... С. 136; *Голобуцкий В.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа... С. 323—324, 337—342 и след.
- ⁵⁰ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 405—406; ДР. Т. 3. Стб. 369—372.
- ⁵¹ ДР. Т. 3. Стб. 377—378.
- ⁵² История внешней политики России. Конец XV—XVII в. С. 214—215, 243—246.
- ⁵³ Об этом подробно рассказано в главе 2.
- ⁵⁴ Греческий оригинал грамоты неизвестен. Можно предположить, что окончательная ее редакция была составлена московскими властями (см.: *Успенский Б. А.* Царь и патриарх... С. 205).
- ⁵⁵ Кормчая. М., 1653. Л. 34 об. первой фолиации.
- ⁵⁶ Там же. Л. 34 об.—35, 27.
- ⁵⁷ *Фонкич Б. Л.* Греческое книгописание в России XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 28—29.
- ⁵⁸ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. С. 170—171.
- ⁵⁹ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 58.
- ⁶⁰ Там же. С. 67.
- ⁶¹ Там же. С. 66.
- ⁶² RA. Muscovitica. Vol. 600. Fol. 158.

- ⁶³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 86. Ч. 3. Л. 169.
- ⁶⁴ Богомольная грамота 1654 г. Ионы митрополита Ростовского в Кириллов монастырь о соединении церквей и о победе на супостатов и еретиков // ЧОИДР. 1882. Кн. 2. Отд. V. С. 12–13.
- ⁶⁵ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 11–12.
- ⁶⁶ АЮЗР. Т. 14. С. 354–355.
- ⁶⁷ О Сильвестре Косове см.: *Белявский Н.* Сильвестр Косов, митрополит Киевский // Литовские епархиальные ведомости. 1872. № 7–10; Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т.: Собанев — Смыслов. С. 433–437.
- ⁶⁸ *Эйнгорн В. О.* О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1893. Кн. 2. Отд. IV. С. 35–36; Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 157–158, 215.
- ⁶⁹ *Антонович В. Б.* Очерк состояния православной церкви в Юго-Западной России с половины XVII до конца XVIII столетия // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1. С. 283.
- ⁷⁰ АЮЗР. Т. 10. Стб. 324.
- ⁷¹ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 478.
- ⁷² Там же. С. 480–481.
- ⁷³ АЮЗР. Т. 10. Стб. 386.
- ⁷⁴ Там же. Стб. 504–505.
- ⁷⁵ Цит. по: *Карпов Г.* Киевская митрополия и московское правительство во время соединения Малороссии с Великой Россией // Православное обозрение. 1871. Авг. С. 192.
- ⁷⁶ Документы Богдана Хмельницкого. Київ, 1961. С. 354.
- ⁷⁷ АЮЗР. Т. 10. Стб. 741–742.
- ⁷⁸ Документы Богдана Хмельницкого. С. 353–354.
- ⁷⁹ АЮЗР. Т. 10. Стб. 759–762.
- ⁸⁰ *Кашкин Н. Н.* Родословные разведки. СПб., 1912. Т. 1. С. 430–431.

Глава 9. Моровое поветрие

- ¹ ДР. Т. 3. Стб. 413.
- ² *Седов П. В.* Деятельность боярских надворных комиссий XVII в. в отсутствие царя в Москве // *Studia humanistica*. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 76–78, 83.
- ³ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII века // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 158–159.
- ⁴ АЮЗР. Т. 10. Стб. 607.
- ⁵ Там же. Стб. 619, 621.
- ⁶ Там же. Стб. 647.
- ⁷ АЮЗР. Т. 8. Стб. 380–383.
- ⁸ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 78.
- ⁹ ААЭ. Т. 4. С. 108–109.

- ¹⁰ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 79.
- ¹¹ *Alexander J.* Bubonic plague in early modern Russia: Public health and urban disaster. London, 1980. P. 17–19.
- ¹² Шушерин И. Известие... С. 30.
- ¹³ РИБ. Т. 39. Стб. 4.
- ¹⁴ Поучение о моровой язве. М., 1656. Л. 3–4.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Timins V. A., Vernadsky G.* Patriarch Nikon on Church and State. С. 319.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 36. Л. 212–213 об.
- ¹⁸ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 82.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 550; *Витсен Н.* Путешествие в Московию 1664–1665. С. 186.
- ²⁰ ДАИ. Т. 3. С. 443.
- ²¹ Там же.
- ²² РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 142, 146–146 об.
- ²³ ДАИ. Т. 3. С. 444.
- ²⁴ Там же. С. 528–529.
- ²⁵ ААЭ. Т. 4. С. 111.
- ²⁶ СГГД. М., 1822. Т. 3. С. 532–533.
- ²⁷ *Alexander J.* Bubonic plague in early modern Russia. P. 18–19; *Брикнер А.* Чума в Москве в 1654 году // Исторический вестник. 1884. Апр. С. 16–17.
- ²⁸ *Рихтер М.* История медицины в России. Ч. 2. М., 1820. С. 67–68.
- ²⁹ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 91–92.
- ³⁰ Там же. С. 92; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 473–474.
- ³¹ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 136–137.
- ³² РИБ. Т. 39. Стб. 282–283.
- ³³ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 136–137.
- ³⁴ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 92–93.
- ³⁵ *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 476.
- ³⁶ Поучение о моровой язве. Л. 23–23, 26–27.
- ³⁷ *Румянцева В. С.* Народные антицерковные движения XVII века. С. 100, 106.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ ДАИ. Т. 3. С. 447.
- ⁴⁰ *Рихтер М.* История медицины в России. Ч. 2. С. 71.
- ⁴¹ ДАИ. Т. 3. С. 449–450.
- ⁴² Там же. С. 453; *Материалы для истории медицины в России.* СПб., 1883. Вып. 2. С. 144–145.
- ⁴³ ДАИ. Т. 3. С. 458–459.
- ⁴⁴ Донесение от 15 ноября (RA. Muscovitica. Vol. 600. Fols. 152–155).
- ⁴⁵ ДАИ. Т. 3. С. 461.

- ⁴⁶ Там же. С. 488.
⁴⁷ Там же. С. 489–490.
⁴⁸ Там же. С. 496–497.
⁴⁹ Там же. С. 508–511.
⁵⁰ Письма русских царей и других особ царского семейства. М., 1896. Т. 5. С. 14.
⁵¹ *Шушерин И.* Известие... С. 32.
⁵² ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 137.
⁵³ Донесение от 9 декабря (RA. Muscovitica. Vol. 600. fols. 156–158).
⁵⁴ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. С. 303–304.
⁵⁵ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 137.
⁵⁶ *Herliby D.* The Black Death and the transformation of the West. Harvard, 1997. P. 59.
⁵⁷ ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. 3. С. 47, 89–90.
⁵⁸ *Moschovia sive Brevis Narratio, de Moribus Magnae Russorum Monarchiae* // *Opera omnia Comitum in Aureo Potok Pilavitae Potocki.* Warsaviae, 1744. О Павле Потоцком см.: Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т.: Плавильщиков — Примо. С. 698–699.

Глава 10. Балтийский вопрос

- ¹ ЗОРСА. С. 716.
² *Letters du cardinal Mazarin pendants son ministere. Recueillies et publiées par M. le V. D'Avenal.* Paris, 1893. Т. 7. P. 72; *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 49–58.
³ История внешней политики России. Конец XV–XVII в. С. 287–288.
⁴ RA. Muscovitica. Vol. 617. Nr. 20.
⁵ *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 101–102.
⁶ RA. Muscovitica. Vol. 617. Nr. 24; *Форстен Ф. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. Февр. С. 230.
⁷ ЗОРСА. Т. 2. С. 726–727.
⁸ *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю... С. 69–71.
⁹ RA. Muscovitica. Vol. 617. Nr. 24.
¹⁰ *Вайнштейн О. Л.* Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII века // Учен. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. 1951. Вып. 18. № 130. С. 180.
¹¹ *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю... С. 54.
¹² *Берх В.* Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1. С. 202.

¹³ Вайништейн О. Л. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море... С. 165–166.

¹⁴ Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987. С. 79.

¹⁵ Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю... С. 287. Здесь же можно найти подробную историографию вопроса (см.: С. 3–13).

¹⁶ Там же. С. 21–22, 30–31.

¹⁷ Коваленко Г. М. Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX веков. СПб., 1999. С. 91. Среди работ шведских историков наиболее важными являются: *Carlson M. Ryska kriget 1656–1658. Stockholm, 1903; Fareglund R. Kriget i Östersjöprovinserna 1655–1661. Åbo, 1979.* В обеих работах рассматривается ход военных действий.

¹⁸ Коваленко Г. М. Кандидат на престол. С. 98.

¹⁹ RA. Muscovitica. Vol. 600. Fols. 178–179 rev.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Vol. 49.

²² Там же. Vol. 600. Fols. 180–181.

²³ ЗОРСА. Т. 2. С. 591–592, 622.

²⁴ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. III. С. 45.

²⁵ ЗОРСА. Т. 2. С. 592.

²⁶ Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю... С. 60, 67.

²⁷ ЗОРСА. Т. 2. С. 592.

²⁸ Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю... С. 54–56; Рухманова Э. Д. Борьба России за выход в Балтийское море в 1656–1661 годах / Дисс. канд. ист. наук. Л., 1954. С. 127.

²⁹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 5. С. 42.

³⁰ Там же. С. 43–53.

³¹ ЧОИДР. Кн. 4. Отд. III. С. 89.

³² Там же.

³³ ЖМНП. 1898. Февр. С. 232–233.

³⁴ ПДС. Т. 3. Стб. 89–98.

³⁵ При изложении материалов посольства я частично опираюсь на материалы доклада Искры Шварц, прочитанном на международной конференции в Будапеште «Место России в Евразии» в мае 2000 г., который основан на источниках венского архива.

³⁶ ПДС. Т. 3. Стб. 270, 291–292, 302.

³⁷ Там же. Стб. 334.

³⁸ Там же. Стб. 350–351; ЧОИДР. Кн. 4. Отд. III. С. 89.

³⁹ Семенов В. К истории сношений со Швецией. Отрывки шведского дневника времен царя Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1912. Кн. 1. Отд. III. С. 11.

⁴⁰ ПДС. Т. 3. Стб. 353.

- ⁴¹ О путешествии из Вены в Москву в 1655 году Франа Гундулича // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1907. Кн. 20. Вып. I. С. 14.
- ⁴² ЧОИДР. Кн. 4. Отд. III. С. 99.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1657 г. № 4. Л. 5, 10 об.
- ⁴⁴ ЧОИДР. Кн. 4. Отд. III. С. 97.
- ⁴⁵ О путешествии из Вены в Москву в 1655 году Франа Гундулича. С. 16–17.
- ⁴⁶ Семенов В. К истории сношений со Швецией... С. 14.
- ⁴⁷ ПДС. Т. 3. Стб. 370, 379; О путешествии из Вены в Москву в 1655 году Франа Гундулича. С. 17–21.
- ⁴⁸ ЧОИДР. Кн. 4. Отд. III. С. 100; О путешествии из Вены в Москву в 1655 году Франа Гундулича. С. 26–27.
- ⁴⁹ ПДС. Т. 3. Стб. 410–414.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1657 г. № 4. Л. 7, 8 об.
- ⁵¹ ЖМНП. 1898. Февр. С. 250.
- ⁵² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1655 г. № 11. Л. 1–2.
- ⁵³ АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. С. 516–518.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1655 г. № 37.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 1. 1657 г. № 4. Л. 24 об., 29, 30.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 561–569 об.
- ⁵⁷ ЧОИДР. Кн. 4. Отд. III. С. 136.
- ⁵⁸ Мининков Н. А. Донское казачество XVI–XVII вв.: черты характера, взгляд на мир, особенности мышления // Новый Часовой. 1998. № 6-7. С. 8.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1655 г. № 5; ЧОИДР. Кн. 4. Отд. III. С. 141.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1655 г. № 5. Л. 49а, 67, 103–104.
- ⁶¹ ЗОРСА. Т. 2. С. 592.
- ⁶² Соловьев С. М. Соч. Кн. 5. С. 632–633; Сорокин П. Е. О роли казачества в сохранении и развитии традиций мореплавания в России в XVI–XVII вв. // Казачий Петербург. Первая региональная научно-практическая конференция: Сб. статей. СПб., 1995. С. 42. О военных действиях в прибалтике см: Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. 1945. Т. 16.; он же. Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. // Там же. 1941. Т. 11.
- ⁶³ Вайнштейн О. А. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII века // Учен. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. Л., 1951. Вып. 18. № 130. С. 165–166; Rauch G. Moskau und der Westen im Spiegel der schwedischen diplomatischen Berichte der Jahre 1651–1655 // Studien über das Verhältnis Russlands zu Europa. Darmstadt, 1964. S. 58; Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю... С. 287.
- ⁶⁴ RA. Livonica II. Vol. 173; Svenska Riksrådets Protokoll. Trejde Serien af Handlingar Rörande Sveriges Historia. XVI (1654–1656). Stockholm, 1923. S. 482.

⁶⁵ Густав Бьелке — Густаву Эвертссону Горну. 10 января 1656 г. // RA. Skok-lostersamlingen. E 8837.

⁶⁶ RA. Livonica II. Vol. 77; *Carlson M. Ryska kriget...* S. 13.

⁶⁷ Gustav Horn till Radet. 7 Maj 1656 // RA. Livonica II. Vol. 173; Svenska Riksrådets Protokoll. XVI. S. 466.

⁶⁸ Gustav Horn till Radet. 9 Augusti 1656 // RA. Livonica II. Vol. 173; Svenska Riksrådets Protokoll. XVI. S. 598.

⁶⁹ *Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. Май. С. 75.

⁷⁰ Несколько писем В. Кисельникова Ф. Силину хранятся в рукописном отделе библиотеки Уппсальского университета (Slav. 63. Л. 13—17).

⁷¹ Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Юрация Кальвуччи, послов императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 г. // ЧОИДР. 1874. Кн. 4. Отд. IV. С. 171.

⁷² *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю... С. 287.

⁷³ ЖМНП. 1898. Май. С. 68.

⁷⁴ RA. Muscovitica. Vol. 49.

⁷⁵ ДДР. Стб. 72—73.

⁷⁶ Рукопись Бростовского, содержащая в себе дневник, веденный им на съезде под Вильно в 1656 г. по случаю переговоров об избрании царя Алексея Михайловича королем Польским и Великим князем Литовским // Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 506.

⁷⁷ О путешествии из Вены в Москву в 1655 году Франа Гундулича. С. 38—39.

⁷⁸ СГГД. М., 1828. Ч. 4. С. 19.

⁷⁹ Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб., 1897. С. 437—438.

⁸⁰ *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю... С. 224—230, 277—286.

Глава 11.

Никон и духовенство

¹ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей русской православной церкви. СПб., 1877. Стб. 36.

² *Тихомиров М. Н.* Новгородский хронограф XVII века // Русское летописание. М., 1979. С. 299—300; *Полознев Д. Ф.* Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу (1662 г.). (К истории внутрицерковной борьбы в связи с «делом Никона») // Проблемы истории и культуры. Ростов, 1993. С. 68—69;

³ Биографические сведения об Ионе см.: *Титов А. А.* Митрополит Иона III Сысоевич и его постройки в кремле Ростова Великого // Исторический вестник. 1885. Окт. С. 90—92; *он же.* Летопись о ростовских архиереях. СПб.,

1890. С. 13–14, 21–23; Буланин Д. М. Иона Сысоевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2. С. 93–98.
- ⁴ РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 6–6 об.
- ⁵ АИ. Т. 4. С. 172–177.
- ⁶ См. об этом подробнее в главе 7.
- ⁷ Полознев Д. Ф. Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу. С. 71–72.
- ⁸ Дело о патриархе Никоне. С. 176.
- ⁹ Житие преосвященного Илариона, бывшего Флорищевой пустыни строителя. Казань, 1868. С. 12.
- ¹⁰ Michels G. B. At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, 1999. P. 79–80. См. также: Michels G. B. The first Old Believers in Tradition and Historical Reality // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1993. Bd 41. H. 4. S. 484–488.
- ¹¹ Строев П. Списки иерархов... Стб. 571, 1031.
- ¹² Michels G. B. At War with the Church. P. 260.
- ¹³ ГИМ. Синодальное собрание. № 379. Л. 36 об.
- ¹⁴ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. С. 53.
- ¹⁵ Дело о патриархе Никоне. С. 450.
- ¹⁶ Белокуров С. А. Сказание о Павле Коломенском // ЧОИДР. 1905. Кн. 2. Отд. IV. С. 41.
- ¹⁷ Денисов С. Виноград российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. СПб., 1906. Л. 14 об.—15.
- ¹⁸ Дело о патриархе Никоне. С. 450.
- ¹⁹ Строев П. Списки иерархов... Стб. 170, 1035.
- ²⁰ Соловьев Н. А. Сарайская и Крутицкая епархии // ЧОИДР. 1894. Кн. 3. Отд. I. С. 78–79.
- ²¹ Строев П. Списки иерархов... Стб. 656; Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 482.
- ²² Строев П. Списки иерархов... Стб. 443; Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 407.
- ²³ Зиборов В. К. Лаврентий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2. С. 212–213; Титов А. А. Тверские епископы. Материалы для истории русской церкви. М., 1890. С. 23.
- ²⁴ ДР. Т. 3. Стб. 471.
- ²⁵ Строев П. Списки иерархов... Стб. 288, 443.
- ²⁶ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России... С. 357; Зиборов В. К. Лаврентий. С. 212.
- ²⁷ ЧОИДР. 1894. Кн. 3. Отд. I. С. 80–83.
- ²⁸ Попов М. Г. Материалы для истории патриарха Московского Питирима // Христианское чтение. 1890. Ч. 2. С. 490–492.
- ²⁹ Цит по: Поньрко Н. В. Питирим // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. С. 38.
- ³⁰ ДДР. Стб. 110.

- ³¹ Голубцов А. Чиновники московского Успенского собора // ЧОИДР. 1907. Кн. 4. Отд. I. С. 299.
- ³² Michels G. B. At War with the Church. P. 62.
- ³³ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 535–536, 603.
- ³⁴ Полознев Д. Ф. Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу... С. 62–63.
- ³⁵ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 605, 608.
- ³⁶ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России... С. 68–69.
- ³⁷ Субботин Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 113.
- ³⁸ Там же. С. 113–115, 136.
- ³⁹ Строев П. Списки иерархов... Стб. 1031; ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. III. С. 18.
- ⁴⁰ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России... С. 69–70.
- ⁴¹ Michels G. B. The first Old Believers in Tradition and Historical Reality. P. 493–497.
- ⁴² Субботин Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 311; Иерархия Вятская и Астраханская // ЧОИДР. 1848. Кн. 7. Отд. IV. С. 47–48.
- ⁴³ Полознев Д. Ф. Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу... С. 73–78.
- ⁴⁴ Субботин Н. Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 12–13.
- ⁴⁵ Timins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. P. 169.
- ⁴⁶ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 162.
- ⁴⁷ Строев П. Списки иерархов... Стб. 656, 146.
- ⁴⁸ ДДР. Стб. 110.
- ⁴⁹ Архимандрит Леонид. Стефан, архиепископ Суздальский, бывший в сане архимандрита настоятелем Воскресенского (Новый Иерусалим) монастыря // ЧОИДР. 1876. Кн. 1. Отд. V. С. 222–225.
- ⁵⁰ Строев П. Списки иерархов... Стб. 498, 502.
- ⁵¹ ДДР. Стб. 94; Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165–7183 гг. / С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1908. Кн. 1. Отд. I. С. 6.
- ⁵² Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. Ч. 2. С. 39, 81.
- ⁵³ Там же. С. 82–83.
- ⁵⁴ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 490.
- ⁵⁵ Оболенский К. М. Новые материалы для истории следственного дела над патриархом Никоном // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. СПб., 1860. Кн. 5. С. 6–7.
- ⁵⁶ Оглоблин Н. Н. Дело о самовольном приезде в Москву тобольского архиепископа Симеона в 1661 г. (Очерк из жизни XVII в.) // Русская старина. 1893. Окт. С. 172.

⁵⁷ РИБ. Т. 39. Стб. 18—19; Буцинский П. Н. Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим // Вера и разум. 1891. № 10. Май. С. 610—613.

⁵⁸ Оглоблин Н. Н. Дело о самовольном приезде в Москву тобольского архиепископа Симеона в 1661 г. С. 170.

⁵⁹ Там же. С. 174, 182—183.

⁶⁰ Строев П. Списки иерархов... Стб. 416; Титов А. А. Материалы для истории русской церкви. Рязанские иерархи // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1891. Янв. — февр. Отд. III. С. 37—41.

⁶¹ Поньрко Н. В. Иларион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2. С. 40—42.

⁶² Полознев Д. Ф. Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу... С. 80.

⁶³ РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. № 48. Л. 1—2; ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 367—368, 449.

⁶⁴ ПСЗ. Т. 1. С. 286, 437—449.

⁶⁵ Timins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. P. 169.

⁶⁶ ДДР. Стб. 111.

⁶⁷ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 47.

⁶⁸ Там же. С. 47, 160—161.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 558. Документ цитирует С. М. Соловьев (см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. Кн. 6. С. 201—203).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 558. Л. 33. Комментарий челобитной приводит Г. Михельс (см.: Michels G. B. At War with the Church. P. 30—31, 244).

⁷¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 558. Л. 5—8, 12—15, 18, 31.

⁷² ААЭ. Т. 4. С. 123—126.

⁷³ Там же. С. 131.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 558. Л. 22, 26.

⁷⁵ Extract Skrifwelse othur Narfwen then 9 Augusti // Post & Inkires Tidningar. 1658.

Глава 12.

Никон и власти

¹ См. об этом подробнее в главе 6.

² Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 25—26.

³ Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи / Репринтное воспроизведение изданий 1931—1939 гг. М., 1995. Ч. 3. С. 26—50, 56—64.

⁴ Кошелева О. Е. Боярство и дело Никона // Проблемы истории СССР. М., 1982. Вып. 12. С. 29—30.

⁵ ЗОРСА. Т. 2. С. 733—735.

- ⁶ *Ротенбург С. С.* Монархия с Боярской Думой // Учен. зап. МГПИ им. Ленина. 1946. Т. 35. Вып. 2. С. 93–94.
- ⁷ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Л., 1986. С. 210–230.
- ⁸ ПСЗ. Собр. первое. Т. 1. СПб., 1830. С. 286–457. При анализе указов не учитывались чины присяг, например шертные записи крымского царя и калмыцких послов, и акты с извещением о взятии Смоленска, Кокенгаузена и других городов.
- ⁹ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 25, 55–56, 70–71, 165–166, 224–225.
- ¹⁰ Там же. С. 159–160.
- ¹¹ Там же. С. 194–195.
- ¹² Там же. С. 48–49, 90, 97.
- ¹³ Там же. С. 34, 85.
- ¹⁴ *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 38, 64–65.
- ¹⁵ Там же. С. 72, 124–125, 127, 205.
- ¹⁶ ДДР. Стб. 105.
- ¹⁷ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 160.
- ¹⁸ *Витсен Н.* Путешествие в Московию... С. 171–172.
- ¹⁹ *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia 1613–1689. Princeton, 1983. P. 98, 105, 190.
- ²⁰ *Кошелева О. Е.* Боярство и дело Никона. С. 20.
- ²¹ ДР. Т. 3. Стб. 334, 343, 347, 357.
- ²² Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб., 1897. С. 205.
- ²³ ЗОРСА. Т. 2. С. 582.
- ²⁴ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 47–48.
- ²⁵ ДР. Т. 3. Стб. 460–461.
- ²⁶ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 158–159.
- ²⁷ *Куриц Б. Г.* Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. С. 244.
- ²⁸ *Филина Е. И.* «Придворные партии» в политической борьбе в России в 30–50-е гг. XVII в. / Дисс. канд. ист. наук. М., 1995. С. 258.
- ²⁹ *Кошелева О. Е.* Боярство и дело Никона. С. 20.
- ³⁰ *Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // ЖМНП. 1898. Февр. С. 223.
- ³¹ *Кошелева О. Е.* Боярство и дело Никона. С. 20.
- ³² Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1919. Вып. 8. С. 7.
- ³³ RA. Muscovitica. Vol. 600. Fols. 100–100 rev.
- ³⁴ Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т.: Романовъ — Рясковский. С. 39–42.

- ³⁵ ПСЗ. Т. 1. С. 417, 419.
- ³⁶ *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors...* P.176.
- ³⁷ Ibid. P. 191—192.
- ³⁸ *Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века.* М.; Л., 1946. С. 14—15, 25—26, 55—56, 150, 165—166, 190, 224—225.
- ³⁹ *Долгоруков П. В. Российская родословная книга.* СПб., 1850. Ч. 1. С. 88—89; *Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга.* СПб., 1895. Ч. 1. С. 399—400, 455.
- ⁴⁰ Путешествие в Московию барона Августина Майерберга // ЧОИДР. 1873. Кн. 4. Отд. IV. С. 167—168.
- ⁴¹ ЖМНП. 1898. Май. С. 74.
- ⁴² Дело о патриархе Никоне... С. 112.
- ⁴³ ДДР. Стб. 100.
- ⁴⁴ Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. Дабеловъ — Дядьковский. С. 565—569.
- ⁴⁵ ЧОИДР. 1873. Кн. 3. Отд. IV. С. 73—74.
- ⁴⁶ ДДР. Стб. 132—133.
- ⁴⁷ *Татищев В. Н. История Российская.* Л., 1968. Т. 7. С. 358.
- ⁴⁸ *Moschovia sive Brevis Narratio, de Moribus Magnae Russorum Monarchiae* // *Opera omnia Comitis in Aureo Potok Pilavite Potocki.* Warsaviae, 1744. P. 192; *Филина Е. И. «Придворные партии» в политической борьбе в России...* С. 255—266.
- ⁴⁹ *Tumins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State.* P. 408—409.
- ⁵⁰ ДР. Т. 3. Стб. 367, 391, 403, 411.
- ⁵¹ *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors...* P. 192.
- ⁵² *Moschovia sive Brevis Narratio...* P. 192—193; *Филина Е. И. «Придворные партии» в политической борьбе в России...* С. 256.
- ⁵³ *Филина Е. И. «Придворные партии» в политической борьбе в России...* С. 259; *Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга.* Ч. 2. С. 135—136.
- ⁵⁴ *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors...* P. 190, 192; *Барсуков А. Родословие Шереметевых.* СПб., 1904. С. 5—8.
- ⁵⁵ ДР. Т. 3. Стб. 347, 357; ДДР. Стб. 29, 96—97, 127.
- ⁵⁶ ДДР. Стб. 130, 132—133.
- ⁵⁷ ЗОРСА. Т. 2. С. 738—739; *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors...* P. 192.
- ⁵⁸ *Moschovia sive Brevis Narratio...* P. 199; *Филина Е. И. «Придворные партии» в политической борьбе в России...* С. 268—269.
- ⁵⁹ ЧОИДР. 1873. Кн. 3. Отд. IV. С. 69; 1874. Кн. 4. Отд. IV. С. 169—170.
- ⁶⁰ *Чернявский М. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год.* (Рукопись в РНБ. Шифр по книжному каталогу: 18.22.1.40). Л. 164; *Кашкин Н. Н. Родословные разведки.* СПб., 1912. Т. 1. С. 376—377.
- ⁶¹ ЧОИДР. 1873. Кн. 3. Отд. IV. С. 74, 77.
- ⁶² *Moschovia sive Brevis Narratio...* P. 198; *Филина Е. И. «Придворные партии» в политической борьбе в России...* С. 265.

⁶³ *Иконников В. С.* Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, один из предшественников петровской реформы // Русская старина. 1883. Нояб. С. 282.

⁶⁴ *Жизневский А. Н.* Поход великого государя святейшего Никона патриарха Московского всея Великия и Малыя и Белья России в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889. С. 25.

⁶⁵ ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. III. С. 111.

⁶⁶ Материалы для истории русско-грузинских отношений (80–90-е гг. XVII века). Тбилиси, 1974. Т. 1. С. 3–4.

⁶⁷ *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 178–179, 223.

⁶⁸ Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. С. 5.

⁶⁹ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 47–48, 50.

⁷⁰ *Moschovia sive Brevis Narratio...* P. 167–168.

⁷¹ ДДР. Стб. 30.

⁷² ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. II. С. 169.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ДДР. Стб. 30.

⁷⁵ *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письмах к другу // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. С. 20.

⁷⁶ *Longworth P. Alexis, Tsar of All the Russias.* London, 1984. P. 120–121.

⁷⁷ ДДР. Стб. 127–142.

⁷⁸ *Шушерин И.* Известие... С. 37.

⁷⁹ ЗОРСА. Т. 2. С. 513.

⁸⁰ *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 223.

⁸¹ ДДР. Стб. 142–143. Подробнее об этих событиях см: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 26–33.

⁸² *Moschovia sive Brevis Narratio...* P. 168.

⁸³ *Sebastianus Glavinich de rebus Moschorum // Sammlung bisher noch schriftten zur altern Geschichte und kenntniss des Russischen Reichs / Hrsg. von B. von Wichmann.* Berlin, 1820. Bd 1. S. 347.

Глава 13. Дело Никона

¹ Об этих документах см: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. I–IV; Дело о патриархе Никоне. С. I–XII.

² Дело о патриархе Никоне. С. 16.

³ Там же. С. 17.

⁴ ЗОРСА. Т. 2. С. 517.

⁵ *Timins V., Vernadsky G.* Patriarch Nikon on Church and State. P. 183.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ *Шушерин И.* Известие... С. 39–40.

- ⁸ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 170.
- ⁹ Матф. 21; Марк. 11.
- ¹⁰ Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 441–442.
- ¹¹ Там же. С. 443.
- ¹² Лобное место означает место «горнее», то есть находящееся на возвышенности. Подробнее о Лобном месте см.: Снегирев И. Лобное место в Москве // ЧОИДР. 1861. Кн. 1. Отд. I. С. 1–16; Лобачев С. В. Лобное место в Москве: история и миф // Наука и жизнь. 1994. № 3. С. 146–151.
- ¹³ ДДР. Стб. 30; Голубцов А. Чиновники московского Успенского собора // ЧОИДР. 1907. Кн. 4. С. 250–253.
- ¹⁴ Tumins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. P. 222–223.
- ¹⁵ Отсюда выражение «вдовствующая церковь», т. е. церковь без пастыря (см.: Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 357–358).
- ¹⁶ Дело о патриархе Никоне. С. 13.
- ¹⁷ Там же. С. 5.
- ¹⁸ Там же. С. 13–14.
- ¹⁹ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 168–172.
- ²⁰ ЗОРСА. Т. 2. С. 521.
- ²¹ ДДР. Стб. 179.
- ²² Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 492–493.
- ²³ ЗОРСА. Т. 2. С. 521–522.
- ²⁴ Tumins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. P. 183–184; Шушерин И. Известие... С. 42.
- ²⁵ Дело о патриархе Никоне. С. 9.
- ²⁶ Там же. С. 8–11.
- ²⁷ ЗОРСА. Т. 2. С. 522.
- ²⁸ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 176–177.
- ²⁹ Там же. Ч. 2. С. 494.
- ³⁰ Там же. С. 486; Дело о патриархе Никоне. С. 16–18, 20–37.
- ³¹ Дело о патриархе Никоне. С. 17, 20–30; Tumins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. P. 179.
- ³² Дело о патриархе Никоне. С. 30–33.
- ³³ Там же. С. 37.
- ³⁴ Там же. С. 37–52.
- ³⁵ Там же. С. 53–63.
- ³⁶ Там же. С. 19.
- ³⁷ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 212.
- ³⁸ Там же. С. 87–88; Дело о патриархе Никоне. С. 88–91.
- ³⁹ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 219.

- ⁴⁰ ЗОРСА. Т. 2. С. 588.
- ⁴¹ Шушерин И. Известие... С. 43–44.
- ⁴² Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 497–504.
- ⁴³ ЗОРСА. Т. 2. С. 530–541.
- ⁴⁴ Там же. С. 554–557.
- ⁴⁵ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 505–518; ЗОРСА. Т. 2. С. 566–581.
- ⁴⁶ Дело Р. Ф. Бобарыкина изложено у С. М. Соловьева (см.: Соловьев С. М. Соч. Кн. 6. С. 216–218).
- ⁴⁷ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 227.
- ⁴⁸ Романова А. А. Паисий Лигарид // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. С. 8–9; Дело о патриархе Никоне. С. 429–436.
- ⁴⁹ Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 181–207; Пирлинг П. Паисий Лигарид: Дополнительные сведения из римских архивов // Русская старина. 1902. Т. 109. С. 337–351.
- ⁵⁰ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 221–222.
- ⁵¹ Там же. С. 89–90.
- ⁵² Там же. С. 118–119, 228–242.
- ⁵³ Там же. Ч. 2. С. 518–580; Соловьев С. М. Соч. Кн. 6. С. 219–222.
- ⁵⁴ Timins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. (Текст «Возражения»: Р. 80–673. Предисловие Г. В. Вернадского: Р. 18–62. Краткое филологическое описание В. Б. Туминой: Р. 63–79).
- ⁵⁵ Ibid. Р. 205, 290, 297, 311–312, 314–315.
- ⁵⁶ Вальденберг Г. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 389–390.
- ⁵⁷ Timins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. Р. 24.
- ⁵⁸ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 242–246.
- ⁵⁹ Там же. Ч. 2. С. 27–54.
- ⁶⁰ Там же. С. 17–27; Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. С. 70–72, 376.
- ⁶¹ См. об этом подробнее в главе 11.
- ⁶² Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 1–11, 585–589.
- ⁶³ Там же. С. 13, 561–582.
- ⁶⁴ Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII в. С. 262–266.
- ⁶⁵ Michels G. B. At War with the Church. Р. 87.
- ⁶⁶ РИБ. Т. 39. Стб. 45.
- ⁶⁷ Michels G. B. At War with the Church. Р. 102.

- ⁶⁸ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. Р. 624.
- ⁶⁹ Tumins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. Р. 408.
- ⁷⁰ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 625.
- ⁷¹ Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. М., 1964. С. 55–59; Дмитриева З. В., Козлов С. А. Налоги в России до XIX века. СПб., 1999. С. 115–117.
- ⁷² История внешней политики России. Конец XV–XVII век. М., 1999. С. 318–322.
- ⁷³ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 645–646.
- ⁷⁴ Дело о патриархе Никоне. С. 135.
- ⁷⁵ Там же. С. 128.
- ⁷⁶ Цит. по кн.: Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 737.
- ⁷⁷ Дело о патриархе Никоне. С. 122–126.
- ⁷⁸ Цит. по кн.: Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 741.
- ⁷⁹ Дело о патриархе Никоне. С. 127.
- ⁸⁰ Там же. С. 143.
- ⁸¹ Там же. С. 144–145.
- ⁸² Там же. С. 146.
- ⁸³ Там же. С. 181–184.
- ⁸⁴ Там же. С. 197, 205–206.
- ⁸⁵ Там же. С. 207–210.
- ⁸⁶ Там же. С. 172, 174, 178.
- ⁸⁷ Витсен Н. Путешествие в Московию... С. 177–178.
- ⁸⁸ Там же. С. 186.
- ⁸⁹ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 267–274, 854–879.
- ⁹⁰ ЗОРСА. Т. 2. С. 513.
- ⁹¹ Там же. С. 529–530.
- ⁹² Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 274–290.
- ⁹³ ГИМ. Собр. Уварова. № 173. Л. 16 об.—18.
- ⁹⁴ Там же. Л. 19–20 об.
- ⁹⁵ Там же. Л. 20 об.—25.
- ⁹⁶ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 997.
- ⁹⁷ Там же. С. 998.
- ⁹⁸ Там же. С. 999, 1035.
- ⁹⁹ Шушерин И. Известие... С. 58.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 61.
- ¹⁰¹ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 1002–1005.

- ¹⁰² Там же. С. 1007, 1045.
¹⁰³ Там же. С. 1008.
¹⁰⁴ Дело о патриархе Никоне. С. 275–281.
¹⁰⁵ *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 1012–1013.
¹⁰⁶ Там же. С. 1014–1022.
¹⁰⁷ Там же. С. 1068–1071.
¹⁰⁸ Там же. С. 1079–1080.
¹⁰⁹ Там же. С. 1098–1099.
¹¹⁰ Дело о патриархе Никоне. С. 305–310.
¹¹¹ *Шушерин И.* Известие... С. 78–79.
¹¹² Там же. С. 79–80.

Глава 14. Наследие Никона

- ¹ *Соловьев С. М.* Соч. Кн. 7. С. 157.
² *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию... С. 328.
³ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 47.
⁴ Там же. С. 145.
⁵ *Витсен Н.* Путешествие в Московию... С. 182.
⁶ Там же. С. 186.
⁷ *Леонид, архимандрит.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 4. Отд. I. С. 329.
⁸ *Субботин Н.* Дело патриарха Никона. Историческое исследование по поводу XI т. «Истории России» проф. Соловьева. М., 1862. Примеч. С. 67–68.
⁹ Московский областной краеведческий музей в городе Истре: Путеводитель. М., 1989. С. 83.
¹⁰ История русского искусства: В 13 т. / Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1959. Т. 4. С. 360.
¹¹ *Овчинникова Е. С.* Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955. С. 86.
¹² Там же. С. 86–90.
¹³ Альбом Майерберга. Виды и бытовые картины XVII века / Сост. Ф. Аделунг. СПб., 1903. С. 145–148. Рис. 82, 93.
¹⁴ *Овчинникова Е. С.* Портрет в русском искусстве XVII века. С. 65–76.
¹⁵ Там же. С. 86–89.
¹⁶ Там же. С. 90–99; Московский областной краеведческий музей в городе Истре. С. 114–115.
¹⁷ См.: *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904.
¹⁸ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 34. Л. 98, 199, 212 об.
¹⁹ *Голубцов А. П.* Чиновники московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908. С. 235.

- ²⁰ Московский Кремль. Патриаршие палаты. М., 1994. С. 28–33.
- ²¹ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. С. 136–137.
- ²² ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 107.
- ²³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1649 г. Ед. хр. 33. Л. 17.
- ²⁴ ЧОИДР. 1898. Кн. 4. С. 169.
- ²⁵ Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 63–64.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 11. Л. 212; Временник Московского общества истории и древностей российских. 1852. Кн. 15. Отд. II. С. 64–65, 107.
- ²⁷ Гордиенко Э. А. Владычная палата Новгородского кремля. Л., 1991. С. 101.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 38. Л. 556 об.; Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Приложение. С. 37.
- ²⁹ Там же. С. 128–147.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 38. Л. 141 об.–156.
- ³¹ Жизневский А. Н. Поход великого государя святейшего Никона патриарха Московского... С. 1.
- ³² Timins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. P. 210, 286.
- ³³ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 34. Л. 114.
- ³⁴ Там же. Л. 129 об.
- ³⁵ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. С. 203.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 34. Л. 97–97 об., 122 об.
- ³⁷ Там же. Л. 103, 127 об.
- ³⁸ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. С. 183–184.
- ³⁹ Там же. Приложение. С. 29.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 38. Л. 142.
- ⁴¹ Там же. Л. 142 об.
- ⁴² Архимандрит Амфилохий. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. СПб., 1875. С. 184.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 11. Л. 403, 408 об.
- ⁴⁴ Sebastianus Glavinich de rebus Moschorum // Sammlung bischer noch schriften zur ältern Geschichte und kenntniss des Russischen Reichs / Hrsg. von B. von Wichmann. Berlin, 1820. Bd 1. S. 346.
- ⁴⁵ Бубнов Н. Ю. Никон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 400–403.
- ⁴⁶ Ромодановская Е. К. Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная рукописная и духовная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 58–64.
- ⁴⁷ Силин П. М. Историческое описание Валдайского Иверского Святоозерского Богородицкого монастыря. СПб., 1885. С. 16–17; Белоненко В. С. Материалы для изучения истории книжного дела и библиотеки Иверского Успенского монастыря на Валдайском озере в XVII–XIX столетиях // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 93–94.

⁴⁸ Дневник И. Спарвенфельда подготовлен к печати профессором Уппсальского университета Уллой Биргегёрд, которая предоставила мне возможность ознакомиться с рукописью книги. О Спарвенфельде см. также: *Коваленко Г. М., Николаев С. И.* Спарвенфельд Иоганн Габриэль // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. Ч. 3. С. 489—490.

⁴⁹ *Лихачев Н. П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. С. 83—84.

⁵⁰ *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 107—110.

⁵¹ *Алферова Г. В.* К вопросу о строительной деятельности патриарха Николая // *Архитектурное наследство*. 1969. № 18. С. 44.

⁵² РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 34. Л. 326—326 об.

⁵³ *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. С. 94; *Романенко А. И.* Один из этапов строительства Патриарших палат (по архивным материалам) // *Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования*. М., 1976. Вып. 2. С. 110—114.

⁵⁴ История русского искусства. М., 1959. Т. 4. С. 155; *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. С. 91.

⁵⁵ Московский Кремль. Патриаршие палаты. М., 1994. С. 12—14.

⁵⁶ *Тиц А. А.* Новые данные о патриаршем дворе в Кремле // *Архитектурное наследство*. 1962. № 14. С. 80; *Романенко А. И.* Один из этапов строительства Патриарших палат... С. 113—114.

⁵⁷ *Шушерин И.* Известие... М., 1908. С. 27. См. также: Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706), собранные архимандритом Леонидом // РИБ. Т. 5.

⁵⁸ *Силин П. М.* Историческое описание Валдайского Иверского Святоозерского Богородицкого монастыря. С. 8—17; История русского искусства. Т. 4. С. 168.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 9. Ч. 1. № 740. Л. 1.

⁶⁰ *Яковлева Н. П.* К вопросу о никоновском строительстве // *Проблемы религиоведения и атеизма в музеях: Сб. науч. трудов*. Л., 1989. С. 67—68.

⁶¹ *Сивак С. И.* Изразцовая мастерская Иверского Валдайского монастыря (1655—1690 гг.) // *Новгородский край. Материалы науч. конференции «Новгород древний — Новгород социалистический. Археология. История. Искусство»*. Л., 1984. С. 239—244; *Кондратьева Е. В.* Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского Иверского монастыря // *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология*. 1980. Л., 1981. С. 465—476.

⁶² *Шушерин И.* Известие... С. 15.

⁶³ *Ильин М. А.* Крестный монастырь на Кий-острове // *Архитектурное наследство*. 1962. № 14. С. 89—104; *Записка об Онежском Крестном монастыре* // *ЧОИДР*. 1880. Кн. 3. С. 11—12, 18; *Шушерин И.* Известие... С. 43.

⁶⁴ РНБ. Собр. Погодина. № 1583. Л. 6 об.—7, 27—27 об.

⁶⁵ *Записка об Онежском Крестном монастыре*. С. 15.

⁶⁶ РНБ. Отдел эстампов. Онега. Почтовая открытка. 1908. Шифр по каталогу: Э отб3/о584. Инв. ЭМ 18572.

- ⁶⁷ Шушерин И. Известие... С. 37.
⁶⁸ Там же. С. 37—38.
⁶⁹ Московский областной краеведческий музей в городе Истре. С. 17—19.
⁷⁰ Бусева-Давыдова И. Л. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 179.
⁷¹ Московский областной краеведческий музей в городе Истре. С. 25, 45.
⁷² Витсен Н. Путешествие в Московию... С. 176—177.
⁷³ Там же. С. 180—181.
⁷⁴ Московский областной краеведческий музей в городе Истре. С. 46—49.
⁷⁵ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 47. Л. 144 об.—145.
⁷⁶ Московский областной краеведческий музей в городе Истре. С. 43.
⁷⁷ Там же. С. 41—42.
⁷⁸ Архимандрит Леонид. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 4. Отд. I. С. 202—205.
⁷⁹ Бондаренко А. Ф. Московские колокола. XVII век. М., 1998. С. 135—138, 217—219.
⁸⁰ Шушерин И. Известие... С. 54—55.
⁸¹ Витсен Н. Путешествие в Московию... С. 179.
⁸² Шушерин И. Известие... С. 55.
⁸³ Московский областной краеведческий музей в городе Истре. С. 59—62.
⁸⁴ Витсен Н. Путешествие в Московию... С. 182.
⁸⁵ Некоторые материалы для моей книги я собрал во время поездки в Новый Иерусалим в октябре 1999 г., когда принимал участие в научной конференции «Никоновские чтения», организованной сотрудниками Московского областного краеведческого музея. Особую благодарность выражаю заместителю директора по науке Г. М. Зеленской.
⁸⁶ Витсен Н. Путешествие в Московию... С. 33.
⁸⁷ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 53—54.

Глава 15.

Ссылка

- ¹ Шушерин И. Известие... С. 80.
² Дело о патриархе Никоне. С. 311.
³ Там же. С. 314—315.
⁴ Там же. С. 313.
⁵ Шушерин И. Известие... С. 83.
⁶ Дело о патриархе Никоне. С. 312.
⁷ О пребывании Никона в Ферапонтовом и Кирилло-Белозерском монастырях написаны подробное исследование П. Николаевского и очерк И. Бриллиантова. Оба автора принадлежали к апологетам Никона. Основное внимание они уделили бытовым подробностям жизни патриарха. См.: Николаевский П. Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения

его на московском соборе 1666 г. // Христианское чтение. 1886. Ч. 1. № 1—6. С. 45—110, 378—428, 663—686; *Бриллиантов И.* Патриарх Никон в заточении на Белоозере: Исторический очерк. СПб., 1899. См. также: *Соловьев С. М.* Соч. Кн. 6. С. 258—271. Подлинные столбцы из дела патриарха Никона о его жизни в ссылке хранятся в РГАДА (Ф. 27. Оп. 1. № 140а, 140б).

⁸ Дело о патриархе Никоне. С. 313.

⁹ *Шушерин И.* Известие... С. 84—85.

¹⁰ Дело о патриархе Никоне. С. 318.

¹¹ *Архимандрит Варлаам.* О пребывании патриарха Никона в заточении в Ферапонтове и Кириллове Белозерском монастырях // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Отд. I. С. 130.

¹² Изучение истории раннего раскола выходит за рамки нашего исследования. Об этом см. подробнее: *Зеньковский С.* Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. München, 1970; *Michels G. B.* At War with the Church. Religious Dissent in the Seventeenth-Century Russia. Stanford, 1999.

¹³ Дело о патриархе Никоне. С. 325—326; *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589—1700): В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 10.

¹⁴ *Белоброва О. А.* Иоасаф II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 80.

¹⁵ Дело о патриархе Никоне. С. 331.

¹⁶ *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 1105—1110.

¹⁷ Дело о патриархе Никоне. С. 332—334.

¹⁸ История внешней политики России. Конец XV—XVII век. (От свержения Ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 322—323.

¹⁹ *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества. СПб., 1996. С. 158, 173.

²⁰ Там же. С. 168.

²¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 31, 44, 109.

²² Там же. Т. 3. С. 177.

²³ *Николаевский П.* Жизнь патриарха Никона в ссылке... С. 75—76.

²⁴ Дело о патриархе Никоне. С. 344—345.

²⁵ Там же. С. 346—347.

²⁶ *Николаевский П.* Жизнь патриарха Никона в ссылке... С. 76; Летопись занятий Археографической комиссии за 1862—1863 гг. СПб., 1862. Вып. 2. С. 67—68.

²⁷ Там же. С. 347.

²⁸ *Николаевский П.* Жизнь патриарха Никона в ссылке... С. 79; *Шушерин И.* Известие... С. 91.

²⁹ *Щепотьев Л.* Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев. СПб., 1906. С. 26—29.

³⁰ *Hughes L. A. J.* Sophia, Regent of Russia, 1657—1704. London, 1990. P. 37—38.

³¹ *Николаевский П.* Жизнь патриарха Никона в ссылке... С. 80—81; *Шушерин И.* Известие... С. 92.

³² *Николаевский П.* Жизнь патриарха Никона в ссылке... С. 92—93.

- ³³ Шушерин И. Известие... С. 90.
- ³⁴ Дело о патриархе Никоне. С. 380—383.
- ³⁵ Там же. С. 386.
- ³⁶ Там же. С. 386—404.
- ³⁷ Там же. С. 335—340.
- ³⁸ О патриархе Иоакиме см.: *Смирнов П.* Иоаким, патриарх Московский. М., 1881; *Барсуков А. П.* Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., 1891; *Зиборов В. К.* Иоаким // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3. Ч. 2. С. 53—57; *Богданов А. П.* Русские патриархи. Т. 2. С. 42—79 и далее.
- ³⁹ Дело о патриархе Никоне. С. 127, 137—147, 192—194.
- ⁴⁰ *Богданов А. П.* Сильвестр Медведев // *Вопросы истории.* 1988. № 2. С. 96.
- ⁴¹ *Богданов А. П.* Русские патриархи. Т. 2. С. 58—59.
- ⁴² ААЭ. Т. 4. № 204. С. 259—263.
- ⁴³ *Николаевский П.* Жизнь патриарха Никона в ссылке... С. 386.
- ⁴⁴ Дело о патриархе Никоне. С. 341—351.
- ⁴⁵ Там же. С. 368—372.
- ⁴⁶ Там же. С. 377.
- ⁴⁷ *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 980.
- ⁴⁸ Дело о патриархе Никоне. С. 378.
- ⁴⁹ *Белокуров С. А.* «Дела свят. Никона патриарха, паче же рещи чудеса врачевная» // *ЧОИДР.* 1887. Кн. 1. Отд. V. С. 86, 90—94.
- ⁵⁰ Дело о патриархе Никоне. С. 370.
- ⁵¹ Там же. С. 361.
- ⁵² Там же. С. 366—367.
- ⁵³ Там же. С. 405, 407—415; *Шушерин И.* Известие... С. 94; ААЭ. Т. 4. С. 303.
- ⁵⁴ ААЭ. Т. 4. С. 255, 290.
- ⁵⁵ *Бриллиантов И.* Патриарх Никон в заточении на Белоозере. С. 110.
- ⁵⁶ *Шушерин И.* Известие... С. 95.
- ⁵⁷ История внешней политики России. Конец XV—XVII век. С. 330—337.
- ⁵⁸ ДР. Т. 4. Стб. 62, 128.
- ⁵⁹ *Седов П. В.* Проекты изменения церковной иерархии в царствование Федора Алексеевича // *Средневековое православие от прихода до патриархата:* Сб. науч. статей. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 270—271; *Шушерин И.* Известие... С. 96—97.
- ⁶⁰ *Седов П. В.* Проекты изменения церковной иерархии... С. 273.
- ⁶¹ Там же. С. 274, 277—279.
- ⁶² РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. № 61. Л. 1—49; АИ. Т. 5. № 75 — «Концепт пятнадцати предложений, учиненных от государя царя Федора Алексеевича патриарху Иоакиму и всему Освященному собору о устроении в России вновь архиерейских епархий и исправлении дел, касающихся до церковного благочиния и воспоследовавших на оные на соборе ответы».
- ⁶³ Цит. по: *Седов П. В.* Проекты изменения церковной иерархии... С. 276.

⁶⁴ Там же. С. 279.

⁶⁵ Там же. С. 277; Дело о патриархе Никоне. С. 247.

⁶⁶ *Успенский Б. А.* Царь и патриарх... С. 454, 469.

Глава 16. Последний путь

¹ *Седов П. В.* Детские годы царя Федора Алексеевича // *Средневековая Русь: Сб. науч. статей к 65-летию проф. Р. Г. Скрынникова.* СПб., 1995. С. 88–89.

² ПСЗ. Собр. первое. Т. 2. С. 270.

³ *Архимандрит Леонид.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря // *ЧОИДР.* 1874. Кн. 3. Отд. I. С. 37–38.

⁴ Там же. С. 39–40.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ ПСЗ. Т. 2. С. 331–332.

⁷ *Шушерин И.* Известие... С. 101.

⁸ Там же. С. 101.

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Письмо датировано на основании упоминания о супруге Федора Алексеевича. Свадьба Федора с Агафьей Семеновной Грушецкой состоялась 18 июля 1680 г.; царица умерла 14 июля 1681 г., следовательно, письмо было написано не позднее последней даты, по всей видимости, незадолго до возвращения Никона из ссылки (см.: *ЧОИДР.* 1875. Кн. 3. Отд. I. С. 759).

¹¹ *Шушерин И.* Известие... С. 104.

¹² Там же. С. 104–105.

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Там же. С. 108–109; Московский областной краеведческий музей в городе Истре. С. 63.

¹⁵ *Шушерин И.* Известие... С. 112.

¹⁶ Там же. С. 111.

¹⁷ Попытки канонизации патриарха Никона / Сообщено В. Колосовым // *Исторический архив.* 1880. Окт. С. 793–796.

¹⁸ *Евразийский вестник.* 2000. № 5; *Журнал московской патриархии.* 2000. № 9. С. 55–68.

¹⁹ *Шушерин И.* Известие... С. 112–114; *ГИМ. Собр. Уварова.* № 1700 (104). Л. 1–37.

²⁰ *ЧОИДР.* 1874. Кн. 3. Отд. I. С. 64.

²¹ Там же. С. 65–66.

²² *Шушерин И.* Известие... С. 115.

²³ *Панченко А. М.* Герман // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3. Ч. 1. С. 198–200; Московский областной краеведческий музей в городе Истре. С. 64.

²⁴ *ЧОИДР.* 1874. Кн. 3. Отд. I. С. 98–99.

Заключение

- ¹ Шушерин И. Известие... С. 101. С. 6–8.
- ² Бубнов Н. Ю., Лаврентьев А. В. Иоанн Корнильев Шушерин-Рипатов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 70.
- ³ Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1784; *Bachmeister J.* Beytrage zur Lebensgeschichte des Patriarchen Nikon. Riga, 1788.
- ⁴ РИБ. Т. 39. Стб. 4, 245–246, 739.
- ⁵ Титова Л. В. Сказание о патриархе Никоне — публицистический трактат пустозерских узников // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XVII вв.: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1998. С. 223.
- ⁶ Перетц В. Н. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII–XVIII вв. // Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 2. С. 21–25, 44.
- ⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 381.
- ⁸ *Hughes L. A. J.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; London, 1999. Р. 335; Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1891. Т. 52. № 8. С. 72, 101.
- ⁹ Архиепископ Филарет (Гумилевский). История русской церкви. Рига, 1847. Т. 4. С. 25–26, 170–192; Архимандрит Аполлос. Начертания жития и деяний Никона, патриарха московского и всея России. М., 1859.
- ¹⁰ Соловьев С. М. Соч. Кн. 6. С. 328–329.
- ¹¹ Там же. С. 190–204.
- ¹² Субботин Н. Дело патриарха Никона: Историческое исследование по поводу XI т. «Истории России» проф. Соловьева. М., 1862. С. 3–7, 10–16.
- ¹³ Митрополит Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 221–226, 264–266, 306–307; он же. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881. С. 113–116.
- ¹⁴ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. V–VI, 456–466.
- ¹⁵ Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи: В 3 т. Варшава, 1931–1938. Т. 1. С. 5–31; Т. 2. С. 333–379; Т. 3. С. 358–365.
- ¹⁶ *Spinka M.* Patriarch Nikon and the Subjection of the Russian Church to the State // Church History. 1941. Vol. 10. Р. 351–352, 360–366.
- ¹⁷ Протоиерей Лев Лебедев. Патриарх Никон. Очерк жизни и деятельности // Богословские труды. 1982. Сб. 23. С. 154–199; Сб. 24. С. 139–170.
- ¹⁸ *Palmer W.* The Patriarch and the Tsar. Vol. I–VI. London, 1871–1876.
- ¹⁹ *Tumins V., Vernadsky G.* Patriarch Nikon on Church and State. Р. 80–673.
- ²⁰ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. II, V, 225–226; Т. 2. С. 1–5, 51–57, 70–73, 121–126, 147–167, 520–547; см. также: он же. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1912; он же. Сношения

иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII столетия // Православный Палестинский сборник. СПб., 1895. Т. 25. Вып. 1; он же. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914; и др.

²¹ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1985. С. 114–139; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 312–320, 354–360; Устюгов Н. В., Чаев Н. С. Русская церковь в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 295–329; Очерки русской культуры. М., 1979. Ч. 2. С. 288–312.

²² Русское православие: веки истории. М., 1988. С. 7.

²³ Там же. С. 153–220.

²⁴ Соловьева Т. Б. Отношения государства и церкви по вопросам землевладения в России XVII века (по материалам Патриаршего Дома) / Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1979. С. 18–21.

²⁵ Полознев Д. Ф. Клерикальная оппозиция в начале становления российского абсолютизма. Конец 1640-х — 1660-х гг. / Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1990. С. 3–22.

²⁶ Молзинский В. В. Старообрядческое движение второй половины XVII в. и общественная мысль России / Автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб., 1997. С. 10.

²⁷ Флоря Б. Н. Государственная власть и формирование духовного сословия в средневековой России // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина: Тезисы докладов. М., 1994. Ч. II. С. 161–164.

²⁸ См., напр.: *Vernadsky G. History of Russia. Vol. 5. Yale University Press, 1969. Pt. 2. P. 557–583; Longworth Ph. Alexis, Tsar of All the Russias. London, 1984. P. 230, 235–238, 260.*

²⁹ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж, 1983.

³⁰ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М., 1992.

³¹ Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII в. München, 1970.

³² *Tumins V., Vernadsky G. Patriarch Nikon on Church and State. P. 80–673.*

³³ *Lupinin N. Religious Revolt in the XVIIth Century: The Schism of the Russian Church. Princeton, 1984. P. 187–190.*

³⁴ *Meyendorff P. Russia, Ritual and Reform. The Liturgical Reforms of Nikon in the 17th Century. Crestwood, 1991. P. 219–227.*

³⁵ *Hoffmann P. Die Nikonsche Kirchenreform und die Kirchenspaltung in Rußland als Alternativsituation der Stellung der Kirche im Staat // Wegscheiden der Reformation. Alternatives Denken vom 16 bis 18 Jh. / Hrsg. von Günter Volger. Weimer, 1994. S. 439–449; Hemer Ch. Herrschaft und Legitimation im Rußland des 17 Jahrhunderts: Staat und Kirche zur Zeit des Patriarchen Nikon. Frankfurt a. M., 1979. S. 161–164; Heller W. Die Moskauer «Eiferer für die Frömmigkeit» zwischen Staat und Kirche (1642–1652). Wiesbaden, 1988; Kraft E. Moskaus Griechisches Jahrhundert. Stuttgart, 1995.*

³⁶ Michels G. At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford (California), 1999. P. 217–223.

³⁷ *Архимандрит Анапос.* Начертания жития и деяний Никона, патриарха московского и всея России. М., 1859; *Четыркин Ф. В.* Жизнеописания святейших патриархов московских и всея России (1589–1700). Пг., 1893. С. 58–77; *Михайловский С. В.* Жизнь святейшего Никона, патриарха всероссийского. СПб., 1863; *Валишевский К.* Патриарх Никон // Новое слово. 1910. № 9. С. 61–75; *Быков А. А.* Патриарх Никон, его жизнь и общественная деятельность. (ЖЗЛ). СПб., 1891; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. Кн. 2. С. 157–220.

³⁸ *Борисов Н. С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 170–194.

³⁹ *Богданов А. П.* Русские патриархи. Т. 1. С. 387–477.

⁴⁰ *Greengrass M.* France in the Age of Henry IV: The Struggle for Stability. London, 1984. P. 204; *Bercé Y.-M.* The Birth of Absolutism. A History of France, 1598–1661. London, 1996. P. 29–30.

⁴¹ *Люблинская А. Д.* Франция в начале XVII века (1610–1620 гг.). Л., 1959. С. 48, 143, 291.

⁴² *Church W.* Richelieu and Reason of State. Princeton, 1972. P. 22.

⁴³ *Ranum O. A.* Richelieu and the Councillors of Louis XIII. Oxford, 1963. P. 181.

⁴⁴ *Bergin J.* Richelieu and His Bishops. Ministerial Power and Episcopal Patronage under Louis XIII // Richelieu and His Age. Oxford, 1992. P. 175–202.

⁴⁵ *Кнехт Р.* Ришелье. Ростов н/Д., 1997. С. 21–22.

⁴⁶ Там же. С. 25–41.

⁴⁷ *Андреев А. Р.* Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. М., 1999. С. 164.

⁴⁸ *Wolfe M.* The Conversion of Henry IV. Politics, Power and Religious Belief in Early Modern France. London, 1993. P. 191.

⁴⁹ *Church W.* Richelieu and Reason of State. P. 24, 508.

⁵⁰ *Briggs R.* Church and State from Henry IV to Louis XIII // Communities of Belief. Cultural and Social Tension in Early Modern France. Oxford, 1989. P. 181.

⁵¹ *Bercé Y.-M.* The Birth of Absolutism. P. 195–197.

⁵² См.: *Поршнев Б. Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.; Л., 1948; *он же.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970.

⁵³ *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998. С. 144–145.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Расширенная редакция Лейденской брошюры

Одним из основных источников по истории московского восстания 1648 г. является так называемая Лейденская брошюра, отпечатанная в Голландии через несколько месяцев после июньских событий в России. Текст ее неоднократно переиздавался, в том числе в русском и английском переводах. Историки полагают, что ее автор был очевидцем московских событий. Следовательно, Лейденская брошюра представляет собой ценный исторический источник¹. Однако менее известно, что в 1650 г. в Амстердаме вышел в свет первый том «Жизнеописаний известных людей нашего времени» голландского издателя Ламберта Боса², где Лейденская брошюра была напечатана с небольшими изменениями. В ней, помимо вступления и мелких стилистических исправлений, появились четыре вставки, рассказывающие об участии в восстании боярина Никиты Ивановича Романова. Трудно предположить, что эти вставки — позднего происхождения. Скорее всего, расширенная редакция Лейденской брошюры, напечатанная Босом, представляет собой более ранний текст, чем тот, который известен в многочисленных публикациях. По каким причинам из издания 1648 г. были изъяты все упоминания о Н. И. Романове, остается неясным.

Нужно сказать, что в Европе в XVII в. о московском восстании стало широко известно именно благодаря Лейденской брошюре, которую стали цитировать, а порой создавать на ее основе различные версии московских событий. Так, 8 октября 1648 г. парижская «La Gazette de France», издававшаяся Теофрастом Ренодо, опубликовала отдельным приложением «Речь калугера, или монаха Московского, по случаю смятений в сем государстве и почти во всем современном свете» («La Harangue d'un callogere ou Religieux Moscovite sur le sujet des émotions de ce Royaume la & qui se trouvent aujourd'hui presque par tout le monde»)³. В этом памфлете, появившемся во Франции в самый разгар Фронды, говорится о том, что некий московский монах, взывая к восставшему народу, сумел убедить его разойтись по домам и прекратить беспорядки⁴. Речь калугера мало походит на проповедь русского монаха. Порой в его уста вложены слова, которые русский человек никогда не мог бы произнести публично. Например, калугер говорит: «Мы слышим, что три королевства Великобританския подверглись волнениям, еще продолжающимся; Неаполь им последовал; в Китае сделался свой переворот; Константинополь погряз в бунте; Германия разделилась на крамолы; Польша вся стоит в оружии и грозит великим разделением; Мадриту был свой участок в мятежах; Риму свой, и только особенному покровительству небесному приписать можно, что некоторые другие царства изъяты из них, и только угрожаются ими, а что делается среди нас — об этом говорят самые дела, и слова не нужны»⁵. В России XVII в. о международных делах

были хорошо осведомлены только чиновники Посольского приказа, потому немислимо, чтобы простой монах мог обратиться к народу с подобной проповедью.

Зато в парижском памфлете есть явные заимствования из Лейденской брошюры. Калугер говорил: «Кого я вижу окрест себя такого, которому надобно б воздать сию честь, говоря с ним почтительными словами? Тем ли воздать ее, которые ударами мечей и секир учинили более трехсот убийств и нарушили уважение к местам и особам священным? Тем ли, которые произвели столь великое запаление, еще дымящееся, и начавши его в пяти разных местах, в 14 часов превратили половину жилищ в пепел, разорили более 10 000 чертогов и более 50 000 хижин обывательских, причем трудно исчислить, сколько задохлось людей от огня и дыма?»⁶ Сравним этот текст с соответствующим пассажем из Лейденской брошюры. Даже в русском переводе заимствование кажется очевидным: «Тотчас после обеда, в *пяти различных местах* города учинился большой и ужаснейший пожар, который за *тринадцать или четырнадцать часов* опустошил половину Москвы, обратив ее в груды пепла. В этом пожаре сгорело всего (как насчитывают некоторые) около *десяти тысяч дворов*; в числе которых был и двор великого господина Никиты Ивановича Романова, в котором было сожжено более четырех тысяч рублей или двадцать тонн золотом утвари и ценностей, и так как на различных дворах стояло много различных домов, то можно счесть, что погорело примерно пятнадцать тысяч домов; в некоторых дворах сгорело десять, двенадцать душ, а то и больше людей: отец, мать, дети, работники и служанки; число людей, которые сгорели, *задохлись и задушились в дыму*, которые известны, исключая тех, которые остались неизвестны, исчисляют примерно в тысячу семьсот (курсив мой. — С. Л.)». Действия калугера во время бунта очень напоминают действия Н. И. Романова. Все это позволяет предположить, что сообщение парижской «La Gazette» не имело под собой реальной исторической основы, а было создано на основе сообщений Лейденской брошюры. Тем не менее некоторые историки считают памфлет, опубликованный Ренодо, вполне достоверным источником. Так, В. С. Румянцев а отождествляет калугера с царским духовником Стефаном Вонифатьевым, а Р. Г. Скрынников — с архимандритом Новоспасского монастыря Никоном⁷. На наш взгляд, такие аналогии представляются спорными. Ранние достоверные источники однозначно указывают, что волнения в столице были прекращены именно благодаря Романову.

Ниже мы приводим текст расширенной редакции Лейденской брошюры. На русском языке он публикуется впервые. Перевод с ранненовоголландского И. М. Михайловой.

Примечания

¹ Бестужев-Рюмин К. Московский бунт 23 июня 1648 года // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 69—73; Базилевич К. Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1936. С. 59—63; Loewenson L. The Moscow

Rising of 1648 // Slavonic and East European Review. 1948. Vol. 37. Nr. 68. December. P. 146—156. Оригинальный текст Лейденской брошюры: Waerachtighe Historie ende beschriivinghe, van het schrickelijck Tumult ende Oproer in der Moscouw. Leyden, 1648.

² Van d'Oproer in der Moscouw, met de doodt van Nazari Ivanowits TSISTE, Rijcx Canselier, Mitsgaders Levontie Stepanowits Plesseoph, en Peuter Tichonowits Trochoniotoph, en anderen // Bos L. van den. Het Tooneel der Doorluchtige Manner onser Eeuwe. Het eerste deel. Amsterdam, 1650. P. 696—705.

³ Gazette de France. 1648. № 154. P. 1373—1380; русский перевод: Любопытная статья из Gazette de France 1648 года // Сын Отечества. 1838. Т. 2. Отд. III. С. 30—35. О газете Т. Ренодо см.: Френкель Л. М. Первая французская политическая газета — «Gazette» Теофраста Ренодо (К истории возникновения периодической печати во Франции в XVII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. 16. С. 311; Гольдберг А. Л. Известия о России в газете Теофраста Ренодо (по материалам фондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1963. Т. 11 (14). С. 143—144.

⁴ Gazette de France. 1648. № 154. P. 1373—1374.

⁵ Сын Отечества. 1838. Т. 2. Отд. III. С. 34.

⁶ Там же. С. 30—31.

⁷ Румянцева В. С. Народные антицерковные движения в России в XVII веке. М., 1986. С. 33—34; Великая Русь. Милан; Москва, 1996. С. 423, 441.

* * *

Волнения в Москве с убийством Назария
Ивановича Чистого, государственного канцлера,
а также Леонтия Степановича Плещеева
и Петра Тихоновича Траханиотова и других

Содержание

I. Простой люд не удастся унять. II. Бояре плохо обходятся с простым народом Москвы. III. Из-за этого начинается волнение. IV. Народ грабит дома знатных господ. V. Убийство Назария Ивановича Чистого. VI. Народ грабит дома других господ. VII. Убийство Плещеева. VIII. Горожане утихомирены. IX. Большой пожар в Москве. X. Народ снова приходит в волнение. XI. Никита Иванович Романов уговаривает горожан. XII. Петру Тихоновичу отрубают голову. XIII. Морозова отправляют в ссылку. XIV. Народ после этого вновь успокаивается. XV История.

Народ вполне удачно сравнивают с лошастью. Этим трудолюбивым животным легко управлять при помощи мягкого нрава и мягкой узды, пока лошадь, слишком надменная, отважная и высокомерная, сама того хочет. Однако если она придет в бешенство и понесет, то никакая узда и никакое препятствие на свете не остановят ее бешеного бега, особенно если она гордится тем, что правда на ее стороне, — либо оттого, что в нее вонзали слишком острые шпоры, либо оттого, что ее слишком сильно били кнутом, либо (что действует сильнее всего) если ее охватил и подстегнул воображаемый испуг. Горе тем, кого народ ненавидит или на кого обращает внимание; ни благоговейный страх, ни закон, ни кровное родство не остановят его перед тем, чтобы потушить пламя своего гнева виновной и безвинной кровью. Москва, столица Московии, послужит для нас сценой, на которой будет показана горькая, хотя и короткая трагедия.

В тысяча шестьсот сорок восьмом году, второго числа Летнего месяца¹ старого стиля, в пятницу, до полудня, Его Царское Величество всяя Руси Алексей Михайлович с Патриархом, или старшим священником, со всей торжественностью совершали ежегодную Процессию и Паломничество в сопровождении знатных бояр, иначе называемых государственными советниками, а также высших священников и священнослужителей; этим случаем воспользовались горожане, представив Его Царскому Величеству некие прошения относительно невыносимо больших податей, пошлин и даров, которыми они были обременены несколько лет назад; и если они и впредь останутся ими обремененными, то окончательно погибнут вместе с женами и детьми, а также о чрезмерной несправедливости, насилии и тяготах, которые они каждодневно претерпевают от бояр и которые больше уже не могут выносить; они скорее желали бы тотчас умереть с женами и детьми, чем и дальше стенать под таким бременем; но бояре (окружавшие особу Его Царского Величества спереди и сзади), получив эти прошения в руки, не только разорвали их в клочки, но и бросили эти клочки в лицо горожанам и ругали [их] язвительными словами, а некоторых из них велели своим холопам, или крепостным слугам, безжалостно избить, других же — посадить в тюремную башню. Из-за этого толпа стала очень нетерпеливой и в высшей степени ожесточенной против бояр. После завершения Процессии народ всем скопом отправился в Царский замок. Стрельцы (или личная охрана Его Царского Величества) числом в несколько тысяч (чье жалование также было убавлено и снижено, так что они не могли существовать), присоединились к горожанам и сразу после полудня напали на двор Бориса Ивановича Морозова, самого высшего правителя всей России наряду с Царем, который прошлой зимой женился на сестре нынешней царицы; этот двор они полностью разграбили, различные драгоценные вещи разрубили в куски топорами и саблями, все золотые и серебряные изделия сплющили, драгоценный жемчуг и другие камни истолкли в порошок, истоптали ногами, повыкидывали в окно, не позволяя никому ничего из этого унести с собой, и кричали очень громко: «То наша кровь» (Toot Naßi Kroof. Это значит: это наша кровь). Другие потом все же поделили сокро-

вища между собой; дом Морозова они тоже начали крушить и хотели снести его до основания, но Царь велел сказать: «Это мой дом». После этих слов они тотчас оттуда ушли, убив троих из старших слуг, самым старшим из которых был стряпчий², или торговец, предлагавший за свою жизнь три тысячи рублей, что составляет пятнадцать тысяч гульденов, но это не помогло; они кричали: «Все должно быть нашим». Сам же он, а именно Морозов, еще раньше убежал в палаты Его Величества и сидел там спрятавшись. От этого двора они бросились со всех ног ко двору Назария Ивановича Чистого, великого Государственного Канцлера³, чей двор они тоже полностью разорили и заполучили там невероятно большую казну золота и серебра, так как он за два дня до этого упал навзничь затылком с лошади, что было неким предзнаменованием грядущего великого падения; ибо когда он вышел из бани, они его встретили, забили дубинами, топорами и саблями намертво. Первый, ударивший его топором по голове, сказал ему: «Изменник, тот про соль» (*Izmennick, tot pro sol*. Это значит: изменник, это за соль! Ибо он был тем, кто установил высокие подати на соль.) Полумертвого, его стащили за ноги по всем лестницам, протаскивали как собаку по всему двору, бросили совсем голого на кучу навоза и там прикончили.

Оттуда они с необычайным шумом напали на двор Леонтия Степановича Плещеева, судью горожан⁴, который несправедливыми приговорами причинил им много несчастий, чей двор они тоже полностью разграбили, а сам он убежал к Его Величеству. Затем они в полном составе двинулись оттуда на двор к Петру Тихоновичу Траханиотову, верховному начальнику над Полевым снаряжением⁵, чей двор они тоже полностью разграбили, а сам он бежал из города в какой-то монастырь.

Оттуда они набросились на дворы разных других бояр, где они не оставили в целости ни одной мелочи. Между тем приближалась ночь, и грабежи немного утихли, но с раннего утра все началось снова, и они разорили дворы многих других знатных господ и русских купцов, которые так или иначе были связаны с вышеназванными, — всего числом почти семьдесят.

Царь, не зная, что делать из-за этих волнений, слал одно письмо за другим знатному вельможе Никите Ивановичу Романову, своему двоюродному дяде, который находился примерно в двух милях от города в своем имении, где он по обыкновению проводил все лето, не приезжая ко двору, из-за той ненависти, которую питал к нему Морозов, так как не хотел допустить, чтобы его сестра, вдова светлейшего князя Алексия Ивановича Воротынского⁶, была дана ему в жены по причине его низкого происхождения и от сожаления, что Его Величество все посты и чины, которые, как он считал, по праву причитались ему, отдал Морозову.

Горожане же, не удовольствовавшись этими грабежами и убийством Государственного Канцлера, пошли в полном составе к Царскому замку и потребовали от Царского Величества выдать им скрывшихся там Морозова, Плещеева, а также Траханиотова, и хотели, чтобы их отдали им в руки, после

чего Царь тотчас выдал Плещеева, чтобы его у всех на глазах обезглавил палач, однако горожане, до предела ожесточенные против него, не могли ждать так долго, но проволоки его по большой рыночной площади, а там избили палками и дубинами, пока он не посинел, как легкое, а топорами и саблями его разрубили, как рыбу, и, в назидание всем, оставили лежать совершенно голого. И этим все еще не удовлетворившись, они стали громко кричать в один голос очень настойчиво, чтобы им выдали Морозова, а также Траханиотова; тогда перед общиной появился собственной персоной Его Царское Величество и, видя, что толпу не унять, стал смиренно просить, даже со слезами на глазах, чтобы ему дали всего два дня сроку, и он за это время хорошенько все обдумает и во всем их удовлетворит. Тем самым стечение народу до полудня было утихомирено и все тихо разошлись по домам. Но что последовало за этим? Тотчас после полудня в пяти разных местах города начался ужаснейший пожар, который за тринадцать или четырнадцать часов превратил треть Москвы в пустынную грудку пепла. В этом пожаре было уничтожено (как насчитывают некоторые) около десяти тысяч дворов, в числе которых дворец знатного (великого господина) Никиты Ивановича Романова, в котором сгорело более чем на четыре тысячи рублей, или двадцать тысяч гульденов, домашней утвари и драгоценностей: и поскольку на некоторых дворах стояло по многу различных домов, то считают, что сгорело около пятидесяти тысяч домов; в некоторых домах сгорело по десять, двенадцать и более человек мужчин, женщин, детей, работников и служанок: число людей, как сгоревших, так и задохнувшихся в дыму и погибших, о которых известно, кроме тех, о ком неизвестно, оценивается приблизительно в тысячу семьсот. Пожар постепенно достиг большого рынка и царского водочного двора, где у всех на виду все еще лежал голым забитый насмерть Плещеев. Какой-то монах подошел к нему, крича: «Пока голова этого негодяя Плещеева не сгорит дотла, пожар не прекратится», — говоря это, он отрубил голову топором и, окунув ее в водку, чтобы она лучше горела, бросил ее в огонь; народ, стоящий вокруг, взял веревку, связал ею ноги Плещеева, поволок его как собаку к огню и сжег туловище дотла, вскоре после чего пожар начал утихать; во время этого ужасного пожара с другой стороны города, где живут все иноземцы и многие другие русские, было схвачено несколько поджигателей, которые намеревались поджечь оставшуюся часть города, и сделали бы это, если бы не была выставлена столь сильная охрана; некоторых из этих негодяев тут же забили насмерть, других бросили в тюрьму. Когда их допросили и пытали, они честно признались, что уже неоднократно упомянутый выше Морозов подкупил их на это некой суммой денег, чтобы отомстить горожанам, а также другим знатым господам, которые были его противниками, в надежде, что из-за пожара им станет не до него. Толпа, услышав такое, еще более ожесточилась против Морозова и пожелала заполучить его в свои руки без малейшего промедления. Тут в город приехал знатный господин Никита Иванович Романов в сопровождении всего нескольких слуг, хотя до этого он в нескольких письмах извинялся перед Царем и отказывался приехать, говоря, что Его Вели-

чество в мирное время правил без него и что пусть Его Величество и теперь, в смуту, пользуется теми же советниками, каких использовал во время мира; однако он, будучи человеком большой души, был движим любовью к своему Отечеству и не обращал внимания на прежнюю обиду, пренебрежение и вражду, но использовал все средства и не побоялся опасности, чтобы усмирить разъяренную чернь, и он въехал на лошади в середину бушующих горожан, где не осмеливался показаться и высунуть голову ни один из других господ; они, увидев его, двинулись к нему навстречу, кланялись ему и кричали в один голос: «Ты будешь править нами вместе с царем и займешь посты и чины Морозова, мы хотим только тебя и никого другого, сделай так, чтобы нам выдали Морозова, мы быстро с ним расправимся». Но он старался, насколько мог, утомить горожан, и поехал в Замок⁷ к Царю, посоветовавшись с которым тотчас снова выехал на лошади на площадь перед Замком, где, взобравшись на круглое возвышение⁸, начал свою речь и образумил горожан, которые, отвечая ему, очень настаивали на том, чтобы им отдали Морозова, но он, разубеждая их, в конце концов добился того, что они согласились, чтобы Морозов остался в живых; однако был отправлен в монастырь, там станет монахом и никогда не вернется в Москву и тем более к власти.

Кроме того, Его Величество сам смиренно просил сохранить ему жизнь, во-первых, потому что его досточтимый государь отец на смертном одре завещал чтить его; во-вторых, потому что он его с детских лет воспитывал, обучал и наставлял; посему обещает всем горожанам, целуя (по русскому обычаю приносить клятву) золотой крест, который держал в руках патриарх, и призывая Матерь Божию в поручительницы, что велит Морозова постричь в монахи в монастыре. Другой же, Петр Тихонович Траханиотов, который бежал в один из монастырей близ Москвы, по велению Его Царского Величества был выдан, и ему топором на плахе отрубили голову. Между тем Царь оттягивает исполнение своего обещания относительно Бориса Ивановича Морозова, и было это из-за смиренной просьбы Царицы, родной сестры супруги Морозова, и горожане вновь поднялись и не хотели жить в мире и покое, покуда Его Величество не исполнит свое обещание, и грозились силой вытащить Морозова из покоев Его Величества, и поскольку его Царское Величество своего слова не держит, так и они своего слова держать не будут; и что пусть Его Величество дает себе отчет в том, что будет, если он эту их просьбу не удовлетворит; они знали, кого они хотят сделать царем, имея в виду господина Никиту Ивановича Романова. Так что было ясно, что должно произойти страшное кровопролитие и что эта смута будет еще ужаснее первой. Но Его Царское Величество, испугавшись, положил конец этому делу, и двенадцатого числа Летнего месяца, в понедельник, за два часа до рассвета Морозов был отправлен в некий монастырь, называвшийся Кирилловым, расположенный в четырнадцати милях за Вологдой, на реке Шексне, в ста милях от Москвы; его сопровождали сто пятьдесят детей боярских, или придворных юнкеров, и сто пятьдесят стрельцов, или Царских телохранителей, и еще сто старшин, или

сотников, которых из простого народа ставят над каждой сотней. И таким образом, это ужасное волнение обрело счастливый, или, точнее сказать (ввиду стольких потерь), несчастливый конец.

Комментарии

¹ Так в оригинале. Волнения в Москве начались 2 июня.

² В оригинале: *Streepse*. Очевидно, автор неправильно понял значение этого слова. Стряпчий — придворный чин в Московской Руси. Стряпчие находились при государе и несли военную и другую службу.

³ Государственным канцлером иностранцы называли дьяка Посольского приказа. Назарий Чистой занимал эту должность с 1647 г. Одновременно он был судьей приказа Новгородской четверти.

⁴ Леонтий Степанович Плещеев возглавлял Земский приказ, ведавший полицейским управлением Москвы.

⁵ Имеется в виду Пушкарский приказ, ведавший оружейным и колокольным литьем и производством оружия в целом.

⁶ Алексей Иванович Воротынский (ум. 1642) был женат на Марии Лукьяновне Стрешневой, сестре царицы Евдокии. Возможно, после смерти А. И. Воротынского Б. И. Морозов хотел жениться на его вдове и таким образом породниться с царской семьей (см.: Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 118—119).

⁷ Имеется в виду Кремль.

⁸ То есть Лобное место на Красной площади.

Приложение 2

Отписки новгородского митрополита Никона царю Алексею Михайловичу о восстании в Новгороде и Пскове

В следственном деле о восстании в Новгороде и Пскове в 1650 г. содержится более двух десятков документов, вышедших из канцелярии митрополита Никона. Большая часть из них до сих пор не опубликована. Ниже приводятся две отписки Никона царю Алексею Михайловичу, которые характеризуют действия митрополита во время восстания. Как видно, Никон пытался использовать свой авторитет архипастыря для уговоров восставших, а также принимал самое непосредственное участие вместе с князем И. Н. Хованским в розыске зачинщиков мятежа.

1

Отписка митрополита Никона царю Алексею Михайловичу
о приезде в мятежный Новгород Якова Соловцова
и о других событиях

После 4 апреля 1650 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии богомолец твои государев новгороцкои Никон митрополит бога молю и челом бью. В нынешнем, государь, во 158 году марта в 26 день по твоему государеву указу прислан в Великий Новгород твои государев дворянин Яков Соловцов с твоею государевою грамотою ко мне богомолцу твоему, а велено по тои твоеи государеве грамоте призвать к соборной апостольской церкви всяких чинов людей, и я, богомолец твои, в соборную церковь марта в 27 день новгородцов всяких чинов людей призывал земских старост и всяких чинов людей и по твоему государеву указу им говорил, чтоб они от дурна престали и тебе б государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии вину свою принесли и воров меж себя сыскали, и околничему твоему государеву и воеводе князь Федору Андреевичу¹ отдали. И старосты, и лутчие о том деле помалчивают, а иные добрые люди всяких чинов живут в хоромех, а воры, которые забыв твое крестное целованье, всякую неправду делают, воруют. И те шумем и говорят: мы де, государь, не виновны и вины де нам государю приносить не в чем. И я, богомолец твои, марта в 29 день в другои ряд призывал и говорил им по твоему государеву то ж, и оне мне, богомолцу, то ж сказали. Да с ним же Яковом послана твоя государева грамота в Великий Новгород ко всяким чинов людям, а велено их собрать и в съезжую избу твоему государеву околничему и воеводе князю Федору Андреевичу Хилкову велено им та твоя государева грамота всяким чином людям честь. И всяких чинов люди, твою государеву грамоту слушав, назвали ее непрямою грамотою, а он, Яков, им, всяким чином людям против твоего государева указу говорил словом, и они ево тех слов не послушали и назвали ево, Якова, чело- веком твоего государева боярина Бориса Ивановича Морозова и взяли к себе в земскую избу², и в земской избе ево расспрашивали о всем и к тем рос- просным речем велели ему Якову и руку приложить. И после роспросу отда- ли ево Якова за пристава Ивашку Жеглову, и был он Яков у него за приста- вом сутки, и от Ивашка Жеглова переведен он был на Александровское под- ворье и был на Александровском подворье за крепкими сторожи, а тово мне, богомолцу твоему, неведомо для чево ево у себя держали. И апреля в 3 день приходил ко мне, богомолцу твоему, земской староста Иван Маслеников с то- varyщи, и я им говорил, чтоб им того Якова отпустить тебе государю к Мос- кве. И апреля в 4 день тот староста Иван с товарищи, поговоря со всякими чинов людьми, того Якова из-за сторожеи выпустил и отпустил к тебе, госуда- рю, к Москве. Да здесь же, государь, апреля в 3 день пришли в Новгород изо Пскова³ псковичи четыре человека, а слух тот есть, что будто сговариваютьца, пришли чтоб стоять заодно, а пишет де им из Великого Новгорода во Псков

советные грамотки Ивашко Жеглов, да и сам де тот Ивашко хвалитца тем. Да здесь же, государь, перед смутою объявились в Великом Новгороде князя Семена Урусова⁴ люди, и ныне в Великом Новгороде живут неведомо зачем, а слух тот в мире есть, что де от них и смута болшая. Да посланы, государь, из Великого Новгорода к тебе, государю, челобитчики бить челом тебе, государю, на меня, богомолца твоего, а слух тот есть, что де им Ивашко Жеглов наказывал, чтоб им не объявится нигде преже, но объявитца на Москве на Земском дворе, и смугил такоже б. Да и про то мне, богомолцу твоему, ведомо, что князь Федора Федоровича Волхонского⁵ во Пскове били и будет ли жив или нет тово мне, богомолцу твоему, неведомо, а гонца, которой пригонял от тебя, государя, с Москвы во Псков Богдана Арцыбашева потом же били.

На обороте (Л. 288 об.): Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всяя Росии.

(РГАДА. Ф. 96. 1650 г. Стб. 3. Л. 287—290)

2

Отписка митрополита Никона и князя Ивана Хованского
царю Алексею Михайловичу о результатах розыска
по новгородскому делу

22 мая 1650 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии богомолец твои преосвященнии Никон митрополит Новгородский и Великолуцкий бога молит да холоп твои Ивашко Хованской челом быют. Писал я, холоп твои Ивашко, к тебе, государю, что прислана ко мне, холопу твоему, твоя государева грамота: которых я, холоп твои, воров и заводчиков, сыскав, велел переписать, а иных всяких чинов люди отдали мне, холопу твоему, и тех воров и заводчиков посадить в тюрьму до твоего государева указа. И апреля, государь, с 24 числа мая по 7 число с всех воров и заводчиков, Ивашка Жеглова с товарищи семи человек, сыскали тридцать человек во всяких розных воровствах, и на которых люди дали всяких чинов люди во всяких же воровствах роспись, и тех людей сто девяносто пять человек и даны были на поруки, потому что сажать было их в тюрьму негде, а иные многие люди объявились в малых винах. И по твоему государеву указу и по грамоте хотел я, холоп твои, тех всех людей *утрем*⁶ посадить их в тюрьму. И мая, государь, в 14 день приходили обоих приказов пятидесятники, и десятники, и рядовые стрелцы з женами и з детми к соборной церкви к Софеи премудрости божии ко мне, твоему государеву богомолцу, и били челом, чтоб ты, государь, их пожаловал, не велел тех стрелцов, которые за их поруками в тюрьму сажать, а дати бы им наказание, хто какому наказанью по своей вине достоин, а если де тех всех людей посадить в тюрьму, и оне де и те винные чают смерти да казни. А указано де им быти на твоей государевой службе подо Псковым, и услышат псковичи, что в Новгороде многие люди посажены в тюрьму, и псковичи чают того же, что поса-

жены те повинные люди на смерть, и в том де твоему государеву делу будет порука, и чтоб ты, государь, их пожаловал, велел винным людям учинить наказанье или бы им быти на поруках до твоего государева указа покамест псковское дело зделаетца. А в твоеи государеве грамоте писано ко мне, холопу твоему Ивашку, что велено мне, холопу твоему, во всяких твоих государевых делах советовать с твоим государевым богомолцом с Никоном митрополитом. И маия, государь, в 13 день, поговоря, мы, я, богомолец Никон митрополит, и я, холоп твои Ивашко, слыша от всяких чинов людии такуюю речь, что многих людии посадять в тюрьму и чают того, что будет им смертная казнь, и чтоб в том псковскому делу поруки не было и нам бы, мне, богомолцу твоему, и мне, холопу твоему, разобрать тех воров в малых винах — быти им на поруках, а иных посадати в тюрьму, покамест псковское дело зделаетца, которые в самых в малых винах собрать их всех на порозжеи на Семенов двор Стоянова⁷, где жил Игнашко Моложников, и взять по них крепкие поруки и приказать их дворяном и детем боярским велеть их беречи на том же дворе накрепко. А которые, государь, в болших и в средних винах объявились воры и заводчики Ивашко Жеглов с товарищи, и тех воров и заводчиков велели посадить в крепкие тюрьмы.

На обороте (Л. 547 об.): Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси 158 мая в 22 день с новоторжцом с Микитою Чеванским.

(РГАДА. Ф. 96. 1650 г. Стб. 3. Л. 547—549)

Комментарии

¹ Хилков Федор Андреевич (ум. ок. 1657) — боярин, в 1649—1650 гг. новгородский воевода (Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. Фабер — Цявловский. С. 327).

² Земская изба — выборный орган местного самоуправления, появившийся в результате земской реформы Ивана Грозного. Земскую избу возглавлял земский староста.

³ Восстание в Пскове началось 28 февраля 1650 г.

⁴ Урусов Семен Андреевич (ум. ок. 1656) — кравчий, с 1655 г. боярин, в 1646—1647 гг. новгородский воевода. Во время пребывания в Новгороде был обвинен местными дворянами в плохом обращении и превышении власти (см.: *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia 1613—1689. Princeton, 1983. P. 51, 191*).

⁵ Волконский Федор Федорович (ум. 1665) — окольничий, с декабря 1650 г. боярин. В марте 1650 г. был послан из Москвы в Псков с царским наказом для проведения розыска, однако был схвачен восставшими псковичами и оказался под арестом (см.: *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. P. 184; Тихамиров М. Н. Псковское восстание 1650 года. М.; Л., 1935. С. 59—66*).

⁶ Слово, выделенное курсивом, написано неразборчиво. Очевидно, в конце этой фразы допущена стилистическая ошибка.

⁷ Стоянов Семен — видный представитель новгородской купеческой фамилии XVII в., вел обширную торговлю, в том числе с заграницей (см.: *Варенцов В. А., Коваленко Г. М. Хроника бунташного века. Л., 1991. С. 65).*

Приложение 3

Отписки новгородского митрополита Никона и князя И. Н. Хованского царю Алексею Михайловичу во время похода в Соловецкий монастырь за мощами святого митрополита Филиппа

Весной 1652 г. Никон отправился в путешествие из Москвы в Соловецкий монастырь за вновь обретенными мощами московского митрополита Филиппа. В пути его сопровождали князь И. Н. Хованский и внушительная свита. Обстоятельства этого похода известны из переписки Никона с царем Алексеем Михайловичем и официальных грамот, вышедших из приказной канцелярии. Подлинники этих документов хранятся в фонде Российских духовных дел Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. № 20). Этим делом пользовался П. Николаевский в конце XIX в., написавший специальную статью о путешествии Никона на Соловки, а также С. М. Соловьев (см.: *Николаевский П. Путешествие новгородского митрополита Филиппа в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа // Христианское чтение. 1885. Март — Апрель; Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн. 5. С. 496—502.*) По всей видимости, впоследствии большая часть этих документов была утрачена. Сегодня восстановить подлинные источники можно по копии начала XVIII в. из собрания рукописей графа Ф. А. Толстого, хранящегося в Российской национальной библиотеке (рукопись Ф. I. 337). Ниже приводятся наиболее яркие отписки Никона царю Алексею Михайловичу. Почти все они публикуются впервые. П. Николаевский в своей статье приводит роспись с указанием, какими реками и озерами ехать от устья Онеги до Дмитрова (С. 306—307), а также отписку о кораблекрушении на Белом море (С. 320—322). Все отписки датируются не позднее 9 июля 1652 г., временем возвращения Никона в Москву.

1

После 14 марта 1652 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси твои государев богомолец Новгородцкой Никон митрополит Бога молю и челом

бью. В нынешнем, государь, во 160-м году марта в 14 день на вторые недели великого поста в неделю ехал я, богомолец твои, к городу Ростову озером, и как я, богомолец твои, буду блиско города против посаду, и на озере лежит человек на дороге мертвой, неведомо зарезан или убит, а того мертвеца ядят собаки, утробу выели и лице объеде, но я, богомолец твои, видя такое дело странное и непомилованное никем, из города Ростова священников и посацких людей роспрашивал, для чего он повержен псам на снадение. И священники и посадские люди сказали, что тот умершеи убит на сырной недели нынешняго 160 году в пяток, а не погребли, бояс губного Ивана Шамшина продажи, потому что он, Иван, грозил хто де ево возмет, и я де на том и за кости возьму деньги. И я, богомолец твои, того умершаго велел взять и похоронить у церкви у Рожества пречистей богородицы на горицах. И, сведав, губной Иван Шамшев, что я, богомолец твои, велел того умершаго взять и погресть, и тот губной тех людей, которым я велел умершево погresti и с мертвым велел к съезжей избе пред себя привести к роспросу и за твоею государевою великою милостию меня, богомольца твоего, ни во что поставил. А до моего приезду многое было время, и он его з дороги не взял и не осматривал для своей бездельной корысти. А мимо, государь, города Ростова всякие странные розных земель люди ездят, и то в зазор ставят, что собаками мертвых травят, и тебе б, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси про то было ж ведомо.

Послана ся отписка к Москве ко государю из Ерославля монастырского приказу с подьячим с Кирилом.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 6—6 об.)

2

После 27 марта 1652 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси богомолец твои государев Никон митрополит Новгородский и Великолуцкий Бога молю и челом бью. По твоему государеву указу велено мне, богомольцу твоему ехать в Соловецкой монастырь, и, приехав, взяв из Соловецкаго монастыря мощи святого Филиппа митрополита, ехать к тебе, ко государю, к Москве, а дорогою, государь, велено с мощми святого Филиппа митрополита ехать из Соловецкаго монастыря морем к Архангельскому городу, а от Архангельскаго города на Устюг да на Тотьму, да на Вологду водяным путем, а с Вологды до Москвы сухим путем, а как нести или вести мощи святого митрополита Филиппа, и то ты, государь, положишь на меня, богомольца своего, чтоб мощи святого митрополита Филиппа везучи сухим путем не повредить; и только, государь, чудотворцы мощи сухим путем от Вологды до Москвы вести в санях или нести людьми, и вести лошадей на носилах; и чудотворцовых, государь, мощей от такова дальнево пути никоими мерами от поврежения уберечи будет не мочно. Путь нужной, во многих местех грязи великие и речки топкие. И я, богомолец твои, едучи дорогою, и на Вологде спрашивал тех людей, которые бывали на

Соловках, есть ли с Соловков до Москвы водяной путь, чтоб к московскому государству приехать водою ближе Вологды, и в допросе, государь, мне, богомолцу твоему, многие люди сказывали, что от Соловецкаго монастыря до Москвы путь водяной есть опричь того, что ездят на Архангельской город, и на Устюг, и на Тотьму, и на Вологду, а ехать, государь, из Соловецкаго монастыря морем в Онегу реку да на Каргополь, а от Каргополя Лач озером, а из Лача озера рекою Свидью, а из Свиدي реки Воже озеро, а из Воже озера до пристани до Короткова, а от Короткова волоку тритцетъ верст, а с волоку в реку Ухтому, а рекою Ухтомовою версты з две до Бела озера, а из Бела озера рекою Шексною до Волги, а Волгою до Углича, а от Углича Дубною, а из Дубны Яхромою до Дмитрова, а всего, государь, тою дорогою от устья, где Онега река пала в море до Дмитрова водяным путем будет восьмьсот тритцетъ верст, да волоку тритцетъ верст, да от Дмитрова до Москвы сухим путем шездесят верст, и обоего девятьсот дватцать верст. А как, государь, ехать с Соловков на Архангельской город, и тот, государь, путь будет дале: от Соловков морем до Архангельскаго города пятьсот верст, а от Архангельскаго города вверх Двиною и Сухоною, и рекою Вологдою до Вологды тысеча верст, с Вологды до Москвы сухим путем пятьсот верст и всего морем и реками и сухим путем две тысени верст. И только ты, государь, укажешь с Соловков с мощми святаго Филиппа митрополита ехать из Соловецкаго монастыря морем в Онегу реку и иными реками и озеры от моря, государь, и до Москвы все водяной путь, только будет волоку тритцетъ верст, да от Дмитрова до Москвы шестьдесят верст, и на тех верстах чудотворцовы мощи нести людьми на носилах и от повреждения в таком малом пути уберець мочно, а сколько, государь, тем путем от моря реками и озеры верст порознь и тому я, богомолец твой, послал к тебе ко государю роспись под сею отпискою. И будет, государь, с чудотворцовыми мощми ехать мне, богомолцу твоему, и з моря Онегою рекою, и о том твоего государева указу в Каргополь и в ыные города о судах и о гребцах не послано, чтоб мне, богомолцу твоему, и твоему государеву боярину князю Ивану Никитичу Хованскому и дьяку Гаврилу Левонтьеву, и черным влаstem, и дворяном, и московским стрельцом, которые с нами посланы с Москвы мотчанья не учинилось. И в том о всем мне, богомолцу своему, вели свои государев указ учинить.

Список с росписи слово в слово, которыми реками и озеры ехать от устья реки Онеги до Дмитрова.

От Соловецкаго монастыря морем до Онескова устья на доброй погоде ходу день,

от устья вверх рекою Онегою до Каргополя 270 верст,
от Каргополя Лач озером 30 верст,
рекою Свидью 40 верст,
Воже озером 40 верст,
из Вожа озера рекою до Короткова 30 верст,
от Короткова до Бела озера волоку сухим путем 30 верст,
Белым озером 10 верст,
из Бела озера вниз Шексною до Волги 300 верст,
Волгою вверх до Углича 60 верст,

от Углича Дубною рекою и Яхромою до Дмитрова 50 верст,
от Дмитрова до Москвы 60 верст,
и всего от устья реки Онеги водяным путем 830 верст да сухим путем
90 верст, и обоего 920 верст.

И те отписки посланы ко государю к Москве с московским стрельцом
с Петрушкою Хломовым.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 7—8 об.)

3

После 27 марта 1652 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии богомолец твои, государев, Никон митрополит Новгородцкии и Великолуцкии Бога молю и челом бью. В нынешнем, государь, во 160 году марта в 27 день, приехав на Вологду, приходил ко мне, богомольцу твоему, Роман Неплюев и сказывал, что он по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу послан на Новую землю для сыску серебряные руды, и я, богомолец твои, слыша от него, Романа, о таком великом деле, твое царское взыскание о твоём царском многолетном здравии соборне и келеине Бога молю, чтоб всякого добра датель Господь тебе, великому государю, в пространство твоего преславнаго царствия дал то великое дело совершенно видеть. А в прошлых, государь, годех, как я, богомолец твои, был игуменом в Кожеозерском монастыре, и будучи, государь, в том монастыре слышел от старцов, которые в Кожеозерском монастыре живут, пострижены лет по пятидесят и штидесят и больши: есть де, государь, в Каргопольском уезде меж волостки Шуики и меж волостки Куш реки от моря сухим путем в гору верст з дватцать зовома гора Золотуха; и в тои де, государь, горе наперед сего блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии делано золото. А зделано де, государь, тово золота было фунтов здесять и больши, а делали то золото из руды немцы, а копали тое руду из горы Золотухи сошные люди, а сошных де людей от тово места, где делана золотая руда збирали в Каргопольском уезде верст за сто, и за двесте, и за триста, и больши. И зделаны, государь, были под тою золотою горою заводы болшие, острожок, и анбары, и избы многие, и дров было изготовлено, и в те анбары и руда кладена. И как де, государь, от прикащиков, которые были у золотого дела сошным людям почала большая налога и продажа, и те де сошные люди били челом от тои их налоги блаженные памяти великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии. И по ево де, государь, царского величества указу велено про то сыскать и тое золотые руды досмотреть и сметить, будет ли в тои золотой руде впредь прибыль. А послан де, государь, был для сыску и досмотру тово золотого дела дворянин за крестным целованьем, а хто имянем тово я, богомолец твои, не упомяну. И тот де дворянин приехал на устье Онеги реки, стал не доезжая золотые горы верст за шестьдесят и болши, учал збирать с сох

даточных людей, которыми людьми ему та золотая руда делать. И сошные де, государь, люди, видя то, что им от тое золотые руды чинитца налога великая, а как де то золотое дело учнут делать впредь болшим заводом, и им де будет от тое золотые руды, збирая с сох даточных людей, в конец погибнуть, и, покинув дома свои, разбрестися, били челом тому дворянину, чтоб он, осмотря гору Золотуху, и в ней золотую руду, приехав к Москве сказал, что в тои золотой руде в деле за всякими расходы прибыли не будет и давали ему от того поминки большие, и тот дворянин им дал свое слово на том, что он по их прошенью им то дело сделает, быв у тое золотые руды мастеров немец сведет и деловцов, которые иманы с сох, распустить. И сошные де, государь, люди по договору тому дворянину поминки дав, чтоб им в даточных людех у золотого дела от прикащиков впредь продажи не было, и дворянин де, государь, взяв у них те поминки, к золотой горе ездил и досмотря того золотого дела немец, которые золото делали, свел и деловцов распустил, и приехав, государь, к Москве, крестное целованье преступил, а сказал, что в тои золотой руде впредь прибыли не будет, а с тех де, государь, мест тое золотую руду по скаске тово дворянина делать престали, да и потому де, государь, то золотое дело в забвении стало. Блаженные памяти великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси после тово вскоре оставя земное царство преселился в вечные обители, а после те, государь, тово стояло Смутное время многие годы, а тот де острожок и избы, и анбары, и всякой завод ныне знают и останок еще есть, и старожилов еще мочно сыскать. А как, государь, мне богомольцу твоему ехать будет ныне с мощми святого чудотворца Филиппа митрополита с Соловков рекою Онегою, а приехав на устье онежское под порог пока места из судов перекладыватца и порог поднимаячи будет дни с три и с четыре мешкать, а та, государь, золотая гора, ис которой делано бывало золото будет от устья реки Онеги верст за шестьдесят, и мне, государь, богомольцу твоему до тое золотые горы, где преж сего делано золото, будет ты, государь, на то изволиш послати, и тое горы и заводу старых, где было копана золотая руда на перед досмотрети послать для подлинново ведома мочно, и чем золотая руда отведасть мастера сурмы, и виннова камени, и селитры, и что к тому золотому делу годно вели, государь, ко мне богомольцу своему свои государев указ учинити.

Ся отписка послана ко государю к Москве с нарочным гонцом с московским стрельцом приказу Леонтия Романова Озарьева с Михалком Яковлевым с новгородцом, и память ему дана о подводе к прикащику к Давыду Каменеву.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 10—11 об.)

4

После 22 мая 1652 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси богомолец твои, государев, Новгородцкои Никон митрополит да холоп твои Ивашко Хованскои челом бьют. В нынешнем, государь, во 160 году по твоему

государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу посланы мы в Соловецкой монастырь по мощи иже во святых отца нашего Филиппа митрополита Московскаго и всеа Руси, и с Москвы, государь, до моря Божиею милостию доехали дал Бог здорово. И мая в 14 день, пев молебн, в твоем, государеве, богомолки со слезами иже во святых отца нашего Николы чудотворца в Корельском монастыре, отпустились в 3-м часу ночи, и доплывше от Соловков за восемьдесят верст добрым и тихим плаванием безбедно, и мая ж в 15 день в четвертом часу ночи учал быть ветер в море противен, именуемым глубник, и толико сила его велика, не на море точию трус творяше на горах, и храмы основания разорити, и древа искоренити, нам же в море на якорех стоящим до дни 16 числа в исход третьяго часа дни, и от многия буря и от великих волн не возмогли якоря удержати, парусы издрало, и шеймы исперервало, и якоря изломало, и бывше вси в великой беде носими по морским волнам, аки по горам великим, и от шуму и возношения волн вси во отчаяние себе вложиша и в болезнь лету впадше, яко ни себе кому памятовати. И меня, богомолца твоего, ушибло и залило волна — в кормовом чулане одва ожил, а лодью кинуло в Пудожское устье, а меня, холопа твоего, Ивашка, лодью выкинуло на устье Николы чудотворца Корельского монастыря, а другую мою, богомолца твоего, лодью с приказными людьми и з запасы, и мою, холопа твоего, з запасом и с людьми и дворян Ивана Заецова с товарищи, и головы стрелецкаго Остафья Зыбина, и сотника Якова Ковезина с стрельцами, и городовых стрелцов лодьи выметало на берег меж пудожским и корельским устьем. И те лодьи о берег розбило, а другую дворянскую лодью выкинуло на летней стороне от Корельскаго устья сорок верст, а властей, и протопопа, и ключаря выкинуло лодью от тоя лодьи верст з десять на берег же, и те лодьи тож розбило, только люди всех тех лодей здоровы, а дьяка Гаврила Леонтьева и Ивана Пустынникова по 22 день вести нет. А посылали проводывать по всему летнему берегу, где надеялися вымету, и проведать не могли, а чаем, что впрям потонул, да с ним же, дьяком, твоя государева и казна была, что была милостыня давать братья тысяча рублей, а гонца для того к тебе, государь, вскоре не отпустили, едва от морскаго страху и трепета в себе пришли, да и для того, что посылали про дьяка Гаврила Леонтьева да про Ивана Пустынникова впрям проводывать и проведать не могли, а собратце с людьми вместо и по се число не можем, а как соберемся, и мы, милости у Бога прося, хощем на море отпустится.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 15—16)

5

После 11 июня 1652 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии богомолец твой, государев, Новгородцкой Никон митрополит да холоп твои Ивашко Хованской челом бьем. В нынешнем, государь, во 160-м году по твои, госу-

дарь, благонадежной вере, яже ко господу Богу и к великому угоднику Божию святому Филиппу, митрополиту московскому и всеа Руси чудотворцу после своих великих морских страстей сподобився во обитель всемилостиваго Спаса в твое государево богомолье в Соловецкой монастырь во благополучной тишине доплыли июня в 3 день, и, приехав, вшед в соборную церковь всемилостиваго Спаса, о милости Божии и о твоем государеве многолетнем здравии прилежное моление сотворивши, и по отпусе твое государево цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси благоволение архимандриту, и священником, и братии сицевым я, богомолец твой, словом сказал: в мимошедшая лета во царство блаженные памяти царя государя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Руси в царствующем и преименитом граде Москве во благопородной монастыре всех благих во святей соборной и апостольстей церкви пресвятая чистая и преблагословенная владычицы наша Богородицы и присно девы Марии честнаго и славнаго ея Успения по божию смотрению правящу словесных овец паствыство преосвященному Филиппу митрополиту, но по ненависти и обаяния неправедных мужей, и тому, якоже писание в житии того поведает, смутися, яко человек ненавидением неправедным, и возненавиде его царь, и вмени наказание его неправедно, и житие того безчестно и смертью безобразною осуди его. Ныне же великий государь царь великий князь Алексеи Михайлович всеа Руси, по премногу своего благочестия и веры, яже ко Христу Богу и ко святым его и, увидев, яже о святем преосвященнем Филиппе митрополите, яко правды ради изгнан и пострада, и сего ради вменися в сыно Божиих и во святых жребии его есть и, помыслив благою мыслию своею благоверною царицею и великою княгинею Мариею Ильиничною, известивше ж тои свои благии совет отцу своему великому господину святейшему Иосифу патриарху московскому и всеа Руси о святем Филиппе митрополите, чтобы честныя его мощи возвратити в царствующий град Москву, в дом пресвятая Богородицы на перьво престольство его и на сохранение царствующаго града Москвы, второе ж, яко да прадеда своего государева царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа Руси пришествия ради греси разрешатся, яже к тому согреши и написа молебныя таже послания по святому Филиппу митрополиту с собоюносяще, и послана в свое государево богомолье во святую сию обитель, и велел нам, богомольцом своим, купно с вами о том молити Христа Бога и святаго отца Филиппа, чтоб Господь Бог благоволил и святыи Филипп митрополит изволил в царствующий град Москву на перьво престольство своего святительства в дом пресвятая Богородицы святаго ея Успения приити. Архимарит же, и священницы, и братья волю твою святую похваливше, по сем же и твое государево цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси молебное послание и святейшаго Иосифа, патриарха московскаго и всеа Руси, положил святому Филиппу митрополиту в раку на святые его и честныя перси и по сем, моливше Бога со всею силой стоянием и с воздержанием всяким, по три дни вси единокупно, чтоб Господь Бог желание ваше государево исполнил, и святыи Филипп митрополит во царствующий град Москву приити изволил. По триех же днях, певше всею силой святому духу купно со святым Филиппом митрополитом, и перед святою литургиею моле-

бен пев и воду святив, святую литургиею служили; и по отпусе святыя литургии я, богомолец твой, став на месте, призвав архимандрита, и священниц, и братью на слушанье твоих государевых царевых и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси послания и великаго господина святейшаго Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Руси ко святому Филиппу митрополиту, и егда услыша мя, чтуща вси предстоящий, во умилении быша, и бысть плачь и рыдание велико от всех предстоящих, яко ни мне чести могушу от плача нами, убо плачем и молим, яко да изволит отоити во царствующи град Москву с миром. Архимандриту же и братии о разлучении таковаго великаго святильника и тако, плачущим на мног час, не могуще утишитись от слез, и едва в себе пришедше та ж архимандрит и братья молением начат просити на благословение себе от святых мощей часть, и егда я, богомолец твой, мало укрывше, начат имати часть от святых мощей, тогда обоня воня благоухание от святых мощей святаго Филиппа не мало, и мнози того благоухания сподобилися слышати предстоящий ту; таже взявше раку со святыми мощми с подобною честию поставивши на уготованный одр и покрывше покровы твоими, нами носимыми, и понесше из церкви честно со псалмы и песньми духовными, со свечи и с кандилы к лодии з звоном, мнози ж путем от плача и слез изнемогши, яко ни путем ити могуще или, видяще где, но валяюще семо и овамо, яко обьюродивше ови от радости, ови же от жалости и со гласом рыдающе, во истинну жалости тоя бытия подробну словом сказати не мощно; мним же, яко и самому тому солнцу с воздуху в то время светитися лучше, и паче обычая времени осветивше с принесением честных мощей, и, мало утишився и возвратившись в монастырь, мы и, благодаривше Бога и пречистую его мать святую богородицу и святаго Филиппа митрополита и братию доволне на трапезе пищею учредивше, и твое государево жалование милостыню раздавше, и того же дни к вечеру в последнем часу от монастыря за пять верст отплывше в пристанище, нарицаемое Заецкое, и ту стояли два дни. Июня в 10 день в первом часу из Заецкова острова отпустились на море в Онегу реку и плыли сутки, и июня в 11 день в 3 час в Онежское устье за молитв святаго Филиппа митрополита Бог донес велми благополучно всех здорово.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 17 об.—19)

6

Между 11 и 20 июня 1652 г.

Божия смотрения строителю и святых его заповедей непреложному хранителю и всех добрых всяколюбителю великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси не точию сему, но иде ж благоверия во Христа концы достигают, по того благоволению самодержца и благоверной христоролюбивой государыне царице и великой княгине Марьи Ильичне, и благоверным государыням царевнам богомолец ваш, смиренныи Никон митрополит, Бога молю. О еже умножити лет живота вашего и избавити от всякия скорби, гнева и нужды, от всякия болезни душевныя и телесныя,

и простите вам всяко согрешение волное и невольное, и даровал бы вам Господь под наше желание ваше доброе благоволить, а яз, грешный богомолец ваш, слыша про ваше государево здравие, вельми о сем Бога благодарю и поклоняюся ему, яко здравие ваше хранит, и со святыми ангелы и яз воспою, якоже пишет слава в вышних Богу и на земли мир в человецех благоволение, еже есть слава в вышних Богу, давшему тебе благоразумное смирение. А я же о твои, света нашего государя, благодати ко мне, смиренному, моя уместившая простота и разумная скупость противу твои благодати ответа их же и достойно ти есть воздати не может, разве сего егда узрю святое твое благородие по образу блудницы, иже слезами умы нозе Иисусу. Да ты ж, государь наш свет, писал, что всемирнаго отца нашего святейшаго Иосифа патриарха не стало, и изволил его Бог от здешних на велеlepнейшая благая и нетленная преселити, иде ж жизнь бес конца есть; аз же вельми содрогнухся, еда како не пришед поразить и мене Господь внезапно та ж уведев, и о кончине исхода. И яко ж верует святое твое благородие воистинну не солгав, истину о себе скажу: бежати ми было сотвори, аще великим таков исход не милостивен, а аз, грешный, где явлюся, и аще не бы святыи Филипп митрополит явлением своим утвердил. В то ж время, мало ми воздремавшу, и се вижу святаго отца Филиппа митрополита по обычаю в раки лежаща и, открыв сам покров на нем, лежащий вельми светло, святое лице его явися, таков образом, яко пишется на иконе, и восклоняся, яко сести хотя, и глаголя ми: мир те, брате, и паки возлеже, и паки восклоняся, и сяде прямо, и глаголя ми: мир те, брате, и не отходи от мене. Аз же, мняся, стоя и не смея приблизитися, глаголя: прости мя, владыко святыи, яко за многая своя согрешения к твои святыни приблизитися не смею. Он же глаголя ми: прииде и паки возлеже. Аз же, возбнув, страшен велми быв и от того времени надеяся впредь на твое благородие, яко да и по милости твои исполнит Господь желание прошения моего, а яж о святей соборной и апостальстей церкви пресвятыи Богородицы святаго ея Успения, что вдовствует всяко имеет Бог и о малых смотрение свое, колико паче о святей велицей соборней церкви святой свои промысл показати иматъ и добраго нам, словесным его овцам, пастыря дати могущаго изводити честное от недостойнаго, и его ж, твое благородие, на знамени мню, и аз сего быти, аще и мною не знаем есть, обаче от Бога назнаменован, яко богочецъ есть, а еж без пастыря быти надолзе стаду Христову многая беда от волкъ есть душетленных. А что мене ради смиреннаго такому делу мотчание есть не буди, то аз со святым вашим благоволением единомыслен есмь, о нем же Бог благоволит, и ты, великий государь царь и великий князь Алексеи Михайлович всеа Руси, и твои государевы богомолцы наша братья, и я, смиренный, також де, а мне, богомолцу твоему, еще немало время чаю в пути промешкаетца, а о брате нашем, паче же о отце преосвященном Афонии митрополите велми добро твое благоволение. Аз и брат мои единое, а савинское дело я чол и, будучи в Савинском монастыре, я, богомолец твои, казначея того тебе, государю, не хвалил, а грамоту твою, государеву, что вместе з боярином по указу твоему государеву чол, и статейной список чол, и чутуи его все плакал со удивлением многим, како

сотворилося, то смотрение Божие и твою государеву премногую любовь, и по смерти отцу нашему по премногу благодарю и покланяюсь твоим щедротам, яко Богу и царю ныне, и во вся дни живота своего. Писано, отъехав от моря рекою Онегою семьдесят верст, в Турчасове лета 7160-го июня в день.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 25 об.—26 об.)

7

После 23 июня 1652 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии богомолец твой, государев, Новгородцкой Никон митрополит да холоп твой Ивашко Хованской челом бьют. В нынешнем, государь, во 160-м году по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велено мне, богомольцу твоему, ехати в Соловецкой монастырь. И, прося у Бога милости, с подобною честию, взяв мощи святого Филиппа митрополита, ехати к тебе, государю, к Москве с моря Онегою рекою, и я, богомолец твой, с мощми святого Филиппа поехал от моря рекою Онегою июня в 11 день и приехал в Каргополь июня в 20 день на первом часу ночи, и ис Каргополя игумены с братьею, и священники, и дьяконы со всем церковным причетом, и все православные христиане мужи, и з жены, и с сущими младенцы встретили мощи святого Филиппа митрополита з большую честию со кресты и со иконы, и со свещи, и с кандилы от города за версту, и мощи святого Филиппа митрополита ис судна перенесли и поставили в соборной церкви Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и в то время я, богомолец твой, в соборной церкви молебен соборне пел и за твое государево цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, и государыни царицы и великие княгини Марьи Ильиничны, и государынь царевен многолетное здоровье Бога молим, и назавтрея, июня в 21 день, божественную литоргию служил, и того ж дни я, богомолец твой, с мощми святого Филиппа митрополита поехал ис Каргополя в 9-м часу дни и приехал я, богомолец твой, с мощми святого Филиппа митрополита на волок на Коротков июня же в 23 день в 6 часу дни. И того часа я, богомолец твой, с мощми святого Филиппа митрополита поехал сухим путем на Кирилов монастырь, а ис Кирилова монастыря ехати мне, богомольцу твоему, реками Шексною, и Волгою, и Дубною на Дмитров, а отъехали с мощми святого Филиппа митрополита от Каргополя по сю сторону полтора ста верст.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 19 об.—20)

8

После 30 июня 1652 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии богомолец твой, государев, Новгородцкой Никон митрополит да холоп твой

Ивашко Хованской челом бьем. В нынешнем, государь, во 160-м году по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу в^{ше}лено мне, твоему государеву богомольцу, и мне, холопу твоему, ехати в Соловецкой монастырь. И, прося у Бога милости, с подобною честию, взяв мощи святого Филиппа митрополита, ехати с мощми из Соловецкого монастыря морем до Онежскаго устья, а с Онежскаго устья рекою Онегою на Каргополь, а ис Каргополя реками ж и озерами на волок на Коротков, а с Коротково вниз Шексною рекою, а из Шексны реки Волгою и Дубною и Яхромою реками до Дмитрова, а з Дмитрова к тебе, государь, сухим путем к Москве. И мы с мощми святого Филиппа митрополита с волоку Коротково приехали Кирилова монастыря в деревню на взвоз, где на Шексны реки суды стоят июня в 25 день в 14 часу дни, и, поставя мощи святого Филиппа митрополита в судно, поехал я, твои государев богомолец, и я, холоп твой, вниз Шексною рекою того ж дни в последнем часу и приехал с мощми святого Филиппа митрополита на усть Шексны реки в твое государево село дворцовое на Рыбное июня в 29 день в 15-м часу дни, и того ж, государь, дни и часа по скаске твоих государевых дворцовых крестьян того Рыбнаго села и иных приезжих людей углечан, что в верх Волгою рекою до Углеча и до Колязина монастыря, и ис Колязина монастыря и иными реками с того твоего государева дворцового Рыбного села с усть Шексны реки с мощми святого Филиппа митрополита мне, твоему государеву богомольцу, и мне, холопу твоему, и мелкими судами некоторыми обычеи проити нельзе для того, что в Волге реке мели болшие и пересыпи через Волгу частые во многих де местех и в колено воды нет через Волгу, и на таких де местех и в малых одnodеревых лодках, в которых ездить человек по десяти и в тех де без брожения не проходят, и за многие де лета толь мелка вода не бывала, а се на Рыбной и судов никаких и людей про наш приезд не готовлено. И я, твои государев богомолец, с мощми святого Филиппа митрополита в верх Волги реки по скаске твоих государевых крестьян Рыбного села и иных всяких чинов многих людей для мели и пересыпей не поехал, а поехали с мощми святого Филиппа митрополита в тех же судах, в которых ехали Шексною рекою вниз Волгою рекою на Ерославль и приехали в Ярославль с мощми святого Филиппа митрополита июня в 30 день. А как мы, государь, из судов на подводы складемся и совсем соберемся, и мы тот час к тебе, государю, к Москве поедем.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 20—21)

9

После 6 июля 1652 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси богомолец твой, государев, Новгородцкой Никон митрополит да холоп твой Ивашко Хованской челом бьют. В нынешнем, государь, во 160 году по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу

велено мне, богомолцу твоему, и мне, холопу твоему, прося у Бога милости с подобною честью, взяв мощи святого Филиппа митрополита, ехать из Соловецкаго монастыря к тебе, государю, к Москве. И я, богомолец твой, да я, холоп твой, с мощми святого Филиппа митрополита приехали в Переславль Залеской июля в 6 день, а как мы на подводы складемся и совсем соберемся, и мы с чудотворцовыми мощми святого Филиппа митрополита тот час поедем к тебе, государю, к Москве.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 21—21 об.)

10

Около 9 июля 1652 г.

По Божию смотрению во избранных паче иных верховном во царех царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси многонаказанный от Бога за грехи в мирских бедах богомолец твой, смиренный Никон митрополит, Бога молю и вместо дароношения с подобным поклонением честному твоему царствию доброе извещение, яже о святом священномученице и исповеднице преосвященном Филиппе митрополите, яко благодатию Божиею и того благоволением есть ныне в царском твоём дворе, в селе Здвиженском, под подвижным твоим кровом, еже есть в шатре, а в деревянные церкви земного народного собрание и неискусное свещ поставление вносить не смеем, чтоб святому великому делу поруки какие ни было. А что в Троицком монастыре быв прошли по твоему государеву указу, так и шли, что в наказе о том не написано, и от тебя, великого государя, вновь указу никакова не бывало. А июня в 3 день я, богомолец твой, ждал от тебя, государя, не доезжая до Троицкаго монастыря за семь верст, чая твоего государева указу, и июня в 4 день до 3 часа дни на том же стану дожидался и твоего государева указу никакова ко мне, богомолцу твоему не бывало. И я, богомолец твой, дошед в твое государево богомолье, в Троицкой монастырь, и о вашем государе многолетном здравии соборне молебен пел и божественную литургию служил, и после обеда по прежней твоей государеве грамоте, какова прислана ко мне, богомолцу твоему, с сотником с стрельским, что велено ехать к тебе, государю, к Москве со всяким спехом. И я, богомолец твой, по тому твоему государеву указу с мощми святого Филиппа митрополита из Троицкого монастыря к тебе, государю, к Москве поехал, и, отъехав от Троицкаго монастыря шесть верст, и встретил твой, государев, спалник Алексей Богданович, а сказал: велено мне, твоему государеву богомолцу, с мощми святого священномученика и исповедника Филиппа митрополита твоего государева указу дожидатца в Троицком монастыре, и я, богомолец твой, твоего государева указу дожидаюсь в твоем государеве селе в Здвиженском.

(РНБ. Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 21 об.—22)

Приложение 4

Донесения шведского резидента Иоганна де Родеса о состоянии дел в Московском государстве

Шведский резидент Иоганн де Родес с 1650 по 1655 год находился в России и выполнял различные дипломатические и коммерческие поручения шведского правительства. Его донесения из Москвы представляют собой ценный исторический источник. (Обзор донесений И. де Родеса см: *Rauch G. von. Moskau und der Westen im Spiegel der schwedischen diplomatischen Berichte der Jahre 1651–1655 // Studien über das verhältnis Russlands zu Europa. Darmstadt, 1964. S. 23–67.*) Подлинники писем Родеса в настоящее время хранятся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме (RA. Muscovitica. Vol. 600). Ниже приводятся три донесения Родеса королю Карлу X о состоянии дел в Московском государстве и военных действиях русской армии против Польши. Перевод с немецкого Н. А. Бондарко и Г. В. Селезнева.

1

15 ноября 1654 г.

Светлейший, Великодержавный Король¹
Милостивейший Государь,

После моего последнего письма из Смоленска пришло достоверное сообщение, что 16 августа был предпринят мощный штурм, который был, однако, отбит; свыше 5000 человек было ранено и убито. Не осмотревшись, нападавшие уже были с восемью небольшими флагами на стене, но в том месте осажденные как раз взорвали башню, отчего свыше 500 русских взлетели на воздух. Хотя было решено, что 1 сентября должен быть предпринят повторный штурм, он все же был перенесен на 8-е [число] того же месяца, так как заключенное на 14 дней перемирие не дало никакого результата². Между тем осажденные, из числа которых было взято несколько пленных (среди них был и брат находящегося в Смоленске полковника Корфа³) и которых поддерживала армия Радзивилла⁴, издали проект соглашения, потому что они потеряли надежду на снятие блокады Радзивиллом, в распоряжении которого не более 7000 человек, а в особенности потому, что он находился в окрестностях Орши. После этого военная инициатива перешла от него к князю Якову Куденетовичу⁵, но поскольку и та и другая сторона не имели желания вступать в решающую схватку, между ними произошли разве что отдельные столкновения, после чего Куденетович немного отступил, а Радзивилл отвел свои войска, успокоился, и подвергся нападению со стороны князя Трубецкого⁶, внезапно подошедшего со своей армией на помощь князю Якову, и был разбит. У него осталось только 3000 человек, а сам он был ранен, и поэтому заключил [мирное] соглашение. 27-го числа того же месяца Смоленск был

сдан. Считают, что они еще долго смогли бы продержаться, когда бы большая сумма денег и возникшие вследствие этого разногласия между Польшей и Белоруссией не сотворили чуда.

Слоним, Рославль, Мстиславль и другие небольшие города, которые сдались со всем своим добром и оказали вначале совсем небольшое сопротивление, разграблены и сожжены, часть людей порублена или угнана. Дубровна, которая, видимо, является красивым городом, тоже, по всей вероятности, была долгое время в осаде, однако осажденные упорно сопротивлялись, вследствие чего во время одного только штурма погибло 2000 человек, не говоря уже о погибших в отдельных стычках. В конце концов, когда стрелять уже было нечем и не было больше пороха, они сдались на определенных условиях, однако, несмотря на заключенный договор, этот город был разграблен, сожжен и полностью разрушен, а часть населения порублена или взята в плен. Витебск все еще осажден, и из-за того, что городом отражено много штурмов и вылазок, ему нанесен большой урон. Как долго это продлится, ввиду того, что о снятии осады еще и речи нет, покажет время. Если этот город будет сдан, то вся Белоруссия и многие другие населенные пункты в княжестве Литовском полностью отойдут Их Царскому Величеству. На 70 миль пути почти все сожжено и опустошено, урожай на полях выжжен, вытоптан и скормлен; напитки: венгерское вино, коньяк, медовуха и пиво — вылиты на землю и смешаны с дерьмом. Солдатам и офицерам высочайше предписано не пить ни капли [этих напитков]. Скот забивается солдатами только ради получения кожи, а мясо достается воронам.

После этого вся армия, кроме тех, кто еще оставался у Витебска, были направлена к Смоленску, где стрелецкие и солдатские полки расположились гарнизонами в удерживаемых ими населенных пунктах. Некоторые дворянские и пехотные полки отпущены по домам или в другие места расквартирования на границе, где они прежде находились, например в Камарицкую волость⁷ и прочие места. Им отдан приказ снова быть готовыми [к службе] по первому требованию. Остальные стрельцы и дворяне пребывают у Их Царского Величества в Вязьме, где сейчас находится Их Царское Величество со [своими] приближенными и боярами. Многие полагают, что, так как все опустошено и не сделано никаких запасов, в ближайшее время армии не выйдут в поход.

Супруга Их Царского Величества и Патриарх, которые какое-то время находились в Троицком монастыре, отправились по приказу Их Царского Величества вследствие чумы, которая начала распространяться, в Калязин, но так как зараза дошла и туда, они отправились оттуда в Вязьму к Их Царскому Величеству. Говорят, что Патриарх получил приказ ехать в Москву, однако также направился в Вязьму, поскольку понял его иначе, и еще потому, что он, по общему мнению, в этих вещах не доверяет даже самому себе. Все внимание приковано к нему. Чем закончится для него эта история, покажет время⁸.

Насколько сильно в последнее время распространилась чума, сколько сотен тысяч людей погибло от нее и какая нищета царит из-за нее здесь во всей стране, почти невозможно описать. Достоверно оценивают, что в Москве и вокруг нее погибло свыше 200 000 человек⁹. Если в большом городе

почти нет домов, где бы не было погибших, то об умерших в других местах, как, например, в Казани, Нижнем, Вологде, Ярославле, Переяславле, Торжке, Твери, а также в землях и деревнях вокруг них, не говоря уже о совсем отдаленных населенных пунктах, еще не получено ни одного соответствующего известия. Множество мелких городов и деревень вымерло полностью, скот бродит там и тут по лесам и кустарникам: часть его достается диким зверям, часть умирает от голода. Город Москва опустел, так что ворота не охраняются и ночью стоят открытыми. На улицах собаки едят непогребенных мертвецов. Те из мошенников, кто поосторожнее, собираются в группы и грабят дворы, в которых все вымерли. Неизвестно по чьему злому умыслу, сгорела колокольня над большими воротами дворца, и позолоченный орел свалился вниз. Но теперь прибыло несколько сот стрельцов для охраны ворот, но они тоже мрут. Люди, отпущенные из-под Смоленска, снова возвращаются и тоже гибнут один за другим, так что стоит опасаться, что, если зима не будет очень холодной, то чума прекратится еще не скоро, хотя в Москве она сейчас уже немного поутихла. На Королевском Шведском Дворе 13 из моих людей были поражены ядовитой заразой и только трое из них оправились.

Несколько дней назад сюда прибыл гонец из Казани, который привез известие, что калмыки, ногайцы и другие очень сильные местные народы, как утверждают, в количестве 100 000 [человек] напали на Царицын, Самару и Саратов, каковые находятся на Волге. Они увели много тысяч людей, все предали огню и все еще держат в осаде эти 3 города. Они разбили отряд, посланный им навстречу из казанской области. Невозможно точно узнать, подал ли им эту идею Крымский хан, или же они сами решили выступить в поход. Хмельницкий все это лето провел в спокойствии. Некоторые полагают, что он неусыпно наблюдал за крымскими татарами, другие говорят, что он предатель, много пообещал, мало сделал.

В Архангельске в этом году у иностранных купцов была очень плохая торговля, потому что прибыло необычайно много кораблей и товаров и часть кораблей с не меньшим водоизмещением должна была отправиться обратно, поэтому русские удовлетворили свою потребность в их товарах, а им, таким образом, предоставили рынок, так что они вряд ли получают много прибыли. Через Архангельск прибыл также английский посол мистер Вильям Придакс¹⁰, у которого должно быть письмо от протектора Оливера¹¹ Их Царскому Величеству, в котором он еще раз упоминает о союзе и дружбе, которые поддерживали короли Англии — его прешественники с Их Царским Величеством, вследствие чего английский народ прежде всех других был пожалован предшественником Их Царского Величества особыми привилегиями. Но сейчас, однако, по отношению к английской компании, как ему сообщили его подданные об архангельской торговле, была допущена большая несправедливость тем, что некоторое время назад у англичан были отобраны их привилегии, их выселили из домов и дворов и изгнали. Причин, по которым это произошло, он, однако, не знает и поэтому хочет просить Их Царское Величество даровать им старые привилегии, их дома и дворы, чтобы можно было в дальнейшем спокойно жить, не боясь притеснений, уезжать и снова возвращаться в Россию. В против-

ном случае Их Царское Величество должны заплатить им за их дома и дворы и выплатить причитающиеся им долги и всех выпустить из страны, а в остальном же пусть будет воля Божия. Насколько это по форме и по содержанию соответствует оригиналу, я смогу в свое время узнать из копии, которую мне обещали предоставить. Посол же держит путь из Архангельска в Вологду, где и будет находиться. Когда и как быстро он доберется до Их Царского Величества и приступит к выполнению своих обязанностей, покажет время.

На этом на сей раз заканчиваю и покорнейше желаю с преданнейшим усердием Вашему Королевскому Величеству могущественной защиты в сохранении доброго здоровья, долгой жизни, счастливого правления и всего самого желанного, а также высочайшего королевского благоденствия.

С всеподданнейшим смирением *Иоганн де Родес*
(RA. Muscovitica. Vol. 600, fols. 152—155)

2

9 декабря 1654 г.

Светлейший Великодержавный Король,
Всемиловитейший Государь,

Вашему Королевскому Величеству 15-го прошлого месяца в нижайшей покорности было послано мое последнее [письмо], на которое покорнейше ссылаюсь. Поскольку теперь я получил известие, что это письмо якобы благополучно пересекло границу, то не сомневаюсь в его дальнейшей доставке. С тех пор я счел для себя очень важным ускорить вручение милостивого письма Их Королевского Величества, однако не смог [этого] сделать. Как сообщил мне канцлер Алмаз¹², отправленный для исполнения этого поручения писарь якобы еще не вернулся и уже четвертую неделю находится в пути. Их Царское Величество со всеми своими господами и боярами все еще находится в Вязьме. Туда же недавно прибыла супруга Их Царского Величества вместе с Патриархом, и Патриарх оттуда направился к Смоленску, в один монастырь¹³. На всякий случай на всех дорогах у Вязьмы находятся заставы или охрана, так что ни один человек, как говорят, не может туда пройти. Вследствие чумы, которая и там распространяется с неимоверной быстротой, все отписки туда должны переписываться над огнем четыре раза в четырех различных местах, и только последняя передается в Вязьму. Из-за этого у меня были большие сомнения, передавать ли канцлеру милостивое письмо Их Королевского Величества, поскольку я не знаю, придет ли Их Царское Величество сюда и если придет, то когда¹⁴. Зато мне достоверно сообщают, что посланник Вашего Королевского Величества, должно быть, прибыл и принят в Новгороде, так что я со дня на день ожидаю известия о его прибытии в Вязьму. Так как вышеупомянутое письмо Их Королевского Величества обязательно должно быть получено прежде [его прибытия], мне будет необходимо передать его канцлеру взамен исчерпывающих предписаний или имеющихся у меня свидетельств. Никому не разрешается ездить

отсюда в Вязьму. Я приложил немало усилий и много сделал для того, чтобы мне было позволено туда съездить, однако все напрасно, посему не могу себе вообразить, что буду иметь счастье беседовать с посланником Вашего Королевского Величества. Все, кто едет отсюда в Новгород, все еще находятся под постоянной охраной, так что невозможно ни к кому подступиться, и каким образом, если не произойдет никаких изменений, я смогу в ближайшее время передать мои письма, я не знаю. Из Новгорода у меня долгое время также не было совсем никаких известий. Все это происходит при наличии быстро распространяющейся заразы. Если я и дальше не буду получать никаких известий, то, поскольку вследствие наступившей зимы эпидемия в Москве утихла настолько, что от вестового больше не слышно о смертях, можно предположить, что причиной этого [отсутствия известий] может быть нечто другое, [а не эпидемия]. Укрепленный город Витебск также захвачен, так что Их Царское Величество отныне покорили всю Белоруссию, а именно привели к присяге всю киевскую, черниговскую, смоленскую и полоцкую области, которые, как сообщают, вводятся в новый [царский] титул¹⁵. Сообщают, правда с некоторой неопределенностью, что к Их Царскому Величеству якобы должен прибыть некий великий польский посол. Так ли это — покажет время. Между тем Их Царское Величество снова собрали все свои силы, бывшие в поле, и отдали приказ, чтобы к первому февраля обозы и провиант были доставлены к Смоленску и к первому марта все были у Их Царского Величества. Как можно понять из некоторых разговоров, место сбора всему войску назначено у Великих Лук. Куда они должны двинуться дальше, я, правда, не знаю, однако этим городам, видимо, слишком поздно стало ясно, насколько плохо они были подготовлены, из-за чего понесли заметный ущерб, когда их в это время неожиданно застал победоносный враг. Посланники Хмельницкого, бывшие в Вязьме, говорят, уехали оттуда довольными. С чем же они туда приезжали и какое дело выполняли, о том я не могу получить надлежащих сведений. На этом на сей раз заканчиваю и с преданным и покорнейшим усердием желаю Вашему Королевскому Величеству могущественнейшей защиты Всевышнего в сохранении долгих лет, крепкого здоровья и счастливого правления а также всего того, что можно было бы пожелать при высоком уважении к Вашему Королевскому Величеству, остаюсь

Иоганн де Родес

Р. С.: мне было доверительно сообщено, что патриарх московский днем и ночью всем внушает и о том же говорит публично, как Москва благодаря его молитве и совету получила от Польши все, что хотела, и как она к тому же спасла верных ее религии из их бедственного положения. Теперь в Москве говорят, что Бог благословил их в их праведном предприятии, а также что поход его счастливо удался и что отныне они должны снова привлечь к себе приверженцев своей несчастной религии на Украине и в Белоруссии; что, однако, по этому поводу решено, или должно быть решено, пока еще не известно¹⁶.

(RA. Muscovitica. Vol. 600, fols. 156—158)

20 июля 1655 г.

Светлейший, Великодержавный Король,
Всемиловейший Государь!

Вашему Королевскому Величеству 17-го числа прошлого месяца с нижайшей преданностью было послано мое последнее [письмо], на которое я нижайше ссылаюсь. С тех пор очень стараюсь узнать что-нибудь более определенное относительно того, о чем в прошлый раз сообщалось неточно, однако что-либо узнать невозможно, и поэтому о состоянии и событиях в царской армии в этом населенном пункте я могу сообщить Вашему Королевскому Величеству мало определенного, ввиду того, что всем иностранным офицерам запрещено писать хоть что-нибудь об армии, от русских же, которые по поручению Их Царского Величества то и дело приезжают и уезжают отсюда, из-за их постоянного страха перед полагающимися за это суровыми наказаниями, вообще нельзя ничего добиться. В прошлом году, когда здешние захватывали тот или иной город или наносили врагу какой-либо урон, об этом объявлялось в замке¹⁷ и всему народу звоном колоколов, однако в этом году по поводу взятия одного маленького города, Велиж¹⁸, такого публичного объявления не было слышно. Их Царское Величество должны были 21-го числа прошлого месяца определенно отправиться из Шклова к Могилеву, тогда как большей части армии было приказано двигаться маршем через Березов на Минск, что произошло потому, что здесь считают, что литовская армия должна находиться под Минском. Об этом, вероятно, вскоре пришлют более надежное известие из Вильно в Ригу. Говорят, что генерал Трубецкой вместе со своей армией в сопровождении Золотаренко¹⁹ (который у соседнего города потерпел серьезное поражение) двинулся на Старый Быхов. О генерале Хмельницком и боярине Василии Васильевиче Бутурлине²⁰ совсем ничего не слышно. Недавно прибывший иностранец из лагеря под Шкловом передал мне достоверное сообщение, что туда прибыл посланец Хмельницкого к Их Царскому Величеству, который вел речь о пропуске, однако [иностранец], собственно, не знал, идет ли речь о всей армии или только об одном посланце, которого он хотел через Лифляндию отправить к Вашему Королевскому Величеству. Как он [иностранец] мог отметить, просьба эта была выслушана, но о том, смогут ли ее выполнить, тогда было еще невозможно узнать. Когда меня на днях в Посольском приказе спросил канцлер Алмаз Иванов, не знаю ли я чего нового, мне пришло в голову ему на это ответить, что я слышал, что Афанасий Нащокин²¹ окружил Динабург²², на что он, ехидно смеясь, сказал, что это не так. [Войска] отсюда уже отведены, и, кроме того, сказал он, не думаю ли я, что Их Королевское Величество подведет войска к этому городу, на что я, сделав вид, что ничего об этом не знаю, ответил, что мне это неизвестно. Здесь вокруг военных намерений Вашего Королевского Величества относительно Польши (так как это считают достаточно вероятным) подняли большой шум, так как по решению Вашего Королевского Величества эти намерения были поставлены под сомнение. Раньше здесь все жили в страхе и надежде, и страх был настолько силен,

что я почти уверен в том, что по этой причине отход от Смоленска так долго откладывался²³.

То, что переданное с последним нарочным к Их Светлости Князю Курляндии²⁴ письмо от Их Царского Величества было довольно резким, должно быть следствием того, что все пленные говорили, что Их Княжеская Светлость, очевидно, до сих пор оказывал содействие войсками королю и трону Польши. В моем последнем письме, согласно полученному мной сообщению, я высказывал мнение, что отправленный в Голландию посланник хотел получить там некоторые гарантии, и в свете этого можно было предположить, что это были гарантии нейтралитета, однако это не так, и мне сейчас сообщают, что Генеральным Штатам было отправлено письмо, в котором было сказано, что они позволяют себе опускать титул Их Царского Величества в их общественных газетах «Новости» или «Куранты», когда в них что-либо упоминается об этих странах, и что они должны чаще употреблять его для большего почтения к Их Царскому Величеству. Какой ответ на это последует и нужно ли будет издателям «Курантов» что-либо менять, покажет время. Что касается остального, то чумная зараза так быстро распространяется на Тереке, в Бахчисарае и Астрахани, что в живых остались очень немногие, и поскольку она и дальше будет распространяться, то что в этом случае будут делать нагайцы и калмыки, покажут дальнейшие события.

Когда заканчивал [письмо], то узнал, что к Патриарху прибыл гонец от Их Царского Величества, который привез известие, что Их Царское Величество самолично прибыли в Борисов²⁵ и что у Минска был захвачен передовой отряд, после чего собравшиеся там дворяне и горожане числом 4000 вышли в поле с намерением сохранить положение и поддержать командование передового отряда, однако им это не удалось и после нескольких часов боя они бросили боевое знамя и оставили город, после чего он был взят и все, кто там был, были без пощады истреблены. При этом также сообщается, что после этого [русские] захватили городок Вислу и двинулись на Вильно.

От Хмельницкого гонец привез сообщение, что тот подошел со своей армией к Каменец-Подольскому. Из-за какого благоприятного развития событий Патриарх снова приказал звонить во все колокола в здешнем замке, как собственно, здесь и происходит при событиях такого рода. Этот звон донесется через Вильно до Риги еще до прибытия этого сообщения.

Прошлой зимой Вашему Королевскому Величеству мною было покорнейше передано послание о том, что Их Царское Величество отдал приказ о спешном наборе в полки, для чего нужно было собрать 20 000 человек. Как мне было достоверно сообщено, со всех мест страны их было собрано, видимо, довольно много. Таким образом, хотя очень много народу померло, инфантерия все же очень сильна и теперь собрана на открытой местности. Как и многие другие рода войск, она сильнее, чем в прошлом году. Кавалерия же, видимо, сильно смешалась с горожанами, и, так как был большой падеж лошадей, многие должны служить в пешем строю.

На этом теперь заканчиваю и с покорнейшим усердием желаю Вашему Королевскому Величеству могущественнейшей защиты Всевышнего в сохра-

нении долгой жизни, крепкого здоровья и счастливого правления, а также победы и славы над всеми явными и тайными врагами; остаюсь преданный Вашему Королевскому Величеству

Покорнейший *Иоганн де Родес*

Москва, 20 июля 1655 г.

(RA. Muscovitica. Vol. 600, fols. 178–179 rev.)

Комментарии

¹ Послание адресовано шведскому королю Карлу X Густаву (1654–1660). После отречения от престола королевы Кристины в 1654 г. Карл взшел на шведский престол. Он проводил агрессивную внешнюю политику, нацеленную на укрепление шведского господства на побережье Балтийского моря.

² Речь идет об осаде русскими войсками Смоленска, которая продолжалась с 28 июня по 23 сентября 1654 г. (*Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 40–44).

³ Николай Корф (?–1659) — представитель одной из ветвей вестфальских баронов, воевода венденский, полковник кровельский. В 1654 г. Корф находился в осажденном Смоленске и был противником капитуляции города. Будучи сторонником Я. Радзивилла, выступал за подписание договора о передаче Великого княжества Литовского под протекторат Швеции (*Polski Siownik Biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. Т. 14/1. S. 71–72).

⁴ Януш Радзивилл (1612–1655) — виленский воевода, великий гетман Литовский (с 1654 г.), во время русско-польской войны (1654–1655) командующий польской армией. После шведского вторжения в Польшу в 1655 г. стоял во главе литовских магнатов шведской ориентации и подписал Кейданский договор о переходе Литвы под протекторат Швеции.

⁵ Черкасский Яков Куденетович (?–1666/67) — боярин с 1645 г., происходил из кабардинских князей, в 1624 г. выехал на Русь и принял православие. Принимал активное участие в русско-польской войне 1654–1655 гг. (*Советская историческая энциклопедия*. М., 1974. Т. 15. С. 843; *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia 1613–1689. Princeton, 1984. P. 46, 186).

⁶ Трубецкой Алексей Никитич (?–1680) — князь, русский политический и военный деятель, дипломат, с 1645 г. — боярин. В русско-польской войне 1654–1655 гг. возглавлял южную группировку русских войск. В 1654 г. принимал участие в переговорах с посольством Б. Хмельницкого об условиях присоединения Украины к России (*Советская историческая энциклопедия*. М., 1973. Т. 14. С. 471; *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. P. 46, 186. У Р. Крами дата смерти А. Н. Трубецкого указана неверно — 1662/63 г.).

⁷ Камарицкая волость и город Камаричи находятся в районе Севска и Новгород-Северского, на территории современной Брянской области.

⁸ Патриарх Никон во время отсутствия царя в столице пользовался практически неограниченной властью. 24 июля 1654 г., вскоре после начала эпи-

демии чумы, он вместе с наследником престола царевичем Алексеем Алексеевичем и всей царской семьей покинул Москву и отправился сначала в Троице-Сергиев, а затем в Калязин монастырь на Волге (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 36. Л. 212—213 об.; ААЭ. Т. 4. С. 111).

⁹ Это, скорее всего, преувеличение, хотя источники показывают, что эпидемия принесла страшное опустошение. В Москве по оценкам исследователей смертность достигала 80—90% (см.: *Брикнер А.* Чума в Москве в 1654 году // Исторический вестник. 1884. Апр. С. 16—17). Иван Шушерин, биограф патриарха Никона, писал, что во время мора «в царствующем граде безчисленное множество измороза, и кратко реши вси измороза» (*Шушерин И.* Известие... С. 30). Таким образом, можно сделать вывод, что картина опустошения, нарисованная Родесом, выглядит вполне реалистично.

¹⁰ Английский посол Вильям Придакс прибыл в Россию в 1655 г. (о его переговорах см: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1991. Кн. 6. С. 511—512; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 115). Целью его миссии было вернуть англичанам право беспошлинной торговли в России через архангельский порт, которое было им даровано еще Иваном Грозным. В 1649 г. англичане в одночасье лишились всех своих привилегий и были высланы из страны за то, что они «учинили большое злое дело, Государя своего, Карлуса короля убили до смерти» (ПСЗ. Т. 1. № 9. С. 169).

¹¹ Оливер Кромвель (1599—1658) — крупнейший деятель английской революции середины XVII в. После казни короля Карла I в 1649 г. и разгона Долгого парламента в 1653 г. провозглашен лордом-протектором. Вплоть до своей смерти пользовался практически неограниченной властью.

¹² Алмаз Иванов (?—1669) — видный государственный деятель и дипломат времен царствования Алексея Михайловича. С 1646 г. дьяк Посольского приказа, с 1653 г. думный дьяк. Находясь на государственной службе, играл важную роль в проведении политики Московского государства (Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т. 5. С. 735—736; *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. P. 39, 60, 190).

¹³ Патриарх Никон возвратился в Москву 3 февраля 1655 г. (см.: ДР. Т. 3. Стб. 456).

¹⁴ В Вязьме царь Алексей Михайлович находился до 1 февраля 1655 г. Оттуда он поехал в Москву, куда и прибыл 10 февраля. Однако его пребывание в столице было кратковременным. Уже 11 марта царский поезд снова отправился в поход под Смоленск. В письме А. С. Матвееву царь писал: «К Москве идем на малое время и легким делом и назад тотчас пойдем. В Вязьму и Смоленск не замешкаем итить» (ПСЗ. Т. 1. № 138. С. 352; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 76. Примеч. 2).

¹⁵ В указе от 3 сентября 1655 г. говорилось: «...и указали Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, в своем Государском имянованьи и титуле писати Себя Великим Государем, Наше Царское Величество, Великим Князем Литовским и Белья России и Волынским и Подольским...» (ПСЗ. Т. 1. № 164. С. 369).

¹⁶ Постскрипtum написан тайнописью.

¹⁷ В замке, то есть в Кремле.

¹⁸ Город Велиж был взят русскими войсками 17 июня 1655 г. (*Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 82*).

¹⁹ Золотаренко Иван Никифорович (ум. 1655) — в 1654—1655 гг. гетман малороссийский, один из сподвижников Б. Хмельницкого. Принимал активное участие в войне с Польшей на стороне русской армии. В январе 1655 г. осаждал Новый Быхов, но неудачно, был разбит армией Я. Радзивилла и вынужден отойти к Могилеву (*Русский биографический словарь. Пг., 1916. Т.: Жабокритский — Зяловский. С. 439—441; Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 49—50, 69—72*).

²⁰ Бутурлин Василий Васильевич (?—1655) — с 1650 г. окольничий, с 1652 г. боярин и дворецкий царя Алексея Михайловича. В 1653 г. возглавил посольство на Украину, где в январе 1654 г. принял от запорожских казаков присягу на верность русскому государю. Во время военных действий 1655 г. командовал армией, посланной на помощь Б. Хмельницкому (*Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 835; Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. P. 189*).

²¹ Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (?—1680) — русский государственный деятель и дипломат при дворе царя Алексея Михайловича. С 1658 г. думный дворянин, с 1665 г. окольничий, с 1667 г. боярин. Во время русско-польской и русско-шведской войны участвовал в штурме Витебска (1654), походе на Динабург (1655), осаде Риги (1656). В 1656 г. подписал договор о союзе с Курляндией; в 1658 г. вел переговоры со шведами, в результате которых было подписано Валиесарское перемирие (*Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 603—604; Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. P. 42—43, 97—98, 100—101, 193 и др.*).

²² Динабург — город на Западной Двине (Даугаве), современный Даугавпилс. Основан в XIII в. рыцарями Ливонского ордена. С 1893 г. назывался Двинск. А. Л. Ордин-Нащокин в мае 1655 г. осадил Динабург. Однако после вступления в войну Швеции ему было приказано снять осаду и отступить. 9 июня 1655 г. город захватили шведы. В мае 1656 г. Динабург снова осадила русская армия. Город был взят 31 июля и переименован в Борисоглебск. По условиям Андрусовского мира (1667) Динабург снова отошел к Польше (*Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 81, 83, 111*).

²³ Швеция начала военные действия против Польши в июне 1655 г. Шведам удалось в течение короткого времени захватить значительную часть Великой Польши, включая Варшаву. Это привело к обострению отношений между Москвой и Стокгольмом, а впоследствии — к русско-шведской войне.

²⁴ Курляндское герцогство — вассальное государство Польши на территории современной Латвии. Во главе его стояли потомки магистра Ливонского ордена. Столица — Митава (Елгава).

²⁵ Город Борисов был взят русскими войсками 19 июня 1655 г. 10 июля туда прибыл царь Алексей Михайлович. 13 июля государь выехал из Борисова по направлению к Вильно.

Приложение 5

Поучение патриарха Никона священному чину и причетникам

В начале февраля 1654 г. в Москве прошло заседание Освященного собора, на котором было принято решение об изменении некоторых церковных обрядов. Вскоре после этого по приходским церквям была разослана память патриарха Никона с указанием, как следует класть поклоны во время божественной литургии. Об этой памяти впоследствии писал в своем Житии протопоп Аввакум: «По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колenu, но в пояс бы вам творити поклоны...» Однако сам текст этого источника до сих пор не был известен исследователям. В древлехранилище Государственного Исторического музея, в собрании графа А. С. Уварова, нам удалось обнаружить любопытный документ, который в описи значится как «Поучение патриарха Никона священному чину и причетникам». В описании фонда, составленном архимандритом Леонидом, документ значится под номером 1543 (312) (750) (см.: *Архимандрит Леонид. Систематическое описание рукописей графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. Отд. IV*). Он написан четким почерком, в столбец, на двух склеенных сставах. Судя по орфографии, это современный оригиналу список. В документе не проставлена дата, но присутствие в нем поучения о поклонах наводит на мысль, что источник мог появиться в канцелярии патриарших приказов примерно в то же время, что и изложение соборного деяния 1654 г. На наш взгляд, его можно с достаточно большой долей вероятности отождествить с пресловутой памятью Никона.

* * *

Февраль 1654 г.

Никон божиею милостию патриарх московский и всеа Русии сыном [сво]им¹ архимаритом и игуменом, протопопом и всем священником и дияконом и причетником. Ведомо нам учинилося, что во святых церквах небрежение велико есть и житие зазорно, и о преданных евангельских повелении и апостольских предании и святых богоносных отец седми вселенских соборов и прочих святых отец, еж должно вам хранити и не сохраняете той, яко ж божественный Павел, уча ны, пишеть к Титу², глаголя: во еж обычати же ся всегда к благочестию, трезвению, целомудрию, благоговению и будете рече, честни, страннолюбивы, не пьяницы, не биицы, не мшелоимцы, не сварливы, но кротцы(ки)³, смотреливы, независтливы, не сребролюбцы, учителцы, яко ж вселенскаго собора 19-е правило глаголет⁴: иереи должны суть учити причет церковный и вся люди благоверию и божественным повелением; паче ж иных дни, во всякую неделю, всего причта и народа поучати благочестию

словесы, яко ж предречеса от божественаго писания, избирающем истинная разумения ж и судьбы, и не преступати еж положеныя пределы и богоносных отец предания, но точию от божественных писаней сказывати и учити истинному разумению божиих заповедей. Аще ж кто вопросит словесе божественных писаней, да от своего ума⁵ то сказовати, но яко ж церковнии светилницы и учителя свои писании истолковаши. То бо есть благоволенно, еж ведети и умети предания богоносных отец и по том разрешати вопрошаемая, да не како недоумеюще от себе разрешити, восхотят таковыи истиннаго сказания далече отпадут. Не бегущих же иереов, ни учащих причетников, ни людей благоверию 58-е апостольское правило первое отлучает⁶. Потом аще в лениности пребывает от сана измещет. Потщитесь о презвитери представите себе делателя не постыжны, правяще слово истинное ни коли ж да не станете в соборе вражду имея на кого, да непроженным утешителя в день собора молвы не творити и не препираетесь, но в церкви пребывая молитесь и почитаете книги святых до часа, вонь ж подобает вам совершити божественную службу, и тако предстаните со умилением и чистым сердцем святому жертвеннику не озираясь семо и овамо, но в страхе и трепете предстояще небесному царю ничим же менее небеснаго предстояния, да не угодия ради человеческого подщитесь скратити молитвы, не примите ж лица человека, но взирающе ко единому царю и предстоящим окрест его силам достойны себе творити священным правилом, и их же отрекоша с теми не служить жи, блюдите кому предстоите и кому служите и которым даете причащения не забываете владычнии заповедей и святых его апостол, не дадите бо рече святых псом, и бисера не мечите пред свиньями. Блюдите пес и яз по сих смотрите, да не убоитесь человеке на грех себе не дадите сына Божия в руки недостойным, не устыдитесь никого ж от славных земли в час тои ни самого того носящего венец причащения ж достойным подавайте, яко ж и вы сами прияли есте им же божественная правила не повелевают не подавайте, яко иноязычницы бо именишася и аще не обратятся, горе и тем и причащающим их блюдите аз и о сем дела не имам вы узрите також де иж, аще кто от вас причащаяи люди пречистым и животворящим таинам, и аще бо просит медницы, таковыи извержется по 23-му правилу шестаго вселенскаго собору⁷. Також де аще который презвитер, или дьякон, или поддьякон, или чтец, или певец в чотырдесять дний сии речь в Великий пост не постится и во вся лета во всякие среды и пятки да извержен будет по 69-му правилу святых апостол⁸. Аще ж мирский человек не постится, да отлучится, или аще кто предания посты хранимая церковию, разреша таковыи проклят есть по 18 правилу иж в Гангрех собора⁹, а от престола к нему ж кто благословен есть и у него ж кто служить начнет преходити никак ж власть не имать по 3-му правилу иж во Антиохии¹⁰ и двема церквама да никто ж владеет по 15 правилу седмаго вселенскаго собора¹¹ да не святая корчемствовати от вас явитца, но кийждо единому и тому ж до престолу да предстоит в церкви свободною изобилующей, а в церкви куплею стяжаней рекше не у купленного места ея ж ради извержению предает. Тои ж вселенский собор по 13-му правилу¹², или аще кто от вас лихву взяв от должника да извержется по 44-му правилу святых апостол¹³.

Ведомо ж нам и се, что во святые посты поклоны творять не по церковному преданию, еж есть метание с великими не разлучают, овии поклонився единою на землю и тако не вклоняся множицею крестится, да точию головою кивает, а инии на скамеики, и о том бы вам самим испытноведати, что метание и что суть великие поклоны метание суть: в пояс поклониться как мощи до земли рукою достать, а великий поклон в землю челом ударить. И от ныне клали бы есте сами поклоны и прочим повелевали по уставу святые восточные церкви и по благословению нашего смирения вси вкупе равно тихо. Егда полагаются семь на десять поклонов по сущую Богородицу поклон земный и прочих три великие в землю с молитвою «Юсподи владыко животу моему», к сем ж два на десять метания в пояс, и последний великий ж поклон в землю. Тако и святый Боже и на приидите поклонимся. Поясные ж поклоны клали со всяким благочинием немятежно, аще ли ж кто от вас о сем завещании не брещи имать или чесого неподобающаго священства кто от вас начнет деяти еж чрез заповедь святых апостол и богоносных отец и нашего благословения, яж выше рекохом, таковым будет суд без милости от нас по правилом святых апостол и богоносных отец, тако ж аще кто и мирский человекъ прекослов и нерадив явится о преданных заповедех христовых и святыхъ апостол, и святыхъ отец, и вам бы им запрещать по правиломъ святых апостол и святых отец. А аще кто зело явится прекословен, и вам бы возвещать нам великому государю святейшему Никону, патриарху московскому и всеа Русии. А аще ли ж таковым сам не запретит и нам не возвестит, таковыи о всяком неисправлении сам ответ даст в день праведнаго суда Христова. А я ж zde правильным судом от нас истязан немилостив будет. Сего ради, братие, завещанным внимайте да ж сохраняюще заповеди божия и предания святых апостол и святых богоносных отец злобы избывше с правдою поживем. О Христе Иусе Юсподе нашем, ему ж слава со безначальным его отцем и со пресвятым и благим и животворящим духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(ГИМ. Собр. А. С. Уварова. Ф. 17. Оп. 2. № 54. Л. 1)

Комментарии

¹ В этом месте дефект бумаги. Слово восстановлено по смыслу.

² «Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец, но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержен...» (Тит. 1:7-8).

³ Буквы *ки* вписаны над строкой. Очевидно, таким образом переписчик внес некоторые орфографические исправления в оригинал.

⁴ Далее цитируется 19-е правило Константинопольского собора. См.: Кормчая книга. М., 1653. Л. 153 об. четвертой пагинации (ср.: Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's Refutation / Ed. with introduction and notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin; New York; Amsterdam, 1982. P. 175).

⁵ Очевидно, в тексте пропущена частица *не*, из-за чего смысл фразы не ясен. Следует читать: «Аще ж кто вопросит словесе божественных писаней, да не от своего ума то сказовати, но яко ж церковнии светилницы и учителя своии писании истолковаши».

⁶ Кормчая книга. М., 1653. Л. 16 четвертой пагинации.

⁷ Там же. Л. 154 об.

⁸ Там же. Л. 19 об.

⁹ Там же. Л. 59—59 об.

¹⁰ Там же. Л. 63 об.—64.

¹¹ Там же. Л. 215.

¹² Там же. Л. 214—214 об.

¹³ Там же. Л. 12.

Приложение 6

Выдержка из шведского донесения, посланного из Нарвы, о ссоре царя с патриархом

Во время русско-шведской войны 1656—1658 гг. в Швеции издавались многочисленные брошюры и бюллетени с информацией о ходе военных действий. Так, в 1657 г. в Риге была отпечатана реляция об осаде города Риги царем Алексеем Михайловичем (*Grundliche und warhastige Relation von der Belagerung der Konigl. Stadt Riga in Liefland*. Riga, 1657). В небольших по объему бюллетенях публиковались выдержки из писем и донесений шведских дипломатов о делах, касающихся внутренней и внешней политики России. В библиотеке Уппсальского университета хранится подлинник одного из таких бюллетеней, в котором помещена короткая выдержка из шведского донесения, посланного из Нарвы, о ссоре царя с патриархом (*Extract Skrifwelse othur Narfwen then 9 Augusti // Post & Inkires Tidningar*. 1658). Донесение датировано 9 августа 1658 г., то есть было написано через месяц после оставления Никоном патриаршего престола. Сведения, заключенные в нем, дополняют известную из русских источников картину последних дней пребывания Никона у власти.

Перевод со старошведского выполнен в Языковом центре Санкт-Петербургского государственного университета.

* * *

Выдержка из донесения из Нарвы от 9 августа

Тогда дело с патриархом дошло до того, что простые люди, долго бывшие недовольными его действиями, написали царю прошение, в котором

называли патриарха еретиком, содомитом и возмутителем спокойствия, искажившим религию, древние церковные одежды и обряды, и скорбно просили нового патриарха, благочестивого и истинного христианина. Но поскольку никто не решался передать прошение, то его положили в такое место, где оно попало в руки патриарха, который впал в сильный гнев и пришел к царю, требуя тотчас сыскать авторов, используя пытки и прочие подобные средства. Царь, напротив, сказал, что в этом деле надо разобраться, но подойти к нему со всей осторожностью, чтобы не вызвать бунта. Патриарх, будучи этим недоволен, тотчас собрался и отправился из Москвы. Царь попытался через князя Трубецкого и еще одного знатного господина отговорить его, но поскольку это не помогло, то он послал несколько сот стрельцов привезти его обратно и содержать под стражей, в то время как московское духовенство обязали расследовать это дело. Никто не верил, что он легко отделается, ибо вся страна ненавидела его. А если бы кто-то попытался обелить его, это вызвало бы, Бог его знает, недовольство или мятеж. Так говорили все. В Новгороде я записал со слов одного верного человека, что там произошло чудо, случившееся под Псковом, где три дня подряд земля покрывалась кровью, а ночью в церквях горел свет и появлялись два неизвестных человека, которые ни с кем не желали разговаривать, а ходили через моря и озера, и повсюду.

Список литературы

Архивные источники

Архив Санкт-Петербургского филиала Института истории Российской Академии наук (Архив СПб ФИРИ РАН).

Колл. 2. — Актные книги Археографической комиссии.

Оп. 1. № 74, № 132, № 141, № 144.

Колл. 140. — Коллекция С. В. Соловьева.

Колл. 171. — Новгородский Софийский архиерейский дом.

Колл. 172. — Акты Новгородской казенной палаты.

Оп. 1. № 144, № 177.

Колл. 183. — Новгородские акты.

Оп. 1. № 150.

Колл. 249. — Московские акты.

Оп. 1. № 16.

Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург (БАН). Рукописный отдел.

Рукопись 16. 17. 30.

Собрание текущих поступлений. Оп. 2. № 1342.

Государственный исторический музей, Москва (ГИМ).

Синодальное собрание. № 379, № 607.

Собр. Уварова. № 173, № 494/131, № 502 (160), № 1700 (104).

Ф. 17. Оп. 2. № 54.

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Отдел истории русской культуры.

Вкладная книга Кожеозерского монастыря.

Институт русской литературы. Пушкинский Дом, Санкт-Петербург (ИРЛИ).

Колл. Лукьянова. № 51.

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург (РНБ). Отдел рукописей.

Соловецкое собр. Анзерск. 2/1370.

Собр. Погодина. № 1549, № 1583.

Рукопись Ф. I. 337.

Рукопись Q. I. 331.

Российский государственный архив древних актов, Москва (РГАДА).

Ф. 27. — Приказ Тайных дел.

Оп. 1. № 47, № 75, № 550, № 558.

Ф. 52. — Сношения России с Грецией.

Оп. 1. Ед. хр. 7; Оп. 1. 1649 г. Ед. хр. 33.

- Ф. 96. — Сношения России со Швецией.
Оп. 1. Стб. 3; Оп. 1. 1657 г. № 4; Оп. 1. 1655 г. № 11, № 37.
- Ф. 111. — Донские дела.
Оп. 1. 1655 г. № 5.
- Ф. 153. — Духовные российские дела.
Оп. 1. № 20, № 48.
- Ф. 235. — Патриарший Казенный приказ.
Оп. 2. № 34, № 36, № 38.
- Ф. 236. — Патриарший Дворцовый приказ.
Оп. 1. Кн. 11.
- Ф. 1182. — Приказ книгопечатного дела.
Оп. 1. № 52; Оп. 3. № 31, № 332.

Российская государственная библиотека, Москва (РГБ). Отдел рукописей.
Ф. 218. № 180.

Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (РГИА).
Ф. 1088. — Фонд Шереметевых.
Оп. 9. Ч. 1. № 740.

Рукописный отдел библиотеки Уппсальского университета.
Slav. 63.

Riksarkivet — Государственный архив Швеции (RA).
Livonica II. Vol. 77. — Донесения Густава Горна королю.
Livonica II. Vol. 173. — Донесения Густава Горна риксдагу.
Muscovitica. Vol. 40. — Донесения Якоба де Мулина.
Muscovitica. Vol. 49. — Дипломатические документы Густава Бьелке.
Muscovitica. Vol. 600. — Донесения комиссара Иоганна де Родеса.
Muscovitica. Vol. 617. — Грамоты царя Алексея Михайловича.
Nr. 20, 24.
Skoklostersamlingen. E 8837. — Письма Густава Бьелке Густаву Эверссону Горну.

Старопечатные источники

Апостол. М., 1621.
Апостол. М., 1635.
Апостол. М., 1644.
Букварь. М., 1634.
Евангелие учительное. М., 1652.
Иоанн Лествичник. Лествица. М., 1647.
Ирмологий. М., 1657.
Канонник. М., 1636.
Кириллова книга. М., 1644.

- Книга о вере. М., 1648.
 Кормчая. М., 1653.
 Маргарит. М., 1641.
 Минея служебная. М., 1627.
 Минея служебная, январь. М., 1644.
 Минея служебная. М., 1622.
 Поучение о моровой язве. М., 1656.
 Псалтирь. М., 1615.
 Псалтирь. М., 1622.
 Псалтирь. М., 1642.
 Сборник 71 слова. М., 1647.
 Служба и житие Николая Чудотворца. М., 1643.
 Служебник. М., 1623.
 Служебник. М., 1635.
 Служебник. М., 1651.
 Служебник. М., 1655.
 Собрание краткия об артикулах веры. М., 1649.
 Требник мирской. М., 1639.
 Требник. М., 1623.
 Требник. М., 1642.
 Трефологион. М., 1637.
 Триодъ постная. М., 1656.
 Устав. М., 1610.
 Часовник. М., 1631.
 Часослов. М., 1653.
 Чин исповеданию православным царем и великим князем Московским и всея Руси. М., ок. 1630.

Справочная литература

- Барсуков А.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления в Московском государстве XVII в. М., 1902.
Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946.
Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.
Геркалитов А. А. Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1850. Ч. 1.
 Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I: XVIII в. М.; Л., 1956.
 Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог. М., 1981.
Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1, 2.
 Русский биографический словарь: В 25 т. СПб., 1896—1918.
 Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992—1998. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 1—3.

Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей русской православной церкви. СПб., 1877.

Tromonin's Watermarks Album. A facsimile of the Moscow 1844 edition with additional materials by S. A. Klepikov. Hilversum, Holland, 1965.

Диссертации

Маландин В. В. Церковь и государство в патриаршество Филарета / Дисс. канд. ист. наук. М., 1996.

Молзинский В. В. Старообрядческое движение второй половины XVII в. и общественная мысль России / Дисс. докт. ист. наук. СПб., 1997.

Полознев Д. Ф. Клерикальная оппозиция в начале становления российского абсолютизма. Конец 1640-х — 1660-х гг. / Дисс. канд. ист. наук. М., 1990.

Рухманова Э. Д. Борьба России за выход в Балтийское море в 1656–1661 годах / Дисс. канд. ист. наук. Л., 1954.

Сапожникова О. А. Сергей Шелонин — писатель и книжник XVII в. / Дисс. канд. филолог. наук. СПб., 1999.

Семенова Е. П. Русская общественная мысль первой половины XVII века (творчество С. И. Шаховского и И. А. Хворостинина) / Дисс. канд. ист. наук. Л., 1982.

Филина Е. И. «Придворные партии» в политической борьбе в России в 30–50-е гг. XVII в. / Дисс. канд. ист. наук. М., 1995.

Опубликованные источники

Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные архимандритом Леонидом // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 5.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3, 4.

Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1862. Т. 3; 1875. Т. 8; 1878. Т. 10; 1889. Т. 14.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 3, 4.

Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М.; Л., 1940. Ч. 1.

Альбом Майерберга. Виды и бытовые картины XVII века / Сост. Ф. Аделунг. СПб., 1903. С. 145–148. Рис. № 82, 93.

Базилевич К. Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1936.

Бартенев П. Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856.

Белокуров С. А. «Дела свят. Никона патриарха, паче же рещи чудеса врачевная» // ЧОИДР. 1887. Кн. 1.

Белокуров С. А. Деяния Московского церковного собора 1649 года (вопрос о единогласии в 1649–1651 гг.) // Из духовной жизни Московского общества XVII века. М., 1902.

Белокуров С. А. Сказание о Павле Коломенском // ЧОИДР. 1905. Кн. 2.

- Богомольная грамота 1654 г. Ионы митрополита Ростовского в Кириллов монастырь о соединении церквей и о победе на супостатов и еретиков // ЧОИДР. 1882. Кн. 2.
- Буганов В. И. Описание Московского восстания 1648 г. в Архивном сборнике // Исторический архив. 1957. № 4.
- Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. Ч. 2.
- Витсен Н. Путешествие в Московию 1664—1665 / Пер. со ст.-голл. В. Трисман. СПб., 1996.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 т. М., 1953. Т. 3.
- Голубцов А. Чиновники московского Успенского собора // ЧОИДР. 1907. Кн. 4.
- Голубцов А. И. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2.
- «Государево дело» стряпчего Бутурлина о злоупотреблениях в Московском государстве // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1909. Т. 8.
- Два доклада царю Алексею Михайловичу об избранных Освященным собором кандидатах на архиерейские кафедры // ЧОИДР. 1905. Кн. 3.
- Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1; 1852. Т. 3.
- Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1913. Т. 14.
- Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб., 1897.
- Денисов С. Виноград российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. СПб., 1906.
- Деяния московского собора 1666 и 1667 годов. М., 1893.
- Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165—7183 гг. / Предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1908. Кн. 1.
- Документи Богдана Хмельницького. Київ, 1961.
- Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848. Т. 3.
- Дополнения к III тому дворцовых разрядов. СПб., 1854.
- Жизневский А. Н. Поход великого государя святейшего Никона патриарха Московского всея Великия и Малыя и Белья России в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889.
- Житие преподобного Елеазара // Православный собеседник. 1860. Ч. 1.
- Житие преосвященного Илариона, бывшего Флорищевой пустыни строителя. Казань, 1868.
- Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1784.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986.
- Записка об Онежском Крестном монастыре // ЧОИДР. 1880. Кн. 3.
- Записки о России XVII и XVIII века по донесениям голландских резидентов // Вестник Европы. 1868. Ч. 1, 8.

- Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.
- Заседание в Книжной палате 18 февраля 1627 года по поводу исправлений Катехизиса Лаврентия Зизания // Об-во любителей древней письменности. СПб., 1878. Вып. XVII.
- Зернова А. С. Памятник Нижегородской печати 1613 года // Сб. Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Т. 1.
- Зерцалов А. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. // ЧОИДР. 1890. Кн. 3.
- Известие о поездке в Россию Вальдемара, графа Шлезвиг-Голштинского // ЧОИДР. 1867. Кн. 4.
- Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанное клириком Иоанном Шушериным. М., 1908.
- Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письмах к другу // ЧОИДР. 1846. Кн. 1.
- Кордт В. Донесения И. де Родеса, посланное из Москвы шведскому генерал-губернатору в Риге графу Густаву Карлссону Горну 20 октября 1652 г. // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира. Киев, 1914.
- Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1.
- Куриц Б. Г. О состоянии России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915.
- Лаврентий, архимандрит. Краткое известие о Крестном Онежском Архангельской епархии монастыре. М., 1805.
- Материалы для истории медицины в России. СПб., 1883. Вып. 2.
- Материалы для истории русско-грузинских отношений (80—90-е гг. XVII века). Тбилиси, 1974. Т. 1.
- Новомбергский А. Слово и дело государевы. М., 1911.
- Оболенский К. М. Новые материалы для истории следственного дела над патриархом Никоном // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, 1859. СПб., 1860. Кн. 5.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- О пребывании патриарха Никона в заточении в Ферапонтове и Кириллове Белозерских монастырях / Соч. Архим. Варлаама // ЧОИДР. 1858. Кн. 3.
- О путешествии из Вены в Москву в 1655 году Франа Гундулича // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1907. Кн. 20. Вып. I.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1854. Т. 3.
- Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2.
- Письма одного шведа из Москвы в 1647 году писанные // Северный архив. 1822.
- Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1848. Т. 1.

- Письма русских царей и других особ царского семейства. М., 1896. Т. 5.
Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Божьей матери, принесенной в Россию в 1648 г. М., 1879.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1, 2.
- Полознев Д. Ф. Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу (1662 г.). (К истории внутрицерковной борьбы в связи с «делом Никона») // Проблемы истории и культуры. Ростов, 1993.
- Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.
- Попов М. Г. Материалы для истории патриарха Московского Питирима // Христианское чтение. 1890. Ч. 2.
- Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1.
- Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII века, описанное его сыном, архидьяконом Павлом Алеппским // ЧОИДР. 1898. Кн. 3—4.
- Разрядные книги. 1598—1638 гг. М., 1974.
- Расходная книга митрополита Никона // Временник Московского общества истории и древностей Российских. 1852. Кн. 13.
- Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М., 1963.
- Рукопись Бростовского, содержащая в себе дневник, веденный им на съезде под Вильною в 1656 г. по случаю переговоров об избрании царя Алексея Михайловича королем Польским и Великим князем Литовским // Сборник Муханова. СПб., 1866.
- Русская историческая библиотека. Л., 1927. Т. 39.
- Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом. Рязань, 1882.
- Сазонов С. В. Поминания рода патриарха Никона в синодиках середины XVII в. // Историческая генеалогия. 1993. № 2.
- Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1919. Вып. 8.
- Северная пчела. 1842. № 198.
- Сильвестра Медведева «Известие истинное» православным и показание светлое о новоправлении книжном и прочем // ЧОИДР. 1885. Кн. 4.
- Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.
- Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов // ЧОИДР. 1915. Кн. 3.
- Соборное Уложение 1649 года: Текст и комментарии. Л., 1987.
- Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822—1828. Ч. 3—4.
- Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880.
- Список с настольной грамоты патриарху московскому Никону // Христианское чтение. 1882. Ч. 2.
- Строев П. Выходы государей царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. М., 1844.

- Чин избрания на патриаршеский престол // Древняя российская вивлиофика. СПб., 1773. Т. 1.
- Чин избрания, наречения, благовестия, посвящения и шествия около города патриарха Никона // Христианское чтение. 1882. Ч. 2.
- Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1881. Вып. 7.
- Ярославские губернские ведомости. 1852. № 46, № 26; 1890. № 12.
- Bos L. van den.* Het Tooneel der Doorluchtige Manner onser Eeuwe. Het eerste deel. Amsterdam, 1650.
- Extract Skrifwelse othur Narfwen then 9 Augusti // Post & Inkires Tidningar. 1658.
- Letters du cardinal Mazarin pendants son ministere / Recueillies et publiées par M. le V. D'Avenal. Paris, 1893. Т. 7.
- Moschovia sive Brevis Narratio, de Moribus Magnae Russorum Monarchiae // Opera omnia Comitum in Aureo Potok Pilavitae Potocki. Warsaviae, 1744.
- Palmer W.* The Patriarch and the Tsar: Vol. 1—6. London, 1871—1876.
- Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's Refutation / Ed. with introduction and notes by Valerie A. Tumins and G. Vernadsky. Berlin; New York; Amsterdam, 1982.
- Sebastianus Glavinich de rebus Moschorum // Sammlung bischer noch schriften zur altern Geschichte und kenntniss des Russischen Reichs / Hrsg. von B. von Wichmann. Berlin, 1820. Bd 1.
- Svenska Riksrådets Protokol. Trejde Serien af Handlingar Rorande Sveriges Historia. XVI (1654—1656). Stockholm, 1923.

Монографии и статьи

- Абцедаарский Л. С.* Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII в. Минск, 1978.
- Аграрная история Северо-Запада России XVII века: (Население, землевладение, землепользование). Л., 1989.
- Алферова Г. В.* К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное наследство. 1969. № 18.
- Амфилохий, архимандрит.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. СПб., 1875.
- Андреев А. Р.* Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. М., 1999.
- Антонович В. Б.* Очерк состояния православной церкви в Юго-Западной России с половины XVII до конца XVIII столетия // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1.
- Аполлос, архимандрит.* Начертания жития и деяний Никона, патриарха московского и всея России. М., 1859.
- Арсеньев Ю. В.* Ближний боярин Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной. М., 1902.
- Бакланова И. А.* Русский читатель XVII в. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967.

- Барсуков А. П.* Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., 1891.
- Барсуков А. П.* Родословие Шереметевых. СПб., 1904.
- Бахрушин С. В.* Московское восстание 1648 года // Научные труды. М., 1954. Т. 2.
- Белокуров С. А.* Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве XVII в. М., 1888.
- Белокуров С. А.* Арсений Суханов // ЧОИДР. 1891. Кн. 2.
- Белокуров С. А.* О Посольском приказе // ЧОИДР. 1906. Кн. 3.
- Белокуров С. А.* Собрание патриархом Никоном книг с Востока // Христианское чтение. 1882. Сент. — окт.
- Белоненко В. С.* Материалы для изучения истории книжного дела и библиотеки Иверского Успенского монастыря на Валдайском озере в XVII—XIX столетиях // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994.
- Белявский Н.* Сильвестр Косов, митрополит Киевский // Литовские епархиальные ведомости. 1872. № 7—10.
- Берх В.* Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1.
- Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998.
- Богданов А. П.* Русские патриархи (1589—1700): В 2 т. М., 1999.
- Богданов А. П.* Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. № 2.
- Бондаренко А. Ф.* Московские колокола. XVII век. М., 1998.
- Борисов Н. С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв. М., 1988.
- Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум. СПб., 1900.
- Ботвинник М. Б.* Лаврентий Зизаний. Минск, 1973.
- Брикнер А.* Чума в Москве в 1654 году // Исторический вестник. 1884. Апр.
- Бриллиантов И.* Патриарх Никон в заточении на Белоозере: Исторический очерк. СПб., 1899.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
- Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы, эволюция. СПб., 1995.
- Буланин Д. М.* Translatio studii: путь к русским Афинам // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994.
- Булычев А. А.* О публикации постановления церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом Требниках (М., 1639 г.) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2.
- Булычев А. А.* Поучение на «морское поветрие» патриарха Иосифа // Литература Древней Руси: Источниковедение. М., 1988.
- Бусева-Давыдова И. Л.* Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
- Буцинский П. Н.* Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим // Вера и разум. 1891. № 10. Май.
- Быков А. А.* Патриарх Никон, его жизнь и общественная деятельность. (ЖЗЛ). СПб., 1891.
- Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947.

- Вайнштейн О. Л. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII века // Учен. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. 1951. Вып. 18. № 130.
- Валишевский К. Патриарх Никон // Новое слово. 1910. № 9.
- Вальденберг Г. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.
- Варенцов В. А., Коваленко Г. М. Хроника бунташного века. Л., 1991.
- Введенский С. Костромской протопоп Даниил // Богословский вестник. 1913. Т. 1. Апр.
- Веселовский С. Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в сыскных приказах. М., 1907.
- Веселовский С. Б. О кабаках и кружечном дворе в 1651 г. в Новгороде // ЧОИДР. 1907. Кн. 1.
- Веселовский С. Б. Семь соборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908.
- Вовина В. Г. Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов) // Вопросы истории. 1991. № 7—8.
- Водарский Я. Е. Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI — начало XX в.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989.
- Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII—начале XVIII в. // Историческая география России. XII—начало XX в.: Сб. статей к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного. М., 1975.
- Воздвиженский Т. Историческое обозрение рязанской иерархии и всех церковных дел сей епархии. М., 1820.
- Володихин Д. М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993.
- Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до конца петровских реформ. Л., 1986.
- Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. 1945. Т. 16.
- Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656—1658 гг. // Исторические записки. 1941. Т. 11.
- Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882—1884. Ч. 1, 2.
- Голобуцкий В. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962.
- Голубцов А. Вступление в патриаршество и поучение к пастве Иосифа, патриарха Московского // Прибавления к творениям святых отцов. 1888. Т. 42.
- Гордиенко Э. А. Владычная палата Новгородского Кремля. Л., 1991.
- Гунн Г. П. Каргополье — Онега. М., 1989.
- Гунн Г. П. Каргопольский озерный край. М., 1989.
- Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского дома. Л., 1985.
- Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.

- Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII вв.: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
- Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996.
- Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков. М., 1985.
- Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума. (Творческая история произведения). Л., 1974.
- Докучаев-Басков К. Подвижники и монастыри русского Севера // Христианское чтение. 1885. Ч. 1.
- Докучаев-Басков К. Сказание о чудесах в Каргопольской Хергозерской пустыни от иконы преп. Макария Унженского и Желтоводского // ЧОИДР. 1902. Кн. 3.
- Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 2.
- Дубасов И. И. Рязанский архиепископ Мисаил // Исторический вестник. 1889. Т. 38.
- Елеонская А. С. Политические цели второго издания Пролога 1642—1643 гг. // Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.): Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1978.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI—XVII вв. М., 1901. С. 222—241.
- Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.): Документы, исследования. М., 1994.
- Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. 1.
- Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
- Замечательный портрет патриарха Филарета // Русский архив. 1863. Вып. 4.
- Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. München, 1970.
- Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. М., 1958.
- Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1939. Т. 1—3.
- Иванов П. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М., 1853.
- Иванова Ж. Н. Василий Бурцов и его роль в развитии печатного дела в России // Памятники народной русской культуры. XVII—XIX вв. Труды ГИМ. М., 1990. Вып. 75.
- Иерархия Вятская и Астраханская // ЧОИДР. 1848. №. 7.
- Иеромонах Николай (Ярушевич). Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). Пг., 1917.
- Иконников В. С. Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, один из предшественников петровской реформы // Русская старина. 1883. Ноябрь.

- Иловайский Д. Шеин при ином историческом освещении // Русская старина. 1898. Ноябрь.
- Ильин М. А. Крестный монастырь на Кий-острове // Архитектурное наследство. 1962. № 14.
- История внешней политики России. Конец XV—XVII в. М., 1999.
- История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1959. Т. 4.
- Казаченко А. И. К истории Земского собора 1653 г. // Исторический архив. 1957. № 4.
- Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999.
- Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913.
- Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1.
- Каптерев Н. Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII столетия // Православный Палестинский сборник. СПб., 1895. Т. 15. Вып. 1.
- Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.
- Карпов Г. Киевская митрополия и московское правительство во время соединения Малороссии с Великой Россией // Православное обозрение. 1871. Авг.
- Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1994.
- Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М., 1992.
- Кашкин Н. Н. Родословные разведки. Т. I. СПб., 1912.
- Киселев Н. П. О Московском книгопечатании XVII в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 2.
- Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
- Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3.
- Кнехт Р. Ришелье. Ростов н/Д., 1997.
- Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба за выход к Балтийскому морю в 1655—1661 годах. М., 1998. С. 49—58.
- Коваленко Г. М. Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI—XX веков. СПб., 1999.
- Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. СПб., 1996.
- Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX века. СПб., 1999.
- Козловский И. Ф. М. Ртищев. Историко-биографический очерк. Киев, 1906.
- Кондратьева Е. В. Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского Иверского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1980. Л., 1981.
- Костомаров Н. И. История раскола у раскольников // Вестник Европы. 1871. Кн. 4.
- Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. Кн. 2.

- Кошелева О. Е. Боярство и дело патриарха Никона // Вопросы истории СССР. М., 1982. Т. 12.
- Кошелева О. Е. Приговор князю Ивану Никитичу Хованскому // Архив русской истории. 1994. Вып. 5.
- Кротов М. Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа (Этюд из исторической психологии) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2.
- Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990.
- Лебедев Лев, протоиерей. Патриарх Никон. Очерк жизни и деятельности // Богословские труды. Сб. 23–24. 1982–1983.
- Леонид (Кавелин), архимандрит. Вкладная книга московского Новоспасского монастыря // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1883. Т. 39.
- Леонид, архимандрит. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3–4.
- Леонид, архимандрит. Стефан, архиепископ Суздальский, бывший в сане архимандрита настоятелем Воскресенского (Новый Иерусалим) монастыря // ЧОИДР. 1876. Кн. 1.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
- Лобачев С. В. Владения Кожеозерского монастыря при игумене Никоне // Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XIX вв.: Проблемы изучения монастырей и монастырской культуры. Тезисы докладов XI Всероссийской конференции. Тихвин, 1999.
- Лобачев С. В. Донесения Петра Лоофельдта о Новгородском восстании 1650 года // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11–13 ноября 1998 года. Новгород, 1998.
- Лобачев С. В. К вопросу о ранней биографии патриарха Никона // Средневековая Русь: Сб. науч. статей к 65-летию со дня рождения проф. Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995.
- Лобачев С. В. Книгопечатание и раскол. Старопечатные издания Московского Печатного двора первой половины XVII в. как исторический источник. Опыт исследования // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 7.
- Лобачев С. В. Лобное место в Москве: история и миф // Наука и жизнь. 1994. № 3.
- Лобачев С. В. Патриарх Никон и церковная иерархия // Россия XV–XVIII столетий. Сб. науч. статей. Волгоград; СПб., 2001.
- Лобачев С. В. Преосвященный митрополит // Чело. 1999. № 3.
- Лобачев С. В. У истоков церковного раскола // Отечественная история. 2001. № 2.
- Луттов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970.
- Луттов С. П. Покупатели изданий московской типографии в середине XVII века. Л., 1983.

- Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610—1620 гг.). Л., 1959.
- Лютина Е. Ю. Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова (1619—1633) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVII вв.: Сб. науч. трудов. М., 1988.
- М. Б. Шеин под Смоленском // ЧОИДР. 1897. Кн. 2.
- Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1891. Т. 52. № 8.
- Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви. СПб., 1882—1910. Т. 11—12.
- Макарий (Булгаков), митрополит. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881.
- Маландин В. В. Церковь и государство в патриаршество Филарета / Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1996.
- Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974.
- Мансветов И. Как у нас правилась церковные книги. (Материалы для истории книжной sprawy в XVII столетии по бумагам архива типографской библиотеки в Москве) // Прибавления к творению святых отцов. 1883. Кн. 5.
- Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989.
- Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892.
- Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1.
- Мининков Н. А. Донское казачество XVI—XVII вв.: черты характера, взгляд на мир, особенности мышления // Новый Часовой. 1998. № 6—7.
- Михайловский С. В. Жизнь святейшего Никона, патриарха всероссийского. СПб., 1863.
- Морозов К. К. Памятник архитектуры — Новоспасский монастырь в Москве. М., 1982.
- Морозова Л. Е. Царь Михаил Федорович // Вопросы истории. 1992. № 1.
- Московский Кремль. Патриаршие палаты. М., 1994.
- Московский областной краеведческий музей в городе Истре: Путеводитель. М., 1989.
- Немировский Е. Л. Иоганн Гутенберг. М., 1989.
- Несколько слов по поводу нового издания грамоты Константинопольского патриарха Паисия I к московскому патриарху Никону // Христианское чтение. 1881. Ч. 2.
- Николаевский П. Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на московском соборе 1666 г. // Христианское чтение. 1886. Ч. 1. № 1—6.
- Николаевский П. Из истории сношений России с Востоком в половине XVII столетия // Христианское чтение. 1882. Ч. 1.
- Николаевский П. Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. Ч. 1—2.
- Николаевский П. Путешествие Новгородского митрополита Филиппа в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа // Христианское чтение. 1885. Март — апр.

- Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1985.
- Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
- Об одном из списков Жития патриарха Никона // ЧОИДР. 1909. Кн. 3.
- Овчинникова Е. С.* Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955.
- Оглоблин Н. Н.* Бытовые очерки XVII в. // Русская старина. 1892. Т. 73.
- Оглоблин Н. Н.* Дело о самовольном приезде в Москву тобольского архиепископа Симеона в 1661 г. (Очерк из жизни XVII в.) // Русская старина. 1893. Окт.
- Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955.
- Очерки русской культуры. М., 1979. Ч. 1—2.
- Павлов А. П.* Самодержавие и земские соборы русского государства XVI—XVII веков // Место России в Европе: Материалы международной конференции. Будапешт, 1999.
- Перетц В. Н.* Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII вв. // Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 2.
- Петров Н. Н.* История родов русского дворянства. М., 1991.
- Пирлинг П.* Паисий Лигарид; Дополнительные сведения из римских архивов // Русская старина. 1902. Т. 109.
- Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904.
- Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI—XVII вв. Л., 1925.
- Платонов С. Ф.* Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории. СПб., 1912.
- Платонов С. Ф.* Новый источник для истории московских волнений 1648 года // ЧОИДР. 1893. Кн. 1.
- Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995.
- Поздеева И. В.* Московское книгопечатание первой половины XVII в. // Вопросы истории. 1990. № 10.
- Поздеева И. В.* Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора. Первая половина XVII в. М., 1986.
- Поздеева И. В.* Первые Романовы и царистская идея // Вопросы истории. 1996. № 1.
- Покровский А. А.* Московский Печатный двор в первой половине XVII века. М., 1915.
- Полознев Д. Ф.* Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за укрепление авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1990.
- Понырко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1990. Т. XLIII.
- Попытки канонизации патриарха Никона. Сообщено В. Колосовым // Исторический архив. 1880. Окт.

- Поршнев Б. Ф. На путях к Поляновскому миру // Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964.
- Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.; Л., 1948.
- Поршнев Б. Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5.
- Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970.
- Преображенский А. А. Восстания конца 40-х гг. XVII в. в России // История Европы. М., 1994. Т. 4.
- Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII века // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1904. Т. CIV.
- Прыжов И. Г. История кабаков в России. М., 1992.
- Рихтер М. История медицины в России. М., 1820. Ч. 2.
- Рождественский Н. В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быте XVII в. // ЧОИДР. 1902. Кн. 2.
- Романенко А. И. Один из этапов строительства Патриарших палат (по архивным материалам) // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1976. Вып. 2.
- Ромодановская Е. К. Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная рукописная и духовная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.
- Ротенбург С. С. Монархия с Боярской Думой // Учен. зап. МГПИ им. Ленина. 1946. Т. 35. Вып. 2.
- Румянцева В. С. Кружок Стефана Внифантиева // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
- Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986.
- Румянцева В. С. Ртищевская школа // Вопросы истории. 1983. № 5.
- Русское православие: Вехи истории. М., 1989.
- Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987.
- Седов П. В. Детские годы царя Федора Алексеевича // Средневековая Русь: Сб. науч. статей к 65-летию проф. Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995.
- Седов П. В. Деятельность боярских надворных комиссий XVII в. в отсутствие царя в Москве // Studia humanistica. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996.
- Седов П. В. Проекты изменения церковной иерархии в царствование Федора Алексеевича // Средневековое православие от прихода до патриархата: Сб. науч. статей. Вып. 2. Волгоград, 1998.
- Семенов В. К истории сношений со Швецией. Отрывки шведского дневника времен царя Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1912. Кн. 1.

- Сивак С. И.* Изразцовая мастерская Иверского Валдайского монастыря (1655—1690 гг.) // Новгородский край. Материалы научной конференции «Новгород древний — Новгород социалистический. Археология. История. Искусство». Л., 1984.
- Силин П. М.* Историческое описание Валдайского Иверского Святоозерского Богородицкого монастыря. СПб., 1885.
- Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVII вв.). М., 1998.
- Сироткин С. В.* К биографии протопопа Аввакума // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999.
- Скворцов Д.* Дионисий Зобнинский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры). Тверь, 1890.
- Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв. Новосибирск, 1991.
- Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988.
- Смирнов А.* Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всяя Руси // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1874. Кн. V.
- Смирнов П.* Иоаким, патриарх Московский. М., 1881.
- Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1948. Т. 2.
- Снегирев И.* Лобное место в Москве // ЧОИДР. 1861. Кн. 1.
- Снегирев И.* Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. СПб., 1863.
- Соболевский А. И.* Образованность Московской Руси XV—XVII вв. СПб., 1892.
- Соловьев Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии // ЧОИДР. 1894. Кн. 3.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1990—1991. Кн. 5—7.
- Соловьева Т. Б.* Отношения государства и церкви по вопросам землевладения в России XVII в. (по материалам Патриаршего дома) / Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1979.
- Соловьева Т. Б.* Следственное дело о новгородском восстании 1650 г. (Источниковедческий обзор) // Новгородский исторический сборник. СПб.; Новгород, 1993. № 4(14).
- Сорокин П. Е.* О роли казачества в сохранении и развитии традиций мореплавания в России в XVI—XVII вв. // Казачий Петербург. Первая региональная научно-практическая конференция. Сб. статей. СПб., 1995.
- Спаский И. Г.* Московская математическая рукописная книга середины XVII в. и ее первый владелец // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981.
- Станиславский С. К.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
- Сташевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Т. 1.
- Субботин Н.* Дело патриарха Никона: Историческое исследование по поводу XI т. «Истории России» проф. Соловьева. М., 1862.

- Субботин Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1.
- Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962—1968. Т. 1—7.
- Титов А. А. Летопись о ростовских архиереях. СПб., 1890.
- Титов А. А. Материалы для истории русской церкви. Рязанские иерархи // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1891. Янв. — февр.
- Титов А. А. Митрополит Иона III Сысоевич и его постройки в Кремле Ростова Великого // Исторический вестник. 1885. Окт.
- Титов А. А. Тверские епископы: Материалы для истории русской церкви. М., 1890.
- Титов А. А. Троицкий Макарьев Желтоводский монастырь. М., 1910.
- Титова Л. В. Сказание о патриархе Никоне — публицистический трактат пушторских узников // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI—XVII вв. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1998.
- Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII веке. М., 1969.
- Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII века // Русское летописание. М., 1979.
- Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. М., 1961.
- Тиц А. А. Новые данные о патриаршем дворе в Кремле // Архитектурное наследство. 1962. № 14.
- Токмаков И. Историческое и археологическое описание московского Алексеевского девичьего монастыря. М., 1889.
- У истоков русского книгопечатания. М., 1959.
- Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1996. Т. 1.
- Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России: Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998.
- Устюгов Н. В., Чаев Н. С. Русская церковь в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961.
- Филарет (Гумилевский), архиепископ. История русской церкви. Рига, 1847. Т. 4.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983.
- Флоря Б. Н. Государственная власть и формирование духовного сословия в средневековой России // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в.: Международная конференция. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. М., 1994. Ч. 2.
- Флоря Б. Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI—XVII вв. // Одиссей. Историк и время. 1992. М., 1994.
- Флоря Б. Н. Материалы миссии Феофана Палеопатрского в Россию в 1645 г. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990.
- Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). М., 1992.
- Фонкич Б. Л. Греческое книгописание в России XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994.

- Фонкич Б. Л. Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII в.: Греческие документы московских хранилищ. Каталог выставки. М., 1991.
- Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700) // ЖМНП. 1898. Февр.
- Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // ЖМНП. 1891. Июнь.
- Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления Средневековья в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.
- Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978.
- Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. // Исторические записки. 1945. Т. 14.
- Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.
- Чернов А. В. Вооруженные силы Московского государства в XV—XVII вв. М., 1954.
- Четыркин Ф. В. Жизнеописания святейших патриархов московских и всея России (1589—1700). Пг., 1893.
- Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы). Воронеж, 1975.
- Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М., 1964.
- Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный и политический деятель XVII века. СПб., 1906.
- Эйнгорн В. О. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1893. Кн. 2.
- Яковлева Н. П. К вопросу о никоновском строительстве // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях: Сб. науч. трудов. Л., 1989.
- Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897.
- Alexander J. Bubonic plague in early modern Russia: Public health and urban disaster. London, 1980.
- Bachmeister J. Beytrage zur Lebensgeschichte des Patriarchen Nikon. Riga, 1788.
- Bercé Y.-M. The Birth of Absolutism. A History of France, 1598—1661. London, 1996.
- Bergin J. Richelieu and His Bishops. Ministerial Power and Episcopal Patronage under Louis XIII // Richelieu and His Age. Oxford, 1992.
- Bernhard G. B. Fedor Nikitic Romanov. Heidelberg, 1977.
- Briggs R. Church and State from Henry IV to Louis XIII // Communities of Belief. Cultural and Social Tension in Early Modern France. Oxford, 1989.
- Bushkovitch P. Religion and Society in Russia. The sixteenth and the seventeenth centuries. New York; Oxford, 1992.
- Carlson M. Ryska kriget 1656—1658. Stockholm, 1903.
- Church W. Richelieu and Reason of State. Princeton, 1972.
- Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia 1613—1689. Princeton, 1983.

- Crummey R. O.* The Reconstitution of the Boiar Aristocracy. 1613–1645 // *For-*
schungen zur osteuropäischen Geschichte. 1973. Bd 18.
- Davies N. Zemon.* Printing and the People // *Society and Culture in Early Modern*
France. Stanford, 1975.
- Fareglund R.* Kriget i Östersjöprovinserna 1655–1661. Åbo, 1979.
- Fuhrmann J.* Tsar Alexis, His Reign and His Russia. Gulf Breeze, 1981.
- Ginzburg C.* The Cheese and the Worms. The cosmos of a sixteenth-century miller.
Penguin books, 1982.
- Heller W.* Die Moskauer «Eiferer für die Frömmigkeit» zwischen Staat und Kirche:
(1642–1652). Wiesbaden, 1988.
- Hemer Ch.* Herrschaft und Legitimation im Rußland des 17 Jahrhunderts: Staat
und Kirche zur Zeit des Patriarchen Nikon. Frankfurt a. M., 1979.
- Herlihy D.* The Black Death and the transformation of the West. Harvard, 1997.
- Hughes L. A. J.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; London, 1999.
- Hughes L. A. J.* Sophia, Regent of Russia, 1657–1704. London, 1990.
- Keep J.* The Regime of Filaret // *Slavonic and East European Review.* 1960. Vol. 38.
Nr. 91. June.
- Lobachev S. V.* Patriarch Nikon's Rise to Power // *Slavonic and East European Re-*
view. 2001. Vol. 79. Nr 2. April.
- Longworth P.* Alexis, Tsar of All the Russias. London, 1984.
- Lupinin N.* Religious Revolt in the XVII th Century: The Schism of the Russian
Church. Princeton, 1984.
- Meyendorff P.* Russia, Ritual and Reform. The Liturgical Reforms of Nikon in the
17th Century. Crestwood, 1991.
- Michels G. B.* At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century
Russia. Stanford, 1999.
- Michels G. B.* The first Old Believers in Tradition and Historical Reality //
Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1993. Bd 41.
- Pascal P.* Avvakum et les debuts du rascol. Paris, 1938.
- Ranum O. A.* Richelieu and the Councillors of Louis XIII. Oxford, 1963.
- Rauch G.* Moskau und der Westen im Spiegel der schwedischen diplomatischen
Berichte der Jahre 1651–1655 // *Studien über das Verhältnis Russlands zu*
Europa. Darmstadt, 1964.
- Roberts M.* Gustavus Adolfus. A History of Sweden 1611–1632. London; New York;
Toronto, 1953. Vol. 1.
- Spinka M.* Patriarch Nikon and the Subjection of the Russian Church to the
State // *Church History.* 1941. Vol. 10.
- Vernadsky G.* History of Russia. Vol. 5: Tsardom of Moscow. 1547–1682. Pt. 2. New
York, 1969.
- Wolfe M.* The Conversion of Henry IV. Politics, Power and Religious Belief in Early
Modern France. London, 1993.

Указатель имен

- Абцедаарский Л. С. 310, 384
Абрамович Павел, посылник войска Запо-
рожского 137
Аввакум, протопоп Юрьевский 57, 106, 107,
113, 118, 120—125, 128, 149, 152, 183,
184, 216, 217, 236, 256, 269, 302, 304, 307,
308, 372, 383, 385, 387, 393, 396
Августин Блаженный 69
Авраамий, инок 36, 55, 56
Агафоник, автор послания 75, 297
Александр, грузинский царь 208
Александр, епископ Коломенский *см. так-
же* Александр, епископ Вятский 179—
182
Александр, епископ Вятский 182, 185, 216,
225
Алексей, митрополит Московский 65
Алексей Алексеевич, царевич 147, 149, 158,
165, 174, 197, 200, 370
Алексей Богданович, спальник 361
Алексей Михайлович, царь 5—7, 18, 20, 29,
48, 51, 58, 59, 62, 63, 67—72, 74—80, 82—
84, 86, 89, 91, 92, 96, 100, 102—112, 120,
124, 126, 131, 132, 134—137, 140—144,
147—149, 153—155, 158—160, 162—165,
167, 169, 172, 177—179, 181, 185, 188,
190—192, 194—196, 198—203, 208, 212,
213, 217—225, 228, 231, 233, 234, 237,
242, 251—254, 257, 258, 270, 271, 276,
279, 283, 292, 294—298, 302—305, 308,
312, 314, 315, 317—320, 323, 334, 335,
342, 346—351, 353—361, 370, 371, 375,
378, 380—385, 388, 389, 392, 395, 396
Алексей Петрович, царевич 57
Аллегретти Аллегрет, имперский посыл 160,
164, 165, 167, 172
Алферова Г. В. 238, 329, 384
Амфилохий, архимандрит 328, 384
Анаания, священник 54, 55, 57, 71, 101
Анастасия Романова, жена Ивана Грозного
15
Андреев А. Р. 336, 384
Анисимов Григорий, книжный справщик
45
Анна Алексеевна, царевна 150
Анна Михайловна, царевна 120, 208
Анофрий, пустынный 122
Антоний, дяк 183
Антоний, иеромонах Козмодемьянского мо-
настыря 101
Антонович В. Б. 312, 384
Аполлос, архимандрит 101, 302, 334, 336,
384
Арий 128, 129
Арсений Глухой, старец 42
Арсений Грек, книжный справщик 117, 123,
124, 233, 308, 385
Арсеньев Ю. В. 305, 384
Арцыбашев Богдан, новгородец 348
Афанасий Великий 75
Афанасий Пателар, патриарх Константино-
польский 140
Афанасий, игумен Ферапонтова монастыря
250
Афанасий, митрополит Московский 107
Афоний, митрополит Новгородский 44, 66,
86, 87, 97, 108, 299, 358
Б
Базилевич К. 298, 340, 380
Бакланова И. А. 290, 384
Баклановский Иван Иванович, русский
посол 164, 194
Балабан Дионисий *см.* Дионисий Балабан
Бантыш-Каменский Н. Н. 370
Барсуков А. П. 307, 322, 332, 379, 385
Бартенев П. И. 294, 302—305, 380
Бахрушин С. В. 298, 385
Башковский Игнатий 252
Башмаков Дементий, тайный дяк 80, 191,
207
Безмин Иван Артемьевич, русский живопи-
сец 231, 232
Белоброва О. А. 331
Белово Яков, придворный лекарь 67
Белокуров С. А. 71, 294, 295, 297, 299, 308,
309, 318, 319, 332, 380, 381, 385
Белоненко В. С. 328, 385
Белявский Н. 385
Бердишов Федот, мурза 68
Берх В. 160, 314, 385
Бескровный Л. Г. 300, 386
Бестужев Игнатий, муромский воевода 119
Бестужев-Рюмин К. 303, 340
Биргегёрд У. 329
Блюш Ф. 336, 385
Бобарыкин Роман Федорович 212, 216, 217,
221, 242, 325
Богданов А. П. 275, 331, 332, 336, 385
Богоявленский С. К. 283, 284, 295, 299, 310,
321, 322, 379
Болотников Иван Исаевич 282, 393
Бондаренко А. Ф. 330, 385
Бондарко Н. А. 3, 362
Борейль Яков, голландский посыл 221
Борис Годунов, царь 5, 9, 15, 16, 21, 29, 63,
194

- Борисов Н. С. 275, 294, 300, 336, 385
 Бороздин А. К. 302, 304, 385
 Бос Ламберт, голландский издатель 339
 Ботвинник М. Б. 289, 385
 Брикнер А. 151, 313, 370, 385
 Бриллиантов И. 330—332, 385
 Бродель Ф. 288, 385
 Брюханов Тимофей, дьякон 18
 Брюховецкий Иван Мартынович, гетман войска Запорожского 221
 Бубнов Н. Ю. 73, 180, 296, 306, 308, 318, 319, 325, 328, 334, 385
 Бутанов В. И. 298, 326, 381
 Буйносов-Ростовский Алексей Иванович, князь, воевода 184
 Буйносов-Ростовский Юрий Петрович, воевода новгородский 93
 Буланин Д. М. 289, 318, 385
 Булатников Александр Лаврентьевич, келарь 36, 59, 60, 65
 Булатников Лаврентий Григорьевич, стольник 59
 Булычев А. А. 44, 288, 290, 385
 Бурбоны 279
 Бурлай Кондратий, казачий посол 134, 135
 Бурцов Василий, печатник 48, 289, 387
 Бусева-Давыдова И. Л. 330, 385
 Бутурлин Василий Васильевич, боярин, дворецкий 139, 143, 144, 191, 367, 371
 Бутурлин Иван Андреевич, стряпчий 26, 285, 381
 Буцинский П. Н. 320, 385
 Быков А. А. 336, 385
 Бьелке Густав, шведский посол 163, 168, 170, 317, 378
- В**айнштейн О. Л. 160, 285, 314—316, 385, 386
 Валишевский К. 336, 385
 Вальдемар, датский принц 29, 30, 34, 68, 108, 109, 286, 294, 381, 382
 Вальденберг Г. 215, 325, 386
 Варенцов В. А. 301, 350, 386
 Варлаам, архиепископ Ростовский 86, 94, 97, 102, 105, 108
 Варлаам, келейный старец 87, 259, 260, 264
 Василий, дед патриарха Никона 54
 Василий, протопоп 23
 Василий Шуйский, царь 5, 9, 10, 21, 33
 Васильев Иван, дьякон 249
 Васильева Мария 266
 Введенский С. 304, 386
 Велико-Гагин В. С. 194
 Венедикт, греческий архимандрит, переводчик 76, 77,
 Вернадский Г. В. 109, 215, 273, 309, 325
- Веселовский С. Б. 17, 283, 294, 301, 379, 386
 Взимков Иван, дьяк 235
 Викентий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 265
 Виниус Андрей Денисович, заводчик, голландский купец 69
 Витсен Николаас, голландский посол 128, 150, 192, 220, 221, 229, 243, 245—247, 309, 313, 321, 326, 327, 330, 381
 Вишенский Иван, инок Афонского монастыря 306
 Владимир Святой, киевский князь 43
 Владимиров Осип, живописец 239
 Владислав, польский королевич см. Владислав IV
 Владислав IV, король Польши 10, 11, 16, 25, 29
 Вовина В. Г. 283, 284, 386
 Водарский Я. Е. 14, 36, 283, 284, 287, 300, 386
 Воздвиженский Т. 302, 386
 Волк Трофим, посадский человек 93
 Волков М. Я. 273
 Волконский Федор Федорович, князь 144, 192, 197, 348, 349
 Володихин Д. М. 287, 386
 Волошенинов Михаил, думный дьяк 83
 Вонифатьев Стефан, протопоп Благовещенского собора 67, 71—75, 77, 80, 85, 98, 100—102, 105—107, 110—112, 118, 119, 122, 128, 129, 174, 184, 200, 295, 296, 340, 392
 Воробьев В. М. 300, 386
 Воротынский Алексей Иванович, князь 343, 346
 Всеволожский Раф, московский дворянин 70
 Вухтерс Даниэль, голландский живописец 230
 Выговский Иван Евстафьевич, запорожский писарь, затем гетман Левобережной Украины 135, 207
- Г**абсбурги 164
 Гавренев Иван, думный дьяк 197
 Гавриил, дед патриарха Никона 54
 Гавриил, митрополит Сербский 136, 148, 209
 Гаврилов Тимофей, портной мастер 211
 Гадебуш Ф. 160
 Гадзяцкий С. С. 316, 386
 Гедеон, старец кожеозерский 66
 Генрих III, король Франции 279
 Генрих IV, король Франции 278, 279
 Гераклитов А. А. 293, 379
 Герасим, архимандрит Воскресенского монастыря 219

- Герасим Кремлев, архиепископ Тобольский 97, 99, 183
- Герман, архимандрит Воскресенского монастыря 263—265, 267, 333
- Гермоген, архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря 305
- Гермоген, патриарх Московский 10, 21, 46
- Гиббенет Н. А. 154, 189, 271, 294, 305, 313, 318—320, 323—327, 331, 332, 334, 386
- Гидулянова Ю. В. 3
- Гизель Иннокентий, игумен Никольского монастыря 145
- Годунов Матвей Михайлович 23
- Голицын Василий Васильевич, князь 231
- Голицын Иван Андреевич, князь 29
- Голобуцкий В. 132, 310, 311, 386
- Головин Иван Иванович, стольник 200
- Головин Семен Васильевич, боярин 17
- Голосов Лукьян Тимофеевич, дьяк 190, 192, 215
- Голубцов А. И. 286, 301, 318, 381, 386
- Голубцов А. П. 327, 381
- Гольдберг А. Л. 341
- Гонсевский Винцент (Викентий), гетман польский 163, 196
- Гордиенко Э. А. 328, 386
- Горн Густав Карлссон, генерал-губернатор Риги 305, 382
- Горн Густав Эверссон, генерал-губернатор Ингерманландии 170, 317, 378
- Горн Христофор, шведский военачальник 163
- Граман Хартман, придворный лекарь 67
- Грамотин Иван, думный дьяк 19, 29, 66
- Грек Игнатий см. Игнатий Грек
- Григорий Богослов 75
- Григорий Нисский 33
- Григорьев Александр, мастер 245
- Грунд Георг, датский посланник 261
- Грушецкая Агафья Семеновна, царица 263, 333
- Гундулич Франц, имперский посол 164, 166, 167, 236, 316, 317, 382
- Гунн Г. П. 61, 66, 292, 293, 386
- Гуревич А. Я. 287, 386
- Гурлянд И. Я. 320, 386
- Гурьев Владимир, подьячий 235
- Густав II Адольф, король Швеции 25, 40, 396
- Гутенберг Иоганн, первопечатник 287, 390
- Гюго Виктор 32
- Д**'Авагур, французский резидент в Стокгольме 158
- Давид, библейский царь 268
- Дамаскин Птицкий, книжный справщик 117
- Дамиан, инок 36
- Даниил, протопоп Костромской 106, 120, 123, 296, 304, 386
- Данилов Иван, священник 120, 307
- Дегтярев А. Я. 12, 282, 300, 386, 387
- Делагарди Магнус, шведский полководец 162, 172
- Делагарди Якоб, шведский полководец 10
- Дементьева Анисья 258
- Демидова Н. Ф. 286, 387
- Демин С. А. 290, 387
- Демкова Н. С. 118, 121, 307, 387
- Денисов Семен, старообрядческий писатель 177, 318, 381
- Державин Г. Р. 247
- Детерсон Ганс, голландский живописец 230, 231
- Диодор Юрьегорский, инок 59, 60
- Дионисий, игумен Кожеозерского монастыря 65
- Дионисий, митрополит Московский 107
- Дионисий, патриарх Константинопольский 201, 204, 216, 221, 222, 224, 225
- Дионисий Балабан, митрополит Киевский 145
- Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 10, 23, 42—44, 55, 59, 65, 73, 127, 288, 289, 393
- Дмитриева З. В. 3, 283, 295, 309, 326, 388
- Дмитрий Иванович, царевич 9, 18
- Добрынин Никита, священник 216
- Докучаев-Басков К. 287, 292, 387
- Долгорукий Дмитрий Алексеевич, князь 195, 219
- Долгорукий Федор Федорович, князь 194
- Долгорукий Юрий Алексеевич, князь 142, 167, 190, 192, 195, 196, 199, 207, 218
- Долгоруков П. В. 322, 379
- Долгорукова Мария Владимировна, царица 20
- Дорофеев Иван, подьячий 221
- Дорофей, авва 49, 75, 290
- Дорошенко Петр, гетман 259, 260
- Досифей, архимандрит 292, 293, 387
- Дубасов И. И. 302, 387
- Дубенец Андрей, пушкарь 18
- Дьюкс П. 3
- Е**вдокия Алексеевна, царевна 89, 149
- Екатерина II Великая, императрица 22
- Елеазар Анзерский, инок 36, 59—63, 66, 203, 287, 292—294, 381, 386
- Елеонская А. С. 290, 387
- Елизаров Прокофий Кузьмич, думный дворянин 80, 194, 206, 211, 215
- Епифанов П. П. 298, 394
- Ермила, протопоп Ярославский 119

Еропкин Пафнутий, старец 191
Ефрем Сирин 33, 49, 72, 74, 117, 290

Жеглов Иван, митрополичий дворецкий
90–93, 347–349

Желябужский Иван Афанасьевич, думный
дворянин 258

Жизневский А. Н. 323, 328, 381

Жолкевский Станислав, коронный гетман
Польский 10

Жуковский В. А. 247

Забелин И. Е. 292, 387

Заборовский Л. В. 132, 309–311, 387

Заборский Петр Иванович, мастер 244

Загоровский В. П. 286, 387

Зайцев Иван, дворянин 355

Захарьины 77

Захарьин-Юрьев Никита Романович, боя-
рин 15

Зеленская Г. М. 330

Зеньковский С. 132, 273, 287, 294, 296, 302,
304, 307, 310, 325, 331, 335, 387

Зернова А. С. 287, 288, 382, 387

Зерцалов А. 298, 382

Зиборов В. К. 3, 318, 332

Зизаний Лаврентий, протопоп 45, 46, 72,
289, 382, 385

Зизаний Стефан, белорусский писатель 306

Зобнинковский Дионисий *см.* Дионисий Зоб-
ниновский

Золотаренко Иван Никифорович, казацкий
полковник 168, 367, 371

Зосима, архимандрит Иосифова монастыря
99

Зосима, старец кожеозерский 63

Зубов Федор, русский живописец 231

Зыбин Астафий, стрелецкий голова 355

Зызыкин М. В. 189, 271, 273, 320, 334, 387

Зюзин Никита Алексеевич, боярин 192, 196,
208, 211, 220, 223, 224, 332, 335, 256

Иван III, великий князь 95

Иван IV Грозный, царь 9, 12, 15, 40, 102–
104, 107, 224, 283, 309, 349, 356, 370, 390

Иван V Алексеевич, царь 267

Иван Васильевич *см.* Иван IV Грозный

Иван Наседка, поп, книжный справщик 37,
42, 43, 45, 49, 286, 288–290, 391

Иванов Алмаз, думный дяк 65, 139, 147,
148, 155, 167, 190, 215, 218, 365, 367, 370

Иванов Дмитрий, грек 232

Иванов Михаил, крестьянин 70

Иванов П. 292, 387

Иванова Ж. Н. 289, 387

Игнатий Грек, патриарх Московский 21,
43, 44

Иеремия, патриарх Константинопольский
43

Иероним, архимандрит 307, 383

Измайлов Артемий Васильевич, воевода 26

Измайлов Василий Артемьевич 26

Иконников В. С. 323, 387

Иларион, архиепископ Рязанский 184, 185,
225

Иларион, митрополит Суздальский 54, 101,
176, 291, 302, 318, 320, 321

Иловайский Д. 285, 388

Ильин М. А. 329, 388

Илья, игумен Богоявленского монастыря
45, 46

Илья, игумен Соловецкого монастыря 35,
60, 103

Илья Федорович, царевич 263

Иннокентий III, папа Римский 215

Иоаким, патриарх Московский 6, 255–259,
261, 263–266, 278, 332, 385, 393

Иоанн Богослов 72

Иоанн Дамаскин 49

Иоанн Златоуст 33, 49, 50, 72, 74, 75, 103,
297, 303

Иоанн Лествичник 290, 378

Иоанн Предтеча 265

Иоанн Синайский 50

Иоасаф, архиепископ Тверской 177, 209

Иоасаф I, патриарх Московский 30, 35, 40,
58, 187

Иоасаф II, патриарх Московский 250, 251,
331

Иов, патриарх Московский 21, 43, 102, 104,
105, 107

Иов Борецкий, митрополит Киевский 45

Иона, архиепископ Тверской 86, 94

Иона, архимандрит Ростовского Богоявлен-
ского монастыря 305, 312, 381

Иона, игумен Кожеозерского монастыря 65

Иона, митрополит Крутицкий 23, 42–44, 49

Иона, митрополит Ростовский 119, 175,
176, 178, 218, 220

Иона Арзамасский, архимандрит Новоспас-
ского монастыря 77

Иона Сысоевич, митрополит Ростовский
317, 318, 394

Иосиф, архиепископ Астраханский 217

Иосиф, архиепископ Суздальский 182

Иосиф, архиепископ Тверской 191

Иосиф, архимандрит Новоспасского мона-
стыря 209, 250, 252

Иосиф, архимандрит Печерского монасты-
ря 249, 250

Иосиф, архимандрит Спасского Суздальско-
го монастыря 305

Иосиф, патриарх Московский 30, 40, 50, 51,
66, 80, 83–87, 91, 94, 97–100, 102, 104–

- 108, 110, 112, 117, 118, 121, 187, 228, 290,
301, 303, 356—358, 385, 386, 389
- Иосиф Курцевич, епископ 23
- Иракий, грузинский царевич 199
- Ирина Михайловна, царевна 34, 49, 59, 149,
286, 381
- Иринарх, игумен Соловецкого монастыря
59
- К**абанов А. К. 26
- Казаченко А. И. 311, 388
- Каллист, епископ Полоцкий 182, 183
- Кальвуччи Гораций 317
- Каменев Давид, приказчик 354
- Кан А. С. 314, 388
- Капитон, старец 36, 37
- Каптерев Н. Ф. 73, 100, 101, 154, 213, 272,
296, 297, 299, 302, 325, 334, 388
- Карл I, английский король 370
- Карл X, король Швеции 145, 159, 160, 163,
166, 168, 173, 218, 276, 362, 369
- Карл Филипп, шведский принц 10, 11
- Карлон М. 161
- Карпов Г. 311, 388
- Карташев А. В. 273, 300, 303, 306, 307, 335,
388
- Кашкин Н. Н. 322
- Келлер Иоганн фан, голландский резидент
261
- Кельх Х. 160
- Кип Д. 15
- Киприан Старорусенков, митрополит Нов-
городский 23, 33
- Кирилл, архиепископ Андростский 210
- Кирилл, подьячий 351
- Кирилл Александрийский 33, 69, 124
- Кирилл Иерусалимский 49
- Кирилл Лукарис, патриарх Константино-
польский 76
- Кирилл Транквилион 45
- Кириллов Трофим, подьячий 186
- Киселев Н. П. 38, 287, 296, 388
- Кисельников Васька, купец 170, 317
- Ключевский В. О. 28, 32, 285, 286, 294, 306,
388
- Кнехт Р. 336, 388
- Кобзарева Е. И. 160, 161, 314—317, 388
- Коваленко Г. М. 161, 282, 301, 315, 329, 350,
386, 388
- Ковезин Яков, сотник 355
- Козлов С. А. 3, 283, 295, 309, 326, 331, 388
- Козлов Федор, живописец 239
- Козловский И. 296, 388
- Козодавлев О. П. 269
- Козьма, старец 258
- Кокошилов Иван, патриарший дьяк 187,
192, 310
- Коллинс Самюэль, придворный лекарь 71,
201, 295, 323, 382
- Колосов В. 333, 391
- Колычев Филипп см. Филипп, митрополит
Московский
- Конаев Василий, полковой казак 18
- Кондратьева Е. В. 329, 388
- Константин, император Византии 84, 131,
276
- Константинов Мануил, грек 232
- Кончини Кончино 279
- Копыстенский Захарий 49, 306
- Кордт В. 305, 306, 382
- Корнилий, митрополит Казанский 99, 100,
105—108, 111, 174, 175, 177
- Корнилий, митрополит Новгородский 265
- Корольков Алексей, зодчий 239
- Корсаков Семен, новгородец 92
- Корф Николай, воевода венденский 362,
369
- Корыциньский Стефан, великий коронный
канцлер 138
- Костомаров Н. И. 274, 294, 302, 306, 336,
388
- Косцова А. С. 293
- Котошихин Григорий Карпович, дьяк 16,
283, 382
- Кошелева О. Е. 101, 110, 189, 303, 305, 320,
321, 389
- Краббе Иверт, датский посланник 91, 93
- Крами Р. О. 195, 369
- Красинский Ян Казимир, воевода Полоцкий
172
- Крафт Э. 274
- Кремлев Герасим см. Герасим Кремлев
- Кривозубов Иван 258
- Кристиан IV, король Дании 29, 49
- Кристина, королева Швеции 114, 158, 159,
305, 309, 369, 395
- Кромвель Оливер, лорд-протектор 364, 370
- Кротов М. Г. 303, 389
- Крузебьерн Петр, шведский резидент 69
- Крузеншерна Филипп, шведский посол
163
- Ксения, мачеха патриарха Никона 54
- Кузнецова Н. Н. 4
- Куракин Григорий Семенович, князь 158,
162, 165, 167, 193
- Куракин Федор Семенович, князь 105, 144
- Курсков Ю. В. 161
- Курц Б. Г. 303, 306, 321, 382
- Л**аврентий, архиепископ Тверской 124,
177, 178, 191
- Лаврентий, архимандрит 293, 382
- Лаврентий Зизаний см. Зизаний Лаврентий
- Лаврентьев А. В. 334

- Лакиер А. Б. 329, 389
 Ларионов Григорий, дьяк 26
 Лебедев Л., протоиерей 272, 334, 389
 Левитан И. И. 247
 Левкий, архиепископ Псковский 98, 99
 Леонид (Кавелин), архимандрит 229, 297, 308, 319, 327, 329, 330, 333, 372, 380, 389
 Леонтьев Гаврило, дьяк 352, 355
 Лермонтов М. Ю. 227, 247, 330
 Лесли Александр, полковник 24, 114
 Лжедмитрий I, царь *см. также* Отрепьев Григорий 5, 9, 16, 18, 21, 32, 33, 44, 53, Лжедмитрий II 9
 Лисица Елисей, новгородец 93
 Лихачев Д. С. 38, 287, 291, 389
 Лихачев Михаил Тимофеевич, дьяк 261, 263
 Лихачев Н. П. 329, 389
 Лихачев Федор Федорович, дьяк
 Лобанов-Ростовский А. Б. 295, 322, 346, 379
 Лобанов-Ростовский Афанасий Васильевич, князь, стольник 19
 Лобанов-Ростовский Иван Иванович, князь 109, 192, 207, 304
 Лобачев С. В. 293, 300, 324, 389, 396
 Логин, монах 36, 46
 Логин, протопоп Муромский 119—123, 175, 177, 296
 Лодыженский Ф., стольник 136
 Ломакина С. А. 4
 Лоофельдт Петр, шведский резидент 91, 300, 389
 Лопухин Абрам Никитич, думный дворянин 57
 Лопухин Ларион Дмитриевич, думный дьяк 204
 Лорбах Иоганн Теодор, имперский посол 164, 172
 Лупинин Н. 274
 Луппов С. П. 38, 51, 287, 290, 297, 389
 Лускин Александр, патриарший сын боярский 212
 Лыков Борис Михайлович, князь 18
 Львов Алексей Михайлович, князь, дворецкий 26, 29, 30, 66
 Львов Боголеп, инок 63—66, 294
 Львов Борис Васильевич *см.* Львов Боголеп
 Львов Василий Петрович, князь 195
 Львов Григорий Васильевич, думный дьяк 63, 65, 66
 Львов Семен Петрович, князь 195
 Львовы, князья 29, 99
 Люблинская А. Д. 336, 390
 Людовик XIV, король Франции 278, 279, 336, 385, 395
 Лютер Мартин 40
 Лютина Е. Ю. 284, 390
 Мазарини Джулио, кардинал 158, 279, 314, 384
 Майерберг Августин, имперский посол 171, 195, 196, 198, 202, 231, 245, 317, 322, 327, 380
 Майков Л. Н. 334, 390
 Макарий (Булгаков), митрополит 271, 300, 302, 308, 334, 390
 Макарий, архиепископ Псковский 99, 111
 Макарий, архиепископ Сибирский 320
 Макарий, митрополит Новгородский 40, 174, 175, 183
 Макарий, патриарх Антиохийский 87, 88, 128, 140, 163, 200, 201, 216, 222, 223, 225, 228, 233, 251, 302, 311, 312, 315, 320, 321, 383
 Макарий Соловецкий, инок 59, 292
 Максим Грек, ученый монах 49, 131, 290
 Максимов Игнат, мастер 240
 Маландин В. В. 283, 284, 380, 390
 Малыгин Ф. И., воевода каргопольский 241
 Малышев В. И. 308
 Мальцев А. Н. 310, 369—371, 390
 Мансветов И. 46, 289, 390
 Мануйлов, тиун 35, 58
 Мардарий, келейный старец 257—260
 Мариама, мать патриарха Никона 53, 54
 Марисов Федот Тимофеевич, посадский человек 221
 Мария Милославская, царица *см.* Милославская Мария Ильинична
 Маркел, архиепископ Вологодский 86, 94, 111, 188
 Маркел, игумен соловецкий 62
 Мартирий, священник 103
 Мартынов Афанасий, подьячий 186
 Мартюхин Иван Артемьевич, стольник 260
 Марфа Алексеевна, царевна 149, 267
 Марфа Ивановна, царица 59, 77
 Маслеников Иван, земский староста 347
 Масса Исаак, голландский купец 12, 14
 Матвеев Артамон Сергеевич 57, 58, 135, 219, 220, 222, 253, 254, 257, 292, 331, 370, 395
 Матвей, митрополит Казанский 97
 Медведев Сильвестр, придворный поэт 128, 309, 332, 383, 385
 Медичи Мария, королева Франции 278, 279
 Мезецкий Д. И. 17
 Мейендорф П. 274
 Мелетий, иеродьякон 216, 222
 Мелетий, патриарх Александрийский 49
 Мельникова А. С. 283, 309, 390
 Меркатор Герард, географ 236
 Мефодий, епископ Мстиславский 225
 Мещерский Дмитрий, князь, патриарший сын боярский 199, 202, 222

Микулаев Иван, греческий посланник 148
 Милославская Анна Ильинична, сестра царицы 71
 Милославская Мария Ильинична, царица 71, 149, 158, 200, 253, 356, 357, 359
 Милославский Иван Андреевич, окольничий 147, 195
 Милославский Иван Михайлович, боярин 57, 58, 195
 Милославский Илья Данилович, боярин 71, 82, 111, 133, 134, 190, 195, 197, 310
 Мильзин Иван (Струна), дьяк 183
 Милюков П. Н. 31, 37, 283, 286, 287, 306, 390
 Мина, отец патриарха Никона 53, 54
 Минин Кузьма Захарьевич, нижегородский староста, глава народного ополчения 10
 Мининков Н. А. 316, 390
 Минов Григорий, брат патриарха Никона 54
 Минов Никита *см.* Никон, патриарх Московский
 Минов Никифор, брат патриарха Никона 54
 Минов Симеон, брат патриарха Никона 54
 Мисаил, архиепископ Рязанский 100, 105, 184, 302, 387
 Михаил, протопоп черниговский 94
 Михаил Федорович, царь 5, 11, 13–16, 19, 20, 25–31, 33, 38, 40, 41, 44, 67, 68, 77, 89, 97, 107, 109, 131, 140, 194, 202, 278, 282–284, 286, 297, 298, 308, 383, 386, 390, 393
 Михайлова И. М. 3, 340
 Михайловский С. В. 336, 390
 Михельс Г. Б. 179, 180, 274, 320
 Могила Петр *см.* Петр Могила
 Моисей, архиепископ Рязанский 86, 97, 98, 107, 111
 Молзинский В. В. 306, 335, 380
 Молодожников Игнатий, новгородец 349
 Морозов Борис Иванович, боярин 29, 63, 66–71, 74, 78–82, 90, 92, 109–111, 133, 134, 170, 194, 195, 197–199, 201, 206, 276, 295, 305, 341–347, 380
 Морозов Глеб Иванович, боярин 216
 Морозов Иван Васильевич, боярин 29, 155
 Морозов К. К. 297, 390
 Морозова Елена Васильевна, боярыня 195
 Морозова Л. Е. 286, 387, 390
 Морозова Феодосия Прокофьевна, боярыня 181, 216
 Морозовы 29, 99
 Мужилковский Силуян Андреевич, посланник войска Запорожского 83, 131, 134, 135
 Мулин Якоб де, шведский резидент 90, 378

Нартов Андрей Константинович, токарь Петра I 270, 334, 390
 Наседка Иван *см.* Иван Наседка
 Насонов А. 282, 383
 Нарышкина Наталья Кирилловна, царица 254
 Наумов Степан, дворянин 250, 252–254
 Негодяев Макар, новгородец, сын боярский 90
 Негодяев Федор, новгородец, сын боярский 90
 Нектарий, архиепископ Вологодский 23
 Нектарий, архиепископ Паганиатский 210
 Нектарий, архиепископ Сибирский 320
 Нектарий, патриарх Иерусалимский 216, 221
 Неледенский Борис Иванович, патриарший боярин 120, 148, 191
 Немировский Е. Л. 287, 390
 Неплюев Роман 353
 Неронов Григорий *см.* Неронов Иван
 Неронов Иван, протопоп Казанского собора 55, 57, 73, 74, 81, 85, 98, 101, 111, 118–120, 122–125, 128, 129, 175–177, 179, 180, 220, 291, 307
 Нестеров Гаврило, пристав 91
 Никанор, архимандрит, старообрядческий писатель 216
 Никита, архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря 264, 265
 Никодим, отшельник 65
 Николаев С. И. 329
 Николаевский П. 107, 117, 118, 297, 299, 303, 306–308, 330–332, 350, 390
 Николай (Ярушевич), иеромонах 292, 387
 Никольский Н. М. 306, 335, 391
 Никон, патриарх Московский 3, 5–8, 37, 53–63, 65, 66, 73–75, 77, 78, 83, 85–95, 97–129, 132, 134–137, 142–155, 157, 160–163, 165, 167–171, 173–177, 179–247, 249–261, 263–278, 290–294, 296, 297, 299, 301–310, 313, 317–336, 340, 346–351, 354, 355, 357, 359–361, 369, 370, 372, 374, 380–396
 Никон Радонежский 74
 Никон Черногорец 49
 Новомбергский А. 284, 382
 Новосельский А. А. 286, 391
 Нордквист Л. 3
 Нуменс Левин, шведский агент 90
 Оболенский К. М. 319, 382
 Оболенский Ф. Т. 111
 Овчинникова Е. С. 232, 327, 391
 Оглоблин Н. Н. 302, 319, 320, 391
 Одадунов Богдан, пристав 165, 257
 Одоевские, князья 196

Одоевский Михаил Никитич, князь 111, 305
 Одоевский Никита Иванович, князь 69, 81, 103, 108—111, 133, 168, 172, 189, 196, 197, 199, 215, 217, 218, 305, 384
 Одоевский Яков Никитич, князь 240
 Озарьев Леонтий Романович, стрелец 354
 Олеарий Адам, голштинский путешественник 26, 27, 30, 34, 59, 68, 69, 71, 113, 121, 166, 205, 227, 228, 286, 292, 294, 295, 306—308, 327, 382, 385
 Ольшевский Николай, сотник 211, 212, 249
 Опарина Т. А. 41, 44, 47, 286—290, 391
 Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, думный дворянин, дипломат 161, 171, 172, 192, 194, 196, 220, 323, 367, 371, 387
 Отрепьев Григорий *см. также* Лжедмитрий I 9
 Отяев Афанасий 119
 Отяев Василий, дворянин 109

Павел, апостол 103, 372
 Павел, архимандрит Чудовского монастыря 211, 256, 258
 Павел, епископ Коломенский 122, 176, 177, 180, 181, 225, 318, 381
 Павел, игумен Пафнутьево-Боровского монастыря 305
 Павел, митрополит Крутицкий 185, 218—220
 Павел Алеппский, греческий архиерей, писатель 87, 100, 111, 112, 122, 126, 128, 140, 147, 152, 156, 162, 163, 166, 167, 169, 182, 186, 191—193, 199, 200, 228, 229, 233, 235, 239, 245, 302, 383
 Павлов А. П. 3, 82, 299, 391
 Паисий, игумен Соловецкого монастыря 62
 Паисий, патриарх Александрийский 216, 222, 223, 251
 Паисий, патриарх Иерусалимский 83, 84, 86, 87, 117, 131, 243, 299
 Паисий, патриарх Константинопольский 126, 127
 Паисий I, патриарх Константинопольский 308, 390
 Паисий Лигарид, митрополит Газский 112, 204, 213, 214, 216, 217, 222, 223, 225, 229, 230, 236, 274, 325, 391
 Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря 11, 282, 383
 Палмер У. 272
 Панкратий, поповский староста 35
 Парфений, митрополит Фивский 210
 Парфений, патриарх Константинопольский 95, 297
 Пафнутий, митрополит Крутицкий 65
 Пахомий, архиепископ Астраханский 23

Пахомий, архимандрит Иверского Афонского монастыря 77
 Перетц В. Н. 334, 391
 Петр, апостол 103
 Петр, протопоп Сретенский 191
 Петр I Великий, император 17, 57, 58, 114, 201, 229, 233, 266, 270, 278, 283, 309, 334, 390
 Петр Могила, митрополит Киевский 40, 143, 212, 237
 Петров Н. Н. 391
 Петров П. Н. 292
 Пирлинг П. 325, 391
 Писарев Н. 327—329, 391
 Питирим, митрополит Крутицкий *см.* Питирим, патриарх Московский
 Питирим, патриарх Московский 175, 178—180, 183, 185, 205—207, 209, 211, 213, 216, 218, 224, 256, 318, 383
 Платонов С. Ф. 28, 282—286, 298, 391
 Плесси Франсуа дю, отец кардинала Ришелье 279
 Плещеев Леонтий Степанович, судья Земского приказа 69, 79, 80, 341, 343, 344, 346
 Плещеевы 123, 124
 Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, воевода 10, 11, 25, 26
 Поздеева И. В. 38, 287, 288, 290, 296, 297, 307, 391
 Покровский А. А. 288, 391
 Полознев Д. Ф. 303, 306, 317—320, 335, 380, 383, 391
 Поммеренинг Карл, шведский резидент 78, 298
 Помпей Трог 69
 Поньрко Н. В. 56, 291, 302, 318, 320, 391
 Попов А. 285
 Попов М. Г. 318, 382
 Поршнев Б. Ф. 28, 29, 285, 336, 392
 Потемкин Петр, стольник, воевода 169
 Потемкин Спиридон, старообрядческий писатель 216, 236, 296
 Потоцкий Павел, сын Стефана Потоцкого, писатель 156, 157, 193, 196, 197, 200, 202, 314
 Потоцкий Стефан, воевода Брацлавский 156
 Преображенский А. А. 286, 298, 387, 392
 Преображенский А. В. 297, 392
 Придакс Вильям, английский посол 364, 370
 Прозоровский Петр Семенович, князь 225
 Прокл, патриарх Константинопольский 103
 Пронские, князья 196, 197
 Пронский Иван Петрович, князь 197

- Пронский Михаил Петрович, князь 147, 148, 150—154, 197
- Прончищев Иван Афанасьевич, думный дворянин 190
- Прыжов И. Г. 301, 392
- Пустынников Иван 355
- Пушкин А. С. 53, 130, 147, 158, 263
- Пушкин Борис Иванович, боярин 69
- Пушкин Григорий Гаврилович, боярин 19, 134, 135, 191
- Пушкин Матвей, стольник 210
- Р**
- Равальяк Франсуа, убийца Генриха IV 278
- Радзивилл Януш, великий гетман Литовский 163, 167, 362, 369, 371
- Разин Степан Тимофеевич, донской казак 6, 251—253, 257, 331, 382
- Разин Фрол Тимофеевич, донской казак 253
- Растрелли Ф. Б. 244
- Рафаил, епископ Коломенский 86, 94, 176
- Ренодо Теофраст, парижский издатель 339—341
- Репнин-Оболенский Борис Александрович, князь 133, 134, 136, 138, 198, 199
- Ржевский Степан, осадный голова 18
- Рихтер М. 313, 392
- Ришелье Арман Жан дю Плесси, кардинал 278, 336, 384, 388, 395, 396
- Робинсон А. Н. 302, 304, 383
- Родес Иоганн де, шведский резидент 105, 110, 112, 114, 118, 131—133, 137, 138, 141, 142, 149—152, 154, 156, 161, 162, 193, 303, 305, 306, 309, 321, 362, 365, 366, 369, 370, 378, 382
- Рожественский Н. В. 286, 392
- Розелиндт Иоганн, шведский переводчик 166
- Романенко А. И. 329, 392
- Романов Иван Никитич, боярин 18
- Романов Никита Иванович, боярин 66, 70, 80, 110, 114, 132, 133, 193, 194, 295, 339—341, 343—345
- Романова А. А. 325
- Романовы 13, 15, 19, 28, 37, 38, 40, 63, 77, 104, 139, 275, 283—286, 289, 296, 298, 387, 391
- Ромодановская Е. К. 328, 392
- Ромодановский Василий Григорьевич, князь 105, 147, 155, 194, 237
- Ромодановский Григорий Григорьевич, князь 194
- Ротенбург С. С. 321, 392
- Ртищев Михаил Алексеевич, постельничий 198
- Ртищев Михаил Федорович, стольник 263
- Ртищев Федор Михайлович, постельничий 65, 72—74, 192, 194, 198, 256, 296, 388
- Румянцев Семен, дьяк 258
- Румянцева В. С. 154, 287, 295, 296, 306, 307, 313, 340, 341, 392
- Рухманова Э. Д. 315, 380
- С**
- Савва В. И. 292
- Савва Сторожевский 49, 74, 102, 290
- Савелов Иван Петрович см. Иоаким, патриарх Московский
- Сазонов С. В. 291, 383
- Салтанов Иван, армянский живописец 231
- Салтыков Борис Михайлович, боярин 19, 41
- Салтыков Михаил Михайлович, боярин 19, 133, 192
- Салтыков Петр Михайлович, боярин 157, 189, 209, 211, 215
- Салтыковы, бояре 11, 19, 29, 58
- Самарин Ю. Ф. 247
- Самойлович Иван, гетман Левобережной и Правобережной Украины 260
- Самуил, игумен Кожеозерского монастыря 65
- Санин Г. А. 160, 315, 392
- Сапожникова О. С. 50, 290, 303, 380
- Сатановский Арсений, ученый монах, переводчик 143
- Светицкий Матвей 43
- Севастьянова С. М. 292
- Седов П. В. 260, 261, 312, 332, 333, 392
- Селезнев Г. В. 3, 362
- Семенов В. 315, 316, 392
- Семенов Иван, подмастерье 239
- Семенова Е. П. 286, 380
- Серапион, архиепископ Суздальский 35, 80, 182
- Серапион, митрополит Крутицкий 80, 86, 94, 177
- Серафим, иеродьякон 264
- Сергий, игумен Кожеозерского монастыря 65
- Сергий, монах 36
- Сергий Радонежский 49, 74, 102, 242
- Сибелист Ванделин, придворный лекарь 67, 69
- Сивак С. И. 329, 393
- Сигизмунд III, король Польши 19, 24
- Силин П. М. 328, 329, 393
- Силин Федор, купец 170, 317
- Сильвестр, архимандрит Андроникова монастыря 94, 99, 305
- Сильвестр, архимандрит Саввина-Сторожевского монастыря 265
- Сильвестр, митрополит Крутицкий 136, 151, 177, 178

- Сильвестр Косов, митрополит Киевский 117, 143—145, 312, 385
Симеон, архиепископ Тобольский 99, 100, 183, 184, 319, 320, 391
Симеон, митрополит Сербский 97
Симеон Полоцкий, придворный поэт 128, 178, 199, 251, 261
Синицына Н. В. 310, 393
Сироткин С. В. 304, 393
Сицкий Иван Васильевич, князь, боярин 63
Сицкий Юрий Андреевич, князь, боярин 17
Скворцов Д. 288, 289, 393
Скрынников Р. Г. 3, 282, 284, 290, 333, 340, 389, 393
Скуратов Малюта, опричник 102
Славинецкий Епифаний, ученый монах, переводчик 143, 210, 213
Слободский Ян 43
Смирнов А. 283, 285, 288, 289, 393
Смирнов П. П. 295, 298, 332, 383, 393
Снегирев И. 298, 324, 393
Собакин Никита Сергеевич, окольничий 147
Соболевский А. И. 51, 290, 393
Соковнин Прокофий Федорович, окольничий 105, 147
Соловцов Яков, дворянин 92, 93, 347
Соловьев Н. А. 318, 393
Соловьев С. В. 301, 377
Соловьев С. М. 66, 100, 116, 132, 227, 270, 271, 292, 294, 300, 302, 304—306, 310, 316, 320, 325, 327, 334, 350, 370, 393
Соловьева Т. Б. 193, 284, 300, 335, 393
Сорокин П. Е. 316, 393
Софроний, архиепископ Суздальский 124, 154, 177, 182
Софья Алексеевна, царевна 231, 262, 266, 267, 331, 396
Спарвенфельд Иоганн Габриэль, шведский путешественник 237, 329
Спасский И. Г. 63, 293, 294, 393
Станиславский С. К. 282, 393
Сташевский Е. Д. 14, 15, 25, 282—284, 393
Степанов Сила, воевода 162
Стефан, архиепископ Суздальский 389
Стефан, архимандрит Нижегородского Печерского монастыря 305
Стефан, господарь Молдавский 173
Стефан, митрополит Суздальский 182, 213, 319
Стоянов Семен, новгородский купец 349, 350
Стремилов С. В. 4
Стремилова В. Л. 4
Стрешнев Василий Степанович, окольничий 29
Стрешнев Василий Иванович, боярин 29
Стрешнев Иван Федорович, окольничий 191
Стрешнев Родион Матвеевич, боярин 138, 190, 191, 217—219, 226, 252, 253, 266
Стрешнев Семен Лукьянович, боярин 58, 112, 204, 213, 214, 216, 223, 225, 236
Стрешнева Евдокия Лукьяновна, царица 20, 68, 89
Стрешнева Мария 346
Стрешневы 29, 191
Строев П. 285, 301, 302, 308, 311, 317—320, 380, 383
Субботин Н. И. 271, 291, 294—296, 299, 301, 302, 307—309, 312, 319, 327, 334, 393
Сулешов Юрий Яншеевич, князь, боярин 26
Суханов Арсений, келарь Троице-Сергиева монастыря 117, 126, 127, 213, 236, 243, 261, 295, 299, 385
Сытин Иван, помещик 212, 216
Татищев В. Н. 196, 261, 270, 322, 334, 394
Татьяна Михайловна, царевна 18, 29, 149, 232, 259, 260, 263, 267, 269
Тацит, римский историк 69
Теймураз, царь Кахетии 199, 202, 222
Тимофеев Степан, откупщик 95
Тит, апостол 372
Титов А. А. 302, 317, 318, 320, 394
Титова Л. В. 334, 394
Тихомиров М. Н. 298—300, 302, 317, 349, 394
Тихон, келарь 36
Тихон, строитель Афанасьевского монастыря 264
Тиц А. А. 329, 394
Токмаков И. 293, 394
Тололобов Дементий, сын боярский 68
Толстой А. К. 67, 83, 97
Толстой Ф. А. 318, 350, 351, 353—355, 357, 359—361
Траханиотов Петр Тихонович, начальник Пушкарского приказа 69, 80, 81, 341, 343—345
Трисман В. 309, 381
Тромонин К. Я. 293, 380
Трубецкой Алексей Никитич, князь, боярин 68, 69, 105, 142, 167, 168, 188—190, 198, 199, 203, 204, 207, 209, 211, 223, 362, 367, 369, 376
Тумина В. Б. 214, 325
Уваров А. С. 125, 308, 326, 333, 372, 374, 377
Уддэ-Эдла, шведский посол 159
Урусов Семен Андреевич, князь 194, 348, 349

Успенский Б. А. 20, 112, 116, 261, 284, 289, 297—299, 301, 304—307, 309, 311, 324, 333, 394

Устюгов Н. В. 154, 335, 394

Ухтомский Иван Тимофеевич, воевода 148
Ушаков Симон, русский живописец 231, 239

Федор, дьякон, старообрядческий писатель 128, 184, 216, 217

Федор Алексеевич, царь 6, 231, 232, 257, 259—268, 270, 297, 298, 308, 332, 333, 383, 392

Федор Иванович, царь 15, 21, 40, 353, 354

Феодорит, архимандрит 18

Феодосий, дьякон 211

Феодосий, игумен Кожеозерского монастыря 65

Феодосий, император Византии 103

Феодосий, черный поп 18, 252

Феокист, игумен Златоустовского монастыря 122, 180, 181, 296, 308

Феофан, митрополит Палеопатрский 76, 297, 394

Феофан, патриарх Иерусалимский 43, 127, 139, 140

Ферапонт, архимандрит Чудовского монастыря 99, 191, 305

Фербер, шведский поверенный 69

Фердинанд III, император Священной Римской империи 164, 167, 168

Филарет, архиепископ Суздальский 182

Филарет, патриарх Московский 5, 15—25, 28—30, 33, 37, 40, 43, 44, 46—48, 54, 56, 60, 77, 89, 95, 97, 98, 112, 134, 139, 140, 143, 191, 277, 279, 283—285, 288, 289, 380, 386, 387, 390, 393, 395, 396

Филарет (Гумилевский), архиепископ 334, 394

Филина Е. И. 29, 30, 285, 286, 298, 321, 322, 380

Филипп, святой 5, 239, 350, 351, 354—361

Филипп, нарвский купец 34

Филипп, митрополит Московский 102—104, 108—112, 175, 189, 224, 230, 303, 390, 391

Философов Василий, стрелецкий голова 217

Флоровский Г. В. 32, 233, 273, 286, 328, 335, 394

Флоря Б. Н. 48, 289, 297, 335, 394

Фомин Иван, подьячий 135

Фонкич Б. Л. 298, 311, 394, 395

Форстен Г. В. 295, 305, 307, 314, 317, 321, 395

Френкель Л. М. 341

Хворостинин Иван Андреевич, князь 32—34, 286, 380

Хёйзинга Й. 282, 395

Хеллер В. 110, 274

Хемер К. 274, 289

Хилков Иван Андреевич, князь, воевода 68, 154, 155, 184, 192, 198, 199

Хилков Иван Васильевич, князь 147, 154, 155

Хилков Федор Андреевич, князь, новгородский воевода 91—93, 136, 147, 347, 349

Хитрово Богдан Матвеевич, боярин 63, 155, 167, 190, 191, 198, 199

Хитрово Богдан Михайлович, боярин 133

Хломов Петрушка, стрелец 353

Хлопов Кирилл Осипович, боярин 57

Хлопова Мария, царская невеста 19, 58

Хмельницкий Богдан Михайлович, гетман войска Запорожского 130—138, 143—145, 147, 164, 168, 169, 190, 312, 364, 366—369, 371, 381

Хованский Иван Никитич, князь 30, 93, 94, 104, 108—110, 189, 304, 305, 346, 348—350, 352, 354, 355, 359, 360, 389

Хоффман П. 274

Хьюз Л. 3

Цицерон 69

Чадуев Василий, стрелецкий сотник 221

Чаев Н. С. 154, 335, 394

Чевакинский Никита 349

Чепелев Иван, дьяк 264

Черепнин Л. В. 136, 286, 287, 311, 335, 394, 395

Черкасские, князья 29, 196, 197

Черкасский Григорий Сенчулеевич, князь 197

Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, князь 25, 26

Черкасский Иван Борисович, князь 17, 18, 45

Черкасский Яков Куденетович, князь 81, 82, 162, 172, 197, 362, 369

Черная Л. А. 291, 395

Чернов А. В. 285, 395

Чернявский М. 322

Четыркин Ф. В. 336, 395

Чехов А. П. 247

Чистой Назарий 69, 79, 341, 343, 346

Чистякова Е. В. 286, 292, 298, 395

Чуванов М. И. 294, 379

Шайсупов Самуил, пристав 252, 254, 257

Шамшин Иван, губной староста 351

Шарутин Трефил, подмастерье 61

- Шаскольский И. П. 282, 395
 Шаховской Семен Иванович, князь, писатель 33, 34, 286, 380
 Шварц И. 315
 Шейн Михаил Борисович, князь, полковник 18, 24—26, 28, 131, 285, 388, 390
 Шелонин Сергей, старец Соловецкого монастыря 50, 290, 303, 380
 Шепелев Аггей, полковник 226, 249, 250
 Шереметев Василий Борисович, боярин 197, 199
 Шереметев Василий Петрович, боярин 69, 149, 172, 182, 192
 Шереметев Иван Петрович, боярин 29
 Шереметев Петр Васильевич, боярин 196, 197
 Шереметев Федор Иванович, боярин 26, 29, 68, 69, 108, 110, 305
 Шереметевы 29, 109, 196, 197, 378, 385
 Шушерин Иван Корнильевич, иподьякон 53, 54, 57, 58, 61—63, 66, 89, 132, 149, 201, 204, 211, 223, 245, 249, 250, 254, 259, 260, 264, 266, 269, 291—294, 296, 298—301, 310, 313, 314, 323—325, 327, 329—334, 370, 382
- Щ**епотьев Л. 292, 331, 395
- Э**берс Адольф, шведский резидент 93, 114, 170, 171, 193, 195
 Эйнгорн В. О. 312, 395
 Эссен Александр фон, шведский посол 163
- Я**зыков Н. М. 247
 Яков Боровицкий, новгородский святой 177
 Яковлев Михаил, новгородец 354
 Яковлева Н. П. 240, 329, 395
 Якубов К. 298, 395
 Ян Казимир, король Польши 159, 160, 166, 177
 Яцкевич Герасим, посланник войска Запорожского 137
- Alexander J. 313, 395
 Bachmeister J. 334, 395
 Berce Y-M. 336, 395
- Bernhard G. B. 283, 395
 Bergin J. 336, 395
 Bos Lambertus van den 295, 341, 384
 Briggs R. 336, 395
 Bushkovitch P. 290, 395
 Carlon M. 315, 395
 Church W. 336, 395
 Crummev R. O. 284, 285, 292, 321, 322, 349, 369—371, 395, 396
 Davies N. Z. 291, 396
 Fareglund R. 315, 396
 Führmann J. 303, 396
 Ginzburg C. 291, 396
 Glavinich Sebastianus 323, 328, 384
 Greengrass M. 336
 Heller W. 304, 305, 396
 Hemer Ch. 289, 396
 Henry IV 336, 395, 396
 Herlihy D. 314, 396
 Hoffmann P. 335
 Horn Gustav 317
 Hughes L. A. J. 331, 334, 396
 Keep J. 283, 285, 396
 Kivelson V. A. 298
 Klepikov S. A. 293, 380
 Kraft E. 335
 Loewenson L. 340
 Longworth Ph. 323, 335, 396
 Louis XIII 336, 395, 396
 Lupinin N. 335, 396
 Meyendorff P. 306, 335, 396
 Michels G. B. 303, 318—320, 325, 331, 336, 396
 Palmer W. 334, 384
 Pascal P. 302, 304, 396
 Potocki P. 314, 322, 384
 Ranum O. A. 336, 396
 Rauch G. von 316, 362, 396
 Richelieu, cardinal 336, 395, 396
 Roberts M. 286, 396
 Spinka M. 304, 334, 396
 Tumins V. A. 305, 308, 309, 313, 319, 320, 323—326, 328, 334, 335, 374, 384
 Vernadsky G. 305, 308, 309, 313, 319, 320, 323—326, 328, 334, 335, 374, 384, 396
 Wolfe M. 336, 396

Указатель географических и этнических названий

Принятые сокращения: г. — город, о-в — остров, оз. — озеро, п-ов — полуостров, р. — река, с. — село.

Австрия 139
Алатырь, г. 284
Александрия, г. 223, 251, 261
Амстердам, г. 339
Англия 41, 221, 364
Анзерский о-в 36, 58—60, 203
Антиохия, г. 223, 251, 373
Арзамас, г. 284
Архангельск, г. 12, 61, 104, 234, 351, 352, 364, 365
Астрахань, г. 10, 69, 120, 149, 251, 368
Афины, г. 289, 385
Афон, гора 77, 83, 126, 240
Балахна, г. 284
Балканский п-ов 297
Балтийское море 160, 161, 170, 171, 314—317, 369, 380, 386, 388
Бахчисарай, г. 368
Бежецкая пяттина 185
Белгород, г. 31, 178, 284
Белгородская епархия 178
Белгородская черта 31, 130, 286, 387
Белое море 61, 350
Белое, оз. 105, 154, 352
Белозерская десятина 284
Белозерский уезд 255
Белоозеро, с. 253, 264, 331, 332, 385
Белоруссия 72, 115, 142—144, 156, 165, 181, 182, 202, 218, 237, 238, 273, 276, 277, 310, 323, 363, 366, 369—371, 381, 384, 390
Бережок, с. 13
Березов, г. 367
Березово, д. 249
Бобырево, с. 212
Борисов, г. 218, 368, 371
Борисоглебск *см.* Динабург
Боровск, г. 284
Братошино, с. 235
Брянск, г. 284, 369

Вага, г. 88
Валдай 157, 237, 239, 256
Валдайское, оз. 239, 328, 385
Валуйки, г. 18, 31, 284
Варзуга, р. 13

Варшава, г. 133, 134, 136, 138, 145, 163, 167, 371
Велиж, г. 367, 371
Великие Луки, г. 366
Великобритания 339
Вельдеманово, с. 7
Вена, г. 163, 164, 316, 317, 382
Венеция, г. 127, 140
Верхотурье, г. 45, 58
Византийская империя *см.* Византия
Византия 20, 78, 139
Вильна, г. 37, 161—163, 172, 197, 317, 367, 368, 371, 383
Висла, г. 368
Витебск, г. 160, 363, 366, 371
Виффагия, г. 205
Владимир, г. 39, 222, 223, 234, 235, 284
Владимирская дорога 150
Владыкино, с. 235, 310
Воже, оз. 352
Воздвиженское, с. 361
Волга, р. 7, 36, 55, 149, 151, 222, 251—253, 264, 352, 359, 360, 364, 370
Вологда, г. 10, 13, 22, 23, 104, 148, 149, 179, 188, 234, 345, 351—353, 364, 365
Вологда, р. 104, 352
Волок Ламский, г. 284
Воронеж, г. 31
Воскресенск, г. 247
Воскресенское, с. 212, 242
Восточная Римская империя *см. также* Византия 20
Вязьма, г. 6, 155, 156, 163, 218, 234, 323, 363, 365, 366, 381
Вятка, г. *см. также* Хлынов 77, 180—182, 284
Вятская епархия 180

Газа, г. 213
Галич, г. 284
Гангры, г. 373
Германия 38, 41, 339
Голландия 229, 339, 368
Гороховец, г. 284
Греция 236, 377
Григорово, с. 57

Гродно, г. 161

Дамаск, г. 223

Даниловское, с. 36

Дания 139

Даугава см. Западная Двина

Даугавпилс см. Динабург

Даурская земля 304

Двина, р. 69, 88, 104, 352, 371

Двинск см. Динабург

Девичье поле 136

Дерпт, г. 173, 196, 199

Десна, г. 151

Динабург, г. 201, 367, 371

Дмитров, г. 105, 235, 284, 310, 350, 352, 353, 359, 360

Дмитровская дорога 226

Днепр, р. 251, 260

Дон, р. 169, 251, 252, 257

Дорогобуж, г. 148, 163

Друя, г. 151, 162, 171

Дубна, р. 352, 353, 359, 360

Дубровна, г. 363

Европа 24, 38, 41, 51, 70, 139, 157, 251, 277, 278, 299, 328

Египет 223

Елгава см. Митава

Елеонская гора 205, 206

Елеонский холм 243

Елец, г. 31

Жванец, г. 138

Замосковский край 12

Западная Двина, р. 371

Западная Европа см. также Европа 11, 82, 234

Зарайск, г. 39

Зарецкое, с. 235, 310

Звенигород, г. 284

Золотуха, гора 353, 354

Ивангород, г. 34, 173

Иерусалим, г. 83, 117, 205—207, 242, 243, 265

Ижорская земля 316, 386

Ингерманландия 40, 163, 170, 173

Иордан, р. 243

Истра, г. 231, 247, 327, 330, 333, 390

Истра, р. 242, 243, 245

Казань, г. 110, 149, 182, 187, 196, 197, 220, 364

Кайгород, г. 284

Калуга, г. 39

Камарицкая волость 284, 363, 369

Камаричи, г. 369

Каменец-Подольский, г. 368

Кандалакша, г. 128

Карачев, г. 284

Каргополь, г. 88, 105, 234, 352, 359, 293, 360, 386

Каргопольский уезд 36, 64, 65, 185, 353

Кевроль, г. 59, 284

Кексгольмский лен 179

Киев, г. 37, 76, 116, 143, 144, 146, 148, 197, 237, 251, 259, 260

Киевская Русь 20

Кий, о-в 62, 105, 208, 241, 242, 293

Кинешма, г. 284

Кириково, с. 55, 57

Китай 339

Клин, г. 185

Ковно, г. 162

Кожа, р. 62, 66

Коже-озеро 65

Кокенгаузен, г. 201, 321

Колесникова пустошь 36

Коломенское, с. 218, 298, 382

Коломна, г. 181, 234

Коломенская епархия 181, 214

Колывань, г. 170

Кольский п-ов 13

Комызяк, учюг 185

Конотоп, г. 207

Константинополь, г. 20, 76, 83, 103, 116, 140, 148, 165, 172, 173, 213, 221, 251, 259, 262, 266, 276, 339, 364

Копорье, г. 34, 173

Корела, г. 173

Королево, с. 88

Коротков, г. 105, 352, 359, 360

Кострома, г. 106, 284

Котлин, о-в 169

Которосль, р. 265

Краков, г. 145, 163, 167

Крит, о-в 140

Кричев, г. 207

Крым 30, 139, 169

Крымское ханство 315, 392

Кубенское оз. 120, 179

Курляндия 159, 160, 368, 371

Курляндское герцогство см. Курляндия

Курмыш, г. 252, 284

Курмышский уезд 71

Курск, г. 31, 284

Куш, р. 353

Латвия 371

Лахта, р. 185

Лача, оз. 105, 352

Лебедянь, г. 31

Ливны, г. 31, 110

Ливония 172, 173
Литва 23, 45, 156, 160, 163, 221, 311, 363,
369, 387
Лифляндия 162, 367
Лух, г. 284
Лысково, с. 55–57, 71, 184
Люсон, епископство 279

Мадрид, г. 339
Макарьев, г. 7
Малороссия 142–146, 149, 165, 181, 202,
238, 312, 323, 381, 388
Медужская десятина 284
Мезень, г. 59, 122, 284
Минск, г. 160, 161, 367, 368
Митава, г. 371
Могилев, г. 143, 163, 218, 367, 371
Можайск, г. 25, 26, 284
Можайский уезд 255
Молдавия 213
Молога, г. 249
Монастыри:
Алексеевский девичий в Москве 58, 60,
293, 394
Андреевский в Москве 72
Анзерский скит 5, 7, 59–63, 241, 267, 293
Антониев Сийский 23, 43, 56, 98
Богоявленский Полоцкий 185
Боровицкий 185
Буйницкий 237
Владимирский Рождественский 22, 77, 98
Воскресенский девичий 55
Воскресенский Истринский *см. также*
Новый Иерусалим 6, 7, 103, 128, 129,
176, 181, 182, 185, 195, 196, 202, 204,
208, 211, 217, 219, 220, 223, 226, 229,
231, 234, 240, 242–245, 255, 256, 258,
260, 263–270, 319, 327, 330, 333, 389
Выго-Лексинская пустынь 269
Высоко-Петровский в Москве 231
Вязицкий *см. Новгородский Вязицкий*
Двинский Архангельский 56
Дудин 185
Златоустовский 180
Зосимин 185
Иверский Афонский 5, 6, 77
Иверский Святоозерский 157, 162, 169,
177, 185, 194, 199, 208, 219, 234, 236,
237, 239, 240, 242, 247, 256, 260, 323,
328, 329, 380, 381, 385, 388, 393
Иосифов Волоколамский 33, 56, 99
Ипатьевский под Костромой 19
Казанский Преображенский 98
Казанский Спасский 174
Калязин на Волге 6, 151, 154, 155, 208,
235, 360, 363, 370
Кандалакшский 180

Киево-Печерский 221
Кирилло-Белозерский 6, 13, 14, 22, 23,
33, 41, 81, 97, 250, 252, 253, 255, 257–
260, 264, 265, 312, 330, 331, 345, 359,
360, 381, 382
Кожеозерский 5, 63–66, 267, 293, 294,
353, 377
Козмодемьянский Юнгенский 101
Крестный на о-ве Кий 6, 185, 207, 208,
210, 211, 236, 241, 259, 260, 293, 329,
381, 382, 388, 389
Кутеинский Оршинский 157, 237
Ладожский Васильевский 56
Макарьев Желтоводский 5, 36, 54–56, 58,
71, 99, 184, 291, 302, 391, 394
Марков Витебский 182
Межигорский Киевский 255
Московский Богоявленский 98, 99, 177
Николаевский Корельский 13, 55, 56, 355
Николо-Коряжемский 179
Никольский Корельский 145
Новгородский Антоньев 97
Новгородский Вязицкий 56, 177
Новгородский Деревяницкий 100
Новгородский Хутынский 18, 87, 97, 177
Новодевичий под Москвой 234
Новоспаский в Москве 5, 13, 66, 77, 81,
89, 120, 150, 297, 298, 300, 340, 389,
390
Новый Иерусалим *см. также* Воскресен-
ский Истринский 6, 103, 182, 214,
223, 230, 242, 246, 247, 249, 260, 263–
267, 269, 319, 327, 330, 333, 385, 389
Палеостровский 177
Пафнютев Боровский 99, 176
Печерский Нижегородский 184, 249, 305
Преображенский 36
Пристанский Никольский 18
Псково-Печерский 97, 99
Псковский Снеогогорский 99
Пурдышевский 56
Рождественский Торжковский 185
Ростовский Богоявленский 175, 305
Саввин Сторожевский в Звенигороде
112, 182, 219, 220, 234, 265, 358
Сийский *см. Антониев Сийский*
Симонов в Москве 30, 56, 97, 98, 120, 177
Соловецкий 5, 22, 35, 36, 47, 50, 59–62,
87, 97, 175, 233, 292, 293, 303, 350–
352, 355, 356, 359–361, 387, 390
Спасо-Андроников 98, 99
Спасо-Евфимьев в Суздале 35, 178
Спасо-Каменный 120, 122–125, 128, 176,
179
Спасо-Прилуцкий 23
Спасский Старорусский 185
Спасский Ярославский 265

- Сретенский 79
 Страганский Никольский 185
 Суздальский Покровский девичий 13, 56
 Тверской Отроч 102
 Тихвинский 97
 Троице-Сергиев 6, 10, 11, 22, 23, 42, 46, 55, 59, 60, 63, 65, 77, 79, 97, 117, 126, 150—153, 234, 250, 288, 292, 361, 363, 370, 381, 383, 393
 Успенский Трифоновский 7, 181, 185
 Федоровский 185
 Ферапонтов 6, 226, 249, 250, 252, 254, 256, 258, 259, 264, 266, 331, 382
 Хергозерская пустынь 36, 287, 387
 Хутынский см. Новгородский Хутынский
 Чудовский в Кремле 65, 77, 83, 107, 120, 122, 258
 Ярославский Толгский 98, 264
 Мосальск, г. 284
 Москва, г. 5—7, 9—12, 16, 17, 20, 22, 24—26, 28, 30, 31, 33, 34, 38, 40, 41, 43—46, 48, 50, 53, 57—62, 66, 68—70, 73, 76—79, 81, 83, 84, 87, 88, 90—92, 94, 96, 98, 99, 101—111, 114, 115, 117, 119, 121, 122, 126, 128, 129, 131—140, 142—156, 158, 161, 263—165, 167—170, 178, 179, 181, 183, 184, 186—188, 190, 193, 196, 197, 199—208, 210—213, 216—224, 226, 228, 229, 234, 235, 239, 240, 242—244, 250, 252, 253, 256, 257, 259—262, 266, 272, 274, 279, 281, 286, 289, 295, 297, 298, 305, 306, 312, 313, 316, 317, 319, 320, 324, 340, 341, 344—357, 359—364, 366, 369—372, 376—378, 380, 382, 384, 385, 387, 389—393, 396
 Москва, р. 237
 Московский уезд 284
 Московское царство см. Россия
 Мстиславль, г. 207, 363
 Мурашкино, с. 71
 Муром, г. 121, 122
 Нарва, г. 34, 170, 173, 188, 196, 199, 375
 Неаполь, г. 339
 Ненокоцкий посад 13
 Ненокса, р. 13
 Нерль, р. 154
 Нидерланды 41, 282, 395
 Ниеншанц, г. 196
 Нижегородский край 12, 54, 55, 99
 Нижний Новгород, г. 10, 19, 39, 53—55, 57, 58, 73, 149, 184, 234, 284, 364
 Новгород Великий, г. 5, 10, 33, 53, 65, 87—90, 92—96, 103, 109, 113, 165, 169, 179, 175, 176, 207, 224, 234, 239, 240, 255, 269, 300, 301, 346—349, 365, 366, 376, 386, 389
 Новгород-Северский, г. 251, 369
 Новгородская епархия 256
 Новгородские пятины 12
 Новосибирск, г. 274
 Новоторжский уезд 185
 Новый Быхов, г. 371
 Онега, р. 62, 66, 105, 208, 242, 293, 350, 352—354, 359, 360, 386
 Онежская губа 105
 Онежское, оз. 177
 Орешек, г. 173
 Орша, р. 362
 Оскол, г. 31, 284
 Османская империя 259, 260
 Палестина 241—243
 Париж, г. 41, 279
 Пахра, р. 237
 Переяславль Залесский, г. 99, 284, 361, 364
 Переяславль Рязанский, г. 39, 68
 Переяславль (украинский), г. 143
 Персия 202, 286, 292, 294, 306, 382
 Петрозаводск, г. 274
 Пехрянская десятина 284
 Пидба, р. 88
 Пинега, г. 284
 Плес, г. 284
 Поволжье 12, 36
 Полоцк, г. 160, 178, 182, 183, 185, 201
 Полоцкая епархия 185
 Польша см. также Речь Посполитая 6, 10, 11, 24, 25, 37, 44, 130, 134—137, 139, 141, 143, 145, 146, 157—165, 167—169, 172, 183, 196, 200, 201, 218, 237, 251, 259, 260, 262, 276, 277, 339, 362, 363, 366—369, 371
 Поной, р. 185
 Пречистенское, с. 212
 Прибалтика 145, 159, 169, 170, 172, 199
 Пруссия 159, 160
 Псков, г. 90, 93, 94, 109, 169, 346—349, 376
 Путивль, г. 77, 136, 191, 192, 200, 284
 Пянда, г. 13
 Речь Посполитая см. также Польша 5, 11, 16, 25, 37, 130, 146, 159, 162, 173, 207, 218, 259, 276
 Ржев Владимирский, г. 284
 Рига, г. 172, 178, 196, 201, 305, 367, 368, 371, 375
 Рим, г. 159, 213, 261, 339
 Рославль, г. 363
 Россия 3, 5, 9—12, 15, 17, 18, 20—22, 24—26, 28, 29, 32—34, 37—41, 43, 44, 46, 48, 49, 51—53, 68, 70, 72, 76, 78, 81, 82, 87, 90, 95, 96, 98, 103, 106, 115, 117, 122, 126, 128, 130—136, 138—141, 143, 145, 146, 148, 149, 156—158, 160, 161, 163—166,

170—173, 176, 177, 192, 193, 206, 207,
213, 218, 222—224, 228—231, 235, 237,
244, 246, 251, 253, 259—262, 268, 270,
273—279, 281—287, 289—292, 294—304,
306—323, 325—327, 329—332, 334—336,
339, 341, 342, 350, 362, 364, 369, 370, 375,
377—396

Ростов, г. 175, 317, 351, 394

Руза, г. 284

Рыбное, с. 360

Рыльский, г. 284

Самара, г. 364

Санкт-Петербург, г. 274, 281, 377, 378

Саратов, г. 364

Свидь, р. 105, 352

Севск, г. 284, 369

Серпухов, г. 284

Сибирская епархия 23

Сибирь 36, 71, 93, 108, 109, 121

Симбирск, г. 55

Сион, холм 243

Слоним, г. 363

Смоленск, г. 11, 16, 18, 24—26, 131, 142, 143,
145, 150, 154—156, 158, 162, 163, 182,
251, 321, 362—366, 368—370, 390

Соловецкие о-ва 7, 59, 61, 102—105, 189,
352, 354, 355

Сольвычегодск, г. 179

Стамбул *см.* Константинополь

Старая Русса, г. 185

Старица, г. 102, 105

Старый Быхов, г. 367

Стокгольм, г. 40, 158, 159, 163, 362, 371

Столбово, д. 11

Судога, с. 222

Суздаль, г. 178

Суздальская епархия 178, 182, 213

Сухона, р. 104, 352

Тамань, г. 269

Тверь, г. 6, 39, 120, 185, 234, 240, 323, 364,
381

Темников, г. 284

Терек, г. 149

Терек, р. 368

Тобольск, г. 58, 97, 183, 184

Торжок, г. 39, 185, 364

Торопец, г. 284

Тотьма, г. 13, 36, 351, 352

Троицкая дорога 150

Тула, г. 68

Тульский уезд 12

Турция *см. также* Османская империя 6,
165, 260, 262

Турчасов, г. 88, 105, 359

Турчасовский уезд 185

Тушино, с. 10

Углич, г. 352, 353, 360

Украина 5, 36, 72, 115, 132—136, 138, 139,
142, 143, 146, 161, 172, 218, 251, 252, 259,
260, 273, 276, 277, 310—312, 315, 366,
369, 371, 381, 392

Устюг, г. 13, 39, 351, 352

Ухтома, р. 352

Финский залив 11, 169, 170

Франция 278—280, 282, 336, 339, 341, 390,
392, 395

Хиос, о-в 213

Хлынов *см. также* Вятка 181

Хозьюга, р. 65

Холмогорский уезд 13

Холмогоры, г. 61, 88

Хорошево, с. 220

Царьград *см.* Константинополь

Чернево, с. 219

Чигирин, г. 135, 138, 260

Шацкий уезд 100

Швеция 3, 5, 6, 10, 11, 24, 34, 90, 114, 130,
134, 139, 145, 158—161, 163, 167—170,
172, 173, 218, 276, 277, 282, 285, 286, 295,
298, 305, 307, 314—317, 321, 362, 369,
371, 375, 378, 388, 392, 395, 396

Шексна, р. 264, 345, 352, 359, 360

Шклов, г. 163, 367

Шуйка, волость 353

Эстляндия 160

Юрьев Польский, г. 234, 284

Юрьевец Повольский, г. 106, 120, 284

Юрьево, оз. 36

Ядрин, г. 284

Ям, г. 34, 173

Ярославль, г. 6, 240, 249, 264, 351, 360, 364

Яхрома, р. 352, 353, 360

Содержание

Предисловие 3

Хронология событий 5

Введение 7

Глава 1. Россия после Смутного времени 9

Глава 2. Развитие книгопечатания и его последствия 32

Глава 3. Возвышение Никона 53

Глава 4. Начало царствования Алексея Михайловича 67

Глава 5. Новгородское дело 83

Глава 6. Поставление на патриаршество 97

Глава 7. Церковная реформа 113

Глава 8. Религиозная война 130

Глава 9. Моровое поветрие 147

Глава 10. Балтийский вопрос 158

Глава 11. Никон и духовенство 174

Глава 12. Никон и власти 189

Глава 13. Дело Никона 203

Глава 14. Наследие Никона 227

Глава 15. Ссылка 249

Глава 16. Последний путь 263

Заключение 269

Примечания 281

Список сокращений 281

Приложения

Приложение 1. Расширенная редакция Лейденской брошюры 339

Приложение 2. Отписки Новгородского митрополита Никона царю Алексею Михайловичу о восстании в Новгороде и Пскове 346

Приложение 3. Отписки Новгородского митрополита Никона и князя И. Н. Хованского царю Алексею Михайловичу во время похода в Соловецкий монастырь за мощами святого митрополита Филиппа 350

Приложение 4. Донесения шведского резидента Иоганна де Родеса о состоянии дел в Московском государстве 362

Приложение 5. Поучение патриарха Никона священному чину и причетникам 372

Приложение 6. Выдержка из шведского донесения, посланного из Нарвы о ссоре царя с патриархом 375

Список литературы 377

Указатель имен 397

Указатель географических и этнических названий 409

Лобачев С. В.

Патриарх Никон. — Санкт-Петербург: «Искусство—СПБ». 2003. — 416 с., ил.; 8 с. цв. ил.

ISBN 5-210-01561-0

Эта книга — историческое исследование о времени патриарха Никона, одного из выдающихся церковных деятелей России XVII в. Ее автор — преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук С. В. Лобачев — на основе широкого круга источников рассматривает не только биографию патриарха, но и политическую историю, взаимоотношения государства и церкви, международную политику, культуру переходного периода. Шесть лет патриаршества Никона (1652—1658) были насыщены событиями, ни одно из которых не происходило без личного участия владыки. Пользуясь поддержкой царя Алексея Михайловича, Никон сосредоточил в своих руках огромную власть. Однако кризис старомосковского мировоззрения, вызванный культурным конфликтом XVII в., привел к ослаблению роли церкви и низложению патриарха. В новое время религиозные идеи теряли свое прежнее значение, уступая место рационализму эпохи Просвещения.

Монография снабжена справочным аппаратом, подробным списком литературы и приложениями, в которые вошли несколько исторических источников, впервые введенных в научный оборот. Книга адресована специалистам-историкам, абитуриентам, а также всем, кто интересуется историей Русского государства и Русской церкви.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43*Научно-популярное издание*

Сергей Владимирович Лобачев **Патриарх Никон**

Редактор *О. Н. Нечипуренко*Технический редактор *Н. Н. Баранова*Компьютерная верстка *С. Л. Пилипенко*Корректор *Л. Н. Борисова*

ЛР № 000024 от 09.10.1998 г.

Подписано в печать 25.11.2002. Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Garamond. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,45. Усл. кр.-отт. 37,05. Уч.-изд. л. 28,87. Тираж 2000 экз. Заказ № 3802

Издательство «Искусство—СПБ». 191014, Санкт-Петербург, Саперный пер., 10, оф. 8.

Отпечатано с диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН. 199034 Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Эта книга — историческое исследование об одном из самых выдающихся церковных деятелей России. Шесть лет патриаршества Никона (1652—1658) были насыщены значимыми событиями, почти ни одно из которых не происходило без участия владыки. Никогда прежде и никогда в будущем московский патриарх не имел такого сильного влияния на дела церкви и политику государства. Смелые, порой противоречивые деяния Никона не получили однозначной оценки ни у современников, ни у потомков.

Автору книги удалось на основе широкого круга документальных источников не только изложить биографию Никона, но и представить его личность как олицетворение всего XVII века с его "бунташным" духом, религиозным шатанием и иноземным "соблазном".

ISBN 5-210-01561-0

9 785210 015617

«Искусство—СПб»